

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ РОССИИ

ХII · НАЧАЛО ХХ в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАУКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

**ЛЮБОМИР ГРИГОРЬЕВИЧ
БЕСКРОВНЫЙ**

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ РОССИИ

ХII • НАЧАЛО ХХ В.

*Сборник статей
к 70-летию профессора
Любомира Григорьевича
БЕСКРОВНОГО*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1975

Сборник статей «Историческая география России. XII — начало XX в.» состоит из трех разделов: в первом из них (*Территория и население*) публикуются статьи о границах «Вятчей» в XII в., о маршрутах походов русских князей на государство волжских булгар в XII — первой трети XIII в., о географии Второй Крестьянской войны, о географии групповых рабочих сборов на газету «Правда» в 1912 г. и другие статьи. Во второй раздел (*Экономическая историческая география*) вошли статьи об общественном разделении труда в Русском государстве XVII в., торговых связях Астрахани в начале XVIII в., о размещении сельскохозяйственных обществ в дореволюционной России и другие статьи. В третьем разделе (*Источниковедение исторической географии*) помещены работы о картографическом источниковедении, о записке сенатора Н. Е. Муравьева о развитии коммерции и путей сообщения в России в 60-е годы XVIII в. и др.

Сборник статей по исторической географии издается к 70-летию видного советского ученого, заслуженного деятеля науки РСФСР, профессора, доктора исторических наук Любомира Григорьевича Бескровного.

Редакционная коллегия:

академик А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ (ответственный редактор),
академик Б. А. РЫБАКОВ, академик Л. В. ЧЕРЕПНИН,

доктора исторических наук
В. И. БУГАНОВ (заместитель ответственного редактора), Е. И. ИНДОВА,
кандидаты исторических наук
Я. Е. ВОДАРСКИЙ, М. Я. ВОЛКОВ

Бригадир сборника — Н. В. СЕРГЕЕВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Содержащиеся в сборнике статьи, основанные на изучении архивных и опубликованных источников, освещают неразработанные или малоисследованные вопросы исторической географии дооктябрьского периода отечественной истории.

Сборник приурочен к 70-летию Любомира Григорьевича Бескровного — доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР, выдающегося ученого, обогатившего советскую историческую науку ценными трудами по ряду важнейших проблем. Среди них большое место занимают работы по исторической географии Отечества; этой проблемой ученый интересуется в течение уже трех десятилетий, а в последние годы она занимает одну из ведущих мест в его творческой деятельности.

Сборник открывается статьей о творческом пути Л. Г. Бескровного и списком его опубликованных трудов.

В первом разделе помещен цикл работ, посвященных изучению территории и населения России. Выяснение местоположения летописного города Домагощ (в связи с проблемой границ «Вятчей» в XII в.) — предмет тщательного исследования А. К. Зайцева. В. А. Кучкин прослеживает пути русских войск во время походов в Волжскую Булгарию в XII — первой трети XIII в., В. Д. Назаров — формирование и изменение территории Дмитровского удельного княжества в XIV—XV вв., Н. Б. Шеламанова по-новому показывает границы Серпейского уезда в XVII в. в связи с изучением условий Поляновского мира 1634 г.

Размещение епархий, монастырей (по уездам) и церквей в России второй половины XVII — начала XVIII в. характеризуется в статье Я. Е. Водарского. Она вносит немало исправлений в цифровые данные о количестве церковных организаций и дворов крепостных крестьян, находившихся в их владении.

Сильными сторонами работ являются обзор и критический анализ использованных источников (в значительной степени — архивных), наличие ценных таблиц.

Б. В. Тихонов тщательно анализирует данные земской подворной переписи 1899 г. с целью выяснения миграции фабрично-заводских рабочих Шуйского уезда Владимирской губернии. В центре его внимания — проблема неземледельческого отхода, которой большое значение придавал В. И. Ленин, исследуя процесс развития капитализма в пореформенной России.

Проблема классовой борьбы и революционного движения в России затрагивается в историко-географическом аспекте в двух статьях. В первой из них (В. И. Буганов) вносятся уточнения в карты, посвященные действиям восставших в годы Второй Крестьянской войны (вторая половина 60-х — начало 70-х годов XVII в.), во второй (Н. А. Курашова) анализируется «география» групповых сборов на издание «Правды» в 1912 г. Выявленные ею данные имеют важное значение для оценки той огромной роли, которую сыграла ленинская «Правда» в сплочении рабочих вокруг большевистской партии.

Статьи второго раздела посвящены экономической исторической географии. А. А. Преображенский на примере Урала и Западной Сибири XVII в. исследует исключительной важности проблему углубления общественного разделения труда в стране, промышленно-торговой специализации ее населения в «новый период русской истории», к которому относится начало генезиса буржуазных отношений в России. Две статьи посвящены русским городам первой четверти XVIII в.: М. Я. Волков обработал данные первой ревизии о городах Тверской провинции, о численности и занятиях их населения, его сословном и социальном составе; А. И. Юхт изучил по таможенным книгам торговые связи Астрахани в 20-е годы с Поволжьем, крупнейшей в стране Макарьевской ярмаркой и Москвой — центром складывавшегося всероссийского рынка. Обе статьи дают материал, свидетельствующий о производственной специализации отдельных районов страны, о буржуазном расслоении среди посадских жителей. И. А. Булыгин по архивным данным характеризует хозяйство и доходы крупных архиерейских домов и монастырей в первой четверти XVIII в. Важное значение Вышневолоцкого водного пути для народного хозяйства России второй половины XVIII — начала XIX в. показано в работе Э. Г. Истоминой. И. Т. Довженко рассмотрел малоисследованный в историографии вопрос о сельскохозяйственных обществах начала XX в.

Последний, третий, раздел включает несколько работ источниковедческого профиля. Л. А. Гольденберг рассматривает некоторые общие вопросы картографического источниковедения. С. М. Троицкий анализирует записку сенатора Н. Е. Муравьева о развитии в стране коммерции и путей сообщения, Е. И. Индова — обнаруженную ею ведомость с данными о количестве мануфактур на 1775 г.

Редакционная коллегия выражает надежду, что издание сборника послужит делу дальнейшего развития исторической географии России.

Редколлегия выражает глубокую признательность рецензентам: доктору исторических наук В. А. Александрову и кандидату исторических наук В. И. Корецкому, всем товарищам, принимавшим участие в обсуждении сборника или отдельных статей.

ЛЮБОМИР ГРИГОРЬЕВИЧ БЕСКРОВНЫЙ. ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ

В. И. Буганов

27 сентября 1975 г. исполнилось 70 лет со дня рождения Любомира Григорьевича Бескровного — выдающегося специалиста в области военной истории, источниковедения и историографии военной истории России дооктябрьского периода, профессора, доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки РСФСР. Автор фундаментальных исследований по отечественной истории, пионер в разработке ряда направлений советской исторической науки Л. Г. Бескровный по праву занимает почетное место в ряду виднейших ее представителей, является одним из ведущих ученых-историков нашей страны.

Л. Г. Бескровный родился 27 сентября 1905 г. в Харькове в семье учителей народной школы. Вскоре вместе с родителями он переезжает на Северный Кавказ в Краснодар, где в 1915—1923 гг. учится в средней школе, одновременно (в 1922—1923 гг.) преподает в школе для взрослых. В 1923—1930 гг. продолжает учебу в Кубанском пединституте, где закончил два отделения — общественно-экономическое (историческое) и литературно-лингвистическое. Продолжается его педагогическая деятельность (1927—1930 гг.) в качестве преподавателя обществоведения (в те годы этот предмет назывался иначе: история классовой борьбы) в Краснодарском педтехникуме и Краевой опорной школе (в ней же работал заведующим учебной частью); по совместительству исполнял обязанности научного сотрудника, затем — директора Кубанского краеведческого музея (1929—1931 гг.).

В 1931—1933 гг. Л. Г. Бескровный работает в Орджоникидзе, сначала ассистентом, потом и. о. доцента по истории педагогики во 2-м Северокавказском пединституте и Сельскохозяйственном институте. Практическая педагогическая, научно-просветительская работа сопровождалась научно-литературной деятельностью. В 1931 г. Л. Г. Бескровный опубликовал (в соавторстве) два учебника по обществоведению. В 30-х годах вышли в свет его работы (некоторые из них тоже в соавторстве) по вопросам педагогики и культурно-просветительной работы, отвечавшие задачам перестройки работы советской школы. Они характеризуют первый этап его научной деятельности, которая протекала в ряде учреждений Москвы, куда он переехал в 1933 г.: он был директором кабинета педагогического образования Московского городского отдела народного образования (1933—1934 гг.), старшим научным сотрудником по программным и методическим вопросам Управления учителей Наркомпроса РСФСР (1934—1938 гг.), заместителем директора по научной и учебной работе Московского филиала Библиотечного института (1938—1942 гг.). Во время работы в Наркомпросе Л. Г. Бескровный закончил Московский марксистско-ленинский университет. Тогда же он усиленно разрабатывал тему о горских школах в историческом аспекте. В 1940 г. защитил в Педагогическом институте им. К. Либкнехта диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Написание диссертации «Горские школы на Северном Кавказе в XIX—XX вв.» и ее защита явились результатом пристального

интереса Л. Г. Бескровного к истории просвещения, образования и истории педагогики.

С началом Великой Отечественной войны Библиотечный институт эвакуируется в Башкирскую АССР. Здесь Л. Г. Бескровного призывают в армию. Закончив краткосрочные офицерские курсы «Выстрел» и стрелково-пулеметное училище, он получил в 1943 г. направление на Юго-Западный фронт. В том же году его отзывают с фронта и направляют в Московское стрелково-пулеметное училище, в котором он работает преподавателем истории военного искусства (1943—1944 гг.). С 1944 г. начинается его долгая преподавательская деятельность на кафедре истории военного искусства Военной Академии им. М. В. Фрунзе (1944—1955 гг.) — сначала в должности старшего преподавателя и заместителя начальника кафедры, затем ординарного профессора. По совместительству он работает старшим научным сотрудником, затем заведующим Сектором военной истории Института истории АН СССР (1948—1951 гг.), старшим научным сотрудником Сектора истории СССР периода феодализма того же Института (1951—1962 гг.), в 1962—1968 гг. возглавляет Отдел истории СССР дооктябрьского периода, с 1968 г. до настоящего времени руководит работой Отдела историографии и источниковедения, Сектора исторической географии и Комиссии по составлению Свода памятников истории и культуры.

После окончания войны Л. Г. Бескровный полностью переключается на разработку военно-исторической тематики. Он публикует десятки статей, брошюр, книг, лекционных курсов и других работ по различным проблемам военной истории СССР и зарубежных стран периода феодализма и капитализма, историографии и источниковедения военного искусства.

В 1950 г. Л. Г. Бескровный защитил докторскую диссертацию на тему «Строительство русской армии в XVIII в.», а в следующем году ему было присвоено ученое звание профессора.

В 1955 г. по выслуге лет Л. Г. Бескровный уволился в запас в чине полковника и стал работать только в Институте истории АН СССР. Продолжая уже четвертое десятилетие углубленно разрабатывать военно-исторические проблемы, он в то же время расширяет сферу своих научных интересов. В качестве автора и редактора ученый включается в подготовку фундаментальных академических трудов по отечественной истории: «Очерки истории СССР. Период феодализма», «История СССР с древнейших времен до наших дней», вузовских учебников и ряда других изданий, работает членом редколлегии журналов, периодических сборников («Советские архивы», «Исторические записки»), редактором-консультантом Советской исторической энциклопедии. Л. Г. Бескровный — член Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, научно-методических советов Министерств культуры СССР и РСФСР. Он принимает деятельное участие в разработке документов по охране памятников истории и культуры. С 1971 г. является действительным членом Советского комитета ИКОМОС (Международного совета по вопросам памятников и достопримечательных мест).

Важное место в его творчестве последних лет занимают проблемы исторической географии, внешней политики России, в частности формирования русских границ, начиная с XVII в.

Под руководством Л. Г. Бескровного десятки аспирантов защитили кандидатские и докторские диссертации, он известен как популяризатор исторических знаний среди широких масс читателей.

Разносторонняя и плодотворная научная, педагогическая и общественная деятельность ученого нашла признание: Л. Г. Бескровный награжден орденами Трудового Красного Знамени, Знак Почета и различными медалями. В 1970 г. ему присвоено звание Заслуженного деятеля науки РСФСР.

Ученый-труженик, ученый-новатор, ученый-патриот Л. Г. Бескровный за четыре десятилетия научной деятельности создал фундаментальные труды по ряду проблем, которые вошли в золотой фонд отечественной исторической науки, стал основателем новых направлений. Его работы составляют ряд циклов научных исследований.

Первые десять лет научной деятельности Л. Г. Бескровный посвятил разработке проблем отечественной педагогики. Своими популярными книгами («рабочие книги») он и его соавторы внесли важный вклад в дело просвещения на Северном Кавказе. В дальнейшем Л. Г. Бескровный освещает на страницах специальных изданий самые различные вопросы педагогической работы в педтехникумах и педучилищах (учебная, воспитательная, краеведческая, составление программ и планов, проведение практики, значение и методы работы в так называемой базовой школе).

Не вдаваясь в разбор этой специальной области научных исследований Л. Г. Бескровного, направленных на повышение уровня подготовки студентов, будущих учителей, отмечу, что они основаны на материалах, характеризующих работу педтехникумов и педучилищ по существу в масштабе всей страны. Рассматривая вопросы организации и проведения педпрактики, Л. Г. Бескровный оперирует также данными о педагогическом деле в дореволюционной России и зарубежных странах (США, Англия, Германия и др.). Эти исследования, методические пособия лежали в магистральном русле перестройки работы высшей и средней школы, широко проводившейся в СССР в 30-е годы.

Изыскания по вопросам современной отечественной педагогики определили интерес Л. Г. Бескровного к изучению истории образования в нашей стране. В этом отношении представляет большой интерес его работа¹, в которой впервые в историографии рассмотрено развитие школьного образования на Северном Кавказе с XVIII в. (первая школа была открыта в Моздоке в 1764 г.) до начала XX в. Проследив историю основания и развития школ в этом регионе, автор пришел к выводу, что они сыграли крупную роль в сближении народов Северного Кавказа с Россией, в развитии экономики и культуры местного края.

Ряд трудов Л. Г. Бескровный посвятил военному образованию, обучению и воспитанию в России XVIII—XIX вв. Автор анализирует первые положения, инструкции и наставления, в которых Петр I и его сподвижники, исходя в первую очередь из отечественного опыта ведения военных действий и учитывая зарубежный опыт, разрабатывали вопросы боевой подготовки русских солдат и офицеров. Передовые для своего времени приемы обучения, применявшиеся в русской армии петровского времени, были одной из причин ее ратных успехов.

Л. Г. Бескровный характеризует военные школы петровского и послепетровского времени, в которых готовили офицеров для пехотных, артиллерийских, инженерных и других войск. При создании подобных школ исходили из внутренних потребностей страны; их выпускники показали высокие боевые качества во время Северной и Семилетней войн.

В нескольких работах Л. Г. Бескровный исследует военно-воспитательные приемы, применявшиеся великим русским полководцем А. В. Суворовым при обучении войск². Системе Суворова автор дает заслуженно

¹ Л. Г. Бескровный. Горские школы на Северном Кавказе в XIX—XX вв. М., 1940.

² Л. Г. Бескровный. Военно-воспитательная система А. В. Суворова.— «А. В. Суворов (Доклады, прочитанные 18 мая 1945 г. в день 145-летия со дня смерти А. В. Суворова)». М., 1946, стр. 62—88. См. также: Л. Г. Бескровный. Суворовская система обучения и воспитания войск.— «Красная звезда», 12 мая 1950 г.; он же [Рец.] А. В. Суворов. Полковое учреждение. М., 1949.— «Вопросы истории», 1950. № 2, стр. 123—124.

высокую оценку, отмечая, что она основывалась на идеях Петра I и П. А. Румянцева и развивала их дальше. В ходе своей «великой преобразовательной деятельности» Суворов создал собственную теорию и практику военного дела. В работе дается подробная характеристика тех методов, которые применял Суворов при обучении солдат наступательным действиям, действиям в ночное время, воспитанию у них храбрости, взаимовыручки и т. д., что получило замечательное выражение в знаменитой суворовской «Науке побеждать».

Столь же высокую оценку дает Л. Г. Бескровный и деятельности в этой области другого великого полководца — М. И. Кутузова³. Его взгляды формировались под влиянием идей П. А. Румянцева и А. В. Суворова. Как и они, основной силой в армии Кутузов считал солдата, в обучении и воспитании которого главную роль должен играть нравственный элемент (понимание своей высокой роли защитника отечества); большое значение имеет знание военного дела. С огромным вниманием относился он к воспитанию командного состава, сам вел преподавательскую работу в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе.

В докладе на XIII Международном конгрессе историков Л. Г. Бескровный осветил проблему военного образования в России XIX в. в целом⁴. В нем он характеризует подготовку офицерских кадров, приводит статистические сведения о количестве военных учебных заведений, числе учащихся из дворян и других сословий.

Одной из основных, магистральных тем в научном творчестве Л. Г. Бескровного является история русской армии и флота в XVIII—XIX вв. Прежде всего отмечу внимание к таким важным вопросам этой проблемы, как создание экономической основы, материально-технической базы для развития вооруженных сил страны, их комплектование, организация, управление, боевая подготовка, производство вооружения, боеприпасов, наконец, развитие военного искусства в ту или иную эпоху. Таким образом, можно отметить комплексный подход исследователя к изучению истории русской армии и флота. Уже в одной из своих ранних работ он детально знакомит читателя с деятельностью русских предприятий, обеспечивавших армию и флот в первой половине XVIII в.⁵ Л. Г. Бескровный характеризует большие успехи в этой области по сравнению с XVII в. Россия в середине XVIII в. вышла на первое место в мире по выплавке металла, и это сразу же сказалось на техническом прогрессе в области военного дела (создание лучших в Европе образцов гладкоствольного оружия, нарезного оружия и стальных пушек, не получивших, впрочем, распространения из-за отсутствия более сильного бездымного пороха). Была создана база для решения стоящих перед государством военных и внешнеполитических задач во время Семилетней и русско-турецких войн.

Широкий круг вопросов, относящихся к истории русской армии и флота XVIII в., рассмотрен в монографии Л. Г. Бескровного⁶ — первом в отечественной историографии обобщающем исследовании на эту тему. Давая высокую оценку военным реформам на рубеже XVII и XVIII вв.,

³ Л. Г. Бескровный. Кутузов как воспитатель русских войск. — «М. И. Кутузов». Материалы Юбилейной сессии военных академий Красной Армии, посвященные 200-летию со дня рождения М. И. Кутузова. М., 1947, стр. 161—170; см. также: «История военного искусства», Сборник материалов, вып. II. М., 1951, стр. 180—186.

⁴ Л. Г. Бескровный. Военное образование в России в XIX веке. Доклад на Секции сравнительной военной истории XIII Международного конгресса историков. М., 1970.

⁵ Л. Г. Бескровный. Производство вооружения и боеприпасов на русских заводах в первой половине XVIII в. — «Исторические записки», т. 36, стр. 101—141.

⁶ Л. Г. Бескровный. Русская армия и флот в XVIII в. (Очерки). М., 1958. См. рецензии Ю. Р. Клокмана («Вопросы истории», 1960, № 1, стр. 159—165), А. А. Строкова («История СССР», 1959, № 6, стр. 169—172) и др.

автор справедливо отмечает, что в их основе лежал опыт в организации армии, накопленный в XVII в. Русская регулярная армия, созданная при Петре I на основе рекрутских наборов, была армией национальной в отличие от ряда западноевропейских, в которых немалую роль играли наемники. Л. Г. Бескровный с позиций марксистско-ленинской методологии обоснованно критикует русскую дворянско-буржуазную историографию, представители которой, рассматривая историю вооруженных сил, отводили главное место деятельности гениальных полководцев и флотоводцев, писали о вечности и неизменности принципов военного искусства, не признавали или замалчивали классовый характер комплектования и организации армии и флота, сильно преувеличивали влияние иностранного опыта в строительстве русских вооруженных сил. Л. Г. Бескровный выявляет закономерности в развитии военного дела, изменения в способах и формах ведения войн в зависимости от социально-экономических условий, развития производительных сил, изменения социальной структуры общества. Показывая успехи военной экономики, военного дела в целом, автор в то же время подчеркивает тезис о тормозящем влиянии феодально-крепостнических отношений, которое начинает заметно сказываться в конце XVIII столетия.

Русская армия и флот XVIII в. носили классовый характер, и это сказывалось на их комплектовании (солдаты и матросы — из крестьян и городских ремесленников, офицеры — из дворян), обучении рядовых и офицеров, их взаимоотношениях во время службы, в классовой борьбе в армии и на флоте. Вооруженные силы России являлись мощной опорой феодально-крепостнического абсолютистского государства.

Периодизация рассматриваемой проблемы (1-й период: 1700—1760 гг.; 2-й период: с 60-х годов XVIII в. до конца XVIII в.) отражает зарождение с 60-х годов нового, по существу, буржуазного способа ведения военных действий — появление тактики колонн и рассыпного строя (наряду с существовавшей и ранее линейной тактикой). Это было обусловлено важными изменениями в социально-экономическом развитии страны — формированием капиталистического уклада в ее экономике.

Немало страниц книги посвящено описанию войн, которые вела Россия в XVIII в., деятельности великих русских полководцев и флотоводцев, под руководством которых рядовые солдаты и матросы, главные герои сухопутных батальонов и морских сражений, прославили Отечество в борьбе с иноземными захватчиками за решение национальных задач, поставленных перед Россией самой жизнью.

Отмечу широкую источниковедческую базу книги, в которой использовано большое количество разнообразных источников, прежде всего архивных. Автор впервые вводит в научный оборот ценные данные о комплектовании армии и флота, производстве вооружения и боеприпасов. Учтена также предшествующая военно-историческая литература.

Вопросы стратегии и тактики русской армии XVIII в. разрабатываются и в других работах Л. Г. Бескровного. Они посвящены Полтавской битве 1709 г., Семилетней войне, деятельности А. В. Суворова. Рассматривая подробно ход военных кампаний 1708 и 1709 гг., автор, отметив особенности тактических действий шведской и русской армий, показал просчеты стратегического характера в действиях шведов, низкий моральный уровень их армии, воевавшей в чужой стране, и, наоборот, четкость, ясность и простоту стратегических планов русского военного руководства, высокие боевые и моральные качества русских солдат, большое значение действий партизан в тылу врага. Высокий уровень военного искусства автор отмечает применительно к Северной и Семилетней войнам, к боевым действиям суворовских армий. Л. Г. Бескровный правомерно ставит вопрос о необходимости изучать организацию тыла во время войн, которые вела Россия, характеризовать материально-техническую сторону дела. Особое внимание уделяет он новаторским идеям и действиям

А. В. Суворова в области стратегии и тактики, его военно-педагогической системе.

В последние годы Л. Г. Бескровный успешно разрабатывает историю русской армии и флота в XIX в. Прежде всего отмечу его монографию, в которой на огромном материале источников, преимущественно неопубликованных, детально разрабатываются применительно к этому времени важнейшие вопросы указанной темы⁷. В книге освещаются вопросы организации, состава, комплектования и управления армией, ее боевой подготовки. Автор исследует также общественно-политическое движение среди солдат, матросов и офицеров. Поскольку, по словам Ф. Энгельса, развитие военного дела зависит «от материальных, т. е. экономических, условий: от человеческого материала и от оружия, следовательно — от качества и количества населения и от техники»⁸, автор начинает с данных о численности населения мужского пола, которое в течение столетия выросло с 18,7 млн. человек до 66,5 млн. человек. Такой рост давал возможность иметь большую по тем временам армию. Немалую роль сыграла в этом плане и военная реформа 1862—1874 гг., которая ввела всеобщую воинскую повинность, тогда как до нее рекрутские наборы не позволяли иметь необходимое число солдат, особенно в военное время, и обученный резерв (власти прибегали к созыву народного ополчения). Превращение полуфеодальной армии в буржуазную сыграло положительную роль, хотя и носило непоследовательный характер (освобождение некоторых категорий от воинской службы, комплектование офицерского корпуса преимущественно из числа дворян).

Л. Г. Бескровный подробно, с привлечением большого числа цифровых данных, таблиц, диаграмм, рассматривает численность русской армии в целом и ее отдельных составных частей (пехота, кавалерия, артиллерия, инженерные части и др.), их состав и организацию (роты, батальоны, полки, дивизии, корпуса, армии, военные управления, военные округа, Военное министерство). Вызывает интерес раздел о такой форме организации и комплектовании вооруженных сил, как ополчение. В России оно было создано в 1806—1807 гг. Автор сообщает, что предполагалось собрать 612 тыс. человек, но ополчение в 1807 г. было сокращено до 200 тыс. чел. и пошло на пополнение регулярных войск, а в 1812 г. насчитывало около 319 тыс. человек.

В главах о боевой подготовке войск немалое место занимают вопросы строевой и полевой подготовки солдат, подготовки унтер-офицерских и офицерских кадров, деятельности военных школ и академий. Особое внимание привлекают параграфы, посвященные развитию военно-теоретической мысли — в первой половине XIX в. ее представители обосновывали ударную или глубокую тактику колонн и рассыпного строя, во второй половине — тактику стрелковых цепей, писали о боевой подготовке и воспитании воинов, вооружении армии новым оружием. В развитии военной теории немалую роль сыграли труды декабристов (И. Г. Буржов, П. И. Пестель, Н. М. Муравьев и др.), генералов Н. В. Медема, Ф. И. Горемыкина, издававшиеся с середины столетия военные журналы «Военный сборник» (в числе его редакторов был Н. Г. Чернышевский), «Артиллерийский журнал», «Оружейный сборник», «Педагогический сборник», работы Г. А. Леера, М. И. Драгомирова. Особое значение имеют труды М. И. Драгомирова — создателя военной педагогики, разработавшего систему боевой подготовки, исходя из принципов тактики стрелковых цепей, ставшей необходимой в эпоху перехода от гладкоствольного оружия к нарезному. Развивая суворовские принципы, он большое значение в воспитании солдат отводил моральному фактору, нравственному началу,

⁷ Л. Г. Бескровный. Русская армия и флот в XIX в. (Военно-экономический потенциал России). М., 1973.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 175.

сознательности и дисциплине, воспитанию чувства чести, товарищества, взаимной выручки. В то же время эти и другие идеи, передовые для своего времени, были направлены на укрепление существующего порядка.

В разработке важнейших проблем военного дела участвовали, таким образом, многие крупные специалисты. А среди профессоров военных академий трудились выдающиеся ученые — Д. И. Менделеев, Д. К. Чернов, Ц. Кюи (известный член «Могучей кучки»), С. П. Боткин, И. М. Сеченов, Н. Н. Зинин, Н. И. Пирогов, Н. В. Склифосовский и др.

Самостоятельное значение в первом разделе имеет большая глава об общественно-политическом движении в армии и на флоте. Исходя из ленинской периодизации революционного движения в России, Л. Г. Бескровный показывает, что армия и флот были активными участниками освободительного движения на всех трех этапах — дворянском, революционно-демократическом и пролетарском.

Принципиальное значение имеет второй раздел, рассказывающий о производстве и обеспечении войск стрелковым оружием, артиллерией и боеприпасами. Речь идет, таким образом, о важной отрасли хозяйства в общей системе народного хозяйства России — ее военной экономике. По заключению Л. Г. Бескровного, военная промышленность России, ее конструкторы в целом справлялись с поставленными перед ними в XIX в. задачами. Они осуществили переход от гладкоствольных ружей и пушек к нарезному дальнобойному оружию; отечественные конструкции ружей и пушек в ряде случаев превосходили зарубежные образцы (в частности, винтовки А. П. Горлова и С. М. Мосина). Были созданы новые сорта железа и стали, новые взрывчатые вещества (например, изобретение нитроглицерина Н. Н. Зининым и В. Ф. Петрушевским, динамита — В. Ф. Петрушевским, пироксилина — А. А. Фадеевым, бездымного пороха — Д. И. Менделеевым и др.).

Однако уже в конце XIX в. выявилось несоответствие между объемом выпускаемой военной продукции и потребностями войск. Армия быстро росла и превращалась в массовую, количество же военных предприятий увеличивалось медленно. В результате к началу XX в. «военная промышленность оказалась неподготовленной к решению новых задач»⁹.

Проблемы, аналогичные рассмотренным выше, затрагиваются и в главе, посвященной военно-морскому флоту. Русский паровой броненосный флот второй половины XIX в., пришедший на смену парусному, был создан отечественной «вполне современной судостроительной промышленностью». Русский флот продолжал и развивал боевые традиции XVIII в. В первой половине XIX в. в составе флота были выдающиеся флотоводцы М. П. Лазарев, В. А. Корнилов, П. С. Нахимов, В. И. Истомин, Г. И. Бутаков, известные мореплаватели и исследователи И. Ф. Крузенштерн, Ю. Ф. Лисянский, Ф. Ф. Беллинсгаузен, Г. И. Невельской, Ф. П. Врангель и др. Ко второй половине столетия относится деятельность выдающегося флотоводца адмирала С. О. Макарова, погибшего во время русско-японской войны 1904—1905 гг.

Важен вывод автора о нарастающем участии армии и флота (сначала — преимущественно передовых офицеров, затем — солдат и матросов) в освободительном движении. Во второй половине XIX в. в революционное движение были вовлечены широкие круги солдат и матросов и уже приближалось то время, пишет Л. Г. Бескровный, «когда армия и флот перестанут быть надежной опорой царизма»¹⁰.

Книга Л. Г. Бескровного вызывает уважение читателя насыщенностью огромным фактическим материалом и широтой постановки и решения вопросов как в тематическом, так и в хронологическом разрезах.

⁹ Л. Г. Бескровный. Русская армия и флот в XIX веке, стр. 398.

¹⁰ Там же, стр. 608.

В ряде трудов Л. Г. Бескровный исследует историю войн и военного искусства России XVIII—XIX вв.

Наибольшее количество работ этого цикла посвящено излюбленной теме ученого — Отечественной войне 1812 г., ее предпосылкам, zahraniчному походу 1813 г. В двух брошюрах дается обзор военных действий, предшествовавших «грозе двенадцатого года»¹¹. Широко известны две книги Л. Г. Бескровного об Отечественной войне 1812 г. Их написание и публикация — замечательный вклад выдающегося ученого-патриота в изучение одной из славных страниц военной истории Родины¹². По существу это — два самостоятельных капитальных труда. В них детально, с привлечением обширного круга источников, русских и иностранных, опубликованных и архивных, анализируются вопросы подготовки войны, силы и планы обеих сторон, ход боевых действий от начала войны до окончательного разгрома французской армии. Во второй из названных монографий, помимо общего увеличения объема в три раза (37 печатных листов вместо 12,4), добавлены новые главы и разделы об отечественной и зарубежной историографии, материально-технических ресурсах русской армии и др. Она подводит итог изучению Отечественной войны 1812 г. в дооктябрьской и советской историографии. В ней подробно раскрываются причины войны, ее национально-освободительный характер. Показ влияния экономики, в первую очередь военной промышленности, морального фактора, патриотического подъема народов России на ход войны и ее успешное завершение составляет замечательную особенность этих книг. Л. Г. Бескровный пристально изучает действия не только главной армии М. И. Кутузова, но и тех военных частей, которые воевали на вспомогательных направлениях, борьбу многочисленных партизанских отрядов против иноземных захватчиков. Он показывает, что победа в 1812 г. явилась результатом массового героизма простых солдат, полководческого искусства М. И. Кутузова и других генералов и офицеров.

Важное значение имеет серия статей Л. Г. Бескровного по той же теме. В них показывается огромное историческое значение Отечественной войны 1812 г., величие подвига русского и нерусских народов в победе над сильным врагом. Помимо подведения итогов, автор ставит задачи дальнейших исследований¹³: подготовка капитальных трудов о роли экономического фактора в Отечественной войне 1812 г., участия в ней широких народных масс, в частности действий партизанских отрядов, агитационной работе русской армии в ходе войны, военно-политической публицистике, о политических и экономических последствиях войны, ее влиянии на формирование вольнолюбивых идей в среде русского офицерства преддекабристской поры.

Исключительное значение имеет издание источников по Отечественной войне 1812 г. под руководством Л. Г. Бескровного. В этих изданиях он выступает в качестве редактора, автора вводных очерков. Наконец, Отечественной войне 1812 г. посвящены научно-популярные работы, главы в учебниках и коллективных трудах. В них с той или иной степенью подробности затрагиваются события zahraniчного похода 1813 г., закончившегося освобождением ряда народов Западной Европы от наполеоновского ига и вступлением русских войск в Париж. Одному из выдающихся событий этого времени, «битве народов» под Лейпцигом, посвящено особое исследование.

Несколько трудов создал Л. Г. Бескровный о более поздних событиях

¹¹ Л. Г. Бескровный. Действия русской армии против Наполеона в Восточной Пруссии в 1806—1807 гг. Конспект лекций. М., 1946; он же. Русское военное искусство в начале XIX в. Лекции. М., 1950.

¹² Л. Г. Бескровный. Отечественная война 1812 г. и контрнаступление Кутузова. М., 1951; он же. Отечественная война 1812 г. М., 1962.

¹³ Л. Г. Бескровный. Отечественная война 1812 г. (Некоторые итоги изучения и задачи дальнейших исследований). — «Вестник АН СССР», 1962, № 9, стр. 97—103.

русской военной истории XIX в. — Крымской войне, русско-турецкой войне 1877—1878 гг. В них тоже присутствует характерное для автора стремление дать всестороннее, комплексное исследование истории войн. Помимо рассмотрения хода военных действий, характеристики военного мастерства солдат и полководцев, выясняются причины войн, их подготовка, силы воюющих сторон, организация и вооружение русской армии, влияние этих войн на судьбы народов России и других стран. Эти черты характерны для его монографии о русском военном искусстве XIX в.¹⁴ Она посвящена проблемам стратегии и тактики и органически связана с его книгой «Русская армия и флот в XIX в.» Раскрывая связь между войной и политикой, автор показал классовую основу войн России в XIX в. В то же время он выявил характер каждой из войн и показал сложный процесс их перерастания из реакционно-охранительных (война 1805 г.) в национально-освободительные (войны 1812 г., 1813—1814 гг.). Автор, характеризуя войны второй половины XIX в., исходит из ленинской оценки. Ленин писал, что объективным содержанием этих войн «были буржуазно-национальные движения или «судороги» освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества»¹⁵.

Важной стороной работы является выявление национальных черт и особенностей русского военного искусства, на которое оказывали влияние исторические традиции, с одной стороны, и уровень военно-технического развития, с другой. По словам Ф. Энгельса, «национальный характер, исторические традиции и особенно различный уровень цивилизации создают много различий и порождают характерные для каждой армии ее сильные и слабые стороны»¹⁶.

Автор показывает, что базой тактики колонн и рассыпного строя и стратегии системы сражений явились усовершенствованное гладкоствольное стрелковое оружие и гладкоствольная артиллерия.

Стратегические задачи стали решать крупные массы войск, способные действовать на всем театре войны. Тем самым войну можно было выиграть теперь лишь путем системы сражений, а не с помощью одного лишь генерального сражения.

Автор характеризует дальнейшее развитие стратегической концепции взаимодействия сухопутного и морского театров войны (войны 1806—1807 гг. и 1828—1829 гг.), деятельность выдающихся полководцев и флотоводцев М. И. Кутузова и П. И. Багратиона, М. Б. Барклай-де-Толли и Д. Н. Сенинина, В. А. Корнилова и П. С. Нахимова, этих новаторов военного и военно-морского искусства. Новый этап развития русского военного и военно-морского искусства связан с появлением новых средств борьбы, строительством железных дорог и введением технических средств связи (телеграфа и телефона), принятием на вооружение нарезного казнозарядного дальнобойного стрелкового оружия и казнозарядной стальной артиллерии.

В ходе войны с Турцией 1877—1878 гг. русская армия одержала замечательные победы и показала свою способность решать сложные стратегические и тактические задачи. Последующее развитие науки и техники на рубеже XIX—XX вв. выдвинуло ряд новых задач в области оснащения армии и флота новой техникой. Отставание России в это время имело следствием, как показывает Л. Г. Бескровный, неподготовленность России в военном отношении по вине царизма, который, по словам В. И. Ленина, «оказался помехой современной, на высоте новейших требований стоящей, организации военного дела...»¹⁷.

Ряд исследований составляют особый источниковедческий цикл. Помимо упомянутых выше, под редакцией Л. Г. Бескровного, с его вводными

¹⁴ Л. Г. Бескровный. Русское военное искусство XIX в. М., 1974.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 144.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 11, стр. 436.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 156.

статьями опубликованы такие источники или целые их комплексы, как документы об адмирале Ф. Ф. Ушакове, фельдмаршале М. И. Кутузове, Отечественной войне 1812 г. и походе 1813 г. Методику работы с источниками, в частности архивными, Л. Г. Бескровный разрабатывает в специальных учебных пособиях. Ему же принадлежит обзор источников по военной истории, хранящихся в одном из центральных архивов (Центральный государственный военно-исторический архив в Москве). Но, конечно, главное достижение ученого в этой области — это две книги по военному источниковедению¹⁸. Как уже выше отмечалось, эти книги — первые в отечественной историографии обобщающие исследования, источниковедческие обзоры по военно-исторической теме. В них рассмотрены источники, дающие сведения о военном деле у восточных славян и в Древнерусском государстве (летописи и былины, «Русская Правда» и «Поучение» Владимира Мономаха, сообщения византийских, западноевропейских и восточных авторов). Далее речь идет о военно-исторических источниках периодов феодальной раздробленности, образования и развития единого Русского государства, Российской империи XVIII — первой половины XIX в., России периода капитализма и империализма. Хронологическая широта в охвате материалов, учет самых разнообразных источников (в том числе военно-теоретических, картографических и т. д.), характеристика архивных и других материалов — таковы, в самых кратких чертах, особенности этих работ Л. Г. Бескровного, прокладывающих и здесь новые пути в советской исторической науке.

Особо следует отметить подготовку и издание Л. Г. Бескровным (в качестве составителя или редактора) первых в советской историографии хрестоматии по военно-исторической проблематике (документы по военной истории X — начала XX в.) и нескольких атласов картографических материалов по истории войн и военного искусства. В «Атласе карт и схем», им составленном, впервые в специальной литературе дан картографический обзор русской военной истории со времени образования Древнерусского (Киевского) государства до русско-японской войны 1904—1905 гг. В нем дается материал не только о военных действиях за указанные столетия, но и об организации вооруженных сил и боевых порядков. При подготовке Атласа Л. Г. Бескровный проделал огромную по объему работу по изучению и обработке самых различных источников; на этой основе и были составлены многочисленные карты и схемы этого издания.

Столь же велико значение историографического труда Л. Г. Бескровного, тоже первого в военно-исторической литературе¹⁹. Автор, справедливо полагаящий, что военная история как самостоятельная отрасль исторической науки сложилась в XIX в., тем не менее отмечает накопление фактов по военной истории задолго до этого времени, например, в летописях и повестях феодальной эпохи отечественного прошлого. Затем он характеризует военно-историческую мысль XVIII в. Главное внимание автор уделяет военно-исторической науке XIX — начала XX в. Он рассматривает освещение в соответствующих трудах (общей исторических и специально военно-исторических) таких вопросов, как военная теория, характеристика военного дела в целом (история войн и военного искусства, состояние вооруженных сил и т. д.). Для книги тоже свойственны большой хронологический охват, широкая постановка проблемы, рассмотрение всего комплекса вопросов отечественной военной истории в освещении русских историков — от летописца Нестора до авторов военно-исторических трудов XIX — начала XX в.

---

¹⁸ Л. Г. Бескровный. Очерки по источниковедению истории русского военного искусства. М., 1954; он же. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957.

¹⁹ Л. Г. Бескровный. Очерки военной историографии России. М., 1962.

Упомяну также о работах по истории русской военно-теоретической мысли. Л. Г. Бескровный — ответственный редактор и автор ценных вводных статей к сборникам, включающим тексты работ русских военных деятелей XIX — начала XX в. о стратегии и тактике, обучении и воспитании. Ему же принадлежат работы о теоретических и исторических взглядах известного немецкого военного теоретика и историка К. Клаузевица.

В ряде коллективных трудов Л. Г. Бескровный обобщил достижения советских ученых в разработке истории войн и военного искусства XVII—XIX вв. в России и зарубежных странах.

В последние годы Л. Г. Бескровный, с одной стороны, продолжает занятия по изучению военно-исторической проблематики, с другой — расширяет сферу своих научных интересов, занимаясь разработкой новых проблем. Среди них в первую очередь следует назвать его исследования в области исторической географии, в определенной степени связанные с его трудами 40—50-х годов по военной картографии. Л. Г. Бескровный изучает различные виды картографических материалов, характеризует методы историко-географических исследований. Он — главный редактор подготавливаемого к изданию атласа истории СССР, ответственный редактор и автор вводной статьи к очень ценному изданию результатов переписей населения России XVII—XIX вв.

Исключительно важное научное и актуальное политическое значение имеет работа Л. Г. Бескровного по изучению формирования границ России, ее внешней политики в дооктябрьский период. В статьях по этой же теме Л. Г. Бескровный (в соавторстве с академиками В. М. Хвостовым и А. Л. Нарочницким, членом-корреспондентом АН СССР С. Л. Тихвинским) рассматривает широкий круг вопросов, относящихся к истории русско-китайской границы в XVII—XIX вв., дает отпор попыткам зарубежных буржуазных авторов исказить существо вопроса и спекулировать на разногласиях между СССР и КНР²⁰.

Л. Г. Бескровный проделал большую работу по подготовке и изданию ряда коллективных трудов — «Очерки истории СССР. Период феодализма» (член редколлегии и автор вводных статей и отдельных разделов в томах по истории народов СССР в XVIII в.), «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» (член Главного редакционного совета, заместитель главного редактора I серии, ответственный редактор т. III, заместитель ответственного редактора т. II). Он редактор или член редколлегии ряда сборников статей, монографий по различным проблемам дооктябрьского периода (военная история, международные связи, историческая география, классовая борьба и др.). Он же — автор (совместно с Б. Б. Кафенгаузом и М. Н. Тихомировым) разделов об исторических знаниях в России первой четверти XVIII в., о дворянских историках второй половины этого же столетия в коллективном труде об отечественной историографии. В особой статье Л. Г. Бескровный дает обзор работ советских историков, посвященных дооктябрьскому периоду. Л. Г. Бескровный и Б. Б. Кафенгауз — редакторы хрестоматии, включающей источники по истории СССР XVIII в.

Рецензии, написанные Л. Г. Бескровным, содержат немало ценных наблюдений по различным проблемам отечественного прошлого, прежде всего по военной истории.

Наконец, упомяну еще одну важную сторону многосторонней деятельности Л. Г. Бескровного — изучение проблемы охраны исторических

²⁰ Л. Бескровный, С. Тихвинский, В. Хвостов. К истории формирования русско-китайской границы. — «Международная жизнь», 1972, № 6, стр. 14—29; Л. Г. Бескровный [Рец.]. Русско-китайские отношения в XVII в. — «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 2, стр. 175—179; Л. Г. Бескровный, А. Л. Нарочницкий. К истории внешней политики России на Дальнем Востоке в XIX в. — «Вопросы истории», 1974, № 6.

и культурных памятников. Он известен широкой общественности своими выступлениями и статьями по этому вопросу; его авторитет в этой области, как и в других, можно сказать без преувеличения, заслуженно высок. Л. Г. Бескровный выдвинул ряд новых идей, касающихся выявления, учета, классификации памятников истории и культуры нашего Отечества. Он — один из инициаторов разработки монументального Свода памятников истории и культуры народов СССР, ряда инструкций, докладов на эту тему. В настоящее время он возглавляет практическую научную работу по подготовке отдельных томов Свода по РСФСР в рамках Комиссии по составлению Свода памятников истории и культуры в Институте истории СССР АН СССР. Под его руководством и с его вводными статьями подготовлены сборники документов — декреты и постановления центральных органов Советской власти²¹, несколько выпусков «Методических рекомендаций»²², опубликован ряд исследований²³.

Заключая этот краткий обзор многосторонней научной деятельности Л. Г. Бескровного, которая заслуживает, на мой взгляд, более подробно историографического исследования, хочу подчеркнуть новаторский характер его подхода к изучению сложных и актуальных проблем отечественной истории. Л. Г. Бескровный — один из выдающихся советских ученых-коммунистов, он отдает все свои силы служению Родине, народу, Коммунистической партии. Его труды имеют непреходящее значение для познания тех «достойных страниц» прошлого нашей Родины, о воспитании чувства уважения к которым говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в докладе XXIV съезду КПСС²⁴.

Имя Л. Г. Бескровного стоит в одном ряду с именами других советских ученых, которые своими трудами прокладывают новые пути в изучении многих проблем с позиций марксистско-ленинской методологии, в разработке новых тем и вопросов. Именно об этой замечательной плеяде блестящих представителей советской историографии справедливо говорят и пишут как о пионерах, первопроходцах в тех областях исторических изысканий, которым они посвящают свою жизнь. Л. Г. Бескровный — исследователь крупного масштаба, с необычайно широким кругом интересов. Главным делом жизни ученого является исследование проблем военной истории Отечества, национально-освободительной борьбы русского и других народов нашей страны против иноземных захватчиков. Л. Г. Бескровный — ученый-патриот, воспитатель и глашатай патриотических традиций в широких слоях советского народа, новатор и основатель новых направлений в военно-исторической проблематике.

Будучи крупным организатором научных изысканий, руководителем научных коллективов, причем руководителем масштабным, ищущим и смелым, Л. Г. Бескровный аккумулирует усилия многих людей на разработку важнейших и актуальных вопросов и проблем, ведет за собой тех, кто не боится трудностей и нелегкой работы историка. Поразительно при этом сочетание требовательности, заинтересованности в судьбах исторической науки и щедрой человеческой доброты к тем, кто посвятил свою жизнь искреннему и честному служению науке.

Сам Л. Г. Бескровный, которого многочисленные ученики и последователи, друзья и коллеги поздравляют со славным юбилеем, — прекрасный пример беззаветного, преданного служения советской исторической науке, Отечеству.

.....
²¹ «Охрана памятников истории и культуры». М., 1973.

²² «Методические рекомендации по подготовке Свода памятников истории и культуры СССР», вып. 3—6. М., 1971—1974.

²³ Л. Г. Бескровный, М. Я. Волков. Исторические памятники (Классификация и задачи изучения). — «Методические рекомендации...» вып. 4. М., 1972; Л. Г. Бескровный, И. В. Маковецкий. В. И. Ленин об охране культурного наследия. — «Методические рекомендации...», вып. 5. М., 1973.

²⁴ «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1972, стр. 84.

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ
Л. Г. БЕСКРОВНОГО *

1931

- «На штурм знания. Робоча книга після букваря для підлітків». Ростов-на-Дону. (Підручники для шкіл Північного Кавказу), 136 с. (совместно с Ф. Ковпиком, Л. Горбушиной).
- «Юні ударники. Робоча книжка для 3-го року навчання української школи Північного Кавказу». Ростов-на-Дону, ч. 1, 160 с. (совместно с Ф. Ковпиком и Н. Врублевської).

1934

- «Об учебных планах и программах школьных отделений педтехникумов». — «Педагогическое образование», № 5, стр. 40—41.

1935

- «Базовая школа (при педтехникумах. Ее роль, значение и методы работы)». — «Педагогическое образование», № 5, стр. 98—107 (совместно с А. В. Красновым).
- «За краеведческую работу в педагогическом техникуме». — «Советское краеведение», № 2, стр. 22—27 (совместно с А. И. Казанским).
- «К итогам учебной работы педтехникумов (1934/1935 учебный год)». — «Коммунистическое просвещение», № 4, стр. 72—80.
- «Некоторые вопросы воспитательной работы в педтехникумах». — «Коммунистическое просвещение», № 5, стр. 69—76 (совместно с И. Е. Кубаревым).
- «Организация и проведение сплошной подпрактики в педтехникумах». — «Педагогическое образование», № 6, стр. 61—65 (совместно с А. В. Красновым) (начало статьи, окончание см. в 1936 г.).
- «Педагогический кабинет в педтехникуме». — «Педагогическое образование», № 4, стр. 22—25 (совместно с Т. А. Фоминой).
- «Планирование учебной работы в педтехникумах». — «Педагогическое образование», № 5, стр. 74—82.
- «Учебные планы педагогических техникумов». — «Педагогическое образование», № 4, стр. 11—15.

1936

- «К итогам учебного года в педагогических техникумах». — «Коммунистическое просвещение», № 4, стр. 90—105 (совместно с В. И. Чистяковым).
- «Краеведческая работа в педтехникуме». — «Советское краеведение», № 3, стр. 121—125 (совместно с А. И. Казанским).
- «Организация и проведение сплошной подпрактики в педтехникумах». — «Педагогическое образование», № 1, с. 96—

101 (совместно с А. В. Красновым) (окончание статьи, начало см. в 1935 г.).

- «Организация и руководство учебной работой в техникуме (В помощь завучу)». — «Педагогическое образование», № 2, стр. 83—91, № 3, стр. 83—96 (совместно с Ф. В. Гармоновым).
- «Организовано закончить учебный год в педтехникумах». — «Педагогическое образование», № 3, стр. 79—83.
- «Очередные задачи работы по русскому языку в педагогических техникумах». — «Педагогическое образование», № 4, стр. 108—114; № 6, стр. 124—128 (совместно с Л. А. Горбушиной).

1937

- «Очередные задачи подготовки (педагогических училищ) к новому учебному году». — «Педагогическое образование», № 2—3, стр. 65—68.
- «Постановка педагогической практики в педагогических училищах». — «Педагогическое образование», № 1, стр. 105—111.

1938

- «О школах для проведения практики учащихся педагогических училищ». — «Советская педагогика», № 7, стр. 92—99.

1940

- «Горские школы на Северном Кавказе в XIX—XX вв.» — Рукопись канд. дисс. М., 1940, 269 стр.

1945

- «Великий русский полководец Михаил Илларионович Кутузов (к 200-летию со дня рождения)». — «Агитатор и пропагандист Красной Армии», № 7, стр. 20—30.

1946

- «Атлас карт и схем по русской военной истории». М., VI стр.+88 л. (169 карт и схем).
- «Военно-воспитательная система Суворова». — В кн.: «А. В. Суворов» (Доклады, прочитанные 18 мая 1945 г. в день 145-летия со дня смерти А. В. Суворова). М., стр. 62—88.
- «Действия русской армии против Наполеона в Восточной Пруссии в 1806—1807 гг.». М., 35 стр.
- «Система обучения и воспитания армии Петра I». — «Агитатор и пропагандист Красной Армии», № 3, стр. 44—52.

1947

- «Кутузов как воспитатель русских войск». — В кн.: «М. И. Кутузов». Материалы юбилейной сессии военных академий Красной Армии, посвященной 200-летию со дня рождения М. И. Кутузова. М., стр. 161—170.

* Составлена Р. Е. Альтшуллер, Н. В. Сергеевой.

«Об исторических работах Клаузевица». — «К вопросу о критике немецкой военной идеологии». Сборник. М., стр. 71—104.

Сост.: «Хрестоматия по русской военной истории». М., 639 стр.

1948

«Отечественная война 1812 года и полководческое искусство Кутузова». М., 50 стр.

1949

Рец.: «Семилетняя война». Материалы о действиях русской армии и флота в 1756—1762 гг. М., 1948. — «Вопросы истории», № 5, стр. 115—116.

1950

«Артикул воинский». — БСЭ, т. 3. М., стр. 131—132.

«Балаклава». — БСЭ, т. 4. М., стр. 102.

«Русское военное искусство в начале XIX века». М., 100 стр.

«Русское военное искусство в ходе Крымской войны 1853—1856 гг.». М., 44 стр. (совместно с Н. А. Лапиным).

«Строительство русской армии в XVIII веке». Рукопись докт. дисс. (утверждена в 1951 г.) М., 860 стр.

«Суворовская система обучения и воспитания войск». — «Красная звезда», 12 мая.

Рец.: А. В. Суворов, Полковое учреждение. М., 1949. — «Вопросы истории», № 2, стр. 123—124.

Ред.: «М. И. Кутузов». Документы, т. I. М., XLVIII+795 стр. — Введение, стр. V—XLII.

1951

«Отечественная война 1812 года и контрнаступление Кутузова». М., 180 стр.

«Великий русский полководец А. В. Суворов». — «Стратегия и тактика Суворова». Сборник. М., стр. 5—26.

«Военное искусство в странах Западной Европы и США в 50—60-х годах XIX века». М., 35 стр.

«Производство вооружения и боеприпасов на русских заводах в первой половине XVIII в.». — «Исторические записки», т. 36, стр. 101—141.

«Стратегия и тактика Суворова». — «Суворовский сборник». Статьи и исследования. М., стр. 30—60.

«Краткий справочник по истории военного искусства народов СССР». М., 147 стр. Общее руководство и составление (совместно с Н. Г. Корсуном, Л. М. Лециным и др.).

Рец.: П. К. Фортунатов. Война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1950. — «Вопросы истории», № 7, стр. 108—110.

Ред.: «М. И. Кутузов». Документы, т. II. М., XXIV+610 стр. — Введение, стр. V—XVIII.

Оте. ред.: Ю. Р. Клокман. Фельдмаршал Румянцев в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг. М., 206 стр.

Общ. ред.: «Адмирал Ушаков». Документы, т. I. Ред. Р. Н. Мордвинов. М., 772 стр. (совместно с В. Д. Стыровым и Н. А. Питерским).

Член ред. колл.: «Исторические записки», т. 36—94. М., 1951—1974.

1952

«Великая победа русского народа. К 140-летию Бородинского сражения». — «Красная звезда», 7 сентября.

«Измаил». — БСЭ, т. 17. М., стр. 400—401.

«Контрнаступление М. И. Кутузова в Отечественной войне 1812 года». — «Известия АН СССР». Серия истории и философии, т. IX, № 1, стр. 3—18.

Русское военное искусство в Крымской войне 1853—1856 годов. Героическая оборона Севастополя. М., 76 стр.

Рец.: В. Шугой. Народна війна на Україні проти шведських загарбників у 1708—1709 рр. Київ. 1951. — «Вопросы истории», № 5, с. 117—119.

Ред.: «М. И. Кутузов». Документы, т. III. М., XXXIII+1028 стр. — Введение, стр. V—XXV.

1953

«Военное искусство рабовладельческого и феодального общества», вып. 1. М., Сост. гл. 9 и 10, стр. 302—384.

«Военное искусство капиталистического общества (1789—1917 гг.)»; вып. 2. М. Сост.: гл. 4, стр. 155—188.

«Военные школы в России в первой половине XVIII в.». — «Исторические записки», т. 42, с. 285—300.

Сост.: «Список источников и литературы к лекциям по источниковедению истории русского военного искусства (До первой мировой войны 1914—1918 гг.)». М., 44 стр. (Литограф. изд.)

Оте. ред.: Е. А. Прокофьев. Борьба декабристов за передовое русское военное искусство. М., 313 стр.

1954

Введение. — «Донские казаки в 1812 году». Сборник документов. Ростов-на-Дону, стр. 7—22.

«Очерки по источниковедению истории русского военного искусства. (С древних времен до первой мировой войны)». М., 306 стр.

«Реформы армии и создание военно-морского флота». — В кн.: «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в.» М., стр. 342—371.

«Русское военное искусство в Отечественной войне 1812 года». — В кн.: «История военно-морского искусства», т. II. Военно-морское искусство капиталистического общества до эпохи империализма. М., стр. 66—81.

Ред.: «М. И. Кутузов». Документы, т. IV, ч. I. М., XXXVI+552 стр. — Введение, стр. V—XXX.

1955

«Великий русский полководец. К 225-летию со дня рождения А. В. Суворова». — «Красная звезда», 24 ноября.

«Исторические знания времени преобразования первой четверти XVIII в.» (совместно с Б. Б. Кафенгаузом и М. Н. Тихомировым); «Дворянские историки М. М. Щербатов, И. Н. Болтин и другие» (совместно с Б. Б. Кафенгаузом). — В кн.: «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I. М., стр. 171—179, 208—215.

«История военного искусства», т. 2. Военное искусство капиталистического общества (нового времени до эпохи империализма). М., 811 стр. *Отв. ред. и автор глав:* I. Капиталистическое общество и развитие военного искусства, стр. 5—13; VI. Русское военное искусство в конце XVII — начале XVIII века: Полководческое искусство Петра I, стр. 100—167; IX. Военное искусство России, важнейших стран Западной Европы и Турции во второй половине XVIII века, стр. 243—332; X. Развитие военно-теоретической мысли во второй половине XVIII века, стр. 333—358; XII. Военное искусство первой французской империи. Полководческое искусство Наполеона, стр. 384—439; XIII. Русское военное искусство в первой четверти XIX века, стр. 440—499; XIV. Отечественная война 1812 года и полководческое искусство Кутузова, стр. 500—555; XV. Военное искусство в Крымской войне 1853—1856 годов, стр. 556—615; XVII. Военное искусство стран Западной Европы и США в 50—60-х годах XIX века, стр. 633—658.

«Контрнаступление русской армии под командованием М. И. Кутузова». — «Полководец Кутузов». Сборник статей. М., стр. 257—337.

Предисловие к кн.: «Примечания о пехотной службе вообще и о егерской особенно». М., стр. 3—4.

Отв. ред.: «История военного искусства». Курс лекций, т. I. Военное искусство рабовладельческого и феодального общества (Древний мир и средние века). М., 552 стр. — Введение, стр. 5—26.

Ред.: «М. И. Кутузов». Документы, т. IV, ч. II. М., XII+851 стр.

Ред.: «Полководец Кутузов». Сборник статей. М., 495 стр. — Предисловие, стр. 1—12.

1956

«Армия и флот». — В кн.: «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в.». М., стр. 307—320.

«М. И. Драгомиров» (Вводная статья). — В кн.: «М. И. Драгомиров. Избранные труды. Вопросы воспитания и обучения войск». М., стр. 3—39.

«От издательства». — В кн.: «Франц Фабиа. Перо и меч. Карл Клаузевиц и его время». Перевод с нем. М., стр. 3—14 (без подписи).

«Отечественная война 1812 года. Заграничные походы 1813—1814 гг.». — В кн.: «История СССР», т. I. С древнейших времен до 1861 г. *Отв. ред.* Л. В. Черепнин (Учебник для исторических фа-

культетов государственных университетов и пединститутов). М., стр. 660—680.

Отв. ред.: И. В. Бестужев. Крымская война 1853—1856 гг. М., 174 стр.

Ред.: М. И. Драгомиров. Избранные труды: Вопросы воспитания и обучения войск. М., 687 стр.

Ред.: «М. И. Кутузов». Документы, т. V. М., XXXVII+830 стр. — Предисловие, стр. V—XXIII.

1957

«Очерки по источниковедению военной истории России». М., 453 стр.

«Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в.». М., 866 стр. *Ред.* (совместно с А. И. Барановичем, Е. И. Заозерской и Е. И. Индовой); *автор введения* (совместно с Е. И. Заозерской и С. А. Фейгиной), стр. 5—29; раздела «Армия и флот», стр. 296—309; заключения, стр. 814—818.

1958

«Русская армия и флот в XVIII веке (Очерки)». М., 645 стр.

«Бородинское сражение», «Оставление Москвы», «Контрнаступление русских войск. Разгром и гибель армии Наполеона». — В кн.: «Новая история», т. 2, 1789—1870. (Учебник для университетов и пединститутов). М., стр. 99—101.

Отв. ред.: П. Т. Яковлева. Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 235 стр.

Ред.: «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)». Сборник статей. М., 540 стр. (совместно с Е. И. Заозерской и А. А. Преображенским).

1959

«Полтавская победа (К 250-летию Полтавского сражения)». — «Вопросы истории», № 12, стр. 41—57.

«Разгром наполеоновской армии в России». — В кн.: «Всемирная история» в десяти томах, т. VI. М., стр. 115—123.

«Стратегия и тактика русской армии в полтавский период Северной войны». — «Полтава. К 250-летию Полтавского сражения». Сборник статей. М., стр. 21—62.

Отв. ред.: С. А. Фейгина. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 546 стр.

Ред.: «Полтава. К 250-летию Полтавского сражения». Сборник статей. М., 459 стр. (совместно с Б. Б. Кафенгаузом, В. А. Дядиченко и Н. И. Павленко). — Введение (совместно с Б. Б. Кафенгаузом и Ю. Р. Клокманом), стр. 3—18.

Ред.: «П. А. Румянцев». Документы, т. III, 1775—1796. М., XV + 655 стр. — Введение, стр. V—XV.

Ред.: «Русская военная периодическая печать (1702—1916)». Библиографический указатель. Сост. З. П. Левашева и К. В. Синицына. М., 241 с.

«Русская военно-теоретическая мысль в XIX и начале XX в. (Стратегия и тактика)». (Вводная статья).— В кн.: «Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков». Сост. Л. Г. Бескровный, М. В. Люшковский и Р. Ш. Сот. М., стр. 3—41. (Статья без подписи).

Ред.: «Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков». Сост.: Л. Г. Бескровный, М. В. Люшковский, Р. Ш. Сот. М., 785 стр.

1961

«Полтавская победа».— Детская энциклопедия, т. 7. М., стр. 404—408; изд. 2, т. 8. М., 1967, стр. 388—392.

Ред.-консультант: «Советская историческая энциклопедия», т. 1—15. М., 1961—1974.

1962

«Отечественная война 1812 года». М., 611 стр.

«Очерки военной историографии России». М., 318 стр.

«Бородинское сражение (К 150-летней годовщине)». Доклад, прочитанный на заседании Ученого совета Института истории АН СССР 13 сентября 1962 г.— «История СССР», № 6, стр. 3—18.

«Великий подвиг народов нашей родины (К 150-летию Отечественной войны 1812 года)». М., 38 стр.

«Великий фельдмаршал (М. И. Кутузов)».— «Огонек», № 4, стр. 8—11.

«Гроза двенадцатого года».— «Работница», № 8, стр. 9—10.

«Две стратегии».— «1812 год. К столетию десятилетия Отечественной войны». Сборник статей. М., стр. 64—96.

«Народная, отечественная... (К 150-летию Отечественной войны 1812 года)».— «Партийная жизнь», № 16, стр. 59—64.

«Некоторые вопросы истории Отечественной войны 1812 года».— «Вопросы истории», № 10, стр. 50—60. (Румынское издание см. в 1963 г.).

«Отечественная война 1812 года. (Некоторые итоги изучения и задачи дальнейших исследований)».— «Вестник Академии наук СССР», № 9, стр. 97—103.

Послесловие к публикации С. Г. Энгель и М. И. Перпер «Тетрадь Александра Чичерина».— «Новый мир», № 9, стр. 69—70.

Отв. ред.: «Листовки Отечественной войны 1812 года». Сборник документов. М., 173 стр.— Введение, стр. 3—13.

Отв. ред.: Е. В. Тарле. Бородино. М., 95 стр.— Послесловие, стр. 94—95.

Отв. ред.: «1812 год. К столетию десятилетия Отечественной войны». Сборник статей. М., 320 стр.

Ред.: «Бородино. 1812—1962». Документы, письма, воспоминания. М., 414 стр. (совместно с Г. П. Мещеряковым).

Ред.: «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года». Сборник документов. М., 547 стр.— Введение, стр. 3—7.

1963

«Веселаго Феодосий Федорович». Советская историческая энциклопедия, т. 3. М., стр. 391.

«Unele probleme ale istoriei războiului pentru apărarea patriei din 1812».— «Analele romino-sovietice», N 2, p. 74—89 (русское издание см. в 1962 г.).

Ред.: «Хрестоматия по истории СССР XVIII в. (Для университетов)». Сост. М. Т. Белявский и Н. И. Павленко. М., 787 стр. (совместно с Б. Б. Кафенгаузом).

1964

«Иена-Ауэрштедтское сражение 1806 г.».— «Советская историческая энциклопедия», т. 5. М., стр. 753.

«Отечественная война 1812 года; Заграничные походы 1813—1814 гг.»— В кн.: «История СССР», т. I. С древнейших времен до 1861 г., изд. 2. М. (Учебник для исторических факультетов государственных университетов и пединститутов), стр. 635—652.

«Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии». Сборник документов. М., LVI+539 стр. Отв. ред., автор вводной статьи «Боевые действия русской армии и освобождение Германии в 1813 году» (стр. V—XLIX) и составитель (совместно с Р. Е. Альтшуллер, В. К. Головниковым, С. В. Климовой и А. Н. Кочетковым).

Русская военная книга. К 400-летию русского книгопечатания.— «Красная звезда», 26 февраля.

1965

«К 150-летию Лейпцигского сражения».— «Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства». Сборник статей. М., стр. 89—114 (Немецкое издание см. в 1967 г.).

Рец.: «Новая книга о революционном движении в русской армии (В. Г. Вержбицкий. Революционное движение в русской армии (с 1826 по 1859 г.). М., 1964)».— «Военно-исторический журнал», № 3, стр. 106—107.

Подг. к печати. М. Н. Покровский. Избранные произведения, кн. 2. М., 664 стр.

Отв. ред.: «Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства». Сборник статей. М., 462 стр.— От редколлегии, стр. 3—4.

1966

«Изучение дооктябрьской истории СССР в Институте истории АН СССР за семилетку (1959—1965 гг.). (Сокращенный текст доклада на Ученом совете Института истории АН СССР 4 ноября 1965 г.).»— «История СССР», № 5, стр. 205—210.

«История СССР с древнейших времен до наших дней». Первая серия, т. I. М., 719 стр. Член Главного редакционного

совета, заместитель главного редактора редакционной комиссии первой серии.
«История СССР с древнейших времен до наших дней». Первая серия, т. II. М., 631 стр. Член Главного редакционного совета, заместитель главного редактора редакционной комиссии первой серии, заместитель ответственного редактора тома, автор введения (совместно с М. Н. Тихомировым и В. И. Бугановым), стр. 7—10 (без подписи).
Отв. ред.: «Дневник Александра Чичерина. 1812—1813». М., 280 стр.— Предисловие, стр. 5—8.
Отв. ред.: «Международные связи России в XVII—XVIII вв. (Экономика, политика и культура)». Сборник статей. М., 506 стр.— От редакции, стр. 3—4.
Член ред. колл.: журн. «Советские архивы», 1966—1975.

1967

«Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и освободительная борьба балканских народов».— «Вопросы истории», № 6, стр. 30—46.
«История СССР с древнейших времен до наших дней». Первая серия, т. III. М., 747 стр. Член Главного редакционного совета, заместитель главного редактора редакционной комиссии первой серии, ответственный редактор тома, автор введения (совместно с Л. В. Черепным и Б. Б. Кафенгаузом), стр. 7—14 (без подписи), разделов гл. 10: «Армия и флот», стр. 242—248, «Петр I» (совместно с Б. Б. Кафенгаузом), стр. 249—250.
«История СССР с древнейших времен до наших дней». Первая серия, т. IV—VI. М., 1967—1968. Член Главного редакционного совета, заместитель главного редактора редакционной комиссии первой серии.
«История СССР с древнейших времен до наших дней». Вторая серия, т. VII—X. М., 1967—1973. Член Главного редакционного совета.
«Zum 150-jährigen Jubiläum der Leipziger Schlacht.— In: «Der Befreiungskrieg 1813». Berlin, S. 277—309 (русское издание см. в 1965 г.).
Рец.: В. Я. Гросул. Реформы в дунайских княжествах в России (20—30-е годы XIX в.). М., 1966 — «Новая и новейшая история», № 1, стр. 146—148 (совместно с А. А. Шевяковым).
Рец.: «Капитальный вклад в историю дипломатии». (О кн.: «Внепешная политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел». Серия первая. 1801—1815 гг., т. I—III. М., 1960—1963; т. IV. М., 1962).— «Международная жизнь», № 1, стр. 129—131 (совместно с А. Станиславской и Л. Слезкиным).
М. Н. Покровский. Избранные произведения, кн. 3. М., 671 стр. Член общей редакции издания (совместно с М. Н. Тихомировым, В. М. Хвостовым и О. Д. Соколовым).

М. Н. Покровский. Избранные произведения, кн. 4. М., 639 стр. Член общей редакции издания (совместно с М. Н. Тихомировым, В. М. Хвостовым и О. Д. Соколовым), ред. книги (совместно с Л. М. Ивановым).
Член ред. колл. «Der Befreiungskrieg 1813». Berlin, 559 S.

1968

«Борьба России с Францией в конце XVIII — начале XIX в. Отечественная война 1812 года».— В кн.: «Страницы боевого прошлого. Очерки военной истории России». М., стр. 179—255.
«Изучение и охрана историко-революционных и военно-исторических памятников». Доклад на пленуме Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. М., 14 стр.
«Отечественная война 1812 года». М. 78 стр.
Рец.: Я. С. Гросул, И. Г. Будах. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812—1861). Кишинев, 1967.— «Вопросы истории», № 11 (совместно с В. М. Кабузаном, А. А. Шевяковым).
Отв. ред.: «Страницы боевого прошлого. Очерки военной истории России». М., 383 стр.
Отв. ред.: «Охрана памятников истории и культуры. Декреты, постановления, распоряжения правительства СССР и правительства РСФСР, 1917—1968». М., 232 стр.— Введение, стр. 1—14 (рота-принт).

1969

«Отечественная война 1812 г.» (для серии «Бородинская панорама»). М., 72 стр.
«Значение документов ЦГВИА СССР для развития военной историографии». (К 150-летию архива).— «Советские архивы», № 4, стр. 22—33.
Зам. отв. ред.: «Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы Всесоюзной дискуссии». М., 413 стр.
Член ред. колл.: «Борьба большевиков за армию в трех революциях». Сборник статей. М., 271 стр.
Член ред. колл.: «Проблемы возникновения феодализма у народов СССР». М., 319 стр.
Отв. ред.: В. И. Буганов. Московские восстания конца XVII в. М., 440 стр.

1970

«Военное образование в России в XIX в.». Доклад на XIII Конгрессе исторических наук. М., 24 стр.

1971

«Бородинское сражение». М., 87 стр.
«О предмете и методе исторической географии».— «История СССР», № 6, стр. 23—36 (совместно с Л. А. Гольденбергом).
«Систематизация картографических материалов (на примере ЦГВИА)».— «Советские архивы», № 2, стр. 36—50.
«Специфика методов исследования по ис-

торической географии». — «История географических знаний и историческая география. Этнография», вып. 5, стр. 48–51.

1972

«Исторические памятники. (Классификация и задачи изучения)». — В кн.: «Методические рекомендации по подготовке Свода памятников истории и культуры СССР», вып. 4, стр. 12–32 (совместно с М. Я. Волковым).

«К истории формирования русско-китайской границы». — «Международная жизнь», № 6, стр. 14–29 (совместно с В. М. Хвостовым и С. Л. Тихвинским).

«Методические рекомендации по подготовке Свода памятников истории и культуры СССР». — В кн.: «Методические рекомендации по подготовке Свода памятников истории и культуры СССР», вып. 3, 1 раздел. М., стр. 5–27.

«Партизаны в Отечественной войне 1812 года». — «Вопросы истории», № 1, стр. 114–124; № 2, стр. 81–97.

Рец.: Сборник «Русско-китайские отношения в XVII в.», т. 1. — «Проблемы Дальнего Востока», № 2, стр. 175–179.

Отв. ред.: Я. Е. Водарский. Промышленные селения центральной России в период генезиса и развития капитализма. М., 256 стр. (совместно с В. К. Яцунским).

Член ред. колл.: «Методические рекомендации по подготовке Свода памятников истории и культуры СССР», вып. 3–6. М., 1972–1974.

Член ред. колл.: Атлас «Образование и развитие Союза ССР». М., 114 стр.

1973

«В. И. Ленин об охране культурного наследия». — В кн.: «Методические рекомендации по подготовке Свода памятников истории и культуры СССР», вып. 5. М., стр. 7–17 (совместно с И. В. Маковецким).

«Русская армия и флот в XIX в. (Военно-экономический потенциал России)». М., 616 стр.

Рец.: Я. С. Гросул, И. Г. Будаг. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1861–1905 гг.). Кишинев, 1972. — «Вопросы истории», № 2, стр. 151–153 (совместно с А. А. Шевяковым).

Отв. ред.: «Охрана памятников истории и культуры» (сборник документов). М., 191 стр. (совместно с В. Н. Ивановым). — Вступительная статья, 12 стр.

Член ред. колл.: В. К. Яцунский. Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв. Избранные труды. М., 302 стр.

1974

«Итальянский и швейцарский походы А. В. Суворова». — «Военно-исторический журнал», № 8, стр. 98–103.

«К истории внешней политики России на Дальнем Востоке в XIX веке» (совместно с А. Л. Нарочницким). — «Вопросы истории», № 6, стр. 14–36.

«Памятники истории и культуры». — В кн.: «Методические рекомендации по подготовке Свода памятников истории и культуры СССР», вып. 6. М., стр. 17–32.

«Русское военное искусство XIX в.». М., 360 стр.

Рец.: «Русско-китайские отношения в XVII в.», т. 2. — «Проблемы Дальнего Востока», № 1, стр. 153–159.

Отв. ред.: «Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII в.». М., 311 стр.

1975

Рец.: «История Москвы. Краткий очерк». М., 1974. — «Вопросы истории», № 4, стр. 155–159 (совместно с Ю. А. Поляковым).

Отв. ред.: «Древнерусские княжества X–XIII вв.». М., 303 стр.

I. ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

ДОМАГОЩ И ГРАНИЦЫ «ВЯТИЧЕЙ»

XII в.

А. К. Зайцев

Локализация географических названий, сохранившихся в письменных источниках, служит в ряде случаев исходной точкой и основой изучения историко-географической проблематики Древнерусского государства. Правильное определение местоположения летописного топонима особенно важно для выявления границ феодальных областей, составлявших государственную территорию Древней Руси.

Для приурочения названий упомянутых летописью населенных пунктов историки XIX в. в большинстве случаев пользовались способом, состоявшим из двух последовательных приемов. Их можно охарактеризовать как ориентировочный и условно-топонимический приемы. При отсутствии прямого указания на местоположение по данным источника приблизительно определялся район нахождения города и затем по карте или спискам населенных мест XIX—XX вв. находился топоним, созвучный или тождественный летописному. Условность такой методики заключалась в подразумеваемой преемственности существования летописного топонима вплоть до новейшего времени, не подтвержденной указанием промежуточных звеньев.

Еще с конца XVIII в. в отдельных случаях для определения местоположения летописных городов некоторые исследователи обращали внимание на существование в искомом месте городищ и курганов, к началу же XX в. указания на них, а также и привлечение источников XIV—XVII вв. стали довольно часты. Однако только в советское время, благодаря широкому археологическому изучению городищ, а также разработке методики ретроспективного анализа и комплексного привлечения источников в исторической географии¹, появилась возможность достаточно надежных локализаций летописной географической номенклатуры. Ориентировочный способ сохраняет свое значение лишь как необходимый первый этап в поиске местоположений древних населенных пунктов, урочищ и рек.

К числу локализаций, выполненных в прошлом веке условно-топонимическим способом, относится приурочение летописного Домагоща — городка Черниговской земли, упомянутого единственный раз в Ипатьевской летописи под 1147 г. Эту локализацию необходимо проверить и уточ-

---

¹ М. В. Витов. Приемы составления карт поселений XV—XVII вв. по данным писцовых и переписных книг. — «Проблемы источниковедения», т. V. М., 1956; Л. Г. Бескровный. Специфика методов исследования по исторической географии. — «Материалы МФГО СССР. История географических знаний и историческая география. Этнография», вып. 5. М., 1971, стр. 48—51; Ф. И. Лавно. Карты и планы XVIII в. как историко-географический источник (по материалам Курской губернии). — Там же, стр. 54—56.

нить, ибо правильное указание Домагоща на исторической карте Руси дает возможность надежного определения по летописным данным контуров территории, называвшейся в XII в. «Вятичами».

В сводке географических названий Черниговской земли, составленной А. Н. Насоновым, Домагощ традиционно отождествляется с д. Маговкой (в 38 км к югу от г. Карачева Брянской области) и на карте указан со знаком вопроса².

Это сопоставление неудовлетворительно по трем основным требованиям локализации. Прежде всего не доказана преэминентность топонимов Домагощ — Маговка. Такое соотношение подразумевает отпадение у первого названия начального «До-», или прочтение в источнике «до Магощ», что маловероятно. Название «Домагощ» относится к числу архаических славянских топонимов на -гощ, собранных в работе П. Арумаа. В отмеченных многочисленных трансформациях такого типа нет случая подобного «Магощ — Маговка»³. Написание «Магощ» известно лишь как единичное искажение писцом названия речки Малогощи, тогда как Домагощ и Домагоща, хотя и редко (учтено три случая), но встречается в источниках XVI—XVII вв.⁴

Названия на -гощ известны и в летописных источниках: в Черниговской земле упомянуты кроме Домагоща также Радощ или Радогощ (современный г. Погар на р. Судости в Брянской области) и Оргощ (современное с. Рогоща на р. Белоус в 19 км от Чернигова)⁵. Эти архаические славянские топонимы относятся по классификации С. Роспонда к числу «посессивных названий», образовавшихся от антропонимов при помощи суффикса притяжательных прилагательных — *жь*. В данном случае: *Радогост — *жь*, *Орогост — *жь*, *Домагост — *жь*⁶. Компонент — гост относится к самым продуктивным и древнейшим в славянской антропонимии⁷.

Образованные с его помощью имена встречаются и в древнерусских источниках: Орогост — в Повести временных лет (1100 г.). Воигост — в Новгородской I летописи (1115 г.)⁸.

Имя Домагощ известно лишь в памятниках западных славян⁹, но на восточно-славянской территории, хотя и редко, фиксируются производные от этого антропонима географические названия. Кроме трех упомянутых выше названий, происходящих от имени Домагост, известно также и образованное при помощи патронимического форманта -ичи название Домогостичи, упоминаемое в источниках XV—XVII вв. (ныне с. Долгомостицкое, северо-восточнее г. Судовой Вишни Львовской области)¹⁰.

Затем следует заметить, что правомерность отождествления Домагоща с Маговкой не была подтверждена археологически. В настоящее время неудовлетворительность сопоставления Маговки с летописным городком доказана Т. Н. Никольской. При обследовании окрестностей этой деревни

² А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 224—225, карта между стр. 64 и 65; Н. П. Барсов. Материалы для историко-географического словаря России. Вильна, 1865, стр. 65.

³ P. Arumaa. Sur les principes et méthodes d'hydronymie russe. Les noms en gost.— «Scando-Slavica», VI, Copenhagen, 1960, p. 150—153.

⁴ Там же, стр. 155, 160.

⁵ Ипатьевская летопись, под 1155 и 1158 гг.— «Полное собрание русских летописей» (далее ПСРЛ), т. II, изд. 2. СПб., 1908, стлб. 477, 500. А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 228, 229.

⁶ С. Роспонд. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов.— «Восточно-славянская ономастика». М., 1972, стр. 63—65, 82, 84.

⁷ Там же, стр. 64.

⁸ Лаврентьевская летопись.— ПСРЛ, т. I. Изд. 2. Л., 1927, стлб. 274; «Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов». М.— Л., 1950, стр. 20, 204.

⁹ J. Svoboda. Staročeská osobní jména a naše příjmení. Praha, 1964, str. 74.

¹⁰ О. А. Купчинский. До питання складання словника географічних назв України. (Матеріали словника двочленних патронімічних назв на -ичі).— «Історичні джерела та їх використання», вип. 6. Київ, 1971, стр. 113.

не было найдено следов древнерусского поселения, и традиционная локализация была справедливо отвергнута. Однако, принимая прежний ориентировочный район поиска (к югу от г. Карачева), Т. Н. Никольская отождествляет летописный Домагощ с наиболее крупным в этой местности и давшим обильный древнерусский материал городищем у д. Слободки (на р. Навле, Шаблыкинский район Орловской области)¹¹. Это сопоставление не представляется удачным, ибо, в конечном счете, сам район поиска вызывает сомнения.

Основой сомнений в правильности определения района поиска служит то, что Домагощ, если следовать письменным источникам, лежал за пределами летописных «Вятичей» XII в., но в непосредственном соседстве с ними. Поэтому он не мог находиться южнее г. Карачева, не мог отделяться от «Вятичей» районом летописного Карачева, бывшим за границей «Вятичей» XII в., непосредственно к югу от нее. Речь идет о границе, в основных чертах выявленной Н. П. Барсовым, который, впрочем, вслед за своими предшественниками указывая на д. Маговку, не заметил в этом противоречия собственным наблюдениям относительно южных пределов «Вятичей».

Зависимость определения района поиска Домагоща от выявления южных границ территории, называвшейся в летописании XII в. «Вятичами», показывают события, в связи с которыми упомянут этот городок.

Во время усобицы (декабрь 1146 — первая половина 1147 г.)¹² с черниговскими Давыдовичами (Владимиром и Изяславом) и киевским Изяславом Мстиславичем новгород-северский Святослав Ольгович бежал в Лесную землю, в Карачев, и оттуда (вскоре после 16 января) «за лес, в Вятичи». В конце концов преследуемый Святослав оказался прижатом к северо-восточным границам Черниговской земли. Однако, имея поддержку со стороны суздальского князя, вскоре после встречи с ним в Москве (4—5 апреля 1147 г.) Святослав Ольгович перешел в контрнаступление. Заручившись помощью половцев, он из Дедославля направил русско-половецкий отряд, возглавляемый Судимиром Кучебичем и Гореном (вероятно, в конце апреля — начале мая) «на смолняны, и повоеваша верхъ Угры. В то же время выбъгоша посадники Володимери [и] Изяслави из Вятичъ [и] изъ Бряньска [Добрянска], и изъ Мьченьска, и изъ Блеве [Блове]; и оттуда (т. е. из Дедославля. — А. З.) иде Девягорьску, иде заемъ вси Вятичи и Добрянскъ и до Воробинъ, Подеснь, Домагощъ и Мценскъ»¹³. Далее сообщается, что по приходе в Девягорск бродников и половцев, а также Глеба Юрьевича (сына Долгорукого), Святослав Ольгович оттуда направился к Мценску и затем к Крому на переяславского князя Мстислава Изяславича (последнему в ту пору принадлежал Курск). На пути к Крому, в Спаше, Святослава встретили послы черниговского Владимира Давыдовича с предложением мира.

Итак, бегство посадников Давыдовичей «из Вятичъ», по цитированному фрагменту черниговского летописания,¹⁴ было следствием военных действий, предпринятых Святославом Ольговичем из Дедославля в двух направлениях: западном — к верховьям Угры, близ которых находился городок Обловъ (Бловъ или Блевъ рассматриваемого отрывка), и в юго-западном — к Девягорску и далее на Мценск и Спашь¹⁵. Вероятнее всего,

¹¹ Т. Н. Никольская. О летописных городах в земле вятичей. — КСИА, вып. 129. М., 1972, стр. 5.

¹² Здесь и далее хронология дана с учетом работы Н. Г. Бережкова «Хронология русского летописания». М., 1963.

¹³ ПСРЛ, т. II, стлб. 342; в квадратных скобках — варианты по Хлебниковскому списку.

¹⁴ А. Н. Насонов. История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969, стр. 106.

¹⁵ Обловъ локализуется в верховьях р. Болвы, местоположение Девягорска не установлено (А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства, стр. 221, 224). Спашь отождествляется с древнерусским городи-

от верховьев Угры первый отряд направился вниз по р. Болве к Брянску, в Подесенье.

Н. П. Барсов понимал интересующее нас известие в том смысле, что посадники бежали из «Вятичей» и близлежащих к ним территорий Брянска, Мценска и Облово, а также, что войска Святослава заняли всю территорию вятичей вплоть до Брянска, Воробьиная и т. д.¹⁶ То есть эти пункты, уточним, были сопредельными с той частью Черниговской земли, которая называлась в XII в. «Вятичами».

Такой трактовке летописных данных есть достаточные основания. Мценск и Спашь находились за пределами «Вятичей», что явствует из известия статьи 1152 г. Ипатьевской летописи. В этом году Юрий Долгорукий со своими союзниками (рязанцами и половцами) «пойдоша туда на Вятичѣ, и тако взяша я, та на Мценескѣ, оттуда же идоша на Спашѣ, та на Глуховѣ»¹⁷. Таким образом, Юрий пошел на Мценск и Спашь уже после того, как занял «Вятичи». Эти два города находились за пределами «Вятичей». Правда, речь в данном отрывке шла не о всей территории «Вятичи», принадлежавшей Черниговскому княжеству, а лишь о той, что находилась по правому берегу Оки, ибо после неудачи под Черниговом Юрий, возвращаясь из Рыльска, «пойде Суждалю туда на Вятичѣ, и тако прокъ Вятичѣ взя»¹⁸, т. е. захватил оставшуюся незавоеванной по пути на юг часть территории («прокъ Вятичѣ» — остаток, оставшая часть «Вятичей») по левобережью Оки, к северу от Спаша. Если по известию 1147 г. и можно сомневаться в том, что Мценск был за пределами «Вятичей», то рассмотренное сообщение не оставляет места для сомнения.

За пределами «Вятичей», согласно Ипатьевской летописи, находился также и городок Обловь, принадлежавший княгине Святослава Ольговича. В начале 1159 г., зимой, на пути из Гомия (современный г. Гомель) Изяслав Давыдович взял «на щит» Обловь «и оттуда иде у Вятичѣ и заня вси Вятичѣ»¹⁹.

Примерно год спустя, Изяслав Давыдович на пути во Вщиж для помощи своему племяннику Святославу Владимировичу узнал о снятии осады с этого города «и иде Изяславъ у Вятичѣ»²⁰. В данном случае очевидно, что Вщиж (на правом берегу Десны, ныне с. Вщиж Жуковского района Брянской области) был вне территории «Вятичи»²¹. Этот город находился в Подесенье, приблизительно в 35 км к северо-востоку от упомянутого в 1147 г. Воробьиная (ныне с. Воробейня, Почепского района Брянской области)²². Таким образом, ясно, что и Подесенье не входило в «Вятичи».

Близ «Вятичей» располагалась и территория летописного Корачева. Границей служили леса: из Корачева «бѣжа за лѣс у Вятичѣ Святославъ Олговичъ»²³. Святослав остановился в Козельске, его противники — Владимир и Изяслав Давыдовичи — отошли к Брянску, находившемуся на расстоянии дневного перехода к западу от Корачева, чтобы затем продолжить преследование уже совместно со смоленским Ростиславом Мстиславичем²⁴.

.....
щем у с. Спасское на р. Неполоди, левом притоке Оки (Т. Н. Никольская. Указ. соч., стр. 11).

¹⁶ Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) летописи. Изд. 2. Варшава, 1885, стр. 149, 155—157, 302, 306.

¹⁷ ПСРЛ, т. II, стлб. 455.

¹⁸ Там же, стлб. 459.

¹⁹ Там же, стлб. 502.

²⁰ ПСРЛ, т. I, стлб. 350; т. 2, стлб. 508.

²¹ Б. А. Рыбаков. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. — «По следам древних культур. Древняя Русь». М., 1953, стр. 103.

²² А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства, стр. 222—223.

²³ ПСРЛ, т. II, стлб. 336.

²⁴ Там же, стлб. 338.

Итак, по летописным данным конца 40-х — начала 50-х годов XII в. территория, называемая в летописи «Вятичи», лежала к востоку и к северу от линии Обловь — Подесенье — Корачев — Мценск.

А. В. Арциховский, принимая предложенную Н. П. Барсовым западную границу «Вятичей», не согласен с мнением его о том, что Корачев был вне этой территории. Основанием послужило, кроме археологических наблюдений, известие статьи 1185 г. Ипатьевской летописи о том, что в апреле того года киевский князь Святослав Всеволодович «иде въ Вятичѣ Корачеву орудѣ дѣля своихъ»²⁵. Однако, если сопоставить это известие с другим, более обстоятельным сообщением о том же событии в той же статье: Святослав ходил «в Корачевъ и собираеть от вѣрхнихъ земель вой, хотя ити на половци к Донови на все лѣто»²⁶, то станет ясно, что не только в Корачеве собирал он воинов, но и за пределами его территории, т. е. и в «Вятичах».

Сообщение о бегстве из Корачева в «Вятичи» более точно отражает действительное положение вещей, так как события конца 1146 — первой половины 1147 г. в Киевском своде представлены преимущественно данными двух летописцев, подробно описавших ход военных действий. Это летописец Святослава Ольговича и киевский летописец из лагеря Изяслава Мстиславича, также участвовавший в походе вплоть до Корачева. Последнему и принадлежит интересующее нас известие об этом городе²⁷.

Некоторое представление о границах территории «Вятичи» в конце XII в. дает сообщение Ипатьевской летописи о войне черниговских князей с коалицией киевского Рюрика Ростиславича и Всеволода Большое Гнездо в 1196 г. Когда Всеволод и смоленский Давыд Ростиславич «вятицкыя [вятицкыя] города поймали и пожыгѣ», черниговский Ярослав Всеволодович вместе с Игорем Святославичем и другими князьями Черниговской земли «ста подѣ лѣсы своими, засѣкъся от Всеволода и от Давыда и по рѣкамъ велеѣ мосты подѣсѣчи»²⁸. Из этого видно, что территория, где находились «вятицкие города», окаймлялась с юга и юго-запада линией лесов, что и позволяло успешно использовать засечную тактику обороны. Можно предполагать, что засеки Ярослава были близки к известной по письменным и археологическим данным²⁹ Большой Засечной черте XVI—XVII вв. Если допустить, что засеки черниговских князей находились в районе рек Неруссы и Крома (т. е. южнее Корачева, Спаша и Мценска), то такая линия обороны имела бы много уязвимых мест и была бы слишком растянута для успешной защиты от соединенных смоленских, суздальских и рязанских сил при угрозе вторжения и со стороны Киевской или Переяславской земель. Наиболее всего вероятно, что теми лесами, которыми «засеклись» от Всеволода черниговские князья, была почти сплошная полоса лесов от Брянска до устья р. Нугри (севернее последней в настоящее время нет обширных лесов, но в XVII в. существовала Бобриковская засека), продолжавшаяся на правом берегу Оки Большим Белевским лесом, лежавшим к северу от низовьев р. Зуши.

Таким образом, известия конца XII в. перекликаются с данными середины того же столетия, по которым «Вятичи» отделялись от Корачева «лесом». В сопоставлении с этими наблюдениями известие 1185 г. о Корачеве и «Вятичах» представляется неопределенным — Святослав Всеволодович ходил или в «Вятичи» или в «Верхние земли» (последнее понятие, очевидно, более широкое). Во всяком случае отнесение по этой

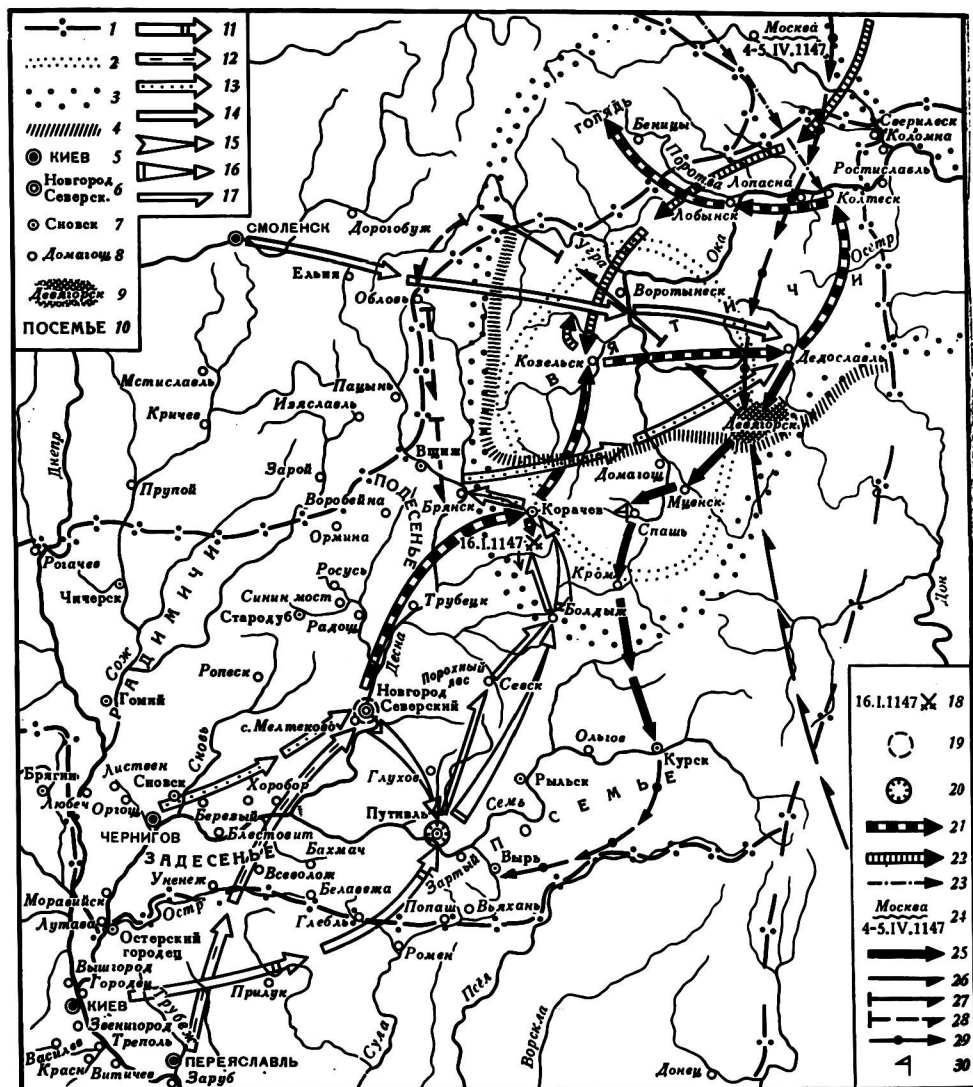
²⁵ Там же, стлб. 637; А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 124, 127.

²⁶ ПСРЛ, т. II, стлб. 645.

²⁷ А. Н. Насонов. История русского летописания XI — начала XVIII века, стр. 105.

²⁸ В Лаврентьевской летописи: «князь же великий внида в волость ихъ, пойма города вятицкыѣ и землю ихъ пусту створи» (ПСРЛ, т. I, стлб. 413; т. II, стлб. 697, 698).

²⁹ А. В. Никитин. Оборонительные сооружения Засечной черты XVI—XVII в.— МИА, № 44. М., 1955.

Границы «Вятичей». Ход военных действий в Черниговской земле (декабрь 1146 г. — лето 1147 г.)

I Границы и центры

- 1 — границы земель-княжений в середине XII в.
- 2 — археологически выявленные границы вятичского ареала VIII—X вв. (по В. В. Седову)
- 3 — археологически выявленные границы вятичского ареала XI—XIII вв. (по А. В. Арциховскому и В. В. Седову)
- 4 — выявленные по летописным данным границы «Вятичей» XII в.
- 5 — центры земель-княжений XII в.
- 6 — центры крупных княжеств XII в.
- 7 — центры княжеств и упомянутых летописью волостей
- 8 — прочие населенные пункты
- 9 — предполагаемый район местонахождения Десятинска
- 10 — географические области

II Основные направления походов зимой 1146—1147 гг.

Направления войск коалиции, возглавляемой Иязславом Мстиславичем Киевским

- 11 — Иязслав Мстиславич (конец декабря 1146 г.)
- 12 — Мстислав Иязславич Переяславский (декабрь 1146 г.)

- 13 — черниговские князья Владимир и Иязслав Давыдовичи (декабрь 1146 г., конец января — февраль 1147 г.)
- 14 — Ростислав Мстиславич Смоленский (конец января — февраль 1147 г.)
- 15 — совместный поход переяславских и черниговских войск (около 24—25 декабря 1146 г.)
- 16 — совместные действия киевских, черниговских и переяславских войск (вторая половина января 1147 г.)
- 17 — форсированный марш трехтысячного отряда Иязслава Давыдовича (середина января 1147 г.)
- 18 — сражение под Корачевом (16 января 1147 г.)
- 19 — осада Новгорода-Северского (середина декабря 1146 г.)
- 20 — успешная осада Путивля (начало — 26 декабря 1146 г.)

Направления войск коалиции Святослава Ольговича и Юрия Долгорукого

- 21 — Святослав Ольгович Новгород-Северский и его союзники: Иван Юрьевич, Владимир Святославич, Иван Берладник, «дикие половцы» Тюнка и Камоса Осолуковичей (декабрь 1146 — март 1147 г.)

статье Корачева к «Вятичам» противоречит всей сумме летописных данных XII в. о территории «Вятичи».

Итак, в известии 1147 г. о бегстве посадников Давыдовичей из «Вятичей» и занятии этой территории войсками Святослава Ольговича Домагощ указан в числе сопредельных «Вятичам» городов. Большинство их находилось близ западной границы «Вятичей», где действовал (в районе верховий Угры и Болвы) отряд Судимира Кучебича. Близ границы «Вятичей», на пути главных сил Святослава Ольговича, указан лишь Мценск (на р. Зуше, правом притоке Оки). Естественно ожидать указания и на другие города у южной границы «Вятичей» (т. е. по линии: Брянск — Корачев — Мценск) близкие к основному направлению похода Святослава Ольговича. Можно думать, что в качестве такого пункта и был рядом с Мценском назван Домагощ.

Наиболее вероятным представляется нахождение Домагоща между Корачевом и Мценском, ибо между Брянском и Корачевом находились леса, а местность к востоку от Мценска не контролировалась Давыдовичами³⁰. Учитывая то, что Корачевская волость, судя по степени залесенности окрестностей города в конце XIX в., распространялась преимущественно к югу и востоку от него, Домагощ следует искать ближе к Мценску, к Оке, севернее Спаша. Последний находился довольно далеко к югу от «Вятичей» по сравнению с Корачевом и Мценском.

Поиск в определенном таким образом районе привел к Домагощу Белевского уезда в выписи из книги 1613/14 г. М. Н. Бибикова и Д. Аврамова. Из нее явствует только, что Домагощ находился в Рупком стане, не более: «написано в Белевском уезде, в Рупком стану, в Домагощи»³¹. В Белевских писцовых книгах 1628—1631 гг., изданных, как и цитированная выпись, Н. В. Елагиным, сохранилось описание рыбных ловель Спасопреображенского Белевского монастыря, позволяющее уточнить положение Домагоща. Описание ведется по правому берегу Оки вверх от Лихвинского рубежа к Мценскому. Правый берег низовья Зуши (Мценский рубеж) входил в Погорельский стан Белевского уезда — здесь у Зуши и Оки упомянуто с. Тапшыково. Рупкий стан (юго-западная часть уезда) находился на левом берегу Оки. Именно здесь и указано: «Да ото Мценского рубежа на низ по реке по Оке, по другую сторону реки Оки, против села Городища Домогашевского — три озерка, да против деревни Бедрина — два озерка, да против деревни Михнев — три озерка Михневские», и далее описание продолжается вниз по левому берегу Оки до Лихвинского рубежа³². Деревни Бедринцы и Михнево сохранили названия и находятся на левом берегу Оки в южной части Белевского района Тульской области, но название села Городище Домогашевское на картах XVIII—XX вв. не обнаружено.

³⁰ Между Мценском и Дедославлем находился Девятгорск, куда в 1147 г. беспрепятственно подошли с юга союзные Святославу Ольговичу половцы, а с севера — сын Юрия Долгорукого — Глеб.

³¹ Н. Елагин. Белевская вивлиофика. Собрание древних памятников об истории Белева и Белевского уезда, т. II. М., 1858. Приложение, стр. 3. Это упоминание известно П. Арумаа (P. Arumaa. Op. cit., p. 115), но летописный Домагощ им не учтен, и локализации собранных названий исследователь не уделял достаточно внимания.

³² Н. Елагин. Указ., соч., т. I, стр. 369—370.

³³ — Юрий Долгорукий (декабрь 1146 г.)

³⁴ — белевская «помочь» от Юрия Долгорукого (февраль 1147 г.)

³⁵ — встреча Святослава Ольговича и Юрия Долгорукого в Москве.

III Освобождение Святославом Ольговичем утративших территорий.

³⁶ — Святослав Ольгович и его союзники: Владимир Святославич, Глеб Юрьевич (конец апреля — август 1147 г.)

³⁷ — Бродники и половцы Токсобичи

²⁷ — русско-половецкий отряд под предводительством Судимира Кучебича и Горена

²⁸ — предполагаемое движение этого отряда от верховий Угры

²⁹ — Глеб Юрьевич

³⁰ — заключение мира с Давыдовичами (август 1147 г.)

Примечание:

а) направления походов даны ориентировочно; б) географические названия даны лишь по данным источников на X—XII вв.

Сложность локализации этого села заключается в том, что Рудцкий стан, как выясняется при нанесении на карту его селений по данным Белевской писцовой книги 1628—1631 гг., был расположен по левому берегу Оки, но разделялся на две части территорией Болховского уезда, выходящей нижним течением р. Нутри к Оке. Северной границей южной половины Рудцкого стана и Болховского уезда было нижнее течение р. Березуи (левый приток Оки). На правом ее берегу и к югу от нее, вдоль Оки, находились в XVII в. деревни и сёла Рудцкого стана (согласно писцовой книге), оказавшиеся в XIX в. в Болховском и Мценском уездах Орловской губернии: Востриково, Фетищево, Чегодаево, Макеевская, Азаровская и др.³³ Граница Белевского уезда с Болховским сохранялась в своих основных чертах вплоть до административно-территориальных реформ второй половины XVIII в., когда южная половина Рудцкого стана отошла к Болховскому и Мценскому уездам³⁴. Эти старые границы в общих своих чертах отмечены на сохранившихся картах Белевского и Болховского уездов середины XVIII в., описанных В. Ф. Гнучевой³⁵.

Именно в южной половине Рудцкого стана известно единственное в этом стане село под названием Городище: «Село Городищи на реке Оке, а в нем место церковное великого чудотворца Николая, да четыре места церковных пусты..., да место дворовое крестьянское пусто, старые пустоты, а чье именем, того никто не помнит». Близ него (выше по Оке) та же Белевская писцовая книга упоминает пустошь Щетинину, Жмакино тож, принадлежавшую Б. Л. Косову³⁶. В списках населенных мест Орловской губернии этим пунктам соответствуют с. Городище и с. Косово (Щетинино), № 419, 420. Село Городище (Мценский район Орловской области) расположено напротив устья Зуши, чуть выше него, в том месте, где Ока образует излучину. Его местоположение соответствует указанию с. Городище Домогашевское — напротив Мценского рубежа (т. е. устья Зуши). Таким образом, есть основание считать, что потеря названия Домагоща произошла между 1614 (дата книги М. Н. Бибикова) и 1628—1631 гг. (дата Белевских писцовых книг) и связана с его запустением.

Городище у с. Городище было зафиксировано на картах Белевского уезда еще петровскими геодезистами, обязанными дополнительной инструкцией 1723 г. указывать на ландкартах «городища пусты..., валы старинные и засеки» и т. п.³⁷ Это городище, расположенное к югу от села, неоднократно обследовалось (1926 г. — П. С. Ткачевский, 1967 г. — С. С. Ширинский). Культурный слой мощностью до 1,5 м содержит обломки стеклянных браслетов, предметы из железа, керамику XII—XIII вв., в верхних слоях — обломки сосудов XVI—XVII вв. Т. Н. Никольская относит это небольшое (около 0,4 га) городище к числу древнерусских феодальных усадеб типа замка и ошибочно отождествляет его с Девягорском³⁸.

Последним существенным аргументом в пользу правильности сопоставления городища у с. Городище с летописным Домагощем является то, что это очень редкое название встречено лишь в районах наибольшего скопления названий на -гощ. П. Арумаа указывает два таких района: Нов-

³³ Н. Елагин. Указ. соч., т. I, стр. 428—429, 431—432, 435—436, 439—440, 451—452; ср.: «Орловская губерния. Список населенных мест по сведениям 1866 г.». СПб., 1871, № 565—566, 413, 422, 421, 3661.

³⁴ В 1777 г. при образовании Тульской губернии «для уравнивания границы» было предписано передать часть Мценского уезда с населением около 8 тыс. человек в Тульскую губернию, а вместо этого отдать в Орловскую провинцию территории с соответствующим количеством населения: «из Белевского уезда 5000, да из Новосильского 3000 душ» (ПСЗ, т. XX, стр. 554).

³⁵ В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии наук XVIII в. М. — Л., 1946, стр. 309.

³⁶ Н. Елагин. Указ. соч., т. I, стр. 433—434, 436—437.

³⁷ С. Е. Фель. Картография России XVIII века. М., 1960, стр. 86.

³⁸ Т. Н. Никольская. К исторической географии земли вятичей. — «Советская археология», 1972, № 4, стр. 170, рис. 7.

городскую область и верхнее течение р. Оки³⁹. В первом известны два гидронима — Домагоща⁴⁰, во втором — уникальный топоним Домагощ. Таким образом, существование на определенной выше территории иного древнерусского городища с названием «Домагощ» маловероятно.

В свою очередь исходящее из определения границы летописных «Вятичей» XII в. обнаружение местоположения Домагоща надежно подтверждает историческую реальность этой границы.

Обращает на себя внимание тот факт, что как в Киевском своде (в составе Ипатьевской летописи), так и в северо-восточном летописании (Лаврентьевская летопись) при описании событий XII в. речь идет лишь о «Вятичах» как части Черниговской земли. Один раз прямо и другой раз косвенно Ипатьевская летопись называет «Вятичей» волостью Черниговской земли (статьи 1142 и 1147 гг.)⁴¹. Дважды сказано (в статьях 1147 и 1159 г.) о том, что войсками были заняты «все Вятичи», когда говорилось лишь о территории Черниговского княжества⁴². В летописном изложении событий XII в. существование вятичей в Суздальской или Рязанской землях можно только угадывать по словам черниговских князей о «наших» или «своих Вятичах» (т. е. возможны иные, не наши «Вятичи»)⁴³. Однако есть свидетельства о походах в «Вятичи» Юрия Долгорукого и на «вятические города» Всеволода Большое Гнездо: в 1152 г. (с рязанцами, цитировано выше), в 1154 г. («пришедши же ему в Вятичъ и ста, не дошедъ Козельска»), осенью 1196 г. (с рязанцами и смолянами, цитировано выше)⁴⁴, из которых прямо явствует, что «Вятичи» находились вне Смоленской, Суздальской и Рязанской земель. Более всего вероятно, что первые два свидетельства относятся к летописанию Юрия Долгорукого⁴⁵, принадлежность третьего известия к северо-восточному летописанию несомненна. Это наблюдение позволяет ограничить летописных «Вятичей» XII в. с севера и с востока пределами Черниговской земли, указанными в работе А. Н. Насонова⁴⁶.

Однако очерченная таким образом территория не совпадает с северными, восточными и южными границами племенного союза вятичей, определенными по археологическим данным как VIII—X, так и XI—XIII вв.⁴⁷ «Вятичи» XII в. занимают лишь центральную часть племенной территории вятичей. Земля вятичей VIII—X вв. (определена В. В. Седовым по распространению вятического обряда трупосожжения) в южной своей части совпадает, в основном, с южными контурами территории вятичей XI—XIII вв. (очерчены А. В. Арциховским по ареалу специфического набора женских украшений), но как раз этот южный район с городами Корачевом, Домагощем, Мценском, Спашем и Кромом в летописное понятие XII в. «Вятичи» не входил.

Эти расхождения можно объяснить тем, что в данном случае мы имеем дело с двумя существенно различными территориями: племенной или этнической (а в XII—XIII вв. — этнографической) территорией вяти-

³⁹ Р. Агутаа. *Op. cit.*, p. 170.

⁴⁰ Гидронимы на -гощ, вероятнее всего, вторичны по отношению к топонимам (С. Роспонд. Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов (имена). — «Вопросы языкознания», 1965, № 3, стр. 8).

⁴¹ ПСРЛ, т. II, стлб. 310—311, 343; ср. т. I, стлб. 315.

⁴² ПСРЛ, т. II, стлб. 342, 502; ср. т. I, стлб. 338.

⁴³ ПСРЛ, т. II, стлб. 371, 374.

⁴⁴ ПСРЛ, т. I, стлб. 342, 412; т. II, стлб. 455, 468, 697.

⁴⁵ Ю. А. Лимонов. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967, стр. 58—59.

⁴⁶ А. Н. Насонов. Русская земля и образование территории Древнерусского государства, стр. 65—66.

⁴⁷ А. В. Арциховский. Указ. соч.; В. В. Седов. Ранние курганы вятичей. — КСИИ, вып. 135, 1973, стр. 11, рис. 4. Ср. также, вероятно, ростовского происхождения приписку, содержащуюся в описании расселения восточнославянских племен Тверской, Львовской и Ермолинской летописей, о том, что вятичи «есть рязанцы» (ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стлб. 23; т. XX, ч. 1. СПб., 1910, стр. 42; т. XXIII. СПб., 1910, стр. 2).

чей, определяемой археологическим путем, и с одной из административных территориальных единиц Черниговской земли XII в., т. е. частью политической, феодальной государственной территории, определяемой по письменным данным.

В некоторой мере это различие находит свое отражение в использовании термина «вятичи» в летописании. В текстах XII в. лишь в статье 1146 г. Ипатьевской летописи он упомянут в несомненно этническом смысле: в Дедославле Давыдовичи «сзъзавша вятичѣ» для переговоров о поимке Святослава Ольговича⁴⁸. В большинстве случаев в XII в. термин «Вятичи» применялся как вполне очевидное название территории: в «Вятичи» можно бежать и выбежать из них, стоять в них, прийти и т. п.⁴⁹ С другой стороны, Повесть временных лет употребляет этот термин преимущественно как этноним. Например, в статье 981 г. говорится: «В сем же лѣтѣ и вятичи побѣди и възложи на нь дань», далее: «В лѣто 6490 заратишася вятичи, и иде на ня Володимеръ и побѣди е второе»; но уже в «Поучении» Мономаха: «а въ Вятичи ходихом по двѣ зимѣ на Ходоту»⁵⁰.

Таким образом, в летописных известиях XII в. термин «Вятичи» применялся как название северо-восточной части Черниговской земли, как географическое название определенной территории. Эта область не совпадала с этническими границами вятичей. Летописные данные XII в. нельзя использовать в качестве прямых свидетельств при определении границ «племени» вятичей, как это делал Н. П. Барсов и ряд других исследователей.

---

⁴⁸ ПСРЛ, т. II, стлб. 338; т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 39.

⁴⁹ ПСРЛ, т. II, стлб. 336, 342, 343, 371, 374, 455, 459, 468, 502, 509.

⁵⁰ ПСРЛ, т. I, стлб. 81—82, 248; т. II, стлб. 69.

О МАРШРУТАХ ПОХОДОВ ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЗЕЙ НА ГОСУДАРСТВО ВОЛЖСКИХ БУЛГАР в XII — первой трети XIII в.

В. А. Кучкин

Проникновение древнерусских феодалов в Среднее Поволжье начинается с X в., когда князья Киевской державы предпринимают ряд походов против волжских булгар¹. О взаимоотношениях Булгарии и Руси в X—XI столетиях письменные источники сообщают очень немногое. Гораздо обильнее материал за XII и первую треть XIII в., содержащийся в русских летописях. В то время на северо-западе от Булгарии формируется и растет новое государственное образование восточных славян — Владимиро-Суздальское княжество, ставшее главной направляющей силой и основным источником древнерусской колонизации Поволжья. Касаясь взаимоотношений древнерусских княжеств и Булгарии, памятники XII—XIII вв. преимущественное внимание уделяют описаниям военных походов.

Маршруты этих походов дают ценный историко-географический материал, позволяющий установить направление древних путей, местоположение ряда городов и областей, определить примерные границы государств, а также объекты военных нападений в те или иные исторические периоды. Разработкой этих вопросов русская историческая наука занималась еще со времен В. Н. Татищева. В ряду многочисленных исследований на данные темы следует отметить почти столетней давности книгу С. М. Шпилевского, в которой автор, несмотря на отсутствие представлений о взаимоотношениях сводов, проделал весьма основательный и удачный анализ русских летописных текстов и пришел к верным выводам относительно местонахождения многих городов и областей Булгарского государства, упомянутых в этих сводах². Подобное «привязывание» летописных пунктов к современным — дело, безусловно, научно важное и нужное. Но еще больший интерес представляет уяснение самой сути этих походов, их общей исторической значимости, а также конкретных последствий, обычно остававшихся вне поля зрения летописцев. Подобные вопросы были поставлены только в советское время. Наиболее авторитетный из современных исследователей истории Булгарского государства А. П. Смирнов пришел к выводу, что борьба русских князей с булгарами в XII — первой трети XIII в. шла за торговые пути и за «включение народов Поволжья в свою феодальную систему»³. Если картина соперничества на торговых путях вырисовывается с большим трудом (точных данных очень мало), то процесс роста Владимиро-Суздальской земли на восток:

¹ Как показывают последние изыскания, и торговля Руси с Волжской Булгарией возникает «не ранее начала X в.». (В. В. Кротошкин. Торговые связи Волжской Булгарии X в. по нумизматическим данным. — «Древние славяне и их соседи» (МИА, № 176). М., 1970, стр. 149).

² С. М. Шпилевский. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.

³ А. П. Смирнов. Волжские Булгары. М., 1951, стр. 44.

и освоения русскими Среднего Поволжья в XII — первой трети XIII в. в своих основных чертах может быть прослежен.

Впрочем, в первой половине и в начале второй половины XII столетия положение было иным. Булгарское государство само обнаруживало стремление к распространению своего влияния на области, подчас весьма удаленные от его границ. Побывавший в Волжской Булгарии в 1135—1136 гг. гренадский мавр Абу Хамид сообщает, в частности, что в то время булгарам платила харадж область Вису⁴. Как справедливо полагал А. Л. Монгайт, речь идет о племенах веси, обитавших у Белого озера⁵. Кстати, при недавних раскопках на Белоозере была обнаружена булгарская керамика XII в.⁶ Проникая так далеко на северо-запад, булгары не могли, естественно, миновать территорий, сравнительно давно заселенных восточными славянами. И в Волго-Окском междуречье происходили столкновения между булгарами и Русью.

Так, Типографская летопись под 1107 г. сообщает о нападении булгар на Суздаль: «Приидоша Болгаре ратью на Соуждаль и обстоуипша градъ и много зла сътвориша, воююща села и погосты и оубивающе многихъ отъ крестьянъ. Сущи же людие въ градѣ не могуще противу ихъ стати, не соущю князю оу нихъ...». В дальнейшем, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, суздальцы сумели отразить нападение: «изъ града изшедше, всѣхъ избивша»⁷. Известие это, хотя и занесенное на страницы летописи довольно поздно⁸ (термин «Суздальская земля», который фигурирует в рассказе, появляется не ранее 40-х годов XII в.), тем не менее достоверно. Нападение булгар было вызвано, очевидно, отсутствием в Ростовской земле князя. По ряду данных, с 1097 г. в Ростове и Суздале от имени своего отца правил один из сыновей Мономаха и Гиты Гаральдовны Вячеслав⁹. В начале августа 1107 г. он принял участие в большом походе русских князей на половцев¹⁰. Уходом Вячеслава с дружиной на помощь отцу, по всей вероятности, и воспользовались булгары, организовав нападение на Суздаль.

Каким же путем булгары достигли Суздаля? Во всяком случае, не с севера, со стороны Волги, где необходимо было преодолеть сопротивление Ярославля и главного города земли — Ростова¹¹. Иной путь из Волжской Булгарии к Суздалю шел по рекам Волге, Оке, Клязьме и Нерли Клязьменской. Им, несомненно, и воспользовались булгары в 1107 г. Это была старая торговая дорога, соединявшая обитателей Волго-Окского междуречья с народами Среднего Поволжья и далее со странами Востока¹². В военное время мирные торговые пути становились путями вооруженных походов. Напав на Суздаль, булгары повоёвывали «села и погосты»,

⁴ «Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.)». М., 1971, стр. 31.

⁵ Там же, стр. 104—105.

⁶ Л. А. Голубева. Белоозеро и Волжские болгары. — МИА, № 169. М., 1969, стр. 41, прим. 2.

⁷ ПСРЛ, т. XXIV. Пг., 1921, стр. 73.

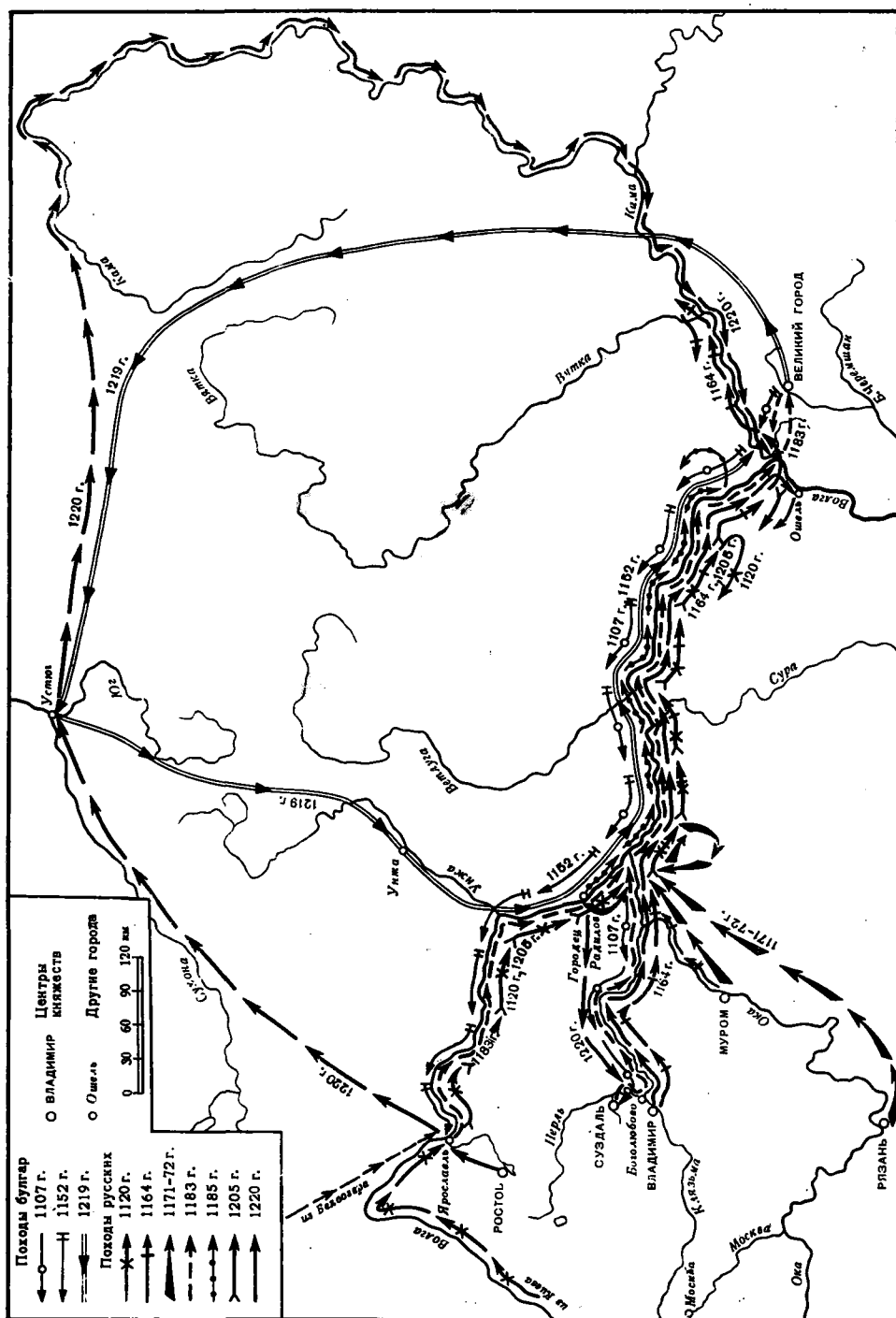
⁸ О ростовском происхождении летописного источника, включившего это известие, см. А. А. Шахматов. «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.». М. — Л., 1938, стр. 290—291. А. Н. Насонов, подтверждая вывод А. А. Шахматова о ростовском происхождении одной из составных частей Типографской летописи, относительно известия 1107 г. о нападении булгар на Суздаль, тем не менее писал, что, где именно и когда было оно записано, определить трудно (А. Н. Насонов. История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969, стр. 120).

⁹ В. А. Кучкин. Ростово-Суздальская земля в X — первой трети XIII веков (центры и границы). — «История СССР», 1969, № 2, стр. 73.

¹⁰ ПСРЛ, т. I, ч. 1. Изд. 2-е. Л., 1926, стлб. 282; ПСРЛ, т. II. Изд. 2-е. СПб., 1908, стлб. 258.

¹¹ С р. Волги через г. Ярославль на Ростов и далее на р. Нерль Клязьменскую шел древний торговый путь (А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 174; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. Изд. 2-е. М., 1956, стр. 416).

¹² А. Н. Насонов. «Русская земля»... стр. 174, прим. 3.

Погоды булгар на русские земли и русские на булгарские земли XII—XIII вв.

т. е. центры местного феодального землевладения и сбора даней. Летопись не упоминает городов, пострадавших от булгар при их продвижении к Суздалю. Очевидно, крепостей южнее и восточнее Суздаля к 1107 г. еще не было. Такой же вывод можно сделать при анализе летописного рассказа о более ранних событиях 1096—1097 гг. Тогда двигавшийся из Мурома на Мономашича Мстислава Олег Святославич не встретил на своем пути к Суздалю ростовских городов или городков¹³. Следовательно, в конце XI в. укреплений по рекам Нерли и Клязьме еще не было, как не было их и десять лет спустя. Лишь в 1108 г. Мономах возводит на берегах р. Клязьмы г. Владимир (Володимирь)¹⁴. Основание этого города Н. П. Барсов связывал с защитой Ростово-Суздальской земли от нападений черниговских князей¹⁵, видимо, потому, что Владимир был заложен не на речной дороге с низовьев р. Клязьмы к Суздалю, а несколько в стороне от нее, на р. Клязьме в 10 км выше устья р. Нерли. Мнение Н. П. Барсова представлялось убедительным и С. Ф. Платонову и А. Н. Насонову¹⁶. Между тем в конце первого десятилетия XII в. отношения Владимира Мономаха с черниговскими Святославичами были мирными¹⁷. Скорее всего, цель возведения Владимира на Клязьме была иной. Она несколько проясняется при обращении к истории древнерусских городов-крепостей на нижней Клязьме, в частности, Ярополча. Раскопки последних лет на Пировом городище, с которым связывается древний Ярополч, обнаружили там слой первой половины XII в. Была вскрыта усадьба, принадлежавшая, как полагает М. В. Седова, княжескому наместнику¹⁸. На территории усадьбы найдена печать с надписью «Днѣслово»¹⁹. Как выяснил В. Л. Янин, время бытования таких печатей было крайне ограниченным: с 1097 по 1113 г.²⁰ Обнаружение подобной печати на территории детинца древнего Ярополча показывает, что крепость здесь была заложена в конце XI — начале XII в., а принимая во внимание косвенные свидетельства летописи под 1096—1097 гг. и 1107 г. об отсутствии ростовских городов в низовьях Клязьмы, следует заключить, что Ярополч был укреплен в начале 10-х годов XII в., т. е. практически одновременно с Владимиром²¹. Постройка двух крепостей на р. Клязьме выше и ниже впадения в нее р. Нерли, скорее всего, была продикто-

¹³ ПСРЛ, т. I, стлб. 237, 239; т. II, стлб. 227, 229.

¹⁴ ПСРЛ, т. XX, ч. 1. СПб., 1910, стр. 103.

¹⁵ Н. П. Барсов. *Очерки русской исторической географии*. Варшава, 1885, стр. 172.

¹⁶ С. Ф. Платонов. Статьи по русской истории. СПб., 1903, стр. 103; А. Н. Насонов. «Русская земля»..., стр. 183.

¹⁷ ПСРЛ, т. I, стлб. 282, 284; т. II, стлб. 258, 259, 260.

¹⁸ М. В. Седова. Торговые связи Ярополча Залесского. — КСИА, № 135. М., 1973, стр. 42, 43.

¹⁹ Там же, стр. 43.

²⁰ В. Л. Янин. Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. I. М., 1970, стр. 81. Сделанное здесь указание, что интересующая нас печать найдена в Ярополче в слое второй половины XII в. (стр. 184), не вполне точно. Насколько можно судить по материалам упомянутой статьи М. В. Седовой, печать обнаружена среди остатков материальной культуры первой половины XII в. На обороте печати имеется изображение св. Ирины. В. Л. Янин полагает, что это патронесса Ирины, жены киевского князя Святополка Изяславича, однако имя княгини выводится исследователем на основании косвенных и очень поздних данных (стр. 84). К тому же трудно объяснить, как печать киевской княгини попала в Ростово-Суздальскую землю, принадлежавшую Владимиру Мономаху. Не проще ли видеть во владелице печати Ирину, сестру Владимира Мономаха, скончавшуюся в июле 1108 г. (см. ПСРЛ, т. II, стлб. 260)? Хотя в Лаврентьевской летописи вместо имени «Ирина» читается «Катерина» (ПСРЛ, т. I, стлб. 283), но чтение Ипатьевской летописи предпочтительнее, так как имя дочери Всеволода Ярославича повторяет имя матери Всеволода — княгини Ирины, второй жены Ярослава Мудрого, а обычно называть внуков и внучек по имени дедов и бабок был весьма распространен в древнерусских княжеских семьях.

²¹ Приведенные новые данные, полученные в результате археологического обследования Ярополча, а также некоторые другие соображения заставляют автора этих строк отказаться от предложенной ранее даты основания Ярополча — 1174—1175 гг. (В. А. Кучкин. Указ. соч., стр. 88).

вана стремлением обеспечить безопасность Суздаля со стороны болгар: при продвижении по Клязьме и Нерли к Суздалю болгары, даже взяв Ярополч, оставляли бы у себя в тылу хорошо защищенный гарнизон Владимира и оказывались, таким образом, между двумя крепостями, расположенными друг от друга на расстоянии менее одного дневного перехода. Характерно, что в последующее время болгары уже не пользовались окско-клязьменско-нерльским водным путем для нападения на древнерусские города Волго-Окского междуречья.

Вместе с тем отсутствие в конце XI — начале XII в. ростовских городов восточнее р. Нерли Клязьменской и та легкость, с которой болгары подошли в 1107 г. к Суздалю, заставляют полагать, что племена мордвы и мещеры, жившие по нижнему течению рек Оки и Клязьмы, находились в указанное время в вассальной зависимости от государства волжских болгар.

В этой связи показательно сообщение русских летописей под 1120 г. о походе на болгар Юрия Владимировича, будущего Долгорукого²². Как установил А. Н. Насонов, известие это — киевское, позднее прошедшее переяславскую обработку²³. В указанный период Юрий являлся ростовским князем²⁴, хотя и не самостоятельным, зависимым от отца. Это объясняет поручение именно ему командования военной экспедицией против Волжской Булгарии и в то же время свидетельствует о том, что поход был акцией, отвечавшей интересам киевской политики Владимира Мономаха. Начав поход, Юрий предпочел более короткому пути на болгар из Ростово-Суздальской земли по рекам Нерли Клязьменской, Клязьме и Оке кружной путь по р. Волге²⁵, отчасти, возможно, потому, что в нижнем течении Клязьмы и Оки он мог встретить сопротивление или просто недружественный прием со стороны местных племен.

Поход закончился для Юрия успешно. Он «взя полонъ много и полкы (в Лаврентьевской — полкъ) ихъ побѣди»²⁶. К сожалению, неизвестно, как далеко проник Юрий в болгарские владения. Думается, ростовский князь едва ли решился тревожить основные центры Булгарии, хотя и опирался не только на силы своей волости, но, судя по всему, также на киевскую помощь. И позднее ростово-суздальские князья, предпринимая походы в глубь болгарских земель, постоянно привлекали союзников.

Нападение Юрия преследовало цели скорее грабежа, чем захвата какой-либо территории. Не случайно поэтому летописи вначале сообщают о захвате Юрием «полона многа» и лишь затем говорят о его сражении с болгарями. Поход 1120 г. был единственной активной операцией воинственного Юрия против своих восточных соседей. Впоследствии он охотнее действовал на западе и на юге, чем на востоке. Очевидно, серьезное столкновение с Волжской Булгарией было еще не по силам ростово-суздальским феодалам и их князю. Характерно, что широкая строительная

²² ПСРЛ, т. I, стлб. 292; т. II, стлб. 286.

²³ А. Н. Насонов. История русского летописания..., стр. 87, 115. Нельзя согласиться с Ю. А. Лимоновым, искусственно возводящим это известие к ростовскому летописному памятнику первой половины XII в. (Ю. А. Лимонов. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967, стр. 28). Свой вывод Ю. А. Лимонов построил на анализе статьи 1120 г. в Тверском сборнике, обнаруживающей совпадения с Киево-Печерским патериком (Ю. А. Лимонов. Указ. соч., стр. 24). Подобные совпадения в весьма позднем летописном своде, каким является Тверской сборник, были отмечены почти столетие назад И. А. Тихомировым и на значительном материале объяснены им как заимствования из Киево-Печерского патерика (И. А. Тихомиров. О сборнике, именуемом Тверскою летописью. — ЖМНП, 1876, № 12, стр. 262, прим. 2). К сожалению, работа И. А. Тихомирова осталась неиспользованной Ю. А. Лимоновым.

²⁴ «Патерик Киевского Печерского монастыря». СПб., 1911, стр. 5; ПСРЛ, т. II, стлб. 289.

²⁵ ПСРЛ, т. II, стлб. 286. Указание, что Юрий ходил на болгар «по Волзь», есть только в Ипатьевской летописи. В Лаврентьевской оно отсутствует (ПСРЛ, т. I, стлб. 292).

²⁶ ПСРЛ, т. II, стлб. 286; ПСРЛ, т. I, стлб. 292.

деятельность Юрия, если судить о ней на основании письменных источников, не охватывала территории восточнее р. Нерли Клязьменской.

Во времена самостоятельного княжения Юрия Долгорукого ростовцам и суздальцам, по-видимому, чаще приходилось отбиваться от болгар, чем вести против них активные наступательные операции. В 1152 г., по сообщению Типографской летописи, «приидоша Болгаре по Волзѣ къ Ярославлю безъ вѣсти и остоупиша градокъ в лодияхъ, бѣ бо малъ градокъ, и изнемогаху людие въ градъ гладомъ и жажею, и не бѣ лѣзъ никому же изити изъ града и дати вѣсть Ростовцемъ. Единъ же оуноша отъ людей Ярославскихъ нощю изшедь изъ града, перебрѣдъ рекоу, вборзѣ доѣха Ростова и сказа имъ Болгары пришедша. Ростовци же пришедша побѣдиша Болгары»²⁷. В данном случае болгары воспользовались тем же путем, что и Юрий в 1120 г. К Ярославлю они сумели подняться по р. Волге «безъ вѣсти». На основании записи 1152 г. А. Н. Насонов сделал вывод о том, что ростово-суздальских городов по р. Волге восточнее Ярославля в середине XII в. не было²⁸. Такое заключение представляется бесспорным. То обстоятельство, что болгары были отражены не князем, а ростовскими феодалами, к которым обратились за помощью ярославцы, объясняется отсутствием Юрия Долгорукого, который в 1152 г. вместе с рязанцами и половцами воевал на юге²⁹. Нападения болгар на Ростово-Суздальскую землю в 1107 и 1152 гг. не случайно совпадали с уходом местных князей на юг. Видимо, болгары имели своевременную и точную информацию о положении дел в близком к ним русском княжестве. Сведения подобного рода они могли получать от сборщиков даней в стране Вису, но скорее всего от своих купцов. В последнем случае необходимо признать наличие тесных и постоянных торговых отношений между Булгарией и Ростово-Суздальской землей³⁰, которые время от времени прерывались военными действиями.

* * *

Активное наступление русских на восток и северо-восток началось при преемнике Юрия, его сыне Андрее Боголюбском. В 1164 г. Андрей вместе со своим сыном Изяславом, братом Ярославом и муромским князем Юрием предпринял большой поход на болгар. Известие об этом походе сохранилось в Лаврентьевской летописи³¹ и в Сказании о чудесах Владимирской иконы божьей матери³². Согласно первому источнику, русские князья болгар «исѣкоша множество, а стягы ихъ поймаша, и одва в малѣ дружинѣ оутече князь Болгарьскыи до Великаго города. Князь же Ондръи воротися с побѣдою, видѣвъ поганыя Болгары избиты, а свою дружину всю сдраву, стояху же пѣши съ святою богородицею на полчищѣ подъ стягы. И приѣхавъ до святое богородици (и до пѣшець) князь Андрѣи с Гюргемъ и со Изяславом и съ Ярославом и со всею дружиною ... и шедше взяша град ихъ славныи Бряхимовъ, а переди 3 городы ихъ пожгоша»³³. В Сказании описание похода 1164 г. на болгар дается в двух статьях. В первой сказано, что Андрей и его союзники «взяша

²⁷ ПСРЛ, т. XXIV, стр. 77.

²⁸ А. Н. Насонов «Русская земля»..., стр. 193—194.

²⁹ ПСРЛ, т. II, стлб. 455—459; т. I, стлб. 338—339.

³⁰ В этом плане весьма показательно более раннее известие о голоде в Ростово-Суздальской земле в 1024 г. и привозе хлеба из Булгарии для прекращения голода (ПСРЛ, т. I, стлб. 147; т. II, стлб. 135).

³¹ ПСРЛ, т. I, стлб. 352—353.

³² Древнейший список Сказания датируется 60—70-ми годами XV в. (ГБЛ, ф. 98, № 637, лл. 383 об.—391). В Никоновской летописи, где использован текст Сказания, поход ошибочно отнесен к 1160 г. (ПСРЛ, т. IX, СПб., 1862, стр. 230). Как справедливо отметил А. П. Смирнов, Никоновская летопись под 1160 г. говорит о том же событии, что и Лаврентьевская под 1164 г. (А. П. Смирнов. Волжские Булгары. М., 1951, стр. 45).

³³ ПСРЛ, т. I, стлб. 352—353.

4 города болгарьскыи, пятии Бряхимовъ на Камѣ и воротися от сѣча». Затем Андрей «воротися опять и попали грады ты огнемъ и положи землю ту пусту, а прочии города осади дань платити»³⁴. Во второй статье говорится, что ростово-суздальские и муромский князья булгар «самѣхъ изсѣкоша множество, а стягы ихъ поймаша, и одва в малѣ друженѣ оутече князь болгарьскийи до Великаго города, а хрестьяни плѣниша славныи грады ихъ. И отъиде Андрѣи с побѣдою, видѣвъ поганыи болгары избиты и свою дружину всю здраву, стояху же пѣши съ святою богородицею на полцищи подѣ стягы. И приѣхавше князи съ всею дружиною до святой богородицы и до пѣшищъ...»³⁵ Сопоставление Лаврентьевской летописи со Сказанием показывает, что тексты их совпадают и что в летописи был использован текст дошедшей редакций Сказания или его протографа. Но в Лаврентьевской летописи нет некоторых деталей, например, не упоминается, что Бряхимов стоял на р. Каме. Участие в походе муромского князя Юрия позволяет установить направление движения русских войск: по р. Клязьме (рати Андрея, его сына и брата), а далее по Оке и Волге. Конечным объектом, подвергшимся нападению русских полков, был г. Бряхимов на р. Каме. Местоположение его точно неизвестно³⁶, однако ясно, что ареной боевых действий явился район нижнего течения р. Камы. По-видимому, судовая рать русских высадилась несколько выше устья р. Камы. Недалеко от места высадки произошло сражение с основными силами булгар. Булгарский князь был разбит и бежал в Великий город. Из контекста Сказания и летописной статьи 1164 г. неясно, какой город имеется в виду. По аналогии с описанием похода 1183 г. (о нем ниже), можно считать, что речь идет о г. Биляре, который был расположен при впадении р. Билярки в р. Малый Черемшан³⁷. Отступление основных булгарских сил в центральные районы государства, кажется, позволило русским беспрепятственно атаковать лежавшие поблизости от них неприятельские города. Оставив, как обычно, пешцев охранять речные суда, князья во главе конных дружин устремились в глубь страны. Им удалось захватить пять булгарских городов. Конечно, это не были центральные города Булгарии. Самым крупным из них был, очевидно, Бряхимов, название которого приведено в Сказании и летописи. Разграбив и предав огню захваченные города, князья возвратились к месту своей высадки и отплыли в русские земли. Правда, Сказание в одном месте сообщает, что Андрей, вернувшись к пешцам, вновь пошел к уже взятым городам: «воротися опять и попали грады ты огнемъ», а затем и «прочии города осади дань платити». Видимо, приведенное свидетельство в прямом смысле понимать нельзя. По всей вероятности, речь идет о булгарских городах, встретившихся Боголюбскому на обратном пути в Русь, быть может, на территории, близкой к его владениям (в Предкамье?). В этом случае получает смысл указание о дани с булгарских городов, взимать которую было гораздо легче с окраинных земель, чем с основных центров Булгарского государства.

Зимой 1171/72 г. русские князья предприняли новый поход на булгар. Почти тождественные рассказы об этом событии сохранились в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях³⁸. В походе приняли участие сын Анд-

³⁴ ГБЛ, ф. 98, № 637, лл. 384—384 об.

³⁵ Там же, л. 385 об.

³⁶ С. М. Шпилевский в свое время на основании одной поздней татарской рукописи, где одна и та же история прилагается и к Бряхимову, и к Булгару, отождествил г. Бряхимов с г. Булгаром (С. М. Шпилевский. Указ. соч., стр. 118—124). Однако такое отождествление ошибочно. Во-первых, поздние татарские рукописи смешивают, например, г. Булгар и г. Елабугу, так что основываться на этих рукописях нельзя. Во-вторых, г. Булгар не стоял на р. Каме.

³⁷ С. М. Шпилевский. Указ. соч., стр. 124—126, 136—139; А. П. Смирнов. Указ. соч., стр. 45, 229.

³⁸ ПСРЛ, т. I, стлб. 364, под 6680 г. ультрамартовским; т. II, стлб. 564—566, под 6681 г. О дате похода — см. Н. Г. Бережков. Хронология русского летописания. М., 1963, стр. 77, 188.

рея Боголюбского Мстислав, сыновья рязанского и муромского князей. Время для нападения было выбрано неудачно: «бысть не любъ путь всѣмъ людемъ симъ, зане непогодѣесть зимѣ воевати Болгарь»³⁹. Мстислав, находившийся в Городце, соединился с муромским и рязанским князьями на устье р. Оки «и ждаша дружины 2 недѣли и не дождавше ѣхаша с переднею дружиною»⁴⁰. Процитированное место приводится иногда как доказательство существования в последней трети XII в. поселения на месте будущего Нижнего Новгорода⁴¹. Действительно, ждать зимой две недели подхода дружины можно было только в каком-то населенном пункте. Но вполне возможно, что полки русских князей ожидали прибытия дополнительных сил не на правом берегу р. Оки, где впоследствии был основан Нижний, а на ее левом берегу.

Какую же дружину поджидали на устье р. Оки Мстислав и его союзники? Речь идет, по-видимому, о дружине Андрея Боголюбского, которую он так и не прислал. Пришел, очевидно, только передовой отряд во главе с Борисом Жидиславичем, воеводой владимирского князя⁴². Получив лишь незначительную помощь от Андрея, Мстислав, муромский и рязанский князья тем не менее «въѣхаша в поганья без вѣсти, взяша селъ 6, самое городъ...»⁴³ Территория, где находились эти шесть сел и город, была расположена недалеко от устья Оки. Земли по обоим берегам Волги выше устья Оки в рассматриваемое время были владимирскими или по крайней мере под контролем владимирского князя. Мстислав шел на соединение с союзниками от Городца. Городец — это Городец Радилов, расположенный на левом берегу Волги в 53 км от Нижнего Новгорода. Сын Боголюбского беспрепятственно достиг места слияния Волги с Окой. Следовательно, болгарских владений севернее р. Оки не было. Не было их и выше по Оке, откуда подошли муромская и рязанская рати. Очевидно, русские князья воевали земли по р. Волге ниже впадения в нее р. Оки. Сколь далеко были расположены эти земли от слияния Оки с Волгой, сказать трудно. Существует мнение, что границы Булгарского государства проходили где-то по р. Суре, а на месте будущего Нижнего Новгорода располагался болгарский торговый центр⁴⁴. Однако данных, подтверждающих такое мнение, нет. Согласно известию 1171/72 г. болгары не знали о готовившемся на них походе. Из этого можно заключить, что территория, примыкавшая на довольно значительном пространстве к устью Оки, в XII в. была подвластна не им. Русские же князья зимой 1171/72 г. воевали земли, контролируемые Волжской Булгарией. Дальнейший рассказ летописи подтверждает высказанную мысль о принадлежности повоюванных земель булгарам. «Слышавше же Болгаре в малѣ дружинѣ князя Мѣстислава пришедша (и) идуща опять (т. е. вспять.— В. К.) с полоном, доспѣша вборзѣ и поѣхаша по нимъ въ 6000. За малыми не постигоша ихъ за 20 верстѣ, князю Мстиславу на оустѣ с малою дружиною, а всю дружину пустившу от собѣ...»⁴⁵ Из приведенного отрывка видно, что и сами болгары смотрели на ограбленную территорию как на свою. Здесь и южнее стояли их городки-крепости, видимо, похожие на исследованное археологами Тигашевское городище-замок болгарского феодала на волжском правобе-

³⁹ ПСРЛ, т. I, стлб. 364.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ И. А. Кирьянов. К вопросу о времени основания г. Горького. Горький, 1956, стр. 22.

⁴² ПСРЛ, т. I, стлб. 364. О Борисе Жидиславиче как воеводе Андрея Боголюбского см. ПСРЛ, т. II, стлб. 543, 560, 573, 574; т. I, стлб. 365.

⁴³ ПСРЛ, т. I, стлб. 364.

⁴⁴ В. Ф. Каховский, А. П. Смирнов. Памятники средневековья чувашского Поволжья.— «Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья». Чебоксары, 1972, стр. 162.

⁴⁵ ПСРЛ, т. I, стлб. 364.

режье⁴⁶. В короткое время булгары сумели собрать шеститысячную рать, и только счастливая случайность спасла дружины русских князей от встречи с нею. Мстислав с союзниками отошли к устью Оки, а затем вернулись «в своя си».

Успешная борьба Андрея Боголюбского с Булгарией привела к расширению территории Владимиро-Суздальского княжества на востоке и северо-востоке. При описании похода 1171/72 г. впервые упомянут Городец (Радилов), ставший опорным военным пунктом Северо-Восточной Руси на средней Волге и центром русской колонизации местного края. Между 1158 и 1174 гг. недалеко от устья р. Клязьмы на границе с мещерскими племенами был zaloжен г. Гороховец. При Андрее Боголюбском впервые начинаются походы суздальцев в Заволочье, в бассейн Северной Двины⁴⁷. Здесь их интересы сталкивались с интересами Новгорода Великого и Булгарии.

Убийство в ночь на 29 июня 1174 г. Андрея Боголюбского было, по-видимому, в какой-то связи с его восточной политикой. По свидетельству Ростовского свода 1534 г., Андрей был убит по наущению своей княгини: «бѣ бо болгарка родомъ и дръжаше къ нему злую мысль не про едино зло, но и просто, иже князь великий много воева съ нимъ Болгарскую землю, и сына посла, и много зла учини Болгаромъ...»⁴⁸ Смерть Андрея и последовавшая «замятня» в Ростовской земле стали известны, по-видимому, в Булгарии и вызвали попытки воспользоваться неблагоприятным положением дел в русском княжестве. Этим и можно объяснить некоторые мероприятия владими́ро-суздальских князей в 70-е гг. XII в.

Так, летопись мельком сообщает о пребывании в начале 1176 г. в Городце Волжском (Радилове) князя Михалки Юрьевича⁴⁹. Поездка владимирского князя в напряженный момент междоусобной борьбы в свой дальний восточный город, очевидно, была вызвана вескими причинами. Она должна быть связана, скорее всего, с какими-то мероприятиями против булгар. В 1178 г. Всеволод Большое Гнездо заложил г. Гледен (близ Устюга)⁵⁰, центр ростовской колонизации в Подвинье, что также диктовалось соображениями военной защиты от булгар и, возможно, новгородцев. К наступательным операциям против Булгарии Всеволод смог приступить лишь спустя несколько лет.

В 1183 г. Всеволоду удалось организовать грандиозный поход русских князей на булгар. Известия о нем с разной степенью полноты сохранились в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях⁵¹. Краткая запись имеется в пергаментном Синодальном списке Новгородской I летописи⁵². Помимо Всеволода в походе приняли участие его племянник Изяслав Глебович, князь Мстислав Давыдович, сын смоленского князя Давыда Ростиславича; четыре сына рязанского князя Глеба Ростиславича: Роман, Игорь, Всеволод и Владимир, а также муромский князь Владимир Юрьевич⁵³. Вместе с Всеволодом на булгар ходил и Владимир Святославич, сын князя киевского Святослава Ольговича, к которому Всеволод

⁴⁶ Г. А. Федоров-Давыдов. Тигапшевское городище (археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.) — МИА, № 111. М., 1962, стр. 59—69, 88.

⁴⁷ ПСРЛ, т. I, стлб. 353, под 6674 г. мартовским. См. Н. Г. Бережков. Указ. соч., стр. 67.

⁴⁸ ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стлб. 250—251.

⁴⁹ ПСРЛ, т. I, стлб. 380.

⁵⁰ Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись. — «Академия наук СССР. Коми филиал. Историко-филологический сборник», вып. 4. Сыктывкар, 1958, стр. 257. В тексте, по-видимому, опечатка: вместо «лета 6636» следует читать «лета 6686».

⁵¹ ПСРЛ, т. I, стлб. 389—390; т. II, стлб. 625—628. О дате похода см. Н. Г. Бережков. Указ. соч., стр. 82, 201.

⁵² «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., 1950, стр. 37, под 6691 г.

⁵³ ПСРЛ, т. I, стлб. 389.

специально посылал за помощью⁵⁴. Одному Всеволоду было трудно бороться с Волжской Булгарией, хотя болгарская держава и страдала в то время от внутренних междоусобиц⁵⁵. Русские полки шли к болгарским городам, по-видимому, двумя путями: от Ярославля по р. Волге (белозерский полк Всеволода, который прямо упоминается в летописях⁵⁶) и обычным путем по Клязьме и Оке, а далее вниз по Волге (по крайней мере, владимирские, рязанские и муромские полки). Спустившись до устья р. Цевцы у острова Исады, русская рать высадилась на берег⁵⁷. Река Цевца обычно отождествлялась с р. Цивилью, но, как убедительно показал С. М. Шпилевский, такое отождествление ошибочно. Сам он поставил вопрос о том, не является ли р. Цевца р. Кирелкой⁵⁸. Ниже, на основании данных XIII в., будут высказаны некоторые соображения о местоположении р. Цевцы и острова Исады. Ипатьевская летопись сообщает, что здесь были оставлены все «носады и галѣ», а для их охраны — белозерский полк во главе с воеводами Фомой и Дорожаем⁵⁹. По Лаврентьевской летописи белозерский полк был отряжен к ладьям во время перехода от Тухчина городка к Великому городу⁶⁰. Однако сообщение Ипатьевской летописи представляется более точным. В таком случае надо полагать, что, высадившись и оставив белозерцев охранять речной флот, князь во главе конных дружин направились к Тухчину городку. Этот городок исследователи связывают с Кураловым городищем⁶¹. Куралово городище находится в 4 верстах от г. Спасска в с. Куралово на проезжей дороге Спасск — с. Щербети⁶². Простояв два дня у Тухчина городка, князь двинулись к Великому городу⁶³.

Путь к нему, как показывает летопись, шел «подем». Действительно, от Куралова до Биляра тянется довольно ровная местность. Здесь русская сторожа встретила половцев хана Емяка, которые, по их словам, «пришли... со княземъ Болгарьским воевать Болгаръ». Рать Всеволода Большое Гнездо при подходе к Великому городу — Биляру перешла реку Малый Черемшан («Черемисанъ» Лаврентьевской летописи), и это определяет направление ее движения: на юго-восток и восток. Следовательно, половцы шли на северо-запад или на запад. В этом направлении от Биляра находился г. Булгар. И слова половцев о том, что они пришли с князем болгарским воевать Болгар надо понимать в том смысле, что целью их похода был г. Булгар⁶⁴, князь которого, очевидно, ранее был изгнан из своих владений, а потому вынужден был обратиться за помощью к половецкому хану Емяку⁶⁵.

⁵⁴ ПСРЛ, т. I, стлб. 625.

⁵⁵ А. П. Смирнов. Указ. соч., стр. 39.

⁵⁶ ПСРЛ, т. I, стлб. 389; т. II, стлб. 625.

⁵⁷ ПСРЛ, т. II, стлб. 625.

⁵⁸ С. М. Шпилевский. Указ. соч., стр. 134—136.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ ПСРЛ, т. I, стлб. 389.

⁶¹ А. П. Смирнов. Указ. соч., стр. 167. С. М. Шпилевский пишет, что Тухчиным городком могло быть не только Куралово городище, но и одно из городищ на р. Ахтае или городище у с. Никольский Боран (указ. соч., стр. 139). Все же наиболее вероятным представляется отождествление с Тухчиным именно Куралово городища.

⁶² С. М. Шпилевский. Указ. соч., стр. 330—332.

⁶³ ПСРЛ, т. I, стлб. 389.

⁶⁴ Показательно, что археологические обследования установили слабую заселенность южных и юго-восточных окрестностей г. Булгара и наличие здесь двух линий укреплений, что свидетельствует о направлениях походов на г. Булгар (Р. Г. Фатрулдинов. Новые археологические памятники Волжской Булгарии в Заволжской Татарии. — «Советская археология», 1969, № 1, стр. 227). Таким образом, свидетельства летописи о направлениях походов на г. Булгар подтверждаются археологическими данными.

⁶⁵ По контексту летописи, у болгарского князя, который привел половцев, собственных сил не было. Встреченный полк Всеволод велел «в роту в Половьцкую», а не в половецкую и булгарскую (ПСРЛ, т. I, стлб. 389).

В то время, когда Всеволод двигался к Великому городу, белозерский полк, оставленный при ладьях, подвергся нападению болгар. По сообщению Ипатьевской летописи, «околни же городъ Болгарьскый Собъкоуляне и Челмата и совокоупишася со инѣми Болгары, зовемыми Темтюзи и совокоупившеся ихъ 5000, идоша насады, а ис Торьцькокого (Торьцьскаго-Лаврентьевской летописи) на конихъ приѣхавшимъ на лодѣ Роускоѣ и выпедѣше на островъ тотъ, и поидоша на Роусь»⁶⁶. Сражение было выиграно русскими. Разбитые болгары бежали к Волге, к своим учанам. Отождествить названные в летописи пункты с современными попытался С. М. Шпилевский. Его попытку следует признать весьма удачной, хотя он полагал, что в летописях речь идет не о населенных пунктах, а о названиях болгарских племен, что сомнительно. Читая летописное «Собъкоуляне» как два слова «Собъ» и «Коуляне», С. М. Шпилевский выделил в бывшей Казанской губернии ареалы наименований «Соба», «Куль», а также «Тямти» («Темтюзи» летописи). Подобные наименования селений и рек встречаются в бывших Лайшевском и Мамадышском уездах, к северу от р. Камы⁶⁷. Можно считать, что здесь и находились упоминаемые в летописи пункты. Такое расположение указанных городов объясняет свидетельство летописи, что их жители плыли к Исадам в ладьях. По С. М. Шпилевскому, они двигались к стоянке русских по рекам Меше и Каме⁶⁸. Челмат летописи и есть, по разъяснению С. М. Шпилевского, татарское название Камы: Челман, Чулман⁶⁹. Где находился летописный Торьцьск, или Торческ, сказать трудно⁷⁰. Возможно, он был расположен южнее р. Камы. Остров Исады, где стоял русский речной флот, был, несомненно, весьма значительных размеров. Во всяком случае, здесь произошла битва, в которой участвовало несколько тысяч человек.

Трехдневная осада Великого города не была успешной для русских князей. Город взять не удалось. В один из приступов был смертельно ранен племянник Всеволода князь Изяслав Глебович. Осажденные болгары предложили мир⁷¹, который, кажется, и был принят. Всеволод со своими союзниками отошел к Исадам, а оттуда вернулся во Владимир, пустив конные полки на Мордву^{71а}. Очевидно, мордовские племена в то время ориентировались на Булгарию, чем и была вызвана акция Всеволода. Поход 1183 г. был самым значительным походом русских князей против болгар в домонгольское время. О нем сохранились подробные рассказы не только во владимирском летописании, дошедшем в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. Об этом походе знали в Новгороде Великом и помнили в Южной Руси, где автор «Слова о полку Игореве», обращаясь к Всеволоду, писал: «Великий княже Всеволоде!... Ты бо можешу Волгу веслы раскропити..., ты бо можешу посуху живыми перешпыры стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы»⁷².

Спустя два года Всеволод послал на болгар «воеводы своѣ с Городьчаны и взяша (села) многы и възвратишася с полоном (многим)»⁷³. Этот набег имел местное значение. Было взято лишь несколько сел, города остались не потревоженными. Отправной точкой похода послужил, по-видимому, Городец Радилов на Волге.

По свидетельству Никоновской летописи, в 1205 г. Всеволод посылал судовую рать на болгар, которая ходила «по Волзѣ до Хомоль»⁷⁴. К со-

⁶⁶ ПСРЛ, т. II, стлб. 626.

⁶⁷ С. М. Шпилевский. Указ. соч., стр. 141—143.

⁶⁸ Там же, стр. 144.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же, стр. 145.

⁷¹ ПСРЛ, т. I, стлб. 390.

^{71а} «Всеволодъ възвратися в Володимерь, а конѣ пусти на Мордву». — ПСРЛ, т. I, стлб. 390.

⁷² «Слово о плъку Игоревѣ». М., 1938, стр. 36.

⁷³ ПСРЛ, т. I, стлб. 400, под 6694 г. ультрамартовским (Н. Г. Бережков. Указ. соч., стр. 83).

⁷⁴ ПСРЛ, т. X. СПб., 1885, стр. 50.

жалению, отождествить Хомолы с известным в настоящее время топонимом или гидронимом не удастся. Но во всяком случае борьба шла по берегам р. Волги.

По ряду признаков при Всеволоде Большое Гнездо происходило интенсивное освоение суздальцами низовьев р. Сухоны и бассейна р. Юга. Одновременно в этот район начали проникать и болгары. В 1219 г. уже при преемнике Всеволода Юрии они взяли «лестью» Устюг, а затем осадили Унжу. Однако унжане сумели отбиться⁷⁵. Нападение болгар на Устюг и Унжу вызвало в следующем году ответный поход русских войск. Со стороны Устюга впервые было предпринято нападение на болгарские земли в верховьях р. Камы⁷⁶. Но основная рать — владимирские, ростовские, переяславские полки под командой брата великого князя Владимирского Святослава Всеволодовича, а также дружины двух муромских князей, шла по рекам Клязьме и Оке. Соединившись на устье Оки, эти войска поплыли вниз по Волге. На «Исадѣхъ противу Оплю» они высадились на берег. Оставив полк у ладей, Святослав и муромские князья направились, как сообщает летопись, «от берега къ лѣсу». «И прошедшемъ имъ лѣсъ, выидоша на поля къ граду». По убедительным соображениям Н. Ф. Калинина и А. Х. Халикова и вопреки мнению, высказанному в свое время П. А. Пономаревым⁷⁷, эти топографические ориентиры Опеля как нельзя лучше подходят к болгарскому городищу, расположенному в 9 км западнее правого берега р. Волги, близ притока р. Свяги р. Кильны примерно в 900 м к северу от с. Богдашкина⁷⁸. Зная положение Опеля, легко определить и местоположение Исад. Из дальнейшего текста летописи становится ясно, что так назывался остров⁷⁹. Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков отождествляют этот остров с современным островом Маленьким, расположенным в протоке Волги близ Богдашкинского городища. После взятия Опеля Святослав отошел к Исадам, а затем «поидоша прочь вѣверхъ по Волзѣ». Далее в летописи дается очень красочная картина возвращения судовой русской рати. Одновременно летописный текст содержит и важные географические указания: «Слышавше же Болгари въ Великомъ градѣ и въ иных градѣхъ, яко город их Опель взят, и печальни быша повелику зѣло и собрашася вси со князьми своими, овии на конихъ, друзии же пѣши, и приидоша на брегъ. Слышавъ же Святославъ, оже Болгаре собравшеся ждуть его на Исадахъ, повелъ же всѣмъ своимъ своимъ обочитися въ бранѣ и стягы наволочити, и наряди полкы в насадѣхъ и в лодиахъ, и поиде полкъ по полцѣ, бьюще въ бубны и въ трубы и в сопѣли, а сам князь по них поиде. Болгари же идуще по брѣгу, видяще своих ведомых, овому отци, иному сыны и дщери, другому же братья и сестры и съплеменници, и стаху покывающе главами своими, и стояюще сердци ихъ и смѣжающе очи свои. Святославъ же минувъ Исады и ста на усть Камы. И ту прииде к нему Воиславъ Добрынич, и ростовци и устьюжане со множеством полона и с корыстью великою, тѣ бо отпущени бѣху прежде еще вниз идуще воевати по Камѣ, и взяста по неи много градковъ, а селъ нѣколико..»⁸⁰.

Из приведенного текста видно, что на Волге несколько ниже устья Камы было два места с одинаковым названием Исады. Одни Исады являлись

⁷⁵ ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 116.

⁷⁶ Там же, стр. 116.

⁷⁷ П. А. Пономарев. Данные о городах Камско-Волжской Булгарии. Булгарский город Опель. Казань, 1893, стр. 4.

⁷⁸ Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг.—«Академия наук СССР. Труды Казанского филиала. Серия исторических наук». Казань, 1954, стр. 92—93.

⁷⁹ После взятия Опеля Святослав пошел «къ лодиям своимъ». Но началась буря, и до ладей оказалось невозможно добраться. Лишь когда «нача буря тишится», Святослав и муромские князья перешли «в завѣтрие на островъ с полкы своими» (ПСРЛ, т. XXV, стр. 117).

⁸⁰ ПСРЛ, т. XXV, стр. 117.

островом недалеко от Ошеля, близ правого берега Волги. Вторые Исады были расположены выше по Волге, ближе к ее левому берегу. Так можно судить на основании того, что здесь намеревались собраться булгары из Великого города и других городов, чтобы перерезать путь ладьям Святослава. Как уже отмечал С. М. Шпилевский, приход булгар из Великого города — Биляра к Исадам свидетельствует о наличии дороги, связывавшей оба пункта⁸¹. Если вспомнить, что в 1183 г. русские полки также шли от Исад к Великому городу, то есть все основания полагать, что в обоих случаях имеются в виду одни и те же Исады. Исады, упоминаемые в описании похода 1183 г., были расположены, несомненно, ниже устья р. Камы. Будь они выше камского устья, конным дружинам русских князей на пути к Биляру пришлось бы форсировать р. Каму, однако летописи об этом молчат. Да и намечая поход на Великий город, Всеволод и его союзники в 1183 г. должны были высадиться ближе к нему, не отделяя себя от основного объекта похода таким рубежом, как р. Кама. Исады 1183 г. — остров. Исады близ Ошеля, упомянутые в 1220 г., — также остров (Маленький) лежат близ правого берега р. Волги, примерно в 30 км ниже устья Камы. Следовательно, оба острова находились сравнительно недалеко друг от друга. По-видимому, целый ряд островов ниже устья р. Камы и назывались Исадами. Определив местоположение острова Исад 1183 г. (между островом Маленьким и устьем р. Камы, ближе к левому берегу р. Волги), можно указать и р. Цевцу, недалеко от устья которой находились Исады 1183 г. Конечно, р. Цевцой не могла быть р. Кирелка, как в свое время думал С. М. Шпилевский, поскольку эта река является правым притоком р. Волги. Слева же в Волгу ниже Камы впадает лишь одна крупная река — Бездна. По-видимому, ее и следует отождествлять с р. Цевцой Ипатьевской летописи.

Текст о походе 1220 г. прямо говорит о многочисленных булгарских городках по р. Каме. И это согласуется с показанием известия 1164 г. о г. Брахимове на р. Каме.

Благополучно миновав сторожившее его у Исад булгарское войско, Святослав достиг Городца. Здесь он «выиде из лодей и поиде къ граду Володимирю на коних»⁸². Великий князь Владимирский Юрий Всеволодович встречал брата-победителя «у Боголюбова на рѣцѣ Сурамлѣ»⁸³. Место встречи говорит о том, что сухопутный путь с Городца Волжского на Владимир не совпадал с речным. Он шел к р. Нерли Клязьменской, затем вниз вдоль ее течения и приводил к столице Северо-Восточной Руси. Такое направление пути из центра Владимиро-Суздальской земли к Городцу подтверждается дальнейшим летописным рассказом. По летописи, булгары, напуганные походом Святослава на Ошель, прислали к великому князю Юрию послов «молящися и мира просяще»⁸⁴. Но в мире им было отказано.

Юрий готовился к новому походу на Булгарию. Приказав ростовскому князю Васильку Константиновичу идти на Городец, он и сам отправился туда же. На пути к Городцу «на Омутѣ» его нашло второе булгарское посольство⁸⁵. Омут — скорее всего, с. Омутское на р. Нерли несколько выше Суздаля⁸⁶. Следовательно, идя к Городцу, Юрий подымался по р. Нерли Клязьменской, а далее сворачивал на восток. Сухопутный путь связывал Городец и с Ростовом⁸⁷. Задуманный поход Юрия на булгар так и не состоялся. В Городец, куда пришли Юрий и Василько Ростовский со своими полками, булгары прислали новое посольство, третье по

⁸¹ С. М. Шпилевский. Указ. соч., стр. 153.

⁸² ПСРЛ, т. XXV, стр. 117.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ АСВР, т. II. М., 1958, № 444, 461.

⁸⁷ ПСРЛ, т. XXV, стр. 117.

счета, с просьбой о мире. И мир был заключен. Юрий «управившись по прежнему миру, яко же было при отци его Всеволодѣ и при дѣдѣ его Георгии Володимеричи»⁸⁸. Соглашение, заключенное в 1220 г., было, несомненно, весьма выгодно для владимирского князя. Но почему при этом в летописи приведена ссылка на договор Юрия Долгорукого, о громких победах которого над булгарами источники молчат, и совершенно не упомянуты договорные грамоты Андрея Боголюбского, ведшего с булгарами успешную борьбу? По-видимому, разгадка заключается в особенностях формуляра древнерусских договорных грамот. В преамбуле некоторых из наиболее ранних сохранившихся таких документов встречается пункт: «На семь, княже, цѣлуи хрьсть..., на цѣмъ то цѣловали дѣди и отци»⁸⁹. Летописец, писавший о договоре 1220 г., конечно, знал его текст. Последний, очевидно, содержал стереотипное вступительное указание на старину, как было при отцах и дедах.

Под пером летописного сводчика общее место было уточнено: отец и дед Юрия Всеволодовича были названы по именам, что придавало летописной записи весьма конкретный характер. Однако видеть в ней адекватное отражение действительности не следует. Похоже, что фраза — чисто книжного происхождения.

По-видимому, одним из условий договора 1220 г. был отказ болгарских князей от своего контроля над мордовскими племенами. Во всяком случае, далеко не случайно то обстоятельство, что в 30—40-х годах XIII в. владими́ро-суздальские феодалы не предпринимают больше походов против Булгарии, но начинают интенсивно осваивать мордовские земли. Уже в 1221 г. Юрий Всеволодович в важном стратегическом месте, при впадении Оки в Волгу заложил Нижний Новгород⁹⁰. В течение ближайших лет здесь были построены каменная церковь и монастырь⁹¹ — вероятные очаги распространения христианства среди местного населения. В 1226 г. Юрий посылал на мордву своих братьев Святослава Юрьевского и Ивана Стародубского, которые сумели захватить несколько мордовских сел⁹². В сентябре 1228 г. владимирский князь отправил на мордву ростовского князя Василька и своего воеводу Еремея Глебовича, будущего защитника Коломны от полчищ Батыя⁹³. Русские полки были уже «за Новым городом на предѣх Мордовьских», когда Юрий из-за начавшихся проливных дождей вернул их обратно⁹⁴. Вместо «предѣх» надо читать «пределѣх». Мордовские пределы начинались за Нижним, т. е. далее вниз по Волге.

В январе 1229 г., когда установились зимние дороги, Юрий осуществил намеченный поход на мордву. В нем приняли участие брат Юрия перемышльский князь Ярослав, Василько Ростовский, ярославский князь Всеволод и муромский Юрий Давыдович. Союзники «вшедъ в землю Мордовскую Пургасову волость пожгоша, жита и потравиша и скоть избыша, полонъ послаша назад»⁹⁵. Очевидно, цели январского похода 1229 г. оставались теми же, что и сентябрьского похода 1228 г. Если так, то Пургасову волость, о местоположении которой много спорят⁹⁶, следует искать на восток или на юго-восток от Нижнего Новгорода. В последнем случае будет понятно и приведенное указание об отсылке мордовского полона «назад», т. е. в Нижний, и летописное известие о нападении в апреле 1229 г. на Нижний Новгород Пургаса⁹⁷. Видимо, рядом с владениями

⁸⁸ ПСРЛ, т. XXV, стр. 117.

⁸⁹ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». М.—Л., 1949, стр. 10 (договорная грамота Новгорода с князем Ярославом Ярославичем 1266 г.).

⁹⁰ ПСРЛ, т. I, стлб. 445.

⁹¹ Там же, стлб. 447, под 6733 г.; стлб. 451, под 6737 г.

⁹² Там же, стлб. 448—449.

⁹³ Там же, стлб. 450, 460.

⁹⁴ Там же, стлб. 450—451.

⁹⁵ ПСРЛ, т. I, стлб. 451.

⁹⁶ Ср. А. Н. Насонов. «Русская земля»... стр. 207—208.

⁹⁷ ПСРЛ, т. I, стлб. 451.

Пургаса, быть может ближе к р. Оке, находились владения Пуреша, которого летопись называет «ротником Юргевым»⁹⁸, т. е. вассалом великого князя Владимирского. Кампания 1229 г. закончилась для Юрия Всеволодовича успешно, хотя мордва, укрывшаяся в «твердых», запрятанных в глубоких лесах, сумела окружить часть дружин Ярослава, Василька и Всеволода, а затем перебить или захватить в плен окруженных⁹⁹.

Спустя несколько лет Юрий вновь организовал поход против мордовских племен. Зимой 1232/33 г. владимирский великий князь послал «на мордву» своего старшего сына Всеволода, племянника Федора — сына переславль-залесского князя Ярослава Всеволодовича, а также рязанских и муромских князей¹⁰⁰. По словам летописи, князья «мордвы избиша много» и пожгли их села, но этим и ограничились.

Поход 1232/33 г. был последним крупным военным предприятием русских князей в Среднем Поволжье в XIII в. Он происходил уже тогда, когда татары зимовали немного «не дошедше Великого града Болгарьскаго»¹⁰¹. Гроза Батыева нашествия должна была вот-вот разразиться над Волжской Булгарией и Русью. Завоевание татаро-монголами Руси замедлило процесс движения русских на восток, в частности, в Среднее Поволжье, но полностью остановить его оно оказалось не в силах.

.....

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же, стлб. 459.

¹⁰¹ Там же.

ДМИТРОВСКИЙ УДЕЛ

в конце XIV — середине XV в.

В. Д. Назаров

Задача работы — проследить изменения территории Дмитровского княжества в период его существования как удела князей московского дома. Формирование и изменения земельного состава любого удела в XIV — середине XV в. были непосредственно связаны с политической историей того времени. Отсюда вторая цель статьи — выяснение времени и причин неоднократного выделения дмитровского удельного княжения, его перехода из одних рук в другие.

Сюжеты, затронутые здесь, уже не раз обсуждались в литературе, начиная с С. М. Соловьева. Краткую характеристику Дмитровско-Галицкого удела в XIV в., а также интересную трактовку изменения статуса Дмитрова в годы правления Дмитрия Донского дал А. Е. Пресняков¹. В советской историографии первым названных вопросов коснулся М. Н. Тихомиров. Отдельные страницы его работ по истории Дмитрова, поселений Дмитровского уезда посвящены удельному времени Дмитрова, когда он находился во владении кн. Петра Дмитриевича, а затем кн. Юрия Васильевича². Детальные исследования Л. В. Черепнина по-новому осветили историю взаимоотношений князей московского дома, их уделов в конце XIV — 50-х годах XV в., в том числе и Дмитровского удела³. Статья В. А. Кучкина специально посвящена Галицко-Дмитровскому княжению в XIV в. В ней установлен важный факт родственных связей кн. Владимира Андреевича серпуховского (по матери) с последними представителями линии галицко-дмитровских князей немосковского происхождения, дано новое истолкование проблеме присоединения Галича⁴.

Укажем также монографии С. М. Каштанова и Г. В. Попова. В работе С. М. Каштанова содержится ряд ценных наблюдений о формуляре дмитровских жалованных грамот. Г. В. Попов исследует историю Дмитрова как художественного центра в XIV—XV вв. на широком фоне политической жизни Дмитровского удела⁵. Отметим также работы В. Н. Дебольского, Ю. В. Готье, М. К. Любавского и В. А. Кучкина, где систематизированы историко-географические данные за XIV—XVII вв.⁶

¹ А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII — XV столетий. Пг., 1918, стр. 189—190, 377—378 (прим.).

² М. Н. Тихомиров. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973, стр. 175—177, 218, 222—223, 234, 235, 238 и др.

³ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 1. М.—Л., 1948, гл. 1, § 8; гл. 2, § 1, 3; гл. 3; он же. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, гл. V, § 3, 7, 8, 11—13; гл. VI, § 1—3; он же. К вопросу о роли городов в процессе образования Русского централизованного государства.— «Города феодальной России». Сборник статей памяти Н. В. Устюгова. М., 1966, стр. 113.

⁴ В. А. Кучкин. Из истории генеалогических и политических связей Московского княжеского дома в XIV в.— «Исторические записки», т. 94, стр. 365—384.

⁵ С. М. Каштанов. Очерки русской дипломатики. М., 1970, стр. 64—65 и др.; Г. В. Попов. Художественная жизнь Дмитрова XV—XVI вв. М., 1973.

⁶ В. Н. Дебольский. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник, т. I. СПб., 1901 (отд. оттиск); Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII в. М., б/г., приложение; М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929; В. А. Куч-

В указанных трудах полно проанализированы сведения по интересующим нас вопросам, взятые из духовных и договорных грамот XIV—XV вв., а также летописей. Меньшее внимание исследователей привлекли акты из монастырских архивов. В этом плане можно назвать лишь работы С. Б. Веселовского и Л. В. Черепнина⁷. Но и в них нет систематического анализа актов с точки зрения политической и территориальной истории Дмитровского удела. Из сказанного ясно, что в плане поставленных выше задач важно исчерпывающее сопоставление актов с показаниями других источников.

Как уже отмечалось, история Дмитровского княжества в XIV в. (включая его временное пребывание вместе с Галичем в уделе кн. Владимира Андреевича серпуховского) изучена А. Е. Пресняковым, Л. В. Черепниным, В. А. Кучкиным. Поэтому мы начнем исследование с образования дмитровского удела кн. Петра Дмитриевича. Нас будет интересовать три вопроса: первый — особенности территориального состава княжества Петра Дмитриевича по завещанию отца, второй — когда реально образовался удел кн. Петра и насколько точно соблюдались постановления духовной (и третий — история территории удела дмитровского князя в связи с политическими событиями того времени).

Хорошо известно (это еще подчеркивал и А. Е. Пресняков), что Дмитрий Донской при назначении уделов сыновьям выделил две группы владений. В первую вошли земли Московского княжества и великокняжеские села (как подмосковные, так и в соседних уездах). Вторую составили территории собственно великого княжения (они передавались старшему сыну Василию), а также не слившиеся в политико-административном отношении ни с ними, ни с московскими землями «купли» и «примыслы» московских князей. В составе второй категории кн. Петр получил Углич (он назван «куплей» Ивана Калиты), а также вологодские волости Тошну и Сяму (время и способ их перехода в руки московских князей пока не выяснены; располагались они к западу и северо-западу от Вологды). Среди владений Петра Дмитриевича первой группы в духовной названы Дмитров, двенадцать московских волостей, два подмосковных села и село в Юрьев-Польском уезде⁸. Показательно прежде всего включение Дмитрова в духовной Дмитрия Донского в разряд старой московской вотчины в противоположность Галичу, который передается Юрию и фигурирует среди «купель» Ивана Калиты. Представления же о политическом единстве Галича и Дмитрова были достаточно живучими в середине и второй половине XIV в. В. А. Кучкин в связи с этим вполне правомерно подчеркивает два обстоятельства. Первое, что сын последнего дмитровского князя из рода Константина Ярославича — Дмитрий Борисович в период временного ослабления Москвы получил в 1360 г. в Орде ярлык на Галичское княжение. Второе — кн. Владимир Андреевич серпуховской, связанный по матери родственными узами с последним самостоятельным галичским князем⁹, временно получает в 60—70-е годы от Дмитрия Донского и Галич, и Дмитров (последнее установил Л. В. Черепнин). Сопоставляя приведенные факты, можно сделать следующее предположение. Не исключено, что способы приобретения московскими князьями (а именно Иваном Калитой) Дмитрова и Галича были раз-

кин. Территория Московского княжества в первой половине XIV в. Машинопись. Выражаем искреннюю благодарность автору за возможность ознакомления с рукописью.

⁷ «Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI века» (далее — АСЭИ), т. I. М., 1952, стр. 283, № 389; С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, стр. 218—219, 327—328 и др.; Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы, ч. 2. М., 1951, стр. 221.

⁸ «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» (далее — Д и ДГ). М.—Л., 1950, № 12, стр. 34.

⁹ «Исторические записки», т. 94, стр. 371—372, 377—378.

личными, что и нашло отражение в завещании Дмитрия Донского. Но более вероятно, на наш взгляд, другое толкование. Роль Дмитрова, грабившего с Тверским княжеством (основным соперником Москвы), в политико-стратегических интересах московских князей была более значительной и жизненно важной, чем Галича. Поэтому отобрание Дмитрова и Галича Дмитрием Донским у своего двоюродного брата в конце 80-х годов сопровождалось, видимо, и изменением статуса первого в системе всех владений московского князя. Этим, в частности, юридически гарантировалось его закрепление в руках прямого потомства Дмитрия. Нас не должна смущать передача Дмитрова младшему сыну. Характер духовной Дмитрия Донского стимулировал всех его сыновей к проведению совместного политического курса в борьбе за преобладание в северо-восточной Руси.

В составе земель первой категории кн. Петр получил и двенадцать московских волостей — Мушкову гору,¹⁰ Ижво, Раменку, слободку князю Иванову, Ворю, Корзенево, Рогож, Загарье, Вохну, Сельну, Гуслицу, Шерну городок. Семь из них упомянуты в духовной Ивана Калиты в составе удела его второй жены Ульяны. Это шесть волостей (Мушкова гора, Воря, Вохна, Сельна, Гуслица, а также или Дейково раменье, или «Раменье, что было за княгинею») и одно село (Рогож), разросшееся к концу XIV в. в волость. Надо думать, что и остальные волости кн. Петра, не названные в духовной Калиты, — новообразования, выделившиеся на территории волостей, отданных Ульяне. К такому выводу приводит расположение удела второй жены Калиты. Это был единый территориальный комплекс, охватывавший московские городские станы дугой с северо-запада на юго-восток¹¹. По духовной великого князя Ивана Ивановича, после смерти Ульяны ее владения должны были быть поделены между четырьмя лицами (не считая Сурожики и с. Лучинского, которые отдавались в пожизненное владение дочери Ульяны): двумя его сыновьями (Дмитрием Донским и Иваном), его вдовой и кн. Владимиром Андреевичем серпуховским¹². Однако двое из названных лиц (жена кн. Ивана Красного и его сын Иван) умерли в 1364 г., когда Ульяна еще, видимо, была жива¹³. Поэтому ее вдовий «наделок» был разделен Дмитрием Донским с кн. Владимиром Андреевичем, которому досталась одна треть. В нее вошли: треть Мушковой горы, город Радонеж «с волостями»¹⁴, волости Бели и Чернооголовь, и по крайней мере два села (Михайловское и Тыловское-Туловское)¹⁵. Из двух третей Дмитрия Донского основной массив земель княгини Ульяны перешел по его духовной в удел кн. Петра: из вдовых волостей только кн. Юрию Дмитриевичу отдавался к Звенигороду Сурожик¹⁶.

¹⁰ Так в тексте духовной, но точнее — 2/3 Мушковой горы (см. ниже).

¹¹ Д. и ДГ, № 1, стр. 8, 9. В частности М. К. Любавский, а за ним и В. А. Кучкин определяют местонахождение не упоминаемых позднее Данилищевой слободки и Машева между Вохной и Сельной (см. В. А. Кучкин. Территория Московского княжества в первой половине XIV в.). Позднее там располагалось Загарье.

¹² Д. и ДГ, № 4, стр. 15, 16.

¹³ ПСРЛ, т. XV, вып. 1. Изд. 2-е. Пг., 1922, стлб. 78.; ср. договор Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем около 1367 г., где Ульяна фигурирует еще живой (Д. и ДГ, № 5, стр. 20).

¹⁴ В духовной Калиты названы Радонежское (надо думать — волость) и с. Радонежское (центр этой волости) — Д. и ДГ, № 1, стр. 8, 9; о ряде аналогичных случаев особых обозначений волости и села (ее центра) в духовных Калиты см. В. А. Кучкин. Территория Московского княжества... Позднее Радонеж стал городом с тянущими к нему волостями.

¹⁵ См. духовную кн. Владимира — Д. и ДГ, № 17, стр. 46; тождество Тыловского и Туловского отмечает и В. А. Кучкин. Территория Московского княжества в первой половине XIV в.

¹⁶ Д. и ДГ, № 12, стр. 33. К нему перешло и с. Лучинское (на Истре), специально не упомянутое в духовной Дмитрия Донского скорее всего потому, что территориально оно входило тогда в Сурожик. В указателе к Д. и ДГ это Лучинское отождествлено с с. Лучинским на р. Яузе (см. В. А. Кучкин. Территория Московского княжества...). Кроме Юрия, из вдовых владений получил Раменейце

Этот факт объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, по сравнению с другими городами в собственно московском княжении (такими как Коломна, Звенигород или Можайск) к Дмитрову тянуло значительно меньшее число волостей. В духовной Дмитрия Ивановича названы только Вышгород, Берендеева слобода, Лутосна «с отъездом» и Инобаж¹⁷, не считая специально не упомянутых «городских станов» (будущих Каменского и Повельского)¹⁸. Вполне понятно желание Дмитрия Донского компенсировать Петра за счет «московских» волостей. Второе обстоятельство становится ясным при взгляде на карту. Московская часть удела кн. Петра (за исключением трех сел) состояла из двух разьединенных половин. Непосредственно к Дмитрову (точнее к юго-западной его окраине, Берендеевой слободе) примыкали с запада, юго-запада и юга три волости — Раменка, Ижво, Мушкова гора¹⁹. Вторая половина владений Петра охватывала плавной дугой северную, восточную и юго-восточную окраины Московского уезда (начиная с волости Воря и кончая Гуслицей)²⁰. От пограничных юго-восточных территорий Дмитрова (Вышгорода и Инобажа) их отделяли владения кн. Владимира Андреевича — Радонеж с его волостями и волость Бели. Таким образом, замосковская часть удела серпуховского князя оказывалась окруженной с двух сторон землями кн. Петра²¹. Поскольку вопрос о Дмитрове был одним из спорных во взаимоотношениях Дмитрия Донского и Владимира серпуховского, вполне понятна передача Дмитрова и пограничных с ним и с радонежскими владениями серпуховского князя территорий в одни руки²².

Вряд ли Дмитровский удел во главе с кн. Петром был реально образован вскоре после составления духовной Дмитрия Донского, хотя бы потому, что ему в этот момент не было еще и четырех лет²³. Первый со-

(московское) кн. Иван Дмитриевич (см. его расположение у Ю. В. Готье, стр. 578 и карту; это Раменейце скорее всего тождественно одному из двух Раменьев, указанных в духовной Калиты). Из подмосковных сел, входивших одно время в состав владений Ульяны, кн. Андрею Дмитриевичу отдавалось с. Дегунинское (Д и ДГ, № 12, стр. 34).

¹⁷ Д и ДГ, № 12, стр. 34. В актах Вышгород впервые фигурирует в 30–40-е годы XV в. (АСЭИ, т. I, № 100, стр. 80; № 108, стр. 86–87), Берендеево (Берендеева слобода) — в 40–50-е годы (там же, № 231, стр. 164; АСЭИ, т. II, М., 1958, № 343, стр. 340). Инобаж — в 1447 г. (АСЭИ, т. I, № 491, стр. 136), Лутосна — на рубеже XV—XVI вв. (там же, № 625, стр. 535).

¹⁸ Названия Повельского и Каменского станов впервые упомянуты в актах последней четверти XV — начала XVI в. (АСЭИ, т. I, № 419, стр. 308; т. II, № 301, стр. 258). Однако грамоте 1447 г. в Дмитровском уделе известны «городские станы» (АСЭИ, т. I, № 191, стр. 136). Они входили в состав Дмитровского удела при кн. Петре. Это ясно из того, что села, отданные им в Николо-Песношский монастырь, располагались на территории именно этих станов (см. ниже). Вообще, в XIV—XV вв. территории, непосредственно примыкавшие к тем или иным московским городам, как правило, не имели названий и фигурировали в документах XIV — середины XV в. как «городские станы», «городской стан», «городской уезд» (см. Д и ДГ, № 3, стр. 13; № 7, стр. 23; № 11, стр. 31).

¹⁹ Это было, видимо, решающей причиной, почему данные волости вошли в середине XV в. в состав территории собственно Дмитровского уезда. Уже в 1464 г. Раменка была частью Дмитровского уезда. («Акты феодального землевладения и хозяйства», ч. I, М., 1951, № 86, стр. 86).

²⁰ Не поддается четкому отождествлению «слободка княжа Иванова». Можно высказать догадку (в сопоставлении с духовной кн. Юрия Дмитриевича, где она не упомянута — Д и ДГ, № 29, стр. 74), что она равнозначна волости Куней, которая в свою очередь не указана в духовной Дмитрия Донского. О том, что Куней входила в удел кн. Петра, см. ниже.

²¹ Волость Черноголовь, принадлежавшая кн. Владимиру Андреевичу, также была окружена владениями кн. Петра — Ворей, Шерной, Рогожем и Куней.

²² Радонежские земли Владимира Андреевича с севера граничили также с Переяславским уездом, принадлежавшим Василию I, а с юго-запада и юга, видимо, примыкали к территории московских «городских станов». Так как удел кн. Петра был реально образован не ранее 1399 г. (см. ниже), то в 90-е годы радонежская часть владений кн. Владимира была окружена территориями, управлявшимися московским великим князем.

²³ Дату рождения кн. Петра см.: А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г., т. II. СПб., 1891, стр. 342.

хранившийся документ, в котором Петр Дмитриевич выступает удельным князем, — dokonчание великого князя Василия I с его младшими братьями Андреем и Петром, убедительно датированное Л. В. Черепниным 1401—1402 гг.²⁴ Единственный его список сохранил помету («грамота dokonчальная... новая»), указывающую на наличие более раннего договора названных лиц, который Л. В. Черепнин на основании ряда косвенных показаний источников относит к 1390 г.²⁵ С этим трудно согласиться. Dokonчания московских великих князей с их братьями обычно в XV—XVI вв. заключались или в момент отъезда последних на княжение, или в результате каких-либо существенных внутривосполитических или международных событий. Нет никаких прямых оснований считать (вслед за Л. В. Черепниным), что договору с восьмилетним Андреем и пятилетним Петром (если бы он действительно был заключен в 1390 г.) придавалось серьезное значение в плане противодействия позиции Юрия Дмитриевича по вопросу о великом княжении. И наоборот, отсутствие имен младшей «братии» в договоре 1390 г. Василия Дмитриевича с кн. Владимиром и в проекте (по убедительному мнению Л. В. Черепнина) dokonчания Василия I с Юрием Дмитриевичем — косвенный показатель того, что уделы младших сыновей Дмитрия Донского в это время еще не существовали. На это намекает и норма, включенная в предлагавшееся соглашение Василия I и Юрия звенигородского («блоти с одного, а не обидети» их младших братьев)²⁶. Не упомянуты кн. Андрей и Петр и в dokonчании 1399 г. Василия I с великим тверским князем Михаилом Александровичем²⁷. Но именно тогда, скорее всего, и возникла не дошед-

²⁴ Д и ДГ, № 18, стр. 51—52; Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 1, стр. 75—77; А. А. Зимин. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. — «Проблемы источниковедения», т. VI. М., 1958, стр. 291, 322. Совсем недавно В. А. Кучкин («Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII—XIV вв.» — «Польша и Русь». М., 1974, стр. 252, 260, прим. 140) предложил пересмотреть предложенную Л. В. Черепниным дату dokonчания (№ 11) Василия I с кн. Владимиром Андреевичем. В таком случае требует изменения и датировка договора Василия I с его младшими братьями, так как содержание указанных документов тесно взаимосвязано (что и указано Л. В. Черепниным). Однако с мнением В. А. Кучкина пока нельзя согласиться. Текст Троицкой летописи, на которую он ссылается (М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция. М.—Л., 1950, стр. 458, прим. 8), не содержит прямого свидетельства ни о владении Городцом на Волге кн. Василием Дмитриевичем Кирдяпой (из рода нижегородско-суздальских князей) в год смерти (1403 г.), ни о его смерти именно в Городце. Фраза «иже на Городце был» не содержит никакой точно определенной хронологии владения Кирдяпой Городцом по отношению к 1403 г. (ярлык на него он получил в 1388 г.). Еще А. Е. Пресняков показал неубедительность мнения А. В. Экземплярского о кончине Кирдяпы именно в Городце (анализируя, правда, тексты других летописей) и специально подчеркнул передачу ярлыка московскому князю и на Городец после вторичной поездки Василия I в Орду — в 1394 г. (А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 277, стр. 279, прим. 2). Кроме того, аргументация Л. В. Черепнина вовсе не исчерпывается рассмотрением комплекса фактов, связанных с ликвидацией Нижегородского княжества. Им показана связь обмена территорий между Василием I и кн. Владимиром с новгородской и литовской политикой московского правительства именно в 1401—1402 гг. (Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 67—71).

²⁵ Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 77—80.

²⁶ Д и ДГ, № 13, стр. 37—39; № 14, стр. 39—40.

²⁷ Д и ДГ, № 15, стр. 40—43. Л. В. Черепнин (Указ. соч., стр. 85—86) датирует dokonчание 1396 г., основываясь на известии Софийской II летописи о заключении мира между Василием I и Михаилом Тверским, «соединении» всех русских князей, включенном в состав статьи именно 1396 г. Но еще А. Е. Пресняков недоумевал по поводу данной даты в Софийской II летописи и показал связь договора с событиями начала 1399 г. — союз Витовта и Тохтамыша рассматривался на Руси (в случае победы союзников над Тимуром) как прямая угроза самостоятельности всем русским княжествам и землям (Указ. соч., стр. 341—342, прим. 1). Догадка А. Е. Преснякова подтверждается аналогичными Софийской II текстами Рогожского летописца (ПСРЛ, т. XV, вып. I, стлб. 165), Симеоновской и Троицкой летописей (М. Д. Приселков реконструирует последнюю в этом месте по Симеоновской — М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 450, прим. 3), помещенными под 1399 г. до рассказа о действиях Витовта и битве на Ворскле. Показательно,

шая до нас договорная грамота. В фразе летописей о «соединении» всех русских князей «заодно» в условиях надвигавшегося решительного наступления на северо-восточную Русь Витовта и Тохтамыша (см. примечание 27) есть основания видеть указание и на другие докончания (помимо московско-тверского), заключенные в 1399 г. Этим же годом датируется первое упоминание кн. Андрея на арене политической жизни (он был послан Василием I в Новгород)²⁸. Резонно полагать, что незадолго до того кн. Андрей и получил реально свой удел, в связи с чем было оформлено соглашение с Василием I. Может быть тогда же был «отпущен» на дмитровское княжение и кн. Петр, хотя решительно утверждать этого и нельзя. Ведь помету на договоре 1401—1402 гг. («Грамота докончальная великого князя Василия Дмитриевича с меншею братьею, со князем Андреем Дмитриевичем, новая»)²⁹ можно понимать и таким образом, что предшествующее докончание (которое мы отнесли к 1399 г.) было заключено только между Василием I и Андреем.

Насколько же точно были выполнены постановления духовной Дмитрия Донского в отношении удела Петра Дмитриевича? Возможность их неадекватной реализации была отчасти заложена в тексте самого завещания: в момент его составления было еще неизвестно, кто будет последним ребенком великого князя — сын или дочь. Поэтому духовная предусматривала в случае рождения сына наделение его уделом, образованным из взятых у других сыновей частей их владений. Кроме того, политические условия были таковы, что для сохранения союза с кн. Владимиром Андреевичем Василию I приходилось идти на территориальные уступки. Все это непосредственным образом сказалось на составе земель княжения Петра Дмитриевича. В докончании Василия I с серпуховским князем 1401—1402 гг. последнему взамен Ржева отдавался Углич и намечалась передача вологодской Топны в случае утраты кн. Владимиром волжского Городца³⁰. В пожизненном обладании вдовы Дмитрия Донского Евдокии находились дмитровская Ижво и вологодская Сяма³¹. Наконец, к 1406—1407 гг. кн. Петр, видимо, утратил и юрьевское с. Богородицкое³². Как видим, сокращение территории удела кн. Петра уже в начальный период его истории было весьма значительным. Может быть, тогда и получил частичную компенсацию дмитровский князь — две волости, принадлежавшие Юрию Дмитриевичу, Шачебал и Ликург³³.

Они, однако, не удержались в уделе кн. Петра и перешли позднее в руки последнего сына Дмитрия Донского, родившегося за несколько дней до его смерти, Конstantина. В нашу задачу не входит детальное исследование истории складывания его удела. Отметим только окончательную

что в названных памятниках известие восходит к тверскому летописанию (на первом месте указан Михаил Тверской, Василий I упомянут без имени). Обстановка ожидавшейся агрессии со стороны Витовта и Тохтамыша вполне объясняет уступки московского правительства Твери.

²⁸ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 165.

²⁹ Д и ДГ, № 18, стр. 51.

³⁰ Д и ДГ, № 16, стр. 43, 44. Углич и Топна по духовной Дмитрия Донского, как отмечено выше, отдавались в удел Петру. Подчеркнем два момента. Во-первых, та свобода, с которой Василий I распоряжается землями, предназначенными Петру Дмитриевичу, лишний раз свидетельствует о недавнем (по отношению к 1401—1402 гг.) образовании удела кн. Петра. Владения кн. Юрия и Андрея для компенсации серпуховского князя не используются. Во-вторых, из княжения кн. Петра отдаются земли из немосковской части, что свидетельствует, на наш взгляд, в пользу высказанного выше предположения о большой значимости Дмитрова в глазах московских политиков.

³¹ Из первой духовной Василия I (1406—1407 гг.) видно, что Евдокия действительно владела Сямой — Василий Дмитриевич менялся селами на Сяме с матерью (Д и ДГ, № 20, стр. 56).

³² По той же духовной село передавалось Василием I его жене Софье (там же, стр. 56; см. также Д и ДГ, № 21, 22, стр. 58, 60).

³³ Д и ДГ, № 24, стр. 64. В XVI—XVII вв. Шачебал входил в состав Костромского уезда, располагаясь на северо-восточной его окраине, смежно с Галицким уездом (Ю. В. Готье. Указ. соч., стр. 571). Ликург был частью последнего уезда.

территорию княжества Константина, как она выясняется из ретроспективных данных ряда докончаний 20—40-х годов XV в.³⁴ Владениями Константина Дмитриевича были Ржев (вымененный в 1401—1402 гг. Василием I у кн. Владимира на Углич), Углич (кн. Владимир Андреевич распорядился им в своей духовной³⁵; когда и как он вернулся в руки сыновей Дмитрия Донского, пока неясно). Из названных городов Ржев перешел к Константину от Василия I (или же Василия Темного)³⁶, а Углич — в конечном счете от кн. Петра, который уступил ему и две галичские волости³⁷. Поступился Константину рядом волостей и сел Юрий Дмитриевич³⁸. Наконец, в удел Константина вошли и земли, отданные Дмитрием Донским сыну Ивану³⁹. Если не считать некоторых

³⁴ Д и ДГ, № 24, стр. 64, 66; № 30, стр. 76, 78—79; № 38, стр. 108, 110, 115—116.

³⁵ Д и ДГ, № 17, стр. 47. Думаем, что соображения А. А. Зимина (Указ. соч., стр. 290—291), относящего духовную кн. Владимира к периоду после первого зачисления Василия I до ноября 1408 г., более убедительны, чем датировка Л. В. Черепнина (1401—1402 гг.).

³⁶ От Василия I, если датировать образование удела Константина временем после урегулирования конфликта между ними в 1421 г. и до смерти Василия I (в 1425 г.). Из рук Василия II, если относить дату перехода Ржева к Константину к периоду после кончины Василия Дмитриевича.

³⁷ См. об этом выше. Кроме того, из двух последних духовных Василия I ясно, что Топна еще в 20-е годы принадлежала сыновьям кн. Владимира серпуховского (Д и ДГ, № 21, стр. 58; № 22, стр. 61). Кому принадлежала Сяма в это время точно неизвестно. Однако в грамотах Андрея Васильевича Меньшого 60-х — начала 70-х годов XV в. на вологодские владения Кирилло-Белозерского монастыря (в том числе и на Сяму) есть постоянные ссылки на предшествующие грамоты Василия Темного и великой княгини Марии Ярославны, но отсутствуют упоминания актов кн. Петра (АСЭИ, т. II, № 180, 191—200). Это можно рассматривать как косвенное подтверждение того факта, что Петр Дмитриевич так и не владел ни Сямой, ни Топной.

³⁸ Сурожником, с. Лучинским и Шепковым (последнее по духовной Дмитрия Донского отдавалось его вдове, а после ее смерти перешло к Юрию), а также костромской волостью Корегой.

³⁹ По очень вероятному предположению А. В. Экземплярского (Указ. соч., т. I, стр. 290—291), Иван (умер в 1393 г.) был слабоумным, чем и объясняется незначительность его удела. В него входили московское Раменейце (его расположение в XVII в. — см. Ю. В. Готье. Указ. соч., стр. 578 и карта), а также с. Сохна и Зверковское (находились, по М. К. Любавскому, в верховьях Пахры — Указ. соч., стр. 38 и карта). В уделе Константина упомянуты Раменейце, Сохна, а также Зарадылье. По данным XVI в., Раменейце располагалось в бассейне р. Кжеле (в жалованной грамоте Симонову монастырю 1566 г. приведены выписи из писцовых книг 1519/20 и 1555/56 гг., согласно которым симоновские села в Раменейце, в том числе и отданное кн. Константином Дмитриевичем с. Окуловское, находились на р. Кжеле и речке Дорске — «Исторический архив», т. III. М. — Л., 1940, стр. 191; ср. жалованную грамоту 1447 г. — АСЭИ, т. II, № 349, стр. 345). Сохна в середине XVI в. считалась волостью Вышегородского (Верейского) уезда и захватывала бассейн речки Передел (см. указанную грамоту 1546 г. кн. Владимира Андреевича городскому приказчику И. Бурцеву в Верею о взимании оброка за все платежи с симоновского с. Дикого, расположенного в Сохонской волости Вышегородского уезда — ГИМ ОР, ф. Симонова монастыря, кн. 58, № 52, лл. 206—206 об.; ср.: С. М. Каштанов. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. — «Археологический ежегодник за 1957 г.» М., 1958, № 521, стр. 368; см. также жалованную грамоту кн. Владимира Андреевича 1562 г. Ф. Г. Желтухину на сельцо Альмово в волости Сохне на речке Передел — ГБЛ ОР, ф. Троице-Сергиева монастыря, кн. № 530, по Москве, № 136). Местоположение Зарадылья различно определяется историками. Так, И. А. Голубцов (АСЭИ, т. II, стр. 642, 644, указатель) считает, что это будущий Зарадомский (Зарадылье — испорченная форма слова) стан Дмитровского уезда, входившего в XV в. в состав дмитровского Вышгорода. С. Б. Веселовский при анализе той же грамоты А. Картмазову определяет Зарадылье как территорию верейского Вышгорода (С. Б. Веселовский. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I. М. — Л., 1947, стр. 19. Последнюю публикацию грамоты см.: АСЭИ, т. II, № 393, стр. 400). Мнение С. Б. Веселовского представляется более верным. По крайней мере, в докончании Василия II с белозерско-верейским кн. Михаилом Андреевичем Зарадылье упомянуто в составе территорий, тянувших к верейскому Вышгороду, который отдавался Михаилу Андреевичу (Д и ДГ, № 55, стр. 165, 167). Отметим, что владения кн. Ивана тянули в финансовом отношении к разным центрам: с Раменейца «5 руб. в дань» шли кн. Петру (т. е. волость ранее входила в один комплекс с его московскими волостями), а с Сохны та же сумма уплачивалась Василию I (Д и ДГ, № 12, стр. 36).

подмосковных владений, принадлежность которых неизвестна (с. Щукинское и Остафьевские деревни), то княжение Константина Дмитриевича составилось из земель Василия I, Юрия и Петра Дмитриевичей. Насто-
раживает отсутствие в уделе Константина земель кн. Андрея. Скорее всего, дошедшие до нас договорные грамоты московских князей далеко не во всех деталях рисуют картину междукняжеских обменов в 10—20-е годы XV в. В частности, получение кн. Петром верейской волости Илемна⁴⁰ следует рассматривать именно в связи с этим — ведь Верея по духовной Дмитрия Донского отдавалась Андрею в качестве «отъезжей» волости к Можайску⁴¹.

Итак, реальный удел кн. Петра был далек от того, каким он проектировался в духовной Дмитрия Донского. Фактически нетронутой осталась только его дмитровско-московская часть. Остальные земли в разное время и по различным причинам оказались в руках других удельных князей московского дома.

Именно в таком урезанном виде княжение Петра Дмитриевича документируется его актами и грамотами его вдовы. Сохранились тексты двух жалованных грамот кн. Петра Троице-Сергиеву монастырю: от 4 августа 1428 г. на Термевский омут в р. Воре (в волости Воре) и недатированное пожалование на монастырский двор в Дмитрове⁴². В грамоте от 28 апреля 1547 г. Николо-Песношскому монастырю упомянуто пожалование кн. Петром ряда сел, находившихся в XVI в. в Каменском (Александрово, Бестужево Ивановское, Нестеровское, Новоселки, Поповское и Рогачево) и Повельском (с. Говейново) станах⁴³. Как отмечалось выше, в XV в. это были территории, составлявшие «городские станы» Дмитрова. Наконец, в жалованной данной Ивана III Троице-Сергиеву монастырю на волость Илемну указано, что игумен «ведает и держит Илемну ... по старине, как была Илемна за моим дядею за князем за Петром Дмитриевичем и за моею теткою за княгинею за Ефросиньею»⁴⁴. Из этого следует, что Илемной владел уже кн. Петр (как было показано выше, он получил ее, скорее всего, в качестве компенсации за отобранные у него земли), а после его смерти Илемна была вдовой опричиной его жены⁴⁵. Последнее подтверждается и текстом разъезжей грамоты⁴⁶.

Евфросинья оформила также ряд вкладных и купчих грамот в крупнейшие московские монастыри. В Богоявленский монастырь она дала по духовной своего мужа его село Дятелинское (в XVI в. оно располагалось в Каменском стане Дмитровского уезда)⁴⁷, в Троице-Сергиев мона-

⁴⁰ См. ниже.

⁴¹ Д и ДГ, № 12, стр. 34.

⁴² АСЭИ, т. I, № 40, стр. 47; № 13, стр. 33.

⁴³ К. Ф. Калайдович. Историческое и топографическое описание монастыря святого чудотворца Николая, что на Пешноше. М., 1837, стр. 110—115; М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 234, 235, 238, 242, 246, 247, 250, 251.

⁴⁴ АСЭИ, т. I, № 342, стр. 250. В XVI в. в Илемне считалось более 8700 десятин (там же, стр. 616). 1 июня 1467 г. монастырь получил на эту вотчину жалованную, тарханно-оборочную и заповедную грамоту белозерско-верейского кн. Михаила Андреевича (там же, № 345, стр. 252).

⁴⁵ Женой кн. Петра была дочь Полиевкта Васильевича Вельяминова, выпешшая замуж за него в январе 1406 г. и умершая в монашестве в 1466 г. Ее иноческое имя — Евфросиния (ПСРЛ, т. XXV. М. — Л., 1949, стр. 236; т. XII, СПб., 1901, стр. 117). В указателе к Никоновской летописи на основании неизвестных нам источников дано ее светское имя — Евпраксия.

⁴⁶ Около 1458 г. был осуществлен разъезд земель Евфросиньи в Илемне с великокняжескими землями сел Боболи и Турьих гор (АСЭИ, т. I, № 257, стр. 185—187). По показанию старожилов, княгиня владела Илемной 30 лет (что и дает дату 1458 г., считая с года смерти кн. Петра). Села Боболь (Бубол) и Турьи горы перешли к Василию Темному после ликвидации удела кн. Василия Ярославича серпуховского в 1456 г. в составе его лужских владений. В издании дата разъезда неточна — около 1455—1456 г. (Ср. там же, № 250).

⁴⁷ И. А. Голубцов, В. Д. Назаров. Акты XV — начала XVI века. — «Советские архивы», 1970, № 5, стр. 80—81.

стырь — с. Новое в дмитровском Вышгороде⁴⁸, в Чудов — с. Власьевское в московской волости Сельне⁴⁹. Около 1440 г. Евфросинья продала в Симонов монастырь с. Верзневское (Верзнево) в Берендееве (Дмитровского уезда). Эта продажа скорее всего была полуфиктивной — в кормовой книге село помечено как вклад кн. Петра по себе и своей жене⁵⁰. Введенная в научный оборот С. Б. Веселовским родословная память тропцкого дьяка Вороны сохранила и еще один штрих из внутренней истории удела кн. Петра: отец Вороны Иван «дался в холопи... до мору княгине Офросинье, а держал от нее волость Куней»⁵¹. Но на выморочный удел кн. Петра, умершего в 1428 г., получил в Орде ярлык в 1432 г. Юрий Дмитриевич, в духовной которого 1433 г. упомянута и волость Куней (см. ниже). В практике конца XIV—XV в. нам неизвестны случаи, когда за бездетной вдовой сохраняется в полном объеме удел ее мужа. Так как вдовым «наделком» жены кн. Петра была Илемна (см. выше), то отсюда следует, что Иван Иванович Хламов держал от Евфросиньи волость Куней еще при жизни ее мужа. Можно думать, что в составе удела кн. Петра эта волость была выделена Евфросинье «на обиход».

Подводя итоги всему сказанному выше, можно суммировать следующие выводы. Особенности территориального состава княжения кн. Петра в духовной Дмитрия Донского диктовались комплексом политических факторов. Важнейшие из них определялись характером и задачами междукняжеских отношений (московско-тверских, между представителями московского княжеского рода), а также стремлением Дмитрия Донского усилить стимулы для проведения всеми сыновьями единой политики. Кроме того, определенную роль сыграла предшествующая владельческая история различных земель, включенных в удел кн. Петра. Указанные явления объясняют нам и последующие события: причины реального образования княжения Петра Дмитриевича именно в 1399 г. или же в 1401—1402 гг., изменения в его территориальном составе. В историко-географическом плане важно, что именно при Петре сложился устойчивый комплекс дмитровско-московских волостей, который вплоть до второй половины XV в. всегда передавался в одни руки⁵². Наличие в нем двух территориальных

⁴⁸ АСЭИ, т. I, № 100, стр. 80. С. Б. Веселовский считал данное село приданным княгини Евфросинии (там же, стр. 599). Его соображения весьма вероятны. Тем интереснее, что в грамоте упомянуты «прикупы» к селу кн. Петра.

⁴⁹ АСЭИ, т. III, М., 1964, № 48а, п. 397, стр. 73; об этом селе по документации XVI в. — см. В. Б. Кобрин. Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.). — «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 25, М., 1962, стр. 295, 312—313, 320.

⁵⁰ АСЭИ, т. II, № 343, стр. 340; т. III, № 479, стр. 465. И. А. Голубцов отнес купчую ко времени между 1440—1444 гг. (т. II, № 343, стр. 340). Но в правой грамоте 1490 г. (там же, № 402, стр. 412) указано, что землями села владеет Симонов монастырь 50 лет. Следовательно, купчую нужно датировать около 1440 г. В жалованной грамоте кн. Юрия Васильевича 1470 г. говорится только о вкладе княгини Евфросинии (там же, № 386, стр. 387). Неясность текста акта (слова «...что им дала княгиня Офросинья...» могут быть отнесены не только к селу Верзневскому, но и к предшествовавшему — селу Васильевскому Татищеву) привела, видимо, к тому, что в XVI в. вкладом Евфросинии считались оба села (см., к примеру, жалованную грамоту от 17 апреля 1566 г. князя Владимира Андреевича Старикого — ГБЛ ОР, акты Беляева, № 130). Однако нет никаких косвенных, а тем более прямых данных XV в. о том, что с. Татищево было отдано в монастырь Евфросинией.

⁵¹ АСЭИ, т. I, № 391, стр. 284; С. Б. Веселовский. Феодалное землевладение в северо-восточной Руси, стр. 166—167. В начале XV в. известны «моры» 1408 г., 1416—1417 гг., 1425—1426 гг. (ПСРЛ, т. XXV, стр. 237, 243, 246—247).

⁵² В бытность Дмитрова в составе удела кн. Владимира Андреевича Серпуховского такого политико-административного объединения московских и дмитровских территорий не было по той простой причине, что московские волости кн. Петра принадлежали в 70—80-е годы XIV в. его отцу — Дмитрию Донскому в счет причитавшихся ему двух третей владений княгини Ульяны (Дмитрий Донской действительно распоряжался землями в данном районе — см. его жалованную и меновную грамоту чернецу Савве — АСЭИ, т. II, № 340, стр. 338 и комментарий на стр. 559). В Серпуховском княжестве Дмитров не объединился административно с теми московскими волостями Ульяны, которые достались кн. Владимиру (Радонеж, Бели,

разъединенных частей повлияло решающим образом на изменения границ Дмитровского и Московского уездов: в середине XV в. бывшие московские волости, непосредственно примыкавшие к дмитровским землям, вошли уже в состав собственно Дмитровского уезда.

В период феодальной войны второй четверти XV в. Дмитровское княжение часто переходило из рук в руки, то оставалось в составе земель великого княжения, то придавалось к тем или иным уделам. Им владели Василий Темный, а также его соперники по борьбе — кн. Юрий Дмитриевич и кн. Василий Юрьевич Косой (то как великие московские князья, то в качестве удельных князей). Эти события хорошо изучены в литературе, а потому и нет нужды их снова излагать⁵³. В плане нашей статьи определенный интерес представляет духовная Юрия Дмитриевича, в которой содержится раздел, посвященный Дмитрову⁵⁴. Сам город, «городские станы», «села и бортники» завещатель предписывает своим трем сыновьям разделить «ровно». Аналогично поступает он и в отношении волостей (как собственно дмитровских, так и московских; впрочем, все они названы в одном месте текста «дмитровскими»). Старший сын, Василий Юрьевич получает смежные Сельну, Гуслицу, Вохну, Загарье, Рогож и Куней⁵⁵, составлявшие юго-восточную и восточную части московских волостей. Дмитрию Шемяке предназначались земли, территориально не связанные друг с другом: юго-восточная и отчасти восточная части Дмитровского уезда (Вышгород и Инобаж), а также северо-восточные и северные московские волости (Воря, Корзенево, городок Шерна⁵⁶). Западные, юго-западные и южные земли Дмитровского уезда (включая и московские волости) компактно достались Дмитрию Красному — Лутосна, Раменка, Ижво, Мушкова, Берендеева со слободкой Кузьмодемьянской⁵⁷. Ему же передавалось и Куликово, не упоминаемое другими документами XIV—XV вв. Скорее всего, это известное по актам XVI в. крупное дворцовое село, расположенное в Повельском стане Дмитровского уезда (недалеко от границы Повельского и Каменского станов — р. Яхромы)⁵⁸ и непосредственно не связанное с перечисленными выше волостями. Из

Черноголовь, треть Мушковой горы). Последние оставались в серпуховском уделе вплоть до его ликвидации в 1456 г., а Дмитров, как указывалось выше, был отобран у Владимира еще Дмитрием Донским.

⁵³ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы, т. 1, гл. 3, § 2—3; он же. Образование Русского централизованного государства, гл. V, § 11; он же. К вопросу о роли городов в процессе образования Русского централизованного государства, А. А. Зимин весьма убедительно датировал dokonчание Василия II с Василием Косым (Д и ДГ, № 36), по которому Дмитров передавался в удел последнему, весной 1435 г. (Указ. соч., стр. 300—302).

⁵⁴ Д и ДГ, № 29, стр. 74.

⁵⁵ В духовной Дмитрия Донского все они упомянуты, за исключением Куней. О ее возможном тождестве со слободкой «княжой Ивановой» и принадлежности кн. Петру см. выше. Расположение волости Куней по данным XVII в. — см. Ю. В. Готье. Указ. соч., стр. 577 и карту. Ее идентичность с топонимом, указанным в духовной кн. Юрия Дмитриевича, подтверждается одинаковым расположением его в ряде духовных и договорных грамот XV—XVI вв. (Д и ДГ, стр. 74, 360, 424, 434).

⁵⁶ В публикации: «Городок, Шерна», что вряд ли верно: топоним с названием Городок в Московском уезде неизвестен, а в документах XIV—XV вв. Шерна, как правило, называлась «Шерна городок».

⁵⁷ Ю. В. Готье считал, что Кузьмодемьянская слободка — первое упоминание будущего Кузьмодемьянского стана Дмитровского уезда, который в XVI в. (наряду с Бортным и Троицким станами) составлял северную, территориально не смыкавшуюся с основными дмитровскими землями часть уезда (Указ. соч., стр. 561). С этим нельзя согласиться. Указанные станы (в XV в. они были волостями) административно тянули в XV в. к переяславской волости Юлке. Только в духовной Василия II (Д и ДГ, № 61, стр. 194) Юлка (наряду с другими переяславскими землями) придавалась к дмитровской части удела кн. Юрия Васильевича. Поэтому прав был М. К. Любавский, относивший Кузьмодемьянскую слободу к слободе Берендеевой (Указ. соч., стр. 15; ср. стр. 44—45).

⁵⁸ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 243—244; см. также карту-вклейку в первой публикации его работы о дмитровских селах и деревнях («Московский край в его прошлом». М., 1928).

текста завещания Юрия звенигородского ясно, что Дмитровское княжение по своему составу и внутренней административно-территориальной структуре действительно равнялось уделу кн. Петра. То, что духовная не была реализована, способствовало сохранению территориальной целостности Дмитровского удела в XV в.

Впрочем, бурные события феодальной войны не оставили следа в актовом материале. Более определенные сведения имеются о пребывании Дмитровского княжества в составе удела кн. Василия Ярославича серпуховского. Известие о передаче ему Дмитрова «с волостями» («как был за мною за великим князем») в счет недоданной «дедины» (Углича, Городца, Козельска, Гоголя, Олексина, купли Пересветовы и Лисина)⁵⁹ содержится во втором dokonчании Василия Темного с кн. Василием Ярославичем. Л. В. Черепнин относит договор ко времени около 19 июня 1447 г. (по аналогии с датированным соглашением между Василием II и кн. Михаилом Андреевичем), А. А. Зимин датирует его сентябрем 1446 г. — началом июня 1447 г., отдавая предпочтение времени до 17 февраля 1447 г.⁶⁰ Последнее мнение, на наш взгляд, более верно, причем сопоставление актовых источников и летописных сведений позволяет еще более сузить хронологические рамки заключения договора. Василий Ярославич владел Дмитровом уже в мае 1447 г. (10 мая он выдал игумену Троице-Сергиева монастыря жалованную грамоту на дмитровские вотчины), а может быть еще в марте того же года⁶¹. Несомненно также, что dokonчание было заключено при личной встрече союзников в борьбе с Дмитрием Шемякой. Она произошла под Угличем, причем в московском своде конца XV в. известие о ней помещено после статей о занятии отрядом Василия II «изгоном» Москвы (25 декабря 1446 г.), похода Василия II под Волок, откуда он и направился к Угличу, на соединение с Василием Ярославичем⁶². Следовательно, объединение союзников произошло скорее всего где-то в первой половине — середине января 1447 г., а серединой — второй половиной того же месяца следует датировать соглашение⁶³.

Сохранилось три акта, выданных кн. Василием Ярославичем как дмитровским князем. В одном из них несомненно копипстом XVII в. испорчена дата (4 мая 1446 г.) — имеем в виду жалованную тарханно-несудимую и заповедную грамоту Василия Ярославича чернице Анне на с. Куралдинское (Куралгинское) в Дмитрове (в XVI в. считалось в Каменском стане). По аналогии с упомянутым уже датированным пожалованием Троице-Сергиеву монастырю (10 мая 1447 г.) относим и эту грамоту к маю 1447 г.⁶⁴ Два остальных происходят из архива Троице-Сергиева мо-

⁵⁹ Д и ДГ, № 45, стр. 129—130, 132. Эти земли в разное время входили в удел кн. Владимира Андреевича серпуховского, из многочисленного мужского потомства которого в это время был жив только один его внук — кн. Василий Ярославич.

⁶⁰ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы, ч. 1, стр. 189—190; А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 309—310. Л. В. Черепнинным вполне объяснены и причины такой щедрости Василия II.

⁶¹ АСЭИ, т. I, № 191, стр. 136—137. В последнее время Г. В. Попов привел, на наш взгляд, весьма убедительные аргументы в пользу датировки известного креста Борисоглебского монастыря 1447 г. В надписи на кресте указана и дата (25 марта) (Г. В. Попов. Указ. соч., стр. 32—40). Труднее принять предлагаемую Г. В. Поповым (стр. 35) датировку соглашения Василия Темного с серпуховским князем — между 17 февраля и 25 марта 1447 г.

⁶² ПСРЛ, т. XXV, стр. 268—269.

⁶³ Взяв Углич, Василий II пошел к Ярославлю, откуда отправил посла к Дмитрию Шемяке с требованием вернуть его мать (княгиню Софью Витовтовну), а затем направился к Москве (прибыл туда 17 февраля) (там же, стр. 269).

⁶⁴ АСЭИ, т. II, № 95, стр. 57. В мае 1446 г. кн. Василий Ярославич находился в Литве, куда он бежал еще в конце февраля 1446 г. (после захвата и ослепления Василия II кн. Дмитрием Шемякой и кн. Иваном Андреевичем Можайским), и выдавать грамоты на владения в Дмитрове никак не мог. И. А. Голубцов в комментарии к акту (АСЭИ, т. II, стр. 553) считает почему-то лицом, выдавшим грамоту, кн. Ивана Андреевича, несмотря на прямое и трехкратное упоминание имени Василия Ярослави-

настыря. В недатированной грамоте игумену Мартемьяну предоставлялось право пятна во всех монастырских владениях в Дмитрове (как в городе, так и в «городском стане» и в волостях)⁶⁵. Но наиболее интересна для нас указанная выше грамота от 10 мая 1447 г. (жалованная, тарханно-льготная и несудимая), перечисляющая вотчины монастыря не только в Дмитрове (в городских станах и волостях, в дмитровском Вышгороде, в Инобаже), но и в волости Воре⁶⁶. Таким образом, акт частично подтверждает, что Василий Ярославич получил как дмитровскую, так и московскую часть удела кн. Петра. Это весьма показательно. Ведь единственный наследник Владимира Андреевича серпуховского получил дмитровский удел совсем не в том объеме, каким владел его дед. Предпочтение было отдано политико-административной структуре уделов на землях московского домена, сложившейся при реализации духовной Дмитрия Донского в сравнении с предшествующими порядками. Перед нами еще одно важное доказательство большой устойчивости в XV в. (несмотря на все перипетии феодальной войны) — политического и административно-территориального деления, возникшего в конце XIV в. Отметим также, что переход бывшего удела кн. Петра в руки серпуховского князя ликвидировал (временно) и территориальную разобщенность Дмитрова с московскими волостями. Ведь разделявшие их Радонеж и волость Бели находились в собственности кн. Василия Ярославича.

Впрочем, уже в следующем докончании с Василием II Василий Ярославич «сступился» Дмитрова. Это соглашение датируется в литературе периодом между январем 1450 — летом 1454 г. (временем бегства кн. Ивана Андреевича в Литву)⁶⁷. Попытаемся уточнить эту широко датировку. В содержании договора есть довольно любопытная деталь. Если в январском докончании 1447 г. упомянуты все живые тогда сыновья Василия II (Иван, Юрий и Андрей Большой), то в нашем Василии Ярославич целует крест самому Василию Темному, его сыну великому князю Ивану и его же сыну князю Юрию⁶⁸. Остальные сыновья кн. Василия Васильевича (Андрей Большой и Борис) упомянуты в тексте соглашения безымянно. Данный факт следует сопоставить с летописными данными: в московском великокняжеском летописании Иван Васильевич начинает регулярно именоваться великим князем, начиная с 1451 г.⁶⁹ С этого же года становится заметной государственная деятельность старших детей Василия Темного: кн. Юрий во время набега Мазовши летом 1451 г. оставался в Москве вместе со своей бабкой Софьей Витовтовой, в следующем году великий князь Иван возглавил (конечно, номинально) поход на север против Дмитрия Шемяки⁷⁰.

Обратим внимание теперь на то, что уступка кн. Василием Ярославичем фактически никак не компенсировалась (Суходол с с. Красным в верейском Вышгороде он фактически получил еще в 1447 г.). Для такой меры нужны были соответствующие условия, и прежде всего, — полное прекращение борьбы с заклятым врагом Василия Темного Дмитрием Шемякой. Во время же продолжения междоусобия было слишком рискованно портить отношения со своим единственным верным союзником. Как изве-

ча в тексте грамоты (ср. комментарий к акту № 439 на стр. 566, где правильно указан кн. Василий). Вообще в комментариях к этому и связанным с ним актам (№ 93, 229) есть целый ряд необъяснимых противоречий.

⁶⁵ АСЭИ, т. I, № 198, стр. 142. Названия вотчин в грамоте не приведены.

⁶⁶ АСЭИ, т. I, № 191, стр. 136—137. Видимо, годами владения Дмитровым кн. Василием Ярославичем следует датировать данную в Троице-Сергиев монастырь вдовы его родного дяди на Лысцово в Берендееве (АСЭИ, т. I, № 231, стр. 164).

⁶⁷ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы, ч. 1, стр. 151—152; ср. Д и ДГ, № 56, стр. 168; А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 312—313.

⁶⁸ Д и ДГ, № 56, стр. 168, 169, 172 и др.

⁶⁹ ПСРЛ, т. XXV, стр. 272; т. XXVII, стр. 116 и др.

⁷⁰ ПСРЛ, т. XXV, стр. 271—272; т. XXVI, стр. 210—212; т. XXVII, стр. 116—118, 155 и др.

стно, Шемяка умер в июле 1453 г.⁷¹ Именно после его смерти, когда еще не встал остро вопрос о борьбе с Новгородом, и создалась благоприятная обстановка для урезания территории удела кн. Василия Ярославича. Иными словами, по нашему мнению, есть веские косвенные указания датировать dokonчание № 56 второй половиной 1453 — началом 1454 г.

Сохранился и еще один договор Василия Темного с кн. Василием Ярославичем (№ 58), текстуально чрезвычайно близкий (что великолепно доказано Л. В. Черепнинным) предшествующему. В нем лишь два отличия: указание на переход удела кн. Ивана Андреевича к Василию Темному (следовательно, dokonчание совершенно после лета 1454), а также пожалование Василию Ярославичу Бежецкого Верха и Звенигорода. Последнее находит подтверждение в актах. Недавно С. М. Каштанов опубликовал «судную» грамоту, выданную серпуховским князем властям Троице-Сергиева монастыря на земли в Бежецком верхе (акт, к сожалению, не имеет даты). Известна также жалованная тарханно-оброчная, льготная и несудимая грамота кн. Василия Ярославича от 22 октября 1455 г. митрополиту Ионе на села Аксиньинское и Грибаново в Звенигородском уезде⁷². Таким образом, dokonчание было заключено не позднее этой даты, а скорее всего несколько ранее, и, следовательно, должно быть отнесено к периоду между осенью 1454 — летом 1455 г. и поставлено в связь с двумя фактами: намечавшейся борьбой с Новгородом (отдавая пограничный с Новгородом Бежецкий Верх серпуховскому князю, Василий II тем самым непосредственно интересовывал Василия Ярославича в поддержке своей новгородской политики)⁷³ и образованием в конце 1454 — самом начале 1455 г. Дмитровского удела второго сына Василия Темного — кн. Юрия. Учитывая последнее, dokonчание № 58 следует датировать второй половиной 1454 г. Его постановления утратили силу при ликвидации удела Василия Ярославича в 1456 г.⁷⁴

⁷¹ Псковские 2-я и 3-я летописи согласно указывают 18 июля (ПЛ, т. II, стр. 49, 140); в летописи Аврамки (ПСРЛ, т. XVI, стлб. 193) — 17 июля; в Псковской 1-й летописи (ПЛ, т. I, стр. 51) — ошибочно 15 июня. Известие о смерти Шемяки пришло в Москву 23 июля (ПСРЛ, т. XXV, стр. 273; т. XXVII, стр. 118).

⁷² С. М. Каштанов. Указ. соч., стр. 371—372; «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков», ч. 1. М., 1951, № 96, стр. 92—93. В апреле 1454 г. жалованные грамоты в Звенигороде выдавал еще Василий Темный (АСЭИ, т. III, № 54 а, стр. 82—83).

⁷³ Кн. Василий Ярославич, судя по всему, принимал участие в зимнем походе 1456 г. на Новгород, закончившемся подписанием Яжелбицкого мира в феврале 1456 г. Летописные рассказы о походе упоминают о соединении на Волоке с Василием Темным отрядов его «братьев» (а таковыми могли быть только Василий Ярославич и Михаил Андреевич), об их участии в переговорах с новгородским посольством в Яжелбицах и пр. (ПСРЛ, т. XXV, стр. 274—275; т. XXVI, стр. 215; т. XXVII, стр. 119 и др.).

⁷⁴ Л. В. Черепнин высказал гипотезу, что договор № 58 Василия II с Василием Ярославичем был быстро денонсирован, у серпуховского князя отобрали Бежецкий Верх и Звенигород, а действующим dokonчанием была признана третья грамота (№ 56), почему классификатор во второй половине XV в. и сделал на ней помету — «последняя». С этим трудно согласиться. Выше показано, что Василий Ярославич распорядился в Звенигороде еще в самом конце 1455 г. Невозможно предположить, что у Василия II нашлись возможности для столь суровых мер как в период новгородского похода, так и сразу после него (окончательные расчеты и переговоры с новгородцами происходили в Москве еще в марте 1456 г.), учитывая особенно участие в походе кн. Василия Ярославича (см. выше). 10 июля 1456 г. серпуховский князь уже был арестован (ПСРЛ, т. XXV, стр. 275; т. XXVII, стр. 119); по свидетельству Вологодско-Пермской летописи это произошло 12 июля в Москве (т. XXVI, стр. 217). Известны также группа жалованных и указных троичских грамот Василия II на владения в бывшем уделе Василия Ярославича: две радонежских (АСЭИ, т. I, № 260, стр. 189; № 277, стр. 198) и четыре бежецких (АСЭИ, т. I, № 262, стр. 190—191; № 263, стр. 191; № 264, стр. 192; № 278, стр. 199—200). Хотя из них только одна бежецкая грамота имеет точную дату (15 мая 1457 г.), думаем, что все они, скорее всего, были выданы после ареста кн. Василия Ярославича (широкая их датировка определяется началом игуменства Вассиана — 1455 г. и годом смерти Василия Темного — 1462 г.). Появление целой серии жалованных и указных грамот Василия II свидетельствует о необходимости заменить обширный комплекс актов опального князя (Василия

Обратимся теперь к истории Дмитровского удела кн. Юрия Васильевича. Суммируем все сведения о его грамотах, выданных в качестве дмитровского князя до 1462 г. Это: 1) жалованная тарханно-несудимая грамота Кирилло-Белозерскому монастырю на двор в Дмитрове от 3 февраля 1455 г.; 2) жалованная тарханно-несудимая грамота московскому Богоявленскому монастырю на с. Дятелинское в Дмитровском уезде от 29 сентября 1455 г.; 3) тарханно-несудимая грамота Симонову монастырю на двор в Дмитрове от 23 марта 1457 г.; 4) жалованная тарханно-несудимая грамота властям Чудова монастыря на с. Власьевское в волости Сельна от 11 апреля 1457 г. (сохранилось упоминание об этом акте); 5) жалованная тарханно-оборочная грамота Троице-Сергиеву монастырю на двор в Дмитрове от 6 марта 1461 г.; 6) жалованная тарханно-льготная и несудимая грамота Троице-Сергиеву монастырю на владения в волости Корзеневе от 20 июля 1461 г.⁷⁵

Ряд актов, точно недатированных, может быть с большой долей вероятности отнесен к тому же времени до 1462 г. Укажем на жалованную тарханно-проезжую грамоту на торговую экспедицию игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану из Москвы в Новгород (через Дмитров). Ее скорее всего надо датировать или 1456, или же 1460 г.⁷⁶ К начальным годам существования Дмитровского удела кн. Юрий относится, скорее всего, и его подтверждение на грамоте 10 мая 1447 г. кн. Василия Ярославича, подписанное дьяком Есином. Текст подтверждения с большой вероятностью можно истолковать так, что кн. Юрий не был уверен полностью в будущей принадлежности ему Дмитрова⁷⁷. Это и позволяет отнести его к периоду до 1462 г. В датированных документах кн. Юрия после 1462 г. имя дьяка Есипа не встречается. Поэтому к 1455—1461 гг. относим и два акта кн. Юрия, не имеющие точной даты и подписанные названным дьяком⁷⁸.

В перечисленных грамотах фигурируют монастырские вотчины в дмитровских «городских станах» и волостях, а также в московских волостях — Воре, Корзеневе, Сельне. Иными словами, кн. Юрий Васильевич получил Дмитров в том объеме, как им владел кн. Петр Дмитриевич, и притом по крайней мере за семь с лишним лет до духовной Василия Темного, с которой традиционно связывали образование Дмитровского удела кн. Юрия⁷⁹. Этим его удел не ограничивался. Хорошо известно, что кн. Юрий получил от Софьи Витовтовны по ее завещанию наиболее щедрые пожалования: из числа ее «прикупов» (которыми княгиня Софья распоряжалась свободно, без учета влияния традиций) он получил 21 владение, больше, чем все остальные члены великокняжеской семьи вместе взятые.

Юрию передавались все дворы Софьи в Москве и большая часть ее

Ярославича). Последнее предполагает в свою очередь достаточно длительное пребывание Бежецкого Верха в составе его удела. Классификатору же конца XV в. нетрудно было ошибиться в определении последовательности докончаний, т. к. их тексты очень близки.

⁷⁵ АСЭИ, т. II, № 163, стр. 98—99; И. А. Голубцов, В. Д. Назаров. Указ. соч., стр. 81; АСЭИ, т. II, № 356, стр. 350—351; т. III, № 48а дополн., п. 7; т. I, № 289, стр. 206; т. I, № 291, стр. 207—208.

⁷⁶ АСЭИ, т. I, № 292, стр. 208. Акт датирован С. Б. Веселовским по известной ему начальной дате удела кн. Юрия (1461 г.) и окончанием игуменства Вассиана в 1466 г. Юрий участвовал в походе на Новгород зимой 1456 г. и в мирном походе 1460 г., причем в последнем сыграл весьма активную роль. Урегулирование отношений с Новгородом, следовавшее за этими походами, должно было стимулировать троицкую торговлю.

⁷⁷ АСЭИ, т. I, № 191, стр. 137.

⁷⁸ АСЭИ, т. I, № 293, стр. 208—209 (жалованная меновная Юрия Васильевича с властями Троице-Сергиева монастыря на деревню в волости Воре); № 300, стр. 212 («судная» подпись кн. Юрия на данной в Троицкий на Березнике монастырь на земли в Воре).

⁷⁹ Д и ДГ, № 61, стр. 194. В завещании Дмитров отдавался Юрию «как было за князем Петром».

движимого имущества⁸⁰. Оказывается, что и селами, завещанными княгиней Софьей, кн. Юрий владел еще до 1462 г. В разъезжей, составленной уже после смерти Юрия Васильевича (умер в 1472 г.), бывший посельский князя в юрьевских селах Кучках и Деревеньке указывал на свою 12-летнюю службу Юрию (эти села упомянуты среди прикупов Софьи, передаваемых Юрию)⁸¹. Таким образом, удел кн. Юрия до 1462 г. состоял по крайней мере из двух частей — бывшего княжения кн. Петра Дмитриевича и владений, весьма значительных, полученных им от княгини Софьи.

Есть косвенные основания считать, что удел кн. Юрия образовался не одновременно. Как известно, Софья Витовтовна умерла летом 1453 г. Видимо, вскоре и было реализовано ее завещание в отношении ряда упомянутых в нем членов великокняжеской семьи (за исключением младших сыновей). Так, в октябре 1453 г. жена Василия II княгиня Мария Ярославна выдала две жалованные грамоты на владения Киржачского монастыря в Переяславском уезде (в Марининой слободе)⁸². Ранее выдавала аналогичные иммунитетные грамоты Софья Витовтовна⁸³. Таким образом, уже к осени 1453 г. был выполнен ряд пунктов ее завещания⁸⁴. Вполне вероятно, что и Юрий получил свою долю наследства именно тогда.

К концу 1453 — началу 1454 г. относится (как показано выше) и отобрание Дмитровского удела у Василия Ярославича. Однако он не сразу попал в руки Юрия Васильевича. Некоторое время им владел его отец: в упоминавшейся выше жалованной грамоте Василия Ярославича на с. Куралдинское есть подтверждение безымянного великого князя, подписанное дьяком Федором⁸⁵. Подтверждения Ивана III без упоминания его имени неизвестны, а потому его следует связывать с Василием II и датировать концом 1453 г. — началом 1454 — началом 1455 г. (до времени перехода Дмитрова к Юрию). Более того, ряд земель из дмитровского удела Василий Темный, видимо, временно передал своей жене. Сохранилась указная грамота Марии Ярославны в Шерну, датируемая 1453—1454 гг. (по игуменству в Чудове монастыре Феодосия Бывальцева). Из ее содержания ясно, что в Шерне в это время распоряжалась супруга Василия Темного⁸⁶. Итак, удел Юрия Васильевича (до 1462 г.) был составлен скорее всего в два приема. Первоначально (летом — осенью 1453 г.) он получил села, завещанные ему княгиней Софьей. В конце 1454 — начале 1455 г. ему же было передано и Дмитровское княжество (с замосковными волостями).

Приведенный выше актовый материал позволяет сделать и еще два наблюдения о некоторых особенностях удела кн. Юрия. Большинство выданных им до 1462 г. грамот имеет помету о выдаче их в Москве⁸⁷.

⁸⁰ Д и ДГ, № 57, стр. 176—177.

⁸¹ АСЭИ, т. I, № 420, стр. 309—310.

⁸² АСЭИ, т. I, № 246, стр. 174—175 (грамота на имя троцкого игумена, так как Киржачский монастырь был приписным к Троице-Сергиеву монастырю); № 247, стр. 176—177.

⁸³ АСЭИ, т. I, № 132, стр. 101—102 (на грамоте есть недатированное подтверждение Марии Ярославны); № 133, стр. 102—103.

⁸⁴ Маринина слобода входила в состав переяславских владений Софьи, переданных ей ее мужем Василием I. Поэтому специально в духовной Софьи она не упомянута. Все земли, не являвшиеся личными «прикупам» и «примыслами» вдовы, отдавались великому князю Василию II (Д и ДГ, № 57, стр. 176). Он и передал своей жене по крайней мере большую часть вдовьего удела княгини Софьи.

⁸⁵ АСЭИ, т. II, № 95, стр. 57. В комментарии к акту И. А. Голубцов, непонятно почему относит утерю Василием Ярославичем Дмитрова к 1456 г. (там же, стр. 553).

⁸⁶ АСЭИ, т. III, № 38, стр. 60 (ср. стр. 52 — хронологический перечень настоятелей Чудова монастыря). Шерна непосредственно граничила с Переяславским уездом, в том числе с Борисоглебским станом, в состав которого входила Маринина слобода.

⁸⁷ АСЭИ, т. II, № 163, стр. 99; И. А. Голубцов, В. Д. Назаров. Указ. соч., стр. 81; АСЭИ, т. I, № 289, стр. 206; № 291, стр. 208. Помет о выдаче кн. Юрием грамот до 1462 г. в Дмитрове нет вообще.

Видимо, образование княжества Юрия не сопровождалось его отпуском на удел (в Дмитров), что свидетельствует о значительной подконтрольности Юрия Васильевича московскому правительству. В данном же отношении показательно, что, передавая Юрию Васильевичу Дмитров и московские волости, Василий II сохранил за собой после ликвидации в 1456 г. удела Василия Ярославича владения последнего в Радонеже и Белях⁸⁸. Можно также почти наверняка утверждать, что отдача Дмитрова Юрию (в силу ряда причин — см. о них ниже) не мыслилась тогда как постоянная мера. Выше было обращено внимание в этой связи на текст подтверждения Юрия Васильевича на грамоте Василия Ярославича 1447 г. Троице-Сергиеву монастырю⁸⁹. 11 февраля 1462 г. практически на те же владения кн. Юрий выдал новую жалованную, тарханно-льготную и несудимую грамоту игумену Троицы — Вассиану⁹⁰. Появление ее надо объяснять тем, что к февралю 1462 г. духовная Василия Темного (в которой подтверждалась принадлежность Дмитрова Юрию) была уже составлена.

Чем объяснить выделение княжества кн. Юрию в 50-е годы? Предположительно можно указать на ряд причин. Рано повзрослевшие в перипетиях феодальных усобиц 40-х годов князья Иван и Юрий в весьма юном возрасте (11 и 10 лет) стали приобщаться к государственным делам. Отметим только некоторые факты. После заключения Яжелбицкого договора в 1456 г. кн. Юрий (участвовавший в новгородском походе) был послан отцом в Новгород, где он и пробыл две недели в княжеской резиденции на Городище⁹¹. Еще большую роль сыграл кн. Юрий в мирном походе 1460 г. При его активном участии произошло урегулирование сложной ситуации в Пскове, приведшее к фактическому подчинению Псковской республики московскому правительству⁹². В текстах псковских летописей он именуется даже великим князем⁹³. Юрий (наряду с великим князем Василием и его сыном великим князем Иваном) фигурирует в докончании 1456 г. с тверским кн. Борисом Александровичем⁹⁴. Подобная деятельность требовала и соответствующего статуса. Если старший брат становился на протяжении 50-х годов все более реальным соправителем Василия Темного, то для кн. Юрия существовала только возможность получения статуса удельного князя.

Следует также припомнить, что старший сын Василия Темного был женат летом 1452 г. очень рано (в 11 лет) на дочери объективного соперника Москвы — тверского князя Бориса Александровича. Неожиданная смерть кн. Ивана Васильевича при возможном малолетнем наследнике могла поставить Московское великое княжение под фактический контроль Твери. Эти соображения, видимо, приходили на ум Василию Темному, когда он создавал удел своего второго сына на границах с Тверью.

Парирование возможного усиления влияния Твери и поддержание известного равновесия внутри Московского княжения — вот задачи, которые объективно (хотя бы и частично) решались созданием удела кн. Юрия.

⁸⁸ АСЭИ, т. I, № 260, стр. 189; № 277, стр. 198. И позднее, в 1462 г., Василий Темный так и не передал Радонеж Юрию. Из актов ясно, что Радонеж в 60-е годы входил в состав владений Ивана III (АСЭИ, т. I, № 308—309, стр. 219—220; № 331, стр. 240 и др.). Этим, кстати, объясняется выдача Иваном III в 1462—1466 гг. жалованной заповедной грамоты на Троицкие села в волости Воре (принадлежавшей Юрию Васильевичу). Названные в акте владения были расположены на дороге (или вблизи нее) из Москвы в Радонеж (АСЭИ, т. I, № 307, стр. 218—219).

⁸⁹ АСЭИ, т. I, № 191, стр. 137.

⁹⁰ С. М. Каштанов. Указ. соч., стр. 375—377. В грамоте Юрия отсутствуют два села, упомянутые в акте 1447 г., зато упомянуты два владения в Воре, не указанные в пожаловании Василия Ярославича. Названия 16 вотчин монастыря совпадают.

⁹¹ ПСРЛ, т. XVI, слб. 196.

⁹² ПСРЛ, т. XXV, стр. 276; т. XXVII, стр. 121 и др.

⁹³ ПЛ, т. I, стр. 58—60; т. II, стр. 146—147.

⁹⁴ Д и ДГ, № 59, стр. 186, 189; представляется весьма убедительной датировка договора Л. В. Черепнинным именно 1456 г.

Был, наконец, и непосредственный повод. Уступка Василием Ярославичем Дмитрова в конце 1453 — начале 1454 г. вряд ли была добровольной и не гарантировала от его будущих серьезных претензий на данное княжение. Значение Дмитрова, старые связи серпуховских князей с дмитровским уделом, шестилетнее пребывание Дмитрова в руках Василия Ярославича — все это делало подобную перспективу весьма вероятной. Создание княжества кн. Юрия из дмитровских земель в значительной мере снижало такую угрозу.

В 1462 г. в своей духовной Василий II подтвердил переход Дмитрова (в традиционном объеме) в удел кн. Юрию. Новостью явилась придача к дмитровско-московской территории ряда переяславских волостей, часть которых позднее образовала северную половину Дмитровского уезда⁹⁵.

Подведем итоги. Территориальная история Дмитровского удела в XIV—XV вв. была непосредственно связана с основными политическими процессами того времени. Для понимания территориально-административной структуры Московского великого княжества в конце XIV — середине XV в. весьма существенно, что образовавшийся в уделе кн. Петра комплекс дмитровско-московских земель оставался устойчивым в течение долгого времени. Тем самым во многом объясняется и территория Дмитровского уезда, как она известна по источникам XVI в.⁹⁶ Историко-географические данные помогают глубже понять и перипетии междукняжеской борьбы, точнее уловить диалектику процесса централизации. Изменения во владельческой принадлежности Дмитровского княжения показывают, в частности, что объединение северо-восточной Руси проходило не прямолинейно. Причины неоднократного выделения Дмитровского удела лежат не столько в сфере традиционного характера отношений между членами московского княжеского дома, сколько в области тех задач по объединению северо-восточной Руси, которые вставали перед ними в связи с борьбой с их политическими противниками. Именно поэтому важной формой централизации в XIV—XV вв. был коллективный суверенитет, общие государственные права всех представителей (в том числе и удельных князей) одного поколения московского княжеского дома. Несомненно, такая практика объективно вела и к поддержанию традиций удельных порядков, в конечном счете несовместимых с процессом централизации. Однако в конкретных условиях XIV—XV вв. — и история Дмитрова это доказывает — уделы членов московской великокняжеской фамилии играли роль положительных факторов в деле политического объединения северо-восточной Руси.

⁹⁵ Д и ДГ, стр. 194. Не получил ли Юрий Васильевич переяславские волости в виде компенсации за Радонеж и Бели? Кроме Дмитрова и вотчин Софьи Витовтовны, Юрий в 1462 г. получил Можайск, Серпухов, Хотунь. Ему же предназначался и Ростов, если бы он пережил свою мать.

⁹⁶ В нее, как уже отмечено, вошли ряд переяславских, но было исключено большинство московских волостей (за исключением тех, которые слились с дмитровскими землями еще в середине — второй половине XV в.). Иван III в своей духовной отдал московские волости Василию III и Андрею, а Дмитров — Юрию (Д и ДГ, стр. 354, 359, 360).

К ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЫ РОССИИ в первой половине XVII в. (Серпейский участок по Поляновскому миру 1634 г.)

Н. Б. Шеламанова

Изучение западной границы России с Речью Посполитой в XVII в. до сих пор ведется недостаточно. Единственным специальным исследованием остается пока работа польского историка Владислава Годзишевского «Граница польско-московская по Поляновскому миру»¹. Эта работа основана на большом документальном материале. Однако для серпейского участка у Годзишевского не оказалось официального акта разграничения границы на серпейско-смоленском рубеже, и он перенес на XVII в. границы Серпейского уезда XIX в. (с учетом реестра подымного сбора Смоленского воеводства 1628 г.). В результате граница 1634 г. на серпейском рубеже у Годзишевского была определена неправильно — сдвинута на восток и юг за Угрю (в верховье), уменьшая тем самым территориальные владения России.

Неизученность территории Серпейска в XVII в. привела к тому, что на исторических картах до сих пор граница Поляновского мира 1634 г. на его рубеже показывается неверно. Эта ошибка (уменьшение территории Серпейского уезда в XVII в. с севера и востока) наблюдается как на советских, так и на польских исторических картах².

Целью настоящей статьи является выяснение истинной государственной границы России с Речью Посполитой 1634 г. на серпейском участке. Серпейск, вошедший в единое Российское государство в 1500 г., был отдан Речи Посполитой по Деулинскому перемирию 1618 г. По Поляновскому миру 1634 г. Серпейск был возвращен России уже навсегда. Граница на серпейско-смоленском рубеже была установлена специальным межевым съездом в октябре 1637 г.

Анализ источников показывает, что границы уездов XVII и XVIII—XIX вв. не совпадают. Часть северных серпейских земель XVII в. в XVIII в. попала в Дорогобужский и Ельнинский уезды, а часть южных серпейских земель в XVIII в. была включена в Рославльский уезд. Поэтому переносить границы Смоленской и Калужской губерний XVIII—XIX вв. на серпейско-смоленские рубежи XVII в. нельзя. Современные границы Калужской и Смоленской областей также не совпадают с границами Серпейского, Дорогобужского, Смоленского и Рославльского уездов XVII в.

Для определения границы в работе использована межевая запись от 17(27) октября 1637 г. по разграничению рубежей российского Серпей-

¹ *Wł. Godziszewski. Granica polsko-moskiewska wedle pokoju Polanowskiego, wytyczona w latach 1634–1648.* — «Prace Komisji Atlasu historycznego Polski», z. 3. Kraków, 1935, str. 4–5, 58, 61–64.

² «Атлас истории СССР», ч. 1. М., 1948 (последнее изд. 1969 г.), к. 21, 22, 24; «История СССР», т. I. М., 1964, к. 10, 11; «Очерки истории СССР XVII в.» М., 1955, к. «Русское государство в XVII в.»; «История Польши», т. I. Изд. 2-е. М., 1956, стр. 248 и вкладыш; «История СССР с древнейших времен и до наших дней», т. 2. М., 1966, стр. 291 и вкладыш; «Historia Polski», t. II, cz. 2. Warszawa, 1957, mapa «Rzeczpospolita w XVI wieku»; «Atlas historyczny Polski». Warszawa, 1970, mapa 24.

ского уезда с принадлежащими тогда Речи Посполитой Дорогобужским уездом, Ельнинским станом Смоленского уезда и Рославльским уездом³.

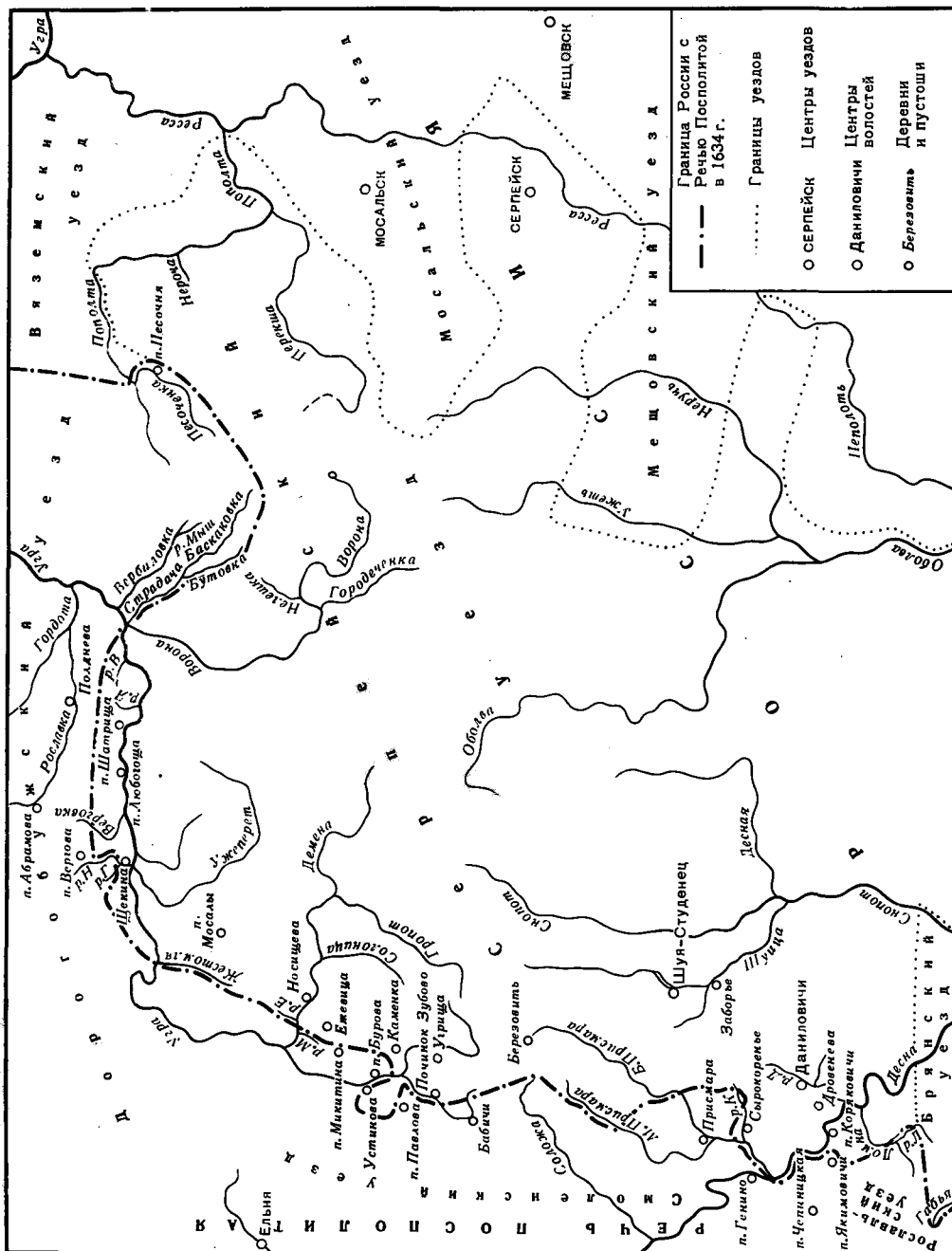
Граница Серпейского уезда с Дорогобужским по межевой записи 1637 г. описана следующим образом. От стыка рубежей Серпейского, Вяземского и Дорогобужского уездов в Клыпинском черном лесу на Б. Мошинской дороге в верховьях притока Пополты — Песоченки, в трех верстах от ее устья у Пополты — граница с Дорогобужем шла лесом до дорогобужской пустоши Василевой (Васильковой) и Котова мха; с дорогобужской стороны указана еще пустошь Песочня на пограничной речке Песоченке, с серпейской стороны — земли Мошинского стана, черный лес и болота, упомянут один починок Стоянов. Далее граница шла Котовым мхом, на серпейской стороне которого названы пустоши Губки, Королево, Соколенка, а на дорогобужской — пустошь (бывшая деревня) Старая Пустошь Дуброва, починок Стоянов, пустоши Осенчены, Черемошна, Мышонок, Лупино, Баскаково, Дуброва, Бутова, Селища. Далее опять черным лесом до Речетинского мха — 3 версты, пересекая мох (он назван по речке Речице), опять черным лесом — 7 верст до Брянской дороги, где на серпейской стороне пустошь Нелеш, а на дорогобужской — пустошь Бутова. От Брянской дороги — ручьем Ржавиною (Ржавцем) до дорогобужской пустоши Мануйловой 5 верст, далее суходолом с версту до верховья Страдачи (приток Ворони), по ней в Вороню 6 верст и Вороней в Угру — 3 версты.

Затем граница шла по Угре 2 версты до устья Толпыжки, ею вверх до Б. Вяземской дороги — 4 версты. Пересекая дорогу, граница поднималась вверх по Толпыжке до ее притока Велижки, Велижкой вверх до болота Полотенца, из которого эта речка вытекала. Болотом граница шла до речки Ясенки (15 верст от Б. Вяземской дороги), по ней в Олховое болото — 4 версты; здесь на серпейской стороне пустошь Шатрища, а на дорогобужской — деревня Полднева. Далее граница шла опять черным лесом и болотом — 10 верст, где серпейские земли Холмина Скуратова вошли «локтем» в дорогобужские земли; с серпейской стороны здесь пустошь Любогоща, с дорогобужской — пустоши Обрамья и Вергова. Обрамьевский мох граница делила пополам.

Далее из Обрамьевского мха граница шла ручьем в речку Верговку 7 верст и через нее в Верговский мох. Из этого мха речкой Порубеженкой 3 версты в речку Невестинку, последней 2 версты до устья Гостиченки, по ней (Заборский мох) также 2 версты. Мхом версту до ручья, который через полверсты впадает в Другую Невестинку, по которой вниз полверсты до Угры.

По Угре вверх граница шла версту, пересекала леса (с серпейской стороны деревни Шекиной) на обоих берегах Угры. Далее, пересекая Угру, через полверсты она достигала Тарасовского мха — с дорогобужской стороны и Мосаловского леса — с серпейской. По лесу далее переходила на речку Порубеженку (приток Угры) и ею вверх до Мосаловской дороги — 5 верст. Затем опять черным лесом 2 версты до речки Жестомли, ею до истока 2 версты, потом лесом 4 версты до речки Езеницы; между Жестомлей и Езеницей с серпейской стороны названа пустошь Мосалы, с дорогобужской — пустошь Близицы. Далее все также черным лесом через 2 дороги Федину и Вахрамееву ляды — до Погорелой мшары и опять к Езенице, по которой вниз до Демены — 3 версты; на серпейской стороне Езеницы указана деревня Носищева, на дорогобужской — пустошь Езеница. Далее вниз по Демене до Малитина ру-

³ ЦГАДА, Сношения России с Польшей, трактат № 70, лл. 27 об. — 33 об.; копии: там же, 1634 г., д. 34, лл. 30—32; Поместный приказ, кн. 1078, лл. 42 об. — 54 об., 111 об. — 119. Используются также крупномасштабные карты. Определению границы 1618 г. автор намерен посвятить специальное исследование.

чья — 3 версты; на серпейской стороне находилась деревня Ежевица Шуйского стана, на дорогобужской — черный лес. Далее по Малитину ручью к серпейскому рубежу подходил уже Ельнинский стан Смоленского уезда.

Граница Серпейского уезда с Дорогобужским XVII в. прослеживается достаточно ясно. Стыку вяземского, дорогобужского и серпейского рубежей у Песоченки соответствовало пересечение границ Мосальского и Юхновского уездов XVIII—XIX вв.; в устье Песоченки в XVIII—XIX вв. была деревня Нижняя Песочня. Граница и в XVIII—XIX вв. шла немного вверх по Песоченке, но затем сворачивала на восток, так что дальнейшие линии границ XVIII—XIX и XVII вв. не совпадают. Границу Серпейского уезда с Дорогобужским, которая имела основное направление с востока на запад, по рубежам Мошинского и Городского станов можно провести только приближенно, так как она шла «черным лесом и болотом». Леса и болота в верховьях Пополты и Вороны сохранялись и в XVIII в. Пустоши XVII в. с обеих сторон границы не локализируются. Однако местоположение некоторых дорогобужских пустошей можно связать с названиями рек — притоков Угры. Так, о пустоши (бывшая деревня) Старая Пустошь Дуброва напоминает Дубровинский винокуренный завод южнее озера в верховьях Пополты, пустошь Мышонков можно связать с р. Мышенкой, притоком Вербилówki (притока Угры), верховьями подходящей к истокам Пополты (в XVIII в. на ней было село Мышенки). Граница от Песоченки до Мышенки идет на запад. Еще далее на запад находились, видимо, на речке Баскаковке — притоке Бутовки (приток Страдачи, впадающей в Ворону) село (а потом пустошь) Баскаковка и пустошь Бутовка. Севернее Бутовки на речке М. Вошенке в XVIII в. была деревня Селищи. Таким образом, границу можно приблизительно провести от низовья Песоченки (Песочни) на юго-запад прямой линией к верховьям Мышенки, Бутовки и к верховью Нелешки — правого притока Вороны, где могла быть серпейская пустошь Нелеш.

Далее все теми же «черными лесами» и болотами (леса были и в XVIII в.) граница, видимо, сворачивала на северо-запад к притоку Вороны — Страдаче (Страдач, Сродоч XVIII в.) и по территории Ельнинского уезда XVIII в. шла по этой речке, затем по Вороне до Угры. Ручей Ржавец, пустошь Мануйлова не отыскиваются. В районе Страдачи — Вороны — Угры граница XVII в. Серпейского уезда с Дорогобужским, по-видимому, совпадает с границами XVIII в. Ельнинского уезда с Дорогобужским и Юхновским.

Далее по левому берегу Угры граница Серпейского уезда с Дорогобужским XVII в. совпадала с границей Ельнинского и Дорогобужского уездов XVIII—XIX вв. Граница XVIII—XIX вв. идет далее по Угре чуть вверх, затем отходит от нее на север (речка Толпыжка не отыскивается), где достигает речки Велижки (в XVIII в. приток Угры) и идет по ней вверх на северо-запад до болота, из которого вытекает речка Ясенка, также приток Угры; выше Ясенки на Угре в XVIII в. находилась деревня Шадрища (сравни: пустошь Шатрища XVII в. Серпейского уезда), а в Дорогобужском уезде на Рославке — притоке Гордоты (левый приток Угры) отыскивается деревня Полднева.

Далее границы XVII и XVIII вв. шли на запад параллельно Угре. На левом берегу Угры можно найти следы серпейской пустоши Любогощи (ельнинская деревня Любогощ XVIII в.) и дорогобужских пустошей Обрамья и Верговы (дорогобужские деревни XVIII в. Абрамова на Рославке и Вергова в верховье Верговки). Верговка — приток Угры, рядом верховье Порубеженки, притока Невестинки (притока Угры), на которые граница XVIII в. и переходит. Она далее идет по Невестинке вниз, на юг, до устья Гостеченки, по Гостеченке вверх, на запад и через лес на северо-запад к р. М. Невестинке, по которой граница

опять возвращается к Угре. На левом берегу Угры в устье Невестинки расположена шуйская деревня Шекина.

На правом берегу Угры границы XVII и XVIII—XIX вв. не совпадают. В XVIII в. граница по Угре поднималась вверх больше, чем на версту, и шла далее на юг лесом (болота не обозначены) более, чем на 5 верст до мест восточнее речки Жестомли (правый приток Угры), затем пересекала эту речку, идя на запад, а не на юг к речке Езенке (приток Демены). Таким образом, граница XVIII в. в правобережье Угры вся передвинулась на запад по сравнению с XVII в. Границу XVII в. к югу от Угры можно провести, ориентируясь на Жестомлю и Езенку и деревни Масалы и Ляда: первая деревня напоминает одноименную серпейскую пустошь XVII в., вторая — две местные дороги, Федину и Вахрамееву ляды. Деревня Носищева отыскивается на Демене у устья Езенки. Следовательно, границу от Угры до Демены можно провести почти прямо на юг от устья Невестинки, западнее деревни Масалы, к Жестомле и Езенке, и по последней к Демене, Деменой вниз до Малитина ручья, до начала серпейско-ельнинского рубежа. На правом берегу Малитина ручья отыскивается серпейская деревня Ежевицы.

Граница Серпейского уезда со смоленским Ельнинским станом описана в той же межевой записи 17 (27) октября 1637 г.⁴ Эта граница шла по рубежам серпейских Шуйского и Даниловского станов. Начинаясь от устья ручья Малитина, граница шла по нему вверх 4 версты; на ельнинской стороне рубежа указана пустошь Микитина. Затем «черным лесом» граница шла мимо земель серпейской деревни Каменки (Шуйский стан), через 3 версты пересекала Михайловскую дорогу и выходила к Дворецкому ручью, ручьем вниз 2 версты до курганов на Буровской дороге и вниз еще полверсты до Угры. У Угры на серпейской стороне названа деревня Угрища, на ельнинской — пустошь Бурова.

От Дворецкого ручья граница пересекала Угру и шла вниз по ней до речки Добровицы (Добровицы) 7 верст; на левом берегу Угры названа серпейская деревня Устинова. Далее вверх Добровицей до истока в болоте — мху Коленой сосны (у устья притока Добровицы Полонца граница пересекала Б. Еленскую дорогу) — 2,5 версты и от него к оз. Конюшенику и речке Косачевке — верста, Косачевкой вниз 4 версты в Угру. На серпейской стороне здесь указана пустошь Шухалы, на ельнинской — пустошь Павлова⁵. Угрой вверх 7 верст до мха Угорского; на серпейской стороне отмечен починок Бабичи—Зубово, на ельнинской — деревня Бабичи, «а Угорского мху и Бабичевых лесов версты с две».

Далее от Угры граница шла суходолом между серпейской деревней Березовить и лесом ельнинской д. Бабич 5 верст до верховьев речки Солоджды, пересекала ее и шла «черным лесом» к серпейской деревне Заборье и ельнинской пустоши Горневу и далее к речке М. Присмаре 5 верст; здесь с ельнинской стороны починок Шилов. М. Присмарой граница шла версты с две до болота Великие мшары, от болота суходолом до Синего камня (на серпейской стороне пустошь Которовка) версту и далее к серпейским пустошам Кузминицкой и Красной сосне — 2 версты и полверсты до реки Б. Присмары. Присмарой граница шла 2 версты, затем 2 версты через черный лес, достигала верховья Жеровни, которой шла вниз 3 версты, и оставив речку, черным лесом выходила к землям серпейской деревни Студенца и ельнинской деревни Присмары и через 2 версты достигала речки Колозны. Колозной граница пересекала черный лес

⁴ ЦГАДА, Сношения России с Польшей, трактат № 70, лл. 33 об.— 41; Поместный приказ, кн. 1078, лл. 55—75 об.

⁵ В районе Добровицы — Полонца (протяженностью в 2 версты) возник незначительный спор. Серпейский помещик Иев Давыдов «при царе Борисе» дал вкладом часть леса деревни Устиновой Ельнинскому монастырю, от ручья Полонца до речки Гатлипки. Вклад был подтвержден Василием Шуйским. Спор решился в пользу Ельнинского стана «по жребию», и границу провели по ручью Полонцу.

3 версты, затем сворачивала лесом к Годенскому мху (верста) к истокам Годенки. Годенкой граница возвращалась к Присмаре (3 версты), пересекая Б. Брянскую дорогу. Присмарой вниз в Десну 10 верст; на ельнинской стороне — пустошь Генино, на серпейской — деревня Сырокореппе.

Далее граница спускалась по Десне до ручья Столпного; на серпейской стороне находились земли села Даниловичей и деревни Дровеневой, на ельнинской стороне — пустоши Чепиницкая и Якимовичи. Ручьем Столпным граница шла полверсты, затем суходолом полверсты до верховья ручья Крывотинки (на серпейской стороне пустошь Коряковичи) и до истока 5 версты, затем суходолом версту до верховья ручья Плоского, где кончался Ельнинский стан и начинался рославльский рубеж.

Серпейско-ельнинская граница XVII в. прослеживается хорошо, хотя она не совпадает с границами XVIII—XIX вв. В XVIII в. часть дорогубужских земель была включена в Ельнинский уезд, так что граница XVII в. шла по территории Ельнинского уезда XVIII—XIX вв. Ручей Малитин — правый приток Демены; ельнинская пустошь Микитина обнаруживается в верховье ручья. Отыскиваются и серпейская деревня Каменка (село Каменец) по Б. Елненской (в Серпейск) дороге и ельнинская пустошь Бурова (деревня Бурова) у Угры на правом берегу, южнее ручья Малитина. Далее вниз по Угре речка Добровица не обнаруживается, но есть безымянный левый приток Угры (верстах в 7), ниже которого на Угре находится деревня Устинова, западнее ее был «порубежный овраг» в направлении к речке Полонец, левому притоку Угры; восточнее здесь проходила Б. Елненская дорога, болото в верховьях Полонца обозначено. Озерко Конюшеник и речка Косачевка не отыскиваются, но пустошь серпейскую Шухалы напоминает деревня Шехалы, а на местоположение ельнинской пустоши Павловой указывает одноименная деревня. Граница от Угры на юг была очень извилистой. Сначала она шла по Малитину ручью на запад, потом от него на юг вдоль Угры между деревней Каменкой и пустошью Буровой по правому берегу Угры. От пустоши Буровой граница шла вниз по Угре по ее левому берегу до деревни Устиновой, делая таким образом изгиб на юг у Угры. Затем граница огибала Угру с запада по ее левому берегу, возвращаясь к Угре выше ее правого притока Угрички. На Угричке расположена была серпейская деревня Угрица (Угрица). Заметим, что если правильно отождествление волости начала XVI в. Лазарева городища с деревней Уварово, то оно расположено как раз в этом выступе серпейского Шуйского стана на левом берегу Угры⁶. Известное с XV в. ельнинское село Хотнежищи (деревня Хотнежич) должно располагаться ниже пустоши Буровой на правом берегу Угры.

Далее граница шла вверх по Угре на юг через большие леса, которые простирались вплоть до Десны. На правой серпейской стороне отыскивается Зубов починок, а на левой, ельнинской, — деревня Бабичи почти у самых истоков Угры. От истоков Угры граница шла на юг к Десне почти совсем незаселенными местами к верховью Соложи — левого притока Десны (серпейская деревня Березовить — Березовая, находилась в верховье Присмары, далеко от границы, ельнинские пустоши не обнаруживаются), от нее к верховью М. Присмары (правый приток Б. Присмары), к Б. Присмаре, от последней к Жеровне (правый приток Колозны), к Колозне (Колзенка — левый приток Присмары в низовье), от которой граница поворачивала на северо-запад к Присмаре и ею вниз на юго-восток к Десне. На всем протяжении границы от Угры до Десны локализуются ельнинские селения только на Присмаре — деревня Присмара в устье М. Присмары; серпейские деревни Студенец (Шуя) и Заборье находятся на Шуице, далеко от границы. У Колозны и Жеровни кончался

⁶ М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени первого Литовского статута. М., 1892, стр. 277.

серпейский Шуйский стан и начинался Даниловский. По Десне далее на юг локализуются ельнинские пустоши Генино (выше устья Присмары), Чепянич и Якимовичи (ниже Присмары) на правом берегу Десны. На левом, серпейском, берегу — даниловичские деревни Сырокоренье (на Колозне), Дровенева, село Даниловичи. На правом берегу Десны ниже ручья Столпного (речка Столбинка) локализуется серпейская пустошь Коряковичи (Кораковичи). Это район, где граница отходит от Десны на ее правый берег. Отыскивается и ручей Плоский — левый приток Ломны, на который переходит граница.

У ручья Плоского начинался небольшой серпейско-рославльский рубеж⁷. Граница здесь шла незаселенными лесными местами по рекам. Из Плоского ручья в Ломну (приток Десны) 3 версты, Ломной вверх 5 верст до впадения ее правого притока Ломенки, далее вверх по Ломенке до Великого мха, где кончался рославльско-серпейский рубеж и начиналась серпейско-брянская граница. Серпейско-рославльский рубеж прослеживается хорошо, так как обнаруживаются все реки.

---

⁷ ЦГАДА, Сношения Росспи с Польшей, трактат № 70, лл. 40 об.— 41; Поместный приказ, кн. 1078, лл. 75—75 об.

ЦЕРКОВНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ИХ КРЕПОСТНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ во второй половине XVII — начале XVIII в.

Я. Е. Водарский

Экономическое могущество церкви в XVII в. еще мало изучено. Мы не знаем, в частности, сколько было монастырей во второй половине XVII в. (цифры историков сильно расходятся)¹, как распределялись крепостные крестьяне между церковными организациями, как эти организации и их крепостные размещались на территории нашей страны, уменьшилась ли численность крепостных у духовенства в эпоху Петра I и т. п.; имеющиеся в литературе сведения дают только общее представление.

Предлагаемая статья посвящена выяснению перечисленных вопросов.

Церковные феодальные организации делились на епархии (в том числе собственно епархии, архиепископии, митрополии и патриархия), монастыри, соборы и церкви. Вотчины епархий и монастырей могли быть сложными по своему составу. Архиереи имели вотчины, принадлежавшие архиерейским «домам», а также приписные монастыри, у которых были свои вотчины. Ряд монастырей, помимо своих вотчин, тоже имел приписные монастыри с их владениями.

Сведения об епархиях, монастырях, соборах и церквях, имевших крепостных крестьян, с данными о количестве дворов и их размещении содержатся в сводных «росписях» и других источниках, частично опубликованных. Однако они до сих пор еще не были подвергнуты должному критическому анализу. Их издатели и пользовавшиеся ими исследователи ограничивались, в соответствии со своими задачами, беглой характеристикой, отмечая неполноту сведений и неточность итогов. Но для установления количества церковных организаций, владевших крепостными дворами, их размещения и размещения их дворов, что является нашей задачей, анализ сводных источников необходим, ибо только таким путем можно определить их полноту и надежность и получить нужные сведения.

Мы использовали следующие источники:

1. «Рукопись ис переписных книг перечневая, сколько за кем числом крестьян», составлена на основании переписных и приходных книг в 1653—1654 гг.² Содержит перечень архиереев и монастырей (по уездам) с указанием общего числа дворов.

2. «Роспись 170 году, какова взята из Монастырского приказу за дьячею приписью, сколько за всеми монастыри крестьянских дворов», составлена на основании приходных книг³. Содержит перечень монастырей по уездам с указанием общего числа дворов.

¹ От 252 до 476 монастырей (А. А. Новосельский. Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей, по переписным книгам 1678 г.— «Исторический архив», т. IV. М.—Л., 1949, стр. 89—90).

² Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397—1625), т. I, вып. 1. СПб., 1897. Приложение (далее — Роспись 1653 г.).

³ «Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», т. II. СПб., 1861, стр. 401—422 (далее — Роспись 1661 г.).

3. «Выписано из переписных книг 186-го году всех городов, которые ведомы в Поместном приказе»⁴. Содержит перечни архиереев и монастырей с указанием размещения дворов по уездам.

4—5. Черновые росписи, аналогичные предыдущей⁵.

6. Росписи дворов архиереев, монастырей и соборов, имевших 100 и более дворов, по их «сказкам», собранным в 1696 г. и проверенным по переписным книгам 1678 г.⁶ Содержит только общие итоги.

7. «В приказе Большого дворца по приходным книгам збору на покупку конских кормов денег прошлых лет и нынешнего 207-го году написано»⁷. Росписи архиереев, монастырей и церквей с итогами по уездам и выписки итогов по некоторым уездам. К сожалению, роспись попорчена, часть текста утрачена.

8. Реестры «сказок» архиереев, монастырей и частично церквей в 1700 г. Имеются реестры сказок, собранных на Генеральном дворе, а также поданных владельцами Псковского и Пусторжевского уездов⁸ и уездов Поволжья⁹. В реестрах указано размещение и итоги дворов. Важной особенностью их является выделение приписных монастырей¹⁰.

Ни один из перечисленных источников не содержит сведений о сибирском архиерее и сибирских монастырях, во всех встречаются случаи искажения названий монастырей, во многих один и тот же монастырь приводится несколько раз под разными названиями. Простое соединение сведений из них и даже сличение их не решает вопроса. Поэтому мы привлекли справочник по монастырям, составленный В. В. Зверинским, который дает исторические справки о монастырях с указанием их названий и местонахождения¹¹, а также в необходимых случаях использовали переписные книги и другие источники¹².

В литературе получила известность еще одна роспись, опубликованная в виде таблицы¹³. Издатель (К. В. Сивков) датировал ее 1718 г., сличил с росписями 1653 и 1696 г. и пришел к выводу, что она является «подновлением росписи 1696 г., вытекавшим лишь из отдельных и, может быть, случайных данных»¹⁴.

⁴ А. А. Новосельский. Указ. соч. (далее — Роспись 1678 г.).

⁵ ЦГАДА, ф. 125, 1678 г., д. 15 (далее — д. 15); ЦГАДА, ф. 153, оп. 1, д. 53 (далее — д. 53). Там же в д. 54 имеется еще одна роспись, но она содержит итоги как переписи 1678 г., так и переписи 1646 г., без оговорок, так что пользоваться ею затруднительно.

⁶ С. И. Елагин. История русского флота. Период азовский. Приложения, ч. I. СПб., 1864, стр. 168—181 (далее — Роспись 1696 г.).

⁷ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 5095 (далее — кн. 5095).

⁸ ЦГАДА, ф. 1210, кн. 6195; ф. 137, кн. 40 по Пскову (далее — кн. 40).

⁹ ЦГАДА, ф. 1210, кн. 5039 (далее — кн. 5039).

¹⁰ Реестр сказок, поданных на Генеральный двор, был опубликован в сокращенном виде в форме таблицы. (П. Иванов. Описание Государственного архива старых дел. М., 1850, стр. 344—358). Приписные монастыри в публикации не выделены; о том, что издается не сам источник, а извлеченные из него сведения, оговорки не сделано. Список содержит ряд неточностей в итогах дворов.

¹¹ В. В. Зверинский. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи. С библиографическим указателем, т. I—III. СПб., 1890—1897 (далее — Зверинский).

¹² Обработка переписных книг вместо анализа росписей не дает возможности решить поставленную задачу, так как по ряду уездов книги либо не сохранились, либо дефектны. Кроме того, остается сложность идентификации монастырей и, конечно, огромная трудоемкость работы, делающая ее непосильной для одного исследователя. Правда, в росписях возможен пропуск отдельных монастырей, особенно приписных, но дворы последних входят в итоги тех владельцев, к которым они приписаны, так что общей картины эти возможные пропуски исказить не могут.

¹³ К. В. Сивков. К истории землевладения в России в начале XVIII в. — «Известия АН СССР. Отделение общественных наук». Л., 1933, № 3, стр. 195—224 (далее — Роспись 1718 г.).

¹⁴ К. В. Сивков. Указ. соч., стр. 204. См. также «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I». М., 1954, стр. 156.

Анализ обеих росписей показывает, что там, где в Росписи 1718 г. имеются расхождения с Росписью 1696 г., они являются либо ошибками, либо заимствованием из сказок (ничтожная разница этих итогов с итогами сказок в реестре объясняется, видимо, тем, что канцелярист 1718 г. подсчитывал по самим сказкам, не пользуясь реестром, где были уже готовые итоги)¹⁵. Следовательно, составитель Росписи 1718 г. использовал «складные росписи» и сказки¹⁶. А это значит, что Роспись 1718 г. отражает состояние владений духовенства не на 1718 г., а на 1696—1700 г., притом с большими неточностями, вследствие чего пользоваться ею нецелесообразно¹⁷.

Методика исследования была следующей. По справочнику Зверинского была составлена картотека монастырей XVII в. Тщательное сопоставление ее со сводными и другими источниками и анализ последних дали возможность идентифицировать монастыри, указанные в росписях и сказках, отделить монастыри, не имевшие крепостных дворов в конце XVII в., уточнить количество дворов у монастырей и архиереев и облегчили анализ сводных источников и их оценку¹⁸.

В соответствии с поставленной задачей анализ росписей и сказок проводился в нескольких аспектах (уточнение названий епархий и монастырей, выяснение состава и размещения их владений и уточнение итогов дворов).

Рамки настоящей статьи не позволяют привести результаты анализа полностью. Мы ограничимся примерами и общими выводами.

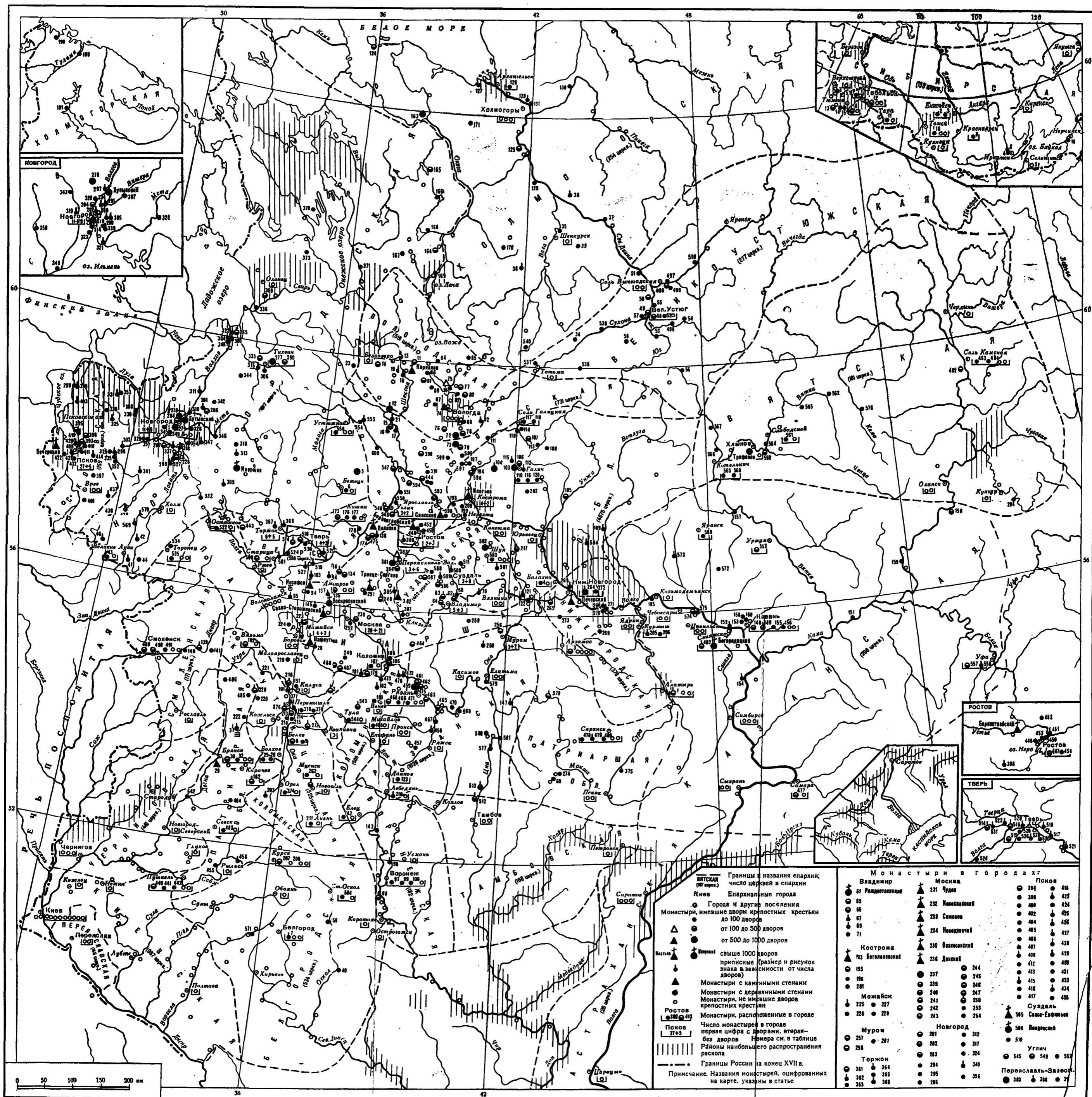
В Росписи 1653 г. названы четыре следующих монастыря Брянского уезда: Спасский с 49 дв. (в Росписи 1661 г. — его нет), «Спасский же другой монастырь, что во Брянску на посаде» с 13 дв., «Спасский же третий монастырь, что на Ондrejaнове горе» с 8 дв. и Пятницкий монастырь с 16 дв. (отсутствующий в Росписи 1661 г.). В Росписи 1678 г. названы только первые три: «Спасский, что во Брянску на посаде» — 11 дв., «Спасский Поликарпов» — 40 дв. и «Спасский, что на Андрейнове горе» — 8 дв. В сказках названы всего два: «Спасский, что на

¹⁵ Если сам К. В. Сивков осторожно говорил о данных на 1718 г., содержащихся в Росписи 1718 г., то в тех же «Очерках» в разделе «Реформа церковного управления» уже прямо утверждается (со ссылкой на статью К. В. Сивкова, в которой опубликована Роспись 1718 г.), что «по сравнению с данными 1653—1654 гг. в 1718 г. отмечено увеличение числа крестьянских дворов» («Очерки истории СССР...», стр. 372).

¹⁶ В пользу этого предположения свидетельствует и то обстоятельство, что на соседних листах книги, где находится Роспись 1718 г., имеются подсчеты дворянства, переводимого на жительство в Петербург, сделанные именно по этим материалам.

¹⁷ Отметим наиболее крупные неточности: ошибочен итог Козьмина монастыря (2173 дв.); Козьмин монастырь был приписным патриаршим монастырем и по сказке патриарха имел 178 дв. Кстати, и тот факт, что он оказался занесенным в Роспись — тоже ошибка, так как его дворы вошли в итог дворов у патриарха; по ошибке же занесены в Роспись 1718 г. монастыри Сновицкий, Николаевский «с Тулы» (Веневский) и Благовещенский нижегородский — это тоже приписные патриаршие монастыри, и их итоги вошли в итог патриарха; дважды занесены Евфимьев монастырь (один раз — как суздальский, второй — неправильно — как новгородский с тем же итогом) и ростовский Богоявленский монастырь, у которого приказные дяки считали 301 дв., а монахи настаивали, что у них всего 291 дв.; в Роспись попали оба итога (второй итог в публикации С. И. Елагина указан в примечании); неверно показано у ростовского же Воскресенского монастыря 1038 дв. — у него было только 193 дв., а 1038 дв. — это итог всей патриаршей Карашской волости, где находились владения монастыря; да и этот итог ошибочно занесен в Роспись — он вошел в итог патриарха. О мелких неточностях и печатках (последних мы насчитали девять) говорить не будем. Хотя отмеченные неточности отразились на общем итоге дворов за духовенством, это не колеблет выводов К. В. Сивкова об экономической мощи духовенства, с которыми мы вполне согласны.

¹⁸ Кроме указанных выше сводных источников, была использована также «Ведомость сибирских городов» 1701 г., составленная по сметным спискам (ЦГАДА, ф. 214, кн. 1354). Характеристику ее см. в нашей статье «Численность русского населения Сибири в XVII—XVIII вв. (в кн.: «Русское население Поморья и Сибири (период феодализма)». М., 1973, стр. 194—213).

посаде» — 51 дв. и «Брянского уезду Поцынской волости Спасский и Пятницкий монастырь, что на Ондrejaнове дворе» — 18 дв. («дворе», видимо, описка вместо «горе»). У Зверинского указаны три: Спасский-Поликарпов в Брянске, Спасский-Пятницкий в 84 верстах к северо-западу от Брянска и «Спасов-Преображенский, что на Андриянове горе, или Андриянова пустынь... в бывшей Подымской волости». Отметим, что «Подымской» волости в Брянском уезде не было, а Поцынская находилась как раз к северо-западу от Брянска. Обращение к другим росписям не проясняет вопроса, так как появляется еще Спасский монастырь «на Козьей степи» с 40 дв. (д. 15).

Не исключая возможности объединения монастырей, все же в данном случае более вероятной представляется нечеткость записей в переписных книгах. К этому выводу приводит сравнение итогов дворов и записей в росписях. Если допустить, что «Спасский, что на посаде» и Спасский-Поликарпов — это один и тот же монастырь, дважды записанный в переписной книге (вероятно, он имел дворы в разных местах), тогда количество его дворов по Росписи 1678 г. составит 51 дв. — столько же, сколько в сказках значится за «Спаским, что на посаде», причем будет понятным умолчание о Спасском-Поликарпове монастыре, т. к. это он же. Далее, из сказок видно, что «Спасский и Пятницкий» монастырь находился на Андрияновой горе в Поцынской волости, т. е. к северо-западу от Брянска, что не противоречит данным Зверинского о местонахождении «Спасского» и «Пятницкого» монастырей; хотя в Росписи 1678 г. и у Зверинского это два монастыря, следует отдать предпочтение сказке, которая, очевидно, была подана от имени одного монастыря. В результате вместо четырех монастырей остаются два.

Сведения о размещении дворов и их итогах у монастырей во второй половине XVII в. близки между собой в Росписи 1678 г. (дд. 15 и 53), но отличаются в ряде случаев от данных кн. 5095 и сказок 1700 г., которые, в свою очередь, содержат близкие показания. Однако в сказках должны были сообщаться сведения по переписным книгам 1678 г., т. е. аналогичные данным Росписи 1678 г.

Расхождения во многих случаях становятся понятными после анализа источников. Рассмотрим это на примере сведений о наиболее крупном монастыре — Троице-Сергиевой лавре.

По Росписи 1678 г. она имела 16 813 дв., по сказке — 20 333 дв. Наиболее значительно расходятся итоги дворов в уездах Переяславском (2167—2566)¹⁹, Бежецком (1771—1867), Суздальском (1470—1882), Владимирском (525—731) и Нижегородском (399—1176). В Росписи 1678 г. указаны владения в Великолукском и Ливенском уездах, причем Ливенский уезд зачеркнут, но дворы вошли в общий итог. По сказкам в этих уездах были самостоятельные монастыри, итоги дворов которых совпадают с итогами в Росписи 1678 г. В свою очередь, в сказке Троице-Сергиевой лавры отмечены владения в Свияжском, Алатырском, Казанском уездах и приписные монастыри в Каширском и Двинском уездах; в Росписи 1678 г. этих сведений нет.

Разница между общими итогами дворов Троице-Сергиевой лавры в Росписи 1678 г. и в сказке составляет 3520 дв. Посмотрим, нельзя ли ее объяснить.

Проверка показала, что по переписным книгам в Суздальском уезде было 1975 дв., а в Нижегородском — 1138, тогда как в Росписи 1678 г. указано 1470 и 399 дв. соответственно. Всего по этим уездам оказалось неучтенным Росписью 1678 г. 1244 дв., а с владениями в уездах Свияжском, Алатырском, Казанском и Двинском — 2426 дв. Далее, в итог сказ-

¹⁹ Первое число — итог дворов по Росписи 1678 г., второе — по сказке. Напомним, что Роспись 1678 г. охватила только уезды, находившиеся в ведении Поместного приказа.

ки вошли дворы приписных монастырей, приписанных позднее 1678 г., которые в Росписи 1678 г. значатся самостоятельными, всего 854 дв. Вместе это составляет 3280 дв., так что от разницы в общих итогах остается только 240 дв. Либо они не были учтены Росписью 1678 г., либо лавра приобрела их после переписи 1678 г.

Разницу в итогах можно объяснить следующими причинами: пропусками в Росписи 1678 г. владений и целых уездов, припиской монастырей после переписи 1678 г. и приобретением владений после переписи 1678 г. Надо отметить, что в сказке лавры имеются неточности. Например, не упомянуто о монастырях в Алатырском и Вологодском уездах, а дворы этих монастырей показаны как владения лавры (установить там наличие монастырей помог справочник Зверинского, данные которого по Вологде подтверждаются переписной книгой, по Алатырю же книга не сохранилась).

Анализ убеждает, что ни один сводный источник не может считаться безупречным: все они содержат разного рода неточности. Только сопоставляя их и привлекая дополнительно другие источники и сами переписные книги, можно получить относительно надежные данные. Во всяком случае, Роспись 1678 г. содержит явно неполные сведения по многим владельцам и, следовательно, неполные поуездные и общие итоги. Однако и сказки, являющиеся, несомненно, наиболее надежным и полным источником, тоже неполны в отношении приписных монастырей (хотя дворы последних учтены в итогах тех владельцев, к которым они приписаны) и показывают состав владений не на 1678 г., а на 1700 г. (давая в то же время число дворов по переписи 1678 г.).

Последнее обстоятельство открывает перед исследователем определенные перспективы, в частности, возможность выделить епархии и монастыри, владения которых увеличились после переписи 1678 г., и возможность выяснить общее увеличение количества дворов в руках церкви в 1678—1700 гг. Недостаток места заставляет нас ограничиться реализацией только второй возможности.

Результаты анализа сводных и других источников в обобщенном виде помещаются в приложениях к настоящей статье. В них использованы Росписи 1653 и 1661 гг. и сказки 1700 г. с дополняющей их кн. 5095 и «Ведомостью сибирских городов» (дополняющие Роспись 1678 г. дд. 15 и 53 и Роспись 1696 г. мы сочли нецелесообразным использовать ввиду их неполноты).

Прежде чем кратко их прокомментировать, необходимо еще раз подчеркнуть неполноту и приблизительность приводимых цифр. Несмотря на то, что они показывают итоги с точностью до двора, точность эта фиктивна; осторожнее округлять итоги, по меньшей мере, до тысяч и допускать отклонения до 10%. Однако было бы неправильно недооценивать относительное значение итогов: даже давая нам приблизительные цифры, они рисуют близкую к истине картину положения церкви как феодальной организации, раскрывая ее экономическое могущество и структуру в их историческом развитии.

Приложение I содержит сведения об епархиях, указывая количество дворов у них (включая дворы приписных монастырей) и количество церквей²⁰. В список не включены епархии Астраханская, Киевская, Чер-

²⁰ Образование и изменение территории епархий освещено в литературе, там же содержатся и сведения о числе церквей (*И. Николаевский*, Патриаршая область и русские епархии в XVII в.—«Христианское чтение». СПб., 1888, № 1—2; *И. М. Покровский*, Русские епархии в XVI—XIX вв., их открытие, состав и пределы, т. I. Казань, 1897; «Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего синода», т. II, ч. 2 (1722 г.). СПб., 1878, приложение XIX и др.). Мы не приводим итогов по Росписи 1678 г. ввиду их неполноты. В качестве основных источников используются Роспись 1653 г. и сказки 1700 г., дающие итоги на крайние даты периода. Из прочих восполняются пробелы.

ниговская и Переяславская, о числе принадлежавших им дворов в источниках нет сведений. Количество церквей у них на 1679 г. указано только в Астраханской епархии (26), на 1702 г. вообще не указано, а на 1722 г. они имели соответственно 26, 987, 481 и 146 церквей. Общее число церквей достигало в 1722 г. почти 16 тыс. Сведения о них на 1679 и 1702 г. неполны, т. к. охватывают только церкви, обложенные сбором; помимо неполноты самих сведений, в подсчет не вошли церкви, по тем или иным причинам не обложенные налогом. К сожалению, в источниках не сообщаются количество и размещение церквей, имевших крепостные дворы.

Приложение II является составленным нами поуездным списком монастырей Европейской России, имевших крепостные дворы во второй половине XVII в. В список включены только те монастыри, которые упомянуты в источниках, содержащих данные по переписи 1678 г. Список не претендует ни на полноту, ни на точность не только итогов (об этом уже говорилось), но и состава монастырей, особенно по данным кн. 5095. Например, Богословская пустынь Соликамского уезда может быть Богословской пустыней Важского уезда. Мы не включили в список Спасский монастырь в Гороховецком уезде и Фирсов Александровский монастырь в Переяславском уезде, потому что они упомянуты только в кн. 5095, а в других источниках не названы и сказок их нет; но монастыри в северных уездах, очень неполно перечисленные в других источниках, мы включали, если они значатся хотя бы только в кн. 5095. Таким образом, возможно, что несколько монастырей пропущено, а несколько вошло дважды, но думается, что случаев этого рода обнаружится мало. Во всяком случае, на общую картину возможные исправления существенно не повлияют. Неточности возможны и в размещении монастырей по уездам. Например, патриаршие монастыри Выксинский, Ролская и Досифеева пустыни в Росписи 1678 г. значатся в Пошехонском уезде, а в сказке — в Белозерском. Поскольку Роспись 1678 г. составлялась по переписным книгам, ей в этом отношении можно доверять, но, с другой стороны, сказки тоже как будто бы заслуживают доверия. Возможно, что после переписи 1678 г. эти монастыри были приписаны к Белозерскому уезду. Мы положили в основу нашего списка сведения сказок (приписка монастырей тоже показана по ним); данные о возникновении монастырей в XVII в. или о первом упоминании их в источниках этого столетия взяты у Зверинского. Отдельно даются списки монастырей Сибири (*Приложение III*) и монастырей, указанных в Росписях 1653 и 1661 гг., но в позднейших сводных источниках не значащихся (*Приложение IV*).

Рассмотрим общие итоги наших подсчетов²¹. Количество дворов у архиереев увеличилось с 1653 по 1700 г. на 12,6 тыс., из них 4,6 тыс. были пожалованы новым епархиам. Число дворов у прежних увеличилось на 8 тыс. (50%). Такое увеличение нельзя объяснить одним естественным приростом; несомненно были пожалования. Но нельзя не учитывать, что часть пожалований составляла приписка монастырей, т. е. это было перераспределение крестьян между духовенством. Часть эта должна была быть весьма существенной: если основываться на данных Росписи 1678 г., считая упомянутые в ней монастыри самостоятельными, то, например, к патриарху после переписи 1678 г. было приписано 13 монастырей с 850 дворами. При этом любопытно, что взамен приписки монастырей соответствующая часть вотчины могла быть отобрана: известно, например, что два монастыря были приписаны к патриарху взамен отобранных владений в 80-х годах XVII в., поэтому было бы неосторож-

²¹ Данные по I ревизии взяты из публикации: В. М. Кабузан, Н. М. Шенукова. Табель первой ревизии народонаселения России (1718—1727 гг.). — «Исторический архив», 1959, № 3, стр. 126—165. За 1653—1700 гг. мы сравниваем число дворов, так как выяснение числа душ на 1653 г. требует специального изучения.

Т а б л и ц а 1

Группы владельцев, имевших дворы	1653 г.		1700 г.	
	число монастырей	у них дворов	число монастырей	у них дворов
1—25	219	2 256	173	1 771
26—125	163	9 640	113	7 200
126—1250	96	32 984	96	34 926
Свыше 1250	16	48 648	22	71 356
<i>Всего</i>	<i>494</i>	<i>93 528</i>	<i>404</i>	<i>115 253</i>

ным всю приписку относить к увеличению владений²². Хотя вопрос этот требует дальнейшего изучения, несомненно, что во второй половине XVII в. архиереи сосредоточили в своих руках значительно больше владений, чем у них было в середине столетия; доля их крепостных составляла, примерно, 20% всей численности крепостных у духовенства; самый крупный из них, патриарх, имел около 6%.

Основная масса крепостных находилась в монастырских вотчинах. Как уже говорилось, следует различать самостоятельные и приписные монастыри. Всего в Европейской России в конце XVII в. (т. е. в 1697—1700 гг.) насчитывалось около 600 монастырей, имевших крепостных крестьян; 174 из них были приписными. Подсчет по нашему списку дал 404 самостоятельных монастыря, имевших крепостные дворы в 1697—1700 г.²³ (еще раз подчеркиваем, что все цифры не вполне точны). Анализ их состава показывает, что во второй половине XVII в. (см. табл. 1) происходил процесс концентрации владений в руках крупнейших вотчинников (учтены и монастыри, имевшие дворы только в 1653—1661 гг.).

Количество монастырей на две даты (1653 и 1700 гг.), как видно из приведенных данных, к концу века уменьшилось, при этом между ними произошло перераспределение крестьян: число крупнейших монастырей (имевших свыше 1250 дв.) увеличилось с 16 до 22, а число крепостных дворов у них возросло с 49 до 71 тыс. (на 45%). В то же время количество монастырей, имевших от 1 до 125 дворов, уменьшилось с 382 до 286, а число дворов у них тоже снизилось (на 25%). Убыль самостоятельных монастырей к концу века при концентрации крестьян во владениях крупнейших монастырей означала расширение латифундий церковных иерархов и крупнейших монастырей. В этой связи интересно отметить, что у ряда монастырей число дворов с 1653 г. либо не возросло вообще, либо увеличилось очень незначительно. Это обстоятельство требует специального изучения, выходящего за рамки нашей задачи. Возможно, имела место утайка дворов при переписи 1678 г., но могли быть и другие причины.

По переписи 1678 г. у духовенства было около 148—149 тыс. дворов. По сказкам и росписям 1697—1700 гг., число дворов достигает 152—153 тыс. По этим данным, монастыри, приписанные к другим монастырям, архиереям и патриарху, имели около 6,5 тыс. дворов. Таким образом, в собственно монастырских вотчинах, включая 1,5 тыс. дв. в Сибири и 0,7 тыс. дв. на Слободской Украине, было около 123 тыс. дв., в патриарших и архиерейских (без приписных монастырей) — около 23 тыс. У соборов и церквей было около 6 тыс. дв.

²² А. Н. Сазаров. Русская деревня XVII в. По материалам патриаршего хозяйства. М., 1966, стр. 34.

²³ Итоги остальных 22 монастырей в росписях 1697—1700 гг. не значатся.

Рассмотрим размещение владений духовенства по районам по переписи 1678 г. (округленно в тыс. дв.):

Районы	Число дворов (тыс.)	Процент
Нечерноземный центр	92	62
Северо-Запад	19	13
Запад	2	1,5
Черноземный центр	12	8
Восток и Юго-Восток	6	4
Север и Северо-Восток	15	10
Слободская Украина	0,7	0,5
Сибирь	1,5	1
<i>Итого</i>	<i>148</i>	<i>100</i>

Основной массив вотчин духовенства находился в старых давно освоенных районах страны.

Разница между данными на 1678 г. (148 тыс. дв.) и на 1700 г. (152 тыс. дв.) не отражает фактического прироста дворов к 1700 г. Она свидетельствует либо о неточности подсчетов, либо о незначительном механическом увеличении владений за счет пожалований, покупок и т. п. (итоги дворов этих владений считались по переписи 1678 г.).

Главную роль в увеличении вотчин отдельных владельцев играла приписка монастырей, т. е. перераспределение владений и крестьян среди самого духовенства.

Численность населения в вотчинах духовенства по переписи 1678 г. составляла около 500 тыс. душ м. п. без учета уклонившихся (вернее, утаенных феодалами), доля которых по всей стране по I ревизии составляла в среднем 25% (с отклонениями в ту или иную сторону по районам). Следовательно, по переписи 1678 г. было учтено 75% населения, подлежащего регистрации, доля утаенных не могла быть больше 25%, т. к. ревизия проводилась после 19 лет войны, после двух переписей, которые состоялись в последнее десятилетие, после неоднократного увеличения налогового бремени.

С учетом утаенных численность населения по переписи 1678 г. составит округленно 670—700 тыс. душ м. п. По I ревизии она увеличилась на 100 тыс. человек, или на 14%. Это меньше, чем прирост населения в целом по стране (32%), но все же прирост немалый.

Посмотрим, как он распределялся по районам страны (в тыс., округленно, итоги 1678 г. — с учетом утаенных):

Районы	1678 г.	1719 г.
Нечерноземный центр	423	448
Северо-Запад	81	93
Запад	8	13
Север	56	49
Северо-Восток	16	15
Сибирь	7	14
<i>Итого</i>	<i>591</i>	<i>632</i>
Черноземный центр	71	94
Восток и Юго-Восток	29	55
<i>Итого</i>	<i>100</i>	<i>149</i>
<i>Всего</i>	<i>700</i>	<i>800</i>

В Нечерноземном центре (где находилась основная часть вотчин духовенства), на Северо-Западе, Западе, Севере и Северо-Востоке население вотчин духовенства почти не увеличилось, причем на Севере даже умень-

шилось. Зато в Черноземном центре и на Юге и Юго-Востоке, т. е. в осваиваемых районах, оно возросло наполовину. Одним естественным приростом, даже повышенным (присущим осваиваемым районам), такого увеличения объяснить нельзя. Видимо, церковь или закрепила переселенцев или переводила своих крепостных из других районов. Причины уменьшения численности крепостного духовенства на Севере тоже еще не изучены; впрочем, возможно, что оно было менее значительным, чем вычисленное²⁴.

Во всяком случае, в целом в изучаемый период население владений духовенства не уменьшилось, а возросло.

На прилагаемой карте показано размещение епархий, монастырей и церквей. Границы епархий даются по карте из указанной выше книги И. М. Покровского. Для полноты картины на карту нанесены также и монастыри, не имевшие в конце XVII в. крепостных дворов. Небольшую часть монастырей локализовать не удалось.

Приложение I

Епархии и церкви во второй половине XVII в.

Епархии	Число дворов у архиереев		Число церквей в епархиях		
	1653 г.	1700 г.	1679 г.	1702 г.	1722 г.
1. Патриаршая область	6 481	9 511	около 4000	3750	4 675
2. Ростовская	3 457	4 398	991	731	743
3. Новгородская	1 432	2 014	1 227	1017	1 282
4. Рязанская	1 002	1 639	1 221	955	1 028
5. Суздальская	1 142	1 603	402	402	473
6. Вологодская	923	1 315	563	558	558
7. Псковская	443	1 154	189	159	146
8. Казанская	1 505	1 199	284	298	298
9. Крутицкая	142	1 050	522	525	851
10. Тверская	298	1 032	283	288	456
11. Коломенская	495	353	500	500	708
Итого	17 320	25 268			
12. Белгородская	—	953	542	532	774
13. Смоленская	—	843	171	171	250
14. Вятская	—	755	222	181	283
15. Тамбовская	—	675	—	168	—
16. Сибирская	—	554	150	150	315
17. Нижегородская	—	337	378	378	378
18. Воронежская	—	196	—	182	313
19. Холмогорская	—	194	—	254	261
20. Великоустюжская	—	124	—	277	339
Итого		4 631			
В с е г о	17 320	29 899	11 645	11 476	14 131

²⁴ Возможно, что утайка населения была меньше предположенных 25%.

Приложение II

Монастыри и пустыни Европейской России, имевшие крепостные дворы в конце XVII в.^{1*}

Монастыри и пустыни	Число дворов		
	1653—1661 гг.	1678 г.	1700 г.
<i>Алатырский уезд</i>			
1. Троицкий* № 1249, к Троице-Сергиеву	—	498 ³	—
<i>Алексинский уезд</i>			
2. Бунарев* № 682, к крутицкому арх.	53	107 ¹	97
<i>Арзамасский уезд</i>			
3. Спасо-Преображенский № 1184	356	323	323
<i>Балахнинский уезд</i>			
4. Покровский № 1061	41	41 ²	15 ¹
<i>Бежецкий уезд</i>			
5. Антоньев № 16	529	545	542
6. Введенский № 701	6 ¹	10	10
<i>Белгородский уезд</i>			
7. Никольский № 309, к белгородскому арх.	68	65	65
<i>Белевский уезд</i>			
8. Спасо-Преображенский № 1170	153	200	235
9. Воздвиженский* № 263 ж	4	4 ⁵	4 ¹
<i>Белозерский уезд</i>			
10. Кирилло-Белозерский № 867	3854	5530	5316
11. Ферапонтов № 556	321	484	464
12. Воскресенский № 738, к пат.			330
13. Троицкий-Устьшехонский № 1332, к Савво-Сторожевскому	219	274	283
14. Кирилло-Новоозерский № 868	119		192
15. Выксинский № 750, к пат.	98	104	104
16. Златоустовская Ройская п. № 807, к пат.	53	67	67
17. Досифеева п. № 786, к пат.		4	4
18. Никитский № 945, к Кирилло-Белозерскому	38	46	
19. Благовещенский Ворбозомский № 636, к Кирилло-Белозерскому	14	24	
20. Успенский (№ ?), к Кирилло-Белозерскому			21
21. Воронина п. № 130, к пат.	13	20	20
22. Геннадьева п. (№ ?), к Троицкому-Устьшехонскому			9 ¹

^{1*} Источники указаны в тексте и ниже.

Принятые сокращения: арх. — архиерей; ж — женский монастырь, пат. — патриарх, п. — пустыня, № дан по Зверинскому.

Звездочка (*) после названия монастыря означает, что он основан в XVII в. или впервые упомянут в источниках XVII в.

В графе «Число дворов в 1653—1661 гг.»: сн. 1 означает, что итог взят из Росписи 1661 г.; сн. 2 — у П. П. Смирнова «Города Московского государства в первой половине XVII в.», т. I, вып.

2. Киев, 1919, стр. 217, сн. 3 — из переписной книги.

В графе «Число дворов в 1678 г.»: сн. 1 означает, что итог взят из д. 15, сн. 2 — из д. 53, сн. 3 — у Зверинского, сн. 4 — из переписной книги, сн. 5 — ЦГАДА, ф. 210, Белгородский столб. 841, лл. 31—33.

В графе «Число дворов в 1700 г.»: сн. 1 означает, что итог взят из кн. 5095, сн. 2 — из кн. 5039, сн. 3 — из переписных книг; сн. 4 — из Росписи 1696 г. сн. 5 — ЦГАДА, ф. 125, 1697 г., д. 19;

Итоги монастырей Псковского уезда на 1700 г. взяты из кн. 40.

Итоги монастырей включают дворы приписных монастырей, поэтому общий итог получить путем сложения их нельзя.

Приложение II (продолжение)

Монастыри и пустыни	Число дворов		
	1653—1661 гг.	1678 г.	1700 г.
23. Андозерская п. № 13 <i>Бельский уезд</i>	1		1 ¹
24. Преображенский (№ ?) <i>Болховский уезд</i>			5 ⁵
25. Оптин № 1026	3 ¹	4	5
26. Рождественский № 408 ж <i>Боровский уезд</i>	1 ¹		1 ¹
27. Пафнутьев № 1038	655	1195	1258
28. Высоцкий № 154, к Пафнутьеву <i>Брянский уезд</i>			18
29. Свенский № 420	697	812	812
30. Петропавловский № 353	95	106	113
31. Жиздринский № 1603, к Донскому	62	81	81
32. Спасский-Поликарпов № 1077	49	51	51
33. Спасский-Пятницкий* № 1106, 2041 <i>Важский уезд</i>	24		18
34. Никольский Маркушевский № 989	75 ¹		78
35. Богословская п. № 659	33 ¹		50
36. Уздринская п.* № 694	22 ¹		30
37. Сестринская п.* № 1199			18 ¹
38. Клоновский № 2139			9
39. Кодемская п. № 1228 <i>Валуйковский уезд</i>			5
40. Успенский * № 1329 <i>Великолукский уезд</i>		9	9
41. Колюбацкий (Исаева п.) № 1319 к новгородскому арх.	24	40	40 ¹
42. Марищевский № 2188, к новгородскому арх.	4		38 ¹
43. Троицкий-Сергиев № 1280	12		15
44. Серебряницкий * № 1146	1		5
45. Озерская п. ж (№ ?)			4
46. Настецкий * № 940	4 ¹	3	3 ¹
47. Рышков * № 1993 <i>Великоустюжский уезд</i>	2		2 ¹
48. Архангельский № 623	402	330 ²	422
49. Троицкий-Гледенский № 162		133 ⁴	181
50. Никольский-Прилуцкий № 1001	25 ¹		42
51. Телегов № 1258	30 ¹		38
52. Ивановский № 840	52 ¹	37 ³	55
53. Теплогорская п.* № 645			28
54. Архангельский-Лальский * № 19			11 ¹
55. Соловецкая п. № 1612	1 ¹		10
56. Верховоломская п.* № 1164		5 ³	4
57. Сученская п. № 1337			4
58. Воломская п.* № 735 <i>Ветецкий уезд</i>			2 ¹
59. Входо-Иерусалимский * № 1189 <i>Верхнеоломовский уезд</i>	15	7	12
60. Богородицкий * № 651 ж			21 ¹

Приложение II (продолжение)

Монастыри и пустыни	Число дворов		
	1653—1661 гг.	1678 г.	1700 г.
<i>Владимирский уезд</i>			
61. Рождественский № 1120	1473	1613	1851
62. Боголюбов № 47, к пат.	228	272	182
63. Сновицкий № 1148, к пат.		11	181
64. Волосов № 128, к пат.		129	130
65. Успенский № 1317 ж	124	124	151
66. Спасский-Златовратский № 2072	98	78	136
67. Константино-Еленинский № 1350, к пат.			66
68. Покровский-Нерльский № 1072, к пат.	50	56 ¹	57
69. Георгиевский № 1557, к Рождественскому	16	12	12
70. Любецкий * № 2187, к пат.			8
71. Никольский-Золотоворотский (№ ?)	8		10 ¹
<i>Вологодский уезд</i>			
72. Корнильев № 884	704	725	799
73. Павлов № 1033	458	690	702
74. Спасо-Прилуцкий № 1174	611	502	632
75. Спасо-Каменный № 446	429	450	478
76. Никольский-Озерский № 1208	371	371	381
77. Глушицкий № 766	143	156	164
78. Иннокентьев № 833	130	122	122
79. Нуромский № 1172	120	101	108
80. Лопотов № 909	75	105	106
81. Сямженский № 1159	113	103	105
82. Рабантский № 1173	52	66	66
83. Авнежский № 595, к Троице-Сергиеву		65 ⁴	
84. Подольный * № 1058	48	49	49
85. Никольский-Катромский № 984	34	45	46 ¹
86. Песочный (Антоњева п.) № 1042	46	42	45
87. Печенгский № 1054	38	42	42
88. Арсеньев (Сухарусева п.) № 621	20	39	39
89. Сямский № 1214	15	15	15
90. Спасская Репная п. * № 1180	8	10	10 ¹
91. Александров Куштский № 605	5	9	9
92. Александрова п.* № 1365, к Арсеньеву	18	9 ³	18 ¹
<i>Волоколамский уезд</i>			
93. Иосифов № 845	1104	1394	1365
94. Возминский № 1002	36	58	59
95. Левкиев № 905, к Воскресенско-Истринскому	24	37	37
<i>Воронежский уезд</i>			
96. Борщевский * № 680, к воронежскому арх.	142	175	175 ¹
97. Алексеевский (Акатова п.) * № 609	30	18	25
98. Карачунский * № 655, к воронежскому арх.	24	21	21 ¹
99. Успенский * № 2169	144	17	17
100. Покровский * № 1060 ж	46	15	15
<i>Воротынский уезд</i>			
101. Спасский № 2068, к крутицкому арх.	21	28	51
<i>Вяземский уезд</i>			
102. Предтечев № 1081	93	116	116

Приложение II (продолжение)

Монастыри и пустыни	Число дворов		
	1653—1661 гг.	1678 г.	1700 г.
<i>Галицкий уезд</i>			
103. Успенский Паисеин № 1034	680	692	700
104. Железоборовский № 796, к Донскому	502	622	629
105. Макарьев Унженский № 280	348	847	467
106. Авраамьев-Новоозерский № 598	310	234	224
107. Авраамьев-Городецкий № 597	310	216	221
108. Авраамьев (Великая п.) № 1915	82	78	80 ¹
109. Варнавинская п. № 101, к Богоявленскому московскому	50	50 ¹	50
110. Зачатьевский * № 1608 ж	17	50	12 ¹
111. Монзенский (Андреянова п.) № 1336	35	32	39
112. Фроловский № 2207, к пат.	41	35	40
113. Авраамьев (Верхняя п.) № 2031	13	20	21
114. Александра п. № 602	72	19	19
115. Унорожский № 2163, к пат.	18	18	18
116. Никольский № 1005	23	16	16 ¹
117. Рождественский * № 1116 ж	6		6 ¹
118. Воскресенский № 1527	5	5	5
119. Жукова Солдовская п. № 799	9	5	5
120. Васильевский * № 1465	3		3 ¹
<i>Гороховецкий уезд</i>			
121. Георгиевская п. № 1563, к Троице-Сергиеву			51
122. Никольский Троицкий * № 1006	15 ¹	18	18 ¹
<i>Данковский уезд</i>			
123. Покровский № 1063	15 ¹	11	11 ¹
<i>Двинский уезд</i>			
124. Соловецкий № 1151	560	383 ⁴	393
125. Антоньев-Сийский № 618	289	325 ³	402
126. Архангельский № 629	49		50
127. Никольский Корельский № 987	47		50
128. Чухченемский № 2226, к Троице-Сергиеву			28
129. Никольский Моржевский * № 1838	2		2 ¹
130. Черногорский * № 888	2		4 ¹
131. Козьеручьев * № 1194	2		См. № 127
132. Кривецкий № 897, к Антоньеву-Сийскому	35 ¹		
133. Покровский № 1904, к Антоньеву-Сийскому	16 ¹		
<i>Дмитровский уезд</i>			
134. Песношский № 404	376	827	474
135. Борисоглебский № 671	109	165	156
136. Медведева п. № 920, к Донскому	90	119	150
137. Пятницкий Берендеевский № 1104, к Воскресенскому Истринскому	28	72	38
138. Троицкий Нерльский (№ ?), к пат.	21	30	30
<i>Дорогобужский уезд</i>			
139. Бизюков * № 27		220 ⁴	222
140. Свирколуцкий № 413		52 ⁴	
141. Болдин № 669		34 ⁴	
<i>Елецкий уезд</i>			
142. Тешевский * № 59	8	41	41

Приложение II (продолжение)

Монастыри и пустыни	Число дворов		
	1653—1661 гг.	1678 г.	1700 г.
143. Троицкий* № 517 <i>Звенигородский уезд</i>	47	29	29
144. Воскресенский Истринский* № 742		584	2465
145. Савво-Сторожевский № 1140	138	622	2059
146. Успенский Онуфриев № 2191, к Савво-Сторожевскому <i>Кадомский уезд</i>	25		25 ¹
147. Троицкая п.* № 1237, к Воскресенскому Истринскому <i>Казанский уезд</i>		8 ²	8
148. Спасо-Преображенский № 1167	821		394 ²
149. Троицкий-Сергиев № 2147, к Троице-Сергиеву		116 ²	
150. Преображенский Осинский* № 1938	92		107 ²
151. Троицкий Елабужский № 1267	148		89 ¹
152. Раифская п.* № 1110, к Новоспасскому			79
153. Зилавтов № 195	159		62 ²
154. Покровский Тетюшский № 1889, к Новоспасскому			47
155. Богородицкий № 55 ж			29 ²
156. Федоровский № 555	28		13 ²
157. Покровский Кукарский* № 1069	2 ¹		13 ²
158. Седмиозерная п.* № 1143			12 ²
159. Лихоткин* № 1321			10 ²
160. Кивачский* № 862 <i>Калужский уезд</i>			15 ²
161. Лаврентьев № 274 <i>Карачевский уезд</i>	25	59	59
162. Тихонова п. № 1219, к Воскресенскому Истринскому <i>Каргопольский уезд</i>	106	212	217
163. Крестный* № 891	812 ¹	867 ²	910
164. Ошевенский № 606		131 ²	130
165. Кожеозерский № 250	104 ¹	111 ²	111
166. Юрьегорский* № 1288		10 ²	10
167. Кодлозерская* п. № 663			8
168. Кенская п. № 1039	10 ¹	6 ²	6
169. Строкина Васьянова п. № 1160	14 ¹	5 ²	4
170. Елгомская п.* № 791			4
171. Сыренская п. № 2168 <i>Кашинский уезд</i>	22 ¹		2
172. Калязин № 1271	1411	1933	2165
173. Сретенский № 1206	162	87	200
174. Капшин* № 203	58		122
175. Рябов № 1138	78	118 ¹	112
176. Клобуков № 985	51	53	70
177. Дмитровский № 783	50	61	67
178. Благовещенский Ширинский* № 639 <i>Каширский уезд</i>	31		43
179. Белопесоцкий № 1261, к Троице-Сергиеву	165	191	216

Приложение II (продолжение)

Монастыри и пустыни	Число дворов		
	1653—1661 гг.	1678 г.	1700 г.
180. Всеволожский № 1548	3	75 ¹	50 ¹
181. Соколова п. № 2032, к коломенскому арх.	2 ¹	4	4 ¹
182. Березина п. № 1996, к коломенскому арх.	4 ¹		4 ¹
<i>Клинский уезд</i>			
183. Изосимица п. № 820, к Воскресенскому Истринскому	26	50	50
184. Успенский Клинский * № 1316, к тверскому арх.	12	11	23 ¹
<i>Козьмодемьянский уезд</i>			
185. Спасский Малоюжгинский* № 1193		34 ³	34 ³
<i>Коломенский уезд</i>			
186. Голутвин № 72	158	203	203
187. Спасский № 473	41	46	46
188. Бобреев № 45	20	8	8
<i>Кольский уезд</i>			
189. Троицкий Новопеченгский № 1284	48		9
190. Печенгский № 360			9
191. Кандалакшский № 858	6		3
<i>Костромской уезд</i>			
192. Ипатьев № 834	3436	3657	3684
193. Богоявленский № 69 ж	1087	961	1000
194. Геннадьев № 1157	358	352	381
195. Воздвиженский № 260 ж	141	140	156
196. Настасьин № 12 ж	139	78	78 ¹
197. Успенский Шеренский № 2198	54	52	53
198. Бабаевский № 630			46
199. Сыпанов № 1283	30	9 ¹	30 ¹
200. Игрицкий* № 211		14	16
201. Спасский Запрудный № 2070	14		14 ¹
202. Словенская Одигитриевская п.* № 1844		31	12
<i>Кромский уезд</i>			
203. Троицкий* № 2118, к Спасскому белевскому		19	18 ¹
<i>Кунгурский уезд</i>			
204. Тохтаралевская п.* № 2104			27 ¹
<i>Курмышский уезд</i>			
205. Рождественский № 1131 к Воскресенскому Истринскому	29		43
206. Троицкий № 1250 ж	17		12 ³
<i>Курский уезд</i>			
207. Богородицкий Знаменский* № 201	265	169	169
208. Троицкий* № 1243 ж	88	25	25
209. Лапинская п. * № 1226	23	24 ⁵	23 ¹
<i>Лебедянский уезд</i>			
210. Яблонова п.* № 529, к пат.		4	16
<i>Ливенский уезд</i>			
211. Сергиев* № 1145	35	19 ¹	19
<i>Лизвинский уезд</i>			
212. Настасов № 614, к крутицкому арх.	120		244

Приложение II (продолжение)

Монастыри и пустыни	Число дворов		
	1653—1661 гг.	1678 г.	1700 г.
213. Добрый № 784	106	120	134
214. Гремячев № 774	32	35	36
215. Рождественский (№ ?)			24
216. Афанасьевский № 20 ж	12 ¹	14	14
<i>Луховский уезд</i>			
217. Тихонова п. № 895, к Воскресенскому Истринскому	439	427	444
<i>Малоярославецкий уезд</i>			
218. Тихонова п. № 1221, к Донскому	90		164
<i>Мединский уезд</i>			
219. Благовещенская п.* № 28		26 ³	
<i>Мещовский уезд</i>			
220. Георгиевский* № 758	60	57	57
221. Юхнов № 857		22	25
222. Дорогошанский* № 1265	9	21	21
<i>Межайский уезд</i>			
223. Лужецкий № 910	77	94 ¹	118
224. Колоцкий № 881	31	3	73
225. Якиманский № 1614, к Лужецкому	12	18 ¹	
226. Петровский № 1043	7		8 ¹
227. Троицкий № 2116	7		7 ¹
228. Борисоглебский № 1449	4		4 ¹
<i>Мосальский уезд</i>			
229. Боровенский (Ферапонтова п.) № 1310, к Воскресенскому Истринскому	79	163	152
<i>Московский уезд</i>			
230. Троице-Сергиев № 1234	16 838	16 813	20 333
231. Чудов № 1357	2 120	2 613	3 065
232. Новоспасский № 1019	1 803	2 266	2 854
233. Симонов № 430	2 407	2 638	2 508
234. Новодевичий № 1017 ж	1 469	1 996	2 346
235. Вознесенский № 722 ж	1 601	1 914	2 127
236. Донской № 785	27	20 ¹	1 525
237. Высокопетровский № 752			612
238. Никольский Угрешский № 1007	288	346	383
239. Знаменский № 813	223	297	299
240. Богоявленский № 76	115	141	238
241. Андроньев № 1155	204	210	210
242. Алексеевский № 10 ж	167	195	194
243. Георгиевский № 154 ж	142	163	173
244. Рождественский № 1128 ж	123	135	150
245. Данилов № 777	176	242	142
246. Страстной* № 1211 ж			130
247. Златоустовский № 808	58	120	122
248. Стромьинский № 1212, к Троице-Сергиеву			116
249. Давыдова п. № 775	88	95	95
250. Новинский № 1015, к пат.		40	360
251. Хотьков № 1343, к Троице-Сергиеву			35
252. Никольский Перервинский № 327	13	14	14
253. Воздвиженский № 268	13	4	13

Приложение II (продолжение)

Монастыри и пустыни	Число дворов		
	1653—1661 гг.	1678 г.	1700 г.
254. Никольский Старый № 981	11	12	Не указано
255. Воскресенский (№ ?), к Савво-Сторожевскому			
<i>Муромский уезд</i>			
256. Борисоглебский № 676	185	194	194
257. Спасский № 1181	288	101	144
258. Троицкий* № 1239 ж	4	118	
259. Васьянова п. № 2245			38
260. Никольский Бутылицкий № 992, к Воскресенскому Истринскому	12	26	26
261. Благовещенский № 633	21	7	12
<i>Мценский уезд</i>			
262. Петровский № 354	36	4	4
<i>Нижегородский уезд</i>			
263. Печерский № 1055	2147	792	1665
264. Благовещенский № 635, к пат.			844 ⁴
265. Дудин № 612, к пат.	696	315 ¹	320
266. Макарьев Желтоводский № 279	248	220 ¹	306
267. Матюшев (№ ?), к пат.			40
268. Толоконцевский № 2081, к Савво-Сторожевскому			35
269. Спасский* № 1196			25 ¹
270. Рождественский* № 653 ж			23 ¹
271. Исадская п. № 1638, к Макарьеву-Желтоводскому			20
272. Воскресенский № 1529 ж	13		13 ¹
273. Оранская Словенская п.* № 1027	10	10 ¹	10 ¹
<i>Нижнемоховский уезд</i>			
274. Богородицкий* № 652			24
<i>Новгородский уезд</i>			
275. Иверский* № 819		2059	2302 ¹
276. Хутынский № 1349	895	941	1421 ¹
277. Тихвин № 485	240	100	806 ¹
278. Вяжицкий № 979	596	216	763 ¹
279. Юрьев № 1363	535	389	680 ¹
280. Введенский Тихвин № 704 ж	210	358	303
281. Антонов-Римлянина № 617	200	272	268 ¹
282. Духов № 179	114	281	233 ¹
283. Росткин № 1135 ж	38		223 ¹
284. Деревяницкий № 134 ж	157	207	192 ¹
285. Медведский № 1814, к Савво-Сторожевскому	69	143	141
286. Отня п. № 1031	100	131	130 ¹
287. Клопский № 872	84	110	115 ¹
288. Спасский № 472		32	106 ¹
289. Ковалев № 875, к новгородскому арх.	58	92	123 ¹
290. Кириллов № 866	82	79	88 ¹
291. Никольский Островский № 995, к новгородскому арх.	46	277	77 ¹
292. Колмов № 1318, к новгородскому арх.	89	76	88 ¹
293. Горнецкий № 771, к новгородскому арх.	40 ¹	21	58 ¹
294. Никольский Белый № 976	49	52	

Приложение II (продолжение)

Монастыри и пустыни	Число дворов		
	1653—1661 гг.	1678 г.	1700 г.
295. Зверин Покровский № 806 ж	53	53	49 ¹
296. Евфимьев Плотинский № 188 ж	24	39	39 ¹
297. Лисий № 908	14	35	33 ¹
298. Демянский № 779, к новгородскому арх.	18	19	30 ¹
299. Косин № 886, к новгородскому арх.		27	29 ¹
300. Ивановский Ладожский № 209	20	30	28 ¹
301. Никольский Папоротский № 996, к новгородскому арх.	11 ¹	28	28 ¹
302. Ильинский Опоцкий № 163, к новгородскому арх.	12	23	23 ¹
303. Крутецкий * № 904, к новгородскому арх.	16 ¹	17	17 ¹
304. Никольский Староладожский № 332	16	22	20 ¹
305. Спасо-Нередицкий № 1163		18	
306. Антоньев-Дымский № 15, к новгородскому арх.	8 ¹		17 ¹
307. Саввина п. № 416	19	16	16 ¹
308. Черемнецкий № 838	11	16 ⁴	16 ¹
309. Галилейская п.* № 756, к Воскресенскому Истринскому		14	17 ¹
310. Ксенофонов № 802, к Хутынскому	3 ¹	8	14 ¹
311. Полистский № 998, к новгородскому арх.	8 ¹		14 ¹
312. Радоговицкий № 660 ж	2		14 ¹
313. Боровенская п. № 678, к новгородскому арх.	17		13 ¹
314. Аркажий № 17	10	12	12 ¹
315. Боровицкий № 958	12	12	12 ¹
316. Перетинский* № 1127	10	8	11 ¹
317. Воскресенский Исавинский (№ ?)		11 ⁴	
318. Спасский Звадский № 1191, к новгородскому арх.		14	10 ¹
319. Благовещенский № 32, к Духову	9	9	10 ¹
320. Ильинский № 830 ж		4 ¹	10 ¹
321. Липевский № 323, к новгородскому арх.	5	10	10 ¹
322. Васильевский № 687	10	12	10 ¹
323. Сковороцкий № 1147	8	10	10 ¹
324. Десятинский № 781 ж	3	9	9 ¹
325. Черноезерский № 1355, к Вяжицкому		9	9 ¹
326. Никандрова п. № 943	7	8	8 ¹
327. Успенский № 1305 ж		8	9 ¹
328. Благовещенский Никольский № 1793 ж	7	8	
329. Шкнятин № 707	5	7	6 ¹
330. Георгиевский № 761	14	6 ⁴	6 ¹
331. Сяберский № 1200, к Вяжицкому	5 ¹	6	6 ¹
332. Молвятицкий № 1752, к Антоньеву-Римлянина	4		6 ¹
333. Никольский Беседный № 971	4	113	5 ¹
334. Волотов № 1312, к Юрьеву	1	7	5 ¹
335. Спасский Порховский № 1185	6	4	5 ¹
336. Ильинский Свицкий № 831		4 ¹	4
337. Леохнов № 906, к новгородскому арх.	6	4	4 ¹
338. Посолотин № 1078	7	4	4 ¹
339. Сятецкий № 14, к новгородскому арх.		2	4 ¹

Приложение II (продолжение)

Монастыри и пустыни	Число дворов		
	1653—1661 гг.	1678 г.	1700 г.
340. Воскресенский № 1542, к новгородскому арх.		4	4 ¹
341. Северская п.* № 1919, к новгородскому арх.		2	4 ¹
342. Оскуйская п. № 1029		3	3 ¹
343. Сырков № 1213	4	3 ¹	3 ¹
344. Ругойская п. № 1232		3	3 ¹
345. Видогожский № 2127	8	3	
346. Устьяволмский № 2199	3	3 ¹	3 ¹
347. Подлютов № 741, к новгородскому арх.	1 ¹	2	2 ¹
348. Георгиевский Застенный № 762	4	2	2 ¹
349. Перекомский № 588	5	1	1 ¹
350. Сутоцкий Верендовский № 708		5	1 ¹
351. Молочковский № 932	2 ¹	1 ¹	1 ¹
352. Рождественский № 1134 ж	6	1	1 ¹
353. Верхутинский № 2126	2 ¹	2	1 ¹
354. Сытевский* № 2100	1	1 ⁴	
355. Покровский Пустошский № 1908	1 ¹		1 ¹
356. Малеев № 300	10	1	1 ¹
357. Зеленецкий № 194, к новгородскому арх.	5		
358. Пантелеймонов № 1036, к Юрьеву	7		
<i>Новооскольский уезд</i>			
359. Холков* № 1341	29		29 ¹
<i>Новосильский уезд</i>			
360. Духов* № 181, к крутицкому арх.	68		171
<i>Новоторжский уезд</i>			
361. Борисоглебский № 1038	61	88	162
362. Рождественский* № 1118, к Борисоглебскому	29	51	51
363. Воскресенский № 739 ж	21	35	35
364. Никольский Пустынский № 401, к новгородскому арх.	30	25	37 ¹
365. Введенский (№ ?)	4	20	
366. Троицкий № 1254		11	
367. Пятницкий* № 1957, к новгородскому арх.	3	7	7 ¹
368. Семеновский № 1266, к Борисоглебскому	2		5
<i>Олонецкий уезд</i>			
369. Александрo-Свирский № 607	181	6	216 ¹
370. Вашеостровская п. № 2042		32 ¹	32 ¹
371. Муромский № 301	34 ¹	23 ¹	23
372. Палеостровский № 1035	8 ¹	12 ¹	12
373. Машеозерская п. № 822			6 ¹
<i>Орловский уезд</i>			
374. Богоявленский* № 542			2 ¹
<i>Пензенский уезд</i>			
375. Иваныровский* № 2224, к Чудову			12
<i>Перемышльский уезд</i>			
376. Шаровкин № 576, к Донскому	141	142	185
377. Лютиков № 915	72	88	114
378. Никольский Резванский № 1821	29	35 ¹	35
379. Георгиевский № 1130 ж	12 ¹	11	11

Приложение II (продолжение)

Монастыри и пустыни	Число дворов		
	1653—1661 гг.	1678 г.	1700 г.
<i>Переяславский уезд</i>			
380. Горипцкий № 2184	670	923	1092
381. Троицкий Давилов № 1264	318	450	581
382. Троицкий Киржачский № 864, к Троице-Сергиеву		397	521
383. Никитский № 947	87	383	403
384. Федоровский № 1334 ж	179	291	280
385. Махрицкий № 919, к Троице-Сергиеву		98	97
386. Борисоглебский № 672, к пат.	1	46 ¹	47
387. Покровский (Антоњева п.) № 1374, к пат.	47	36	36
388. Вепрева п. № 2165, к Троицкому Давилу	21	31	31
389. Никольский № 973	11		14 ¹
<i>Пошехонский уезд</i>			
390. Андреянова п. № 600	352	369	369
391. Тропский № 1828	111	72	72
<i>Псковский уезд</i>			
392. Печерский № 398	1310	1088	1073
393. Светогорский № 435	307	384	382
394. Мирожский № 1162	150	200	200
395. Елеазаров № 444	158	100	126
396. Крыпецкий № 837	90	110	116
397. Спасо-Великопустынский № 441	56	89	93
398. Козьмодемьянский № 253	65	83	85
399. Никольский Гдовский № 1003, к псковскому арх.	85	84 ²	14
400. Ивановский № 841 ж	58	47	64
401. Святогорский Успенский № 1142	45	42	61
402. Златоустовский Медведева п. № 293	32	43	53
403. Покровский Озерский № 1067, к псковскому арх.	32	51	52
404. Никольский Песочный № 1819	33	37	44
405. Старо-Вознесенский № 1207 ж	36	13	44
406. Ново-Вознесенский * № 1016 ж	7	38	41
407. Воскресенский № 747 ж	38	44	39
408. Степановский № 2095, к Савво-Сторожевскому	30	48	39
409. Сироткин № 358	32	2	34
410. Образский № 1846, к псковскому арх.		52	29
411. Дмитриевский № 1578, к псковскому арх.	15	28	28
412. Успенский* № 1327 ж	18	25	26
413. Ильинский Завеличский № 829	26	25	21
414. Рождественский Мальский (Онуфриева п.), № 1133, к псковскому арх.	19	19	19
415. Климентовский * № 1671, к псковскому арх.	18	17	17
416. Пятницкий № 1860	13	16	16
417. Ильинский Запсковский № 213	21		15 ¹
418. Архангельский Михайловский № 1354	14	4	15
419. Введенский Толвицкий* № 1480, к псковскому арх.	24	10	15
420. Никольский Валковский № 1784, к Савво-Сторожевскому	25	15	

Приложение II (продолжение)

Монастыри и пустыни	Число дворов		
	1653—1661 гг.	1678 г.	1700 г.
421. Любятовский № 914		13	14
422. Рождественский Изборский* № 1117 ж	17	13	13
423. Введенский* № 1479, к псковскому арх.		10	12
424. Якиманский* № 1600	6	9	12
425. Никитский № 946, к псковскому арх.	6	5	11
426. Лазарев* № 1711, к псковскому арх.	12	11	11
427. Спасский Надолбин* № 1190, к псковскому арх.	11	10	10
428. Григорьев Путятин (№ ?), к псковскому арх.	5 ¹	18	9
429. Никольский Каменнооградский № 983	10	8	9
430. Зачатьевский* № 805 ж	6	17	7
431. Благовещенский № 1407 ж	7	4	7
432. Саввин Пустынский № 2000		6	
433. Варваринский № 686 ж	3	2	2
434. Фроловский (№ ?), к псковскому арх.			2
435. Духов № 1597 ж		7	1 ¹
<i>Пусторжевский уезд</i>			
436. Никольский Дворецкий № 1573			48 ¹
437. Никольский Плесский № 962, к новгородскому арх.	48	93	
438. Спасский Клинский* № 2074, к новгородскому арх.		12	8 ¹
439. Никольский Хвоинский* № 1010		3	3
<i>Путимовский уезд</i>			
440. Молчинский* № 934	188	114	138
441. Спасский Новопретображенский № 2060	18	18*	18 ¹
442. Борисоглебский* № 1447	17	17*	
<i>Ржевский уезд</i>			
443. Селижаров № 1279	69	109	113
<i>Романовский уезд</i>			
444. Богоявленский Островский* № 668	159	208	207
<i>Рославльский уезд</i>			
445. Спасский № 455		5 ¹	
<i>Ростовский уезд</i>			
446. Борисоглебский № 675	1372	2007	2027
447. Богоявленский Авраамьев № 596	254	287	291
448. Спасский Песоцкий № 1195	89	96	97
449. Воскресенский Карашский № 744, к пат.			198 ¹
450. Троицкий варницкий № 1281	54	81	81
451. Белогостицкий № 93, к ростовскому арх.		75	
452. Никольский* № 1782	57	71	71
453. Петровский № 1045	54	70	70
454. Андреевский* № 1970	38	36	36
<i>Рыльский уезд</i>			
455. Никольский (Волинская п.) № 978	135	135	91
456. Льгов № 913, к Высокопетровскому	16	38	38
<i>Рязанский уезд</i>			
457. Дмитриев Селунский* № 782	16	77	77

Приложение II (продолжение)

Монастыри и пустыни	Число дворов		
	1653—1661 гг.	1678 г.	1700 г.
458. Семеновский* № 2015, к Воскресенскому Истринскому <i>Рязанский уезд</i>	38	40	41
459. Солотчинский № 1153	450	706	748
460. Спасский № 1197	308	404	402
461. Богословский № 658	183	308	380
462. Аграфенинская п. № 3 ж	174	313	313
463. Льгов № 1023, к Савво-Сторожевскому	220	150	190
464. Радовицкий № 1013	82	153	169
465. Спасский Зарецкий № 2071, к Савво-Сторожевскому	251	199	131
466. Духов № 180	31	70	95
467. Никитский Жерновский № 797, к Воскресенскому Истринскому	50	92 ³	92
468. Рождественский* № 1018	34	92	90 ¹
469. Терехов № 1545, к Савво-Сторожевскому	44	11	69
470. Федосеева п. № 1409	53	57	
471. Троицкий № 1285	31	16	37
472. Перевицкий № 1862, к Савво-Сторожевскому	3	29	29
473. Сосновская п.* № 1885, к Воскресенскому Истринскому	8 ¹	16	20
474. Покровский* № 1840, к Воскресенскому Истринскому	12	16	16
475. Богоявленский № 666, к рязанскому арх.	10	8	8 ¹
476. Покровский Горетовский* № 1901 к рязанскому арх. <i>Самарский уезд</i>	3	3	33 ¹
477. Спасо-Преображенский* № 464 <i>Саранский уезд</i>			130 ¹
478. Преображенская п. (№ ?)		16 ²	
479. Воскресенский Атемарский (№ ?), к Высокопетровскому			17
480. Богородицкий* № 1413 <i>Свияжский уезд</i>			4 ¹
481. Богородицкий № 657	1247	879 ²	1165 ²
482. Троицкий Сергиев № 2148, к Троице-Сергиеву <i>Севский уезд</i>		356 ³	
483. Спасский* № 474	95		38
484. Никольский* № 1209 <i>Серпейский уезд</i>			19 ¹
485. Никольский (№ ?)	3		10 ¹
486. Городеченская п.* № 1767 <i>Серпуховский уезд</i>		1 ³	1
487. Высоцкий № 753	354	400	379
488. Владычный № 115 <i>Смоленский уезд</i>	176	104	199
489. Авраамьев № 1444		93 ⁴	148 ⁴

Приложение II (продолжение)

Монастыри и пустыни	Число дворов		
	1653—1661 гг.	1678 г.	1700 г.
490. Андроньев (№ ?)		68 ¹	
491. Троицкий* № 1252		154 ⁴	119 ¹
<i>Соликамский уезд</i>			
492. Пыскорский № 1101	64 ¹	271 ²	274
493. Вознесенский Истобенский № 126	43 ¹	73 ²	73
494. Архангельский * № 1384			11
495. Богословский (№ ?)			3 ¹
<i>Сольвычегодский уезд</i>			
496. Никольский Коряжемский № 321	296 ¹	295 ²	308
497. Введенский № 699	55 ¹	76 ²	89
498. Устьнедумская п.* № 1331			15
499. Христофорова п. № 1348			5 ¹
<i>Старицкий уезд</i>			
500. Успенский № 1306	155	199	261
501. Холохоленский № 1643, к Троице-Сергиеву	5	22	20
502. Опекалов № 1852, к Иосифову		42	9
503. Покровский (№ ?)		3 ¹	
<i>Старооскольский уезд</i>			
504. Троицкий* № 2153 ж	24	1	20 ¹
<i>Суздальский уезд</i>			
505. Спасо-Евфимьев № 1158	2033	2886	2917
506. Покровский № 1066 ж	1555	1983	2053
507. Хотимльский № 2197, к Троице-Сергиеву			57
508. Киберганский № 1922, к Савво-Сторожевскому	73		53
509. Спасо-Кукоцкий № 1156	20	28	28
510. Васильевский № 688	9 ²	9	9
511. Золотниковская п.* № 1293		6	6
<i>Тамбовский уезд</i>			
512. Троицкий* № 1253, к Чудову	80 ¹	80 ²	231
513. Мамонтов* № 956, к Савво-Сторожевскому	50 ¹	50 ²	187
<i>Тверской уезд</i>			
514. Троицкий Тутайский № 1517, к Троице-Сергиеву			141
515. Отроч № 1032	70	96	132
516. Вотмицкий № 1906, к тверскому арх.	43	125	82 ¹
517. Оршин № 731, к тверскому арх.	153	80	
518. Савватьев № 1139, к Воскресенскому Истринскому	45	66 ³	64
519. Остраганский № 1424, к Воскресенскому Истринскому	30	62	62
520. Желтиков № 191	40	47 ¹	52
521. Видогоцкий № 1390, к Донскому	42	22	51
522. Житин № 641			47 ¹
523. Саввин № 1999, к тверскому арх.	49	44	
524. Иванижский № 1314	21	36 ¹	36
525. Рождественский (№ ?)	16		32 ¹
526. Рождественский Никольский № 1346	16		25
527. Дудин № 1589, к Воскресенскому Истринскому	4 ¹	16	16

Приложение II (продолжение)

Монастыри и пустыни	Число дворов		
	1653—1661 гг.	1678 г.	1700 г.
528. Федоровский № 2206, к Воскресенскому Истринскому	2	9 ¹	9
529. Дмитровский № 1583, к тверскому арх.	3	5	5 ¹
530. Афанасьевский № 1391	4	4	4
531. Нектарьев № 1758, к тверскому арх.		3	3
532. Перемерский № 1401, к тверскому арх.	20		
533. Яминский № 2243, к тверскому арх.	10		
<i>Торопецкий уезд</i>			
534. Троицкий Кудин № 2135	64		14
535. Небин № 941	4 ¹	4 ²	5
<i>Тотемский уезд</i>			
536. Бабозерская п.* № 951		9 ³	16
537. Суморин № 1177			9
538. Негренская п. № 942		2 ³	5
539. Алексеевская п. (№ ?)			3 ⁵
540. Введенская п.* № 692		20 ¹	2
541. Владимирская п. (№ ?)		1 ⁴	1 ⁵
<i>Трубчевский уезд</i>			
542. Чонский № 1353		78 ³	78
<i>Тульский уезд</i>			
543. Веневский Никольский № 334, к пат.	265		407
544. Предтечев № 223	21	54	64
<i>Угличский уезд</i>			
545. Алексеевский № 608	585	559	577
546. Паисиев № 1074	195	316	351
547. Афанасьев № 22, к Воскресенскому Истринскому	146	220	218
548. Улейминский № 1008	137	191	199
549. Воскресенский № 740	67	111	112
550. Архангельский № 1385 к Воскресенскому Угличскому	26		51
551. Касьянова Учемская п. № 861	28	37	37
552. Богоявленский № 665 ж	33		33
<i>Уржумский уезд</i>			
553. Чепецкий* № 476		121 ²	142 ²
<i>Устюженский уезд</i>			
554. Моденский № 930	56	51	65
555. Шалоцкий (Гурьева п.)* № 1358, к пат.	19	21	25
556. Воскресенский № 828	15 ¹	24	24
<i>Уфимский уезд</i>			
557. Успенский* № 1307	30 ³	132 ²	109
558. Рождественский (Илбахтина п.) № 561 ж	75 ³	15	15 ¹
<i>Хайновский уезд</i>			
559. Трифонов № 1223	608		1154
560. Верхочепецкий* № 111	82	176 ³	188
561. Богоявленский № 265	34	35 ³	52
562. Екатерининский Верховятский № 793	54		48
563. Предтечев Котельничский* № 1645	92		16 ¹
564. Троицкий Истобенский* № 512	30 ¹	15 ³	15
565. Верховятская Холуницкая* п. № 1225	30	5 ³	15

Приложение II (окончание)

Монастыри и пустыни	Число дворов		
	1653—1661 гг.	1678 г.	1700 г.
566. Архангельский Новый Куринский* № 1387		7 ³	7 ¹
567. Введенский Кобрский* № 1676			5 ¹
568. Введенский Новодевичий* № 1477 <i>Холмский уезд</i>			2 ¹
569. Немчинов № 2189, к новгородскому арх.	19		
570. Хлавицкий* № 2155, к новгородскому арх. <i>Хотмышский уезд</i>	17		
571. Знаменский* № 205 <i>Царев-Кокшайский уезд</i>			16
572. Мироносицкая п.* № 924 <i>Царев-Санчурский уезд</i>			21
573. Мусирская п.* № 1754, к Кизвичскому <i>Чебоксарский уезд</i>		5 ³	5 ²
574. Троицкий № 1242	115	129 ³	118
575. Геронтьева п. № 459 <i>Чердынский уезд</i>		73 ³	32
576. Варлаамова п. * № 2107 <i>Шацкий уезд</i>			5 ¹
577. Чернеев № 569, к тамбовскому арх.	355	658	658 ¹
578. Пурдышев № 1099, к Савво-Сторожевскому	207	283	289
579. Андреянова п. № 599, к Воскресенскому Истринскому	58	71	72
580. Успенский Проломский* № 1297, к там- бовскому арх.	22	17	17 ¹
581. Вышенская п.* № 1292 <i>Шуйский уезд</i>	1 ¹		8 ¹
582. Шартомский № 1011	621	552	578
583. Троицкий № 1286 <i>Юрьевецкий уезд</i>	10	13	13
584. Дорофеева п.* № 2166, к Савво-Сторожев- скому	384	35	99
585. Предтечев (№ ?) <i>Юрьевский уезд</i>	3		3 ¹
586. Козьмин № 877, к пат.	90	178	178
587. Архангельский № 628	156	137	137
588. Георгиевский № 760 <i>Яранский уезд</i>	10	10	10
589. Вознесенский № 717 <i>Яренский уезд</i>		32 ³	32 ²
590. Сойгинская п. 448	10 ¹		14
591. Покровский (№ ?) <i>Ярославский уезд</i>			1
592. Спасский № 458	3819	3879	4050
593. Толгский № 492	359	119	394
594. Александра Успенская п. № 603	194	229	233
595. Воскресенский Обнорский № 746	42 ¹	158	52
596. Вознесенский Обнорский № 1514	110	См. № 595	107
597. Рождественский Носковский* № 2216	42	30	36
598. Афанасьевский № 21	13	17	17
599. Рождественский Иледомский * № 2215	10		13
600. Ламская п. № 2164	8 ¹	8	8

Приложение III

Монастыри Сибири, имевшие крепостные дворы в конце XVII — начале XVIII в.*

Монастыри и пустыни	Число дворов на 1701 г.	Монастыри и пустыни	Число дворов на 1701 г.
<i>Верхотурский уезд</i>		<i>Нерчинский уезд</i>	
1. Богоявленский Невьянский № 74	95	11. Успенский № 547	16 ³
2. Никольский № 312	28	<i>Тарский уезд</i>	
<i>Енисейский уезд</i>		12. Спасский № 1187	10 ³
3. Спасо-Преображенский № 1166	37	<i>Тобольский уезд</i>	
4. Рождественский Иверский № 1347 ж	27	13. Знаменский № 809	227 ⁴
<i>Иркутский уезд</i>		14. Долматов № 776	117 ⁴
5. Знаменский № 198 ж	30 ¹	15. Троицкая Кодская п. № 2108	50 ⁴
6. Троицкий № 504	23	16. Троицкий Рафаиловский № 520	40 ⁴
7. Вознесенский № 123	14	<i>Томский уезд</i>	
8. Спасо-Преображенский Посольский № 383	7 ²	17. Алексеевский № 610	30
<i>Красноярский уезд</i>		<i>Туринский уезд</i>	
9. Введенский № 703	31 ³	18. Никольский № 314 ж	1
<i>Мангазейский уезд</i>		<i>Тюменский уезд</i>	
10. Троицкий № 1272	20	19. Троицкий Спасо-Преображенский № 1276	47

* Источники: ЦГАДА, ф. 214, кн. 1354 и указанные ниже в примечаниях.

Примечания:

¹ На 1700 г. (Л. П. Шорохов. Возникновение монастырских вотчин в Восточной Сибири. — «Русское население Поморья и Сибири». М., 1973, стр. 148—163.

² На 1707 г. (Л. П. Шорохов. Указ. соч.).

³ В источнике — число людей.

⁴ На 1719 г. — ЦГАДА, ф. 214, кн. 1605. В Тобольском уезде по кн. 1354 у монастырей было 792 дв.

Приложение IV

Монастыри, имевшие крепостные дворы только по Росписям 1653—1661 гг.

Монастыри и пустыни	Число дворов	Монастыри и пустыни	Число дворов
<i>Белгородский уезд</i>		<i>Вяземский уезд</i>	
Рождественский	3	Ильинский	5
<i>Великолукский уезд</i>		<i>Двинский уезд</i>	
Ильинский	4	Лявлин	4
Никольский	4	<i>Козловский уезд</i>	
<i>Великоустюжский уезд</i>		Троицкий	7
Никольский	4	<i>Козьмодемьянский уезд</i>	
<i>Владимирский уезд</i>		Новая п.	18
Федоровский	2	<i>Костромской уезд</i>	
<i>Вологодский уезд</i>		Афанасьевская п.	16
Семигорская п.	2	<i>Нижегородский уезд</i>	
<i>Волоколамский уезд</i>		Духов	
Варвар[ин]ский	4	по Росписи 1653 г.	85
Ильинский	4	по Росписи 1661 г.	2
<i>Воротынский уезд</i>		Макарьев-Преображенский	91
Архангельский	2		

Приложение IV (окончание)

Монастыри и пустыни	Число дворов	Монастыри и пустыни	Число дворов
<i>Новгородский уезд</i>		<i>Псковский уезд</i>	
Покровский Короцкий	18	Никольский Кожин	
Никольский Гостинопольский	11	по Росписи 1653 г.	81
Спаский Забережский		по Росписи 1661 г.	31
по Росписи 1653 г.	5	Спаский с «поля»	16
по Росписи 1661 г.	11	Успенский Кубский	6
Никольский Ляцкий	8	Знаменский	3
Покровский Острецкий	8	Иоанна Богослова **	5
Спаский Рабежский	4	<i>Путивальский уезд</i>	
Макарьева п.	4	Духов	
Покровский Куперский	1	по Росписи 1653 г.	14
Едровский	1	по Росписи 1661 г.	21
<i>Переяславский уезд</i>		<i>Ростовский уезд</i>	
Семеновский	4	Зачатьевский	2
<i>Пошехонский уезд</i>		<i>Юрьевецкий уезд</i>	
Новая п. (Троицкий Рябинин) *		Богоявленский	4
по Росписи 1653 г.	16	<i>Ядринский уезд</i>	
по Росписи 1661 г.	6	Успенский	15

* По сказкам — церковь.   ** По кн. 40 — церковь.

К ВОПРОСУ О ГЕОГРАФИИ ВТОРОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

В. И. Буганов

Среди проблем, связанных с изучением истории Второй Крестьянской войны и требующих дополнительных изысканий и уточнений, немаловажное место занимает вопрос о территории, на которой действовали ее участники. В исторической литературе, на исторических картах постоянно отмечаются такие районы страны, охваченные Второй Крестьянской войной, как Дон, Нижнее и Среднее Поволжье, Слободская Украина. Но при этом многочисленные исследователи, описывающие ход народного движения или составляющие карты по материалам этих описаний, не включают в территорию, на которой оно происходило, ряд местностей, где в разное время имели место важные события, являющиеся составной частью Второй Крестьянской войны. Вопрос этот был недавно поставлен в статье Е. В. Чистяковой и автора настоящей статьи¹.

Его решение тесно связано с проблемой хронологии Второй Крестьянской войны. В современной литературе по этому вопросу высказаны три точки зрения. Ряд исследователей (например, автор новейшей монографии И. В. Степанов) датирует ее 1670—1671 гг., т. е. тем временем, когда она разворачивается в указанных выше местностях и приобретает огромный размах². Другие ученые включают (на мой взгляд, обоснованно) во Вторую Крестьянскую войну события знаменитого Каспийского или Персидского похода 1667—1669 гг. (мне кажется, его лучше было бы называть Волжско-Яицко-Каспийским походом). Помимо выполнения одной из своих целей — добычи «зипунов», т. е. материальных богатств, которые, кстати говоря, в значительной части своей пошли потом на подготовку следующего этапа восстания, — этот поход имел и другие цели и последствия (борьба с классовыми врагами в лице поволжских и яицких воевод и приказных, богатых казаков Дона и купцов, создание костяка будущей повстанческой армии, первая проба сил с правительственными отрядами, ознакомление с настроениями народных низов на Дону и Нижней Волге)³. Наконец, высказана точка зрения, согласно которой начальной датой Второй Крестьянской войны следует считать 1666 год — время похода с Дона к Москве отряда донской голытьбы во главе с Василием Усом и Парфеном Еремеевым, будущими ближайшими сподвижниками С. Т. Разина в 1670—1671 гг. Этот мирный вначале поход превратился в антифеодалное восстание социальных низов (крестьян и холопов) Тульско-Воронежского района, а многие из его участников ушли вместе с казаками на Дон и впоследствии влились в разинское войско⁴.

¹ В. И. Буганов, Е. В. Чистякова. О некоторых вопросах истории Второй Крестьянской войны в России — «Вопросы истории», 1968, № 7.

² И. В. Степанов. Крестьянская война в России в 1670—1671 гг. Восстание Степана Разина, т. I. Л., 1966; т. II, ч. 1. Л., 1972.

³ «Крестьянские войны XVII—XVIII вв. в России». М.—Л., 1966, гл. 2 (автор А. Г. Маньков); «Записки иностранцев о восстании Степана Разина». Под ред. А. Г. Манькова. Л., 1968; «Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.: проблемы, поиски, решения». М., 1974 (статья Л. В. Черепнина).

⁴ И. И. Смирнов. Феодално-крепостническое общество. Краткое введение в историю докапиталистических формаций. — «Известия ГАИМК», 1934, вып. 99, стр. 117 (ко-

При определении хронологических рамок крестьянских войн в России необходимо учитывать не только события, так или иначе связанные с именами и деятельностью их главных предводителей (И. И. Болотников, С. Т. Разин, К. А. Булавин и Е. И. Пугачев), но и те, которые происходили до их появления на авансцене событий или после их гибели⁵. Применительно ко Второй Крестьянской войне можно сказать, что она включает комплекс событий, продолжавшихся с 1666 г. по 1671 г. и генетически тесно связанных между собой.

Исходя из этого при рассмотрении вопроса о географии этого великого народного восстания, можно считать, что в территорию, на которой боролись его участники, нельзя не включить ряд местностей, где происходила антифеодальная борьба на разных этапах движения.

Начну с первоначального очага этой Крестьянской войны — Подонья, которое, конечно, безоговорочно включается в район движения. Однако территории по нижнему течению Дона с Черкасском — столицей Войска Донского на картах остаются вне ареала разинских действий. Между тем Черкасск в ходе движения не раз становился центром событий, принимавших резко выраженный антифеодальный, антиправительственный характер.

Уже в 1667 г., собирая донскую голытьбу в свой отряд для похода на Волгу и Каспийское море, С. Т. Разин организует поход по Дону. Отряд движется от одного городка к другому вниз по реке, вербует сторонников, подплывает к Черкасску и затем поворачивает обратно⁶. Вверх по реке он добирается до Переволоки — того места, где близко сходятся Дон и Волга и где обычно казаки переходят на Волгу. Так начинается Волжско-Яицко-Каспийский поход. По возвращении в 1669 г. с Каспия Разин, обосновавшийся со своим повстанческим войском на острове между Кагальницким и Федерниковским городками, несколько раз появлялся в Черкасске. Делал он это в целях подготовки нового этапа борьбы с эксплуататорами-дворянами. В марте 1670 г., воспользовавшись тем, что в Черкасске был объявлен сбор донских казаков для обсуждения вопроса о восстановлении столицы Войска Донского, ее собора после февральского пожара, Разин со своими соратниками по борьбе («многолюдно», т. е. всем или почти всем отрядом, а в нем насчитывалось к тому времени несколько тысяч человек) прибыл в город. Он бросил открытый вызов зажиточному казачеству, войсковой верхушке. Не придавая особого значения обсуждению вопроса, поставленного старшиной, Разин и его товарищи обратились через ее голову к рядовым казакам с призывом присоединиться к антифеодальному движению. Более того, на круге в Черкасске его есаулы (конечно, по указанию атамана) предложили всем присутствующим три варианта в выборе направления будущего похода: на Азов, «на Русь... на бояр итить» и, наконец, на Волгу. Казаки избрали волжский вариант, хотя сам Разин вначале склонялся к тому, чтобы идти в Россию к Москве не Волгой-рекой, а через южные русские уезды. Более того, дело дошло до того, что Разин «с ножом метался» на атамана Корнилу Яковлева, своего крестного отца, учинил «атаманом и казаком» (тем, кто выступал против него и повстанцев. — В. Б.) всякое разорение

.....
нечной датой движения автор считает 1672 г., когда происходили следствия и казни плененных повстанцев; это мнение принять трудно). В. И. Буганов, Е. В. Чистякова. Указ. соч., стр. 37—38. Ср.: А. А. Пронштейн. Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков и донское казачество в исторической литературе. — «Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы», серия обществ. наук, 1973, № 3, стр. 7.

⁵ В. И. Буганов. Летопись народной борьбы. Труды советских историков о крестьянских войнах в России. — «Правда», 21 августа 1971 г.

⁶ «Крестьянская война под предводительством С. Разина». Сборник документов, т. I. М., 1954, № 54; И. В. Степанов. Указ. соч., т. I, стр. 320—321.

в Черкасском»⁷. Действия Разина и его подчиненных в Черкасске, направленные против донской казачьей верхушки, влияние которой было значительно ослаблено, носили явно антиправительственный характер. Об этом довольно быстро узнали в Москве, и 10 апреля в Черкасске появляется присланный оттуда жилец Г. Евдокимов. Его задача состояла в том, чтобы выведать подробные сведения о намерениях Разина. Царский посол приехал с грамотой к Войску Донскому. В Черкасске снова созвали круг, и казаки заслушали текст грамоты. Домовитые тут же заявили о своей верности московскому правительству. Стали выбирать казаков в состав посольства («станицу»), которое должно было заверить царя и бояр в Москве в верности донских казаков. Но Разин снова спутал все карты — явившись на круг, он сам обратился к его участникам. По его требованию призвали Евдокимова, и Разин, устроив ему допрос, быстро убедил казаков, что перед ними — «лазутчик» московских бояр. Бедняки-повстанцы схватили Евдокимова и утопили его, бросив в Дон. Та же участь постигла и многих домовитых казаков, явных и тайных врагов восстания. Расправились разинцы и с царским воеводой И. Хвостовым, уже несколько лет находившимся на Дону⁸.

Именно эти антиправительственные действия повстанцев во главе с Разиным в Черкасске и положили, как думается, начало третьему, высшему этапу в истории Второй Крестьянской войны. Именно в это время Разин открыто заявил, что целью его нового похода является борьба с феодалами в пределах собственно России, что он хочет «итить... Волгою з бояры повидатца». Именно в эти последние зимние и первые весенние месяцы 1670 г. он начал расправы с богатыми казаками на Дону и с царскими представителями. Его действия привели к нейтрализации богатой части донского казачества и гибели некоторых его представителей. По существу в это время на Дону установилось своего рода двоевластие: с одной стороны, продолжала править делами войсковая старшина во главе со своими атаманами, с другой, — в дела управления смело и решительно вмешивался Разин, который без обиняков заявил Корниле Яковлеву: «Ты де владеи войском, а я де владею своим войском»⁹. Тем самым повстанцы на этом этапе движения обеспечили себе тыл — отправившись на Волгу, они могли быть уверены в том, что на их родном Дону домовитые будут вести себя тихо. Так оно и было на самом деле.

Правда, по мере развертывания действий повстанцев в Поволжье домовитые казаки Дона начали принимать меры, направленные на то, чтобы помешать им. Пользуясь тяжелым положением Войска Донского (набеги калмыцких и татарских феодалов, экономическая блокада, голод), они пытались склонить повстанцев к возвращению в родные места и тем самым локализовать антифеодальное движение, помочь правительству задуть его. Разин прекрасно понял истинные намерения черкасской старшины и в августе 1670 г. послал в Черкасск из Царицына (уже после возвращения из захваченной восставшими Астрахани) атамана Я. Гаврилова с двухтысячным отрядом из донских казаков и московских стрельцов с пушками, боеприпасами и казной. Повстанцы прибыли в Черкасск и фактически установили над ним свой контроль¹⁰. Я. Гаврилов, Фрол Ра-

⁷ «Крестьянская война под предводительством С. Разина», т. I, стр. 162—163, 192—193; т. II, ч. 1, М., 1962, стр. 98, 340; И. В. Степанов. Указ. соч., т. II, ч. 1, стр. 15—18; А. Г. Маньков. Круги в разинском войске и вопрос о путях и цели его движения. — «Крестьянство и классовая борьба в феодальной России». Сборник. Л., 1967, стр. 266 и др.

⁸ «Крестьянская война под предводительством С. Разина», т. I, стр. 161, 165, 215, 244; т. II, ч. 1, стр. 340; ч. 2, М., 1962, стр. 98; т. III. М., 1964, стр. 84. И. В. Степанов. Указ. соч., т. II, ч. 1, стр. 18—20.

⁹ «Крестьянская война под предводительством С. Разина», т. I, стр. 164—165.

¹⁰ «Крестьянская война под предводительством С. Разина», т. I, стр. 54—56, 252—257; т. II, ч. 1, стр. 12, 20—23, 52, 56, 214 и др.; ч. 2, стр. 27—28 и др.; И. В. Степанов. Указ. соч., т. II, ч. 1, стр. 140—143.

зин, родной брат Степана, Алексей (Леско) Черкашенин, Ф. Колчев и другие разинские атаманы развернули борьбу по всему Дону и его притокам. Население этих мест активно включилось в народное движение.

Лишь впоследствии, после ранения и возвращения на Дон С. Т. Разина, донская старшина в Черкасске, в низовьях Дона собирается с силами и начинает борьбу с казаками-повстанцами. Но и на этом этапе борьбы Разин и Гаврилов несколько раз пытались захватить Черкасск и расправиться со старшиной. Однако сделать это не удалось. Более того, перешедшие в наступление домовитые во главе с К. Яковлевым в конце концов захватили в плен Разина и его соратников и отвезли бесстрашного предводителя народного восстания в Москву.

Как видим, низовья Дона, столица Войска Донского стала ареной ожесточенной классовой борьбы на втором и третьем этапах Второй Крестьянской войны.

Из района действий повстанцев нельзя исключать также местности по рекам Манычу, Куме и Тереку — именно этими местами шли на соединение с Разиным (преодолевая, очевидно, сопротивление местных властей и гарнизонов) казаки-гульяти в то время, когда отважные «ватажники» удалого предводителя вырвались на просторы Каспийского моря. Сохранились известия о том, что летом 1668 г. на Тереке, в казачьих гребенских городках собирались отряды Бобы (400 человек), А. Прокошина и других атаманов. Туда же собирались идти до 2 тыс. конных казаков во главе с А. Каторжным¹¹.

Широко известный факт похода Разина к нижнему Яицкому городку (современному Гурьеву) и его взятия в июне 1667 г. также не учтен при составлении карты действий повстанцев. Разин в самом начале сумел получить (от яицкого казака Ф. Сукнина) сведения о положении в городе, численности его гарнизона. Он смело осуществил заранее намеченный план — выйдя с Волги в Каспийское море, он повернул свои суда на восток и вскоре появился у Яика. Проникнув в город под видом богомольцев, Разин и 40 казаков открыли ворота крепости, и его отряд, ворвавшись в город, быстро захватил его; одна часть гарнизона была уничтожена, другая перешла на сторону разинцев. Захваченная ими каменная крепость в устье Яика стала их опорной базой в действиях против царских карателей. Они разгромили отряды подполковника И. Ружинского, Б. Северова. В феврале 1668 г. правительство направило из Астрахани против повстанцев, засевших в Яицком городке, трехтысячное войско Я. Безобразова. Но осада закончилась безрезультатно; более того, разинцы совершали смелые вылазки и наносили урон царским войскам¹².

Тем не менее, понимая бесперспективность дальнейших военных действий против карательных войск, стягивавшихся по распоряжению властей в район действий повстанцев, Разин в начале марта 1668 г. покинул Яицкий городок; суда с его смелыми «шарпальниками» вдоль северного берега Каспия направились на запад, а затем повернули на юг к персидским владениям.

В Яицком же городке, который вскоре заняли стрельцы Б. Сакмышева, 30 июля того же года началось восстание. Стрельцы расправились со своим головой (полковником), избрали атаманом казака Г. Рудакова. В ночь на 31 июля они покинули город, в устье реки разбили отряд сотника Д. Тарлыкова и вскоре оказались на Кулалинском острове в северо-восточной части Каспийского моря. В сентябре произошло сражение нескольких сот повстанцев с двухтысячным войском кн. С. Львова, присланным из Астрахани. Несмотря на героическое сопротивление, стрель-

¹¹ «Крестьянская война под предводительством С. Разина», т. I, стр. 111—112, 118, 120; И. В. Степанов. Указ. соч., т. I, стр. 340—341.

¹² «Крестьянская война под предводительством С. Разина», т. I, стр. 77—78, 87, 137—139 и др.; т. III, стр. 235, 260—265; И. В. Степанов. Указ. соч., т. I, стр. 324—325, 330—332, 334—338.

цы-повстанцы были разбиты — многие погибли, другие попали в плен, их казнили или сослали в Холмогоры ¹³.

Из выше сказанного следует, что в район Второй Крестьянской войны следует включить нижнее течение Дона с Черкасском, степи Северного Кавказа по Манычу, Куме и Тереку, северо-западное и северное побережье Каспия с устьем Яика и Яицким городком.

То же следует сказать о местностях, расположенных к северо-западу и западу от территории, обычно включаемой в район Второй Крестьянской войны. Имею в виду ряд уездов центра России, ее южных окраин. Уже во время похода отряда Василия Уса к Москве летом 1666 г. к нему присоединилось большое количество крестьян и холопов Воронежско-Тульского района, которые развернули антифеодальное восстание против своих господ-дворян. Об этом недвусмысленно говорят сами феодалы. Так, тульские помещики в челобитной от 9 июля 1666 г. жаловались на то, что «идут з Дону козаки донския и прибрали на дороге к себе воров, людей напих и крестьян, которых... от нас... збежали, и иных всяких чинов людей. И те... вору приезжают в деревнишка наши и розаряют всяким разареньем, животину отымают и насилуования чинят». Далее они сообщают, что и оставшиеся «людишка и крестьянишка» бегут от них. Восставшие «и впредь... похваляютца... на нас... всяким дурным и на дамишка наши разареньем» ¹⁴. От «казацкого страху и разоренья» тульские дворяне с семьями бегут под защиту крепостных стен Тулы. Жалобы на действия восставших высказывали также помещики других уездов — Веневского, Соловского, Деდიловского ¹⁵.

Эти и другие уезды стали ареной действий восставших и позднее — летом-зимой 1670 г. Сохранился ряд известий о действиях отряда повстанцев на р. Плав в 45—50 верстах от Тулы. Они нападали на посланцев, которые ехали с царскими грамотами из Москвы на Украину или обратно с воеводскими отписками, отбирали документы и имущество, освобождали «колодников». Попавшие в плен к повстанцам рассказывали потом, что последние называли себя донскими казаками и планировали захват Тулы и освобождение содержащихся там невольников («...на Туле по тюрьмам невольников много, я часть де, тех невольников мы распустим»). «А сказывают де те вору, что де послал их вор Стенька Разин, и ждали они воровских казаков, которые везены ис полку боярина и воеводы князя Григорья Григорьевича (т. е. из Белгородского полка кн. Г. Г. Ромодановского, который вел борьбу с восставшими на южном пограничье. — В. Б.) к Москве» ¹⁶.

24 сентября отряд восставших на той же р. Плав в Соловском уезде напал на жильца А. Хметевского. «Воровские люди, — по его рассказу, — человек с 30 и больши с копыи и с соайдаки и с пищали» у него «грамоты и сукна и соболи и колодников черкас дву человек отняли», а его самого «взяли ж и били, и грабили, и сковали, и сvezали, и хотели посадить в воду. И держали меня судки, а твои великого государя грамоты сожгли» ¹⁷.

28 и 29 сентября отряды восставших («человек с 50», «человек с 70») нападали в пределах Чернского уезда на дворян, направлявшихся на службу в Москву или в Алатырь (т. е. в карательные войска); «а сказываютца де те воровские люди, что отпущены оне от Стеньки Разина». Действовали повстанцы «меж белевских и чернских и кропивенских полъ в урочищи Озерках», в деревне Ивице Чернского уезда. Один из чернских помещиков — жилец Х. С. Афросимов жаловался: 30 сентября «воровския многия люди» разорили его деревню и дом, забрали имущество.

¹³ И. В. Степанов. Указ. соч., т. I, стр. 342—344.

¹⁴ «Крестьянская война под предводительством С. Разина», т. I, стр. 36.

¹⁵ Там же, стр. 35—70.

¹⁶ Там же, т. II, ч. 2, стр. 148, 153—154, 157—158, 160, 163, 167, 183.

¹⁷ Там же, стр. 150, см. также стр. 152.

На крик сбежались окрестные помещики и «учинили с теми ворами бой, и на том бою тех дворян те воры переранили, а иных до смерти побили и пограбили. Да те ж воры разбивали на Кропивинской степи многих дворян и людей их и крестьян побили и перерубили досмерти. А те воровския люди ходят абозом». В конце челобитной Афросимов добавляет: «А я, холоп твой, ушол к Москве душею да телом»¹⁸.

То же происходило в Белевском, Богородицком, Ефремовском, Крапивинском, Новосильском, Коломенском, Каширском, Чернавском, Усманском, Старооскольском, Ливенском, Яблоновском и других уездах. Повстанцы громили дворянские имения, расправлялись с их владельцами, отбирали грамоты и т. д.¹⁹ Коломенский воевода В. Извольский сообщал, что в его уезде «воровство... многое, воры приезжают многолюдством и многих людей побили до смерти»; под «ворами» он имел в виду крестьян и холопов²⁰. В Каширском уезде на Московской дороге около деревни Ярославцево Соломенской волости восставшие («пешие и конные разбойники многие люди») напали в ноябре на полковника Андрея Цей и командиров его полка, поранили их в ходе схватки и отобрали разного имущества на 330 руб.²¹

Под Чернавском восставшие разбили отряд из «градцких людей и уездных служилых людей» численностью до 300 человек²². Повстанческий отряд («человек с 70») «на степи в урочищах в Россоховецкой Дуброве меж Ливен и Старого Оскола» схватил белгородца Е. Матвеева — посланца боярина кн. Г. Г. Ромодановского «и ево били и ограбили и отписки у него имали... Да они же де сказывали, что де они под Тулою дворян многих переграбили»²³. Речь идет, вероятно, об отряде или об одном из отрядов, действовавшем под Тулой, а потом отступившем на юг под натиском карателей. Царские отряды преследовали восставших вплоть до Белгородского «вала», т. е. засечной черты, откуда повстанцы ушли на Дон. По дороге они продолжали действовать смело и решительно; так, под Старым Осколом «воровские казаки», по словам дворян, подвергшихся их нападению, «кричат ясаком воровским и хвалят вора изменника Стеньку Разина. И говорили де многие воровские слова, и их де били и рубили, и лошади, и платье, и деньги, и запас все отняли»²⁴.

Богородицкий воевода С. Нелединский сообщил в Москву (октябрь 1670 г.) со слов проезжих людей, что «стоят иные де воры на дорогах меж Воронежа и Старого Оскола и Землянска... А знатно, государь, что тут збираютца и плутают по дорогам, и твоих великого государя ратных людей грабят туточных деревень жилецкие люди». Воевода далее поясняет, что имеет в виду крестьян, которые приходят сюда «из твоих великого государя волостей», т. е. беглых из центральных уездов крестьян, которые, «выбежав, от воровства селятца в тех пустых воровских местах», т. е. в необжитых землях, где скапливался всякий беглый люд; «а от городов те деревни верст по 50»²⁵.

14 октября на дворян, тоже направлявшихся на службу, напали восставшие около села Кузьминского («Ослопово тож») Юрьев-Польского уезда, отобрали у них разное имущество «розбоем», «разбивали» их самих; «и похвалялись де те воровские люди вором и изменником Стенькою Разиным и хотели де их (дворян — В. Б.) побить до смерти»²⁶. Согласно отписке ярославского воеводы Г. М. Аничкова, в Ярославском

¹⁸ «Крестьянская война под предводительством С. Разина», т. I, стр. 154—155, 169—172, 182.

¹⁹ Там же, стр. 147, 159—160, 163—166, 171—172, 173—174, 175—177, 182—184, 193—194.

²⁰ Там же, стр. 161.

²¹ Там же, стр. 193.

²² Там же, стр. 165.

²³ Там же, стр. 171.

²⁴ Там же, стр. 176.

²⁵ Там же, стр. 177.

²⁶ Там же, стр. 172—173.

уезде «объявляюща воры разбойники и на дорогах де проезжих людей бьют и грабят»²⁷. Стольник И. Селунский, находившийся в составе карательной армии кн. Ю. А. Долгорукого, усмирявшей восстание в Поволжье и прилегающих местностях, писал в начале января 1671 г., что крестьяне его вотчины — деревни Гордеево в Боровском уезде, распространив слух об его убийстве «на службе», разоряют его имение, «во всем учинились непослушны», а «приказнова моево человеченка Тимошка Ермолаева выбили вон и хотели убить»; приказной «ушел к Москве душою и телом»²⁸.

Все эти данные, несмотря на их отрывочность, дают все же основание заключить, что в указанных уездах имели место антифеодальные выступления. В одних случаях их участниками являются местные крестьяне, холопы и другие люди, в других — отряды восставших (в том числе донских казаков), которые, возможно, были присланы Разиным или его атаманами. И те и другие вели борьбу с феодалами, царскими отрядами или посланцами, нападали на дворян, спешивших в пункты сбора сил, которые правительство направляло против Разина. В одних случаях можно подразумевать прямую связь повстанцев, действовавших в этих уездах, со своими братьями, которые вели борьбу в составе войска Разина и отрядов его сподвижников. В других — о подобной связи можно предполагать. Наконец, в-третьих, такой связи могло не быть; действия восставших в подобных случаях являются откликами на действия основных сил повстанцев в Поволжье и других местах. Все они в той или иной степени являются составной частью Второй Крестьянской войны и должны быть учтены при решении вопроса о районах действий ее участников на всех этапах этого великого народного движения в феодально-крепостнической России.

.....
²⁷ Там же, стр. 189—190.

²⁸ Там же, стр. 200—201.

МИГРАЦИИ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ В ШУЙСКОМ УЕЗДЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

(по материалам
земской подворной переписи 1899 г.)

Б. В. Тихонов

Крестьянские переселения в нечерноземной полосе Европейской России в несравненно большей степени, чем в черноземных районах, были связаны с неземледельческим отходом, являлись следствием и, можно сказать, логическим завершением, крайним проявлением отходничества. Поэтому и отход не был отделен от переселения глубокой пропастью: несомненный отходник незаметно, постепенно превращался в переселенца, а у фактического переселенца вдруг отчетливо обнаруживаются черты, обнажающие его «родственную» связь с отходником. Путаница усиливается потому, что источники слишком часто не дают исследователю полноценных ответов на все возникающие у него вопросы, не позволяют ему заглянуть одновременно в место отхода и в место приписки крестьянина. С особой тщательностью историки должны выявлять, обрабатывать и изучать массовые статистические данные; только они могут послужить основой для широких обобщений¹.

Необходимо уточнить, какие именно аспекты миграций фабрично-заводских рабочих интересуют нас в первую очередь. Ведь миграции населения или его различных социальных групп — понятие очень широкое, под ними можно подразумевать и собственно переселения на постоянное жительство, и отход сельского населения на временные заработки в неземледельческие центры, и даже ежедневные поездки людей из дому на работу и обратно (так называемые «маятниковые» миграции). В данной статье нас интересует прежде всего изучение на примере фабрично-заводских рабочих процесса перерастания неземледельческого отхода крестьян в постоянное переселение из сельской местности в промышленные города и селения.

Для решения этой задачи необходимо конкретное исследование степени и форм отрыва фабрично-заводских рабочих от земледелия, от земли и, наконец, от места приписки вообще. В седьмой главе «Развития капитализма в России», посвященной анализу роста и размещения крупной машинной индустрии (§ XI «Полное отделение промышленности от земледелия»), В. И. Ленин критиковал народника Даниельсона за то, что он, «и кстати и некстати, толкует в своих «Очерках» об «отделении промышленности от земледелия», и не помышляя, однако, о том, чтобы проанализировать на точных данных, как собственно идет этот процесс и ка-

¹ Так, ценные историко-демографические материалы введены в научный оборот П. Г. Рындадюнским. См. его статью «Крестьянский отход и численность сельского населения в 80-х годах XIX в.» — «Проблемы генезиса капитализма». Сборник статей. М., 1970, стр. 413—435. Б. Н. Васильев, используя паспортные книги промышленных предприятий и книги волостных правлений Владимирской, Костромской и Ярославской губерний, написал статью «К характеристике формирования пролетариата в России», целью которой являлось «изучение самого процесса перемещения и подвижности фабрично-заводского пролетариата на фоне территориального перемещения всего населения» с 80-х годов XIX в. до кануна первой мировой войны («Уч. зап. Шахтинского пед. института», т. II, вып. 2. Шахты, 1957, стр. 203).

кие различные формы он принимает»². Превращение вчерашнего крестьянина-земледелца в постоянного фабричного рабочего непосредственным образом связано с прочностью его водворения в неземледельческом центре, возле фабрики, с формами и степенью его отрыва от земледельческого хозяйства по месту приписки.

Рассмотрев материалы санитарного обследования фабрик и заводов Московской губернии Е. М. Дементьева, А. В. Погожева и Ф. Ф. Эрисмана (1879—1885 гг.), В. И. Ленин пришел к выводу, что, как ни важны данные об отсутствии у подавляющего большинства фабричных рабочих связи с земледелием, «еще гораздо важнее тот, обстоятельнейшим образом доказанный... факт, что именно механическое производство отрывает рабочих от земли»³.

Эти материалы использованы во многих трудах советских ученых; по справедливому замечанию А. Г. Рашина, «историческая ценность работы Е. М. Дементьева как одной из первых работ, основанной на обширном статистическом материале и установившей новые существенные выводы о процессах формирования фабрично-заводского пролетариата, продолжает оставаться значительной»⁴.

Реже и менее полно используются материалы земской подворной переписи Шуйского уезда Владимирской губернии (1899 г.)⁵. Эта перепись охватила всех лиц сельского приписного населения уезда, работающих на фабриках, и всех рабочих в фабричных слободках Иваново-Вознесенска⁶. Сведения собирались по программе, позволяющей осветить разнообразные формы отрыва рабочих от земледелия и от места приписки, проследить этапы этого процесса и его связь с передвижениями рабочих на различные расстояния.

I

Шуйский уезд — это отнюдь не случайный, не первый попавшийся объект исследования: он «в миниатюре представляет с замечательной полнотой все фазисы развития промышленности, и с этой точки зрения исследование уезда дает неисчерпаемый материал для уразумения сложного и многостороннего процесса экономического развития страны»⁷.

Шуйские рабочие передвигались на незначительные расстояния от места приписки, даже Иваново-Вознесенск привлекал к себе крестьян главным образом из ближайших уездов Владимирской и Костромской губерний. В Шуйском уезде безраздельно господствовала одна отрасль промышленности — текстильная, металлообработка и машиностроение не получили развития. Такая однобокая специализация не могла не наложить определенного отпечатка на процесс формирования кадров постоянных рабочих, на формы и степень их отрыва от земледелия, от места приписки. Обе

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 537.

³ Там же, стр. 537—538.

⁴ А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. М., 1958, стр. 563.

⁵ Довольно широко привлечен этот источник М. Балабанов в «Очерках по истории рабочего класса в России», ч. 3. М., 1926, стр. 41—42, 47—55, 66, 72—81. Мы учли его таблицы, но даем иную, более последовательную разработку материалов переписи, основанную на развернутом сопоставлении рабочих из числа крестьян Шуйского уезда и рабочих в пригородах Иваново-Вознесенска. Разумеется, объем статьи не позволяет нам исчерпать всего богатства содержания источника.

⁶ «Материалы для оценки земель Владимирской губернии», т. X. Шуйский уезд. Вып. III. Промыслы крестьянского населения. Владимир, 1908. Таблицы. Б. Фабричные промыслы. 1. Поуездная сводка сведений о лицах сельского приписного населения, работающих на фабриках; Приложения. А. Сводка сведений о рабочих населения фабричных слободок Иваново-Вознесенска «Ямы, Панфиловки, Рылихи и др. Приводимые в статье цифры (кроме случаев, специально оговоренных) взяты из этих таблиц.

⁷ «Материалы для оценки земель Владимирской губернии», т. X, вып. III, стр. 65.

эти особенности — передвижения рабочих главным образом внутри «своего» уезда или в соседние уезды и господство текстильной промышленности — характерны и для многих других фабричных местностей Московского промышленного района.

Прежде всего посмотрим, где находились фабрики, на которые устремлялось крестьянское население Шуйского уезда:

Т а б л и ц а 1

*Направления передвижения фабричных рабочих
из числа крестьян Шуйского уезда **

Местонахождение фабрик	Число дворов в уезде, отпустивших рабочих	Число рабочих
Город Шуя	3 286	5 812
Город Иваново-Вознесенск	2 838	4 614
Село Кохма	1 284	2 235
Село Тейково	878	1 516
Прочие и неизвестные фабрики	451	594
<i>Итого</i>	<i>8 737</i>	<i>14 771</i>

* «Материалы для оценки земель Владимирской губернии», т. X, вып. III, стр. 61.

Очевидно, крестьяне уходили работать на фабрики Шуи, расположенной почти в центре уезда, затем — в Иваново-Вознесенск и, наконец, в промышленные села — Кохму и Тейково. Лишь немногие из них покидали пределы уезда, поэтому и термин «шуйские рабочие» является почти точным в любом смысле. Обычно они не удалялись далеко от места приписки; так, место приписки большинства крестьян, направлявшихся в Тейково и Кохму, находилось на расстоянии менее 15 верст от фабрики, основной район Шуи охватывал местности с радиусом до 20 верст. За пределами этих районов располагались села и деревни, уже имевшие лишь второстепенное значение для отпуска рабочих из уезда в названные промышленные центры.

Попытаемся разделить шуйских рабочих на местных и неместных, используя сведения о том, где они питались — на фабрике или дома. Здесь возникают три варианта: 1) дома, круглый год; 2) часть года дома, а другую часть — на фабрике; 3) на фабрике, круглый год (см. табл. 2).

Очевидно, что рабочих, которые питались круглый год дома и, конечно, регулярно возвращались домой, следует отнести к разряду местных. Сразу же бросается в глаза, что при расстоянии от дома до фабрики не свыше 5 верст все рабочие, за немногими исключениями, являлись местными, а при расстоянии 11 и более верст — неместными, вынужденными переселяться на фабрику. Только при расстоянии в 6—10 верст одни рабочие возвращались домой, а другие (их насчитывалось уже больше, чем первых) питались на фабрике и ночевали в фабричных казармах.

Уже на этой, начальной стадии исследования отчетливо заметен контраст между передвижениями рабочих на незначительные расстояния (как правило, не свыше 20 верст) и последствиями передвижений, степенью отрыва рабочих от места приписки. Действительно, из 5723 рабочих, место приписки которых находилось на расстоянии 11 и свыше верст от фабрики, 5572 человека круглый год питались и ночевали на фабрике и только 94 человека, как и подобает типичным отходникам, часть года проводили дома, а другую часть — на фабрике. Следовательно, можно говорить о росте постоянного населения индустриальных центров за счет притока рабочих извне. Кроме того, многие из местных рабочих когда-то

Т а б л и ц а 2

Распределение рабочих из числа крестьян Шуйского уезда на местных и неместных*

Расстояние от фабрики до места приписки (верст)	Рабочие хар-чуются дома		Рабочие харчуются и ночуют на фабрике, круглый год	Расстояние от фабрики до места приписки (верст)	Рабочие хар-чуются дома		Рабочие харчуются и ночуют на фабрике, круглый год
	круглый год	часть года			круглый год	часть года	
0—1	1 109	42	6	11—15	46	87	2 671
в %	95,9	3,6	0,5	в %	1,6	3,1	95,3
2—5	2 935	194	128	16—20	7	6	1 763
в %	90,1	6,0	3,9	в %	0,4	0,3	99,3
6—10	1 327	762	1 876	21 и более	4	1	1 138
в %	33,5	19,2	47,3	%	0,3	0,1	99,6
				Итого	5 428	1 092	7 582
				%	38,5	7,7	53,8

также были приписаны к другим сельским обществам, расположенным далеко от фабрики, но затем перечислились в общества фабричных селений. По ценному наблюдению Б. Н. Васильева, «волостные правления фабричных волостей и волостей, прилегающих к промышленным городам, в последней четверти XIX в.— в начале XX в. были буквально завалены заявлениями о приписке в крестьянские общества этих волостей людей, пришедших из разных мест страны»⁸.

Чтобы расширить представление о формах и глубине этого отрыва, обратимся к сведениям о хозяйстве рабочих по месту приписки (см. табл. 3). Хозяйства, находившиеся в непосредственной близости от фабрики (в пределах одной версты), в подавляющем большинстве уже вовсе не были земледельческими; мы видим здесь 72,6% дворов без посева, 79,4% дворов без лошади, 55,0% дворов без коровы. Как бы тесно ни были связаны эти рабочие со своим хозяйством, от земледелия они уже оторвались почти полностью, забросили его, стали типичными жителями индустриальных поселений, сложившихся вокруг фабрик.

С удалением места приписки от фабрики роль земледелия в хозяйствах рабочих возрастает, и все же в общем итоге мы имеем 29,0% дворов без посева, 44,4% без лошади и 27,9% без коровы. Характерно, что при расстоянии свыше 5 верст эти показатели не дают резких скачков; так, процент безлошадных дворов колеблется с 35,6% до 39,6%. Фабричные поселения в Шуйском уезде были окружены деревнями, жители которых также занимались только неземледельческими промыслами или уже считали земледелие своим подсобным занятием. О том, что речь может идти только о подсобном, второстепенном занятии, свидетельствуют размеры посевной площади.

В нечерноземном Шуйском уезде, для которого характерны малопродуктивные глинистые почвы, посев до 3 дес. следует признать ничтожным⁹. Свыше половины (54,2%) общего числа хозяйств не имели посева или сеяли до 3 дес.; при расстоянии от фабрики до места приписки менее 1 версты таких хозяйств насчитывалось 82,2%, от 2 до 5 верст — 64,6%, 6 верст и более — в пределах 42,7—51,6%.

⁸ Б. Н. Васильев. Указ. соч., стр. 245—246.

⁹ Даже в черноземной Полтавской губернии домохозяев с посевом до 3 дес. земцы презрительно называли «земскими нахлебниками». По словам экономиста Е. Е. Карцева, «при таких экономических условиях применение к земле понятия «кормилицы» является аллегорией, не имеющей ни малейшего практического значения» (Е. Е. Карцев. Экономические этюды. Отхожий промысел.— «Наблюдатель», СПб 1882, № 3, стр. 255).

Таблица 3

Сведения о хозяйствах работающих на фабриках лиц сельского приписного населения Шуйского уезда

Расстояние от фабрики до места приписки (верст)	Число дворов	Распределение дворов по посеву (абсолютные цифры)				Распределение дворов по посеву (% к числу дворов)				Число дворов без лошадей, используемых для сельскохозяйственных работ в собственном хозяйстве				Число дворов без коров	
		без посева	с посевом (дес.)			без посева	с посевом (дес.)			абсолютные цифры	в % к числу дворов	абсолютные цифры	в % к числу дворов		
			до 3,0	3,1—6,0			до 3,0	3,1—6,0							
				6,1 и более	6,1 и более			6,1 и более	6,1 и более						
0—1	636	462	61	83	30	72,6	9,6	13,1	4,7	505	79,4	350	55,0		
2—5	1892	695	527	529	141	36,7	27,9	28,0	7,4	986	52,1	635	33,6		
6—10	2335	551	654	909	221	23,6	28,0	38,9	9,5	924	39,6	522	22,4		
11—15	1760	363	479	751	167	20,6	27,2	42,7	9,5	660	37,5	355	20,2		
16—20	1152	242	280	522	138	18,4	24,3	45,3	12,0	410	35,6	241	20,9		
21 и более	839	246	175	318	130	25,7	20,9	37,9	15,5	331	39,5	291	34,7		
Неизвестно	123	33	29	53	8	—	—	—	—	61	—	45	—		
Итого	8737	2552	2205	3165	835	29,0	25,2	36,2	9,6	3877	44,4	2439	27,9		

Таблица 4

Отряды от земледелия работающие на фабриках лиц сельского приписного населения Шуйского уезда

Расстояние от фабрики до места приписки (верст)	Все рабочие				Без посева				С посевом до 3,0 дес.				С посевом от 3,1 до 6,0 дес.				С посевом 6,1 дес. и более			
	порававшие полностью		не порававшие		порававшие полностью		не порававшие		порававшие полностью		не порававшие		порававшие полностью		не порававшие		порававшие полностью		не порававшие	
	в %		в %		в %		в %		в %		в %		в %		в %		в %		в %	
	до 3,0	3,1—6,0	до 3,0	3,1—6,0	до 3,0	3,1—6,0	до 3,0	3,1—6,0	до 3,0	3,1—6,0	до 3,0	3,1—6,0	до 3,0	3,1—6,0	до 3,0	3,1—6,0	до 3,0	3,1—6,0	до 3,0	3,1—6,0
0—1	1101	73	6,2	543	842	99,9	1,1	0,1	75	29	27,9	77,3	133	39	22,7	51	92,7	7,3	4	4
2—5	2782	83,7	16,3	660	1126	97,5	2,5	2,5	658	234	26,2	73,8	731	239	24,6	267	86,7	13,3	41	41
6—10	3392	83,7	16,3	413	849	97,5	2,5	2,5	798	167	17,3	1366	377	37,7	21,6	379	80,1	19,9	94	94
11—15	2453	85,6	14,4	246	557	98,8	1,2	1,2	639	78	10,9	1000	242	19,5	25,1	257	74,9	25,1	86	86
16—20	1563	86,4	13,6	127	339	99,7	0,3	0,3	350	35	9,1	81,5	687	156	18,5	187	77,6	22,4	54	54
21 и более	1075	89,4	10,6	2062	275	98,2	1,8	1,8	90,9	15	6,4	402	73	15,4	83,9	177	83,9	16,1	34	34
Итого	12 366	85,7	14,3	2062	3988	98,4	1,6	1,6	2741	558	16,9	4319	1126	20,7	80,8	1318	80,8	19,2	313	313

Посев от 3 до 6 дес. также не мог обеспечить семью продовольствием в течение всего года, а с посевом свыше 6 дес. насчитывалось лишь 835 хозяйств (9,6% к общему числу).

Прежде чем говорить о связях рабочих с земледелием на основании одного факта наличия у них надела или хозяйства по месту приписки, следует выяснить размеры наделов и состояние этого хозяйства. В нашем примере можно с уверенностью заявить, что громадное большинство рабочих ничего не получало из деревни, от земледелия; напротив, сами члены их семей, оставшиеся в деревне, нуждались в помощи, должны были в дополнение к сельскохозяйственным работам заниматься неземледельческими, местными и отхожими промыслами или тоже поступить на фабрику.

На первый взгляд кажется, что рабочие, лучше обеспеченные землей по месту приписки, должны были больше времени питаться дома. Но в общем получается совершенно иная, парадоксальная закономерность: чем больше была посевная площадь в хозяйстве рабочего по месту приписки, тем чаще рабочий круглый год питался на фабрике и ночевал в фабричных казармах, и наоборот. Чаще всего постоянно питались дома местные рабочие, лишённые вовсе земледельческого хозяйства и вынужденные покупать продукты питания. Произведем теперь несложный расчет: прибавим к числу рабочих, круглый год питавшихся на фабрике, число рабочих, питавшихся круглый год или часть года дома и не имевших посева. Получим 9913 человек из 14 102 (или 70,3%).

Эта далеко не очевидная закономерность отражает и особенности распределения местных и неместных рабочих, и упадок земледелия в непосредственной близости от фабрик, а сама она является как бы маленькой иллюстрацией к процессу складывания внутреннего рынка для капитализма, к повышению спроса на промышленные и продовольственные товары, к влиянию передвижений рабочих на этот процесс.

Конечно, миграции на незначительные расстояния и притом преимущественно в одиночку, а не всей семьей, не могли привести к полному распаду всех связей рабочих с местом приписки, тем более что свобода передвижений крестьян была ограничена. Так, почти все шуйские рабочие, независимо от расстояния между фабрикой и местом приписки, посылали деньги домой, на родину. Из 13 815 опрошенных лиц только 1065 человек (7,7%) ответили, что они вовсе не посылают из заработка домой. Но значение и этой связи не следует преувеличивать. Во-первых, из 12 750 человек, ответивших утвердительно на данный вопрос, 3862 человека являлись местными рабочими, жили на расстоянии менее 5 верст от фабрики, и им, собственно говоря, незачем было «посылать» деньги. Во-вторых, многие из посылавших деньги были еще на родине оторваны от земледелия, не имели посева. В-третьих, сама по себе посылка денег еще ничего не говорит о характере связей рабочего с местом приписки. Она не может служить доказательством даже общности семейного бюджета; известны многочисленные случаи, когда живущие в деревне крестьяне старались переложить львиную долю платежей на постоянно отсутствующих родственников, хотя последние фактически давно уже отделились от прежней семьи. Рабочие могли просто откупаться от надела, опасаться лишения паспорта и высылки на родину по этапу. И если одни рабочие по собственной инициативе поддерживали земледельческие хозяйства по месту приписки, то другие начинали уже тяготиться этой связью, но были не в состоянии от нее освободиться.

Рабочие Шуйского уезда в подавляющем большинстве работали на фабрике круглый год и совершенно оторвались от земледелия. Если они и приезжали время от времени на побывку в деревню, то на короткий срок и не для участия в полевых и других сельскохозяйственных работах. Из 14 428 лиц, опрошенных во время подворной переписи 1899 г., 12 366 человек (85,7%) ответили, что они совершенно оторвались от зем-

леделия; 764 человека (5,3%) оторвались частично и только 1298 человек (9,0%) не оторвались вовсе (см. табл. 4). По группе беспосевных хозяйств от земледелия оторвались фактически все рабочие (98,4%), по группам сеющих хозяйств доля оторвавшихся колебалась от 79,3% (при посеве 3,1—6,0 дес.) до 83,1% (при посеве менее 3,0 дес.). Женщины чаще полностью порывали с земледелием, чем мужчины. Все эти различия хотя и представляют определенный интерес, но неизбежно отходят на задний план по сравнению с неоспоримым фактом громадного значения — подавляющее большинство рабочих забросило земледелие и круглый год проживало при фабрике. Попутно отметим, что рабочие, место приписки которых находилось на расстоянии 11 и более верст от фабрики и которые ранее были названы неместными, явно преувеличили свою связь с земледелием: процент лиц, круглый год питавшихся и ночевавших на фабрике, у них неизменно выше, чем процент лиц, совершенно оторвавшихся от земледелия.

Сведения об отрыве рабочих Шуйского уезда от земледелия можно дополнить аналогичными данными, собранными под руководством фабричных инспекторов Владимирской губернии в 1897 г. Из 116 798 опрошенных во всей губернии рабочих 104 255 человек (или 89,3%) заявили, что не уходят на полевые работы. При этом процент не уходивших на полевые работы был всего выше именно у рабочих, находившихся в расцвете жизненных сил — в возрасте от 20 до 30 и затем от 30 до 40 лет¹⁰.

В Шуйском уезде среди рабочих, имевших посев по месту приписки, можно подметить одну странную зависимость: при близких (не свыше 5 верст) расстояниях от места приписки до фабрики процент рабочих, совершенно оторвавшихся от земледелия, последовательно возрастал по мере увеличения размеров посевной площади¹¹. В этих местностях влияние фабрики было настолько сильным, что семьи с большим составом (а именно они, как правило, и засевали большие участки) отпускали на фабрику одного из своих членов, полностью освобождая его от всякого участия в земледельческом хозяйстве. Только в местностях, где влияние фабрики ощущалось не так непосредственно (на расстоянии 11 и более верст от нее), логика «торжествует»: процент рабочих, оторвавшихся от земледелия, понижается с ростом посевной площади. Итоговые данные абсолютно не отражают этих противоречивых зависимостей, которые в общем как бы взаимно уничтожают друг друга.

Какие же причины удерживали рабочих в течение круглого года на фабрике? Действовал целый комплекс причин: и малоземелье, и плачевное состояние земледельческого хозяйства вообще, и высокая степень подготовки населения к фабричному производству в итоге длительного развития домашней и мануфактурной промышленности, и упадок местных промыслов под натиском фабричного производства, и более высокая заработная плата, и боязнь потерять выгодную постоянную работу, так как фабриканты не терпели временных, случайных рабочих, и, наконец, появление новых потребностей, рост самосознания личности, желание вырваться из условий однообразной деревенской жизни.

Интересно сравнить заработную плату фабричных рабочих и нефабричных «кустарей-одинок» — специалистов по обработке волокнистых веществ (табл. 5). Разница очевидна, при этом больше всего выигрывали, уходя на фабрику, женщины.

Отрыв рабочих от земледелия приобретает особенно важное значение,

¹⁰ И. М. Козьмин-Ланин. Фабрично-заводской рабочий Владимирской губернии (1897 год). Владимир, 1912, табл. 7.

¹¹ Причем эти различия весьма существенны. Так, на расстоянии от 2 до 5 верст данный показатель равнялся 73,8% при посеве до 3 дес. и 86,7% при посеве свыше 6 дес.

Т а б л и ц а 5

Распределение рабочих Шуйского уезда по среднемесячной заработной плате (%)*

	Мужчины					Женщины				
	до 5 руб.	6—10 руб.	11—15 руб.	16 и более руб.	неизвестно	до 5 руб.	6—10 руб.	11—15 руб.	16 и более руб.	неизвестно
Фабричные рабочие	4,4	28,1	43,9	19,8	3,8	4,7	38,4	50,5	1,8	4,6
«Кустари-одиночки»	38,0	41,4	11,9	8,7	—	94,3	4,8	0,9	—	—

* «Материалы для оценки земель Владимирской губернии», т. X, вып. III, стр. 60.

когда он сочетается с приобретением известного стажа непрерывной¹² работы на предприятиях фабрично-заводской промышленности. В этом случае рабочий не просто отрывался от земледелия, а отвыкал от него настолько, что, если ему приходилось под старость вернуться на родину, он начинал заново учиться пахать и сеять.

По продолжительности работы на фабриках (см. табл. 6) рабочих Шуйского уезда можно условно разделить на следующие основные группы:

1) проработавшие один год и менее. Это — новички, только что покинувшие деревню или только что отказавшиеся от каких-либо других неземледельческих занятий; они составляли 13,8% всех рабочих;

2) проработавшие от 2 до 5 лет. Это — переходная группа между новичками и бесспорно постоянными рабочими, а также постоянные рабочие с небольшим производственным стажем (32,8%).

3) проработавшие от 6 до 10 лет. Это — постоянные кадры фабрично-заводского пролетариата, которые уже приобрели большой опыт работы, квалификацию и основательно отвыкли от земледелия (17,9%)¹³;

4) проработавшие 11 лет и более. Это — тоже постоянные кадры фабрично-заводского пролетариата с особенно высокой квалификацией и очень большим производственным стажем (35,5%)¹⁴. Непрерывная, в течение многих лет, работа на фабрике быстро изматывала рабочего, отнимала у него все силы. К этому следует добавить еще специфическую вредность для здоровья рабочего текстильных производств, распространенных в Шуйском уезде. Чаще всего уже к 40 годам он становился нетрудоспособным, и хозяева выбрасывали его на улицу. Именно поэтому непрерывная работа на фабрике в течение 6—10 лет может считаться значительным производственным стажем, а лица, проработавшие на фабрике 11 лет и выше, в большинстве случаев провели на ней свыше половины отводимого им хозяевами срока.

По мере удаления места приписки от фабрики процент постоянных рабочих со значительным производственным стажем понижался строго по-

¹² Очевидно, что при исчислении стажа не учитываются перерывы, вызванные причинами, не зависящими от самого рабочего (кризисы, безработица).

¹³ Если было от чего отвыкать, так как на фабрику часто попадали 15-летние подростки, еще не привыкшие по-настоящему к земледельческому труду, и кустари, не имевшие посева.

¹⁴ «Непрерывное пребывание на фабрике в течение более чем десяти лет должно изменить весь строй жизненных интересов и требований, «отучить» от крестьянского труда и крестьянской жизни и во всяком случае наложить прочную печать городской жизни» («Материалы для оценки земель Владимирской губернии», т. X, вып. III, стр. 54).

Т а б л и ц а 6

*Стаж фабрично-заводского труда среди работающих на фабриках
лиц сельского приписного населения Шуйского уезда*

Расстояние от фабрики до места приписки (верст)	Стаж работы				Размер посева у рабочих с разным стажем							
	1 год и менее	2—5 лет	6—10 лет	11 лет и более	без посева		с посевом до 3,0 дес.		с посевом от 3,1 до 6,0 дес.		с посевом 6,1 дес. и более	
					5 лет и менее	6 лет и более	5 лет и менее	6 лет и более	5 лет и менее	6 лет и более	5 лет и менее	6 лет и более
0—1	122	204	190	603	208	593	30	69	69	98	19	33
в %	10,9	18,2	17,0	53,9	26,0	74,0	30,3	69,7	41,3	58,7	36,5	63,5
2—5	385	890	543	1407	335	787	339	534	462	470	139	159
в %	12,0	27,6	16,8	43,6	29,9	70,1	38,8	61,2	49,6	50,4	46,6	53,4
6—10	479	1341	756	1367	265	567	417	537	886	810	252	209
в %	12,1	34,0	19,2	34,7	31,9	68,1	43,7	56,3	52,2	47,8	54,7	45,3
11—15	379	1042	463	839	238	299	342	339	667	509	174	155
в %	13,9	38,3	17,0	30,8	44,3	55,7	50,2	49,8	56,7	43,3	52,9	47,1
16—20	310	590	299	467	149	150	149	194	467	328	135	94
в %	18,6	35,4	18,0	28,0	49,8	50,2	43,4	56,6	58,7	41,3	59,0	41,0
21 и более	218	423	193	180	131	90	123	73	264	147	123	65
в %	21,5	41,6	19,2	17,7	60,4	39,6	62,8	37,2	64,2	35,8	65,4	34,6
Итого	1898	4490	2446	4863	1326	2486	1400	1746	2815	2362	842	715
в %	13,8	32,8	17,9	35,5	34,8	65,2	44,5	55,5	54,4	45,6	54,1	45,9

следовательно, но не равномерно: сперва быстро, а затем все медленнее и медленнее (до 20 верст), потом — опять быстро. На расстоянии менее 1 версты этот показатель равнялся 70,9%, от 2 до 5 верст — 60,4%, от 6 до 10 верст — 53,9%, от 11 до 15 верст — 47,8%, от 16 до 20 верст — 46,0%, и, наконец, 21 и более верст — 36,9%. При этом процент рабочих со стажем от 6 до 10 лет почти не изменялся, зато стремительно понижался процент рабочих с наибольшим производственным стажем (11 лет и более), а чем меньше насчитывалось последних, тем меньше становилась средняя зарплата. Например, на расстоянии менее 1 версты 19,8% рабочих-мужчин получали 16—20 руб. в месяц (мы уже знаем, что это — высокая ставка), от 2 до 5 верст — 12,9%, от 6 до 15 верст — 11,2%, 16 и более верст — 8,0%¹⁵. При одинаковом расстоянии от фабрики до места приписки процент постоянных рабочих с большим стажем чаще всего понижался по мере увеличения посевной площади в хозяйстве по месту приписки.

Хотя женщины чаще, чем мужчины, отрывались от земледелия, но процент постоянных работниц со стажем в 6 лет и более был значительно ниже (40,6%), чем постоянных рабочих-мужчин (62,2%).

В общем постоянные рабочие с указанным производственным стажем составляли абсолютное большинство (53,4%) всех шуйских рабочих. Этот факт имеет чрезвычайно важное значение, так как перепись 1899 г. пришлась на конец промышленного подъема 90-х годов, когда наблюдался особенно быстрый рост числа рабочих, недавно покинувших деревню. Не случайно почти 1/3 рабочих имели производственный стаж от 2 до 5 лет.

По примерным подсчетам, среди местных рабочих более 60% имели стаж непрерывной работы на фабрике в 6 лет и свыше. Даже среди неместных рабочих, при расстоянии от фабрики до места приписки главным образом 11 и более верст, таких лиц насчитывалось свыше 40%.

¹⁵ «Материалы для оценки земель Владимирской губернии», т. X, вып. III, стр. 60.

«Фабрика требует рабочего, вполне порвавшего связи с отцовским гнездом в деревне, она требует развитого, свободного, специализированного рабочего. Рабочий, интересы которого раскололись между городом и деревней, одинаково ненадежен и в деревне у земли, и на фабрике у станка»¹⁶.

Вчерашние крестьяне хорошо понимали невозможность или бесперспективность возврата назад в деревню, хотя бы последняя и находилась на расстоянии каких-нибудь 10—20 верст от фабрики. Но ничто не препятствовало им уйти в другой город, в другое промышленное селение, поступить на другую фабрику, если такая перемена способствовала улучшению условий их труда и быта. Анализируя паспортные книги промышленных предприятий, Б. Н. Васильев объясняет изменение количества рабочих, вышедших из той или иной волости, прежде всего именно переходами с фабрики на фабрику, а не возвратом к земледелию¹⁷. Недаром в «Проекте и объяснении программы социал-демократической партии» В. И. Ленин отмечал «постоянные перебрасывания рабочих с фабрики на фабрику»¹⁸.

II

«Как грибы, растут новенькие, блестящие желтые домишки, без всяких хозяйственных пристроек, одинокие среди пустырей, заваленных мусором; они вытягиваются в линии, и скоро в линии становится тесно им, и новые флигельки начинают пристраиваться сзади, на дворах. И на всем пространстве этих кварталов не видно ни одной березки, ни одного кустика зелени. Пыль или грязь на улицах, мусор на дворах, и бесконечный грохот фабрик, и дым, и копоть в воздухе»¹⁹. Такими словами описывается в предисловии к подворному исследованию Шуйского уезда фабричная слободка Иваново-Вознесенска, которая носила красноречивое название «Ямы». Сам город Иваново-Вознесенск вырос стихийно, по мере возникновения новых и новых поселений вокруг текстильных фабрик. Так появились фабричные слободки «Ямы», Панфиловка, Рылиха и др. Их юридическое положение отчасти напоминало положение самого Иваново-Вознесенска до 1871 г., когда село Иваново и Вознесенский посад еще не были объединены в один официально признанный город. Формально эти фабричные слободки находились за городской чертой, на уездной территории, но не имели ни сельского управления, ни «коренного приписного населения»²⁰. Почти все их население состояло из припленных крестьян, которые на деле превратились в настоящих горожан. Многие из рабочих полностью оторвались от прежних сельских обществ, перечислились в общества поблизости от города, воспользовавшись именно двусмысленным положением слободок.

Данная двусмысленность имела еще одно важное для исследователей последствие: земские статистики, которые охватывали подворными переписями только сельские местности, не прошли мимо этих пригородов и описали их (вместе с селами Тейково и Кохма) по особой программе. Тейково и Кохма нас здесь не интересуют, так как в них на фабриках работало много лиц из числа сельского приписного населения Шуйского уезда. Иное дело — фабричные слободки Иваново-Вознесенска: из 5693 рабочих, проживавших в них во время переписи 1899 г. и давших ответ на вопрос о месте рождения, только 1247 человек (21,9%) являлись уроженцами Шуйского уезда, 926 человек (16,3%) были родом из Суздальского уезда, 562 человека (9,9%) — из Ковровского уезда,

¹⁶ «Материалы для оценки земель Владимирской губернии», т. X, вып. III, стр. 40.

¹⁷ Б. Н. Васильев. Указ. соч., стр. 246.

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 92.

¹⁹ «Материалы для оценки земель Владимирской губернии», т. X, вып. III, стр. 89.

²⁰ Там же.

581 человек (10,2%) — из других уездов Владимирской губернии, 1992 человека (35,0%) — из Костромской губернии и 385 человек (6,7%) — из других мест.

Мы не знаем точного расстояния между фабриками Иваново-Вознесенска и местом приписки крестьян, работавших в городе, однако предполагаем, что эти расстояния в общем превышают те, на которые уходили шуйские рабочие. В зависимости от места рождения рабочих пригородов Иваново-Вознесенска можно разделить на три большие группы:

1) уроженцы Шуйского уезда, в котором домашнее ткачество переживало глубокий упадок под воздействием фабричного производства;

2) уроженцы Суздальского и Ковровского уездов, в которых фабричное производство было развито гораздо слабее, чем в Шуйском уезде, и еще не вытеснило окончательно домашнего ткачества;

3) уроженцы Костромской губернии, т. е. в основном прилегающих к Владимирской губернии уездов — Нерехтского, Кинешемского и Юрьевецкого. Этот район является непосредственным продолжением Шуйского промышленного района и во многом его напоминает.

Следовательно, основной район, откуда уходили рабочие на фабрики в пригородах Иваново-Вознесенска, охватывал территорию с радиусом примерно около 50 верст и притом такие местности, где домашнее ткачество и внешние отделения крупных мануфактур были широко распространены еще в первой половине XIX в. Этот вывод хорошо согласуется с показаниями других источников, в частности с изученными Б. Н. Васильевым паспортными книгами ткацкой и ситцевой фабрики И. Гарелина в Иваново-Вознесенске: «Иваново-Шуйский промышленный район давал на фабрику И. Гарелина в конце XIX века 93% рабочих, работавших на этой фабрике. Радиус этого района только для некоторых волостей удлинялся от Иваново-Вознесенска на 65—70 км, а в основном не выходил за пределы 30—40 км»²¹.

Экономическое положение хозяйств рабочих по месту приписки подворная перепись не выяснила: не известны ни площадь посевов, ни распределение рабочего скота и коров, ни состояние местных промыслов. Однако известно (см. табл. 7), что из 5723 рабочих 3962 человека (или 69,2%) не имели по месту приписки даже земли, обработанной хотя бы не ими лично, а их родственниками.

Мы уже знаем на примере шуйских рабочих, как глубоко могли оторваться от земледелия рабочие «с посевом на родине». При отсутствии посева сколько-нибудь серьезной связи с земледелием не было, но сохранялись преимущественно формальные, юридические связи с местом приписки, с общиной, с наделом, оставались разнообразные родственные связи. Поэтому и при отсутствии посева у рабочих нельзя, рассматривая итоги их миграций, ограничиваться общими формулировками («связь с земледелием» или «отрыв от земледелия»), а нужно наполнять их живым конкретным содержанием.

Многие рабочие без посева не сумели освободиться от надела, несмотря на очевидную невозможность хозяйствовать в деревне (1359 человек, или 23,8% к общему числу рабочих). Из них 1195 человек сдали надел односельчанам и, таким образом, хоть что-то получали от земли (обычно арендаторы брали на себя также приходящиеся на надел платежи, и иногда земля сдавалась почти даром). Но 164 человека не смогли сдать свои земельные участки в аренду (вероятнее всего, ввиду нежелания односельчан заниматься земледелием) и вынуждены были забросить наделы, продолжая ежегодно вносить деньги за право пользования ими.

Значительное меньшинство рабочих (2603 человек, или 45,4%) вовсе не имели земли, но и эта группа по своему составу не вполне однородна: 452 человека не принадлежали к крестьянскому сословию (в основном

²¹ Б. Н. Васильев. Указ. соч., стр. 222.

Т а б л и ц а 7

Число фабричных рабочих (семейных и одиночек) в фабричных слободках
Иваново-Вознесенска. Отношение рабочих к наделу

	Рабочие, проживающие без семьи			Рабочие, проживающие с семьей			Итого по всем рабочим		
	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины	всего
Мещане и другие некрестьянские сословия	37	32	69	228	155	383	265	187	452
в %	6,0	5,3	5,6	10,1	6,9	8,5	9,2	6,6	7,9
Крестьяне									
Без надела									
а) без дома на родине	126	201	327	591	624	1215	717	825	1542
в %	20,2	33,3	26,7	26,2	27,8	27,0	24,9	29,0	26,9
б) с домом на родине	97	117	214	183	212	395	280	329	609
в %	15,6	19,4	17,5	8,1	9,5	8,8	9,7	11,5	10,6
Надельные									
а) надел пустует	10	4	14	75	75	150	85	79	164
в %	1,6	0,7	1,1	3,3	3,3	3,3	3,0	2,8	2,9
б) сдают надел	60	35	95	572	528	1100	632	563	1195
в %	9,6	5,8	7,7	25,4	23,6	24,5	21,9	19,8	20,9
в) обрабатывают землю	293	214	507	607	647	1254	900	861	1761
в %	47,0	35,5	41,4	26,9	28,9	27,9	31,3	30,3	30,8
Итого	623	603	1226	2256	2241	4497	2879	2844	5723
в %	100	100	100	100	100	100	100	100	100

это — мещане), 1542 крестьянина не имели на родине ни земли, ни дома, а 609 крестьян оставили в деревне непроданной избу. Правда, эти различия имеют уже второстепенное значение.

Все указанные выше оттенки как бы проясняют нам предысторию обезземеливания крестьян, фиксируют определенные стадии и варианты этого процесса и его связь с миграциями населения. Далеко не все рабочие из крестьян были безземельными или беспосевными с самого начала, т. е. до ухода на фабрику, постоянно проживая по месту приписки. На родине складывались условия, не позволявшие им ограничиваться одними земледельческими занятиями и даже самостоятельно хозяйствовать в деревне. Отход на заработки, даже кратковременный, усиливал их отрыв от земледелия, а долгосрочный отход, особенно на фабрики и в крупные города, приводил к сдаче земли в аренду, к забрасыванию земледелия, к невозможности возврата в деревню. В конце концов и община задним числом узаконивала реальный отрыв «шaltaев» от места приписки, признавая наделы ушедших крестьян «упалыми». В результате долгосрочный отход и фактическое переселение в город способствовали не только росту числа крестьян, оторвавшихся от земледелия, но и росту категории безземельных крестьян, и община с ее паспортной системой и круговой порукой оказывалась не в силах противостоять этому процессу.

Характерно, что наивысший процент безземельных давали выходцы из фабричных местностей — Шуйского уезда (55,4%) и уездов Костромской губернии (45,5%); выходцы из этих местностей выделялись и самым низким процентом рабочих, имевших по месту приписки обработанную землю (соответственно 23,3% и 29,9%).

Процесс обезземеливания крестьян еще больше ускорялся в случае ухода из деревни целых семей. Из 5723 рабочих в фабричных слобод-

ках Иваново-Вознесенска 4497 человек (78,6%) проживали с семьей и только 1226 человек (21,4%) — без семьи. Насколько подобное соотношение типично для других больших городов, сказать трудно (мы не решаемся распространять его даже на фабричных рабочих всего Иваново-Вознесенска). Здесь важно отметить появление новых форм разрыва рабочих с местом приписки в связи с распространением семейного отхода и семейных переселений в города и другие центры фабрично-заводской промышленности.

Иваново-Вознесенск — один из крупнейших промышленных центров России, и он мог обеспечить заработком несравненно большее число семейных рабочих и членов их семей, чем промышленные селения с их более однообразным выбором специальностей, с меньшим спросом на женский и детский труд. Из 1432 опрошенных работниц в фабричных слободах Иваново-Вознесенска 731 (51,0%) работала на одной фабрике с мужем, 640 (44,7%) — на других фабриках и лишь 61 (4,3%) — занималась исключительно домашним хозяйством. Из 489 работавших детей рабочих 143 (29,2%) были заняты на одной фабрике с родителями, 278 (56,9%) — на других фабриках и только 68 (13,9%) — в нефабричных производствах. Труд на фабрике становился семейной традицией, разрыв рабочих с деревней усиливался.

Семейный отход в еще большей степени, чем отход одиночек, способствовал росту числа крестьян, оторвавшихся от земледельческих занятий. Однако во избежание появления ложных представлений о легкости освобождения крестьян от земли, мы должны заметить, что в фабричных слободах Иваново-Вознесенска среди проживавших с семьей рабочих процент лиц, сохранивших надел в деревне, был даже выше, чем среди рабочих-одиночек (55,7% против 50,2%) зато гораздо ниже был процент лиц, сохранивших по месту приписки возделанную землю (27,9% против 41,4%).

В то время как почти все крестьяне-одиночки с наделом (507 человек из 616) оставили свои участки для возделывания родственникам, надельные крестьяне, проживавшие в городе с семьей, разделились на две почти равные группы: одни (1254 человека) также оставили надел родственникам, а другие (1250 человек) сдали его в аренду или забросили. Приведенные цифры свидетельствуют о трудности освобождения крестьян от надела.

Почти все рабочие в пригородах Иваново-Вознесенска работали на фабриках круглый год, круглый год ночевали и питались при фабриках, приезжая в деревню лишь по большим праздникам. Это их наиболее общие признаки, перед которыми ступеньваются прочие различия, все другие оттенки, это то общее, что отличает фабричного рабочего Иваново-Вознесенска от крестьян-земледельцев и сближает его с шуйским рабочим.

Однако очевидно, что у иваново-вознесенских рабочих, в отличие от шуйских, отрыв от земледелия в большинстве случаев сочетался с отсутствием посева в деревне, с отказом от надела (путем его сдачи в аренду или забрасывания), с бегством из деревни целых семей. Насколько ослабли связи этих рабочих с деревней, с местом приписки, можно судить по тому, что из 5061 рабочего 4083 человек (80,7%) совершенно не посылали денег на родину, 325 человек (6,4%) посылали до $\frac{1}{4}$ заработка, 427 человек (8,4%) — от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ заработка и 226 человек (4,5%) — свыше $\frac{1}{2}$ заработка. Дело дошло, таким образом, до совершенного разрыва общего семейного бюджета, до прекращения всяких фискальных отношений с крестьянской общиной. Посылку на родину до $\frac{1}{4}$ заработной платы следует расценить как стремление откупиться от земли, помочь оставшимся в деревне родственникам выплатить повинности за право пользования наделом, причем эта помощь могла быть вынужденной — под угрозой неполучения паспорта и высылки на родину по этапу. Только от-

правка свыше $\frac{1}{4}$ заработной платы свидетельствует о желании внести серьезный вклад в общий семейный бюджет.

У рабочих без надела и без дома на родине доля лиц, совершенно не посылавших денег, достигала 97,1%, у рабочих, сдающих надел в аренду, — 91,6% и у рабочих с запущенным наделом — 90,7%. Все эти бывшие крестьяне либо не имели надела, либо не вносили за него никаких платежей. Даже у рабочих, имевших по месту приписки возделанную землю, 58,4% совершенно не посылали денег на родину, а еще 12,9% посылали лишь до $\frac{1}{4}$ заработка.

Посылка денег в огромной степени зависела от того, проживал ли рабочий с семьей или без нее. Если рабочий проживал без семьи, то он чаще сохранял общий бюджет с членами семьи в деревне, хотя эта общность почти всегда сводилась к односторонней помощи деревенским родственникам. Если же рабочий жил в городе с семьей, то в подавляющем большинстве случаев исчезла и эта односторонняя общность: оформлялась семья — оформлялся и самостоятельный семейный бюджет. Длительное пребывание в городе (или «почти» в городе) не могло не способствовать росту потребностей у рабочих и возникновению новых, незнакомых деревне потребностей, что тоже приводило к отказу от систематической посылки денег на родину. В результате из 3961 рабочего, проживающего с семьей в фабричных слободках Иваново-Вознесенска, 3435 человек (86,7%) совершенно не посылали денег, а из 1100 рабочих-одиночек — 648 человек (58,9%).

Немалое значение для исследования вопроса о прочности водворения иваново-вознесенских рабочих в неземледельческих центрах имеют сведения о том, сколько лет тому назад они выселились из родного села (деревни) ²². Из 5454 рабочих 2274 человек (41,7%) покинули место приписки 11 и более лет тому назад, т. е. не позднее чем в 1888 г., еще 1088 человек (19,9%) — от 6 до 10 лет тому назад, т. е. не позднее чем в 1893 г. Среди рабочих, проживающих с семьей, процент выселившихся из деревни 6 и более лет тому назад доходил до 67,7%, а среди проживающих без семьи понижался до 39,8%. Среди рабочих, имевших по месту приписки возделанную землю, этот же показатель равнялся 46,8%, затем он возрастал по мере ослабления связи рабочих с землей и доходил до 69,5% (рабочие, сдающие надел в аренду), до 73,2% (рабочие без надела и без дома на родине) и до 82,2% (рабочие из числа мещан и представители других некрестьянских сословий).

Примерно 20% всех опрошенных рабочих переселились в Иваново-Вознесенск не непосредственно из деревни, а предварительно побывали некоторое время в других неземледельческих центрах. Разумеется, наблюдался и отток населения из Иваново-Вознесенска, однако выяснить точные его размеры не представляется возможным. Одной из причин текучести рабочих являлись ужасающие жилищные условия, крайне неблагоприятно отражавшиеся на жизни одиночек и целых семей ²³. Учитывая отсутствие у большинства иваново-вознесенских рабочих возделанной земли или даже земли вообще, более чем вероятное малоземелье рабочих, имеющих посев по месту приписки, наличие у подавляющего большинства рабочих в городе своей семьи, крайнее ослабление даже фискальных (бюджетных) связей с местом приписки, следует признать вероятность их возвращения когда-либо в будущем к земледельческому труду еще более проблематичной, еще более сомнительной, чем у суйских рабочих. Но и они могли в поисках лучших условий труда и быта переходить с фабрики на фабрику, из одного неземледельческого центра в другой.

²² Для разнообразия приводим эти сведения вместо данных о производственном стаже.

²³ Во время переписи были собраны исключительно ценные, подробные сведения о жилищных условиях рабочих, которые мы не анализируем только из-за опасения чересчур отвлечься в сторону от освещения других, более важных для нас вопросов.

Повторяем: глубокий отрыв от земледелия, работа на фабрике в течение круглого года, производственный стаж, позволяющий говорить о формировании постоянных кадров фабрично-заводского пролетариата — вот основные признаки, которые объединяют иваново-вознесенского и шуйского рабочего, вне зависимости от всевозможных различий между ними. Их никоим образом нельзя противопоставлять друг другу и даже прямолинейная постановка вопроса о том, кого следует считать в большей степени пролетарием — шуйского рабочего с наделом по месту приписки или безземельного иваново-вознесенского рабочего — не выдерживает критики. Возьмем, к примеру, важнейшие для определения прочности связей бывших крестьян с фабрикой данные о преемственности фабрично-заводского труда, определим процент лиц, у которых родители также являлись фабричными рабочими²⁴:

Все шуйские рабочие	43,7
в том числе при расстоянии от фабрики до места приписки (верст):	
0—1	58,8
2—5	52,4
6—10	44,6
11—15	38,5
16—20	38,3
21 и более	22,7
Все рабочие в слободках Иваново-Вознесенска	20,7
в том числе:	
надельные крестьяне, обрабатывающие землю	17,2
» » сдающие надел	24,9
» » забросившие надел	29,3
безнадельные крестьяне с домом на родине	17,1
» » без дома на родине	18,7
мещане и другие некрестьянские сословия	32,2

Нет сомнения в том, что шуйские рабочие с возделанной землей по месту приписки с большим основанием могли назвать себя коренными, потомственными пролетариями, чем безнадельные иваново-вознесенские рабочие. Характерно и другое: среди самих иваново-вознесенских рабочих преемственность фабричного труда чаще встречалась не у безнадельных крестьян, а у крестьян, имеющих надел, но сдающих его в аренду или забросивших земледелие. Вообще, безземельные крестьяне (как правило, наиболее разоренные) не всегда могли найти силы и средства для предварительной работы в качестве учеников, для приобретения квалификации и вынуждены были становиться неквалифицированными поденщиками и чернорабочими.

Следовательно, в фабричные слободки Иваново-Вознесенска стекалось население из более обширного района, чем в Кохму, Тейково и другие промышленные села, — население, обычно менее знакомое с фабричным трудом, чем крестьяне Шуйского уезда. Но, попав в Иваново-Вознесенск, рабочие быстрее и основательнее отрывались от места приписки, чем в Шую, Кохму или Тейкове. На фабрику шли работать их жены и дети; возникновение у них преемственности фабричного труда, такой же, какая возникла ранее у приписного населения Шуйского уезда — лишь вопрос времени.

Какова бы ни была текучесть городского населения, оно быстро росло в пореформенную эпоху. «Творцом такого явления, очевидно, должен быть признан отход на промысловые заработки, так как переселение сельского населения в города совершается именно в форме отхода... Таким

²⁴ См. также: А. Рашии. Указ. соч., стр. 540.

образом, русский временный отход в окончательном результате приводит к тем же последствиям, как и западное переселение в города»²⁵.

Сопоставление сведений о работающих на фабриках крестьянах Шуйского уезда и о рабочих фабричных слободок Иваново-Вознесенска рельефно показывает нам, насколько сложны миграции населения в неземледельческих губерниях и процессы перерастания неземледельческого отхода в фактическое переселение. Эти процессы протекали неодинаково в различных отраслях промышленности, в крупном и мелком производстве, в различных районах, в сельских местностях и в городах, даже, как мы убедились, в пределах одного уезда. Насильственное прикрепление крестьян к наделу, паспортная система, круговая порука осложняли передвижения населения, облекали их в запутанные формы, усиливали текучесть рабочих и неземледельческого населения вообще. Нужно всегда помнить слова В. И. Ленина о том, что «ограничиваясь общими формулами (вроде таких, как: «соединение промысла с земледелием» или «отделение промышленности от земледелия»), нельзя сделать ни шагу в деле уяснения действительного процесса развития капитализма»²⁶.

---

²⁵ Л. А. Кириллов. К вопросу о внеземледельческом отходе крестьянского населения. СПб., 1899, стр. 7—8.

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 380.

ГЕОГРАФИЯ ГРУППОВЫХ РАБОЧИХ СБОРОВ НА ГАЗЕТУ «ПРАВДА» в 1912 г.

Н. А. Курашова

Создание первой массовой рабочей марксистской газеты «Правда» явилось выдающимся событием. С «Правдой» связана важнейшая историческая веха — подготовка рабочего класса России к грядущей революции.

В массах крепло сознание, что недостаточно лишь профессиональных изданий — нужна своя политическая газета — газета передовой рабочей демократии «не только для того, чтобы помогать нашей рабочей борьбе, но для того, чтобы дать образец и светоч всему народу»¹.

«Правда» родилась в результате массовых политических стачек 1912 г. в ответ на Ленский расстрел в сложнейшей обстановке острой политической борьбы большевистской партии против оппортунистов-ликвидаторов.

В 1912 г. меньшевистская пресса подняла шумную кампанию, обвиняя большевиков в «узурпации» рабочей газеты. Меньшевики-ликвидаторы указывали, что якобы они являются инициаторами создания легальной рабочей печати. Они утверждали, что наиболее сознательная часть рабочих поддерживает именно их прессу. Все эти измышления меньшевиков надо было опровергнуть. Этого требовали насущные задачи рабочего движения. Важно было найти объективные данные, которые смогли бы дать ответ на вопрос о силе разных течений в рабочем движении, о влиянии различных политических направлений в политическом просвещении масс.

Отношение рабочих к большевистской и ликвидаторской прессе находило отражение в самых разнообразных формах: резолюции в газетах и корреспонденции рабочих, подписка и распространение, политическая и материальная поддержка. Однако резолюции и корреспонденции публиковались далеко не полностью, данные о подписке требовали сведений за большой отрезок времени. Ленин взял за основу наиболее точные массовые и сопоставимые данные о групповых рабочих сборах на различные газеты. «Правда» могла быть создана и существовала лишь благодаря жертвованиям самих рабочих. «Нас интересуют сейчас, — отмечал Ленин, — только сборы, сделанные *самими* рабочими, и притом не одиночками, которые, может быть, случайно наткнулись на того или иного сборщика, не будучи связаны с ним идейно, т. е. по своим взглядам, убеждениям, а именно *группами* рабочих, несомненно, *обсуждавших* заранее, следует ли давать деньги, кому давать, на какую цель давать»².

Работы В. И. Ленина «Итоги полугодовой работы», «Рабочие и «Правда», «Рабочий класс и рабочая печать», «Нечто об итогах и фактах», «Борьба за марксизм» и ряд других положили начало и показали образец исследования взаимовлияния «Правды» и широких масс рабочего класса России. Групповые рабочие сборы являлись самым лучшим объективным материалом о соотношении сил большевиков и ликвидаторов в России.

Ленин придавал решающее значение анализу денежных отчетов, публиковавшихся в газетах различных политических направлений. Старый большевик С. Ю. Багоцкий (активный участник революционного движе-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 431.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 428.

ния и корреспондент «Правды») вспоминал: «Неоднократно я заставлял Владимира Ильича за выписками цифр мелких поступлений в «Правду» от отдельных рабочих или от организаций. Значение этого мне было непонятно, и я его спросил, для чего он это делает. Владимир Ильич с улыбкой «популярно» объяснил мне значение этих цифр.— Цифры — самый надежный способ для оценки действительности,— сказал он.— Из взносов отдельных рабочих групп я могу сделать заключение об их интересе к революционному движению. Сравнение поступлений в меньшевистские органы печати и в наши говорит мне о размерах влияния в разных частях России...»³.

С помощью статистического анализа В. И. Ленин проникал в сущность и классовую природу революционных процессов, вскрывал их закономерности, делал интересные обобщения и выводы по вопросам стратегии и тактики большевистской партии.

В июне 1912 г. вышла статья В. И. Ленина «Итоги полугодовой работы», которая печаталась в «Правде». Ее выводы целиком основывались на материалах, свидетельствующих о состоянии групповых рабочих сборов. В. И. Ленин, мастерски обобщив разрозненные данные денежных отчетов на газеты различных партий, отчетливо вскрыл социальную сущность происходивших явлений в рабочей среде. Он характеризует динамику групповых рабочих сборов за первую половину года по месяцам, основным районам и городам, приводит сравнимые и сопоставимые цифры. Ленин считал, что в таблицах данные выступают рельефнее и компактнее. Вся эта ленинская работа пронизана глубоко партийной целеустремленностью.

За первую половину года Ленин насчитал 504 групповых рабочих сбора на «Правду» и лишь 15 — на меньшевистскую прессу. Очень интересна таблица о порайонном распределении сборов в газеты различных партий:

Т а б л и ц а 1*

	В газеты неликвидаторские	В газеты ликвидаторские
Петербург и окрестности	415	10
Юг	51	1
Москва и ее район	13	2
Север и Запад	12	1
Урал и Поволжье	6	0
Кавказ, Сибирь и Финляндия	7	1
<i>В с е г о</i>	<i>504</i>	<i>15</i>

* См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 437.

В. И. Ленин заключает: «Эти точные данные рабочей статистики, открыто печатавшиеся в течение целого полугодия в газетах противоположных направлений, окончательно решают вопрос о «ликвидаторстве». Можно сколько угодно бранить противников ликвидаторства и клеветать на них, но точные данные о групповых рабочих сборах неопровержимы». Он подводит итог: «Ликвидаторство — ничто в рабочем движении; сильно оно только в либеральной интеллигенции»⁴.

Ленин придавал решающее значение географическому фактору и классифицировал сборы по основным промышленным районам страны.

³ «Вопросы истории КПСС», 1970, № 1, стр. 69.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 438.

Задачей данной статьи является изучение групповых рабочих сборов на «Правду» с точки зрения распределения их по различным районам страны⁵.

Денежные отчеты представляют собой богатейший источник, в котором лаконично показана политическая активность тех или иных отрядов рабочего класса. На основании отчетов можно выделить и отдельные социальные группы рабочих. Вычленив вопрос о географическом распределении рабочих сборов, можно проследить за проблемой взаимодействия центра и окраин и выявить, в каких районах большевистское влияние было большим.

Следуя методике Ленина и используя те же источники, мы делаем попытку несколько расширить картину и дать порайонное освещение сборов за весь 1912 год. Нами использованы постоянно печатавшиеся в газетах различных политических направлений отчеты о денежных поступлениях групп рабочих на свою печать⁶. Они периодически публиковались в специальных рубриках газет по мере поступления средств. В отчетах попеременно сообщались данные о единичных и о коллективных сборах как среди рабочих, так и среди населения других категорий. Мы сосредоточиваем внимание, главным образом, на групповых рабочих сборах⁷.

За один коллективный рабочий сбор Ленин принимал каждое сообщение «Звезды», «Невской звезды» и «Правды», в которых было указано, что оно поступило от двух-трех человек. В его поле зрения были не только фабрично-заводские рабочие, но также мелкие служащие, официанты, приказчики и пр.

В статье учтены сборы рабочих групп абсолютно всех предприятий России. Фиксировались денежные взносы каждого завода, фабрики, мастерской, даже отдельных цехов, отмечалось и количество рабочих, принимавших участие в сборе (к сожалению, далеко не всегда), указывалась и сумма пожертвований.

Особенность работы над вышеуказанными источниками состоит в том, что порой довольно сложно было собрать необходимые сведения. В отчетах часто указывалось или предприятие, или только населенный пункт. Для уточнений и всевозможных дополнений приходилось привлекать справочный материал⁸.

Вышеуказанные издания дали возможность в одних случаях уточнять профессии, в других — выяснять район, а также, что особенно ценно, устанавливать количество работающих на предприятии рабочих⁹.

Собранные сведения о групповых рабочих сборах приводятся по всей России, выделяются крупные районы и населенные пункты, встречаю-

⁵ О групповых рабочих сборах по отдельным профессиям см.: *Н. А. Курашова, С. А. Лившиц. Групповые сборы на «Правду» рабочих металлистов России в 1912—1914 гг.* — «Большевистская печать и рабочий класс России в годы нового революционного подъема 1910—1914 гг.», М., 1965; *они же. Групповые денежные сборы рабочих на «Правду» и газеты других политических направлений (1912—1914 гг.)*. — «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония», М., 1970.

⁶ Изучены все отчеты с начала 1912 г., печатавшиеся в большевистской «Звезде» (выходила с 16 (29) декабря 1910 г. по 22 апреля (5 мая) 1912 г.), «Невской звезде» (26 февраля (10 марта) по 5 (18) октября 1912 г.) и «Правде» (22 апреля (5 мая) 1912 г. по конец года); в меньшевистских «Живом деле» (с 20 января (2 февраля) по 28 апреля (11 мая) 1912 г.); «Невском голосе» (с 20 мая (2 июня) по 31 августа (13 сентября) 1912 г.) и «Луче» (с 16 (29) декабря по 5 (18) декабря 1912 г.).

⁷ Любопытно встречающиеся в отчетах также и сборы учащихся, ссыльно-поселенцев, крестьян и др. Они нами также учтены при обработке отчетов, но представляют собой уже особый предмет исследования.

⁸ «Список фабрик и заводов Российской империи». Под ред. В. Е. Варзара. СПб., 1912; *Л. К. Езиоранский. Фабрично-заводские предприятия Российской империи*. СПб., 1909; «Список фабрик и заводов Европейской России». СПб., 1903; «Адресная книжка горных и горнозаводских фирм Юга России». Харьков, 1904.

⁹ Впоследствии это даст возможность сопоставить количество работающих с числом рабочих, охваченных сборами по фабрикам и заводам, и вывести процент участия рабочих определенных предприятий в групповых рабочих сборах.

щиеся в прессе обоих политических направлений. Сопоставимость данных позволила: выявить районы групповых рабочих сборов; выделить в них города, местечки и отдельные населенные пункты; установить количество групповых рабочих сборов и суммы сборов; подсчитать число рабочих групп; собрать сведения о всех профессиях, принимавших участие в рабочей печати; уточнить предприятия страны, где производились групповые рабочие сборы.

Часть сведений и послужила материалом для воссоздания географии групповых рабочих сборов на «Правду» и газеты ликвидаторов в 1912 г. по всей России ¹⁰ (табл. 2).

Т а б л и ц а 2 *

Район	На большевистские газеты		На ликвидаторские газеты	
	число групповых рабочих сборов	число групп	число групповых рабочих сборов	число групп
Петербург и окрестности	456	373	47	24
Юг	56	51	9	8
Область Войска Донского	5	5	—	—
Москва и район, а также Централь- но-промышленный и Центрально-зем- ледельческий районы	23 14	21 9	9	9
Запад	13	13	4	3
Север	10	10	1	1
Кавказ	12	11	4	3
Урал	6	6	1	1
Поволжье	9	6	2	2
Сибирь	4	4	1	1
Финляндия	1	1	—	—
Польша	5	3	1	1
Прочие	6	6	10	4
<i>Итого</i>	<i>620</i>	<i>519</i>	<i>89</i>	<i>57</i>

* Данная таблица и все последующие составлены на основе подсчетов, сделанных автором по денежным отчетам о групповых рабочих сборах.

Итак, чем более политически развиты рабочие, тем выше их сознательность и активность, тем больше в районах правдивых групп. Это особенно видно на примере промышленного Петербурга (456 сборов и 373 рабочие группы).

Наблюдается полное совпадение данных вышеприведенной таблицы с итоговыми ленинскими подсчетами по всему 1912 г. (у В. И. Ленина выявлено 620 групповых рабочих сборов на большевистские газеты, у нас тоже — 620; у В. И. Ленина на ликвидаторские газеты указано 89 сборов ¹¹; у нас — та же цифра).

На втором месте после столицы стоял молодой промышленный Юг. Каким образом распределялись сборы по отдельным местностям юга России, видно из табл. 3.

На Юге на большевистскую прессу по сравнению с ликвидаторскими газетами было сделано сборов больше в 6 с лишним раз. Выделяются

¹⁰ Денежные отчеты на ликвидаторские газеты были не так велики и в основном представляли сводку данных о пожертвованиях отдельных или так называемых «инициативных групп» (часто заграничных). Гораздо реже встречались сведения о местных рабочих группах.

¹¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 100.

Т а б л и ц а 3*

Населенные пункты	На больше- вистские газеты	На ликвида- торские газеты	Населенные пункты	На больше- вистские газеты	На ликвида- торские газеты
Ананьев, Одесской губ.	2	—	Мелитополь, Таврической губ.	1	—
ст. Алчевская, Екатеринослав- ской губ.	—	1	Нижне-Днепровск	1	—
Бахмут (Донбасс)	—	1	Николаев, Николаевской губ.	1	—
Винница, Подольской губ.	1	—	Павлоград, Екатеринослав- ской губ.	2	—
Екатеринослав и губерния	12	—	Полтава, Полтавской губ.	1	—
Елисаветград, Херсонской губ.	2	—	Ростов-на-Дону	1	3
Киев и губерния	11	—	Феодосия, Таврической губ.	1	—
Кадиевка (Донбасс)	—	1	Харьков, Харьковской губ.	5	—
Пос. Крюков (на Днепре)	—	1	Херсон, Херсонской губ.	1	—
Лозовая-Павловка, Екате- ринославской губ.	—	2	Чернигов, Черниговской губ.	1	—
Мариуполь, Екатеринослав- ской губ.	4	—	Юзовка (Донбасс)	9	—
			<i>Итого</i>	<i>56</i>	<i>9</i>

* Учтены губернии: Екатеринославская, Киевская, Одесская, Волынская, Подольская, Полтавская, Харьковская, Черниговская, Таврическая, Херсонская, Вессарабская.

Т а б л и ц а 4*

Населенные пункты	На больше- вистские газеты	На ликвида- торские газеты
<i>Москва и район</i>		
Москва	20	7
Мытищи, Московской губ.	1	—
Село Спасс-Сетунь, Московской губ.	1	—
<i>Центрально-промышленный район</i>		
Село Родники, Костромской губ.	4	—
Вышний Волочек, Тверской губ.	—	1
Село Кохма, Владимирской губ.	3	—
Рязань, Рязанской губ.	1	—
Тула, Тульской губ.	2	1
<i>Центрально-земледельческий район</i>		
Брянск, Орловской губ.	2	—
Белгород, Курской губ.	1	—
Село Дятьково, Орловской губ.	1	—
Слобода Петровка, Воронежской губ.	1	—
<i>Всего</i>	<i>37</i>	<i>9</i>

* Учтены следующие губернии Центрально-промышленного района: Влади-
мирская, Калужская, Костромская, Нижегородская, Тверская, Тульская,
Ярославская; Центрально-земледельческого: Воронежская, Курская, Рязан-
ская, Орловская, Тамбовская.

такие крупные города, как Екатеринослав и Киев, где рабочие были более политически зрелыми и активными. Довольно много сборов производилось и в промышленном Донбассе. Взносы у ликвидаторов здесь были незначительными по количеству и производились только в 6 населенных пунктах. На большевистскую же печать они проходили в 17 населенных пунктах.

А вот как выглядела картина сборов в Центрально-промышленном и Центрально-земледельческом районах России (табл. 4).

Хотя на Москву и приходилось 20 групповых рабочих сборов на «Правду», все же она резко отставала от других районов. Объяснение этому факту дает В. И. Ленин в своей статье «Итоги полугодовой работы». Он приводит следующие аргументы: а) преобладание в Москве текстильной промышленности, где конъюнктура, т. е. условия рынка и большого или меньшего оживления производства, была хуже, чем в металлургии. Отсюда — меньшая политическая активность текстильщиков; б) в Московском районе было больше фабрик, разбросанных по глухим местечкам, куда газете труднее проникнуть¹².

В. И. Ленин выделяет 49 городов и местечек, сделавших 92 групповых рабочих сбора за январь — июнь 1912 г. Он приводит их полный перечень (кроме Петербурга).

Окрестности Петербурга: Кронштадт, Колпино, Сестрорецк. *Юг:* Харьков — 4 групповых сбора; Екатеринослав — 8; Ананьев — 2; Луганск — 3; Херсон, Ростов-на-Дону, Павлоград, Полтава, Киев — 12; Астрахань — 4; Чернигов, Юзовка — 3; Минаково, Щербин. рудник, Рыковский рудник, Белгород, Елисаветград, Екатеринодар, Мариуполь — 2; Нижне-Днепровск, Нахичевань. *Московский район:* Родники — 2, Рязань, Тула — 2, Бежецк — 2, *Север:* Архангельск — 5, Вологда. *Запад:* Двинск, Вильна, Гомель, Рига, Либава, Мюльграбен. *Урал:* Пермь, Кыштым, Миньяр, Оренбург. *Поволжье:* Сормово, с. Балаково. *Кавказ:* Баку — 2, Грозный, Тифлис. *Сибирь:* Тюмень и Благовещенск. *Финляндия:* Гельсингфорс¹³. В. И. Ленин указывает только 5 мест, где за первую половину года производились сборы среди рабочих на меньшевистскую прессу: Петербург, Москва, Архангельск, Нахичевань, Новониколаевск.

Результаты нашего изучения взносов за весь 1912 г. дают возможность назвать еще 25 городов и местечек, участвовавших в сборах на «Правду» дополнительно к тем 50, которые указываются Лениным по первой половине года. Это следующие местности.

Юг: Винница, Подольской губ.; Николаев, Херсонской губ., Феодосия и Мелитополь, Таврической губ. *Московский район:* Мытищи и с. Спасс-Сетунь, Московской губ.; с. Кохма, Владимирской губ.; сл. Петровка, Воронежской губ.; с. Дятково, Орловской губ. *Область Войска Донского:* Армавир и Новочеркасск, Донской обл. *Запад:* Вязьма, Смоленской губ.; Белосток, Гродненской губ.; Добруш, Могилевской губ. *Урал:* Алапаевск, Пермской губ.; Ижевск, Вятской губ. *Поволжье:* Саратов, Саратовской губ. *Кавказ:* Батум, Кутаисской губ. *Сибирь:* Красноярск, Енисейской губ. Кроме того: Усть-Кульма, Маймаксинск, Кузнецк, Белая Калитва, Каливны, с. Курово.

На ликвидаторскую печать к 5 пунктам, указанным Лениным, добавляются еще 16: *Центрально-промышленный и Центрально-земледельческий районы:* Вышний Волочек, Тверской губ.; Тула, Тульской губ.; *Юг:* Кременчуг, Полтавской губ.; Лозовая-Павловка и Бахмут, Екатеринославской губ.; Алчевская, Кадиевка. *Кавказ и Область Войска Донского:* Новороссийск, Черноморской губ.; Ростов-на-Дону, Донской обл. *Запад:* Двинск, Витебской губ.; Рига, Лифляндской губ. *Поволжье:* Астрахань, Астраханской губ.; с. Богородское, Нижегородской губ.; *Урал:* Кунгур, Пермской губ. *Польша:* Варшава. Были сборы и на ст. Пологи.

¹² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 433—434.

¹³ См. там же, стр. 432.

Таким образом, за весь 1912 г. на большевистскую прессу было охвачено сборами 75 городов и населенных пунктов и всего 21 — на ликвидаторскую.

Анализ подсчетов групповых рабочих сборов ярко иллюстрирует, что за «Правдой» шла наиболее сознательная часть пролетариата, которую поддерживали широкие круги рабочих России. Рабочие сборы преобладали в Петербурге, где в авангарде был передовой отряд рабочего класса России — металлисты. Концентрируясь на крупнейших ведущих фабриках и заводах столицы, они задавали тон другим профессиям. Здесь на «Правду» по сравнению с печатью ликвидаторов в 10 раз больше производилось сборов и в 15 с лишним раз больше организовывалось для сборов рабочих групп. Рабочие Петербурга образовали 373 рабочих группы, что составило более 70% от всех рабочих групп страны.

Подсчеты, произведенные за 1912 г., проливают свет и на роль «Правды» в борьбе за единство партии. В деятельности местных большевистских организаций большое внимание уделялось различным формам работы по оказанию помощи «Правде», в том числе и групповым рабочим сборам. ЦК РСДРП неоднократно указывал партийным организациям, что денежные сборы на «Правду» «являются членскими взносами на партию»¹⁴, т. е. это являлось уставной обязанностью членов партии. Наблюдается и обратная зависимость: по организации помощи «Правде» со стороны партийных организаций можно судить и о состоянии самих партийных организаций. До нас дошли далеко не все документальные материалы периода революционного подполья, характеризующие численность большевистских организаций. Автор сделал попытку не только подсчитать по районам число групповых рабочих сборов, но и выяснить количество постоянно действовавших рабочих групп, что даст возможность установить приблизительную численность большевистских организаций и их активность¹⁵.

На необходимость проведения подобной работы указывал В. И. Ленин. Он писал: «В России открытой, легальной партии нет. Организации партии нелегальны, тайны, «подпольны», как у нас говорят. Но *косвенным* — и притом безошибочным — указанием на состояние этих организаций служит *число денежных взносов от рабочих групп*»¹⁶.

Работа вокруг «Правды» увеличивала партийные кадры; подымала их специализацию, развивала их организаторские способности», — писал М. И. Калинин¹⁷. Часто из групп рабочих, проводивших сборы на «Правду», возникали новые партийные организации.

Большую роль в упрочении массовой пролетарской партии сыграло то обстоятельство, что к деятельности нелегальных организаций присоединялась всесторонняя легальная марксистская пропаганда газеты «Правда». Правдистская печать служила Ленину своеобразным ориентиром в определении удельного веса партии в среде рабочего класса России, а сама «Правда» являлась центром объединения и укрепления партийных организаций.

В агентурных сведениях неоднократно отмечалось, что регулярные денежные сборы передовых рабочих часто не только успешно перекрывали убытки от штрафов и конфискаций, но и позволяли часть собранных средств выделять на нужды нелегальных партийных организаций.

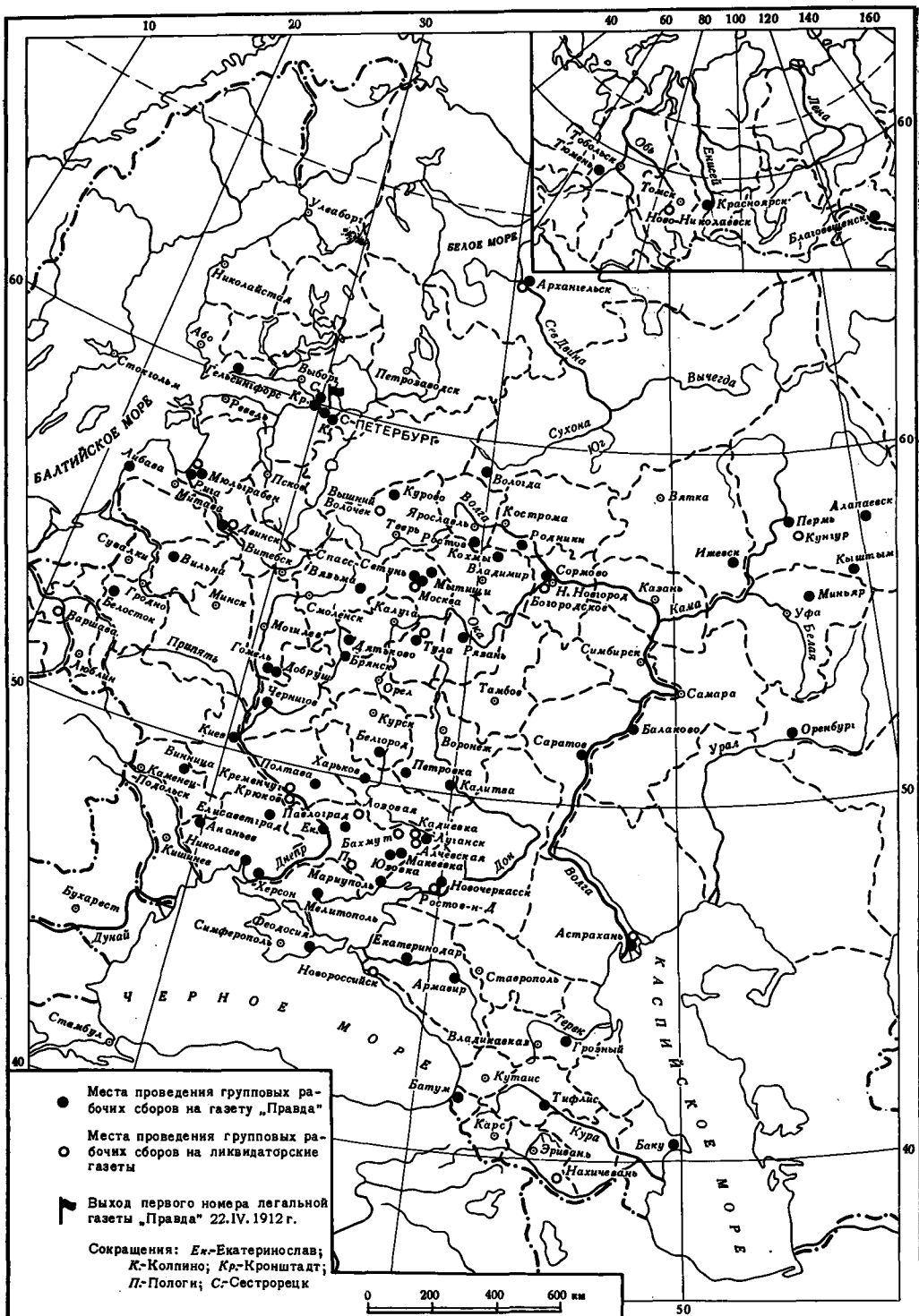
В декабре 1912 г. начальник петербургской охраны сообщал: «Петербургский комитет группируется около редакции газеты «Правда», являющейся руководящим органом ленинцев. Помещение «Правды» служит

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 53.

¹⁵ Автором продолжается эта работа, ведутся подсчеты групповых рабочих сборов за 1913—1914 гг. по большевистской и ликвидаторской прессе.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 372.

¹⁷ М. И. Калинин. Печать в руках большевиков — могучая сила. М., 1938, стр. 8.

География групповых рабочих сборов на газету «Правда» в 1912 г.

штаб-квартирой Петербургского комитета, и в ней получают явки и все необходимые указания»¹⁸.

Повседневное руководство В. И. Лениным газетой, постоянная связь с местными большевистскими организациями превращали «Правду» в штаб всей партийной работы в стране. В помещении редакции «Правды» на Ивановской улице часто устраивались совещания партийных работников, большевики заходили сюда за адресами. До тех пор пока не был восстановлен Петербургский комитет (лето — осень 1912 г.), сотрудники редакции «Правды» практически являлись руководящим коллективом Петербургской организации РСДРП.

Исследуя денежные поступления на печать, поражаешься той энергии, которую проявляли передовые рабочие России. Взносы поступали от рабочих всех специальностей: металлистов и печатников, железнодорожников и шахтеров, булочников, деревообделочников, ткачей и пр. Вся страна участвовала в сборах средств на «Правду». Они производились в Петербурге, Москве, на Юге, в Сибири, на Севере и в других районах. Часто рабочие нескольких предприятий в одном городе делали коллективный сбор. Взносы сопровождались потоком приветствий и резолюций рабочих, в которых выражалась их воля. Подъем масс свидетельствовал о том, что это был не стихийный процесс, а результат титанической работы партии, плод размышлений и обсуждений в рабочей среде насущных политических проблем.

Анализ групповых рабочих сборов по России на газеты различных политических направлений в 1912 г. дает конкретное представление о силе разных течений в рабочем движении — большевистского и ликвидаторского. Более 600 сборов провели по стране рабочие-большевики и только 89 взносов сделали ликвидаторы, а количество рабочих групп большевиков почти в 10 раз превышало ликвидаторские. Печать меньшевиков-ликвидаторов в основном существовала на средства буржуазии.

Центральный орган большевистской партии — газета «Правда» вела неустанную борьбу за идейное и организационное сплочение пролетариата России. «Правда» стала близкой, родной газетой для каждого сознательного рабочего. Другую газету можно читать, «Правду» же должно читать и поддерживать — таково было мнение, широко распространенное среди рабочих.

¹⁸ «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», ч. 1. Л., 1962, стр. 343.

II. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

К ПРОБЛЕМЕ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVII в.

А. А. Преображенский

При изучении социально-экономического развития России в начале «нового периода» ее истории весьма важно определить уровень общественного разделения труда, являющийся показателем прогресса производства в условиях постепенного перехода натурального хозяйства к товарно-денежному и органического перерастания этого последнего в хозяйство капиталистическое. Отделение промышленного труда от сельскохозяйственного (и, главным образом, земледельческого) составляет ведущее звено этого процесса. Согласно марксистско-ленинской теории, он находит свое выражение в отделении города от деревни, в увеличении численности населения, занимающегося индустриальной деятельностью, в повышении удельного веса его относительно крестьян-земледельцев. Таким образом, на первом плане при исследовании данной темы стоит промышленность, если брать производительные виды труда, а в более широком смысле — промышленно-торговая специализация населения. Увеличение числа отдельных и самостоятельных отраслей промышленности, отделение обрабатывающей промышленности от добывающей, каждая из которых подразделяется на виды и подвиды, — все это должно приниматься во внимание исследователем и найти конкретно-историческое отображение. «Тенденция этого развития, — отмечал В. И. Ленин, — состоит в том, чтобы превратить в особую отрасль промышленности производство не только каждого отдельного продукта, но даже каждой отдельной части продукта; — и не только производство продукта, но даже отдельные операции по приготовлению продукта к потреблению»¹.

Поэтому определенный интерес для историка представляет вопрос о взаимосвязи различных областей страны в расширении и углублении общественного разделения труда. По уровню хозяйственно-экономического освоения и заселенности старинные районы Европейской России (главным образом, центральные и северные) отличались от присоединенных позже уральских и сибирских территорий.

Обжитые районы страны с их вековой промышленной культурой питали восточные окраины не только потоками переселенцев, но и разнообразными предметами производственно-бытового назначения.

Из года в год доставка через Урал десятков и сотен тысяч аршин различных тканей (отечественных и заграничных), тысяч топоров, ножей и других металлических изделий, огромных партий готовой обуви, одеж-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 21.

ды и прочие факты оживленного торгового оборота на востоке страны, зафиксированные в литературе, заставляют нас обратить внимание на внутренние пружины, приводящие в движение по тысячеверстным путям эти огромные по тем временам товарные массы. Исчисляемый десятками и сотнями наименований ассортимент товаров, поступавших в Верхотурье, Тобольск, Тюмень, Кунгур и другие пункты, достаточно высокая специализация изделий внутри видов, устойчивость номенклатуры — все это бесспорные свидетельства того, что на местах выработки их существует развитое товарное производство. В этом смысле присоединение и заселение Урала и Западной Сибири имело огромное обратное воздействие на старинные области страны, открыв новые рынки сбыта и стимулируя производство на продажу.

Влияние данного фактора, думается, еще не вполне оценено в нашей литературе.

В самом деле, емкость рынка на окраинах и уровень спроса очень тесно связаны с уровнем производства и товарного обращения коренных местностей. На протяжении всего XVII столетия, несмотря на зарождение и небезуспешное развитие местных производительных сил и рыночного предложения, поставки промышленных товаров из центральных, северных и поволжских уездов имели большое, а на первых порах определяющее значение для восточных окраин. Здесь, в частности, проявил себя процесс не только естественно-географического, но и территориального разделения труда.

Еще К. В. Базилевич, изучая данные таможенных книг XVII в., указал на любопытное и распространенное явление «привязки» того или иного вида товара к определенным местностям. Так, «ярославскими» называли зеркала, ножи, замки, пуговицы, попоны, кушаки, рубашки, завесы, киндыки, холсты. Были также ножи усольские, калужские (от себя добавим еще мезенские и «чукрей». — А. П.); ножницы устюжские, крапешинны и ложки деревянные вятского производства; тверские ковши и калужские ковши; ивановское полотно, московские колпаки и т. п.² Обширный материал такого рода обобщен в работах Н. В. Устюгова³. Их автор был прав, указав на разрозненность материалов о ремесле и трудности выявления источников. Поэтому нельзя упускать ни одной возможности, предоставляющей новые факты и наблюдения такого рода.

Данные западносибирских таможен XVII в. также подчеркивают разнообразие видов одноименных промышленных изделий. В частности, очень специализированной вырисовывается продукция текстильщиков Ярославского края. Источники знают несколько сортов ярославских тканей: холсты тонкие, ровные, хрящ; полотно тонкое; выбойку узкую; крапешины.

Дробность профессиональная обнаруживается в изготовлении кожаной обуви. Коты разных фасонов и размеров, рассчитанные также на детипек («малые»), встречаются на рынке с широкой номенклатурой кожаных сапог: «сафьянные», «козловые», «телятинные» — по сырью; прямые, кривые

² К. Базилевич. Таможенные книги как источник экономической истории России. — «Проблемы источниковедения», сб. I. М. — Л., 1933, стр. 118.

³ Н. В. Устюгов. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. — «Исторические записки», т. 34, стр. 166—197; см. его же тексты в «Очерках истории СССР. Период феодализма. XVII век» (М., 1955, стр. 57—87) и в «Истории Москвы» (т. I. М., 1952, стр. 366—394). О постоянном внимании ученого к этой проблеме свидетельствует и недавно опубликованный материал его спецкурсов для студентов МГИИИ (Н. В. Устюгов. Научное наследие. М., 1974). См. также А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Итоги изучения начального этапа складывания всероссийского рынка (XVII в.). — «Вопросы истории», 1961, № 4, стр. 85—90; Л. Л. Муравьева. Деревенская промышленность Центральной России второй половины XVII в. М., 1971, стр. 103—180; М. Я. Волков. Ремесленное и мелкотоварное производство юфты в России во второй половине XVI — первой половине XVII в. — «Исторические записки», т. 92, стр. 229—236, 248.

и полукривые — в зависимости от фасона. Были даже сапоги «поповские»⁴. Неводные «дели» встречались также разные. Кроме отличий по местам производства, что вместе с тем обозначало и какие-то особенности изготовления, «дели» бывали «короткие», «средние», «двоесучные», «троесучные»⁵. Даже медные колокольчики, ввозимые в Сибирь «чрезкаменным» путем, различались между собой: были «кутазы», «средние» и «малые», «ширкунцы» и пр.⁶ Разнообразен ассортимент и зеркал: «в книжках», «с поталью», «складные»⁷.

Одним из самых впечатляющих свидетельств как далеко зашел процесс общественного разделения труда, так и дифференциации производства однородной продукции служит широкий ввоз на Урал и в Западную Сибирь полуфабрикатов. Среди них встречаются части кожаной обуви (переды, подошвы), конской сбруи («клепцы», хомутины, гужи), материал снастей рыболовных и звероловных («дели» неводные в сажених — «заозерские», «белозерки» и др.; «прядено» в мотах, именуемых «пинежскими», «мезенскими», реже «важскими»), детали ткацких станков (берды), оторочки шапочные, покроми и т. д. В то же время подетальная специализация товаров предполагает, вне всякого сомнения, зависимость производителей от скупщиков. Но эта зависимость нередко уже перерастает рамки чисто торгового общения, затрагивая сам производственный процесс. Здесь налицо более высокая стадия проникновения торгового капитала в сферу производства, чем при скупке вполне готового продукта труда. Поэтому очень опасно без специального анализа каждого конкретного проявления связи торгового капитала с непосредственными производителями причислять его к безусловно реакционным явлениям, всегда и всюду задерживавшим истинно буржуазное развитие. В подобных случаях движение торгового капитала в немалой мере утрачивает свою самостоятельность, скупщические операции готовят рабочих для будущих мануфактур, способствуют углублению и закреплению общественного разделения труда, внесением конкуренции постепенно разрушают патриархальные устои крестьянского хозяйства. Разумеется, это не исключает кабально-ростовщического начала в отношениях между скупщиком и непосредственным производителем, без чего торговый капитал не в состоянии существовать.

Вопрос о городах Урала и Западной Сибири в XVII в. сам по себе очень широк и вполне заслуживает особого исследования⁸. В данной работе мы его касаемся только применительно к задаче изучения проблемы общественного разделения труда — т. е. в самом общем плане. Поэтому для нас достаточно констатировать несколько моментов, определивших становление и возрастание роли городских центров этих краев. Проведенные изыскания дают наглядное представление о горообразовательных процессах на восточных окраинах. Как бы ни отличались эти процессы от аналогичных явлений в старинных, ранее освоенных русских областях, общим остается одно: молодые города Урала и Западной Сибири растут, превращаются в средоточия торгово-ремесленного населения, т. е. становятся городами в социально-экономическом понимании этого слова.

Как известно, продвижение русских в Сибирь осуществлялось из Приуралья, где к исходу XVI в. уже существовали такие значительные города, как Чердынь и Соль Камская. Наибольшего развития достигла в следующем столетии Соль Камская, что убедительно показано в исследова-

⁴ См., например, ЦГАДА, Сибирский приказ (далее СП), кн. 142 (данные Обдорской и Кыртасской таможен за 1641 г.).

⁵ ЦГАДА, СП, кн. 66, лл. 353 об., 356 и др.

⁶ ЦГАДА, СП, оп. 5, д. 32, л. 28—28 об.

⁷ ЦГАДА, СП, кн. 66.

⁸ С удовлетворением следует отметить повышение интереса к этой теме, о чем говорят сборники статей: «Города феодальной России». М., 1966; «Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период)». Новосибирск, 1974 (стр. 4—5, краткая библиография).

ниях Н. В. Устюгова⁹. Выразительную картину промышленного и торгового роста Тобольска в XVII в. нарисовал О. Н. Вилков, продолжающий разрабатывать эту тему¹⁰.

Наряду с городами, которые были или стали административными центрами уездов, выдвигались пункты, не игравшие значительной роли в делах государственного управления, но имевшие торгово-ремесленное население. При составлении раздельной записи между тремя братьями Строгановыми — Андреем, Петром и Иваном — в 1629 г. перечислялись доставшиеся каждому крестьяне, проживавшие в Орле-городке и Новом Усолье. Среди крестьян отмечены специалисты разных ремесленных профессий. Кроме варничных поваров, пренников и кузнецов тут были плотники, сапожники, сыромятники, рыболовы, портные, кирпичники, серебряники, ведерники, рудомет, смольники. Братья старались, чтобы каждому на долю достались крестьяне-ремесленники. Больше всего было плотников (порядка 10 человек)¹¹. Эти люди крестьянами были больше по названию. Род их занятий скорее соответствовал посадскому профилю, так же как и сами пункты приближались по характеру к городским центрам.

На первых порах посады Урала и Западной Сибири (особенно последней, города которой, как правило, «моложе») были, естественно, еще слабы, расти им приходилось в очень противоречивых условиях, когда старинные области страны поставкой промышленных изделий на окраины задерживали здесь более ускоренное развитие ремесленного и мелкотоварного производства. Долгое время посады их были маломощными. Даже столь крупный сибирский центр как Тобольск, в начале 40-х годов XVII в. имел «мало больши» 50 посадских людей¹². Но городское население неуклонно росло.

В начале XVIII в. слой посадских людей Чердыни, Соли Камской, Кунгура, Верхотурья, Тюмени, Тобольска был довольно многочисленным, в первых четырех по количеству превышая военнослужилое население в 3—7 раз. Анализ материалов лучше изученных посадов Кунгура и Тобольска показывает разнообразие профессиональной специализации промышленного труда, приближающееся в ряде случаев к развитым центрам других территорий тогдашней России. К исходу второго десятилетия XVIII в. в Тобольске были представители почти 60 профессий, а его торговые связи существовали с 55 российскими городами¹³. Если в середине XVII в. при постройке Кунгура его жителей именовали крестьянами, то в начале XVIII в. тут был значительный посад, являвшийся центром различных отраслей мелкой промышленности с вполне обозначившейся имущественной и социальной градацией населения («первостатейные», беспашотные посадские люди, что «кормятца работою» и др.)¹⁴. В том же направлении шло развитие Тюмени, где со временем население все более переключается на промышленно-торговые занятия. Здесь в начале XVIII в. насчитывалось 44 промышленных профессии¹⁵. Для Томска этого времени указывается в литературе не менее 52 ремесленных специальностей, притом сюда приходили мастера из тех местностей, которые уже славились тогда на Руси (плотники — из Поморья, мыльники —

⁹ Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. М., 1957.

¹⁰ О. Н. Вилков. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М., 1967; *он же*. Тобольский посад в XVII в. — «Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.)». Новосибирск, 1968; *он же*. Социальная структура сибирского города XVII в. — «Известия Сибирского отделения АН СССР», 1970, № 6, серия общественных наук, № 2 и др.

¹¹ ДАИ, т. II, № 56, стр. 94—95.

¹² ЦГАДА, Сп, стлб. 88, л. 511.

¹³ О. Н. Вилков. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в., стр. 72—75, 323.

¹⁴ А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. М., 1956, стр. 204—209.

¹⁵ В. Н. Курилов. Новые данные о промышленном развитии города Тюмени к концу XVII — началу XVIII в. — «Бахрушинские чтения 1971 г.», вып. II. Новосибирск, 1971, стр. 15, 25 и др.

из Костромы, иконописцы — из Суздальского уезда и т. п.)¹⁶. По более «старым» городам Перми Великой число ремесленных специальностей в общей сложности превышало 70¹⁷.

Данные по другому значительному городскому центру — Верхотурью — также говорят о расширении круга ремесленных специальностей. Не считая кузнецов, мельников и засыпок, плотников, портных, сапожников, которых можно встретить в любом посаде, источники позволяют выявить немало других профессий, встречающихся в этом городе. Часть ремесленников была людьми прихожими, другие обосновались в среде посадских достаточно прочно и считались старожилами.

В окладных книгах выдачи жалованья значатся на протяжении XVII в. специалисты-мастера, находившиеся при казенном деле. Но не приходится сомневаться, что они работали также на стороне, будучи мелкими товаропроизводителями. Верхотурский котельник Никита Данилов долго обивал пороги приказной избы, упрашивая власти возместить ему понесенные при ремонте винокуренного оборудования убытки. Материал он добывал сам на рынке. Прохладное отношение властей к расчету с ним (к тому же изрядно запоздалому) говорит не только о неповоротливости администрации. Оно свидетельствует, что в приказной избе знали о сторонних заработках котельника и его жалобу о «разорении» не воспринимали достаточно серьезно. Наследственность профессии, вероятно, была не редкостью. Если в 20-х годах нам встречается «банный кирпичик» Ждан Игнатьев¹⁸, то спустя более 30 лет упоминается «кирпичик» Борис Жданов, без сомнения сын первого¹⁹.

Из челобитной 1677 г. верхотурского «часовщика сынишки» Федоса Максимова узнаем, что он выполнял различные работы: изготовлял новые медные застёжки к церковным книгам, чинил и паял подсвечники, делал «свешные трупки». Заказы он выполнял «своим уголем». Работу (без материала) он оценил так: за каждую застёжку — 2 ден., за ремонт подсвечника — 3 алт. 2 ден., свечные трубки — по 5 алт. штука²⁰. Сам часовщик Максим Клементьев Попов, помимо своей прямой обязанности (о которой он говорил, что «живет в часовщиках многие годы, а водит де часы бесперебойно, днем и ночью»), привлекался для таких же работ, что и его сын, — «паникадила и кадила починивает и книгам застёжки делает»²¹.

Среди прочих казенных ремесленников были бронники²², винокуры²³, бочкари²⁴, часовщики²⁵ и др. Высококвалифицированные мастера своего дела, очутившиеся на восточных окраинах, привлекались для ответственных поручений в связи с потребностями старинных уездов. Так, в 60-х годах в Верхотурье ждали приезда из Устюга посланцев, намеревавшихся смотреть боевые часы, чтобы их взять за образец «величеством и толщиною». Для консультации был «приговорен» из Тюмени «великих государей бронный и всяких дел кузнец» Яков Перфильев²⁶.

На верхотурский посад внедряются пришлые ремесленники, долгое время обретавшиеся тут в качестве промышленных и гулящих людей.

¹⁶ А. А. Люцидарская. Промышленное развитие г. Томска в XVII в. — «Города Сибири», стр. 61—62.

¹⁷ В. А. Оборин. Крестьянское ремесло и промыслы в Перми Великой в XVI—XVII вв. — «Исследования по истории Урала», вып. 1, Пермь, 1970, стр. 13.

¹⁸ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 4, кн. 2, лл. 473—474 об.

¹⁹ Там же, оп. 1, стлб. 144, ч. 2, л. 145; стлб. 12, л. 36.

²⁰ Архив ЛОИИ, Верхотурская воеводская изба, карт. 24, № 2, лл. 175—176.

²¹ Там же, карт. 29, № 15, лл. 8—9.

²² ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 1, стлб. 20, лл. 93—94. К слову сказать, бронником был Сидор Ремезов, однофамилец известного ученого.

²³ Там же, стлб. 144, ч. 2, л. 158.

²⁴ Там же, стлб. 20, л. 78.

²⁵ Там же, стлб. 7, л. 140.

²⁶ Архив ЛОИИ, Верхотурская воеводская изба, карт. 13, № 3, л. 50.

Показательна судьба появившегося в 20-х годах Федора Прянишникова. Он числился несколько лет гулящим человеком, промышляя изготовлением пива, которое варил для казны. В 1628 г. его приняли в посад и обложили оброком. Позже Федор Прянишников занимал ответственную должность кабацкого целовальника, в распоряжении которого находились большие денежные суммы. Среди бобылей и захребетников города в том же году называется родич Федора — Кузьма Прянишников²⁷. Некий Михаил Прянишников наряду с Завьялом Кулаковым поименован в марте 1628 г. жерноковом (специалист по выделке жерновов)²⁸.

Трудно сказать, задержались ли в Верхотурье прибывшие «из Заволочья» промышленные люди — оконичники три брата Федоровых — Терентий, Панкрат и Гаврила. Они приехали на одних саних в конце ноября 1623 г. Поскольку таможня отметила, что «товару у них никакова нет», можно предполагать, что за Урал их привел не торговый интерес, а поиски заработка за счет своего мастерства²⁹. В те же годы продавал деревянные изделия (кадки, ставцы, шайки), надо полагать, своей работы, один ярыжный³⁰. Летом 1628 г. был взыскан оброк с припущих мастеров: 5 плотников, 3 портных и 1 серебряника³¹. Число промышлявших различными ремеслами прихожих людей было несравненно больше, так как источник лишь случайно сохранил упоминание об их профессиях. Подвизался долгое время в Верхотурье, попав в окладные книги, ярыжный Савва с характерным прозвищем Рудомет³².

Распространению навыков речного судостроения способствовали в течение первой половины XVII в. частые присылки по линии казны судовых плотников из поморских уездов для изготовления дощаников на верхотурском плотбище. Затем от этой практики отказались, дощаники стали строить подрядным способом на месте. Такой же порядок утвердился в Тюмени.

От 1700 г. имеется одно из наиболее ранних свидетельств о родоначальнике будущих крупных предпринимателей — Михаиле Походяшине. Его наряду с другими верхотурскими бобылями, которые «торгуют всякими торги», не платя посадского тягла, требовали привлечь к несению повинностей прочие посадские люди Верхотурья³³.

Переpletным делом занимался стрелец Федор Сапожников в 80-х годах XVII в. Он для приказной палаты «переpletал и в кожу оклеивал» книги разных лет, издержав при этом свой материал, за что получил компенсацию (по гривне за книгу объемом полдести и по 2 ден. на клей)³⁴. Продавали свою продукцию смолокуры³⁵. Помимо мясников, совмещавших свои занятия со скупкой скота, на верхотурском посаде была группа специалистов-рыболовов. Уже в 20-х годах документы знают Бессона Рыболова, Семена Рыболова, Кузю Задубу, Василия Кола и др.³⁶ Некоторые из них вели крупное дело, создавая артели рыболовов на паях. Так, Фофан Рыболов в ноябре 1628 г. искал на крестьянах Семейке Мартемьянове и Иване Иванове «за невод дватцати рублей»³⁷. А Бессон Рыболов добился взыскания с Фофана Рыболова «своего паю за невод десяти рублей»³⁸.

²⁷ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 4, кн. 5, л. 58; кн. 8, лл. 19 об.— 20, 132.

²⁸ Там же, оп. 4, кн. 2, л. 242.

²⁹ Там же, л. 116 об.

³⁰ Там же, л. 83.

³¹ Там же, кн. 8, лл. 114—121.

³² Там же, кн. 5, лл. 23—23 об.

³³ Архив ЛОИИ, Верхотурская воеводская изба, карт. 48, № 2, лл. 1—13. Ср. М. М. Громыко. Верхотурские купцы Походяшины. — «Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969)», Новосибирск, 1973.

³⁴ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 1, стлб. 20, л. 141.

³⁵ Там же, оп. 4, кн. 2, л. 242—242 об.; кн. 5, лл. 86 об., 106, 113 об.

³⁶ Там же, кн. 2, лл. 102 об., 106, 141 об., 268; кн. 5, л. 88 об. и др.

³⁷ Там же, кн. 8, л. 83.

³⁸ Там же, л. 86 об.

Разрозненные и неполные данные о промышленной деятельности посадских людей Верхотурья могут быть прокорректированы сведениями сбора чрезвычайных налогов типа десятой и пятнадцатой деньги. Однако сказки верхотурских посадских окладной комиссии пятнадцатой деньги в ноябре 1671 г. сохранились также отрывочно — только о самих окладчиках. Алексей Ляпицын заявил: «шью портное» (промысел на 10 руб.), Иван Оверкиев — «промышляю — делаю кожевенное» (промысел на 6 руб. 50 коп.). Матвей Колосов, стоявший во главе окладной комиссии, сказал за собой «промыслу и всего живота... только на 17 рублей». Лавки, по его словам, он не имел, а промышлял «около базару». Иван Вагин поведал, что у него в городе на площади меж лавок «пристен». «А в торгу и в промыслу и всего живота моего у меня на 15 рублей», — закончил он сказку³⁹.

Совершенно естественной в таких случаях была утайка или преуменьшение истинного состояния дел. Если администрация не доискивалась до каждого облагаемого объекта, то картина могла искажаться в очень больших пределах. Согласно сказкам выборных окладчиков слободы Камышевской, тут с крестьян пятнадцатую деньги «взять не с чего, что де нужны и бедны. А хто сколько и промышляет хмельку в наволоках, и с тово... хмелевого промыслу... в казну платят по вся годы десятую хмелем». В том же духе была выдержана сказка крестьян Пышминской слободы. Белослудские и устьирбитские крестьяне, со своей стороны, сказали, что у них торгов и промыслов нет, облагать некого и вообще «разорены все без остатку, и после татарского разорения (т. е. башкирского восстания 1662—1664 гг.— А. Л.) справиться не можем»⁴⁰. Неизвестно, что сообщили крестьяне других слобод, но приходится сильно сомневаться, что подобная ситуация была столь уж типичной. Следуя этим сказкам, логично было бы предположить отсутствие ремесла и мелкого товарного производства промышленных изделий в деревнях Верхотурского края. Но на самом деле и то и другое существовало, несмотря на трудности привходящего порядка.

В пользу высказанных сомнений есть достаточно веские доводы. От 1685 г. сохранился извет бывшего дьячка Аятской слободы Тимофея Красильникова. Он наябедничал в приказной избе на своих односельчан, оброчных крестьян Никиту и Бажена Шестаковых, а также детей Бажена — Игнатия и Никифора. В прошлые годы и ныне «промышляет он, Микита, с племянники, красильным промыслом воровски, года по 2, по 3 и по 4, и по 5, не платя оброка». «Только он, Микита, и Баженовы дети платят оброк с пашни», — продолжал доносчик. — А Баженов сын Игнатей от писца Льва Поскочина из Аятцкой слободы убежал. А отец его, Бажен, тот красильной промысел потаил». Красильников сам занимался этим промыслом и платил с него полтину оброка в год. Вызванный к допросу в судную избу из Аятской слободы Бажен Шестаков сказал в допросе: «Сын де мой Микишка учитца красильному промыслу у брата моего у Иванка Шестакова ж. А краску де я купил на Тюмени полтора фунта». Он утверждал также, что об учебе сына красильному делу докладывал приказному⁴¹. Действия заявителя объяснимы: он хотел если не «утопить» конкурента, то поставить его примерно в равные с собой условия по части уплаты особого промыслового оброка.

Описываемые явления, хотя и в меньшей мере, чем на посадах, получили распространение в деревенских местностях Урала и Западной Сибири. По наблюдениям В. А. Оборина, у крестьян Перми Великой в конце XVI в. отмечается восемь ремесленных специальностей (не считая солеваренных промыслов). В следующем столетии число профессий

³⁹ Там же, оп. 1, стлб. 16, лл. 119—120.

⁴⁰ Там же, лл. 121—123.

⁴¹ Архив ЛОИИ, Верхотурская воеводская изба, карт. 12, № 19, лл. 7—11.

ремесленников уже достигает 30. В итоге за столетие количество деревенских ремесленников тут выросло почти в 6 раз, а число профессий — в 4 раза ⁴².

Сельские местности на восточном склоне Урала располагали десятками кузниц и мельниц; были среди крестьян шерстобиты, сукновалы, красильники, смольники, кадочники, ведерники и другие мастера, не говоря о судовых плотниках, которых с головой загружал заказами торгово-промышленный люд. В Тагильской, Арамашевской и Мурзинской слободах работали жерноковы ⁴³. Прозвища крестьян — Кожевник, Мыльник, Овчинник говорят сами за себя ⁴⁴, равно как у посадских — Котовщик, Кирпищик и т. д. ⁴⁵ Крестьяне скитались по уездам Западной Сибири в качестве портных: «где найдут шитье — тут и шили» ⁴⁶.

Встречались и более редкие для сельских местностей профессии. В августе 1690 г. из Шадринской слободы затребовали серебряника в Тобольск ⁴⁷. Крестьяне ростесские, кырьинские и косьвенские успешно занимались различными промыслами. Когда им понадобилось в 1667 г. выбрать таможенного целовальника на заставу, они остановили свой выбор на Максиме Яковлеве. В документе говорилось, что выбрали «ростесского крестьянина промышленного человека» ⁴⁸.

Встречающиеся описания имущества крестьян (по случаю кражи, пожара и т. д.) включают данные о наличии в его составе готовых или полуготовых изделий домашней промышленности и мелкого товарного производства. Правда, здесь есть опасность принять за производителя торговца теми или иными предметами. Приведем следующий неинтересный случай. Жена ирбитского крестьянина Андрея Суфрина в октябре 1649 г. пожаловалась, что ее обокрали воры и похитили из клетки овчин «деланных» — 20 штук, «неделанных» — 10 штук, сукна белого «нетоптанного» — 11 аршин, холста — 7 аршин, «бредена шерстяного черного да серого» — 100 пасм, поршней смоляных — 4 штуки, а также косы, серпы, ральники, топор, коты, две кринки масла коровьего, 3 бруска мыла «слапково», безмен воска и в довершение всего 10 руб. денег ⁴⁹. Вряд ли можно сомневаться, что перед нами хозяйство, связанное с рынком, а не просто натурально-потребительское. Шадринский крестьянин Иван Кузьмин в мае 1694 г. извещал в судной избе о хищении из клетки «на светлой недели» 4 овчин больших «деланных», 2 портиц шерсти, 7 аршин холста тонкого ⁵⁰. Причастность Кузьмина к производству названных изделий менее проблематична, чем в предыдущем случае. Почти не подлежит сомнению, что выработка холста производилась в хозяйстве шадринского крестьянина Михаила Осипова Гладких. Его жалоба состояла в том, что «с ослища» украли 36 аршин «холсту волокненово летново» ⁵¹.

Расходные книги Невьянского Богоявленского монастыря рубежа XVII—XVIII вв. имеют записи о передаче сырья сельским ремесленникам для изготовления различных изделий. Одна запись гласит: «Ткано 88 аршин сукна сермяжного, а за работу дано 14 алт. 4 д.». «От дела» трех кож было заплачено 12 алт., «от битья шерсти и от дела трех потников» — 6 алт. ⁵². Денежные расчеты здесь показательны. В Тоболь-

⁴² В. А. Оборин. Крестьянское ремесло и промыслы в Перми Великой в XVI—XVII вв., стр. 13, 21.

⁴³ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 1, стлб. 14, лл. 90—96; Пермский областной краеведческий музей (далее — ПОКМ), Коллекция 11 101, № 134.

⁴⁴ ПОКМ, Коллекция 11 101, № 16, 18.

⁴⁵ Архив ЛОИИ, Верхотурская воеводская изба, карт. 9, № 6, л. 39.

⁴⁶ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 1, стлб. 144, ч. 3, л. 380.

⁴⁷ ПОКМ, Коллекция 11 101, № 58.

⁴⁸ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 1, стлб. 146, ч. 1, л. 205.

⁴⁹ Архив ЛОИИ, Верхотурская воеводская изба, карт. 4, № 69, л. 20.

⁵⁰ ПОКМ, Коллекция 11 101, № 30.

⁵¹ Там же, № 18.

⁵² ЦГАДА, СП, кн. 853, лл. 166, 169.

ском и Тюменском уездах производство сермяжного сукна и холста уже в XVII столетии приобрело товарный характер⁵³.

Наиболее искусные сельские ремесленники привлекались администрацией для выполнения важных казенных заказов. В феврале 1678 г. из Верхотурья поступило указание приказчику Невьянской слободы о наряде на изготовление мельничных жерновов для казенной мельницы. Работу поручили местным жерноковам Петру Колугину «з братьями и з детьми и с племянники». Здесь, видимо, действовала целая семейная кооперация, учитывая трудоемкость работы. Задание состояло в том, чтобы сделать на новую казенную мельницу «двои жернова добрые, мерою по 5 чети, в толщину в пол-аршина». Власти хотели понудить жерноковок работать без особой платы, глубокомысленно и с намеком указав на то, что «жерноковы... папуг на себя папню, и с той папши... выдельного хлеба и никаких податей не платят». Бесплатная и трудная работа, конечно, не улыбалась Колугиным. Да и время было не вполне подходящим. Последним они и аргументировали свой отказ: «что де им зимнею порою жернов делать никакими мерами нельзя, потому что де камень в земли замерзало, а и делать де им жернов на три мельницы не в силу»⁵⁴.

Но есть факты иного свойства, когда начальство переоценивало возможности сельских мастеров. Моисей Горбунов, оброчный крестьянин Красноярской слободы, в сентябре 1694 г. бил челом, что ему год назад приказано быть там «в бронниках». «А я, — жаловался Горбунов, — ...бронного дела ковать не умею и бранных всяких снастей у меня...нет. А кую я... только косы и ножи, а иного ничего ковать не умею». Его просьба состояла в том, чтобы освободили из бронников и позволили вернуться к прежним занятиям — «ковать мне... всякое мелкое кузло, косы и ножи, и с того кузла платить в...казну оброку по пяти алтын на год». Власти рассудили, что «в бронниках ему не велеть быть для неумения ево, а кузнечное ковать ему в той же слободе». Однако, воспользовавшись случаем, Горбунову накинули оброк с кузницы, обязав его платить по 2 гривны в год⁵⁵. Справедливости ради надо сказать, что переоценка возможностей допускалась властями также по отношению и к посадским ремесленникам. В Москву, в Оружейную палату были вызваны чердынские кузнецы числом 10 человек — Михаил Шиловых «с товарищи». Там они подали челобитье, где доказывали, что «мы... ружейново дела не делывали и делать опроче крестьянской черной работы ничево не умею». Дьяк Никита Зажарский 30 января 1679 г. удовлетворил это ходатайство. Кузнецы были «в Пермь Великую отпущены для того, что они замочного дела не делают»⁵⁶.

Артельный принцип работы практиковали странствующие строительные рабочие, портные, рыболовы и т. д. Впрочем, выше отмечалось, что этот принцип действовал и среди постоянных жителей из числа занимавшихся ремеслом. Вероятно, какой-то значительный и трудоемкий заказ объединил усилия кузнецов Сергея Амосова и Богдана Ефимьева. В марте 1624 г. Амосов предъявил иск невянскому кузнецу Ефимьеву на сумму 7 руб. 50 коп. «за работу да за пуд меди, что ковали на складе с тем Богдашком». Совместная работа, однако, привела к ссоре,

⁵³ А. А. Кондрашенков. Крестьяне Зауралья в XVII—XVIII веках, ч. II. Челябинск, 1969, стр. 143.

⁵⁴ Архив ЛОИИ, Верхотурская воеводская изба, карт. 25, № 7, лл. 12—13. Жерноков Тагильской слободы за поделку жерновов для туринской казенной мельницы получил денежный «наем» даже вперед (ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 1, стлб. 14, лл. 90, 95—96). В 1680 г. приказчик Арамашевской слободы имел распоряжение «уговариватца» с местными жерноковами для поделки жерновов на ирбитскую государеву мельницу (ПОКМ, Коллекция 11 101, № 134).

⁵⁵ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 1, стлб. 147, ч. 2, лл. 327—327 об.

⁵⁶ Архив ЛОИИ, Соликамские акты, карт. 3, № 1018, л. 1—1 об.

вследствие чего Амосов добивался уплаты «бесчестья» за брань⁵⁷. О немалой «прожиточности» кузнецов говорит еще одно судебное дело того же года. Ямской охотник Афанасий Ощепков взыскал на кузнеце Степане и на Иване Высоте 143 руб. Одних судебных пошлин ответчики уплатили 14 руб.⁵⁸

Рассмотренные выше явления общественного разделения труда в мелком промышленном производстве города и деревни были характерны не только для Верхотурского, Кунгурского и Тобольского краев. Становление ремесла, перерастание его в работу на рынок имело место также в пределах Тюменского уезда. Наибольшего развития здесь достигли производства по переработке животного сырья (кожевничество и мыловарение)⁵⁹. Но и в других отраслях промышленности наблюдается рост числа ремесленников и мелких товаропроизводителей. По случаю пожара в кузнице посадского человека Елисея Ефимова 8 декабря 1680 г. были взяты показания шести других кузнецов о причинах происшествия. Среди них был и «бронного дела кузнец» Яков Ляпин⁶⁰. Позже, в начале XVIII в., упоминается как тюменский часовщик, видимо, его сын, Василий Ляпин, которого затем взяли в Тобольск и определили бронником⁶¹. Но должность часовщика не осталась вакантной. На нее ударил челом Василий Онаньин, «водивший» часы еще до Ляпина, но отставленный по причине «нутряной болезни». Ныне, поправившись, он вновь пожелал занять свое старое место⁶². Подтверждением наличия квалифицированных мастеров по металлу является скандальное дело о фальшивомонетчиках в Тюмени (1699 г.). К следствию тогда привлекли несколько человек, в том числе посадского Луку Серебренника⁶³.

Здесь кожевники и мыльщики не только использовали местное сырье, но и ездили для покупки кож, сала, дуба и «золы» (поташа) в Тобольск и, должно быть, довольно регулярно. О них запросили справку за 1695—1702 гг. в тобольской таможне, сколько денег они «являли» на приобретение поименованных материалов⁶⁴. Выделяется один подряд тюменского мастера Сергея Каркашева, который обязался в 1694 г. спить 600 пар котов. Подряд он взял у тобольского стрелецкого пятидесятника Ивана Трофимова и должен был работать в Тобольске. Из уговорной платы (3 руб.) он получил аванс 2 руб. 50 коп., но «не доробя» заказа, сбежал в Тюмень. Работодатель взмолился о сыске Каркашева, упомянув еще, что тот снес «10 сколотов подошвенных» и 40 «передов красных». Следовательно, работал он на полуфабрикатах. Организация труда в данном случае напоминает зачаточную стадию рассеянной мануфактуры, что для рубежа XVII—XVIII вв. в области кожевничества выявлено на материалах Кунгурского края и Тобольска⁶⁵.

В Тюмени также был значителен спрос на специалистов плотников для строительства судов. К «судовому делу» поставляли свою продукцию местные смолокуры⁶⁶. Промысловое рыболовство в Тюменском уезде было распространено среди посадских и крестьян. На запад переправлялось большое количество рыбы тюменского улова.

⁵⁷ ЦГАДА, Верхотурская приказная изба, оп. 4, кн. 2, лл. 369 об.— 370.

⁵⁸ Там же, л. 375 об.

⁵⁹ В. Н. Курилов. Указ. соч.

⁶⁰ Архив ЛОИИ, Тюменская воеводская изба, оп. 1, карт. 4, № 657, л. 1. Данный факт позволяет с большой долей вероятности предполагать, что в Тюмени существовала кузнецкая слободка, наподобие тех, которые известны и до сих пор по названиям улиц старинных русских городов (например, в Звенигороде).

⁶¹ Там же, карт. 8, № 1201, л. 1—1 об.

⁶² Там же.

⁶³ Там же, карт. 6, № 1083, лл. 1—33.

⁶⁴ Там же, карт. 7, № 1172, л. 1.

⁶⁵ А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII—начале XVIII в., стр. 177—179; О. Н. Вилков. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в., стр. 35—38.

⁶⁶ Архив ЛОИИ, Тюменская воеводская изба, карт. 6, № 951, л. 1; № 984, л. 1.

Естественным следствием изучаемого процесса углубления общественного разделения труда было развитие мелкого товарного производства и своего рода экономического районирования.

В пределах Урала и Западной Сибири на протяжении XVII — начала XVIII в. образуются очаги мелкотоварного производства⁶⁷. Некоторые из них начинают приобретать устойчивую специализацию, сохранившуюся вплоть до начала нашего века.

Соледобыча стала профилирующей отраслью хозяйства Среднего Прикамья, прежде всего, Соликамского уезда и вотчин Строгановых. Как показал Н. В. Устюгов, от мелких долевых владений варницами в конце XVI столетия солеваренное дело переходит затем на более высокую ступень по мере укрупнения промыслов и сосредоточения их в немногих руках предпринимателей-феодалов и торговых людей. Следовательно, эта отрасль промышленности находится за пределами мелкого товарного производства, будучи представлена простой кооперацией на мелких промыслах и ранней мануфактурой — на крупных.

Широкое развитие прикамского солеварения оказало сильное влияние на товаризацию смежных отраслей производства, призванных обеспечить промыслы необходимыми припасами — дровами, металлом и изделиями из него, потребительскими товарами для работников при варницах и т. д. Поэтому в Чердынском и Соликамском уездах были распространены лесные промыслы и различные виды деревообработки. В 1646 г. на территории Чердынского уезда, по Каме и Вишере, проводилась перепись «судовых плотников и дровяных промышленников, как преж сего велось». Выполняя это указание властей, подъячий приказной избы доносил, что кроме плотников и дровопромышленников он переписывает рыбных ловцов и «звериных промышленников»⁶⁸. Почти через 40 лет, в 1685 г. из чердынской приказной избы был послан целовальник Данила Ордин с наказом проверить, как обстоит дело на лесных промыслах. По-видимому, с местных жителей не взыскивалась специальная полевая пошлина, так как в задачу целовальника входило выяснение вопроса, не прикрывается ли кто из иногородних промышленников именами местных крестьян. Запрещалось кому бы то ни было добывать лес без разрешения властей, которое давалось на основе челобитных заинтересованных лиц («подписные челобитные»). С постройки судов брали посаженную пошлину. Ордин должен был следить, чтобы при взимании ее не было обмана казны, для чего следовало самому обмеривать построенные суда⁶⁹. Насколько велики были дровозаготовки для варниц, можно судить по следующему факту: владелец соляных промыслов Василий Соколов и другие солевары послали работников для единовременного сплава 1,5—2 тыс. сажень варничных дров⁷⁰. Потребность всех промыслов в дровах исчислялась примерно в 600 тыс. сажень в год⁷¹.

Определенно выраженный товарный характер имела добыча точильного камня на Печоре. Печорские точила и бруссы славились в то время. Их можно было встретить на многих рынках: Кунгура, Верхотурья, Мангазеи, Красноярска. Партии по тысяче и более бруссов указывают на значительные масштабы скупки, а возможно и производства работ, организуемого состоятельными предпринимателями.

Было бы неверным из-за недостатка соответствующих источников считать, что Чердынский край специализировался преимущественно на

⁶⁷ См. подробнее: А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в., стр. 154—196; О. Н. Вилков. Ремесло и торговля в Западной Сибири в XVII в., стр. 25—80; А. А. Кондрашенков. Крестьяне Зауралья в XVII—XVIII веках, ч. II, стр. 134—169; В. А. Оборин. Крестьянское ремесло и промыслы в Перми Великой в XVI—XVII вв., стр. 11—22.

⁶⁸ Архив ЛОИИ, Соликамские акты, карт. 3, № 781.

⁶⁹ Там же, карт. 5, № 1400.

⁷⁰ Там же, карт. 5, № 1363.

⁷¹ Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке, стр. 256.

деревообработке, добыче камня да еще на охотничье-рыболовных занятиях. Здесь, например, были мастера ювелирного дела. В январе 1679 г. посадский Терентий Степанов обратился к властям с жалобой на другого посадского — Мартына Григорьева Бессонова. Челобитчик заявлял, что Бессонов дал ему запись на два года «из найма» учиться серебряному мастерству. За это Бессонов обязался во всем слушать хозяина и «с серебряным дельным мастерством для продажи в иные города ходить, куды он, Терешка, пошлет». Выручку по возвращении Бессонов должен был сдавать Степанову. Мастер утверждал, что он выучил Бессонова «вовсе» (учеба началась в 1675/76 г.). Однако Бессонов в 1678/79 г. бежал в Кунгур, а оттуда — в Сибирь причем «снес» «животов» на круглую сумму 120 руб.⁷² Дальняя разъездная торговля требовала больших затрат, на что мог пойти только очень состоятельный мастер.

Близ Кунгура сложился к началу XVIII в. обеспечивающий местный и более отдаленные рынки район железоделательного производства. Здесь существовали десятки «мужицких заводов», с которыми повел решительную борьбу В. И. Генин в начале 20-х годов XVIII столетия. К тому же времени относится становление кожевенно-сапожного промысла, снискавшего этому городу известность далеко за пределами собственно России.

Очаг товарного железоделательного производства обозначился на сибирском склоне Уральского хребта. Тут в слободах Невьянской, Аятской, Краснопольской возникло мелкое крестьянское производство железа и изделий из него. Оно географически как бы указало путь крупным заводам позднейшего времени, которые возникли за время царствования Петра I.

Исследование О. Н. Вилкова убедительно свидетельствует о превращении Тобольска в крупный центр кожевничества, для которого существовала необходимая сырьевая база. К числу специализированных пунктов этой отрасли промышленности, как мы видели, с должными основаниями можно отнести Тюмень.

Северные края по обе стороны Уральского хребта были зоной деятельности охотников-промысловиков. Ясачное население участвует в торговле мехами, лосиными кожами и другими продуктами зверобойного промысла. Месяцами живут в Пелыме и Березове скупщики, составляя крупные партии этих товаров. Иногородние торговцы приобретают товары у своих комиссионеров на местах. Эти последние скупают лосиные кожи у охотников. Пелымский стрелец Федор Казанцев 2 марта 1645 г. вместе с другим стрельцом Филиппом Зыковым продал 61 лосиную кожу торговому человеку Любиму Терентьеву. На следующий день тот же Казанцев сбыл еще 40 кож на 97 руб. Оба стрельца также меняли лосины на «русские» товары⁷³. На 54 руб. 5 алт. продал торговцу из Верхотурья Артемию Белкину лосиных кож (26 штук) один пелымец. Алферий Филатов, иногородец-скупщик, приобрел у пашенного крестьянина Табаринской волости Пелымского уезда Алексея Кокшарова 34 лосины по оценке 56 руб. Незадолго перед этим Кокшаров совершил сделку с Артемием Белкиным на 63 руб. 50 коп., объектом которой были 34 лосины. Того же крестьянина встречаем продавцом шкурок белок и «хвостов соболей»⁷⁴. Трудно предполагать в Казанцеве и Кокшарове охотников, добывающих пушнину. Это, безусловно, скупщики, перепродающие товар. В числе его покупателей на пелымском рынке — торговцы разных местностей России. Кирилл Ананьин и Андрей Белкин повезли из Пелыма 106 лосин и 200 белок — всего на сумму 203 руб. Товар повез на трех лошадях верхотурский пашенный крестья-

⁷² Архив ЛОИИ, Соликамские акты, карт. 4, № 1062.

⁷³ ЦГАДА, СП, оп. 5, д. 55, лл. 24 об.—25.

⁷⁴ Там же, лл. 12—12 об., 42, 46.

янин Марк Литовский, взявший «найму» 3 руб. 10 алт.⁷⁵ К Соли Камской поехал с покупными 179 лосинами (309 руб.) торговец этого города Любим Терентьев, а Артемий Филатов отправился со 174 кожами лосиными⁷⁶. Верхотурский торговый человек Борис Зыков покинул Пелым 27 февраля 1645 г. Он уплатил «анбарщины» за 18 недель. За это время им была составлена партия из 216 лосиных кож и немалого числа «мягкой рухляди» (общая оценка — 400 руб.). Перекупной товар в сопровождении хозяина, его «человека» и извозчиков тронулся в путь на восьми подводах. На этот раз нанявшийся для перевозок М. Литовский заработал 10 руб. 23 алт. 2 ден. Зыков, между прочим, платил в таможенную «с мяжкой рухляди за продавцов, которую он пошлину на себя переводил»⁷⁷. Истребление более ценных пород пушного зверя выдвинуло на первый план белку.

Итак, сотни лосин, «волин», тысячи беличьих шкурок, вывозили торговцы из северных районов. Но и здесь обнаруживается интересное явление, говорящее о сильном воздействии старинных местностей страны на новые районы. Несомненно, в уральско-западносибирском крае хорошо знали, например, подбойки для лыж из оленьей кожи (а также обувь из нее) и умели их изготавливать. Но потребности в них за Уралом были столь велики, что данные виды снаряжения в очень больших количествах ввозятся из Европейской России. Редкая партия товаров, доставляемых через Обдорскую заставу, обходится без так называемых «кисов» — иногда сотнями штук в одних руках. Охота на моржей была исконным занятием северных аборигенов, обитавших у «Лукоморья». И вместе с тем русские торговцы переправляют в Сибирь различные изделия из моржовой кожи (например, очень прочные гужи), а также из клыков моржей.

До сих пор мы не касались выделения сельскохозяйственных районов, отличавшихся в значительной мере товарным характером производства. Автор этих строк имел возможность исследовать товарное производство зерна, кож, сала в Кунгурском крае XVII — начала XVIII столетий, равно как и большую роль скупщика в сбыте этой продукции. Слабее чувствуется влияние скупщика в Обвенско-Инвенском поречье, откуда крестьяне порой ездят в Соль Камскую продать несколько четвертей хлеба в начале XVIII в.⁷⁸ Иногородние, в основном, «закупщики» орудут на верхотурском рынке, где за XVII столетие хлеб стал ведущим товаром местного производства. Более преуспели скотопромышленники Западной Сибири, почти совсем оттеснившие рядовых крестьян и посадских от сбыта в городах, тем более отдаленных.

Тобольско-Исетский край по мере его заселения превращается в крупный хлебопроизводящий район, поставляющий продукцию на рынок⁷⁹.

Особую специализацию приобрела Ирбитская слобода, где с 1643 г. официально учреждается ярмарочный торг. Помимо торгового земледелия и животноводства здешние жители активно втягиваются в обслуживание развивающейся торговли. Очень распространенным становится извозный промысел. Вначале он существовал как приработок для ямщиков, гонявших подводы по Бабиновской дороге под служилыми людьми и казенными грузами. С годами извозом начинают заниматься крестьяне и посадские. Обеспечение оживленного торга подводами по сухопутью и гребцами на судах в период навигации требовало многих сотен людей. Их давали не только приплытые гулящие, но и местные жители.

⁷⁵ Там же, лл. 7—7 об.

⁷⁶ Там же, лл. 28—29 об.

⁷⁷ Там же, лл. 19 об.—22.

⁷⁸ ЦГАДА, СП, кн. 1477.

⁷⁹ О. Н. Вилков. Тобольск — центр хлебной торговли Западной Сибири XVII в. — «Русское население Поморья и Сибири. Период феодализма». М., 1973, стр. 180—187.

Итак, общественное разделение труда на восточных окраинах обнаруживается в стадии, которую трудно назвать примитивной. Конечно, нельзя говорить о сколько-нибудь равномерном распространении этого процесса на изучаемых территориях. Однако направление развития уложить можно во всех районах Урала и Западной Сибири. Оно клонилось к постепенному отпочкованию промышленного труда от земледельческого, дифференциации ремесленных специальностей, более тесной связи со сферой обращения. Несмотря на некоторые неблагоприятные факторы, местное промышленное производство выбивается на собственную дорогу. Влияние обжитых районов страны на промышленное развитие окраин было сложным и противоречивым. Кроме распространения туда промышленной культуры, переселения ремесленников, старинные уезды продолжают быть поставщиками разнообразных предметов хозяйственного и бытового назначения на Урал и в Западную Сибирь.

Развитие общественного разделения труда, товаризация производства, возникновение очагов мелкого товарного производства — все эти явления, присущие давно освоенным районам страны в изучаемое время, имеют место также на окраинных территориях. Сюда переносятся не только феодальные отношения, распространяющиеся «вширь», но и те элементы прогресса, которые готовили подрыв феодального способа производства. Уходящего на Урал и в Сибирь крестьянина догоняла царская администрация с ее налогами и вымогательством. Его догонял и торговец-скупщик, подгоняла пока еще неразвитая, но уже чувствительная конкуренция в сфере мелкого товарного производства. Иначе говоря, на окраинах уклад жизни не представлял собой того «волнореза», который оберегал натуральные устои крестьянского хозяйства от напора рыночной стихии, от новых явлений в экономике.

ГОРОДА ТВЕРСКОЙ ПРОВИНЦИИ

в первой четверти XVIII в.

М. Я. Волков

В настоящей статье анализируются данные о положении городов Тверской провинции, численности и занятиях населения, преимущественно — податного, его сословном и социальном составе¹.

Выбор этой группы городов определен главным образом состоянием источников. По каждому из них сохранились сказки первой ревизии и уездные таблицы ревизского учета. Первые содержат сведения о занятиях населения, в основном — посадского, его имущественном и социальном положении, а вторые, т. е. таблицы, — наиболее точные сведения о численности податного населения и его сословном составе². Для выявления изменений в составе населения этих городов и уровне их социально-экономического развития были изучены сохранившиеся переписные книги 1646 и 1678 гг., писцовые книги 1685 г. и переписные книги 1710 г.

Тверская провинция Петербургской губернии была выделена в 1719 г. Она была образована из пяти уездов прежней Тверской земли (один из уездов этой земли — Кашинский — вошел в состав Угличской провинции той же губернии)³.

Все списки городов России первой половины XVIII в. называют в провинции шесть городов. Это были центры уездов: Тверь, Торжок Ржев (Ржева Володимерова), Старица, Зубцов и посад Погорелое городище. В XVII в. он находился в Старицком уезде, а в 20-х годах XVIII в. в податном отношении был приписан к Зубцову. При упоминании этого посада в списке городов 1719 г. добавлено: «уезду нет»⁴.

Из шести городов провинции четыре располагались по берегам Верхней Волги: Ржев, при впадении в Волгу р. Вазузы — Зубцов, затем Старица и при впадении в Волгу р. Тверцы — Тверь. Торжок раскинулся

¹ Исследований о городах Тверского края немного. Из них в настоящей работе использована содержательная статья Х. Д. Сориной, которая написана на основе данных переписной книги Твери 1709 г. (Х. Д. Сорокина. Социально-экономическая история г. Твери в начале XVIII в. — «Ученые записки Калининского пединститута им. М. И. Калинина», т. XIX, вып. 1. Калинин, 1956, стр. 103—123).

² О сказках см. М. Я. Волков. Материалы первой ревизии как источник по истории торговли и промышленности России первой четверти XVIII в. — «Проблемы источниковедения», т. XI. М., 1963, стр. 266—306. Сказки горожан Тверской провинции по содержанию сходны с новгородскими (там же, стр. 274—275, 280—284).

Уездные таблицы обнаружены в переписных книгах населения городов и уездов 40-х годов XVIII в., т. е. в книгах второй ревизии (см. ЦГАДА, ф. Ландратские книги и ревизские сказки (350), оп. 3, кн. 1018, 2500, 2895, 4276, 4279, 4444). Эти таблицы содержат итоги учета населения в годы как первой, так и второй ревизий. Первые, т. е. уточненные итоги учета 20-х годов были даны ревизорам 40-х годов для сопоставления и проверки результатов учета податного населения в годы второй ревизии. В них городское население всех податных сословий отделено от уездного и показана численность тягловцов каждой сословной группы данного города.

³ ПСЗ, т. V, № 3380. Характеристику Тверской земли XVI в., в том числе ее городов и уездов, см.: М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962, стр. 179—200. С оговорками в состав Тверской земли этого времени можно включить еще Бежецкий Верх.

⁴ ПСЗ, т. IV, № 2218; т. V, № 3380; И. Кирилов. Цветущее состояние Всероссийского государства..., кн. II. М., 1831, стр. 108—133; В. М. Кабузан, Н. М. Шенукова. Табель первой ревизии народонаселения России (1718—1727 гг.). — «Исторический архив», 1959, № 3 (здесь опубликована Генеральная табель первой ревизии).

на берегах Тверцы. В XVI—XVIII вв. Верхняя Волга, между Ржевом и Тверью, а также р. Тверца были пригодны для судоходства.

В стороне от этих речных путей, но на гужевой дороге Москва — Ржев находилось лишь Погорелое городище. Правда, и оно разместилось на берегу одного из притоков Верхней Волги, а именно — на берегу речки Держи, при впадении в нее речки Горенки. Но эти речки были непригодны для судоходства даже в XVI в.

Значение перечисленных путей, прежде всего — речных, в экономической жизни страны и, следовательно, для городов Тверского края было неодинаковым в различные периоды.

В конце XVI — первой половине XVII в. они утратили общерусское значение, какое имели прежде. Эта перемена была следствием войн с Польшей и Швецией, упадка Балтийской торговли и перемещения торговли с западноевропейскими купцами в Архангельск. К этому же времени относится и упадок городов Тверского края, который проявился в сокращении численности посадского населения, в переходе части посадских людей к земледельческим занятиям и даже в утрате некоторыми городами значения центров промышленности и торговли⁵.

Оживление экономической жизни в городах Тверского края началось с 60-х годов XVII в. и было связано, во-первых, с укреплением экономических связей с Москвой, Ярославлем, Новгородом и другими городами страны и, во-вторых, с оживлением внешней торговли через Псков и Ниеншанц (Канцы)⁶. Но наиболее существенные перемены произошли в первой четверти XVIII в., что объяснялось в первую очередь завоеванием выхода в Балтийское море и основанием новой столицы России — Петербурга. Петербург нуждался в продовольствии, снаряжении для армии, металле, корабельном лесу, строительных материалах и других товарах. С 1721—1722 гг. новая столица стала основным центром торговли с западноевропейскими купцами.

Заметную роль в торговле с Петербургом стали играть города и уезды Тверской провинции. В район столицы отсюда поступали продукты сельскохозяйственного производства и промышленные товары. Из провинции в Петербург шел и хлеб. В 1724—1726 гг., в среднем за год, было вывезено 24 тыс. четвертей, в том числе из Торжка — около 17,8 тыс., Ржева — 2670, Осташковских слобод — 2187, Твери — 1030 и Старицы — 340 четвертей⁷.

Основной поток грузов в район Петербурга направлялся преимущественно через Тверь. Большая часть грузов прибывала в Тверь с «низу», из городов Верхней, Средней и Нижней Волги, Оки и Камы (хлеб, корабельный лес, металл, юфть и т. д.), а меньшая — из Ржева, Зубцова, села Сычевки на р. Вазузе и Гжатской пристани (хлеб и особенно пенька). От Твери все эти грузы следовали Тверцой, Вышневолоцким каналом, Мстой, Ильмень-озером, Волховом, Ладожским озером и Невой. Часть грузов, особенно из Москвы и Твери, перевозилась гужем. В связи с этим дорога Москва—Петербург, которая проходила через Тверь и Торжок, стала важнейшей гужевой дорогой в стране.

В стороне от этих путей оказалось только Погорелое городище.

⁵ Так, известный г. Микулин после 20-х годов XVII в. не упоминается уже в числе городов, он превратился в село Микулино городище. Посадские дворы Зубцова и Погорелого городища в переписных книгах 1646 г. названы «крестьянскими» и «бобыльскими», а о Погорелом городище также сказано, что на его посаде живут «посадские пашенные люди». Заметную роль земледелие стало играть в Ржеве и Старице (ЦГАДА, Поместный приказ, Переписные книги (ПК) 372, лл. 1—10, 367 об.—368 об.; ПК 457, лл. 1—11 об., 20 об.—22).

⁶ См. «Книги Московской Большой таможни — Новгородская, Астраханская, Малороссийская 1693—1694 гг.» — «Труды Государственного исторического музея», вып. 38. М., 1961 (о городах края — по указателю к Новгородской книге); Е. В. Чистякова. Псковский торг в середине XVII в. — «Исторические записки», т. 34.

⁷ ЦГАДА, Комиссия о коммерции (ф. 397), д. 630, лл. 70 об.—76.

Уяснив положение городов Тверской провинции в XVII — начале XVIII в., перейдем к рассмотрению состояния этих городов в 20-х годах XVIII в.

Итоговые данные уездных табелей показывают, что города провинции очень существенно различались между собой по численности населения (см. табл. 1). Зубцов и Погорелое городище были небольшими городами.

Т а б л и ц а 1

Численность податного населения Тверской провинции
в 20-х годах XVIII в. (м. п.) *

Город	Всего в городе и уезде	Жителей города	Доля жителей города (%)
Тверь	41 104	3257	7,9
Торжок	21 627	2606	12 0
Ржев	46 095	1572	3,4
Старица	14 771	905	6,1
Зубцов	8 184	227	2,8
Погорелое городище	—	253	—
		480	5,9
Итого	131 781	8820	6,7

* ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, кн. 1018, л. 693; кн. 2500, л. 869—869 об.; кн. 2895, л. 4187—4187 об.; кн. 4276, л. 1140; кн. 4279, л. 22; кн. 4444, л. 947—947 об.

Жителей податных сословий насчитывалось в них всего 450—500 человек (принимая количество женщин равным количеству мужчин). В Старице их было примерно 1800, Ржеве — свыше 3,1 тыс., Торжке — примерно 5,2 тыс. и Твери — примерно 6,5 тыс. человек. Последние два пункта по численности податного населения можно отнести к числу крупных городов России начала XVIII в.

Различия между этими городами по количеству жителей были в действительности большими. Это было следствием того, что в Твери, Торжке и Ржеве было намного больше горожан неподатных сословных групп, чем в Зубцове и Погорелом городище (церковнослужители, монахи, приказные служители, ямщики и т. п.)⁸ Кроме того, помимо учтенного населения, в этих городах всегда было много припавших людей, которые в податном отношении числились жителями других городов и уездов.

По сравнению с 1646—1652 и 1678 гг., в 20-х годах XVIII в. численность городского населения здесь заметно увеличилась⁹. Причем численность населения городов росла быстрее, чем сельского, что объяснялось не только естественным приростом¹⁰, но и притоком новых жителей.

Часть людей, переселившихся в города, сразу или со временем зачислялась в податные или неподатные сословные группы горожан. При-

⁸ В Торжке в 1710 г. жителей неподатных групп было учтено свыше 700 человек м. п., в том числе ямщиков — 364 и церковнослужителей — более 200 (там же, ф. 1209, ПК 11 455), т. е. их было намного больше, чем жителей податных сословий Зубцова и Погорелого городища.

⁹ Данные за 1646—1652 и 1678 гг. см.: Я. Е. Водарский. Численность и размещение посадского населения России во второй половине XVII в. — «Города феодальной России». М., 1966, стр. 282—297.

¹⁰ Естественный прирост отмечен, в частности, в переписных книгах 1678 г. Зубцова, Ржева и Старицы. Так, объясняя увеличение числа посадских дворов в Зубцове между 1652 и 1678 гг., переписчики указали, что «в те прибылые двory отделилися от зубчан же посацких людей от отцов — дети, от братьев — братья, от дядьев — племянники» (ЦГАДА, ф. 1209, ПК 12 367, лл. 72 об.—74; ПК 15 409, лл. 32 об.—33, 219).

чем среди них были не только выходцы из-за рубежа, но и выходцы из различных городов и уездов России. Так, в начале XVIII в. правительство увеличило численность ямщиков Торжка за счет посадских людей города (6 дворов) и крестьян различных владельцев Новоторжского уезда (20 дворов). После перевода в ямщики эти крестьяне стали одновременно и постоянными жителями Торжка¹¹. В 1723—1724 гг. в тверской посад были зачислены несколько семей «польской нации», т. е. выходцев из-за рубежа, и 20 семей (в них 36 человек м. п.) выходцев из различных городов и уездов России¹².

О росте численности горожан за счет крестьян свидетельствует появление в городах дворовых людей, принадлежавших посадским людям, и групп «приписных к купечеству по торгам крестьян» (см. о них ниже). Вследствие этого роста податное население городов в 20-х годах XVIII в. составило уже 6,7% податного населения провинции, причем в Тверском и Новоторжском уездах его доля была выше средней по провинции: в Тверском — 7,9% и Новоторжском — 12%.

Говоря о основном составе населения городов провинции, важно учитывать, что оно, как и в большинстве других городов России, состояло из податных и неподатных сословных групп. Причем, в середине XVII в. численность последних (приказных и церковных служителей, стрельцов, пушкарей, воротников, ямщиков, записных каменщиков и кирпичников и др.) была очень значительной и иногда превосходила численность горожан податных сословных групп.

В последней четверти XVII — первой четверти XVIII в. наиболее значительные перемены произошли в сословном составе неподатного городского населения. Исчезли сословные группы служилых людей «по прибору» (стрельцов, пушкарей, воротников), записных каменщиков и кирпичников и некоторые другие неподатные группы, а в Старице — еще и дворцовых людей (конюхов, рыболовов и т. д.). Люди, составлявшие эти группы горожан, были переведены в податные сословия и сословные группы.

Исчезновение групп служилых людей «по прибору» было следствием утраты городами прежнего военного значения и создания в стране регулярной армии. На рубеже XVII—XVIII вв. стрельцы, пушкари и воротники лишились жалованья, и тогда же им был разрешен переход в посадское сословие по торгам и промыслам. Но этим разрешением воспользовалась меньшая их часть. Оставшиеся вне посада бывшие служилые люди «по прибору», независимо от их желаний и занятий, были переведены в него в годы первой ревизии. Так, в 1723—1724 гг. в Твери «ис тверских садат в цех» (т. е. из бывших служилых людей) были зачислены 54 человека м. п., в Торжке — 29 человек м. п.¹³

Исчезновение записных каменщиков и кирпичников, дворцовых конюхов, рыболовов и т. п. сословных групп было подготовлено переменами в экономике страны и как следствие — в государственном и дворцовом хозяйствах. Казне и Дворцу стало выгоднее получать рыбу с промыслов Средней и Нижней Волги и покупать ее на рынке, вести строительство, используя систему подрядов, и т. д. Поэтому правительство начало перевод записных каменщиков и кирпичников и жителей городских дворцовых слобод в тягло.

В городах края основная часть каменщиков и кирпичников была переведена в посад во время переписи 1684—1685 гг. В частности, в эти годы в Твери к посаду был причислен 31 двор каменщиков и кирпичников¹⁴. Но их перевод в посадское сословие завершился в 1723—1724 гг.¹⁵

¹¹ ИГАДА, ПК 11 455, лл. 504—504 об. (522—522 об.).

¹² Там же, ф. 350, оп. 3, кн. 4440, ч. 2, лл. 15 об.—18; ф. Сенат (248), кн. 727, л. 152.

¹³ Там же, ф. 248, кн. 727, л. 152; ф. 350, оп. 3, кн. 2435, лл. 1056 об.—1061 об.

¹⁴ Там же, ф. 1209, ПК 470, лл. 364 об.—365.

¹⁵ Там же, ПК 11 455, л. 507 об. (528 об.); ф. 248, кн. 727, л. 152.

Дворцовые слободы в Старице (Конюшенная, Рыболовная и Дворцовая) были ликвидированы в 1711 г., а их жители зачислены в посадское сословие (в 1723 г. их насчитывалось 163 человека м. п.)¹⁶.

Другие неподатные группы горожан, ликвидированные в первой четверти XVIII в., были незначительными по численности. Среди них была, например, группа тверских певчих и свистунов (21 человек м. п.). Все они были зачислены в посад Твери¹⁷.

В годы ревизии в посады были записаны многие выходцы из семей церковнослужителей, не отправлявшие церковных служб («недействительные» церковнослужители). По торгам и промыслам перевели в посад 43 семьи ящиков Торжка (138 человек м. п.), а старицких ямщиков (или большую их часть) по их занятиям — в государственные крестьяне¹⁸.

Исчезновение в городах провинции в последней четверти XVII — первой четверти XVIII в. служилых людей «по прибору», записных каменщиков и кирпичников, дворцовых рыболовов и конюхов, тверских певчих и свистунов и т. п. групп — показатель разрушения части сословных групп горожан, возникших «в средние века, в эпоху московского царства»¹⁹. Их ликвидация привела к изменению соотношения между податными и неподатными группами горожан и к очень заметному росту численности посадского сословия²⁰. В итоге население городов провинции стало состоять преимущественно из горожан податных сословных групп.

Данные табл. 2 показывают, что в 20-х годах XVIII в. самой значительной по численности была категория посадских людей, которая с 1724 г. подразделялась (в Тверской провинции — только в Твери) на купечество и цеховых («приписные к купечеству в цех») ²¹. Податное население Погорелого городища состояло только из посадских людей. В Зубцове они составляли 95% податного населения, Ржеве — 93%, Торжке — 88%, Твери — 81% (2436 и 199, всего 2635 человек) и Старице — 73% ²².

Правами посадских людей (купечества) обладали также крестьяне-купцы («приписные к купечеству по торгам крестьяне»), которые после опубликования указа от 13 апреля 1722 г. появились в Твери (11 человек) и Торжке (30 человек). Но их положение было двойственным. Хотя постоянно они жили в городе и обладали отмеченными правами, по со-

¹⁶ Там же, ф. 350, оп. 3, кн. 4272, лл. 69—92. В источнике 1723 г. сказано о ликвидации в 1711 г. двух слобод — Конюшенной и Рыболовной. Но судя по численности людей, прежних жителей дворцовых слобод, в посад были зачислены жители и Дворцовой слободы.

¹⁷ Там же, ф. 248, кн. 727, л. 152.

¹⁸ Там же, ф. 350, оп. 3, кн. 2495, лл. 1055—1056 об.; кн. 4276, л. 1140; кн. 4440, ч. 2, лл. 15 об.—17.

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153.

²⁰ По данным переписей между 1678 и 1721—1727 гг., в Твери численность посадских людей увеличилась с 1595 до 2635, Торжке — с 1700 до 2285, Ржеве — с 317 до 1563, Старице — с 331 до 663, Зубцове — с 83 до 215 и Погорелом городище — с 85 до 253 человек м. п. Итоги за 1678 г. см.: ЦГАДА, ф. 1209, ПК 15 409, лл. 22 об., 32 об. (по Старице и Погорелому городищу) и Я. Е. Водарский. Указ. соч., стр. 285 (по остальным городам); итоги за 20-е годы XVIII в. см. в табл. 2.

²¹ ПСЗ, т. VII, № 4624; т. VIII, № 5300. Деление посадских людей на купечество и цеховых не связано с их занятиями. Это были две подгруппы одного сословия, которое в источниках именуется либо по-старому — посадскими, либо по-новому — купечеством. Цеховые из купечества выделялись не всегда. Они составляли беднейшую часть сословия и отличались от купечества (в узком значении) тем, что были освобождены от служб «по выбору».

²² В Генеральной табели иные цифры посадских людей (вместе с крестьянами-купцами): в Твери — 2864, Торжке — 2343, Ржеве — 1519 и Старице — 665 (см. В. М. Кабузан, Н. М. Шепукова. Указ. соч.). Несовпадение итогов (если исключить частные расхождения) обусловлено тем, что в Генеральной табели дана сумма посадских и их дворовых людей, в связи с чем численность посадских преувеличена. Эту особенность Генеральной табели выявляют уездные табели и другие источники (см., например, ЦГАДА, ф. 248, кн. 727, л. 152).

Т а б л и ц а 2

Сословный состав податного населения городов провинции в 20-х годах XVIII в. *

Сословная группа	Тверь	Торжок	Ржев	Старица	Зубцов	Погорелое городище
Купечество	2436	2285	1463	663	215	253
Цеховые	199	—	—	—	—	—
Приписанные в купечество из крестьян	11	30	—	—	—	—
Дворовые за купечеством	225	65	66	2	—	—
Государственные крестьяне	—	—	25	95	—	—
Служители архиерейского дома	271	—	—	—	—	—
Монастырские слуги и служители	19	217	—	139	} 12	—
Дворовые «за разными чинами»	96	9	18	6		—
<i>Итого</i>	<i>3257</i>	<i>2606</i>	<i>1572</i>	<i>905</i>	<i>227</i>	<i>253</i>

* Источники см. в табл. 1. Численность людей в группах — м. п.

словному признаку они оставались еще и крестьянами, так как были крепки своим феодальным владельцам и платили подушную подать вместе со всеми крестьянами²³.

Заметную часть податного населения городов провинции составляли лично несвободные люди. Это были, во-первых, слуги и служебники тверского архиерейского дома и монастырей и, во-вторых, дворовые люди, принадлежавшие купечеству и приказным служителям (людям «разных чинов, не имеющим деревень»).

Слуги и служебники имелись в четырех городах из шести: в Твери — 290, Торжке — 217, Старице — 139 и Зубцове — всего несколько человек. Они жили как на посадской земле, так и в особых слободах, которые сохранились в городах после посадского строения 1649—1652 гг. Их численность в Твери, Торжке и Старице между 1678 и 1721—1727 гг. заметно увеличилась и, видимо, не только за счет естественного прироста.

Группы дворовых людей появились в городах провинции в 60—80-х годах XVII в. Они возникли и количественно росли за счет покупки посадскими и приказными людьми крепостных у помещиков и плененных людей «швецкой и польской нацей» («породы») у служилых людей, в том числе и у помещиков. В 20-х годах XVIII в. дворовые люди имелись в пяти городах провинции, их не было лишь в Погорелом городище. Всего их насчитывалось немногим более 490 человек, в том числе за купечеством — 358 и «разными чинами» — более 130. Тверскому купечеству принадлежали 225 дворовых, торжковскому — 65, ржевскому — 66 и старицкому — всего двое.

Сохранение в городах групп крепостных, принадлежавших церковным феодалам, и появление в них групп дворовых людей и, с 20-х годов XVIII в., крестьян-купцов есть следствие утверждения и развития крепостничества в России.

Еще одной сословной категорией городских жителей провинции 20-х годов XVIII в. были государственные крестьяне: в Ржеве — 25 и Старице — 95 человек. Они появились в этих городах вследствие сокраще-

²³ См. ЦГАДА, ф. Главный магистрат (291), д. 21 448, лл. 325—331 об.

ния численности ямщиков, которые занимались по сути только земледелием.

Следовательно, характер перемен в сословном составе населения городов определили причины общего порядка (влияние крепостничества на социально-экономическое развитие страны, перемены в государственном и дворцовом хозяйствах, создание регулярной армии и т. п.). Местные же условия, особенно социально-экономическое развитие городов провинции, оказали влияние на распределение посадского населения между этими городами и обусловили сосредоточение дворовых людей, принадлежавших купечеству, всего в трех городах, появление групп крестьян-купцов только в Твери и Торжке и групп государственных крестьян — в Ржеве и Старице.

Последнее суждение подтверждают и выявленные сведения о занятиях населения городов провинции, рассмотрение которых, мне кажется, целесообразно начать со сведений о малых городах — Погорелом городище и Зубцове.

В *Погорелом городище* в XVII в. жили «посадские пашенные люди»²⁴. Хотя к 20-м годам XVIII в. их численность увеличилась до 253 человек, характер их занятий изменился мало. Изучение сказок 1723 г., в которых учтены 65 семей, в них примерно 220 человек, показывает, что в это время с земледелием не были связаны лишь три семьи (из них две — семьи нищих)²⁵.

Остальные семьи можно разделить на три группы. Посадские люди третьей статьи (39 семей) кормились только «пашнею» и составляли наименее обеспеченную категорию людей посада. Посадские люди средней статьи (13 семей) земледелие сочетали с ремеслом. Среди них в основном преобладали пиццевики: калачники (6), хлебники (2), «грешневик» и мясник («ремесло мясничное, бьет скотину и торгует мясом»). Прочие отрасли были представлены двумя кузнецами и рукавичником. Можно полагать, что и в этих семьях основным занятием было земледелие²⁶.

И наконец, посадские люди первой статьи (10 семей) земледелие сочетали с торговлей. Они объявили за собой капитала в обороте от 3 до 30 руб. каждый, всего 144 руб., т. е. все они были торговцами. В Погорелом городище они продавали шелковые ткани, мыло, пряники, лапти, рещета и т. п., а братья А. И. и И. И. Варанины (капитал 20 руб.) скупили хлеб. Восемь торговцев вели также «отъезжий» торг. Они вкладывали большую часть своих денег в скупку дегтя, который отпускали в Ярославль, крупнейший центр кожевенной промышленности России (в 1723 г. отпустили дегтя на 105 руб.)²⁷.

Первостатейные люди Погорелого городища сами и торговали и обрабатывали пашню. Правда, в пяти семьях были наемные работники из крестьян, но лишь по одному на семью²⁸. Иначе говоря, здесь не было социального расслоения среди посадских людей.

Зубцов середины XVII в. по роду занятий его жителей, видимо, мало отличался от Погорелого городища. В переписной книге 1646 г. посадские дворы города именуются «крестьянскими» и «бобыльскими», а среди их жителей не названо ремесленников²⁹. Однако к 20-м годам XVIII в. положение существенно изменилось. Изучение сказок посадских людей 1723 г. (53 сказки, в них учтено около 170 человек) показы-

²⁴ Там же, ф. 1209, ПК 457, лл. 20 об.—22.

²⁵ Там же, ф. 350, оп. 3, кн. 4274, лл. 17—38, 41—140.

²⁶ Там же, лл. 22—36.

²⁷ Там же, лл. 17—21.

²⁸ Там же, лл. 37—38.

²⁹ Там же, ф. 1209, ПК 372, лл. 367 об.—368 об. Отсутствие упоминаний о ремесленниках в переписной книге 1646 г. не означает, что их не было вовсе. Помимо земледельцев, в Зубцове были скорее всего люди, занятые перевозкой товаров в своих лодках, но переписчики не выделяли обычно самостоятельных производителей, занятых в речном транспорте.

вает прежде всего, что в это время уже никто из посадских Зубцова не кормился «папнею»³⁰.

Исключив 5 семей нищих, остальные семьи по роду занятий можно разделить на три группы. Наименьшую по численности составляли ремесленники — всего 3 семьи. Это были калачники, но одна из семей сочетала калачный промысел с выпечкой «хлебов», а вторая (К. Я. Малыгина) — с маслостроительным промыслом. Вторая группа (8 семей) состояла из торговцев, имевших в обороте от 2 до 50 руб. каждый. Из них 6 семей располагали капиталом в 4—5 руб. и вели в Зубцове торговлю москательным товаром, мясом, рыбой и хлебом. Более зажиточные торговцы, А. Т. Малыгин (капитал 10 руб.) и С. Ф. Малыгин (капитал 50 руб.), торговали как в городе, так и в уезде, где скупали пеньку, кожи и хлеб³¹. Пеньку они и другие посадские люди скупали нередко на деньги иногородних купцов, что позволяло последним отпускать ее из Зубцова ежегодно тысячи пудов³².

Третья группа была самой значительной в городе — 37 семей, в них 74 работника. Их занятия определены в сказках следующей формулой: «кормятца черною работою, а торгу и ремесла никакова не имеют»³³. Иных сведений, о занятиях людей этой группы в сказках нет. Но известно, что в материалах переписей первой четверти XVIII в. формулой «кормится черною работою» (или «кормится работою своею»), помимо работы по найму в различных отраслях промышленности и в торговле, обозначали занятия огородничеством³⁴ и в речном транспорте³⁵. Поэтому, учитывая изложенные факты о состоянии ремесла и торговли в Зубцове и положение города при впадении в Волгу р. Вазузы, можно полагать, что если не все, то большая часть посадских людей третьей группы была связана с речным транспортом. Одни были владельцами речных судов, другие — судовыми работниками. Причем последние, как и крестьяне Зубцовского уезда, занимались не только к зубчанам, но и на суда иногородних купцов.

Следовательно, отрыв населения Зубцова от земледелия, образование в нем значительной группы кормившихся «черною работою» и появление социального расслоения внутри этой группы были результатом развития речного судоходства по Верхней Волге и Вазузе в конце XVII — первой четверти XVIII вв. и превращения Зубцова в оживленную пристань.

Старица также пережила упадок промышленности и торговли, который продолжался до конца XVII в. В частности, в писцовой книге 1685 г. отмечено, что в городе из 50 лавок осталось «жилых» 20 и запустели 30. Так как старицкий посад не имел по сути пахотной земли (ее было всего 7 десятин), то часть посадских людей, обращаясь к земледелию, занимала землю у ямщиков, а часть занялась огородничеством. Но в городе сохранились также группы ремесленников и торговцев³⁶.

В первой четверти XVIII в. наблюдается оживление промышленности и торговли Старицы. Но существенных перемен в занятиях ее населения, видимо, не произошло. Об этом свидетельствует прежде всего уход

³⁰ ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, кн. 1015, лл. 129—238. В 20-х годах XVIII в. занятия посадских людей определяли облик Зубцова, так как они составляли 95% податного населения города.

³¹ Там же, лл. 129—152.

³² В 1726 г. из Зубцова в Петербург поступило на продажу 5880 пуд. пеньки (там же, ф. Коммерц-коллегия (276), д. 80, л. 64 об.).

³³ Там же, ф. 350, оп. 3, д. 1015, лл. 153—238.

³⁴ А. В. Муравьев. Население Дмитрова в первой четверти XVIII в. — «Новое о прошлом нашей страны». Сб. ст. М., 1967, стр. 334—335.

³⁵ Так, в переписной книге Гороховца 1723 г. формулой «кормится работою своею» обозначены занятия купцов-судовладельцев Ф. В. Климова и Г. П. Хорузина (ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, кн. 6284, лл. 159, 162, 207, 209 об.).

³⁶ Там же, ф. 1209, ПК 457, лл. 1—41 об.; ПК 459, лл. 1—55; ПК 15 409, лл. 36 об.—38.

Т а б л и ц а 3

Занятия посадских людей Старицы в 20-х годах XVIII в. *

Занятия	Всего семей	В том числе		Занятия	Всего семей	В том числе	
		«пашен-ных»	«непашен-ных»			«пашен-ных»	«непашен-ных»
Торговля	27	26	1	Земледелие	20	20	—
Торговля и ремесло	5	2	3	Земледелие и «черная работа»	24	24	—
Ремесло	83	42	41	«Черная работа»	24	—	24
Ремесло и «черная работа»	12	2	10	Нищие	4	—	4
				Итого	199	116	83

* ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, кн. 4272, лл. 1—92. Занятия 7 семей неизвестны.

населения из города. По сообщению старичан, в 1723 г. в других городах и уездах жили 53 человека посадских Старицы, в том числе в Москве — 37, Петербурге — 5, Твери — 4 и в других местах — 7³⁷. Из них в старицкий посад была возвращена меньшая часть³⁸.

Наиболее распространенным видом занятий населения города в 20-х годах XVIII в. было земледелие. С ним были связаны около 30 семей бывших ямщиков (95 человек м. п.), с 1724 г. государственных крестьян, и 116 семей посадских людей из 206 учтенных (табл. 3)³⁹. Как и прежде, посадские люди города обрабатывали землю, нанимаемую в основном у ямщиков.

В Старице только «пашнею» кормились около 50 семей, в том числе семьи ямщиков. К ним следует прибавить большую часть семей тех посадских (всего их было 24), которые объявили, что они «наймовая землю пахут» и «кормятца черною работою», так как они скорее всего земледелие сочетали с огородничеством⁴⁰.

В Старице, сравнительно с Погорелым городищем и Зубцовом, была значительная группа ремесленников — 100 семей, в том числе сочетавших ремесло с торговлей — 4 и с «черною работою» — 12. Среди них были ремесленники 15 специальностей⁴¹.

Так как примерно половина ремесленников посада была связана с земледелием, то в промышленности, как отмечено в сказках, эти специа-

³⁷ Там же, ф. 350, оп. 3, кн. 4272, лл. 64—68 об., 82—82 об., 92. Кроме того, еще шесть человек жили в Старице, но выбыли из посада в другие сословные группы, т. е. всего выбылых было 59 человек.

³⁸ Ревизоры в 1723 г. учли наличных посадских 646 человек, а окончательно в оклад было положено 663, т. е. 17 человек были возвращены.

³⁹ Сведений о занятиях жителей Богоявленской слободки, принадлежавшей Успенскому монастырю (139 человек м. п.), не найдено. Но учитывая, что у них почти не было земли и что в 1678 г. среди них были монастырские «детеныши», повара, рыболовы и в основном «непашенные» бобыли, можно полагать, что их занятия были примерно такими, как у посадских людей (см. там же, ф. 1209, ПК 15 409, лл. 36 об.—38).

⁴⁰ Но некоторые посадские люди этой группы земледелие сочетали с работой по найму. Так, В. А. Стешев (в семье 4 работника) сообщил, что он «наймовая пашет ямскую землю, да наймываютца [они] в черною работу» (там же, ф. 350, оп. 3, кн. 4272, лл. 15 об.—16).

⁴¹ Это были (цифры — число семей): калачники — 19, кузнецы — 10, овчинники — 9, портные — 8, крашенинники — 8, кожевники — 6, рыболовы — 6, сережники — 5, сырмятники — 4, войлочники — 3, плотники — 3, хлебники — 3, солодовники — 2, мельники — 2, ситники — 2, сапожники — 2 и по одной семье — пирожники, харчевники, свечники, шерстобиты, рукавичники, хомутинники, гончары, перевозчики, пастухи.

листы были заняты лишь временно. Среди ремесленников Старицы была распространена работа на заказ. Изготовлением «чужбины», т. е. продукции по заказу и из сырья заказчика, были заняты все кузнецы, крапешники, овчинники, кожевники и др. Сережники чинили старые серьги, а трое портных (из 8) — ветхое платье.

Изделия на продажу готовили преимущественно пицеевики, среди них по численности выделялись калачники (19 семей). Своим промыслом они занимались также «временем», вкладывая в него (в основном — в покупку муки) всего от 1 до 2,5 руб., что характерно для мелкого, ремесленного производства. Только 3 калачника, они же — торговцы рыбой, располагали капиталом от 4 до 10 руб.

Группа торговцев Старицы насчитывала 32 семьи, из них 5 сочетали торговлю с ремеслом. В своем большинстве это были мелкие торговцы, которые кормились за счет и торговли и земледелия. Из 30 торговцев, сообщивших о размерах капитала в обороте, 16 имели его от 3 до 10 руб., 7 — от 11 до 20 руб., 6 — от 23 до 50 руб. и один, И. Н. Веревкин, — 62 руб. Торговцы первой и часть торговцев второй подгрупп (т. е. с капиталом до 20 руб.) продавали в своем городе хмель, рыбу, мясо, скупали и перепродавали хлеб и солод. Более состоятельные торговцы скупали также пеньку (нередко на деньги иногородних купцов), отпускали в Ярославль деготь и золу, торговали в Старице москательными товарами. Так И. Н. Веревкин сообщил, что он имеет «москотинного мелочного лавочного... товару на 50 руб., да в нынешнем 723-м году в отпуске у него было в Ярославль дегтю на 12 руб. на 2 алт. на 2 ден., да временем скупает на иногородцев купецких людей пеньку; до наймовая пашет ямскую землю»⁴².

Для ведения земледелия торговцы нанимали работников из помещичьих крестьян Старицкого уезда. Но этих работников было немного — в 17 семьях по одному работнику, т. е. их появление в хозяйствах этих торговцев не могло существенно изменить в целом натуральный характер земледельческого производства в городе⁴³.

И наконец, группа посадских людей Старицы, которые кормились «черною работою», состояла из 24 семей. Часть их занималась, видимо, огородничеством, но вторая часть и отдельные семьи других групп были связаны с речным транспортом. Последние делились на владельцев речных судов и наемных работников. Наличие такого деления подтверждают отчасти сведения об имущественном положении людей этой группы. Из 24 семей 2 принадлежали к среднестатейным, 10 — к третьестатейным и 12 — к «убогим»⁴⁴.

Следовательно, развитие речного судоходства привело к появлению группы наемных работников и среди посадских людей Старицы. Но здесь эта группа была малочисленнее, чем в Зубцове.

Упадок промышленности и торговли в *Ржеве* был менее глубоким и продолжительным чем, например, в Старице. Это было во многом связано с порубежным положением города (до 1654 г.). Поэтому, хотя в первой половине XVII в. в городе заметно увеличилось количество земледельцев, в том числе и среди посадских людей, но здесь сохранились и значительные группы ремесленников и торговцев. В переписной книге 1646 г. названы ремесленники 10 специальностей (калачники, кузнецы,

⁴² ЦГАДА, лл. 1—1 об. В. А. Наугольников отпустил в Ярославль золы и «корья» на 35 руб., торговец и кожевник М. И. Щукин — на 30 руб. дегтя (там же, лл. 5 об.— 6, 83 об.).

⁴³ Там же, лл. 93—99 об. Показательно также, что в 1724—1726 гг., в среднем за год, из Старицы отпустили всего 340 четвертей хлеба, скупленного в городе и в уезде (там же, ф. 397, д. 630, лл. 70 об.— 76).

⁴⁴ Всего «убогих» в Старице насчитывалось 32 семьи, в них 67 человек м. п., но вания 7 семей неизвестны. Из остальных 25 семей 12 кормились «черною работою», 4 — ремеслом и «черною работою», 8 — ремеслом и одна — торговлей.

Т а б л и ц а 4

Занятия посадских людей Ржева в 20-х годах XVIII в. *

Занятия	Число семей	В них работников **	В том числе	
			семейных	крепостных
Торговля	83	165	146	19
Торговля и промыслы	5	21	13	8
Торговля и «черная работа»	3	9	9	—
Ремесло	80	126	124	2
Ремесло и «черная работа»	3	12	12	—
«Черная работа»	238	405	404	1
<i>Итого</i>	<i>412</i>	<i>738</i>	<i>708</i>	<i>30</i>

* ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, кн. 2887 (с л. 52). Занятия 4 семей неизвестны и 4 — нищие.

** К ним отнесены посадские люди и их дворовые старше 14 лет (м. п.)

кожевники, овчинники, скорняки и т. д.), но это неполные данные ⁴⁵. В мирные годы ржевские торговые люди ездили за «литовский» рубеж, а «литовские» торговые люди приезжали торговать в Ржев ⁴⁶.

С 60-х годов XVII в. эти связи, как и связи с внутренними городами, приобрели устойчивый характер. Ржевские купцы стали также торговать в Архангельске и за «свейским» рубежом. Они отпускали за границу преимущественно пеньку и юфть, а привозили медь, «свейское» железо, сукна, ладан и другие товары ⁴⁷. Перемены, связанные с выходом России к Балтийскому морю, стали еще одним фактором, способствовавшим развитию промышленности и торговли Ржева.

В 20-х годах XVIII в. в Ржеве с земледелием были связаны 7—9 семей (25 человек м. п.), зачисленные в 1724 г. в государственные крестьяне ⁴⁸, а из посадских людей — бургомистр И. Н. Поганкин, который имел в обороте собственного капитала 100 руб. и вел торговлю пенькой. Но земля Поганкина была не в городе, а в уезде, где ему принадлежала деревня Ройцева. В деревне, видимо, в качестве приказчика жил его дворовый «польской породы» Федор Матвеев. Кто обрабатывал землю и куда поступала продукция земледелия, в источнике не указано ⁴⁹.

Почти все остальные жители Ржева, принадлежавшие к податным сословным группам, т. е. посадские люди и их дворовые, были заняты в промышленности и торговле (см. табл. 4) ⁵⁰.

Всего посадских людей, связанных с обрабатывающей промышленностью, насчитывалось 88 семей (в них 159 работников), в том числе само-

⁴⁵ Там же, ф. 1209, ПК 372, лл. 1—10. В городе, несомненно, были, хотя они и не названы в переписной книге, рыболовы, портные и другие специалисты.

⁴⁶ «Русско-белорусские связи (1570—1667 гг.)». Сб. док. Минск, 1963, № 83, 109, 126, 224, 250.

⁴⁷ «Книги московской Большой таможни...», стр. 21—54; Р. И. Козинцева. Внешнеторговый оборот Архангелогородской ярмарки и ее роль в развитии всероссийского рынка. — «Исследования по истории феодально-крепостнической России». М.—Л., 1964, стр. 124 (таблица).

⁴⁸ До 1724 г. эти семьи принадлежали к одной из неподатных сословных групп Ржева, возможно, — к ямщикам, которые лучше других жителей были обеспечены землей.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, кн. 2887, лл. 638 об., 646—647.

⁵⁰ Нет лишь сведений о занятиях 5—7 семей (18 человек м. п.), принадлежавших приказным людям Ржева.

стоятельных мелких производителей — 86 и купцов — 2 семьи⁵¹. Из самостоятельных производителей 3 семьи сочетали ремесло с торговлей (в таблице — «торговля и промыслы») и 3 — с «черною работою». В последних 3 семьях это сочетание состояло в том, что часть работников занималась ремеслом (5 человек), а остальные — «черною работою» (7 человек)⁵².

Среди самостоятельных производителей были работники 17 специальностей⁵³. В отличие от ремесленников Старицы и Погорелого городища, они были заняты в промышленности постоянно и в связи с этим производили больше продукции, в том числе — на продажу. Правда, сведений о размерах их капитала мало. Но можно полагать, что большинство их имели его до 10 руб. (такой капитал объявили два рыболова и пряничник). Большим капиталом располагали лишь четверо: солодовник и хлеботорговец Ф. Е. Ваулин — 20 руб., скорняк и хлеботорговец К. Ю. Латышев — 50 руб., свечник и пряничник Н. Е. Немилов — 50 руб. и мыловар Г. С. Немилов — 50 руб. В трех семьях, помимо семейных, были крепостные работники: у Латышева — 4 человека, у Немиловых — по одному⁵⁴.

Из двух купеческих семей этой группы одна была связана с производством изделий из серебра, но сведений о характере производства по сути нет. Ее глава, Ф. М. Сазонов, сообщил, что сам он «имеет серебряное мастерство», а его сыновья торгуют хлебом и пенькой на 150 руб.⁵⁵ Купец И. С. Образцов (7 работников, из них 3 крепостных) объявил собственного капитала 200 руб. и заемного — 450 руб. (голландца Н. Л. Битлова), всего 650 руб. Он торговал пенькой и имел «кожевной завод», а пеньку и юфть опускал в Архангельск и, с 1721 г., в Петербург. В 1710 г. Образцов продал в Архангельске 243 тюка юфти весом в 317 пудов не менее чем за 900 руб.⁵⁶

Возникновение кожевного предприятия Образцова было следствием роста спроса на юфть, особенно для вывоза за границу, разложения мелкого юфтового производства и обращения собственников купеческого капитала к кожевенной промышленности. Показательно, что самостоятельные производители-кожевники, которые названы в переписных книгах 1646 и 1678 гг. не упоминаются в 1723 г.

Группа посадских людей Ржева, занятых в торговле, насчитывала 91 семью, из которых о размерах своего капитала сообщили 90 семей (см. табл. 5). Примерно половина их были мелкими торговцами (капитал до 50 руб.) — 44 семьи, объявившие капитала 1232 руб. из 9328 (13%), часть — средними торговцами (16 семей — 1341 руб.) и треть (капитал свыше 100 руб.) — купцами (30 семей — 6755 руб.). Крупными купцами были только Григорий Васильев Зетилев и его дети Аврам и Артемий. Они сообщили, что имеют «хлебного и печеного торгу на 2000 на 400 на 10 руб., в том числе взято в долг у разных людей на 1000 на 100 руб.», т. е. имели собственного капитала 1310 руб. и заемного — 1100 руб.⁵⁷ Но отпуск

⁵¹ Здесь и ниже к купцам, собственникам крупного для своего времени капитала, отнесены посадские люди, которые объявили за собой в обороте свыше 100 руб., хотя это и ведет к некоторому преуменьшению количества купеческих семей. Но изучение сказок 1722—1723 гг. показало, что в отраслях промышленности, где производство основывалось на обработке дорогостоящего сырья (солодовенное, кожевенное, скорняжное), мелкие производители, сочетавшие промысел с торговлей, иногда имели капитал в 60—80 и даже в 100 руб. (см., например, ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, кн. 2294, сказки посадских людей Новгорода).

⁵² Там же, кн. 2887, лл. 594—595, 950—951, 980—981.

⁵³ Это были (число семей и в скобках — работников): калачники — 18 (23), кузнецы — 17 (23), сапожники — 14 (23), крашенинники — 6 (10), сыромятники — 6 (8), скорняки — 4 (6), серебренники — 4 (10), свечники. они же пекли пряники, — 3 (5), мясники — 2 (4), пряничники — 2 (3), столяры — 2 (2), седельники — 2 (2) и по одной семье — солодовники, мыловары, масленики и переплетчик.

⁵⁴ Там же, лл. 444—445, 568—569, 628—629, 798—799.

⁵⁵ Там же, лл. 862—863.

⁵⁶ Там же, лл. 462—463; Архив ЛОИИ, Архангелогородская губернская канцелярия, ф. 10, оп. 3, л. 145, лл. 928 об., 1016, 1415 об.

⁵⁷ ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, кн. 2887, лл. 419—420.

Т а б л и ц а 5

Состояние торговли в Ржеве в 20-х годах XVIII в. *

Размер капитала (руб.)	Торговля и вложенный в нее капитал (руб.)						Итого
	хлебом	пенькой	хлебом и пенькой	москатель- ными товарами	мясом	прочими товара- ми **	
5—50	19/535 ***	2/90	4/165	4/125	8/136	7/181	44/1232
51—100	8/651	2/160	4/360	1/70	—	1/100	16/1341
105—200	4/430	4/670	4/606	4/615	—	3/375	19/2696
205—300	—	1/230	4/990	1/205	—	—	6/1425
310—400	2/629	—	1/395	—	—	1/310	4/1334
Более 400	—	—	1/1310	—	—	—	1/1310
<i>Итого</i>	<i>33/2245</i>	<i>9/1150</i>	<i>18/3816</i>	<i>10/1015</i>	<i>8/136</i>	<i>12/966</i>	<i>90/9328</i>

* ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, кн. 2827 (с л. 52).

** В рубрике объединены торговцы, о которых в источнике сказано: «имеет разный торговый промысел, рыбный и хлебный торг, хлебный и медовый торг, торгует хлебом, пенькой и мясом, торгует мясом и скупает кожи, скупает деготь и золу.

*** Первая цифра — число семей, вторая — сумма объявленного ими капитала. Его не объявил В. С. Свечников, откупщик питейных сборов.

пеньки в Архангельск, а в 20-х годах — пеньки и хлеба в Петербург, производили и другие купеческие семьи.

Торговля мясом имела местный характер, т. е. его не отпускали обычно в другие города, и с ней были связаны преимущественно мелкие торговцы (8 семей), объявившие капитал от 5 до 40 руб. «Отъезжей» торговли не вели и те мелкие и многие средние торговцы, которые скупали хлеб и пеньку. Скупленные товары они перепродавали обычно местным и особенно иногородним купцам.

Наибольшее число посадских людей Ржева, занятых в торговле, вкладывало свои капиталы в скупку хлеба и пеньки. Этим были заняты 60 семей, которые располагали капиталом в 6,2 тыс. руб.⁵⁸ Из них купеческих была 21 семья, которые объявили капитал в 4250 руб. Именно им принадлежала большая часть хлеба и пеньки, отпускавшихся из Ржева (хлеба в 1724—1726 гг., в среднем за год, было отпущено 2670 четвертей и пеньки в 1726 г. — 14 тыс. пудов)⁵⁹.

Перевозка этих и других товаров осуществлялась зимой на подводах, летом — на речных судах (хлеб — преимущественно на судах). Собственниками этих судов были в основном купцы. Иначе говоря, часть купцов Ржева была собственником не только торгового (товарно-торгового) капитала, но и промышленного, вложенного в речной транспорт.

И наконец, группа людей, кормившихся «черною работою», состояла из 241 семьи (414 работников), из них 3 сочетали торговлю и «черную работу». К ним же следует прибавить 7 работников из 3 семей ремесленников, которые также кормились «черною работою» (см. о них выше). В итоге получается, что «черною работою» были заняты около 60% посадских.

Как и в других городах, эта группа по занятиям и социальному составу была неоднородной. Возможно, что и в Ржеве часть ее работников занималась огородничеством. Но в изученных по городу источниках нет

⁵⁸ С учетом торговцев в рубрике «торговля прочими товарами» — 63 семьи.

⁵⁹ Там же, ф. 276, д. 80, л. 63 об.; ф. 397, лл. 70 об.—76. Хлеба в район Петербурга (по неполным данным) ржевские купцы отпустили: в 1721 г. — 17 540, 1723 г. — 1950, 1725 г. — 202 и 1726 г. — 3935 четвертей (М. Я. Волков. Привоз хлеба в район Петербурга в 20-х годах XVIII в. — «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». Сб. ст. М., 1961, стр. 124—125).

упоминаний об огородах и огородниках, т. е. эта подгруппа, если она имела, не могла быть многочисленной. Среди людей группы немного было и владельцев судов, так как купцам было выгоднее перевозить товары в район Петербурга на своих судах. Сопоставление показаний сказок 1723 г. с данными о привозе товаров в район Петербурга позволяет, хотя и предположительно, выделить всего 5—7 владельцев речных судов в группе. Один из них — А. Я. Долгополов. В его семье имелись 4 работника, в том числе «купленной человек в работу Сергей Петров 45 лет». Долгополов сообщил также: «Я, Артемей, з детьми кормлюсь черною работою»⁶⁰.

Подавляющее большинство посадских людей этой группы кормилось работой по найму и были заняты в торговле в качестве приказчиков и лавочных «сидельцов», в обрабатывающей промышленности, прежде всего — на кожевенном заводе И. С. Образцова, и на речном транспорте. Последняя подгруппа наемных работников была самой многочисленной. В зимние месяцы большинство судовых работников было занято скорее всего очисткой (трепанием) пеньки в купеческих амбарах⁶¹.

Изложенные факты позволяют констатировать в Ржеве 20-х годов XVIII в. социально неоднородный состав посадского населения, что было следствием его расслоения, буржуазного по своему характеру. Оно было вызвано развитием промышленности и торговли в самом Ржеве и особенно развитием речного судоходства.

Состояние промышленности и торговли в Торжке в первой половине XVII в. было примерно таким же, как в Ржеве. Но сравнительно с последним Торжок был крупным городом, в том числе — по количеству торгово-промышленного населения⁶². Сохранению в нем значительной групп жителей, занятых в промышленности и торговле, а с 60-х годов — их росту, во многом способствовало положение города на р. Тверце, т. е. на пути из Новгородской земли в центр страны, в Среднее и Нижнее Поволжье.

Третьей значительной группой населения Торжка XVII в. были земледельцы. Причем в последней четверти XVII в. заметная часть зерна, произведенного ими, поступала на рынок. Это зерно перерабатывали в солод и продавали как солодовники города, так и земледельцы, сочетавшие земледелие с солодовенным промыслом. В 1684—1685 гг. первых, по неполным данным, насчитывалось 24 семьи и вторых — 3 семьи (из 62)⁶³. Часть населения Торжка второй половины XVII в. занималась огородничеством.

Наличие по Торжку писцовой книги 1684—1685 гг., переписной книги 1710 г. и материалов ревизии 1723—1724 гг. позволяет нагляднее, чем по другим городам, представить те перемены, которые произошли в занятиях населения города в конце XVII — первой четверти XVIII в.⁶⁴ (табл. 6).

⁶⁰ ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, кн. 2887, лл. 470—471, 522—525, 722—723, 876—877; Камер-коллегии, ф. 273, д. 32 685, лл. 239, 247, 303; д. 32 690, лл. 261, 336.

⁶¹ Такое сочетание работы по найму (летом — на судах, зимой — трепание пеньки) было характерно для пристаней, откуда отпускалось значительное количество пеньки (М. Я. Волков. Материалы первой ревизии как источник..., стр. 279—280).

⁶² В переписной книге 1646 г. среди посадских людей названы ремесленники 30 специальностей (в 59 семьях): мельники — 6, кузнецы — 6, портные — 5, калачники — 4, плотники — 4, рукавичники — 3, гречневники — 3, гладильщики — 2, сапожники — 2, свечники — 2, зольники — 2, пастухи — 2, а также оловеничник, овчинник, колотильщик, тележник, шапочник, войлочник и другие специалисты (ЦГАДА, ф. 1209, ПК 12 611, лл. 294—328 об.).

⁶³ Там же, ПК 474, лл. 290—503 об.

⁶⁴ В отличие от писцовых книг 1684—1685 гг. по Твери и Старице, книга по Торжку содержит полные данные о занятиях населения, но сама она — неполная, так как писцы успели учесть посадское население 9 слобод из 18 (см. там же, ПК 475). Поэтому ниже, при сопоставлении данных учета 1684—1685 и 1723—1724 гг., принимаются во внимание преимущественно относительные показатели (см. табл. 6).

Т а б л и ц а 6

Занятия посадских людей Торжка в конце XVII — первой четверти XVIII в. *

Занятия	1684—1685 гг.		1723—1724 гг.	
	число семей	их доля (%)	число семей	их доля (%)
Торговля	56	16,5	123	14,0
Торговля и промыслы (в том числе ремесло)	6	1,7	3	0,3
Торговля и земледелие	6	1,7	5	0,6
Торговля и «черная работа»	—	—	2	0,2
Ремесло	135	40,0	251	28,5
Ремесло и земледелие	8	2,3	8	0,9
Ремесло и «черная работа»	2	0,6	—	—
Земледелие	44	13,0	6	0,7
Земледелие и «черная работа»	4	1,2	1	0,1
«Черная работа»	78	23,0	481	54,7
Итого	339	100,0	880	100,0

* ЦГАДА, ф. 1209, ПК 475, лл. 290—503; ф. 350, оп. 3, кн. 2495, ч. 2, лл. 1—1068 об. В подсчет не включены семьи нищих и не указавших занятий (1684—1685 гг. — 62 семьи, в 1723—1724 гг. — 8).

В этот период резко падает значение земледельческих занятий. Правда, в 10—20-х годах XVIII в. земледельцы составляли все же заметную часть населения Торжка, так как с земледелием сохранили связь семьи церковнослужителей (в 1710 г. их было более 80) и примерно 90—100 семей ямщиков, т. е. две неподатные группы жителей города⁶⁵. Но и среди ямщиков в 1723 г. оказались 43 «ненапешные» семьи (всего в 1710 г. их было 130), которые в 1724 г. были переведены в посад. Среди посадских людей земледельцев осталось всего 20 семей (2,3% против 18,2% в 1684—1685 гг.).

Между 80-ми годами XVII в. и 20-ми годами XVIII в. в Торжке заметно снизился удельный вес групп самостоятельных производителей, занятых в обрабатывающей промышленности, — с 44,6 до 29,7%, хотя их абсолютная численность, возможно, несколько увеличилась. В 1723—1724 гг. этих производителей насчитывалось 261 семья (еще одна — купца и кожевника). Среди них были работники 24 специальностей⁶⁶. За исключением 8 семей, переведенных в 1724 г. в посад из «новоторжских салдат», они не были связаны с земледелием и занимались промышленным производством систематически.

Сопоставление данных о профессиональном составе этих производителей выявляет одну существенную перемену. Она нашла выражение в исчезновении упоминаний о солодовниках. Если в 1684—1685 гг. лишь в части посада они были названы в 27 семьях, то в 1723—1724 гг. — всего в одной, сочетавшей солодовенный промысел с хлебной торговлей на 20 руб. Причем это исчезновение упоминаний приходится на то время, когда промысел стал ведущей отраслью промышленности города. В 1724—

⁶⁵ ЦГАДА, ф. 1209, ПК 11 455.

⁶⁶ Это были (цифры — число семей): сапожники — 59, кузнецы — 41, кожевники — 36, рукавичники — 33, плотники — 12, портные — 11, сыромятники — 8, скорняки — 8, крапешинники — 8, калачники — 7, серебряники — 6, горшечники — 5, золотари — 4, чулочники — 4, мясники — 3, оловячники — 3, оконничники — 3, мыловары — 2, седельники — 2, кирпичники — 2 и по одной семье — солодовники, харчевники, свечники и калачник, он же — укусник.

1726 гт., в среднем за год, из Торжка отпускали «природного», т. е. скупленного в городе и уезде, хлеба по 17,8 тыс. четвертей, в том числе солода — 12 734 четверти (ячного — 10 894, ржаного — 1835 и овсяного — 19)⁶⁷. Немало солода потреблялось и в самом городе (на казенной винокурне, для приготовления пива и кваса).

Эти данные свидетельствуют о сокращении численности самостоятельных мелких производителей-солодовников и сосредоточении промысла в руках купцов-хлеботорговцев, в заведениях которых были заняты отнюдь не семейные работники. В число купцов-хлеботорговцев 20-х годов XVIII в. входила и часть посадских людей, учтенных в 1684—1685 гт. как солодовники, — П. Е. Вторых (капитал 350 руб., в 1684—1685 гт. учтен под фамилией Кузьминых), И. Я. Климушин (250 руб.), Н. А. Бурков и его сыновья Григорий (150 руб.) и Степан (200 руб.), И. С. Бурков (100 руб.) и др.⁶⁸.

Торговлю с промыслом стали сочетать еще два новоторжских купца. Занятия одного из них, И. В. Гребенщикова, отражены в табл. 6 (в рубрике «торговля и промыслы»). Он сообщил: «Торгую я хлебом и промысел имею кожевной на 700 руб.» И. А. Гайтанников (торг на 150 руб. «разными товарами») свой промысел не назвал. Но из допроса жителя Твери канатного прядильщика Ильи Тимофеева узнаем, что в 1720 или 1721 г. он «вышел в Торжек и в Торжку жил у новоторжца посадского человека Ивана Гайтанникова на предельне ж с полгода», т. е. последний был владельцем канатно-прядильного заведения⁶⁹.

Удельный вес группы посадских людей, занятых в торговле, несколько снизился — с 19,9 до 15,1%, но количественно эта группа несомненно выросла сравнительно с 1684—1685 гт. В 1723—1724 гт. в нее входили 133 семьи, из которых о размерах капитала в обороте сообщили 127. Из них мелких торговцев насчитывалось 94 семьи, средних — 12 и купцов — 21 (см. табл. 7). Сравнительно со Ржевом в Торжке было заметно больше мелких торговцев и меньше — купцов. Но новоторжские купцы были состоятельнее ржевских. Они располагали собственным капиталом в 7560 руб. (против 6765 руб. у ржевских). Причем капитал от 500 руб. и более здесь объявили 5 купцов: А. В. Вешняков — 1000 руб., И. В. Гребенщиков и К. В. Масленников — по 700 руб., А. Д. Новосельцев — 600 руб. и В. П. Масленников — 500 руб.⁷⁰

Купцы Торжка и не менее 37 торговцев занимались хлебной торговлей, в том числе 49 купцов и торговцев с капиталом в 7370 руб. (около 70% объявленного) — только этой торговлей. Торговцы скупали хлеб в городе и уезде для перепродажи местным и иногородним купцам, купцы поставляли в район Петербурга как местный хлеб, так и закупленный в пристанях Среднего Поволжья (Нижем Новгороде, селах Лысково, Работки и др.)⁷¹.

Развитию в Торжке подобной специализации торговли способствовали и положение города на пути в Новгород и, с начала XVIII в., в Петербург, и то, что купцы города воспользовались выгодной системой подрядов. Закрывая договор о поставке хлеба, они получали от казны вперед 75% стоимости подряда, что позволяло им вести очень крупные торговые операции и ускоряло накопление капиталов. Так, И. А. Гайтанников (капитал 150 руб.) заключил договор о поставке в 1720 г. в Петербург 3000 четвертей ржаной муки и 210 четвертей крупы, по 2,5 и 2,8 руб.

⁶⁷ ЦГАДА, ф. 397, д. 630, лл. 70 об. — 76.

⁶⁸ Там же, ф. 1209, ПК 475, лл. 295—295 об., 316—316 об., 319 об. — 320; ПК 11 455, лл. 50—50 об., 80—80 об., 83 об. — 84, 182—182 об.; ф. 350, оп. 3, кн. 2495, ч. 2, лл. 1—1 об., 4—4 об., 21—22, 25.

⁶⁹ Там же, ф. 350, оп. 3, кн. 2495, ч. 2, лл. 8—8 об., 96—96 об.; кн. 4440, ч. 2, л. 801.

⁷⁰ Там же, кн. 2495, ч. 2, лл. 899—901, 1047.

⁷¹ В 1726 г. в Лысково 4 новоторжца закупили для отпуска в Петербург 2085 четвертей хлеба на 1509 руб. (там же, ф. 273, д. 32 777, лл. 30 об. — 31 об., 168—168 об.).

Т а б л и ц а 7
Состояние торговли в Торжке в 20-х годах XVIII в. *

Размер капитала (руб.)	Торговля и вложенный в нее капитал				Итого
	хлебом	хлебом и прочими **	съестными припасами	различными товарами ***	
3—50	25/680 ****	2/50	9/131	58/1108	94/1969
60—100	8/730	2/200	—	2/160	12/1090
110—200	4/700	1/200	—	1/150	6/1050
210—300	5/1310	2/550	—	—	7/1860
310—400	3/1150	—	—	—	3/1150
410—500	1/500	—	—	—	1/500
Свыше 500	3/2300	1/700	—	—	4/3000
Итого	49/2370	8/1700	9/131	61/1418	127/10 619

* ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, кн. 2495, ч. 2, лл. 1—1068 об.

** «Прочие» товары в 5 семьях — «мелочные» товары, в одной — юфть, одной — пенька и одной — пенька и лен.

*** Торговля различными товарами — это «мелочной» торг в городе и уезде, в том числе москательными.

**** Первая пифра — число семей, вторая — сумма объявленного ими капитала. Главы 6 семей не указали размер своего капитала.

четверть, всего на 8098,5 руб., и получил вперед от казны немногим более 6000 руб.⁷²

Торговлю пенькой, наряду с хлебом, вели всего две семьи — С. М. Масленников (капитал 200 руб.) и братья Иван и Емельян Тимофеевы (капитал 300 руб.), они же торговали и льном⁷³.

Местный характер имела торговля съестными припасами (мясо, рыба, калачи, квас и т. п.), «мелочными» и москательными товарами. Из 70 посадских семей города, занятых этой торговлей, 67 объявили капитал от 3 до 50 руб.

Между 80-ми годами XVII в. и 20-ми годами XVIII в. немало увеличилась группа людей, кормившихся «черною работою», что привело к повышению ее удельного веса в посадке с 24,8 до 55%. В 1723—1724 гг. в ней насчитывалось 484 семьи, в том числе сочетавших «черную работу» с торговлей — две и с земледелием — одна. Столь значительный рост был следствием быстрого увеличения в городе численности наемных работников, занятых в речном судоходстве, и появления подгруппы наемных работников, занятых в солодовенном, кожевенном и канатно-прядельном производствах и в торговле.

Однако среди людей этой группы в 1723—1724 гг., как и в 80-х годах XVII в., были еще владельцы речных судов и, видимо, огородники. Владельцами речных судов, помимо купцов, являлись скорее всего 9 среднестатейных посадских людей города. Об одном из них, И. В. Кортешкине, в источнике сказано: «кормитца черною работою, а торгу имеет хлебного на 20 руб»⁷⁴.

Следовательно, для Торжка характерны те же явления, что и для Ржева, но здесь они выражены намного отчетливее.

Упадок промышленности и торговли в Твери приходится на вторую половину XVI — начало XVII в. Он был обусловлен причинами как экономического, так и политического порядка. Город пережил опричный

⁷² Там же, Госархив, XIX разряд, д. 7, ч. 1, лл. 180—181.

⁷³ Там же, ф. 350, оп. 3, кн. 2495, ч. 2, лл. 92—92 об., 1049—1049 об.

⁷⁴ Там же, ч. 2, л. 908.

Т а б л и ц а 8

Занятия посадских людей Твери в 20-х годах XVIII в. *

Занятия	Число семей	Их доля (%)	Занятия	Число семей	Их доля (%)
Торговля	233	23,9	Ремесло	355	36,5
Торговля и промыслы	29 **	3,0	«Черная работа»	349	35,9
Торговля и ремесло	7	0,7	<i>Итого</i>	973	100,0

* ПГАДА, ф. 350, оп. 3, кн. 4440 и кн. 5632, ч. 2, лл. 1—732 об. В подсчет не включены 5—7 семей бывших рассыльщиков, так как не найдено их сказок.

** Промыслы — солодовенный (21 семья) и судовой (8 семей).

погром 1569 г., вывод с посада купечества и заселение его людьми «из новоторжских и ис тверских сел с папен», т. е. земледельцами, и события Смуты ⁷⁵.

Но еще в тот период подготавливались условия для хозяйственного подъема Твери. Одно из них — оживление отраслей промышленности, удовлетворявших внутренний спрос, особенно — железодельного производства ⁷⁶. В 1646 г. здесь были учтены ремесленники 21 специальности, среди которых были кузнецы, игольники, скобники и ларезчики (изготавлившие лари из железа или окованные железом) ⁷⁷. Во второй половине XVII и особенно с начала XVIII в. промышленность и торговля Твери развивались сравнительно быстрыми темпами.

Материалы переписи 1723—1724 гг. показывают, что в это время в Твери уже не было «папенного» населения. Земледелием занималась только очень небольшая группа рассыльщиков (5—7 семей, в них 15 человек м. п.), переведенных в посад в 1724 или 1725 г. ⁷⁸ Остальное население посада было занято в промышленности и торговле (см. табл. 8).

С обрабатывающей промышленностью были связаны около 40% посадских людей города. В эту группу входили 376 семей, в том числе сочетавших ремесло с торговлей — 7, торговлю и солодовенный промысел — 21. Подавляющее большинство людей этой группы составляли самостоятельные мелкие производители. Среди них были работники 40 специальностей ⁷⁹.

Самую многочисленную подгруппу ремесленников и мелких товаро-производителей Твери составляли специалисты железодельного производства, для которого была характерна высокая степень специализации. В нее входили кузнецы (в 1709 г. их было 65, в 1723—1724 гг. — 72), гвоздари (соответственно 25 и 20), замочники (44 и 31). В 1723—1724 гг. имелись донники (11 человек), гвоздарные лудильщики (4),

⁷⁵ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 191, 193.

⁷⁶ Там же, стр. 193—194; С. В. Бахрушин. Научные труды, т. I. М., 1952, стр. 62—64.

⁷⁷ ПГАДА, ф. 1209, ПК 12 611, лл. 274—293 об. Среди остальных были красильники, портные, шапочники, рукавичники, скорняки, подошвенники, серебряники, крестечники, алмазники, мельники, солодовники, пирожники, масленики, горшечники, извозчики, перевозчики, а также шепетник, соленик и луковник.

⁷⁸ Там же, ф. 248, кн. 727, л. 152. Сведений о занятиях архиерейских и монастырских слуг и служебников Твери не найдено.

⁷⁹ Это были (цифры — число семей): кузнецы — 72, калачники, хлебники и квасники — 40, масленики — 31, замочники — 31, сапожники — 27, гвоздари — 20, сережники — 16, кожевники — 13, рукавичники — 11, донники — 11, серебряники — 9, овчинники — 9, портные — 9, крапешники — 6, канатные придиляшки — 6, свечники — 4, мельники — 4, токари — 3, гороховники — 2, харчевники — 2, оконничники — 2, «делают ключи замочные» — 2, и по одной семье — пряничники, мясники, рыболовы, сырмятники, седельники, войлочники, пуговичники, столяры, кирпичники, скорлятник, а также — солодовники.

ремесленники, занятые изготовлением ключей (2) и бронник, которых не находим в 1709 г.⁸⁰ Их изделия поступали на рынок и развозились по всей стране. В частности, в 1724—1726 гг., в среднем за год, из Твери отпустили замков — 69,9 тыс. штук и гвоздей 14 сортов — 5540 тыс. штук и 19,2 тыс. колод⁸¹.

Показательно также, что в Твери, городе-пристани, численность учтенных канатных прядильщиков увеличилась с одной семьи в 1709 г. до 6 семей в 1723—1724 гг.⁸²

Помимо самостоятельных мелких производителей города с производством были связаны и купцы. Изучение сказок 1723—1724 гг. показывает, что из 21 семьи, связанной с солодовенным промыслом, 16 объявили капитал от 2 до 50 руб., две — 60 и 80 руб., три — 250 руб. и более. Это были купцы П. М. Вагин (650 руб.), С. М. Вагин (400 руб.) и И. М. Вагин (250 руб.). Из владельцев речных судов Твери 8 объявили, что они занимаются «до Вышнего Волочка и до Новгорода и до Санкт-Петербурха под его императорского величества и под купеческие припасы». Среди этих владельцев были купцы В. И. и И. И. Янковские (капитал 300 руб.), И. С. Протопопов (250 руб.) и упомянутый хлебо-торговец и солодовник И. М. Вагин (сосчитан вместе с солодовниками), т. е. эти купцы были предпринимателями в речном судоходстве.

Но участие купеческого капитала Твери в производстве было большим, чем это отражено в сказках купцов. Известно, что А. Г. Арефьев (капитал 6250 руб.) в 1722—1723 гг. имел крупный завод в Казанском уезде, на котором были заняты 14 наемных работников⁸³. А. Г. Арефьев, К. Ф. Ворошилов (капитал 5000 руб.), И. В. Янковский (2500 руб.), А. В. Янковский (1300 руб.), С. В. Янковский (1000 руб.) и С. А. Волочанинов (1000 руб.) систематически поставляли юфть в Петербург, т. е. были, видимо, владельцами кожевенных заводов⁸⁴.

Группа посадских людей Твери, занятых в торговле, состояла из 269 семей, из которых о размерах капитала в обороте сообщили 257 (см. табл. 9). Из них мелких торговцев насчитывалось 213 семей (около 83%), средних — всего 13 и купцов — 31. Среди последних выделялась подгруппа крупных купцов из 5 семей (2% торгующих), которые владели капиталом в 21 300 руб. (свыше 60% объявленного). Это были братья Матвей и Алексей Григорьевы Арефьевы, которые объявили за собой капитала по 6250 руб. каждый, К. Ф. Ворошилов, И. В. Янковский и А. В. Янковский⁸⁵. Еще 5 купцов располагали капиталом от 600 до 1000 руб. В целом тверское купечество было намного состоятельнее новоторжского и ржевского.

Большая, чем в других городах края, численность мелких торговцев в Твери была обусловлена во многом положением города на водном пути и оживленной гужевой дороге Москва — Петербург. Поэтому среди торговцев, связанных с хлебной торговлей (69 семей), около половины специализировались на торговле фуражем — овсом и сеном

⁸⁰ *Х. Д. Сорина. Социально-экономическая история г. Твери в начале XVIII в., стр. 106—107; ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, кн. 4440. О донниках в источнике сказано, что они «плавают из трески железом», т. е., видимо, получали его из отходов кузнечного производства, в том числе — из окалинны.*

⁸¹ ЦГАДА, ф. 397, д. 630, лл. 116, 119.

⁸² *Х. Д. Сорина. Социально-экономическая история г. Твери в начале XVIII в., стр. 106—107; ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, кн. 4440, ч. 1, лл. 1404—1411 об.; ч. 2, л. 801.*

⁸³ *М. Я. Волков. Материалы первой ревизии как источник..., стр. 298.*

⁸⁴ ЦГАДА, ф. 273, д. 82, лл. 94, 115; д. 32690, лл. 19, 159, 200, 205, 279, 280, 288, 556. Из духовной А. Г. Арефьева 1748 г. видно, что он был владельцем кожевенного завода и отправлял юфть в Амстердам и Гамбург (*Х. Д. Сорина. Очерки социально-экономической истории г. Твери в 50—60-х годах XVIII в. — «Уч. зап. Калининского пединститута им. Калинина», т. 26. Калинин, 1962, стр. 110—111).*

⁸⁵ ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, кн. 5632, ч. 2, лл. 1—2, 49—50, 83—84, 161—161 об., 166—166 об. Равенство капиталов у братьев Арефьевых объясняется тем, что до 1721 г. они хозяйствовали вместе, а в 1721 г. поделили общий капитал поровну.

Т а б л и ц а 9

Состояние торговли в Твери в 20-х годах XVIII в. *

Размер капитала (руб.)	Торговля и вложенный в нее капитал (руб.)						Итого
	хлебом	хлебом и пенькой	хлебом и прочими товарами **	съестными товарами	«мелочной» торговле в городе и уезде	разными товарами	
1—50	42/776 ***	2/30	25/313	51/818	75/1405	18/322	213/3664
55—100	5/430	—	2/140	1/70	1/75	4/300	13/1015
110—200	7/1220	1/200	2/270	—	—	2/370	12/2060
250—300	2/600	1/250	2/550	—	—	1/300	6/1700
400—500	1/500	1/400	1/500	—	—	—	3/1400
600—1000	1/650	4/3300	—	—	—	—	5/3950
Свыше 1000	1/6250	2/7500	2/7550	—	—	—	5/21 300
Итого	59/10 426	11/11 680	34/9323	52/888	74/1480	25/1292	257/35 089

* ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, кн. 5632, ч. 2, лл. 1—732 об.

** «Прочие товары» — это рыба, шапки, сапоги, «мелочной» товар, сено и лошади.

*** Первая цифра — число семей, вторая — сумма объявленного ими капитала. Сведений о размерах капитала в 12 семьях нет.

(22 семьи, капитал 233 руб.) или одним овсом (8 семей, капитал 117 руб.), а 51 семья сосредоточивалась на торговле съестными припасами.

Тверские купцы вели в основном торговлю хлебом, пенькой и юфтью. Пеньку они приобретали в городах и уездах провинции, а также в Смоленской губернии и Орловской провинции Белгородской губернии, и отправляли, как и юфть, в Архангельск и в Петербург (в 20-х годах XVIII в. — только в Петербург) ⁸⁶.

С начала XVIII в. главную роль в их занятиях стала играть торговля хлебом, чему способствовала система подрядов. Насколько значительной была роль казенных средств в их хлебной торговле, показывает отчасти следующий пример. 17 тверских купцов и торговцев, которые располагали капиталом в 6,6 тыс. руб., подрядились поставить в 1720 г. в район Петербурга 44 тыс. четвертей ржаной муки и 4835 четвертей крупы, всего 48 835 четвертей. Стоимость провианта была определена в 123 780,3 руб. и тверичи-подрядчики получили из казны вперед 92 745,4 руб., т. е. сумму, превышающую размер их капитала в 14 раз ⁸⁷. На казенные деньги они закупали не только провиант, но и так называемый купеческий хлеб, который они также поставляли в район Петербурга и продавали здесь по рыночной цене. Так, по неполным данным, тверские купцы в 1721 г. поставили подрядного хлеба 10 255 четвертей и собственного (купеческого) — 23 272 четверти, в 1723 г., соответственно, примерно 23 тыс. и 6314 четвертей, в 1726 г. — 7633 и 9035 четвертей. Почти весь хлеб они закупали в Среднем Поволжье — в Нижнем Новгороде, Лыскове, Работках, Чебоксарах, Казани и других пунктах ⁸⁸.

Все купцы-хлеботорговцы Твери были владельцами речных судов, на которых были заняты наемные работники.

⁸⁶ ЦГАДА, ф. 276, д. 80, л. 62; Р. И. Козинцева. Указ. соч., стр. 124 (таблица). В частности, В. А. Волоченинов (капитал 600 руб.) в 1725 г. закупил пеньку в Болхове — 3500 пуд. на 115,5 руб. (ЦГАДА, ф. 273, д. 32747, лл. 5 об.—6 об.).

⁸⁷ ЦГАДА, Госархив, XIX разряд, д. 7, ч. 1, лл. 116—292 об.

⁸⁸ Там же, л. 369—369 об.; ф. 273, д. 32 777; М. Я. Волков. Привоз хлеба в район Петербурга, стр. 124—125. В 1726 г. только в Лыскове 8 тверских купцов закупили на явленные 8495 руб. хлеба 10 518 четвертей (ЦГАДА, ф. 273, д. 32 777, лл. 9—9 об., 22—22 об., 26—26 об. и др.).

Группа посадских людей, кормившихся «черною работою», насчитывала 349 семей, что составляет 35,9% семей тверского посада. Иначе говоря, ее доля была заметно меньшей, чем в Торжке и Ржеве. Но следует учитывать, что в отличие от этих городов группа «черноработцев» Твери была социально однородной. Она состояла только из посадских людей, которые кормились работой по найму в торговле, обрабатывающей промышленности (солодовенное и кожевенное производства, трепанье пеньки) и, главным образом, в речном судоходстве.

Таким образом, социальное расслоение в Твери, самом крупном центре промышленности и торговли в провинции, было наиболее глубоким. Подведем теперь некоторые итоги.

Во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. во всех городах Тверского края наблюдается рост населения и изменение его сословного состава. Наиболее значительно в этот период увеличилась численность посадского населения, в основном за счет перевода в посад людей из неподатных сословных категорий горожан.

В этот же период усилился разрыв между сословным положением жителей, их занятиями и социальным положением. Несоответствие между сословным положением и занятием обнаруживается в Старице и особенно Погорелом городище, которые, хотя и в различной мере, утратили значение центров промышленности и торговли. В них основным занятием посадских людей стало земледелие, свойственное деревне и ее населению — крестьянству. Напротив, развитие промышленности и торговли в Твери, Торжке, Ржеве и Зубцове обусловило рост торгово-промышленного населения и исчезновение в этих городах земледелия и земледельцев, особенно — в посаде. В среде посадского населения возникает процесс буржуазного расслоения, причем развитие этого процесса обнаруживается наиболее явственно в Твери и Торжке и в меньшей мере в Ржеве.

Возникновение и развитие этих социально-экономических явлений было связано во многом с географическим положением городов Тверской провинции. Оно определило, в частности, формирование в Твери, Торжке, Ржеве и Зубцове значительного слоя горожан, кормившихся работой по найму, прежде всего за счет работников речного транспорта, и оказало заметное влияние на формирование купечества. Купцы Твери, Торжка и Ржева вкладывали свой капитал преимущественно в торговлю хлебом и пенькой, владели речными судами, солодовенными, кожевенными и канатнопрядильными предприятиями.

МОНАСТЫРСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В РОССИИ

в первой четверти XVIII в.

И. А. Булыгин

История монастырского хозяйства в первой четверти XVIII в. — тема, которая до сих пор по существу не нашла отражения в нашей исторической литературе. Лишь хозяйство одного монастыря, суздальского Спасо-Евфимьева, явилось предметом специального исследования¹. Состояние хозяйства других духовных владельцев, даже крупнейших из них, остается неизученным. Между тем без знания его нельзя понять историю монастырских крестьян и вообще экономическое и социальное развитие страны в данный период.

В настоящей работе рассматривается хозяйство и доходы наиболее крупных и богатых монастырей и архиерейских домов. На их положение огромное влияние оказала церковная реформа, проведенная правительством Петра I. Поэтому для правильного понимания всего последующего материала, кратко охарактеризуем существо этой реформы. История ее состоит из нескольких этапов. На первом этапе, который охватывает 1701—1705 гг., управление церковными землями и крестьянами, сбор с них различных доходов и распоряжение этими доходами перешло в руки государственного учреждения — Монастырского приказа. Другими словами, фактически была произведена полная секуляризация принадлежащих духовенству имений, хотя юридически церковь и не лишалась их. На втором этапе реформы, в 1705—1720 гг., правительство отказывается от полной секуляризации и переходит к частичной секуляризации церковных вотчин. Суть ее заключалась в следующем. Архиерейские дома и монастыри пяти окраинных, пограничных епархий² вообще изымаются из ведения Монастырского приказа и возвращаются в свое прежнее состояние. В других 15 епархиях, оставшихся в подчинении Монастырского приказа³, все маловотчинные, малоодоходные монастыри, а их оказалось подавляющее большинство, также вернулись в прежнее положение, т. е. им возвратили управление вотчинами и право распоряжения всеми своими доходами. Эти монастыри стали называться «неопределенными». Крупные же монастыри, имевшие большие доходы, были подвергнуты определению содержанием и получили название «определенных». Из общей суммы доходов каждому такому владельцу выделялось определенное содержание (в виде денег, оброчного хлеба и десятиной пашни), а оставшаяся часть доходов (тоже в форме денег, оброчного хлеба и десятиной пашни) поступала в казну, в распоряжение Монастырского приказа. В соответствии с этим вотчины многих определенных монастырей и архиерейских домов делились на две части: одна часть вотчин, доходы с которых шли на содержание владельцев, переходила в их непосредственное управление, т. е. возвращалась им (эти вотчины получили название «определенных»); другая часть вотчин, до-

¹ Г. И. Слесарчук. Хозяйство и крестьяне суздальского Спасо-Евфимьева монастыря, М., 1955. Автореферат канд. диссертации.

² Новгородская, Псковская, Киевская, Астраханская и Сибирская епархии.

³ Ростовская, Суздальская, Крутицкая, Коломенская, Смоленская, Нижегородская, Белгородская, Вологодская, Тверская, Вятская, Холмогорская, Рязанская, Казанская, Устюжская и Воронежская епархии.

ходы с которых поступали в казну, оставалась в управлении Монастырского приказа (эти вотчины получили название «заопределенных»). У ряда определенных владельцев заопределенные вотчины не выделялись, а заопределенная сумма просто бралась из общих доходов. Определение началось не позднее 1706 г. и закончилось в основном в 1710 г., онохватило 60 монастырей и 11 архиерейских домов. Третий этап реформы падает на 1720—1721 гг., когда происходит ликвидация патриаршества и учреждение Синода. Монастырский приказ упраздняется, и управление заопределенными вотчинами возвращается владельцам, но доходы с них по-прежнему поступают в казну. Во время четвертого этапа, в 1722—1725 гг., правительство пытается разработать и ввести строго определенные штаты для всех церковных учреждений и владельцев⁴.

В ходе проведения реформы Монастырским приказом были собраны очень ценные и довольно полные сведения о хозяйственном состоянии монастырей и архиерейских домов. Особое значение имеют материалы, полученные в процессе валового описания церковных имений, которое проводилось в 1701—1704 гг. Они дают представление о хозяйстве и доходах духовных владельцев на первом этапе реформы и легли в основу определения их содержанием на втором этапе реформы.

Предметом изучения в данной работе являются только определенные монастыри и архиерейские дома, т. е. наиболее крупные и богатые духовные владельцы. Источниками послужили ведомость Камер-конторы синодального правления о доходах определенных владельцев, посланная в 1723 г. в Синод и хранящаяся ныне в фонде Сената⁵ и табель Коллегии экономии о доходах определенных и неопределенных владельцев, составленная в 1732 г. и хранящаяся в фонде Синода⁶. Ценность названных источников прежде всего в том, что они носят сводный характер, т. е. касаются всех определенных монастырей и архиерейских домов. Как мы видим, оба источника были созданы позднее времени описания и определения. Однако составлялись они по материалам Монастырского приказа, о чем прямо говорится в них. Есть все основания считать данные этих двух источников в основном вполне достоверными. Об этом свидетельствует прежде всего то, что сведения их в главном совпадают. Они во многом подтверждаются и другими материалами, которые мы здесь не в состоянии привести. Более ранних источников сводного характера по данному вопросу нами пока не обнаружено.

На основании этих двух источников нами составлена таблица о доходах архиерейских домов и монастырей, подчиненных Монастырскому приказу и определенных содержанием в ходе церковной реформы. Помеченные в таблице данные о численности крестьянского населения церковных владельцев получены нами по другим источникам⁷.

Переходим к анализу таблицы (см. стр. 170—176). По реформе были определены следующие архиерейские дома: Крутицкий, Ростовский, Тверской, Коломенский, Суздальский, Вологодский, Смоленский, Белгородский, Нижегородский, Вятский и Холмогорский, или 11 из 15 подведомственных Монастырскому приказу архиерейских домов. Если посмотреть на их географическое размещение, то увидим, что большая часть архи-

⁴ См. подробнее: И. А. Булыгин. Церковная реформа Петра I.— «Вопросы истории», 1974, № 5, стр. 85—89.

⁵ ЦГАДА, ф. Сената (248), д. 769, лл. 789—793.

⁶ ЦГИА, ф. Синода (796), оп. 13, д. 152, лл. 1—14.

⁷ Использованы публикации: А. А. Новосельский. Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей по переписным книгам 1678 г.— «Исторический архив», М.— Л., 1949, т. IV, стр. 91—122; С. И. Елагин. История русского флота. Период азовский. СПб., 1864, ч. 1, приложения, стр. 168—181; П. Иванов. Описание государственного архива старых дел. М., 1850, стр. 344—358; К. В. Сивков. К истории землевладения в России в начале XVIII в.— «Известия АН СССР», VII серия. Отделение общественных наук. 1933 г. № 3. М.— Л., 1933, стр. 221—224.

ерейских домов находилась на территории старого русского центра и являлась крупнейшими феодальными владельцами. Ростовский митрополичий дом имел 4376 дворов крестьян, Суздальский — 1602 двора, Вологодский — 1213 дворов крестьян и т. д.

Окраинные архиерейские кафедры, такие, как Белгородская и Холмогорская, имели сравнительно небольшие владения, соответственно 166 и 130 крестьянских дворов.

Вместе с архиерейскими домами было определено 60 монастырей. Географически они также в массе своей располагались в центральных уездах страны, а по размерам владений являлись богатейшими вотчинниками. Среди них выделяются своими огромными имениями московские монастыри — Чудов (3026 дворов крестьян), Новоспасский (2638), Симонов (2493), подмосковные — Воскресенский на Истре (2297), Савво-Сторожевский (2054), Иосифо-Волоколамский (1409), монастыри в епархиях — Кирилло-Белозерский (5430), Спасо-Ярославский (4049), Спасо-Евфимьев (2906), Троицкий Калязин (2165 дворов крестьян) и т. д.

Всего определенным 11 архиерейским домам и 60 монастырям принадлежало 72 123 двора крестьян, или почти половина всех монастырских крестьян в стране.

Теперь посмотрим, каким же было их хозяйство. Представление об этом дают имеющиеся данные о характере и размерах доходов монастырей и архиерейских домов. Остановимся сперва на общем облике их хозяйства в начале церковной реформы, т. е. в 1701—1705 гг., еще до определения. О нем свидетельствуют сведения, помещенные в графе «общий доход». В это время наиболее состоятельным из архиереев являлся ростовский митрополит, который получал 7748 руб. 68 коп., 851 четв. оброчного хлеба и заседал на себя 652 дес. пашни. На втором месте по доходам шел вологодский архиепископ — он имел 3573 руб. 47 1/2 коп., 467 четв. оброчного хлеба и 266 дес. пашни. Третью ступень занимал крутицкий митрополит, получавший 2763 руб. 59 коп. и засевавший на себя 560 дес. земли. Большие доходы имели Суздальский архиерейский дом (2316 руб. 47 коп. и 437 дес. пашни) и Тверской архиерейский дом (2334 руб. 76 1/4 коп. денег и 337 дес. пашни). Близки к ним были по своей состоятельности и несколько других архиерейских домов — такие, как Коломенский, Смоленский, Белгородский, Нижегородский. Наименее состоятельными были Холмогорский и Вятский архиепископы, первый получал 1876 руб. 8 1/4 коп. и заседал на себя 44 четв. земли, а второй имел 1729 руб. 33 3/4 коп. и 54 четв. оброчного хлеба.

Общий доход 11 определенных архиерейских домов составлял 33 153 руб. 50 коп., 1372 четв. оброчного хлеба и 2871 дес. и 44 четв. десятинной пашни.

Среди определенных монастырей мы находим не менее богатых владельцев, чем архиерейские дома. Возьмем монастыри Патриаршей области. Самым богатым из московских монастырей был несомненно Чудов монастырь. Он имел следующий доход: 4725 руб. 51 3/4 коп., 1604 1/2 четв. оброчного хлеба и заседал на себя 507 дес. десятинной пашни. За ним идет Вознесенский девичий монастырь, получавший 3270 руб. 58 коп., 2864 1/2 четв. оброчного хлеба и засевавший 134 дес. пашни. Немногим уступал ему по доходам Новоспасский монастырь, имевший 1876 руб. 40 3/4 коп., 82 1/2 четв. оброчного хлеба и 407 дес. десятинной пашни. Из подмосковных монастырей выделялся своим богатством Воскресенский монастырь на Истре, его доходы составляли 2895 руб. 98 1/2 коп., 88 четв. оброчного хлеба и 688 1/2 дес. пашни. Звенигородский Савво-Сторожевский монастырь имел 1706 руб. 38 1/2 коп., 92 1/2 четв. оброчного хлеба и 864 дес. десятинной пашни. Близки к ним были по своим доходам Иосифо-Волоколамский монастырь — 1525 руб. 22 1/2 коп. и 406 1/2 дес. пашни и Пафнутьев-Боровский монастырь — 1458 руб. 95 коп., 39 четв. оброчного хлеба и

421 дес. пашни. Среди периферийных владельцев Патриаршей области самым состоятельным, несомненно, был костромской Ипатьевский монастырь, он получал 1677 руб. 88 1/4 коп., 805 1/2 четв. оброчного хлеба и имел 1265 1/4 дес. барщинной пашни. Вслед за ним нужно назвать владимирский Рождественский монастырь, доходы которого составляют 1357 руб. 88 коп., 311 1/4 четв. оброчного хлеба и 478 дес. пашни.

В епархиях выделяются своими огромными доходами следующие владельцы. В Ростовской епархии им был Спасо-Ярославский монастырь, который собирал 4267 руб. 59 коп. денежных доходов, 1215 1/4 четв. оброчного хлеба и имел 259 дес. своей запашки. В Вологодской епархии огромные доходы получал Кирилло-Белозерский монастырь — 2602 руб. 4 3/4 коп., 1859 2/3 четв. оброчного хлеба и заседал 228 1/2 дес. пашни. В Суздальской епархии Спасо-Евфимьев монастырь получал 2168 руб. и имел 489 дес. барщинной запашки, а Покровский девичий монастырь получал 2325 руб. 9 1/2 коп. и заседал 439 дес. пашни. В Тверской епархии крупные доходы имел Троицкий Калязин монастырь — 1478 руб. 62 коп. и 205 дес. десятинной пашни. Доходы других определенных монастырей как в названных, так и в других епархиях были значительно ниже.

Все 60 определенных монастырей получали следующий доход: 56 898 руб. 33 коп., 11 883 четв. оброчного хлеба и 12 317 дес. и 1485 четв. десятинной пашни.

Доход всех определенных архиерейских домов и монастырей составлял 90 051 руб. 83 коп. денег, 13 255 четв. оброчного хлеба, 15 188 дес. и 1529 четв. десятинной пашни.

Приведенные материалы позволяют сделать вывод о том, что в большинстве своем все эти монастыри и архиерейские дома в 1701—1705 гг., т. е. до определения, являлись крупными владельцами, получавшими огромные по тому времени денежные и хлебные доходы.

Характер и состав рассмотренных доходов дают основание судить и о хозяйстве духовных владельцев в прямом смысле этого слова, т. е. имелось ли собственное хозяйство и каков был его характер.

Возьмем архиерейские дома. Как видно из таблицы, десять из них: Крутицкий, Ростовский, Тверской, Коломенский, Суздальский, Вологодский, Смоленский, Белгородский, Нижегородский и Холмогорский имели десятинную пашню, т. е. землю, которая обрабатывалась трудом зависимых крестьян. Другими словами, все названные архиерейские дома вели собственное земледельческое хозяйство. Не имел своей запашки и, следовательно, собственного земледельческого хозяйства лишь один Вятский архиерейский дом.

В монастырях наблюдается та же картина. Подавляющая их часть, 52 из 60, имела десятинную пашню, т. е. вела собственное земледельческое хозяйство, основанное на труде крепостных крестьян. Это следующие монастыри: московские — Чудов, Симонов, Новоспасский, Высокопетровский, Знаменский, Богоявленский, Андроньевский, Даниловский, Донской и Вознесенский девичий; подмосковные — Воскресенский на Истре, звенигородский Савво-Сторожевский, Иосифо-Волоколамский, Николо-Угрешский, дмитровский Борисоглебский и Пафнутьев-Боровский; переяславские — Горицкий, Никитский и Данилов; ростовские — Богоявленский Авраамиев, Борисоглебский и Спасский на Песку; угличские — Покровский, Алексеевский, Воскресенский, Николаевский Улейменский и Петровский на Поле; ярославские — Спасский и Толгский; костромские — Ипатьев и Богоявленский; галичские — Паисеин и Макарьев на Унже; вологодские — Кирилло-Белозерский, Спасо-Каменный, Павловский, Николаевский Озерский, Иннокентьевский и Спасо-Нуромский; владимирский Рождественский; суздальские — Спасо-Евфимьев и Покровский девичий; нижегородский Печерский; свияжский Богородицкий; рязанские — Богословский, Спасский, Духов и Сологичинский; муром-

ские — Николаевский Радовицкий и Троицкий на р. Павловке; Троицкий Калязин; смоленский Троицкий.

В то же время восемь монастырей не имели десятинной пашни и, следовательно, не вели собственного земледельческого хозяйства. К ним относятся монастыри: угличский Богоявленский Островский, ярославский Афанасьевский, шуйский Николаевский Шартомский, устюжский Николаевский Коряжемский; вятский Успенский Трифонов, муромские Борисоглебский и Прохорова Пустынь, вяземский Предтечев.

Если посмотреть на их географическое положение, то видно, что собственное земледельческое хозяйство имели все монастыри, расположенные в старом русском центре, и, как правило, это были крупные владельцы. Не имели собственного земледельческого производства монастыри, находившиеся на окраинах центральной части страны и в большинстве своем являвшиеся мелкими владельцами.

Имеющиеся данные не позволяют судить о том, какую роль играли животноводство и промыслы в хозяйстве монастырей. Но в том, что они имелись, особенно в крупных монастырских хозяйствах, вряд ли можно сомневаться.

Характер и состав доходов дают возможность сделать определенные выводы и о формах феодальной ренты в вотчинах рассматриваемых монастырей и архиерейских домов. У всех владельцев (71) применялась денежная рента. Наряду с ней в большинстве имений существовала и полевая барщина. В двух архиерейских домах (Ростовском и Вологодском) и 20 монастырях, кроме денежного оброка и барщины, взимался и хлебный оброк. В Вятском архиерейском доме и в четырех монастырях, ярославском Афанасьевском, угличском Богоявленском Островском, шуйском Николаевском Шартомском и устюжском Николаевском Коряжемском, применялись денежный и хлебный оброк. Имелась и небольшая группа, всего четыре монастыря (вяземский Предтечев, муромские Борисоглебский и Прохорова Пустынь и вятский Успенский Трифонов), в которых был только денежный оброк. Поэтому можно сделать общий вывод о том, что в наиболее крупных монастырях и архиерейских домах центральной части России преобладающей была смешанная форма феодальной ренты, именно, денежный оброк в сочетании с барщиной, которые иногда дополнялись натуральным оброком. В чистом виде применялся только денежный оброк и всего лишь в четырех владениях. Отчетливо видно, что ведущую роль играют денежный оброк и барщина, натуральный оброк стоит на втором плане.

А теперь выясним, какие изменения произошли в монастырском хозяйстве в результате реформы, т. е. как было проведено определение архиерейских домов и монастырей в 1706—1710 гг., какая часть доходов была оставлена им на содержание и сколько средств стало изыматься в казну и как это повлияло на их хозяйство.

Возьмем группу архиерейских домов. Из общего денежного дохода в 33 153 руб. 50 коп. на содержание архиерейских домов было выделено 15 491 руб. 72 1/2 коп., или около 47%, а в казну должно было отсылаться 17 661 руб. 78 коп., или более 53% всех денежных доходов. Весь оброчный хлеб в количестве 1372 четв. и вся десятинная пашня в размере 2871 дес. и 44 четв. оставались в распоряжении архиерейских домов.

На содержание монастырей из их общего дохода в 56 898 руб. 33 коп., 11 883 четв. оброчного хлеба и 12 317 дес. и 1485 четв. десятинной пашни было определено 25 886 руб. 95 коп. денег, или около 46%, 8531 четв. оброчного хлеба, или около 72%, и 7938 дес. и 1485 четв. десятинной пашни, или более 64%. Соответственно в казну стало изыматься 30 815 руб. 45 коп., или почти 54% их общего дохода, 3352 четв. оброчного хлеба, или почти 28%, и 4249 дес. пашни десятинной, или около 36% всей десятинной запашки.

Если взять в целом все определенные архиерейские дома и монастыри, то из их общего дохода в 90 051 руб. 83 коп., 13 255 четв. оброчного хлеба и 15 188 дес. и 1529 четв. десятинной пашни им было оставлено на содержание 41 378 руб. 67 коп., или около 46%, 9903 четв. оброчного хлеба, или 75%, и 10 809 дес. и 1529 четв. десятинной пашни, или более 71%. А в казну стало изыматься так называемых «заопределенных» доходов 48 477 руб. 27 коп., или почти 54%, 3352 четв. оброчного хлеба, или почти 25%, и 4249 дес. десятинной пашни, или около 29%. Другими словами, правительство должно было получать более половины всех денежных доходов определенных монастырей и архиерейских домов и более $\frac{1}{4}$ их оброчного хлеба и десятинной пашни.

Правильность вычисленных нами заопределенных доходов, изымаемых в казну, подтверждается другими источниками. Так, в ведомости Синода от 16 декабря 1723 г. размеры заопределенных доходов определяются такими цифрами: 52 336 руб. денег, 3387 четв. оброчного хлеба и 4738 дес. десятинной пашни⁸. В ведомости Камер-конторы синодального правления, составленной в сентябре 1725 г., величина денежных доходов и оброчного хлеба полностью совпадает с данными синодальной ведомости 1723 г., небольшая разница имеется лишь в размерах десятинной пашни, она показана здесь несколько меньшей — 4656 дес.⁹ Как видим, сведения обеих ведомостей лишь незначительно отличаются от наших данных. Спустя много лет после определения, в 1741 г., Синод называл оклад заопределенных денежных доходов в 50 тыс. руб.¹⁰ Все это позволяет нам считать, что вычисленные нами суммы так называемых заопределенных, поступающих в казну доходов, в основном достоверны.

Как повлияло определение, т. е. изъятие части доходов в пользу государства, на хозяйство духовных феодалов?

Как уже отмечалось, архиерейским домам было оставлено меньше половины денежных доходов, но вся десятинная пашня и весь оброчный хлеб. Следовательно, в хозяйстве архиерейских домов по-прежнему велось собственное земледельческое хозяйство, которое дополнялось доходами в виде денежного и хлебного оброка. Но значение денежного оброка заметно уменьшилось, а роль земледельческого хозяйства, наоборот, сильно возросла.

У монастырей также отобрали более половины денежных доходов, а также значительную часть десятинной пашни и оброчного хлеба. Но полностью десятинная пашня была отнята только у двух монастырей, костромского Богоявленского и Кирилло-Белозерского, а оброчный хлеб у трех монастырей — московского Новоспасского, звенигородского Савво-Сторожевского и Воскресенского на Истре. У остальных монастырей десятинная пашня и оброчный хлеб частично или полностью оставлены. Поэтому можно сказать, что и у монастырей система ведения хозяйства и после определения в основном осталась прежняя. Но, естественно, роль и значение собственно земледельческого хозяйства и хлебного оброка также заметно увеличились.

Но наиболее важное влияние определение оказало на характер хозяйства. Раньше, до определения, многие хозяйства имели значительные излишки в доходах и развивались на расширенной основе и, вполне вероятно, многие из них носили товарный характер. Теперь же монастырям и архиерейским домам была оставлена такая часть доходов, которая только покрывала их потребление, и поэтому можно сказать, что хозяйство их после определения, т. е. в 1706—1725 гг., должно было приобрести в основном потребительский характер.

⁸ ЦГАДА, ф. 248, д. 769, лл. 669а, 669б.

⁹ Там же, л. 340.

¹⁰ Б. В. Тиглаинов. Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам православной церкви. Вильна, 1905, стр. 354—356.

Т а б л и ц а

Доходы архиерейских домов и монастырей, подчиненных Монастырскому приказу и определенным содержанием в 1706—1710 гг. *

№ п/п	Архиерейские дома и монастыри	3	Общий доход				Определено на содержание архиерейских домов и монастырей				Остаток доходов, поступающих в казну						
			сумма		оборочный (четв.)	десятина паш. (дес.)	сумма		оборочный (четв.)	десятина паш. (дес.)	сумма		оборочный (четв.)	десятина паш. (дес.)			
			руб.	коп.			руб.	коп.			руб.	коп.					
					4	5			6	7			8	9	10	11	12
1	2	Колличество кре- стьянских дво- ров по переписи 1678 г.															
Архиепископские дома																	
1	Крутицкий	1050	2763	59	—	560	1000	—	—	560	1763	59	—	—	—	—	—
2	Ростовский	4376	7748	68	851	652	2014	—	851	652	5734	68	—	—	—	—	—
3	Тверской	1014	2334	76 ¹ / ₄	—	337	1200	—	—	337	1134	76 ¹ / ₄	—	—	—	—	—
4	Коломенский	577	2245	78 ¹ / ₈	—	249 ¹ / ₂	1200	—	—	249 ¹ / ₂	1045	78 ¹ / ₈	—	—	—	—	—
5	Суздальский	1602	2316	47	—	437	1500	—	—	437	816	47	—	—	—	—	—
6	Вологодский	1213	3573	47 ¹ / ₂	467	266	1333	12 ¹ / ₂	467	266	2240	35	—	—	—	—	—
7	Смоленский	843	2814	45 ¹ / ₂	—	131	1500	—	—	131	1314	45 ¹ / ₄	—	—	—	—	—
8	Белгородский	166	3100	—	—	80	1500	—	—	80	1600	—	—	—	—	—	—
9	Нижегородский	357	2650	87	—	159	1500	—	—	159	1150	87	—	—	—	—	—
10	Вятский	755	1729	33 ³ / ₄	54	—	1400	—	54	—	329	33 ³ / ₄	—	—	—	—	—
11	Холмогорский	130	1876	8 ¹ / ₄	—	44 четв.	1344	60	—	44 четв.	531	48 ¹ / ₄	—	—	—	—	—
Итого в 11 архиерей- ских домах			33 153	50	1372	2871 и 44 четв.	15 491	72 ¹ / ₂	1372	2871 и 44 четв.	17 661	78	—	—	—	—	—
Монастыри																	
Патриар- шая область																	
1	Новоспасский	2638	1876	40 ³ / ₄	82 ¹ / ₂	407	1472	46	—	2638 ¹ / ₂	704	24 ³ / ₄	82 ¹ / ₂	137 ¹ / ₂	5	—	—
2	Симонов	2493	2554	93 ³ / ₄	362	227	982	93 ³ / ₄	152	222	1622	—	210	—	—	—	—

* ЦГАДА, ф. 248, д. 769, лл. 789—793; ЦГИА, ф. 796, оп. 13, д. 152, лл. 1—14.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
3	Чулов	3026	4725	51 ³ / ₄	1604 ¹ / ₂	507	1646	—	1604 ¹ / ₂	219	3079	51 ³ / ₄	—	288
4	Высокопетров- ский	519	1016	73 ¹ / ₂	—	406	425	63 ¹ / ₂	—	406	591	40	—	—
5	Знаменский	299	624	44 ¹ / ₂	—	83 ¹ / ₂	422	44 ¹ / ₂	—	83 ¹ / ₂	202	—	—	—
6	Богоявленский	141	419	93	—	106	393	2	—	106	26	91	—	—
7	Андроньевский	210	289	97	—	191	130	39	—	191	159	58	—	—
8	Даниловский	221	657	76 ¹ / ₄	—	77	208	76 ³ / ₄	—	77	448	99 ¹ / ₂	—	—
9	Донской	1427	553	63 ¹ / ₂	—	448 ¹ / ₄	336	2	—	448 ¹ / ₄	217	61 ¹ / ₂	—	—
10	Вознесенский	2117	3270	58	2864 ¹ / ₂	134	1984	12 ¹ / ₂	1477 ¹ / ₂	134	1286	45 ¹ / ₂	1387	—
11	Воскресенский	2297	2895	98 ¹ / ₂	88	688 ¹ / ₂	868	59 ¹ / ₂	—	303 ¹ / ₂	2027	39	88	385
12	на Истре	382	862	52 ¹ / ₄	—	239	251	16 ³ / ₄	—	60	611	35 ¹ / ₂	—	179
13	Звенигородский	2054	1706	38 ¹ / ₂	92 ¹ / ₂	864	736	68 ³ / ₄	—	365	969	69 ³ / ₄	92 ¹ / ₂	489
14	Савво-Сторожев- ский	1227	1458	95	39	421	549	85	39	421	909	10	—	—
15	Пафнутьев-Бо- ровский	156	344	76 ¹ / ₂	—	521 ¹ / ₂	139	97 ¹ / ₂	—	521 ¹ / ₂	204	79	—	—
16	Дмитровский	1409	1525	22 ¹ / ₂	—	404 ¹ / ₂	316	44 ¹ / ₂	—	135	1208	78	—	271 ¹ / ₂
17	Борисоглебский	1005	1353	72 ¹ / ₄	—	288	399	17 ¹ / ₂	—	228	954	54 ³ / ₄	—	—
18	Иосифо-Волоко- ламский	403	508	95	—	239 ¹ / ₂	338	50	—	96 ¹ / ₂	170	45	—	143
19	Перяславский	485	739	77	—	181	565	24	—	113	—	—	—	—
20	Никицкий	3684	1677	88 ¹ / ₄	805 ¹ / ₂	1265 ¹ / ₄	485	88 ¹ / ₄	543 ¹ / ₂	167 ¹ / ₂	1192	—	262	1097 ³ / ₄
21	Данилов	1000	982	25	651	246	287	13	445	—	695	12	206	246
	Костромской													
	Ипатьев													
	Костромской													
	Богоявленский													

Т а б л и ц а (продолжение)

№ п/п	Архиерейские дома и монастыри	Количество крестов по пер. писм 1678 г.	Общий доход				Определено на содержание архиерейских домов и монастырей				Остаток доходов, поступающих в казну			
			сумма		оборочный (четв.)	десятинная (дес.)	сумма		оборочный (четв.)	десятинная (дес.)	сумма		оборочный (четв.)	десятинная (дес.)
			руб.	коп.			руб.	коп.			руб.	коп.		
1		3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
22	Владимирский Рождественский	1844	1357	88	311 1/4	478	530	98	245	493	826	90	66 1/4	285
23	Галицкий Паисиев	694	209	60	—	45	409	60	—	45	400	—	—	—
24	Макарьев на Унже	469	599	—	—	75	307	88	—	75	294	12	—	—
	Итого	30 200	32 212	80 3/4	6900 1/4	8076	13 638	60 1/4	4506 1/2	4421 1/4	1849	67	239 1/4	3526 3/4
25	Крутицкая епархия	116	271	40	—	—	224	30	—	—	47	10	—	—
	Итого	116	271	40	—	—	224	30	—	—	47	10	—	—
26	Ростовская епархия	291	289	18	122 1/2	129	249	18	122 1/2	129	40	—	—	—
27	Ростовский Богоявленский Авраамиев	2027	986	50	241 1/2	469	431	—	142 1/2	170	555	50	99	299
28	Спасский на Песку	97	267	78 1/2	—	64	125	70	—	46	142	8 1/2	—	18
29	Спасо-Ярославский	4049	4267	59	1215 1/4	259	854	67 1/2	497	259	3412	91 1/2	718 1/4	—
30	Ярославский-Толгский	394	270	59	—	110	70	57	—	110	200	—	—	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
31	Ярославский Афанасьевский	17	56	50	40	—	51	20	40	—	5	30	—	—
32	Угличский	361	634	—	—	184	305	27 ¹ / ₂	—	184	328	72 ¹ / ₂	—	—
33	Покровский	577	506	80	42	177	166	2 ¹ / ₂	12	177	340	77 ¹ / ₂	—	—
34	Алексеевский	411	210	90	—	45 ¹ / ₂	92	8	—	45 ¹ / ₂	118	82	—	—
35	Угличский Вос- кресенский	199	396	78	—	75	218	77	—	75	178	1	—	—
36	Николаевский Улейменский	70	213	4	36 ¹ / ₂	11 ¹ / ₂	71	19	36 ¹ / ₂	11 ¹ / ₂	141	85	—	—
37	Петровский на Поле	208	191	—	109 ¹ / ₂	—	75	90	109 ¹ / ₂	—	115	10	—	—
	Богоявленский													
	Островский	8401	8290	64 ¹ / ₂	1777 ¹ / ₄	1624	2711	56 ¹ / ₂	960	1207	5574	58	817 ¹ / ₄	317
	Итого													
	Тверская е пар х и я													
38	Троицкий Каля- зин	2165	1478	62	—	205	516	18	—	205	962	44	—	—
	Итого	2165	1478	62	—	205	516	18	—	205	962	44	—	—
	Суздальская е пар х и я													
39	Суздальский	2906	2168	81 ¹ / ₄	—	489	1278	51	—	431	889	57 ¹ / ₄	—	59
	Спасо-Евфимьев													
40	Суздальский По- кровский девичий	1983	2325	9 ¹ / ₂	—	439	2254	89 ¹ / ₂	—	439	70	20	—	—
41	Николаевский	578	632	17 ¹ / ₄	170	—	294	11	88	—	338	6 ¹ / ₂	82	—
	Шаромский													
	Итого	5467	5125	35	170	928	3326	51 ¹ / ₂	88	870	1297	83 ³ / ₄	82	53

Т а б л и ц а (продолжение)

№ п/п	Архирейские дома и монастыри	Количество крепостных дворов по переписи 1678 г.	Общий доход						Определено на содержание архиерейских домов и монастырей						Остаток доходов, поступающих в казну			
			сумма			оборочный хлеб (четв.)			песчаная пашня (дес.)			сумма			оборочный хлеб (четв.)			песчаная пашня (дес.)
			руб.	коп.		руб.	коп.		руб.	коп.		руб.	коп.		руб.	коп.		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15				
42	Вологодская епархия Кирилло-Белозерский	5430	2602	4 ³ / ₄	1859 ³ / ₄	228 ¹ / ₂	2221	31 ³ / ₄	1800 ³ / ₄	—	380	73 ³ / ₄	59	228				
43	Спасо-Каменный	472	163	—	152 ¹ / ₄	137 четв.	62	86	152 ¹ / ₄	137 четв.	100	14	—	—				
44	Павловский	717	242	75 ¹ / ₂	34 ¹ / ₂	215	222	67	34 ¹ / ₂	215	20	8 ¹ / ₂	—	—				
45	Николаевский	309	136	31	—	177 ¹ / ₂ четв.	125	67	—	177 ¹ / ₂ четв.	10	64	—	—				
46	Озерский	122	30	40	—	67	15	40	—	67	15	—	—	—				
47	Иннокентьевский Спасо-Нуромский	108	41	28	—	42 четв.	14	21	—	42 четв.	27	7	—	—				
	Итого	7158	3215	79 ¹ / ₄	2046 ³ / ₄	510 ¹ / ₂ и 356 ¹ / ₂ четв.	2662	12 ³ / ₄	1987 ³ / ₄	282 и 356 ¹ / ₂ четв.	552	167 ¹ / ₆	59	228				
48	Смоленская епархия Смоленский Троицкий	119	119	37 ¹ / ₂	—	144 ¹ / ₂ четв.	70	30	—	144 ¹ / ₂ четв.	49	7 ¹ / ₂	—	—				
	Итого	119	119	37 ¹ / ₂	—	144 ¹ / ₂ четв.	70	30	—	144 ¹ / ₂ четв.	49	7 ¹ / ₂	—	—				
49	Рязанская епархия	380	1891	96	70	249	177	20	70	154	1714	76	—	95				
50	Рязанский Богословский Рязанский Спасский	444	500	47 ¹ / ₄	28	88 ¹ / ₂	153	84	28	88 ¹ / ₂	346	63 ¹ / ₄	—	—				

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
51	Рязанский Духов	95	26	53	—	49	20	78	—	19	5	75	—	—
52	Сологичинский	748	840	48	—	313	362	80	—	313	477	68	—	—
53	Муромский	194	136	62 ¹ / ₂	—	—	92	71 ¹ / ₂	—	—	43	91	—	—
54	Борисоглебский	153	41	6	—	48	23	3	—	48	18	3	—	—
55	Николаевский	418	217	65	—	17	—	—	—	17	217	65	—	—
56	Троицкий на устье р. Павловки	38	80	—	—	—	—	—	—	—	80	—	—	—
	Прохорова нус- тъя в Муром- ском уезде													
	<i>Итого</i>	2170	3734	77 ³ / ₄	98	734 ¹ / ₂	830	36 ¹ / ₂	98	639	2900	441 ¹ / ₄	—	95
57	Нижегород- ская епархия	1665	1069	56 ¹ / ₂	—	339	633	5	—	314	436	51 ¹ / ₂	—	25
	Пенерский	1665	1069	56 ¹ / ₂	—	339	633	5	—	314	436	51 ¹ / ₂	—	25
	<i>Итого</i>													
58	Казанская епархия	1116	635	77 ¹ / ₂	—	984 ¹ / ₂ четв.	503	35	—	984 ¹ / ₂ четв.	132	42 ¹ / ₂	—	—
	Свияжский Бого- родичий	1116	635	77 ¹ / ₂	—	984 ¹ / ₂ четв.	503	35	—	984 ¹ / ₂ четв.	132	42 ¹ / ₂	—	—
	<i>Итого</i>													
59	Вятская епархия	1154	699	10	—	—	363	60	—	—	335	50	—	—
	Успенский Три- фон	1154	699	10	—	—	363	60	—	—	335	50	—	—
	<i>Итого</i>													

Т а б л и ц а (окончание)

№ п/п	Архирейские дома и монастыри	Количество крестьянских дворов по переписи 1878 г.	Общий доход				Определено на содержание архирейских домов и монастырей				Остаток доходов, поступающих в казну			
			сумма		коп.	руб.	сумма		коп.	руб.	сумма		коп.	руб.
			4	5			6	7			8	9		
		3					оборотный (четв.)	расчетная (дес.)			расчетная (дес.)	оборотный (четв.)	расчетная (дес.)	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
60	Устюжская епархия Николаевский Коряжмский	308	45	12 1/2	891	—	6	—	891	—	39	12 1/2	—	—
	Итого	308	45	12 1/2	891	—	6	—	891	—	39	12 1/2	—	—
	Итого в 60 монастырях	60 040	56 898	33	11 883	12 317 и 1485 четв.	25 886	95	8631	7938 и 1485 четв.	30 815	45	3352	4249
	Всего в 11 архирейских домах и 60 монастырях	72 123	90 051	83	13 255	15 188 и 1629 четв.	41 378	67	9903	10 899 и 1529 четв.	48 477	27	3352	4249

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ АСТРАХАНИ

в 20-х годах XVIII в.

А. И. Юрт

Значение Астрахани как крупного центра русско-восточной торговли в XVI—XVIII вв. общеизвестно и в определенной мере раскрывается в работах, посвященных экономическим связям России с Кавказом, Закавказьем, Ираном, Средней Азией и Индией. Но ее роль во внутренней торговле страны, в складывании всероссийского рынка изучена недостаточно¹. Между тем для исследования этой проблемы историки располагают богатейшей коллекцией астраханских таможенных книг примерно за 30 лет — с 1724 г. до отмены внутренних таможен в 1754 г.

В данной статье, с учетом характера настоящего издания и ограниченного объема, предпринята попытка охарактеризовать товарооборот и торговые связи Астрахани с внутренним рынком в 20-е годы XVIII в. В этих целях нами использованы четыре таможенные книги за 1724—1726 гг., в которых имеются неполные сведения о вывозе из Астрахани и привозе туда товаров примерно на 400 тыс. руб.

Вывоз товаров из Астрахани на внутренний рынок фиксировался в таможенных книгах двух типов: «Отпуск товаров на явленные деньги» и «Отпуск товаров астраханского купечества» (иногда они назывались: «Книги отпускные на товарные деньги»). В первых книгах указывалась сумма денег, предъявленная в таможне для покупки товаров иногородними, местными (не русскими) и иноземными торговыми людьми. Во вторых книгах записывался вывоз товаров астраханскими русскими купцами на внутренний рынок и иногородними торговыми людьми на «товарные деньги», т. е. деньги, полученные от продажи товаров в Астрахани. В этих книгах, как правило, стоимость товаров не указывалась, ибо астраханские русские купцы и иногородние, совершавшие покупку на «товарные деньги», освобождались от уплаты пошлин в Астрахани, а платили ее в размере 5% в пункте продажи товаров.

Крупная роль Астрахани в торговле России со странами Востока определяла в известной мере структуру и размеры ее внутреннего товарооборота. Поток грузов, шедших из Астрахани вверх по Волге, состоял из двух групп. В первую входили «восточные товары»²: шелк-сырец и крапешный («вареный по цветам»), шелковые, полушелковые и хлопчатобумажные ткани и изделия, меха (овчинки, мерлушки и шкуры степных зверей — волков, лисиц, корсаков и др.), кожи (сафьян), хлопчатая бумага и продукты продовольствия («пшено сорочинское» — рис, чихирь — виноградное вино, виноград в патоке, грецкие орехи, перец стручковый и толченый, финики и т. п.). Кроме того, из восточных товаров на вывоз шли ладан, овечья шерсть, ковры, медь-лом и др. Главное место среди восточных товаров занимали шелк и текстильные изделия.

¹ Торговля Астрахани в конце XVII — начале XVIII в. рассматривается в неопубликованной работе Н. Б. Голиковой «Очерки по истории населения городов Нижнего Поволжья в конце XVII — первой четверти XVIII в.». Автореферат докт. дисс. М., 1970.

² Термин «восточные товары» носит условный характер. Под ним подразумеваются товары, поступающие не только из Средней Азии и Индии, но и Северного Кавказа Закавказья и Ирана.

В 20—40-х годах XVIII в. на их долю приходилось 75—80% от общей стоимости восточных товаров, поступавших из Астрахани на внутренний рынок.

Вторую группу составляли местные товары: рыба — красная (осетры, белуга, севрюга) и частиковая (сазан, судак, щука, сом, лещ), рыбные припасы (икра, клей, вязига) и соль. Отпуск соли, торговля которой с 1705 г. была объявлена монополией казны, в таможенные книги не вносился. С конца 30-х и особенно с 40-х годов XVIII в. из Астрахани на внутренний рынок стали вывозиться хлопчатобумажные, полушелковые ткани и изделия, вырабатываемые местными (в основном армянскими) ремесленниками и несколькими мануфактурами, первые из которых были основаны в 40-х годах³.

Рассмотрим вывоз товаров из Астрахани по таможенным книгам на «явленные деньги» 1724 и 1726 гг.⁴

В книге 1724 г. имеется 446 записей за весь год на общую сумму 177,4 тыс. руб. Из этого числа мы исключаем одну партию товаров, отправленную в Баку, 3 — в Дербент, 7 — в Крепость Св. Креста на Сулаке, 26 — в Ставрополь⁵, 72 — в Терский город⁶, и 7 — в Новый Транжемент⁷, всего 116 явок на общую сумму 14,2 тыс. руб., поскольку они отражают не внутреннюю, а скорее внешнюю торговлю. В книге 1726 г. 309 записей за весь год на общую сумму 104,1 тыс. руб. Из этого числа соответственно исключаем 36 явок (2 — в Дербент, 11 — в Крепость Св. Креста, 5 — в Ставрополь, 18 — в Терский город) на сумму 5,9 тыс. руб.

По книге 1724 г. из Астрахани вверх по Волге было отправлено в 40 пунктов страны 330 партий товаров на 163,2 тыс. руб., а по книге 1726 г. — в 33 пункта 273 партии на сумму 98,2 тыс. руб.

Торговые связи Астрахани были обширны и охватывали огромную территорию: на севере крайними пунктами были Сольвычегодск и Устюг Великий, на северо-западе — Петербург и Новгород, на западе — Смоленск, а на востоке — Тобольск. На основании нашего источника можно наметить несколько основных районов, в которые направлялась подавляющая масса товаров, вывозимых из Астрахани: 1) Центрально-промышленный во главе с Москвой; 2) Среднее Поволжье с Макарьевской ярмаркой; 3) Нижнее Поволжье; 4) Свинская ярмарка и города, граничащие с Украиной. С Поморьем, Уралом и Ирбитской ярмаркой, Сибирью торговые связи Астрахани в 20-х годах XVIII в. были незначительны и носили эпизодический характер. Так, в 1724 г. в эти районы было отправлено пять партий товаров на 1117 руб.⁸, а в 1726 г. — две на 724 руб.⁹ Из четырех основных районов главную роль играли первые два. В 1726 г. из Астрахани было вывезено в Центрально-промышленный район и Среднее Поволжье с Макарьевской ярмаркой 296 партий товаров на 89,4 тыс. руб., в Нижнее Поволжье — 12 на 2,3 тыс. руб., на Свин-

³ А. И. Юхт. Армянские ремесленники в Астрахани в первой половине XVIII в. — «Известия АН Армянской ССР (Общественные науки)», 1958, № 1, стр. 43—46.

⁴ Государственный архив Астраханской области (ГААО), ф. 394, оп. 1, 1724 г., кн. 81; ЦГАДА, ф. Астраханская портовая и внутренняя таможня (1361), кн. 3.

⁵ Ставрополь — основан во время Персидского похода Петра I и существовал до середины 30-х годов. Расположен был неподалеку от Крепости Св. Креста, вероятно всего на восточном берегу Аграханского мыса.

⁶ Большое число партий товаров, отправленных в Терский город, связано с Персидским походом Петра I, пребыванием там русских войск и расширением торговли с Дагестаном (Р. К. Киласов. Русско-дагестанские экономические отношения последней четверти XVII — первой половины XVIII в. (по материалам Астраханской таможни). Автореферат канд. дисс. М., 1971).

⁷ Новый Транжемент на Дону был построен после неудачного Прутского похода и сдачи Азова туркам.

⁸ По одной партии в Сольвычегодск, Устюг Великий, на Ирбитскую ярмарку, Солякамск и Тобольск.

⁹ Обе партии в Тобольск.

скую ярмарку и города, граничащие с Украиной — 6 на 3,4 тыс. руб., и в остальные пункты — 29 партий товаров на 3,1 тыс. руб.

Особенно велико было значение крупнейшей в стране Макарьевской ярмарки и Москвы, уже тогда превратившейся в центр складывавшегося всероссийского рынка. В 1726 г. на Макарьевскую ярмарку поступило 59 партий товаров на 41,2 тыс. руб., а в Москву — 50 партий на 31,8 тыс. руб., или соответственно 42 и 32,4% от всей суммы товаров, отправленных из Астрахани вверх по Волге. Следовательно, на долю Макарьевской ярмарки и Москвы в 1726 г. приходилось почти $\frac{3}{4}$ всего астраханского отпуска товаров на «явленные деньги». В эти пункты были направлены наиболее крупные партии товаров, некоторые из них достигали 3—5 тыс. руб. Основная масса товаров на Макарьевскую ярмарку была увезена из Астрахани в апреле — мае, чтобы попасть к ее открытию (29 июня).

Астрахань поддерживала крупные торговые связи с шестью городами Поволжья. В 1724 г. в эти города было отпущено товаров, купленных на «явленные деньги», 108 партий на 22,4 тыс. руб., в 1726 г. — 92 партии на 13,1 тыс. руб., в том числе: в Нижний Новгород в 1724 г. — 21 на 8398 руб., в 1726 г. — 35 на 8192 руб., Саратов в 1724 г. — 40 на 6764 руб., в 1726 г. — 7 на 772 руб.¹⁰, Ярославль в 1724 г. — 15 на 2517 руб., в 1726 г. — 15 на 2065 руб., Симбирск в 1724 г. — 12 на 1753 руб., в 1726 г. — 11 на 1273 руб., Казань в 1724 г. — 6 на 1602 руб., в 1726 г. — 17 на 1093 руб. и Сызрань в 1724 г. — 14 на 1349 руб. и в 1726 г. — 7 на 723 руб. Все вместе эти города занимали третье место после Москвы и Макарьевской ярмарки в вывозе товаров из Астрахани.

В таможенных книгах отпуска товаров на «явленные деньги» отражена большая часть вывоза из Астрахани, поскольку в них число явоек в 20—40-е годы XVIII в. обычно в 3—4,5 раза превышало число записей в таможенных книгах, фиксировавших отпуск товаров астраханскими купцами и иногородними на «товарные деньги». К тому же в первых записывался вывоз товаров иноземными купцами (индийскими, армянскими и др.), которые в целом отправляли партии товаров на значительно более крупные суммы, чем астраханские купцы.

Рассмотрим таможенную книгу второго рода за 1725 г. (от 1724 г. сохранилась книга не за весь год)¹¹. В ней имеется 108 записей (цена товаров не указана). Из этого числа исключаем 1 партию товаров, отправленную в Энзели¹², 1 — в Крепость Св. Креста, 8 — в Терский город и 4 партии шелка, шедших транзитом через Астрахань — Москву — Петербург в Западную Европу. Оставшиеся 94 партии были вывезены в 21 пункт, в том числе в Москву и на Макарьевскую ярмарку — 34, в 10 городов¹³ Поволжья — 42, остальные 18 партий — в 8 городов и 1 село, причем в пяти записях указан не один пункт назначения, а два (Нижний Новгород — Москва, Саратов — Москва).

Таким образом, по таможенной книге 1725 г. так же, как по книгам 1724 и 1726 гг., примерно $\frac{1}{4}$ всех партий товаров (76 из 94) было отпущено в Москву, на Макарьевскую ярмарку и города Поволжья. С другими районами страны (Поморье, Урал, Сибирь, Украина) астраханское купечество не было непосредственно связано.

Каковы были состав и торговые обороты купцов по данным таможенных книг отпуска товаров на «явленные деньги»?

¹⁰ О торговле Саратова и его связях с Астраханью см.: Е. Н. Кушова. Саратов в первой половине XVIII в. — «Проблемы социально-экономической истории России». М., 1971, стр. 40—51.

¹¹ ГААО, ф. Астраханская таможня (681), оп. 1, 1725 г., д. 3061.

¹² Энзели — порт на Каспийском море, построенный по указу Петра. Поблизости от Энзели находился Ревт — центр самой богатой шелком иранской провинции Гилян.

¹³ Красный Яр (2), Черный Яр (5), Саратов (7), Сызрань (3), Симбирск (2), Казань (5), Чебоксары (1), Нижний Новгород (7), Ярославль (9) и Тверь (1).

Торговые люди России вывезли из Астрахани вверх по Волге в 1724 г. 234 партии товаров на 48,2 тыс. руб., в 1726 г. — 218 партий на 54,4 тыс. руб.; индийские купцы в 1724 г. — 55 партий на 96,5 тыс. руб., в 1726 г. — 24 на 32,1 тыс. руб.; торговые люди Закавказья, Ирана и Турции (в основном армяне) в 1724 г. — 41 партию на 18,5 тыс. руб., в 1726 г. — 29 на 10,8 тыс. руб. Две партии товаров на 987 руб. отправил в 1726 г. среднеазиатский купец, житель Бухарской слободы в Астрахани.

Явки индийских купцов были наиболее крупными и значительно превосходили явки других восточных и русских торговых людей. В среднем одна партия товаров, отпущенная индийцами из Астрахани за два года (1724 и 1726), равнялась 1600 руб., армянами — 400 руб., русскими — 230 руб. Таковы средние цифры, которые весьма показательны. Но еще более наглядно предстанет крупный размах торговых операций индийских купцов, если обратиться к конкретным данным: в 1726 г. у индийцев явок свыше 1 тыс. руб., из 24 было 17 (70%), у других восточных купцов — из 31 всего 2 (6,4%), у торговых людей России — из 219 явок 12 (5,5%). Из 17 индийских купцов, участвовавших в вывозе товаров из Астрахани вверх по Волге, обороты четверых — Небагу Чежуева (5172 руб.), Жегатры Фатычандова (4410 руб.), Премри Предманова (3476 руб.), Мансарамы Басандова (3415 руб.) составляли 16,5 тыс. руб., т. е. половину всей суммы отпуска, приходившейся на долю индийцев в 1726 г.

Индийские купцы вывозили из Астрахани почти исключительно восточные товары и сбывали их главным образом в Москве и на Макарьевской ярмарке. В 1724 г. из 55 партий товаров они отправили в эти два пункта 52 на 92,8 тыс. руб., две на 3653 руб. — в Саратов — Москву, одну партию на 48 руб. — в Саратов; в 1726 г. в Москву и на Макарьевскую ярмарку — все 24 партии на 32,1 тыс. руб.

В Москву индийцы везли, как правило, крупные партии шелка, текстиля, иногда и мехов. Так, в мае 1726 г. индийский купец Небагу Чежуев повез туда 6 пуд. 28 фун. шелка-сырца гилианского (368 руб. 50 коп.), 1183 ансыря (фунта) шелка крашеного разных цветов (1609 руб. 60 коп.) ганджийского («генжинского»), 3 пуд. 34 фун. лада-на (17 руб. 31 коп.), 30 тюков сафьянов «малой руки» (60 руб.) и различные хлопчатобумажные и полупелковые ткани и изделия (223 руб. 41 коп.), всего на 2278 руб. 42 коп. В сентябре того же года другой индийский купец Жегатра Фатычандов отправил в Москву 48 пуд. шелка-сырца шемахинского на 2292 руб. 50 коп. и 500 стоп платков шемахинских на 800 руб., всего на 3092 руб. 50 коп.

На Макарьевскую ярмарку индийские купцы отправляли те же товары, но мехов и дешевых хлопчатобумажных тканей¹⁴ и изделий¹⁵ больше, чем в Москву. В качестве характерного примера сошлемся на партию товаров, доставленную в 1726 г. на ярмарку индийцем Торокчандом Бансарамовым и состоявшую из 345 ансырей шелка «по цветам» (414 руб.), 90 бирюков малых (81 руб.), 20 бирючников малых (10 руб.), 167 лисиц калмыцких (116 руб. 90 коп.), 193 овчинки бухарских (135 руб. 10 коп.), 6 пуд. орешков чернильных (33 руб.) и текстиля (434 руб. 70 коп.), всего на 1242 руб. 70 коп.¹⁶

Индийские купцы в 1724 г. занимали первое место по вывозу товаров из Астрахани на внутренний рынок. Но данные за этот год не показательны. В последующий период, начиная с 1726 г. и вплоть до отмены

¹⁴ Бахта, выбойка, пестрядь, бурметь, бязь, кумач, миткаль и др.

¹⁵ Платки, фаты, кушаки и т. п.

¹⁶ О доставке восточных товаров из Астрахани в Москву в 1740 г. и на Макарьевскую ярмарку в 1720 г. см.: *Е. Н. Кушева*. Торговля Москвы в 30—40-х годах XVIII в. — «Исторические записки», т. 23, стр. 67—70; *Б. Б. Кафенгауз*. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. М., 1958, стр. 143—147.

внутренних таможен в 1754 г., сумма отпуска товаров индийцами не превышала 30—35 тыс. руб., а в некоторые годы была значительно ниже. И хотя они на протяжении трех десятилетий продолжали играть известную роль в вывозе восточных товаров из Астрахани, но в целом их обороты уступали торговым людям России, которые прочно удерживали за собой первенство во внутренней торговле Астрахани.

Абсолютное большинство других восточных купцов составляли армяне, упоминаются грузины, два-три раза азербайджанцы и иранцы. Данные о территориальном происхождении армянских купцов свидетельствуют о широких торговых связях России с Северным Кавказом, Закавказьем, Ираном, Турцией и Крымом. Среди армян встречаются жители Терского города, Дербента, Баку, Шемахи, Ганджи, Еревана, Нахичевана, Тифлиса, Джульфы (предместье Исфагана), Астрабада, Тебриза, Ардебилля, Хамадана и других городов. В таможенных книгах довольно часто упоминаются просто грузинские, турецкие, крымские армяне (без конкретного указания на город или область)¹⁷.

Подобно индийцам, армяне, грузины и другие купцы отправляли из Астрахани восточные товары и тоже, главным образом, на Макарьевскую ярмарку и в Москву. В 1724 г. из 41 партии товаров они повезли в эти пункты 38 партий и 3 — в Саратов. В 1726 г. они доставили 20 партий на Макарьевскую ярмарку и в Москву на 9,3 тыс. руб. и остальные 11 — на 2,5 тыс. руб. — в Царицын (7), Саратов (2), Севск (1) и Черкасск (1).

В 20-е годы XVIII в. среди армян, участвовавших во внутренней торговле России, численно преобладали купцы средней руки и мелкие торговцы. Крупное армянское купечество — и прежде всего известная Джульфинская компания — отдавало предпочтение внешнеторговым операциям, участвуя в торговле России с Закавказьем и Ираном и сосредоточивая в своих руках транзитную торговлю шелком с Европой через Россию (Астрахань — Москва — Петербург).

Торговые люди России составляли самую многочисленную группу среди купцов, вывозивших товары из Астрахани. В 1724 г. они прибыли в Астрахань более чем из 50 пунктов страны (свыше 40 городов и примерно десятка сел). Наибольшее число людей приехало из Среднего Поволжья, Центрально-промышленного района и Нижнего Поволжья. По книге 1724 г. торговые люди из этих трех районов закупили в Астрахани и отправили вверх по Волге 198 партий товаров на 35,9 тыс. руб., в том числе торговцы Среднего Поволжья — 88 партий на 22,4 тыс. руб., Нижнего Поволжья — 71 партию на 8,4 тыс. руб., Центрально-промышленного района — 39 партий на 5,1 тыс. руб. Среди торговцев Поволжья особенно выделялись симбиряне, отправившие 24 партии на 9,2 тыс. руб., нижегородцы — 26 партий на 8,5 тыс. руб., саратовцы — 34 партии на 4 тыс. руб., красносельцы¹⁸ — 29 партий на 3,7 тыс. руб. и т. д. В Центрально-промышленном районе на наиболее крупную сумму товаров отправили москвичи (20 партий на 2,3 тыс. руб.) и ярославцы (6 партий на 1,7 тыс. руб.). Из торговцев других районов отметим курян (4 партии на 941 руб.), путивлянина (1 партия на 931 руб.), елатомцев (9 партий на 922 руб.), устюжанина (1 партия на 824 руб.).

В 1726 г. в Астрахань за товарами прибыли иногородние торговцы из 28 городов, одной слободы и 7 сел, причем подавляющее большинство из тех же трех основных районов, что и в 1724 г. В вывозе товаров из Астрахани в этом году по числу торговцев и оборотам впереди шли нижегородцы, симбиряне и москвичи. Обороты купцов этих городов, взя-

¹⁷ А. И. Юлт. Восточная торговля России в 30—40-х годах XVIII в. и роль в ней армянских купцов. — «Известия АН Армянской ССР» (Общественные науки), 1956, № 8, стр. 47—48.

¹⁸ Посадские люди Красного Яра — города, расположенного в дельте Волги, северо-восточнее Астрахани.

тые вместе, составляли 37,8 тыс. руб., или свыше $\frac{2}{3}$ (69,5%) всей суммы отпуска товаров из Астрахани торговыми людьми России в 1726 г.

Нижегородцы (20 человек) вывезли 50 партий товаров на 14 тыс. руб. Среди них было несколько крупных торговцев рыбой: это — крестьяне нижегородской Благовещенской слободы Андрей Кораблев, И. А. Морозов, Данила Титечкин и посадский человек В. И. Жуков.

Кораблев отправил из Астрахани 3 партии рыбы на 5280 руб., из них одну — на Макарьевскую ярмарку (2806 руб.)¹⁹, одну — в Нижний Новгород (2274 руб.) и одну — в Казань — Нижний Новгород (200 руб.). В этих партиях было: белуг матерых — три, мерных — 2641, полумерных — 2045, осетров коренных — 30, судаков «колотки» — 3020,5 мтин²⁰, сазанов вяленых — 300, тѣш — 3254, белужины — две кадки (30 пуд.), икры паусной — 100 пудов, две кадки малых рыб и тѣш осетровых (15 пуд.) и 2500 пучков вязиги белужьей. Морозов вывез две партии рыбы, одну — на Макарьевскую ярмарку (1897 руб.), одну — в Нижний Новгород (252 руб.)²¹ и партию других, в основном восточных товаров, — в Ярославль (83 руб.), состоящую из 15 тюков сафьянов красных, 13 козлин желтых, 5 овчинок калмыцких серых и хлопчатобумажных тканей и изделий, всего на 2232 руб. Титечкин отпустил 21 партию рыбы на 1340 руб., в том числе 14 — в Смоленск (581 руб.), 5 — в Калугу (660 руб.), по одной — в Нижний Новгород (74 руб.) и Чебоксары (25 руб.). Эти небольшие партии состояли в основном из дешевых сортов рыбы (сазан, судак, лещ) и были рассчитаны на широкий круг покупателей. Он же доставил в родной город партию товаров, состоящую из 5 боченков винограда в патоке, боченка чихиря, 2 фунтов лада-на и хлопчатобумажных тканей, всего на 42 руб. Жуков отправил 4 партии рыбы, из них одну — на Макарьевскую ярмарку (1925 руб.)²², две — в Нижний Новгород (585 руб.) и одну — в Казань (33 руб.).

Крупные купцы отправляли рыбу на собственных стругах. Торговля рыбой была выгодной: например, на Макарьевской ярмарке цены на рыбу были в 2 раза выше, чем в Астрахани²³. И хотя транспортные и прочие издержки были значительны, все же большая прибыль, особенно крупных рыбных торговцев, очевидна.

На долю перечисленных четырех купцов, составлявших пятую часть нижегородцев, вывезших товары из Астрахани в 1726 г., приходилось 82% всех оборотов (11,5 тыс. руб., из 14 тыс. руб.). Остальные нижегородцы (16 человек) отпустили 4 партии восточных товаров (шелк, кружева, ткани, сафьян разных цветов, медь-лом) в Ярославль, 3 (шелк, текстиль, овчинки, хлопчатая бумага, виноград в патоке и др.) — в Москву и 11 — в родной город, из них 4 партии рыбы и 7 — восточных товаров. В числе 16 нижегородцев отметим члена гостинной сотни И. Пушкинова, приказчик которого повез партию восточных товаров в Москву на 724 руб.²⁴, и посадского человека М. Д. Ивашкина, доставившего партию рыбы на 412 руб. в Нижний Новгород и 18 пудов хлопчатой бумаги на 81 руб. в Москву.

Ведущее место в оборотах нижегородцев занимала торговля рыбой, причем она была сосредоточена в руках нескольких крупных торговцев,

¹⁹ В 1720 г. Кораблев доставил на ярмарку восточные товары и крупную партию рыбы на 1948 руб., которую он продал за 4167 руб. (Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., стр. 145, 147—149).

²⁰ Мтина — связка из 12 рыб.

²¹ Из этой суммы 8 руб. 40 коп. приходится на орехи грецкие и 2 пуда шепталы, купленные Морозовым, по-видимому, для своих нужд, а не на продажу.

²² Кроме рыбы, он повез на ярмарку 105 пуд. риса (73 руб. 50 коп.) и 300 «козлов недоделанных» (30 руб.).

²³ Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., стр. 149.

²⁴ Эта партия товаров включала: 362 ансыря крашеного шелка (362 руб.), 160 стоп платков шемахинских (256 руб.), 35 кусков мови (цветная бумажная ткань) рубашечной (63 руб.) и 72 боченка винограда (42 руб. 20 коп.).

главным образом крестьян дворцовой Благовещенской слободы под Нижним Новгородом.

В 1726 г. 11 симбирских торговцев отправили из Астрахани 18 партий товаров на 12,5 тыс. руб. Решающую роль в торговле симбирян играли три крупных купца гостиной сотни — Ф. А. Маленков, Иван и Федор Судаковы. Обороты этих купцов составляли 11,5 тыс. руб., т. е. до 90% оборотов всех симбирян. Все трое вели крупную торговлю рыбой, причем Ф. Маленков и И. Судаков наряду с рыбой торговали и восточными товарами. Приказчики И. Судакова доставили на Макарьевскую ярмарку партию рыбы на 4944 руб., в Москву — около 29 пуд. хлопчатой бумаги на 115 руб. и 40 пуд. рыбьего клея в Москву — Петербург. Ф. Маленков также отправил крупную партию рыбы на 2380 руб. на Макарьевскую ярмарку, партию восточных товаров (27 пуд. 6 фунтов шелка-сырца гиланского плохого и 699 овчинок ширазских плохих) в Москву на 1530 руб. и в Вятку — 5 пуд. 3 фунт. шелка и текстиля на 244 руб. Приказчик Ф. Судакова повез в Нижний Новгород партию рыбы на 1930 руб.

Остальные симбиряне (восемь человек) вывезли 7 партий товаров на 830 руб. в родной город, 3 на 174 руб. — в Казань (из них две партии восточных товаров и одна — рыбы) и партию рыбы на 50 руб. — в Саратов.

Итак, симбиряне торговали преимущественно рыбой, но доля восточных товаров в их оборотах была несколько большей, чем у нижегородцев. У них, так же как и у нижегородцев, главенствующая роль в торговле принадлежала нескольким купцам.

Москвичи (15 человек) отправили из Астрахани в 1726 г. 24 партии товаров на 11,3 тыс. руб., в том числе 17 — на 10,6 тыс. руб. в Москву, остальные 7 на 662 руб. — в пять пунктов²⁵. В отличие от нижегородцев и симбирян, москвичи торговали главным образом восточными товарами и везли их большей частью в родной город. Вывоз рыбы в их оборотах занимал небольшое место (7—8% от общей суммы). Основную статью в группе восточных товаров, доставляемых в Москву, составлял шелк-сырец и крапешный.

В числе москвичей — М. Г. Евреинов и И. Францев (Шериман), член гостиной сотни П. Я. Мешков, остальные — тяглецы московских слобод.

Евреинов — крупнейший купец, подрядчик, совладелец шелковой мануфактуры. Он отпускал товары к Архангельскому порту, вел обширную торговлю с Закавказьем и Персией²⁶. Приказчики Евреинова доставили из Астрахани в Москву три партии товаров стоимостью в 6634 руб., в том числе 120,5 пуд. шелка-сырца на 5816 руб. и 123 пуд. рыбьего клея на 805 руб. (и кож для покрытия товара на 13 руб.), т. е. сырье для шелковой мануфактуры. И. Францев, обрусевший армянский купец, отправил 27 пуд. шелка-сырца на 1350 руб. для своей мануфактуры под Москвой. Мешков вывез из Астрахани три партии товаров — 11 пудов шелка-сырца (495 руб.), хлопчатобумажные ткани и изделия (101 руб.), 30 овчинок бухарских, 9 пуд. меди-лому, 12 пуд. рыбьего клея, 3 пуда корки лимонной и др., всего на 746 руб.

Обороты остальных 12 москвичей колебались от 20 до примерно 500 руб., причем у четырех они были меньше 100 руб.

В числе москвичей, обороты которых составляли около 400—500 руб., отметим троих. И. Г. Костров отправил две партии товаров — одну на

²⁵ Петербург, Макарьевскую ярмарку, Саратов, Вятку, Тобольск. В двух случаях указан не один, а несколько пунктов (Макарьевская ярмарка — Москва; Саратов — Москва — Петербург).

²⁶ О нем подробнее см.: *Е. И. Заозерская. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в.* М., 1953, стр. 394—396; *Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч.*, стр. 146, 200 и др.

Макарьевскую ярмарку (бирюки и лисицы калмыцкие, овчинки бухарские, армяки ногайские) на 141 руб. и одну — в Москву (6,5 пуд. шелка-сырца, корка лимонная) на 328 руб.; Д. Бубнов — партию рыбы (белуги и осетры) в Москву на 447 руб.; И. С. Колесников — две партии восточных товаров (3,5 пуда шелка-сырца и 2,5 пуда — крашеного; овчинки, лисицы и ткани) в Москву на 393 руб.

Рассмотрим вывоз товаров из Астрахани в 1726 г. на сумму более 1 тыс. руб. купцами других городов.

Казанцы (девять человек) отправили 10 партий на 2797 руб., из них 7 партий восточных товаров на 918 руб. (шелк, ткани, хлопчатая бумага, меха степных зверей, сапоги калмыцкие — красные и черные) в города Поволжья — Казань, Сызрань, Ярославль и на Макарьевскую ярмарку. Они поддерживали регулярные торговые связи с Вяткой, Ирбитской ярмаркой и Тобольском. Крупными казанскими купцами были члены гостинной сотни — Борис Пушников²⁷, Филат Крюков, И. А. Микляев²⁸ и посадский человек Яков Сапожников. Пушников отправил на Ирбитскую ярмарку партию шелка (10 пуд.) и тканей на 769 руб.; Крюков — в Тобольск 11 пуд. 25 фунт. шелка шемахинского и 30 тюков сафьянов красных и черных на 633 руб.; Микляев — в Казань 50 пуд. хлопчатой бумаги на 225 руб.; Сапожников вместе с симбирянином Филиппом Мокеевым — в Вятку партию рыбы (судак, лещ, сазан, икра паюсная, теши осетровые и вязига) на 477 руб.

Посадские люди Красного Яра торговали рыбой и восточными товарами. В 1726 г. они²⁹ отправили из Астрахани восемь партий товаров, из них пять — на 1799 руб. (в том числе рыбы на 1271 руб., 60 пуд. олова на 330 руб., лисиц и бирюков на 132 руб. и 110 пуд. риса на 66 руб.) на Макарьевскую ярмарку, две на 247 руб. — в Симбирск и одну на 17 руб. — в Саратов.

Курские купцы приобретали в Астрахани главным образом шелк, меха, текстиль и медь-лом и везли их на Свинскую ярмарку, в Курск и Севск. Отсюда восточные товары попадали на Украину. В 1726 г. куряне (три человека)³⁰ доставили на Свинскую ярмарку три партии шелка (40 пуд.) и партию шелка (10 пуд. 35 фунт.) и мехов (бирюки и лисицы караганские — туркменские) в Курск, всего на 2495 руб. Среди курян обычно преобладали купцы с оборотом в 500 и более рублей.

Ярославль, по таможенной книге 1726 г., представлен тремя торговцами³¹, которые отправили из Астрахани пять партий товаров на 1270 руб., в том числе три — в Ярославль (423 руб.) и по одной — на Макарьевскую ярмарку (735 руб.) и в Москву (112 руб.). Ярославцы вывозили преимущественно кожи, шелк, хлопчатобумажные ткани и изделия.

Гороховляне в числе других купцов были поставщиками астраханской рыбы в Москву. В этой роли они³² выступают и в таможен-

²⁷ Б. Пушников был компанейщиком Суконого двора в Москве (*Е. И. Заозерская. Развитие легкой промышленности в Москве...*, стр. 411; *В. Б. Кафенгауз. Указ. соч.*, стр. 139).

²⁸ Подробнее о торгово-промышленной деятельности И. А. Микляева см.: *Е. И. Заозерская. Торги и промыслы гостинной сотни Среднего Поволжья. — «Петр Великий». Сб., т. I. М. — Л., 1947, стр. 222—226; она же. Развитие легкой промышленности в Москве...*, стр. 412; *В. Б. Кафенгауз. Указ. соч.*, стр. 138, 139, 186; *М. Я. Волков. Хозяйство капиталиста-купца Среднего Поволжья И. А. Микляева в конце XVII — первой четверти XVIII в. — «Проблемы генезиса капитализма». Сб. статей. М., 1970, стр. 200—241.*

²⁹ Из семи торговцев Красного Яра отметим А. Г. Мухановского, обороты которого составляли 1451 руб.

³⁰ С. Л. Голиков — торговый оборот 1264 руб., Г. Ф. Чеухов — 750 руб., М. Слеполенкин — 481 руб.

³¹ В том числе И. П. Сапожников вывез товаров на 818 руб., И. Д. Шевелев — на 421 руб.

³² В. И. Чистяков отпустил товаров на 952 руб., В. И. Летнев — на 613 руб. и два торговца — на 159 руб.

ных книгах 20-х годов XVIII в. Из шести партий товаров, отпущенных ими из Астрахани в 1726 г. на 1724 руб., две партии рыбы и одна — тюленьих шкур, всего на 1565 руб., были доставлены в Москву; две — кожи, опойки, овчины и козлины калмыцкие на 140 руб. в Ярославль.

По данным таможенной книги 1726 г., в числе торговых людей России, вывезших товары вверх по Волге, насчитывалось 14 крестьян. Из них 7 дворцовых³³, 2 монастырских³⁴, 4, по-видимому, помещичьих³⁵ и ясашный татарин³⁶.

По числу явок (41 из 218) и по сумме вывоза (10,9 тыс. из 54,4 тыс. руб.) доля крестьян была примерно равна $\frac{1}{5}$ всего вывоза товаров торговыми людьми России в 1726 г. Решающая роль в торговых операциях крестьян принадлежала жителям дворцовой Благовещенской слободы, особенно троем из них — крупным торговцам рыбой — А. Кораблеву, И. Морозову и Д. Титечкину. Они вывезли из Астрахани в 1726 г. товаров, в основном рыбы, на 8,9 тыс. руб. Операции трех других дворцовых крестьян — М. И. Ярцева (село Дединово), С. Бабина и М. Семенова (оба из Благовещенской слободы) во многом уступали первым трем, но тоже были значительными. Приказчик Ярцева вывез на Макарьевскую ярмарку партию рыбы (14 тыс. сазанов и 1080 сомов) на 378 руб., М. Семенов и С. Бабин отправили в Ярославль две партии восточных товаров в общей сложности на 319 руб.

Крестьяне — торговцы села Павлово поддерживали регулярные торговые связи с Астраханью³⁷. В 1726 г. два павловца Григорий Жуков и Н. Мелентьев вывезли товаров на 1024 руб. Жуков отправил три партии товаров: две — в Муром на 354 руб., в том числе 6 пуд. 11 фунт. шелка на 326 руб. и других (пестрядь, мерлушки калмыцкие, лисицы, рыба, чихирь, орехи грецкие, сушеные фрукты) на 28 руб., и одну — на Макарьевскую ярмарку на 324 руб. (2 тыс. овчин и 100 кож калмыцких соленых, 100 опойков калмыцких и 16 бочек тюленьего жира). Мелентьев повез в Ярославль партию сырых кож (2700 овчин, 520 козлиных, 40 опойков), тоже «калмыцких», всего на 348 руб. Ясашный татарин из деревни Нукюрлат отправил в Симбирск 46 фунт. цветного шелка, хлопчатобумажных и шелковых тканей на 147 руб. Пять остальных партий товаров (шелк, овчины калмыцкие, судак и лещ), принадлежавшие крестьянам, были на небольшую сумму и колебались от 12 до 48 руб.

На основании данных таможенной книги 1726 г. можно сделать вывод, что в ценностном отношении главное место среди отпускаемых крестьянами товаров из Астрахани занимала рыба. Но они не ограничивались только торговлей рыбой, а вывозили также сырые кожи, шелк, восточные ткани и изделия и другие товары.

Многие торгующие крестьяне по существу превратились в торговцев и только по сословному положению числились крестьянами. Среди них, как и среди посадских людей, имелись крупные купцы с оборотом в несколько тысяч рублей. Торговые операции крестьян-купцов определяли размах крестьянской торговли, в целом достигавшей относительно значительных размеров.

За 20-е годы XVIII в. сохранилась всего одна таможенная книга «верхового привоза товаров» за 1725 г. и то лишь за три месяца (ав-

³³ В том числе пять из Нижегородской Благовещенской слободы и по одному — из села Мурашкино Нижегородского уезда и села Дединова Коломенского уезда.

³⁴ Из г. Хлынова и села Архангельского Казанского уезда.

³⁵ В том числе двое из села Павлово Нижегородского уезда, один — из села Колесниково Уфимского уезда, один — из села Воскресенского Симбирского уезда.

³⁶ Из деревни Нукюрлат Свияжского уезда.

³⁷ О вывозе товаров из Астрахани павловцами в 1720 г. на Макарьевскую ярмарку и в Муром см.: *Б. Б. Кафенгауз*. Указ. соч., стр. 145, 147—149.

густ — октябрь)³⁸. Это книга смешанного типа: в ней кроме записей о привозе товаров из России (таковых большинство) имеются таможенные явки об отпуске товаров в Дербент, Баку, Крепость Св. Креста, Ставрополь, а также о привозе из Терского города и Нового Транжемента. Всего в книге 395 записей на 120 тыс. руб., из них к верховому привозу относится 241 явка или партия товаров. Их общая продажная стоимость составила — 96,8 тыс. руб. Таковы данные за три месяца. Какова же сумма привоза за год? В 1735 г., например, она была равна 358 тыс. руб.³⁹ По-видимому, в 20-х годах XVIII в. эта сумма была такой же или даже несколько выше, поскольку в Астрахань поступало много провианта для русских войск, находившихся в прикаспийских провинциях (эти войска были выведены оттуда в начале 30-х годов).

Товары, доставленные в Астрахань в 1725 г., можно разделить на две группы: промышленные и продовольственные. Сумма привоза первых составляла 62,1 тыс. руб., вторых — 34,7 тыс. руб.

В группе продовольственных товаров первое место занимал хлеб. Всего было доставлено хлеба на сумму 30,9 тыс. руб., в том числе: муки ржаной — 160,5 тыс. пуд. на 19,3 тыс. руб., муки пшеничной — 25,3 тыс. пуд. на 6,5 тыс. руб.⁴⁰, солода, круп, гороха, овса и др. — на 5,1 тыс. руб. Среди прочих продовольственных товаров отметим мед, масло коровье, вино (рейнское белое), колониальные товары (кофе, сахар, корица, гвоздика, имбирь, орехи мускатные и т. п.). В целом удельный вес их был невелик и составлял 3,8 тыс. руб., или примерно 12% от общей суммы привоза продовольственных товаров.

Основная масса хлеба, по грубым подсчетам — около 85%, поступила из Среднего Поволжья — по таможенным выписям Симбирска, Сызрани и Казани. Крупная и единственная партия подрядного провианта на сумму 2767 руб. была доставлена из Надеина Усолья (близ Самары): 2452 меха ржаной муки (2452 руб.) и 210 четвертей круп овсяных (315 руб.). Несколько партий хлеба привезли торговцы из других районов Поволжья (Тетюши, Саратов) и Заволжья (Мамадыш, Елабуга). Еще одним районом, откуда шел хлеб, была Вятка. Так, по двум таможенным выписям — Вятки и села Николаевского Вятского уезда, поступило 7961 пуд. ржаной, 829,5 пуд. овсяной муки и 837,5 пуд. солода, всего на 1326 руб.

Большой удельный вес продовольственных товаров, и главным образом хлеба, в общей сумме привоза товаров в Астрахань (немногим более $\frac{1}{3}$) объяснялся тем, что в большей части Нижнего Поволжья отсутствовало земледелие, а потому и крестьянское население. Между тем Астрахань с ее постоянным (в городе насчитывалось 6,5—7 тыс. дворов)⁴¹ и значительным пришедшим населением, состоявшим из рабочих людей, занятых в основном на рыбных, соляных промыслах и обслуживавших судовой ход на Волге, нуждалась в большом количестве хлеба. Кроме того, близ Астрахани были расположены кочевья юртовских, а восточнее — едисанских и енбулукских татар, которые земледелием не занимались и, следовательно, также являлись потребителями хлеба, поступавшего в Астрахань. Спрос на хлеб предъявляли и калмыки, кочевавшие в степях Нижнего Поволжья. Наконец, в 20-х — начале 30-х годов XVIII в. много провианта требовалось и для русских войск, расположенных в прикаспийских провинциях.

Вывоз хлеба за море до указа 1762 г. был запрещен, и поэтому он

³⁸ ПГАДА, ф. 1361, кн. 2.

³⁹ ГААО, ф. 394, оп. 1, 1735 г., д. 540, 541.

⁴⁰ Пуд ржаной муки стоил 11,5—12,5 коп., пшеничной — 25—26 коп. Так как хлеб привозился в кулях и мегах, причем вес их далеко не всегда указывается, то количество хлеба установлено нами, исходя из средней цены: ржаная мука — 12 коп., пшеничная — 25,5 коп. за пуд.

⁴¹ Н. В. Голикова. Указ. соч., стр. 7.

весь расходился в Астрахани. По данным таможенной книги (за три месяца) 1725 г., из 160,5 тыс. пуд. ржаной муки для снабжения войск предназначались 95,2 тыс. пуд., остальная часть ржаной и вся пшеничная мука (24,6 тыс. пуд.) пошли на продажу.

Из каких районов страны поступали промышленные товары? Основная масса товаров привозилась из Центрально-промышленного района и Москвы (31,8 тыс. руб.) и Среднего Поволжья с Макарьевской ярмаркой (29,6 тыс. руб.) Особенно велика была роль Москвы и Макарьевской ярмарки, откуда было завезено товаров соответственно на 19,2 тыс. руб. и 18,2 тыс. руб.⁴² В целом на долю этих пунктов приходилось примерно 60% всего привоза промышленных товаров в Астрахань.

Ассортимент московских промышленных товаров очень разнообразен. Это — ткани, галантерея, металлические изделия, меха, химические и москательные товары, одежда, головные уборы, обувь, зеркала, писчая бумага, канцелярские принадлежности, ларцы и сундуки и пр. Более $\frac{2}{3}$ (70%) в московском привозе составлял текстиль: сукна, шелковые и льняные ткани. В Астрахань из Москвы поступала и китайка (хлопчатобумажная ткань), правда, в небольшом количестве. Сукон западноевропейских (английских, голландских, испанских) и русских было привезено на 10,3 тыс. руб. Кроме Москвы и Макарьевской ярмарки, единственная крупная партия голландского сукна на 1204 руб. была доставлена из Нижнего Новгорода (очевидно, она не была продана на Макарьевской ярмарке). Наряду с западноевропейскими, отмечается продукция русских суконных мануфактур. Так, в пяти записях зафиксировано поступление 116 косяков стамеда (шерстяная ткань) и 635 аршин сукна «московской работы», на сумму 1815 руб. В таможенной книге не всегда указывается место производства сукна, но в целом, доля западноевропейских сукон в привозе (в ценностном выражении) была значительно большей, чем русских.

Шелковых тканей (камки, атласа, лудана западноевропейского и тафты русского производства) из Москвы было вывезено на 2,4 тыс. руб., в том числе 158 аршин тафты «московской работы» — на 147 руб. В московском привозе холст, крашенина, пестрядь и выбойка занимали небольшое место, общая стоимость этих тканей составляла немногим более 500 руб.

Из металлических изделий больше всего в Астрахань поступало ножей, замков, наперстков, булавок и игл, проволоки медной и железной, медной и оловянной посуды и т. п. В основном это были изделия русского производства. В нескольких записях указываются довольно крупные партии этих изделий. Так, индийский купец Наранд Дуничандов повез из Москвы, наряду с другими товарами, 635 тыс. «игол русских» на 285 руб. 75 коп.

Таможенные книги характеризуют Москву не только как крупнейший центр торговли, но и как город с развитой промышленностью⁴³.

Привоз товаров из Москвы в Астрахань в августе — октябре 1725 г. был сосредоточен главным образом в руках индийских купцов. Из 29 партий товаров им принадлежало 18 на 13,8 тыс. руб. (74%), русским — 7 на 3,2 тыс. руб. и армянам — 4 на 2,1 тыс. руб. В числе русских купцов — четыре москвича, ярославец и петербуржец. В Астрахань из Москвы везли крупные партии товаров: стоимость более половины из них (15 из 29) превышала 500 руб., а 6 партий — более 1 тыс. руб.

Сведения об удельном весе купцов в привозе товаров из Москвы в Астрахань, по данным таможенной книги за август — октябрь 1725 г.,

⁴² Сумма привоза промышленных товаров из Москвы и Макарьевской ярмарки несколько завышена, ибо в нее входят и некоторые продовольственные товары (сахар, пряности, вино), но удельный вес их был невелик.

⁴³ О привозе промышленных товаров из Москвы на Макарьевскую ярмарку см.: Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., стр. 121—129.

вряд ли было бы правильным распространять на весь год. Но доля индийского купечества в доставке товаров из Москвы в этом году была несомненно велика. Как уже отмечалось, кроме этой, других таможенных книг верхового привоза за 20-е годы XVIII в. нет. В 30—40-х годах положение резко изменилось: роль российского купечества в привозе товаров из Москвы и Макарьевской ярмарки значительно возросла⁴⁴.

Соотношение товаров, доставляемых с Макарьевской ярмарки, было другим, чем из Москвы. В привозе с ярмарки первое место занимали льняные и пеньковые ткани (5,8 тыс. руб.), затем шли сукна (3,9 тыс. руб.), кожи⁴⁵ (1,8 тыс. руб.), меха⁴⁶ (1,7 тыс. руб.). Эти 4 группы товаров, вместе взятые, составляли почти $\frac{3}{4}$ всего привоза с ярмарки. Среди прочих товаров отметим железо, сталь и металлические изделия, галантерейные товары, шелковые ткани и китайку⁴⁷, обувь, краски (брусовую и сандал), одежду и др. Особенность привоза с ярмарки состояла в том, что в нем преобладающее значение имели товары русского производства.

Другой особенностью было то, что в этом привозе, по сравнению с московским, принимал участие более широкий круг торговцев. Из 42 партий товаров, вывезенных с ярмарки в Астрахань, индийцам принадлежало 11 на 6863 руб., армянам — 15 на 6706 руб., русским — 12 на 3495, татарам — 2 на 670 и по одной — греку и грузину на 438 руб. Итак, хотя по оборотам индийские купцы занимают первое место, но их доля в общей сумме привоза товаров с ярмарки составляет 37,3% по сравнению с 74% в московском привозе. В числе русских купцов — 4 астраханца, 3 москвича, петербуржец, елатодец, городчанин, балахонец и крестьянин села Избыльца Нижегородского уезда.

Рассмотрим привоз промышленных товаров из других районов страны.

Большое количество холста, полотна, крашенины и пестряди поступало из Суздальского и Нижегородского уездов (села Павлово и Работки), Муром и уезда, Ярославля, Городца Повольского, Вятки и других мест. Приведу несколько примеров. Три самые крупные партии льняного холста, хряща (грубый холст) и пестряди синей на большую сумму 5216 руб. закупили в селах Дунилово и Горицы Суздальского уезда, вероятнее всего у скупщиков, и повезли в Астрахань три индийских купца. Из Павлово было доставлено 42,1 тыс. арш. холста разных сортов, 3 тыс. арш. крашенины, 2,5 тыс. арш. гребенины⁴⁸ и 200 арш. пестряди на 873 руб. Нижегородец посадский человек С. М. Копылов привез из Городца 658 концов⁴⁹ холста ровной нити на 461 руб. и т. д.

Грубое крестьянское сукно и пониток⁵⁰ доставлялись из Романова на Верхней Волге, Муромского уезда, Пучежа, Унжи, Вятки. Больше всего серого сукна было привезено из Романова тремя жителями Борисоглебской слободы (6 партий на 625 руб.).

Из Павлова, Городца, Муром, Гороховца, Казани и Красного Яра поступали юфти и савры.

Единственную, правда, крупную партию уральского железа — 3 тыс. пуд. на 2400 руб. — привез в Астрахань тулянин Лукьян Марков. В таможенной записи не указывается, у кого купил он это железо. Скорее всего, Марков приобрел его у Демидова, единственного в то время владельца железоделательных заводов на Урале, так как продукция казен-

⁴⁴ См. А. И. Юзг. Индийская колония в Астрахани. — «Вопросы истории», 1957, № 3, стр. 140.

⁴⁵ Юфти, яловичьи сырые, савры (конские шкуры особой выделки).

⁴⁶ В основном это были зайцы, белки, кошки черные, выдры, бобры. В небольшом количестве упоминаются горностаи, соболи, куницы.

⁴⁷ Китайки было привезено на 934 руб.

⁴⁸ Холст из оческов пеньки и льна.

⁴⁹ Конец — штука ткани.

⁵⁰ Льняная ткань, смешанная с шерстью, полусукно.

ных заводов шла на экспорт⁵¹. Партия тульского железа (60 связок) на 40 руб. и две наковальни из Саратова были доставлены в Астрахань тягловцем московской Кузнецкой слободы М. Русановым.

Лес и продукты лесных промыслов — смола, деготь, зола, лубье, деревянная посуда и хозяйственная утварь, различные речные суда (струги, лодьи, будары, каюки) привозились из Белоозера, села Рознежья, Мамадыша, Казани, Тетюшей, Елабуги. Пряжа, сети и другие рыболовные снасти поступали из Гороховца, Суздальского уезда, Нижнего Новгорода, Казани.

В Астрахани была развита кожевенная промышленность. Необходимые для обработки сырых кож материалы — дуб толченый, деготь, квасцы и др. — были привозными. В частности, «корье дубовое толченое» доставлялось из Царевосанчурска, Ядрина, Козмодемьянска, Павлова и др. Так, из этих пунктов было завезено 1879 кулей дубовой коры на 1145 руб.

Промышленные товары, поступавшие в Астрахань, предназначались не только для местного населения, но и на экспорт, в страны Востока⁵².

Обратимся к анализу состава и оборотов купцов, участвовавших в привозе товаров.

Торговые люди России доставили в Астрахань 191 партию товаров на 61,3 тыс. руб., индийцы — 32 партии на 27 тыс. и другие купцы⁵³ — 18 партий на 8,5 тыс. руб.⁵⁴ Итак, доля купцов России в привозе товаров составляла почти $\frac{2}{3}$ (63,3%) и была несколько больше, чем в вывозе товаров из Астрахани (в 1726 г. — 55,3%).

В привозе, так же как и в вывозе товаров, среди индийцев крупную роль играли несколько купцов. Из 22 индийцев⁵⁵, которые доставили товары в Астрахань, обороты пятерых — Премри Предманова (4111 руб.), Джерама Мураева (2706 руб.), Наранда Дуничандова (2441 руб.), Латчирама Товарова (2260 руб.) и Асананда Раджерамова (2229 руб.) — составляли 13,7 тыс. руб., т. е. половину всей суммы привоза, приходившегося на долю индийских купцов в 1725 г.

Индийцы, впрочем как и другие восточные купцы, привозили в Астрахань промышленные товары, которые в основном приобретали в Москве и на Макарьевской ярмарке и затем вывозили их в Закавказье и Иран.

Торговые люди России, привезшие товары в Астрахань в 1725 г., были жителями 27 городов и 11 сел и деревень, главным образом Среднего Поволжья и Центрально-промышленного района⁵⁶. В привозе товаров по оборотам и числу торговцев впереди были симбиряне, астраханцы, ярославцы, нижегородцы, сызранцы, казанцы, москвичи и гороховляне. Обороты 106 купцов этих восьми городов, доставивших 127 партий товаров, в целом были равны 48,3 тыс. руб., т. е. около $\frac{1}{3}$ всей суммы привоза товаров торговыми людьми России.

Симбиряне (16 человек) вели почти исключительно торговлю хлебом. Многие из них выступали как подрядчики по поставке провианта в казну. Они привезли 17 партий хлеба на 14 тыс. руб., две партии других товаров (мед, масло коровье, сукно серое, весла и др.) и одну смешанную

⁵¹ Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М., 1953, стр. 273—275.

⁵² А. И. Южт. Торговля России с Закавказьем и Персией во второй четверти XVIII в. — «История СССР», 1961, № 1, стр. 134—138.

⁵³ В числе этих купцов 14 армян, 2 грузина и грек, прибывшие из-за рубежа.

⁵⁴ В указанной работе Н. Б. Голиковой (стр. 20) приводятся другие данные. Она берет не всех купцов, а только индийцев, армян и русских и, по-видимому, включает в расчеты и привоз из «верховых городов» и вывоз товаров этими тремя группами купцов в Баку, Дербент, Крепость Св. Креста и Ставрополь. Думается, что подобного рода подсчеты не дают правильного представления о роли различных групп купечества во внутриторговых оборотах Астрахани.

⁵⁵ Семь из них участвовали в вывозе товаров из Астрахани в 1726 г.

⁵⁶ Из прочих районов отметим жителей Петербурга, Белоозерского уезда, Солигалича, Вятки, Саратова и Курска.

партию (хлеб, хмель, корье дубовое, смола), всего на 15,1 тыс. руб. В числе симбирян несколько крупных торговцев, в руках которых и был сосредоточен в основном весь привоз хлеба. Обороты посадских людей — Ивана Воронцова с товарищами (3325 руб.), Василия Тарасова (3034 руб.), Ивана Мингалева (1494 руб.), Яким Скорнякова (1362 руб.), Г. Тарасова (1180 руб.) и гостиней сотни Федора Судакова⁵⁷ (1400 руб.) составляли в целом 11,8 тыс. руб.

Сызранцы (10 человек), как и симбиряне, торговали тоже только хлебом, но среди них не было крупных купцов. Они привезли восемь партий хлеба на 3980 руб. и две партии других товаров (29 «дерев сосновых» и струг) на 163 руб.

В оборотах казанцев первостепенное значение также имела торговля хлебом. Три крупные партии на 2976 руб. привезли гостиной сотни А. Логинов, посадский человек П. Е. Иноземцев и дьяк казанской губернской канцелярии. Остальные (шесть человек) завезли в Астрахань семь мелких партий товаров (холст, струги, бударки, древесный уголь, деревянная посуда, меха, мед, хлеб) на 530 руб.

Среди ярославцев крупным подрядчиком по поставке провианта в казну был монастырский крестьянин села Еремейцево Ярославского уезда Софрон Калашников. Он привез 3737 мехов ржаной муки и 26 четвертей овсяных круп на 3327 руб., купленных им в Сызрани и Симбирске. Остальные семь ярославцев (в их числе трое из Борисоглебской слободы) торговали сукном и холстом. Большую партию английского сукна (880 арш.) на 1056 руб. привез в Астрахань посадский человек Михаил Викулин. Две бочки брусковой краски на 240 руб. доставил гостиной сотни Андрей Затрапезнов, сын владельца полотняной мануфактуры Максима Затрапезнова.

Из 20 партий товаров на сумму 5,5 тыс. руб., привезенных нижегородцами, только в двух был хлеб и хмель (543 руб.), 16 включали главным образом холст, крашенину, а также пряжу, сети, лес, деготь, деревянную посуду, рогожи, лапти, лыко и т. п. Партию сукна голландского стоимостью 1204 руб. привез гостиной сотни Яков Пушников и 830 «савров коновых» на 83 руб. посадский человек Б. И. Сырейщиков.

Москвичи (12 человек) привезли в Астрахань 14 партий, главным образом промышленных товаров, на 3,5 тыс. руб. За исключением фабриканта М. Г. Евреинова и московского армянина Б. Павлова, все остальные — тяглецы московских слобод. Лишь обороты Евреинова, Ф. О. Есаулова и И. Г. Кострова, в общей сумме составлявшие 2,1 тыс. руб., были выше 500 руб. Как видно из таможенных книг 1725—1726 гг., крупное московское купечество, кроме Евреинова, не вело непосредственно торговлю с Астраханью.

Гороховляне (восемь человек) доставили 9 партий товаров (пряжа, сети, смола, холст, савры) на 3 тыс. руб. Среди них отметим В. И. Летнева и Д. М. Канонникова, сумма привоза каждого из них составляла около 1 тыс. руб.

Самой многочисленной группой купцов, занимавших по размерам привоза второе место после симбирян, были астраханцы. 29 торговых людей⁵⁸ доставили в родной город 32 партии товаров на 8,1 тыс. руб. Примерно $\frac{1}{3}$ всех партий товаров на сумму 3,2 тыс. руб. состояла из продовольственных товаров или они входили в состав других явок. Больше всего муки ржаной и пшеничной, круп, солода поступило по таможенным выписям Симбирска и села Воскресенского в Змеевых горах Симбирского уезда. В числе продовольственных товаров отметим масло коровье, сало говяжье, мед. В качестве примера приведу партию товаров, которую привез посадский человек Г. Пешунов. Она состояла из 280 мехов полутор-

⁵⁷ Первые двое и Судаков участвовали в вывозе товаров из Астрахани в 1726 г.

⁵⁸ В том числе 23 посадских человека, соборный звонарь, городской воротник и три жителя иноземных слобод в Астрахани.

ных ржаной муки (252 руб.), 50 мехов солоду ячного (40 руб.), 210 пуд. меда-сырца (378 руб.) и 10 пуд. масла коровьего (18 руб. 50 коп.), всего на 688 руб. 50 коп.

Астраханцы везли также много холста, кож, материалов, необходимых для судоходства и рыболовства, обработки кож, а также самых разнообразных товаров с Макарьевской ярмарки. Основная масса товаров астраханцами была закуплена в городах Среднего Поволжья и на названной ярмарке. Сумма привоза у торговых людей Астрахани колебалась от нескольких десятков до нескольких сотен рублей. Только пять купцов доставили товаров свыше 500 руб. каждый. Среди астраханцев преобладали средние и мелкие торговцы.

В заключение рассмотрим участие крестьян в привозе товаров в Астрахань. В августе — октябре 1725 г. 17 крестьян из восьми уездов⁵⁹ доставили 19 партий товаров на 5936 руб. Доля крестьян была невелика и по числу явок (19 из 191) и по сумме (5,9 тыс. из 61,3 тыс.) составляла около 10% всего привоза товаров торговыми людьми России. Однако надо иметь в виду, что сведения таможенной книги 1725 г. неполны, и поэтому нет оснований более расширительно толковать выводы, полученные путем подсчета данных за три месяца. Во всяком случае данные о вывозе товаров из Астрахани за весь год (1726) рисуют иную картину, а именно значительно больший удельный вес крестьян. Среди крестьян упоминаются дворцовые, монастырские и помещичьи. Но точно определить категорию всех крестьян не представляется возможным, так как в таможенной книге далеко не всегда имеются указания на этот счет.

Из крестьян по сумме привоза выделялись уже известный нам крупный торговец хлебом Софрон Калашников (3843 руб.) и Нижегородской Благовещенской слободы С. П. Бабин (721 руб.). Сумма привоза у семи крестьян колебалась от 100 до 250 руб., у остальных восьми — от нескольких до 100 руб. Исходя из этих данных, можно полагать, что некоторые крестьяне только по сословному положению были крестьянами, а по своим занятиям фактически превратились в торговцев-скупщиков и крупных купцов, какими, например, являлись Калашников и Бабин.

С. П. Бабин, по таможенным выписям села Работки Нижегородского уезда и Нижнего Новгорода, привез в Астрахань две партии товаров на 721 руб., состоявшие из железа и железных изделий (50 пуд. сибирского железа, 90 тыс. скоб — струговых, завозенных и лодочных, 20 топоров), холста разных сортов (18,6 тыс. арш.), крашенины (2 тыс. арш.), пестряди (1150 арш.), 259 рубах и штанов, 6 пологов из холста, сукна крестьянского белого (50 арш.) и 50 пуд. коровьего масла. Торговые связи Бабина с Астраханью были, по-видимому, регулярными. Так, в следующем 1726 г. на явленные в астраханской таможене деньги (189 руб.) он купил 29 тюков сафьянов разных цветов (87 руб.) и партию шелковых (коноваты, да-раги) и хлопчатобумажных (пестрядь, выбойка) тканей, а также пять косяков кружев и семь юфтей фат (102 руб.), которые вывез в Ярославль. То же самое можно сказать и о другом крестьянине Благовещенской слободы Д. Титечкине, известном нам по вывозу в 1726 г. из Астрахани рыбы на крупную сумму. Титечкин доставил в Астрахань по Тетюшской таможенной выписи 648 ведер дегтя, струг-дощаник и 2 тыс. лопат, всего на сумму 148 руб.

Крестьяне обычно торговали продуктами сельского хозяйства и крестьянских промыслов. Товары, привезенные ими, состояли в основном из

⁵⁹ Балахонский (село Покровское Керженской волости), Белозерский (деревня Вальняково Словинского волока и деревня Шулуган Повинского волока), Казанский (село Архангельское и деревня Максимов починок), Нижегородский (Благовещенская слобода и село Избылец), Пензенский (деревня Пулково), Симбирский (деревня Скугаревка-Ташлатово), Уфимский (село Каракулино) и Ярославский (село Еремеецево, деревня Савинская).

трех групп. В первую входили главным образом ржаная мука и крупы, поступившие по таможенным выписям Сызрани, Симбирска, Казани, и хмель (две партии на 260 руб.) — по Петровской таможенной выписи (Пензенский уезд); во вторую — холст, пестрядь, крапешина, одежда из этих тканей, крестьянское сукно, сети и пряжа. Эти товары поступили по таможенным выписям Ярославля, Макарьевской ярмарки, села Работки и Павлово Нижегородского уезда; в третью входили лес, тес, лубье, речные суда, деревянная посуда (ковши, ложки, блюда, чаши, солоницы и т. п.), лопаты, лапти, деготь. Товары этой группы были доставлены с Белозерья, рек Вятки и Камы (по Белозерской, Мамадышской, Елабужской и Тетюшской таможенным выписям).

* * *

Анализ таможенных книг 20-х годов XVIII в. показывает, что Астрахань была крупным торговым центром, имевшим устойчивые экономические связи с Центральной Россией и городами Поволжья. Во внутриторговых оборотах Астрахани особенно велика была роль Москвы и Макарьевской ярмарки со Средним Поволжьем. В эти районы направлялась основная масса восточных товаров и рыбы из Астрахани, которые через Москву поступали на северо-запад и запад, а через Макарьевскую ярмарку, Нижний Новгород и Казань — на Ирбитскую ярмарку и далее на Урал и в Сибирь. Данные таможенных книг отчетливо характеризуют процесс производственной специализации районов страны. В ряде областей Центральной России производилась специфичная для их хозяйственно-экономического облика товарная продукция, которая поступала на внутренний рынок и через Астрахань шла на экспорт в Закавказье, Иран, Среднюю Азию и Индию. Речь идет о продукции мелкотоварного производства России и мануфактурной промышленности, особенно Москвы. Среднее Поволжье уже в это время было районом, отправлявшим значительное количество хлеба в низовья Волги, где в этот период не было развито земледелие.

Восточные купцы (главным образом армянские и индийские), занимавшая господствующее положение в русско-восточной торговле, продолжали играть заметную роль и во внутриторговых оборотах Астрахани. Однако уже к 20-м годам XVIII в. российское купечество укрепило свои позиции на внутреннем рынке, потеснило восточных купцов и вышло на первое место во внутриторговых оборотах Астрахани.

В торговле даже с такой отдаленной окраиной, как Астрахань, участвовали не только крупные и средние купцы, но и мелкие торговцы. И это было характерно для посадского населения многих городов России. В эпоху позднего феодализма развивающиеся товарно-денежные отношения вовлекали в свою орбиту многие слои посадских людей и часть крестьянства. Однако и среди горожан и среди торгующих крестьян господствующую роль в торговле постепенно начинают играть крупные купцы, сосредоточивая в своих руках львиную долю торговых оборотов.

ВЫШНЕВОЛОЦКИЙ ВОДНЫЙ ПУТЬ во второй половине XVIII — начале XIX в.

Э. Г. Истомина

Расширение всероссийского рынка, усиление торговых связей с заграницей, неуклонный рост тенденций географического разделения труда и в целом — зарождение капиталистического производства обусловили исключительную роль водных путей сообщения в экономическом развитии России второй половины XVIII — начала XIX в. Водный транспорт, с одной стороны, испытывал большую зависимость от физико-географического и экономико-географического факторов, с другой — сам оказывал огромное влияние на состояние промышленности, сельского хозяйства, торговли, географическое размещение различных отраслей крупного производства и промыслов.

Главной водной системой России в рассматриваемый период являлся Вышневолоцкий водный путь, который связывал внутренние губернии страны с Петербургом. История его функционирования до сих пор остается нераскрытой. Слабо изучена и система эксплуатации. Однако следует отметить, что вопросы о реконструкции, техническом оснащении и использовании пути неоднократно попадали в поле зрения различных специалистов, оставивших его описания¹. Но все эти исторические свидетельства имеют узко специфический, справочный характер, соединяя в себе сведения о гидротехнических сооружениях и некоторых моментах эксплуатации водной системы за определенные периоды времени.

В советской литературе историко-экономические проблемы, связанные с водными путями сообщения, изучались известным экономгеографом С. В. Бернштейном-Коганом. Однако его работа о Вышневолоцком водном пути² характеризуется, прежде всего, технико-экономическим подходом при решении историко-географических вопросов, и, несмотря на ценные наблюдения, оставляет многие из них открытыми. Некоторое внимание истории создания гидротехнических сооружений Вышневолоцкого водного пути уделяется в работе В. А. Горелова³. Отдельные моменты эксплуатации водной системы получили освещение в ряде работ, тематика которых лишь косвенно связана с водными путями сообщения⁴.

Цель этой статьи — осветить историко-географические особенности и систему эксплуатации Вышневолоцкого водного пути в период его наиболее интенсивного функционирования. Основным источником для решения этих вопросов явились архивные документы из фондов «Департамента водяных коммуникаций», «Экспедиции водяных коммуникаций», «Канцелярии главного директора водяных коммуникаций», хранящиеся в

¹ Д. Базулин. Краткое описание внутреннего Российской империи водохозяйства. СПб., 1802; Д. Дубенский. Рассуждение о водных сообщениях в России. СПб., 1825; Д. Кафтырев. Описание водяных сообщений между Санкт-Петербургом и разными российскими губерниями. СПб., 1829.

² С. В. Бернштейн-Коган. Вышневолоцкий водный путь. М., 1946.

³ В. А. Горелов. Речные каналы в России (к истории русских каналов в XVIII в.). М. — Л., 1963.

⁴ А. Л. Шапиро. О роли Петербурга в развитии всероссийского рынка в XVIII — первой половине XIX в. — «Города феодальной России». М., 1966; Ю. Р. Клоков. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. М., 1967.

ЦГИА СССР, и некоторых фондов Сената (ЦГАДА), а также карты рассматриваемого периода.

Вышневолоцкая водная система возникла на базе старинного торгового пути, шедшего от верховьев Волги к Балтийскому морю, который представлял собой водно-сухопутную дорогу. Многочисленные волоки являлись самым существенным препятствием для максимального использования и развития этого пути. В начале XVIII в., когда Россия закрепила за собой выход на Балтику, когда началось строительство Петербурга, возникла необходимость предпринять срочные меры по укреплению связей новой столицы с центральными и южными районами страны. Стало очевидным, что сухопутная дорога Москва — Петербург в этом отношении сможет выполнить лишь небольшую часть задачи.

В результате на первый план была выдвинута проблема реконструкции водных путей сообщения и соединения Волго-Каспийского бассейна с Балтийским. Наиболее реальным оказалось использование пути, проходящего через новгородские земли. Основные гидротехнические сооружения его (соединение Цны с Тверцой) были построены в первой четверти XVIII в. В 1731 г. завершилось строительство Ладожского канала (в обход Ладожского озера), грандиозного по тем временам сооружения.

Во второй половине XVIII в. в состав Вышневолоцкого пути входили следующие части: 1) Волга между Рыбной слободой и Тверью (349 верст) и река Тверца (177 верст) — это так называемая взводная часть, поддерживаемая резервными водами из Заводского водохранилища (искусственно созданный разлив цнинских вод около Вышнего Волочка); 2) Тверецкой канал (длиной 1363,5 сажен) со шлюзом для соединения Тверцы и Цны; р. Цна и образованный ею резервуар (длиной 275 сажен); Цнинский канал (575 сажен) в обход загрязняющей реку плотины (Цнинский бейшлот с одним камерным шлюзом); 3) Спускная часть (около 795 верст) — р. Цна, оз. Мстино, р. Мста, оз. Ильмень, р. Волхов, Ладожский канал (104 версты), р. Нева. Общая длина водного пути в середине XVIII в. составляла более 1300 верст⁵. В начале XIX в. вошел в строй действующих канал в обход озера Ильменя.

Каналы, сооруженные в районе Вышнего Волочка (Тверской и Цнинский), обычно именовались Вышневолоцкими, поэтому и весь водный путь получил название Вышневолоцкого. На практике, что отразилось и в документах, собственно Вышневолоцкой водной системой считали тот путь, который начинался в Вышнем Волочке и завершался у входа в Ладожский канал. Самым длинным, тяжелым и опасным участком пути была р. Мста (390 верст), переход через многочисленные пороги которой стал возможен лишь в 70-е годы XVIII в. В этот период, благодаря созданию ряда водохранилищ, уровень горизонта мстинских вод значительно повысился. Русло верхней Мсты почти на протяжении 140 верст было порожистым. На отдельных участках реки огромные известковые плиты шли уступами (порогами) и в сочетании с мелководьем представляли собой большую опасность для судоходства. Каждый порог имел свое название, в целом же они именовались между пристанями Ножкинской и Басутинской — Ножкинскими, между Басутинской и Опеченской — Басутинскими, между Опеченской и Потерпелицкой — Боровицкими⁶. Последние охватывали участок в 18 верст и были печально знамениты многочисленными крушениями судов. В 60-е годы по предложению главного командира этих порогов Н. Е. Муравьева в наиболее опасных местах были поставлены причальные на канатах плавающие бревна (бобы, запльви), предохранявшие суда от ударов о береговые камни⁷. Кроме того, производилась их постоянная чистка.

⁵ Д. Кафтырев. Указ. соч., стр. 29.

⁶ ЦГИА, ф. 420, оп. 1, д. 41, «Генеральная карта реки Мсты...».

⁷ С. В. Бернштейн-Коган. Указ. соч., стр. 27.

Многочисленные аварии барок на Боровицких порогах вызывали различные злоупотребления. Когда барки разбивались о камни или садились на мель, жители прибрежных сел, обслуживавшие суда в районе порогов, требовали высокую плату за оказание помощи. Выгодность аварийных работ порождала стремление держать русло реки в засоренном виде. Специальная сенатская комиссия, расследовав (на основании жалоб судовладельцев) дело организации судоходной службы, пришла к выводу, что барки с товарами между Потерпелицкой и Усть-Воленской пристанями «притесняемы были разными пронырствами». В результате Сенату пришлось опубликовать серию указов (1761, 1764, 1767, 1770, 1772—1773 гг.), направленных на пресечение беспорядков⁸.

Благоустройством участка Мсты, где находились Боровицкие пороги, приходилось заниматься постоянно. Большое участие в этом принимал известный инженер-гидротехник М. Деденев, составивший подробные атласы порогов на Мсте и внесший немало ценных предложений по очистке ее русла и поднятию уровня воды⁹.

Осмотрев водную систему в начале 60-х годов, М. Деденев составил «Генеральную карту водяной коммуникации от Вышнего Волочка до Нова города...»¹⁰, которая свидетельствует о том, что к этому времени на водном пути уже действовали следующие гидросооружения: два шлюза и водохранилище в районе Вышнего Волочка, а на реках Кемке, Шлине и Березае — по одному бейшлоту. Но судоходство по Мсте оставалось затруднительным. М. Деденев предложил построить шлюз при выходе Мсты из оз. Мстина, что послужило бы средством для поднятия воды в озере, а следовательно, и в реке. Мелководье 1764 г., когда несколько выше Боровицких порогов вынуждены были остановиться и зимовать около 200 барок; заставило новгородского губернатора Я. Е. Сиверса обратиться в Сенат с настоятельной просьбой о выполнении проекта М. Деденева¹¹. Указ о постройке шлюза с бейшлотом последовал лишь в 1768 г.

Но этих мер для улучшения судоходства пути оказалось недостаточно. Наконец, после ряда обследований, проведенных специальной комиссией генерал-майора Л. М. Голенищева-Кутузова с участием Сиверса, решено было к водоснабжению системы присоединить оз. Велье, находящееся на юго-востоке Новгородской губернии, в Валдайском уезде. Для этой цели в 1779 г. началась постройка канала, посредством которого воды этого озера должны были соединиться (через р. Явонь) с водами оз. Малый Селигер¹². Но работы вскоре приостановились и возобновились лишь в 1795—1797 гг.¹³ Строительство Вельевского «водопровода» закончилось в 1805 г.

Увеличение грузопотоков требовало постоянного усовершенствования судоходных условий на Мсте. В этой связи в конце XVIII — начале XIX в. появилось значительное число гидротехнических сооружений, создаваемых с единственной целью — поднять уровень воды на Мстинском участке пути. К числу их относились Дубовский, Тубасский, Березовский, Рудневский, Меглинский, Островский, Валдайский бейшлоты. Были прокопаны Коломенский, Зарецкий, Мышниковский, Щучинский, Кошечий и Хутынский каналы. Параллельно этому велись работы по расчистке русел Мсты и Тверцы¹⁴.

В 1784 г. управляющий «водяными коммуникациями» тверской и новгородский губернатор Н. Архаров направил в Сенат доклад, где высказал

⁸ М. Чулков. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до настоящего..., т. IV, кн. 5. М., 1786, стр. 445—447.

⁹ ЦГИА СССР, ф. 155, оп. 1, д. 4, л. 24.

¹⁰ ЦГИА, ф. ВУА, д. 23 794.

¹¹ ЦГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 292, л. 86.

¹² ЦГИА СССР, ф. 156, оп. 1, д. 6.

¹³ Д. Базтулин. Указ. соч., стр. 1.

¹⁴ С. М. Житков. Исторический обзор устройства и содержания водных путей и портов в России за столетний период 1798—1898 гг. СПб., 1900, стр. 10—14, 59—60.

свои предложения о реконструкции всех шлюзов. Он предлагал все деревянные сооружения заменить каменными. На следующий год Вышневолоцкий водный путь посетила Екатерина II, лично осмотрев важнейшие гидротехнические объекты. Вскоре после ее посещения последовал указ о выделении ежегодной суммы в 40 тыс. руб. на перестройку деревянных шлюзов¹⁵.

В результате всех мероприятий по реконструкции была достигнута возможность проводить в межень суда с осадкой до 12 вершков вместо прежних 10. Кроме того, прекратился объезд (по сухопутью) Боровицких порогов.

Большие неудобства для судоходства по водной системе доставляло и оз. Ильмень. Длина его с севера на юг простиралась на 28 верст, в ширину (с запада на восток — от устья р. Шелони до устья Ситенки) оно достигало около 38 верст. Озеро имело незначительную глубину, наибольшая едва достигала 16 футов. В период весеннего половодья и долгое время после него юго-восточный и восточные берега бывали затопленными¹⁶. Наиболее изменчивым, «блуждающим» являлся восточный берег, со стороны которого и впадала в озеро Мста.

Мелкое, с илистым дном, пологими берегами (за исключением части юго-западного побережья), подверженное ветрам северо-восточных румбов, сопровождающихся штормами, оно всегда было опасным для судоходства. На его дне покоились сотни разбитых больших и малых судов. Но в течение всего XVIII в. средств на прорытие обходного канала, позволяющего судам проходить, минуя Ильмень, из Мсты в Волхов, так и не нашлось. Лишь в 1797 г. по проекту Сиверса сооружение канала началось. Для того чтобы собрать средства на его строительство, Сенат предписал требовать с каждой барки, проходящей через Боровицкие пороги, пошлину в 10 руб.¹⁷

Исходная точка канала на Мсте находилась в 10 верстах от впадения ее в оз. Ильмень. Канал имел в длину 9 верст, ширина его колебалась в пределах 8—12 сажен, глубина не превышала 5 сажен¹⁸. Он проходил через озеро Печерское и Донецкое и соединялся с Волховом. Потребность в канале была слишком очевидна и правительству пришлось частично субсидировать строительные работы. Так, 20 января 1798 г. последовал личный указ императора Павла на имя главного директора ассигнационного банка об ежегодном отпуске (в течение пяти лет) по 50 тыс. руб. на сооружение канала¹⁹.

В феврале 1800 г. Я. Е. Сиверс преподнес Павлу план канала, доложив, что по нему «уповательно в нынешнее и будущее лето тысяч до двух барок пройдет и ход из Мсты, минуя Ильмень озеро, откроется»²⁰. Но судоходство по каналу фактически началось лишь в 1802 г., а в 1804 г. канал был назван Сиверсовым в память заслуг Я. Е. Сиверса, много сделавшего для его сооружения²¹.

Последним звеном Вышневолоцкой водной системы являлся Волхов, плавание по которому было относительно спокойным, за исключением участков, где находились Пчевские и Волховские пороги²². Ширина Волхова при истоке доходила до 600 сажен, с приближением к Новгороду (в 8 верстах от истока) — до 110 сажен, глубина — от 1,5 до 4 сажен.

¹⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 23 811.

¹⁶ Там же, ф. 420, оп. 1, д. 63, лл. 6—6 об.

¹⁷ М. Чулков. Указ. соч., стр. 687—692.

¹⁸ А. Слезкинский. Сиверский канал. — «Русское судоходство», 1890, № 125, стр. 13—16.

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 156, оп. 1, д. 1, л. 27.

²⁰ Там же, ф. 155, оп. 1, д. 4, л. 34.

²¹ I ПСЗ, т. XXVIII, № 21 350.

²² В литературе их часто объединяют под одним названием — Волховские.

Дно было илистым, течение медленным. На 7-й версте от истока от Волхова отделялся рукав Малый Волховец, который вновь соединялся с рекой на 21-й версте²³.

Пчевские (Пчевжские) пороги на Волхове начинались около погоста Пчевы, пониже устья речки Волыни и тянулись на 9 верст 100 сажен, заканчиваясь у деревни Подсыпье. Уклон они имели незначительный, так что с некоторыми усилиями судно могло проходить по ним даже вверх, против течения. Наиболее опасными местами на порогах считались Первая мель, Князевская коса, Перегреб и Никольский порог.

Волховские пороги начинались верстой ниже Гостинопольской пристани и простирались у правого берега на расстоянии 2 верст. Степень опасности на этих порогах зависела от силы ветра и уровня воды. При наиболее благоприятных условиях барки преодолевали пороги без перегрузки.

В начале 60-х годов появилось несколько проектов по расчистке Волховских порогов (в том числе и Пчевских), подготовленных Б. Х. Минихом²⁴, П. П. Паниным и Н. Е. Муравьевым. Однако сложность работ, низкий уровень техники, отсутствие денежных средств не могли радикально изменить условия судоходства на порогах. Ежегодно терпели аварии и гибли многочисленные барки с грузами. 19 марта 1765 г. последовал указ Екатерины II, который предписывал чистку порогов осуществлять старыми методами (вытаскивание камней ручным способом с фарватера на берег)²⁵.

Указом от 16 ноября 1781 г. расчистка Волховских порогов была поручена новгородскому губернатору Сиверсу. Но, вероятно, предпринятые меры оказались малодейственными, так как уже в 1793 г. Комиссия для изыскания и представления смет по улучшению внутреннего судоходства ходатайствовала перед правительством об отпуске 110 тыс. руб. на расчистку Волховских порогов. Деньги были ассигнованы, но фактическое освоение их оказалось незначительным — 39 325 руб., в силу чего дальнейший отпуск денег был сочтен нецелесообразным²⁶. Сказывался низкий уровень техники и слабая организация управления путями сообщения. Однако практика судоходства по Волхову продолжала требовать непрямого улучшения фарватера в районе порогов. В конце концов наиболее эффективным средством была признана прокопка каналов в самом русле реки для обхода порогов. Этими работами занимались в первые годы XIX в. Но осуществление проектов, уже после ряда удачных экспериментальных прокопок, было приостановлено. Указом царя от 11 апреля 1810 г. Департаменту водяных коммуникаций предписывалось сооружение каналов «отложить до того времени, когда суммы по части путей сообщения ассигнуемые будут на производство сей работы достаточны»²⁷.

Таким образом, на протяжении второй половины XVIII — начала XIX в. суда преодолевали Волховские пороги без перегрузки лишь в весеннее половодье и при осеннем подъеме уровня воды.

Одним из самых существенных недостатков Вышневолоцкого водного пути было то, что движение судов по нему осуществлялось лишь в одну сторону — по течению, к Балтике. Быстрое течение и порожистые участки рек делали обратный путь от Петербурга тяжелым, опасным и редко применявшимся. Тысячи барок и прочих судов, приходящих ежегодно в Петербургский порт, назад не возвращались — их продавали на месте. Чаще всего проданные барки шли на дрова. В результате в каждую навиг-

²³ ЦГВИА, ф. 420, оп. 1, д. 64, л. 33.

²⁴ ЦГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 282; ф. 192, оп. 1, д. 5; ЦГИА СССР, ф. 1487, оп. 7, д. 479.

²⁵ ЦГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 282, лл. 4—5.

²⁶ «Материалы для описания русских рек и истории улучшения их судоходных условий», вып. 29. Озеро Ильмень и река Волхов. СПб., 1912, стр. 154—156.

²⁷ «Отчет главного директора путей сообщения за 1810 г.» Тверь, 1814, стр. 57—59.

гацию требовалось огромное количество леса для снаряжения новых караванов судов. Правительство делало попытки каким-либо способом остановить истребление лесов. 16 ноября 1781 г. последовал указ о награждении барок, совершавших обратный путь²⁸. С увеличением отрезка пути, пройденного от Петербурга, наградная денежная сумма увеличивалась. Так, барка, преодолевшая Ладожский канал и вошедшая в Волхов, получала 10 руб., дошедшая до Боровичей на Мсте — 50 руб. и т. д. На награжденное судно ставилось особое клеймо. Указ вступил в силу с навигации 1782 г. и должен был действовать в течение пяти лет²⁹. Но в конце 80-х годов новгородский губернатор Н. Архаров доложил Екатерине II, что возвращение барок является невыгодным предприятием, так как прохождение барки от Петербурга до Новгорода стоило не менее 200 руб., в то время, как в Новгороде барку можно было купить за 80—100 руб.³⁰ Таким образом, на постройку судов продолжало уходить огромное количество леса.

Вышневолоцкий водный путь, несмотря на общегосударственное значение, почти до конца XVIII в. не имел централизованного управления. Вышневолоцкий раздельный пункт (район Вышневолоцких шлюзов и Заводского водохранилища) еще в 1722 г. был передан на содержание новгородскому купцу М. И. Сердюкову на очень выгодных условиях — в обмен на нерегламентированную обязанность поддерживать порядок в шлюзном хозяйстве, он получил различные привилегии и неограниченное право распоряжаться всеми доходами от судоходства. Лишь в конце 40-х годов Сенат потребовал от Сердюкова ежегодной присылки ведомостей о посаженных сборах с проходящих судов. Это были первые шаги по установлению государственного контроля. Только в 1765 г. от Сената в качестве управляющего Вышневолоцким раздельным пунктом был послан коллежский асессор Писарев. Под его контроль поступили все доходы и расходы на содержание каналов, а также все доходы семьи Сердюковых (М. И. Сердюков умер в 1754 г.).

В целом наблюдение за Вышневолоцким водным путем в 50—70-х годах сосредоточивалось в руках новгородского губернатора, так как основные звенья водной системы находились на территории Новгородской губернии. Официальное подтверждение его власти в области всех судоходных дел последовало 22 ноября 1773 г. Помимо общего контроля за водными путями губернатор должен был постоянно «стараться о всегдашней их исправности»³¹. Я. Е. Сиверс (новгородский губернатор этих лет) стал именоваться также и директором водяных коммуникаций. Он немедленно предписал вышневолоцкому воеводе Манзе и его помощнику Балкунову включиться в работу Вышневолоцкой шлюзной конторы и принять участие в сборах с проходящих судов всяких пошлин и «прочие суммы свидетельствовать»³².

Наследники Сердюкова, получив от казны скудный оклад — по 500 руб. в год, обратились в Сенат с просьбой о передаче всего вышневолоцкого водного хозяйства в казну. Указом Сената от 1 декабря 1774 г. было велено «каналы принять в казенное ведомство, а за все привилегии выдать Сердюковым 176 000 рублей в три срока»³³. Семья Сердюковых при этом передала государству 7 мельниц (в том числе 4 пильных), винокуренный, пивоваренный и солодовенный заводы, 3 кузницы, 8 домов, 17 изб и до 60 различных хозяйственных построек, расположенных на землях, прилегающих к каналам и шлюзам³⁴.

²⁸ М. Чулков. Указ. соч., стр. 687—692.

²⁹ Там же.

³⁰ ЦГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 975, л. 112 об.

³¹ I ПСЗ, т. XIX, № 14 070.

³² С. М. Житков. Указ. соч., стр. 11.

³³ Там же.

³⁴ В. А. Горелов. Указ. соч., стр. 126.

Указом от 9 октября 1778 г. последовало утверждение штатов Вышневолоцкой водной системы, которую делили на три части: 1) Вышневолоцкую — от Твери до Мстинского шлюза (при выходе из оз. Мстина); 2) Мстинскую — от Мстинского шлюза до Новгорода; 3) Волховскую — от Новгорода до Ладожского канала ³⁵.

Постоянное увеличение грузопотоков по водным путям сообщения, огромная роль последних в развитии экономики страны, заставляли правительство принимать различные меры по усовершенствованию организации управления водными системами. Так, в 1782 г. «водяные коммуникации» решено было разделить на два вида (по степени готовности к эксплуатации) — на оконченные и неоконченные, оставив первые в ведении губернатора и передав вторые в распоряжение Корпуса водяных архитекторов и гидравликов, образованного в том же году ³⁶. Но пока корпус осваивал работу, все водные пути (завершенные и незавершенные) оставались под началом губернатора. В 1783 г. «для исправления дел», связанных с водными дорогами, при новгородском губернаторе была учреждена особая канцелярия, штат которой состоял из четырех человек (с офицером во главе — «для чертежей») ³⁷.

Таким образом, до самого конца XVIII в. водные пути сообщения, проходившие по территориям Новгородской и Тверской губерний, имели обособленную организацию управления, руководимую новгородским губернатором. В 1797 г. управление всеми «водяными коммуникациями» России Сенат возложил на Я. Е. Сиверса ³⁸, который немедленно приступил к разработке мер, направленных на создание учреждения для управления всеми водными сообщениями страны. По его проекту был утвержден 28 февраля 1798 г. Департамент водяных коммуникаций ³⁹.

Следует отметить, что для надзора за судоходством в районе Боровицких порогов на Мсте еще с 1720 г. практиковалось назначение государственных чиновников, которые почти в течение всей второй половины XVIII в. именовались «главными командирами» порогов. Судоходство на Волховских порогах до 1774 г. находилось в ведении управляющего Канцелярией Экспедиции Ладожского канала. Впоследствии делами Волховских порогов стал распоряжаться особый чиновник — смотритель, назначенный директором водяных коммуникаций.

Учитывая огромную экономическую важность Вышневолоцкой водной системы, ее главенствующее положение среди прочих водных дорог России, Сенат решил объединить административную власть той территории, где она находилась, с ведомством водных путей сообщения. 18 апреля 1809 г. царь сделал следующее указание Сенату: «По местному положению губерний Новгородской, Тверской и Ярославской, по взаимным отношениям их промышленности к устройству водных путей, чрез пространство их к столице нашей пролегающих, и по необходимой связи губернского их начальства с водоходным, признали мы нужным поставить в оных генерал-губернатора» ⁴⁰. Должность генерал-губернатора Новгородского, Тверского и Ярославского была совмещена с должностью главного управляющего Департаментом водяных коммуникаций.

Эксплуатация Вышневолоцкого водного пути в целях перевозки грузов для снабжения столицы и импортирования товаров за рубеж во второй половине XVIII — начале XIX в. имела свою твердую систему и традиции. Навигация начиналась в апреле и завершалась обычно в октябре. В некоторые годы число дней, пригодных для судоходства, из-за по-

³⁵ С. М. Житков. Указ. соч., стр. 13.

³⁶ I ПСЗ, т. XXI, № 15 582.

³⁷ Там же, № 15 628.

³⁸ Там же, т. XXIV, № 17 848.

³⁹ «Краткий исторический очерк развития и деятельности ведомства путей сообщения за 100 лет его существования». СПб., 1898, стр. 14.

⁴⁰ Там же, стр. 26.

годных условий не превышало 40. Считалось нормальным, если уровень воды позволял совершать судовой ход в течение 50—70 дней. Наибольшее количество барок, лодок и плотов проходило в первую половину навигации — с апреля и до начала июля.

Погрузка судов происходила в разных местах — в верховьях Волги, на Тверпе, Мсте, на реках, впадающих в оз. Ильмень. От Калязина вверх по Волге на небольших пристанях снаряжали барки жители Тверской и некоторых городов Московской губерний. В Гжатске, по рекам Гжати и Вааузе нагружался караван товарами купцов Московской, Тульской, Калужской, Орловской, Смоленской и других губерний. В Твери, помимо погрузки, происходило соединение караванов, пришедших из городов Старицы, Зубцова и Ржева. Через Вышневолоцкие шлюзы в навигацию с конца 70-х годов XVIII в. проходило около 2 тыс. судов. Дальнейшее подключение судов к караванам осуществлялось на Мсте, Волхове. Десятки барок присоединялись к караванам, идущим от Вышневолоцких шлюзов, на Солпенской и Опеченской пристанях Мсты. Свыше 100 больших и малых судов ежегодно отходили от причала Боровичей. Вливались в караваны барки, приходившие из г. Крестец по р. Холове, впадавшей во Мсту. В Новгороде собирались суда, погрузка которых происходила за Ильменем — по р. Поле (до 200 барок), по Ловати и Полисти (до 600 судов), по Шелони (до 200 судов). Посылали к Петербургу грузы новгородские купцы и жители селений, расположенных по берегам Волхова. Отсюда преимущественно шли суда с дровами и сеном. Помимо судов по Мсте и Волхову сплавляли в плотах лес⁴¹.

Прохождение караванов осуществлялось в следующей очередности. В апреле — мае выходили в путь Солпенский, Вышневолоцкий, Новоторжский, Тверской, Гжатский, Калязинский и Ржевский караваны. Их основным грузом был хлеб, пенька и сало. В июне следовали Рыбинский, Романовский, Шопинский, Ярославский, Мышкинский, Корчевский, Углицкий и Мологский караваны. Помимо указанного груза они везли конопляное масло, льняное семя, мыло, полотно, поташ, лен, сальные свечи, уксус, табак, писчую бумагу и деготь. В августе — сентябре Вышневолоцкие шлюзы преодолевали Нижегородский, Балахонский, Борисоглебский, Алаторский, Екатеринбургский, Пермский и Сибирский караваны, суда которых были заполнены железом, солью, юфтью, вином, медом, овчинами, чугуном, литьем, стеклянной посудой, крахмалом, маслом, рыбой, воском, икрой и пр.⁴² Перестановки очередности отплытия каравана всегда были связаны с важными причинами (неподготовленность к пути и т. д.). Караваны назывались по имени места, где происходило их формирование. Количество судов в них не регламентировалось.

Состав грузов и их владельцы записывались в особые книги при пропуске судов через Вышневолоцкие шлюзы, а также фиксировались при прохождении Боровицких порогов. Эти записи позволяют проследить географию экономических связей внутренних районов, выяснить социальный состав торгующих, установить ассортимент, количество и ценность грузов идущих к Петербургу. В качестве примера рассмотрим навигацию 1769 г. Она началась довольно поздно — 29 апреля и завершилась 8 октября. В книгах Вышневолоцкой конторы было зафиксировано 1707 барок и 35 лодок, прошедших через Вышневолоцкие шлюзы.

Состав владельцев грузов оказался следующим. Из купцов были отмечены тверские (43 человека), ржевские (37), рыбнослободские (23), белевские (21), новоторжские (18), романовские (18), тульские (15), кашинские (14), калужские (13), московские (13), ярославские (13), нижегородские (12), дмитровские (9), борисоглебские (7), моложские (6), гжатские (6), петербургские (4), устюженские (4), балахонские (4),

⁴¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 23 801. Генеральная карта по Волге от Калязина, 1782 г.

⁴² Там же, д. 23 811.

новгородские (3), серпуховские (2), старицкие (2), болховские (2), вяземские (2), одоевские (2) и по одному купцу из Олонца, Зубцова, Вереи, Осташкова, Мещовска и Брянска. Были записаны суда 22 «жителей» Никольской слободы Калязинского монастыря Капинского уезда, одного жителя села Кимры Капинского уезда и 16 жителей села Нового Юхотской волости Ярославского уезда, а также 13 вышневолоцких ямщиков и 19 крестьян из Белозерского, Пошехонского, Костромского, Ярославского, Капинского и других уездов. Кроме того, среди владельцев остальных судов указана группа дворян, в том числе таких, как И. Г. Орлов, З. Г. Чернышев, С. К. Нарышкин, Апраксины, Голицыны, Воронцовы.

Десятки барок с железом принадлежали промышленникам Никите, Петру и Евдокиму Демидовым. Подрядный провиант в казенные учреждения сопровождали государственные чиновники или уполномоченные (из крестьян и мещан) тех лиц, которые делали поставки. Житель Новгорода, вышневолоцкие ямщики, крестьяне Костромского, Ярославского и Пошехонского уездов, также ржевский купец были владельцами девяти лодок, которые везли к Петербургу каменщиков. Этим же категориям (ямщикам, крестьянам и т. д.) принадлежало еще несколько «лодок с седоками»⁴³. В книге записаны и грузы, владельцем которых была казна: «Следующие из Екатеринбурга с мрамором и рыбными припасами под отправлением сержанта Алексея Лутчего две барки»⁴⁴, или же «Следующие с благодатских и камских железных заводов под ведомством господина поручика Воинова» 54 барки с железом⁴⁵. Зафиксирована и лодка с колодниками, отправленная из Москвы в Петербург под наблюдением сержанта морского флота Костявского⁴⁶.

Подсчет грузов на судах, проследовавших к Петербургу в навигацию 1769 г., дал следующие результаты.

Наиболее значительным по объему оказался подвоз сельскохозяйственных продуктов и среди них, прежде всего, хлебных грузов, которые составили 372 886 кулей, в том числе муки различных сортов — 247 165 кулей. Продовольственные товары (масло, сало, мясо, рыба, мед и пр.) исчислялись 167 271 пуд. и 363 кулями. На соль приходилось 226 539 пуд. Кроме того, в привозе оказалось 84 028 ведер вина и 4966 ведер уксуса. Затем следует отметить железо, железные, чугунные и медные изделия — всего 1 785 037 пуд. (в том числе железа разных сортов — 1 775 491 пуд., которое в основном шло на экспорт).

Особое место принадлежало таким продуктам сельского хозяйства, как пенька, пеньковая пряжа, войлок, щетина и т. п., которые в большинстве своем также предназначались на экспорт — 1 374 992 пуда (в том числе пеньки 1 347 629 пуд.). Полотна, холсты, сукна, кожи, лапти и кули составляли 56 801 пуд.

Строительный материал (глина, кирпичи, мел, дубовые заготовки и пр.) — 67 810 пуд. и 70 кулей, употреблялся на местные нужды. Часть груза представляла собой хозяйственные товары (мыло, клей и др.) и по весу была незначительной — 13 026 пуд. На все прочие, конкретно не обозначенные грузы, приходилось 3500 пуд.⁴⁷

К перечисленным грузам при прохождении караванов через Новгородскую губернию с рек Сяси, Паши, Пчовжи, Оскуи, Вишеры, Полы, Ловати, Мсты, Холовы, Шелони и других добавлялись еще сотни тысяч пудов различной клади — леса, сена, пеньки, рыбы, овощей, уксуса, старорусской соли, извести, овчин, глиняной посуды.

В последующие годы количество судов и плотов, провозивших грузы по Вышневолоцкой водной системе, непрерывно возрастало (см. табл. 1).

⁴³ ЦГАДА, ф. 248, оп. 115, д. 12.

⁴⁴ Там же, л. 47.

⁴⁵ Там же, л. 62.

⁴⁶ Там же, л. 6 об.

⁴⁷ Там же, лл. 4—74.

Т а б л и ц а 1 *

Вид транспорта	1761 г.	1763 г.	1765 г.	1768 г.	1770 г.	1775 г.	1777 г.
Речные суда	3748	4121	4776	4462	4891	5388	5997
Плоты с лесом	8011	6287	7896	4877	5773	3156	5425

* Ю. Р. Клокман. Очерки социально-экономической истории городов северо-запада России в середине XVIII в. М., 1960, стр. 33.

Т а б л и ц а 2 *

Участки водного пути	Прошло судов	Осталось на зимовку	Потерпело крушение
От Рыбинска до Твери (суда, пришедшие с низовьев Волги)	4846	593	—
От Твери до Боровицких порогов (караваны Рыбинский, Гжатский, Тверской, Новоторжский, Солпенский)	4220	3313	—
От Боровицких порогов до Новгорода **	4441	219	76
От Новгорода до Волховских порогов ***	5467	334	—
От Волховских порогов до Ладожского канала ****	6023	202	—

* ЦГИА СССР, ф. 206, оп. 1, д. 8, лл. 150 об.—151.

** На этом участке подключался Боровицкий караван и отдельные суда, груженые по берегам р. Мсты.

*** Здесь к вышеуказанным караванам присоединялись суда, груженые по берегам оз. Ильмень и пришедшие с рек, впадающих в озеро.

**** На этом отрезке пути караваны пополнялись судами, груженными на р. Волхове.

Некоторое снижение количества плотов в отдельные годы, проходивших по водному пути, было целиком связано с условиями навигации и зависело от уровня воды в реках, особенно на порогах.

Данные о грузопотоках в конце XVIII — начале XIX в. дают возможность подтвердить возрастание выдающейся роли Вышневолоцкого водного пути в развитии рыночных оборотов, торговых связей и вовлечении тысяч крестьян в работы, связанные с речным транспортом. Так, в навигацию 1784 г. в Рыбинск было доставлено хлеба на 1,5 млн. пуд., железа на 1 млн. пуд. и соли почти на 2 млн. пуд. больше, чем в навигацию 1769 г.⁴⁸

В следующие 25 лет Петербург продолжал поглощать все возрастающие потоки товарной продукции страны. Причем в начальные годы эксплуатации Мариинской и Тихвинской водных систем, Вышневолоцкая, как это видно по навигации 1809 г., сохранила свое значение, хотя тяжелые условия судоходства по ней тормозили нарастание грузопотоков (табл. 2). В эту же навигацию по Мариинскому водному пути, по которому движение началось после 1803 г., прошло только 891, а зазимовало 921 судно. По Тихвинской водной системе в навигацию 1809 г. в сторону столицы отправилось 1123 судна⁴⁹.

⁴⁸ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО), ф. 72, оп. 2, д. 838, лл. 3 об.—4.

⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 206, оп. 1, д. 8, лл. 150 об.—151.

Таблица 3 *

Год	Дата вскрытия Мсты	Продолжительность навигации (дней)	Количество судов		Итого	Ценность груза (млн. руб.)
			казенных	частных		
1	2	3	4	5	6	7
1801	10 марта	74	1277	3783	5060	11,9
1802	21 марта	67	989	3766	4755	12,0
1803	27 марта	48	479	2792	3271	11,5
1804	4 апреля	56	1235	3371	4606	12,3
1805	1 апреля	77	1774	3889	5663	15,2
1806	3 апреля	55	916	3453	4369	11,7
1807	5 апреля	59	1208	3008	4216	14,5
1808	12 апреля	48	1273	2842	4115	11,0
1809	18 апреля	48	1415	3028	4443	12,4
1810	19 апреля	70	2226	3466	5692	13,7
1811	7 апреля	33	1073	2000	3073	14,0
1812	16 апреля	44	627	2175	2802	13,7
1813	27 марта	53	858	2077	2935	17,7
1814	31 марта	41	787	2314	3101	23,7
1815	6 апреля	46	832	3216	4048	29,7

* «Статистические сведения о судах, прошедших по Мсте у Боровицких порогов с 1801 г. по 1862 г.»
Подготовил инж. Чмутов.— ЖМПС, 1879, т. II, кн. 1, стр. 57—58.

Несмотря на то что в 1809 г. из-за мелководья и ряда других причин на различных участках Вышневолоцкого пути осталось на зимовку 4661 судно с грузом, к Петербургу было провезено 1 082 128 кулей, 120 892 мешка и 29 592 четв. хлебных продуктов⁵⁰.

Интенсивная реконструкция водной системы, некоторое упорядочение организационных начал ее эксплуатации, с одной стороны, увеличение удельного веса петербургской торговли, развитие, в целом, внутренних экономических связей, рост промышленного и сельскохозяйственного производства с другой, обусловили в начале XIX в. увеличение количества и ценности грузов, проходящих по Вышневолоцкому водному пути (табл. 3).

Зависимость транспорта от окружающей среды была очень большой. Навигацию регламентировал не только весенний и осенний режим рек. Летом уровень воды менялся также очень часто, что было связано с количеством осадков. В маловодные годы функционирование Вышневолоцкого пути осуществлялось лишь с помощью подключения запасных вод. Величину загрузки судна определяла глубина судового хода. При необходимости плавания с неполным грузом фрахты повышались. Кроме того, ширина многих участков рек и пороги обуславливали строго определенные размеры барок, превышение которых грозило судну гибелью. Однако постепенное усовершенствование судов позволило к началу XIX в. увеличить их грузоподъемность, не меняя размеров. Так, если барки в 60-е годы XVIII в. поднимали 82 тонны, то в первые годы XIX в. имели уже грузоподъемность в 115 тонн⁵¹.

Вышневолоцкую водную систему обслуживали тысячи судорабочих из крепостных, государственных и экономических крестьян, а также мещан Костромской, Ярославской, Тверской и Новгородской губерний. Они про-

⁵⁰ Там же, лл. 146—147 об.

⁵¹ С. В. Бернштейн-Роган. Очерки географии транспорта. М.—Л., 1930, стр. 257.

изводили погрузочные и разгрузочные работы, выступали в качестве конноводов, лопманов, сходочных, кормщиков и коренных. По самому благоприятному фарватеру судно можно было вести, лишь имея на борту 10—12 человек, из которых 7—10 человек (сходочные) тянули судно бечевой или работали потесями (девятисаженные еловые бревна, обтесанные в виде весел)⁵². Порожистые участки рек барки преодолевали только с помощью лопманов и дополнительных рабочих, число которых достигало 30 человек, а в некоторых случаях и более.

Лопманские артели на Вышневолоцком водном пути представляли собой особые организации. Лопман требовался на каждое проходящее судно, причем очень часто ему приходилось выступать не только в роли проводника, но и выполнять некоторые обязанности судорабочих. В руки лопмана судно поступало в Вышнем Волочке, где однако до конца XVIII в. официальной лопманской организации не существовало. Местные проводники нанимались здесь по вольным ценам, исходя из величины судна, ценности груза и т. д. Пристанская администрация делала попытки регулировать действия лопманов, несколько сотен которых собирались к началу каждой навигации. Указом от 5 июля 1799 г. было предписано всех «управляющихся в лопманском промысле» записать в особые списки. Но условия, которые при этом ставила администрация, заставили многих отказаться от промысла. Прежде всего, пугали твердые расценки оплаты труда. Предпочтение при приеме на работу отдавалось вышневолоцким жителям. Из крестьян в первую очередь брали казенных. Виновных в различных проступках надлежало строго наказывать — сечь плетью, исключать из списков и «никуда ни под каким наименованием на барку не пущать»⁵³. В результате, в первые дни после объявления указа в лопманы записалось лишь три человека. Сиверс пытался заставить угрозами подчиниться указу, отдав распоряжение о привлечении лопманов к суду. Он же потребовал от судовладельцев, чтобы для сопровождения барок нанимались только «записные» лопманы⁵⁴.

Лишь спустя 10 лет, к 1809 г. в лопманские списки удалось записать чуть более 1 тыс. человек из купцов, мещан, ямщиков, экономических и помещичьих крестьян. Причем, все минувшие годы после издания указа от вышневолоцких жителей в Сенат постоянно поступали жалобы о принудительной записи на лопманскую службу. Пристанская администрация отмечала и такой факт, что записные лопманы хуже исполняли свои обязанности, нежели вольные. Таким образом, указ 1799 г. фактически не был выполнен. Лопманы стойко боролись за свои права. Они неоднократно и очень сплоченно выступали с протестами против нарушений условий договоров, поднимали вопрос о повышении заработной платы. Так, весной 1809 г. лопманы из крестьян удельного ведомства потребовали повышения платы и, ожидая выполнения своих условий, «остановили ход судов очередных»⁵⁵. По примеру этих лопманов стали отказываться от своих «рядов» (договоров) и другие проводники судов. Причиной волнения лопманов послужил тот факт, что Вышневолоцкая контора нарушила сроки начала лопманской работы. Лопманы, пригнанные на пристань для проводки очередного каравана много лошадей, вынуждены были долго дожидаться выхода на реку. Такие волнения лопманов, несмотря на жестокие наказания, неоднократно повторялись и в дальнейшем.

Смена вышневолоцких лопманов на каждом судне происходила на Ножкинской пристани, расположенной на р. Мсте. Здесь постоянно требовалось не менее 400 провожатых. На следующей пристани — Басутинской — лопман вновь менялся, так как требовался проводник, знающий Басутинские пороги. С ним барка плыла до Опеченской пристани, кото-

⁵² Н. Озерецковский. Путешествие на озеро Селигер. СПб., 1807, стр. 102.

⁵³ ЦГИА СССР, ф. 155, оп. 1, д. 94, лл. 31—31 об.

⁵⁴ Там же, л. 27.

⁵⁵ Там же, ф. 156, оп. 2, д. 61, л. 1.

рая была последней остановкой перед самыми опасными порогами на Мсте — Боровицкими. Лопманские артели на Боровицких порогах являлись официальной организацией, учрежденной еще в 1720 г. За проводку судов здесь существовала особая такса, более высокая по сравнению с другими местами. Помимо лопмана на Опеченской пристани на каждую барку брали дополнительных рабочих. Вместе с лопманами и основным составом рабочих, взятых из Вышнего Волочка, на барке находилось не менее 50 человек, а иногда и свыше 60. Только с таким количеством людей и можно было преодолеть Боровицкие пороги. Опеченские лопманы, самые искусные мастера своего дела на всем Вышневолоцком пути, покидали барку на Потерпелицкой пристани, где завершался самый опасный порожистый участок реки. Отсюда до следующей Усть-Воленской пристани судно обычно вел вышневолоцкий лопман. Там он покидал барку, оставляя ее обычно на попечение вышневолоцких коренных.

В начале второй половины XVIII в. от Вышнего Волочка (далее по Мсте) до устья р. Березая работало 1058 лопманов. Им приходилось преодолевать 19 порогов и кос. На следующем участке реки (от устья Березая до устья Увери — 13 порогов и кос) сопровождали суда 254 лопмана. Далее, от устья Увери до Новгорода (23 порога и кос) имелось 1235 лопманов⁵⁶. В последующие годы число лопманов на порогах еще более выросло, так как значительно увеличился грузопоток.

Несмотря на необыкновенную трудность проводки барок через пороги и жестокость наказания (обычно публичного) за малейший промах, вакантных лопманских мест почти никогда не было. Пожалуй, главной причиной этого следует считать возможность получения больших заработков. Официальная плата была незначительной. Но судовладельцы прекрасно понимали, что благополучное прохождение барки через пороги зависело только от лопмана и вознаграждали его. Сказывается и моральный фактор — было что-то притягательное в этом отважном ремесле⁵⁷.

Положение лопманов и прочих судорабочих на порогах не менялось в течение десятилетий. Труд их оставался тяжелым и опасным. Заработная плата росла медленно. Администрация постоянно делала различные вычеты из их заработков — на содержание конных стоек для нужд Конторы Боровицких порогов, на жалование сотским и десятским. Каждый лопман в течение трех недель в году был обязан заниматься чисткой порогов и ремонтом различных гидротехнических сооружений. В этот период его ежедневный заработок составлял всего 40 коп., что едва хватало на питание. Лишь к 1812 г., после неоднократных лопманских ходатайств, эту плату увеличили до 60 коп. в день⁵⁸.

Большинство лопманов, работавших на Мсте, были крепостными крестьянами. Ведомство путей сообщения испытывало в этой связи всяческие затруднения. Помещики очень часто отвлекали лопманов на свои работы. Поэтому казна стала «выкупать» крестьян, занимавшихся лопманским ремеслом. Выкупные суммы крестьяне выплачивали в рассрочку. В 1807 г. состоялась покупка имения помещика Березина, крестьяне которого проживали в деревнях Егла, Онуфриево, Гребло, Вишма и Шараново (Боровичского уезда) — всего 519 душ м. п.⁵⁹ Почти все они были за-

⁵⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 23 794. Генеральная карта водяной коммуникации от Вышнего Волочка до Нова Города... 1764 г.

⁵⁷ Спуск судов по Боровицким порогам наблюдал Н. А. Некрасов. Он писал: «Позвизг этого оригинального плавания действует на низший класс народа. Верст из-за пятидесяти собираются мужики в Рядок (Опеченская пристань. — Э. И.), бросая более необходимое занятие для работы на барках. И можно с достоверностью полагать, что не одни выгоды вставляют их стекаться сюда. Они идут в посад во время судоходства как на праздник, как на пир. Так, опасность этого быстрого плавания между двумя высокими и скалистыми берегами посреди волн, яростно воюющих между собой и с грядами камней, имеет какое-то охмеляющее свойство». («Три страны света». Курск, 1960, стр. 358).

⁵⁸ ЦГИА СССР, ф. 206, оп. 2, д. 329, л. 19.

⁵⁹ Там же, ф. 155, оп. 1, д. 47, л. 3.

няты работой на порогах. В последующие годы выкуп лоцманов продолжался.

Значительное число лоцманов работало и на Волхове, плавание по которому было сопряжено с преодолением двух порожистых участков — Пчевских и Волховских порогов. От Новгорода до этих порогов суда вели обычно новгородские лоцманы, которые не имели официальной организации и нанимались «с воли, без малейшей об них известности»⁶⁰. Смотритель пристани при найме проводников никакого участия не принимал, что доставляло судовладельцам немало хлопот. Вопрос о создании лоцманского общества в Новгороде возникал неоднократно, но разрешить его положительно не представлялось возможным. На Волховских же и Пчевских порогах действовали артели лоцманов, официально признанные еще в начале XVIII в. Труд волховских лоцманов был менее опасен, чем на Боровицких порогах, но чрезвычайно тяжел и оплачивался очень низко. Лоцманы неоднократно обращались в Сенат с ходатайствами об увеличении заработка. Правительство средств на это не находило, а кушцы дополнительные сборы на лоцманов считали для себя обременительными. Лоцманы на этих порогах выступали одновременно в качестве проводников и рабочих. В «малую воду» на каждую барку судовладелец брал около 20 лоцманов-работников, в «большую воду» — не менее 15 человек. На Волховских порогах на протяжении всей второй половины XVIII в. работало около 300 человек — две трети из этого числа были помещичьими крестьянами⁶¹. На Пчевских порогах число лоцманов не превышало 200. В 1806 г. здесь находилось 158 человек, большинство из которых были крепостными графа И. П. Кутайсова⁶².

Организационные основы лоцманской службы на Волхове постепенно приобрели те же черты, что и на Боровицких порогах, лишь с той разницей, что здесь помещики могли свободно отдавать своих лоцманов в рекруты, что в районе Боровичей делалось только с разрешения судоводительских властей⁶³. Заинтересованность правительства в бесперебойной доставке грузов к Петербургу вынуждала заниматься усовершенствованиями лоцманских организаций, повышением платы работникам речного транспорта. Так, указом от 17 апреля 1808 г. плата лоцманам и коноводам была увеличена по всей Вышневолоцкой водной системе⁶⁴.

Значение Вышневолоцкого водного пути современники понимали совершенно отчетливо. Главный директор путей сообщения в 1810 г. писал: «Из всех систем, по коим отправляется судоходство, важнейшая есть Вышневолоцкая... Известно, что одним сим путем снабжалась донныне столица нужными собственнно для нея и для заморского отпуска из внутренности России продуктами»⁶⁵.

Вышневолоцкий водный путь сыграл выдающуюся роль в экономическом развитии России. Он оказал влияние на развитие Петербурга, отдельных отраслей промышленного производства и их географическое размещение, а также на формирование рынка рабочей силы в речном транспорте. Несмотря на низкий уровень решения ряда технических проблем, связанных с эксплуатацией, Вышневолоцкая водная система сохраняла свое транзитное значение до конца первой половины XIX в., уступив свое место лишь более совершенной Мариинской системе и первым железным дорогам.

⁶⁰ ЦГИА СССР, ф. 199, оп. 1, кн. 231, л. 79.

⁶¹ Там же, ф. 155, оп. 1, д. 47, лл. 6–7.

⁶² Там же, ф. 158, оп. 1, д. 15, л. 15.

⁶³ Там же, ф. 155, оп. 1, д. 47, л. 6.

⁶⁴ Там же, ф. 206, оп. 2, д. 329, л. 2.

⁶⁵ «Отчет главного директора путей сообщения за 1810 г.» Тверь, 1814, стр. 30.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОБЩЕСТВА ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ, ИХ ОСОБЕННОСТИ И РАЗМЕЩЕНИЕ

И. Т. Довженко

Основными источниками статьи послужили ежегодные отчеты и периодические обзоры Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗЗ), сведения и справочники о сельскохозяйственных обществах и кооперативах, о количестве сельского населения и агрономическом персонале, сборник статистико-экономических сведений за 1901—1922 гг. о сельском хозяйстве России в начале XX в., материалы всероссийских съездов по кооперации, юбилейные издания¹, работы историков кооперации М. Л. Хейсина, А. В. Меркулова² и архивные документы³, которые дают возможность глубже осмыслить настоящую проблему.

Дореволюционные авторы и составители официальных документов, примыкали или разделяли взгляды буржуазных, а иногда и правых партий, сознательно или несознательно не обращали внимание на классовый состав кооперативов и других обществ, не понимали их ограниченное значение, второстепенную роль в экономическом и политическом преобразовании общества. Такие авторы являлись проводниками буржуазных идей среди крестьянства.

Изучаемые сельскохозяйственные общества появляются в XVIII в. Большое экономическое общество было создано в 1765 г.; в основном же они возникают в следующем столетии: Московское общество сельского хозяйства, Российское общество любителей садоводства в Москве, Петербургское центральное сельскохозяйственное общество⁴ и т. д.

Эти общества отстаивали интересы помещиков, переходивших к капиталистическим формам ведения хозяйства, и небольшой части зажиточных крестьян. Занимались они главным образом изучением условий экономического развития сельского хозяйства, вырабатывали рекомендации, распространяли сельскохозяйственные знания, особенно в пореформенный период развития России. В конце прошлого века в таких обществах группировалась либеральная интеллигенция и богатые крестьяне. Таких «давних» и «старых» обществ до 1900 г. насчитывалось 375⁵. В дальнейшем на первый план выдвигаются новые сельскохозяйственные

¹ «Главное управление землеустройства и земледелия. Обзор деятельности за 1912 год». СПб., 1913; «Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗЗ). Итоги работы за последнее пятилетие (1909—1913)». СПб., 1914; «Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах по данным на 1915 г.» (далее — «Справочные сведения...»). Пг., 1916; «Местный агрономический персонал, состоявший на правительственной и общественной службе на 1 января 1915 г.» Справочник. Пг., 1915; «Сборник статистико-экономических сведений за 1901—1922 гг. о сельском хозяйстве в России в XX веке». М., 1923; «Труды I Всероссийского кооперативного съезда 1908 г.». М., 1908.

² М. Л. Хейсин. История кооперации в России. М., 1926; А. В. Меркулов. Вопросы кооперативного движения в России. Пг., 1918; С. Прокопович. Кооперативное движение в России, его теория и практика. М., 1918.

³ Центральный государственный архив г. Москвы, ф. 17 и др.; ЦГАОР СССР, ф. Департамента полиции, особое и IV делопроизводство.

⁴ «Справочные сведения...», стр. 27.

⁵ Там же.

общества — кооперативы. Довольно значительный процент старых обществ сохранялся в прибалтийских губерниях: в Курляндской — 38%, в Лифляндской — 37,7%, и Эстляндской — 36,2%, а также в Астраханской — 20,7%, Тульской 18,3%, Московской — 15,6% ⁶.

В начале XX в., в годы усиленного проникновения капитализма в сельское хозяйство, значительная часть из этих обществ постепенно начинает выполнять функции сельскохозяйственных кооперативов. В условиях дореволюционной России этот процесс совершался довольно медленно и противоречиво. Отношение царского правительства к кооперативному движению было непоследовательным, как ко всем явлениям развивающегося капитализма. С одной стороны, оно не препятствовало и даже с определенного времени стимулировало экономическое, хозяйственное развитие кооперативов, а с другой — оно тормозило, задерживало кооперативное движение, преследовало кооператоров, боровшихся за решение злободневных социальных вопросов в пользу рабочих и крестьян. Царское правительство прилагало немало усилий к тому, чтобы кооперативы не вышли из-под влияния помещиков, сельских, уездных, губернских представителей местной власти. Но полицейские меры оказывались не в состоянии остановить силу экономического развития сельского хозяйства. Крепким крестьянским хозяйствам необходимы были новые орудия и машины, сортовые семена, лучшие породы скота, более совершенные приемы обработки земли и т. д. Поэтому даже старые сельскохозяйственные общества начинают идти навстречу своим членам, главным образом состоятельным крестьянам. Так, довольно крупное Рижское центральное сельскохозяйственное общество, распространившее свою деятельность на Лифляндскую, Курляндскую, Эстляндскую, Витебскую и Псковскую губернии, объединяло к началу 1914 г. 99 сельскохозяйственных обществ и кооперативных товариществ и руководило деятельностью 129 контрольных кооперативных союзов, насчитывавших в своем составе 2631 хозяйство ⁷.

Северо-Лифляндское центральное сельскохозяйственное общество к 1915 г. включало в свой состав 79 сельскохозяйственных кооперативов, из них 46 сельскохозяйственных обществ, 9 товариществ молочного хозяйства, 5 контрольных товариществ скотоводства, 7 товариществ для совместного пользования сельскохозяйственными машинами и орудиями и 12 экономических ссудо-сберегательных и других товариществ ⁸.

В середине 1912 г. Вологодское общество сельского хозяйства открывает коммерческий отдел, получивший неофициальное наименование «Союз кооперативов Северного края». В его задачу входили кооперативная организация сбыта продуктов населению Северного края (Вологодской, Архангельской, Новгородской, Олонецкой, Костромской, Ярославской, Вятской и Пермской губерний) и организация через кооперативы снабжения предметами личного и производственного потребления. Коммерческий отдел располагал сельскохозяйственными орудиями, машинами, семенами, удобрениями. В него к началу 1914 г. входило 54 маслодельных артели, 50 потребительных обществ, 10 сельскохозяйственных обществ, 2 кредитных товарищества. Общее число кооперативов, находившихся в торговых взаимоотношениях с коммерческим отделом, доходило до 266, а сумма торгового оборота отдела в 1913 г. превысила 4 млн. руб. ⁹ В свою очередь в деревнях, волостях возникают местные сельскохозяйственные кооперативы с тем же наименованием — «сельскохозяйственные общества». На 1 января 1915 г. их насчитывалось 3729.

Приведем табл. 1, в которой сельскохозяйственные общества сгруппированы по району деятельности.

⁶ «Справочные сведения...», стр. 30.

⁷ Там же, стр. 41.

⁸ Там же.

⁹ «Обзоры и отчеты Главного управления землеустройства и земледелия» (ГУЗЗ) за 1912, 1913 и 1914 гг.

Т а б л и ц а 1*

Район деятельности	Всего обществ		Общих сельскохозяйственных обществ		Специальных обществ	
	число	% к итогу	число	% к итогу	число	% к итогу
Группа волостей	690	18,9	624	17,9	66	37,5
Одна волость	1681	45,9	1607	46,1	74	42,0
Менее одной волости	1288	35,2	1252	36,0	36	20,5
<i>Итого</i>	<i>3659 **</i>	<i>100</i>	<i>3483</i>	<i>100</i>	<i>176 **</i>	<i>100</i>

* «Справочные сведения...», стр. 41.

** По 70 специальным обществам нет сведений, которые дали бы основание для их отнесения к одной из трех групп.

Таким образом, мы встречаемся с двумя типами сельскохозяйственных обществ: со *старыми*, сохранявшими в разной мере свои прежние функции, и *новыми* крестьянскими кооперативами. В документах, как правило, все общества относят к первому типу, не выделяя местные кооперативные сельскохозяйственные общества.

Наше внимание привлекают прежде всего сельскохозяйственные общества второго типа. Однако не следует упускать из виду, что в рассматриваемое время «большинство сельскохозяйственных обществ по своим задачам приближалось уже к сельскохозяйственным кооперациям»¹⁰. Вот почему в начале нашего века очень трудно сельскохозяйственное общество отнести к определенному типу.

Участниками обществ, как мы отмечали выше, являлись зажиточные крестьяне, непосредственно и с помощью своих орудий ведущие сельскохозяйственное производство. Из почти 15 млн. крестьянских земледельческих семей В. И. Ленин выделял в дореволюционной России около 3-х млн. среднего крестьянства и едва ли больше 2-х млн. кулачества, богатеев, спекулянтов хлебом¹¹, а также около 10 млн. бедноты, живущей продажей своей рабочей силы или идущей в кабалу к богатым¹². Подавляющее большинство из этих ²/₃ крестьян не входило в сельскохозяйственные общества и за редким исключением не пользовалось их благами и преимуществами.

Не случайно уже в трудах I Всероссийского съезда в Москве (1908 г.) указывалось на то, что «категория малоимущих, наиболее многочисленная в деревне, принимает наименьшее участие в сельскохозяйственных обществах и наименее ими заинтересована»¹³⁻¹⁴.

Сельскохозяйственные общества в период между двумя революциями представляли собой одну из форм объединения более развитых в экономическом отношении крестьянских хозяйств. Согласно первому параграфу нормального устава сельскохозяйственных обществ, утвержденного Министерством земледелия и государственных имуществ в 1898 г., задачей обществ являлось содействие соединенными силами своих членов, в районе их действия, развитию и усовершенствованию сельского хозяйства и сельской промышленности.

¹⁰ «Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837—1912 гг.)». Пг., 1914, стр. 243.

¹¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 40.

¹² Там же.

¹³⁻¹⁴ «Труды I Всероссийского кооперативного съезда 1908 г.», стр. 355—356. Цит. по С. Прокопович. Указ. соч., стр. 124.

Что же включалось в программу деятельности этих обществ? Прежде всего они были обязаны изучать положения в различных отраслях сельского хозяйства, хозяйственные нужды и потребности своих членов. Общества должны были сыграть и сыграли свою роль в изучении и распространении теоретических и практических сведений по сельскому хозяйству, наиболее правильных способов ведения хозяйства, в усовершенствовании орудий, машин, пород скота. К тому же общества участвовали в посредничестве по снабжению хозяев нужными в их хозяйстве «предметами»¹⁵.

Правда, сельскохозяйственным обществам — кооперативам, особенно мелким, которых насчитывалось более 70%, не под силу было выполнить все это сразу, поэтому каждое из них бралось за какое-либо одно дело.

Кроме того, общества могли и пользовались правом и некоторыми преимуществами в получении средств от государственных учреждений и ведомств.

Только в 1911 г. общества получили от Главного управления землеустройства и земледелия 1,3 млн. руб., т. е. 10% всех средств, выданных на общие агрономические мероприятия в районах землеустройства¹⁶.

В документах Департамента полиции и материалах агрономических и других съездов¹⁷ хранится немало документов, которые показывают, как в обществах, вопреки запретам царского правительства, оседала и действовала демократически и оппозиционно настроенная интеллигенция: агрономы, ветеринары, ученые, пропагандисты сельскохозяйственных знаний и др.

Многосторонняя деятельность обществ способствовала лучшему использованию для нужд крестьянских хозяйств достижений агробиологии, селекции, ветеринарии, сельскохозяйственной техники, наук о растениях, животных и т. д. Благодаря этому улучшались семена, породы скота, осваивались новые технические культуры, быстрее и шире внедрялось садоводство, огородничество, виноградарство, пчеловодство, улучшались способы обработки земли. Все это оказывало некоторое влияние на развитие производительных сил в сельском хозяйстве России.

Большой научный интерес представляет проблема размещения и динамика роста сельскохозяйственных обществ на территории царской России.

С этой целью составлены картограммы, на которых сопоставляются статистические данные на 1 января 1913 и 1915 гг., т. е. времени самого значительного увеличения количества обществ. Согласно картограмме наибольшее количество обществ в 1912 г. было в таких районах¹⁸: на юге России — Новороссийский, Малороссийский и Юго-Западный — 850, Прибалтийский (5 губерний) — 412, Центрально-промышленный (6 губерний) — 394, Приозерный (4 губернии) — 326 и Среднее и Нижнее Поволжье (8 губерний) — 321¹⁹. Все они относятся к Европейской части России. В Азиатской части Российской империи их было значительно меньше. Так, в девяти губерниях Средней Азии их насчитывалось 26,

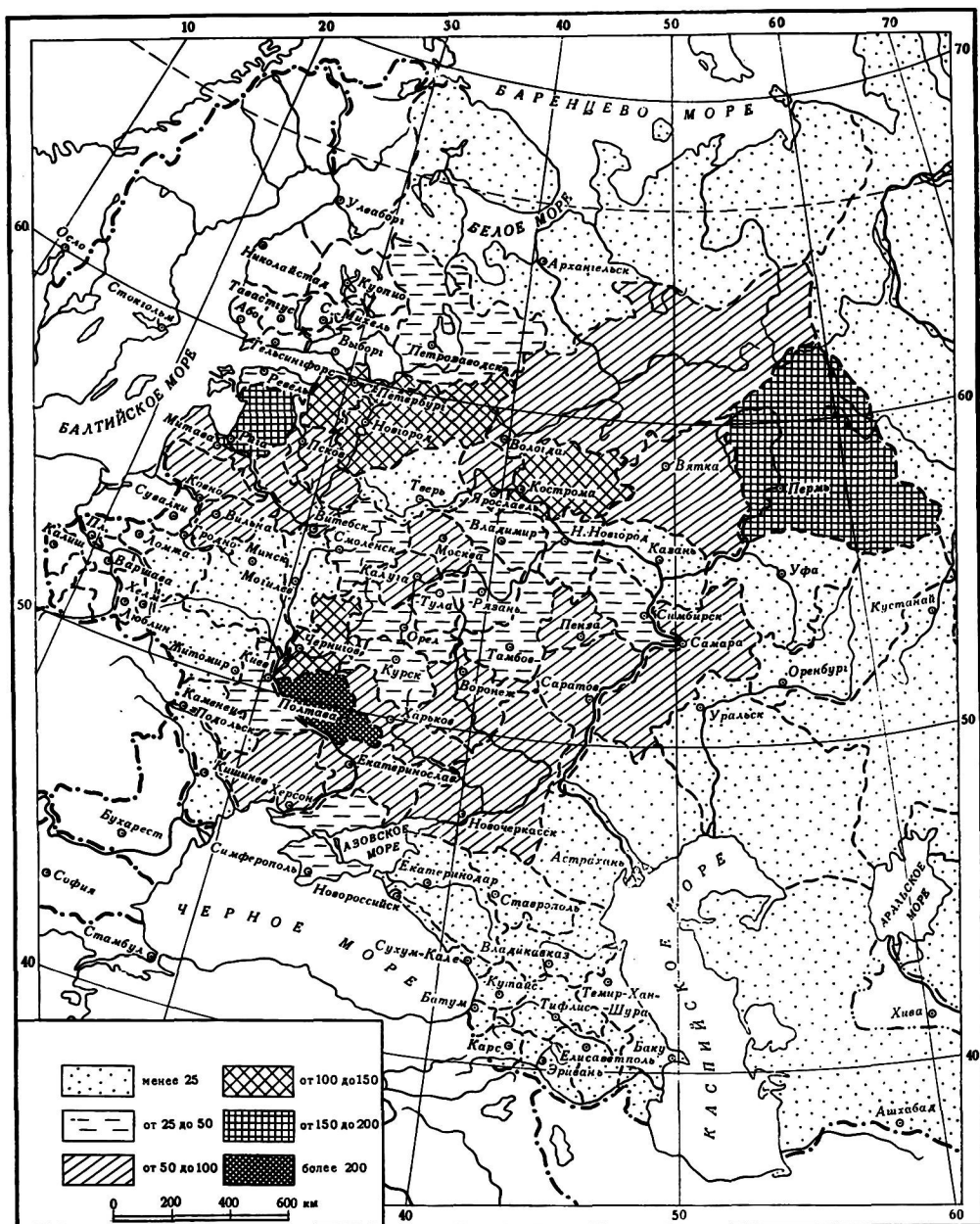
¹⁵ А. В. Меркулов. Указ. соч., стр. 179.

¹⁶ «ГУЗЗ. Обзор деятельности за 1912 г.», стр. 155.

¹⁷ Центральный государственный архив г. Москвы, ф. 17, оп. 103, т. 1, № 395; т. 2, № 459 и др.; ЦГАОР, ф. Департамента полиции, особое и IV делопроизводство.

¹⁸ Из 92 губерний, областей, краев царской России, по которым есть сведения, мы рассматриваем 81, т. е. те из них, которые находились на территории, относящейся ныне к СССР. Исключены губернии Варшавская, Калишская, Петраковская, Люблинская, Плоцкая, Келецкая, Ломжинская, Радомская, Седлецкая, Сувалкская, а также Маньчжурская.

¹⁹ «ГУЗЗ. Обзор деятельности за 1912 г.», стр. 150, 151, 152.

Размещение сельскохозяйственных обществ в Европейской России в 1912 г.

а в Закавказье — 27²⁰. В Сибири и на Дальнем Востоке приходилось в среднем по два общества на уезд. Всего обществ в этих районах насчитывалось 107, из которых 81 находилось в четырех губерниях: Томской — 26, Енисейской — 20, Тобольской — 19 и Иркутской — 16. В Забайкальской было всего 2, Якутской — 1, Амурской — 4, Оренбургской — 9, Приморской области — 10.

Такая неравномерность распределения обществ наблюдается и в северных губерниях (в Вологодской — 76, а в Архангельской только 6 об-

²⁰ Там же.

ществ). Особое место заняла Центрально-черноземная область, где на 6 губерний приходится 240 обществ²¹. Здесь наибольшее число обществ насчитывалось в Воронежской губернии — 63²² и наименьшее в Орловской — 26 обществ.

Из общего числа обществ, существовавших в 1912—1914 гг., следует выделить специальные общества: садоводов, огородников, пчеловодов, общества по производству скота, технических культур и т. п. Они получили широкое распространение в губерниях Костромской (64), Лифляндской (33), Петроградской (27), Московской (24) и Курляндской (22). Более 60 губерний из 81 имели всего лишь от 1 до 10 специальных обществ. Их число возрастало по губерниям менее быстро, чем число общих²³. Так если относительно последних можно выделить 18 губерний, где за три года (с 1912 по 1914) прибавилось от 30 до 86 новых обществ, то по специальным обществам отмечается увеличение всего на 8—12 в 10 губерниях²⁴. Рост первых (общих) происходил за счет губерний Украины, Центрально-промышленного района и Приозерного края, а вторых (специальных) — за счет Центрально-промышленного района, Прибалтийского, Приозерного края, Центрально-черноземной области и приуральских губерний.

Какие же изменения произошли в размещении обществ к 1915 г.? Прежде всего, юг России сохраняет за собой ведущее место по количеству обществ (смотри картограмму). За три рассматриваемых года их число возрастает с 770 до 1020, т. е. на 250 (в Полтавской — на 40, Екатеринославской — на 38, Херсонской — на 35, Харьковской — на 30)²⁵.

Центрально-промышленный район занимает в это время второе место: в нем количество обществ увеличивается на 163 и достигает 557. На третье место, ранее занимаемое Центрально-промышленным районом, выходят средне- и нижневолжские губернии, где число обществ возрастает с 321 до 527, т. е. на 206. По ежегодному увеличению обществ выделяются Пензенская, Уфимская и Нижегородская губернии. Прибалтийские губернии вместо второго стали занимать четвертое место, но они и в 1914 г. были покрыты довольно густой сетью сельскохозяйственных обществ. Приуральский район, состоявший из Пермской и Вятской губерний, оказался после Прибалтийского. Однако по среднему количеству обществ на губернию (205) он не находился впереди всех районов России.

Значительный рост общих сельскохозяйственных обществ происходил в Приозерном крае (с 326 до 418), Центрально-черноземной области (с 240 до 370), белорусских губерниях (со 174 до 298) и на Северном Кавказе (с 37 до 74)²⁶. В губерниях Средней Азии количество обществ увеличивается в 2,5 раза (с 26 до 66), но и после этого их в среднем приходилось одно-два общества на уезд²⁷.

В Сибири и Закавказье число сельскохозяйственных обществ увеличилось в 1,5 раза. Но на один уезд закавказских губерний приходилось примерно в 4 раза меньше обществ, чем в Сибири. Из северных губерний выделяется Вологодская, в которой число обществ выросло с 75 до 106.

На карте выделяются два района с наибольшим количеством обществ: первый тянется полосой от Уральских гор (Пермская губерния) на запад (Вятская, Костромская, Вологодская, Новгородская, Петроградская, Витебская) до Балтийского моря (Лифляндская, Курляндская);

²¹ «ГУЗЗ. Обзор деятельности за 1912 г.», стр. 150, 151, 152.

²² Воронежская губерния, по данным охраны, имела большое число нелегальных крестьянских организаций.

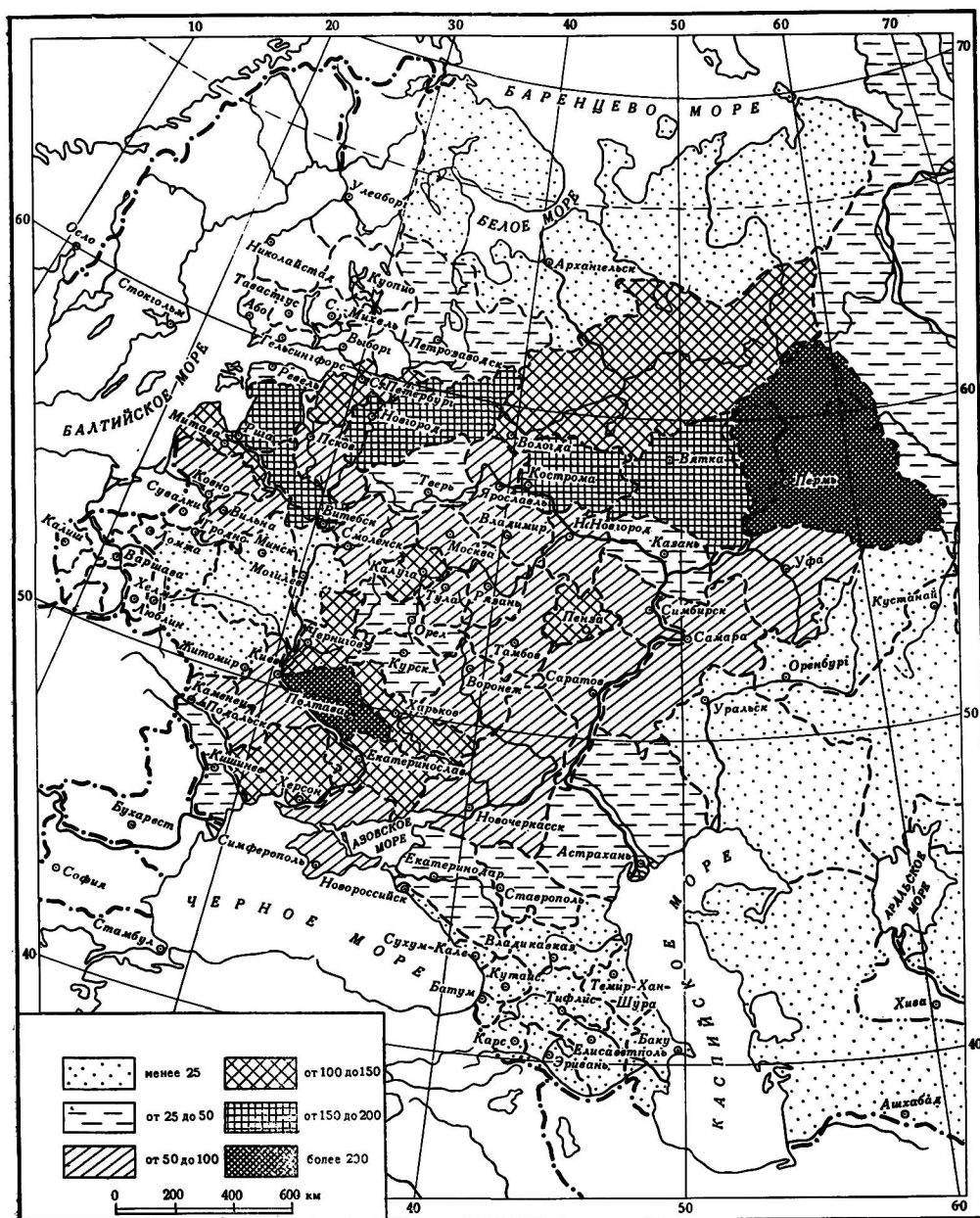
²³ Следует иметь в виду, что до 1895 г. из 192 обществ было 113 специальных и только 79 общих («Сведения о сельскохозяйственных обществах...», стр. 24).

²⁴ «ГУЗЗ. Обзор деятельности за 1912 год», стр. 150—152; «Справочные сведения...», стр. 6.

²⁵ «Справочные сведения...», стр. 6.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

Размещение сельскохозяйственных обществ в Европейской России в 1914 г.

второй занимает территорию северной и центральной Украины. Только в этих двух районах насчитывается более 2 тыс. обществ, тогда как в остальной Европейской России — в Центрально-промышленном районе, Центрально-черноземной области, средне- и нижневолжских и других губерниях — действовало, по нашим подсчетам, 1454 общества²⁸. На севере (Архангельская), на западе (Могилевская, Гродненская, Минская, Житомирская, Подольская) и на юге России (Черноморская, Терская) в 1914 г. приходилось менее 25 обществ на губернию²⁹. Закавказье,

²⁸ Там же; «ГУЗЗ. Обзор деятельности за 1912 г.», стр. 250—252.

²⁹ «Справочные сведения...», стр. 821.

Средняя Азия и Сибирь с Дальним Востоком в этот год насчитывали всего лишь 280 сельскохозяйственных обществ³⁰.

Таким образом, в Европейской части России было наибольшее количество как общих, так и специальных обществ. Во всех районах России в исследуемое время наблюдается рост обществ по сельскому хозяйству и неравномерное их распределение.

Анализ статистических данных и территориального размещения сельскохозяйственных обществ подтверждает очень важное ленинское положение о том, что рост и развитие кооперативов зависело прежде всего от различной степени развития капитализма в сельском хозяйстве. Он указывал, что кооперация «тем больше развивается, чем выше стоит страна на уровне капиталистического развития»³¹.

К первой мировой войне столыпинская аграрная реформа привела не только к обострению классовых противоречий в деревне, но и к заметным сдвигам в области развития сельскохозяйственного производства. Россия к этому времени поднялась на новый уровень развития капитализма в сельском хозяйстве.

Массовое кооперативное движение возникает с начала XX в. на некоторых окраинах, где как отмечал В. И. Ленин, «развитие капитализма и общий уровень культуры нередко выше в «иностранческих» окраинах, чем в центре государства»³². Так, уже в 1912 г. на юге России, юго-западе и в Прибалтийском районе, где сложились лучшие условия для ведения хозяйства по-капиталистически, капитализм довольно глубоко проник в деревню, а слой зажиточного крестьянства был многочисленнее, чем в Центральной России. На юге «крепкий» крестьянин расширял запашку, улучшал технику сельского хозяйства, вводил лучшие орудия, а на западе, в Прибалтийском крае и Литве, повышалась культура земли³³.

По мере развития капитализма в сельском хозяйстве количество обществ перед войной, как уже было отмечено, возрастает на огромной территории от Уральских гор до Балтийского моря, от Северного и до Центрально-земледельческого района. В изучении этого процесса имеются свои сложности. Непонятно, например, почему в губерниях Центрально-черноземной области, где капитализм в сельском хозяйстве значительно слабее развивался, чем на окраинах России, обществ приходилось на каждую губернию более 60? Почему в районах с одинаковым уровнем развития капитализма в одних губерниях много обществ, а в других, напротив, мало?

Зная о том, кто, как правило, создавал сельскохозяйственные общества, мы сопоставили в таблице данные о размещении сельскохозяйственных обществ и агрономического персонала. Результаты оказались весьма интересными: выяснилось, что максимальное, среднее и минимальное количества обществ в губерниях и районах совпадают территориально и с соответствующей насыщенностью агрономическим персоналом. Так, из 16 губерний, в которых 100 и более обществ, работало от 127 до 319 человек, т. е. наибольшее количество агрономического персонала³⁴.

В районах Закавказья и Средней Азии было мало не только обществ, но и агрономического персонала (специалистов приходилось от 2 до 26 на губернию, за исключением Тифлисской, где трудилось 53 специалиста)³⁵.

Показательным является и другое сравнение. В Центрально-черноземной области, как отмечалось выше, действовало много обществ. Здесь же на одну губернию приходилось 152 лица агрономического персонала³⁶.

³⁰ «Справочные сведения...», стр. 821.

³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 102.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 271.

³³ М. Л. Хейсин. Указ. соч., стр. 134.

³⁴ «Местный агрономический персонал...», стр. 556—557.

³⁵ Там же, стр. 558—559.

³⁶ Там же, стр. 556—559.

Т а б л и ц а 21

№ п/п	Губерния	Всего сельско-хозяйственных обществ (1914 г.)	Количество коопера-тивов (1914 г.)				Количество насе-ления	Количество аг-рономического персонала	Посевная пло-щадь (дес.)
			кредит-ных	сельско-хозяйст-венных товари-ществ	потреби-тельных				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	
1	Полтавская	353	237	15	367	3 646 400	309	2 279 225	
2	Пермская	271	406	24	480	3 790 700	258	2 381 367	
3	Костромская	257	82 *	15 *	75	1 660 600	214	859 587	
4	Лифляндская	221	139	422	124	1 052 800	214	584 908	
5	Витебская	176	115	15 *	45	1 611 800	205	908 829	
6	Новгородская	175	82 *	15 *	223	1 556 800	137	605 532	
7	Вятская	187	406	15 *	88	3 806 400	248	3 155 038	
8	Петроградская	172	82 *	39	233	799 800	127	268 066	
9	Черниговская	141	240	15 *	65	2 787 700	208	1 547 533	
10	Екатеринославская	126	115	15 *	155	2 883 600	225	3 297 083	
11	Вологодская	112	82 *	122	270	1 632 500	152	674 967	
12	Херсонская	117	423	19	164	2 592 800	214	3 995 833	
13	Курляндская	126	100	96	40	576 900	46	435 081	
14	Самарская	102	306	15 *	79	3 514 500	257	4 696 708	
15	Воронежская	106	222	15 *	26	3 362 600	163	2 730 442	
16	Донская область	92	313	15 *	148	3 383 000	216	5 437 060	
17	Вологодская	112	333	15 *	270	1 632 500	152	674 967	
18	Нижегородская	85	221	15 *	50	1 874 500	174	1 056 925	
19	Саратовская	89	223	15 *	59	2 720 900	277	3 002 533	
20	Тамбовская	96	276	15	26	3 205 100	197	2 364 711	
21	Харьковская	112	261	15 *	163	2 851 500	294	2 279 221	
22	Подольская	80	144	32	643	3 646 400	125	1 999 707	
23	Рязанская	83	205	15 *	42	2 499 100	119	1 271 383	
24	Киевская	98	184	30	657	3 919 100	338	1 974 257	
25	Тульская	81	221	15 *	22	2 639 400	132	1 187 787	
26	Уфимская	73	270	37	61	2 874 400	171	2 168 996	
27	Таврическая	76	82 *	15 *	112	599 300	143	2 660 307	
28	Симбирская	70	82	15 *	17	1 866 800	94	1 420 420	
29	Эстляндская	55	82	77	56	391 500	55	177 461	
30	Орловская	47	219	15 *	26	2 407 800	178	1 506 392	
31	Ставропольская	31	82 *	15 *	40	1 232 400	57	2 498 417	
32	Кубанская область	36	82 *	21	76	2 667 000	51	3 600 743	
33	Томская	52	442	15 *	142 **	3 596 500	175	3 544 087	
34	Оренбургская	28	282	15 *	102	1 987 300	28	2 007 001	
35	Бессарабская	40	385	15 *	69	2 206 400	142	2 353 913	
36	Тобольская	39	134	15 *	262	1 857 200	134	1 532 652	
37	Минская	26	163	15 *	50	2 691 000	134	1 351 544	
35	Сырдарьинская	7	134	15 *	4	1 636 000	44	889 398 ***	

¹ «ГУЗЗ. Обзор деятельности за 1912 г.», стр. 150, 151, 152; «Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах по данным на 1915 г.», стр. 6; «Местный агрономический персонал, состоящий на правительственной и общественной службе на 1 января 1915 г.», стр. 562, 563, 534 и диаграмма № 1; «Кооперация на Всероссийской выставке в 1913 г. в Киеве». Киев, 1914.

* Меньше.

** В Томской губернии более 300 договорных маслодельных артелей не учтено.

*** В таблицу включены губернии, по которым есть сопоставимые и показательные данные.

Для полноты картины и более глубокого осмысления и объяснения некоторых особенностей размещения обществ, учитывается количество сельского населения в губерниях и наличие других кооперативов. На основании таблицы устанавливается прямая зависимость между количеством сельского населения и числом сельскохозяйственных обществ. Более того, указанные ранее районы максимального насыщения обществ совпадают с наибольшей плотностью населения.

В некоторых губерниях было немного сельскохозяйственных обществ только потому, что на их территории действовало немало кооперативов других типов. Так, в Томской имелось в 11 раз, в Оренбургской в 14 раз и в Тобольской в 10 раз больше других типов кооперативов, чем сельскохозяйственных обществ³⁷. Таким образом, на размещении сельскохозяйственных обществ сказывались многие факторы. Дальнейшее изучение настоящей темы с использованием методов исторической географии приведет к выяснению очень важных проблем истории сельского хозяйства России, и в частности, позволит установить количество и развитие крестьянских кооперативных организаций.

Положительно оценивая роль сельскохозяйственных обществ, не следует забывать, что они в условиях царизма и крупного помещичьего землевладения не могли изменить и даже существенно повлиять на социально-экономическое и политическое положение всего крестьянства. Только ликвидация самодержавия и крупного помещичьего землевладения могла создать простор для развития производительных сил в сельском хозяйстве России.

---

³⁷ «Справочные сведения...», стр. 6, 15, 16.

III. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

К ВОПРОСУ О КАРТОГРАФИЧЕСКОМ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ

Л. А. Гольденберг

Картография прошла большой, сложный и исключительно интересный путь развития от примитивных «карт» бронзового века, высеченных на скалах, и карты Маршалловых островов, составленной из деревянных палочек, от средневековых портоланов, от многотомных художественных атласов эпохи Возрождения до красивых своей деловой строгостью, богатых по содержанию современных географических карт и картографирования Луны. На всех этапах истории карты и планы всегда отвечали самым насущным требованиям времени.

Практическое использование карт и планов в самых разнообразных областях делает их особенно ценным историческим источником для регионального и тематического изучения размещенных в конкретном пространстве явлений и объектов народного хозяйства, военного дела, государственного управления и т. д. Часто они становились и юридическими документами.

Изучение старых карт¹ конкретной территории или определенной тематики (специального содержания) начинается с их, по возможности, исчерпывающего выявления. За последние годы можно назвать замечательные примеры целенаправленного выявления печатных и рукописных картографических материалов. Под руководством Ю. А. Бласова сотрудники Пермского государственного университета имени М. Горького выявили 5488 карт и планов Пермской губернии, составленных в дооктябрь-

---

¹ Имеется в виду, конечно, не физическое старение материала, на котором выполнена та или иная карта. «Старая» карта понимается нами как синоним карты, не отражающей современной действительности, потерявшей первоначальное справочное значение. Для разных видов географических и специальных карт степени старения различны. Карты устаревают в силу появления новых или исчезновения ряда географических и других объектов, постоянного совершенствования географической основы, введения новых методов съемки (например, в наши дни спутниковая геодезия) и т. д. (В. Л. Похваленский. О старении топографических карт. — «Труды Московского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии», вып. 5. М., 1950, стр. 15—22; А. С. Лисичанский. Определение степени устарелости топографических карт по статистико-экономическим данным. — «Научные записки Львовского политехнического института», вып. 15. Серия геодезическая. Львов, 1949, № 1, стр. 157—164). За рубежом часто употребляют термины: старинная, древняя, ранняя карты. При этом разделяются: карты архивные и старинные (old map, die alte Karte) — все карты, утратившие оперативное значение; старинные карты, изготовленные до начала систематических топографических съемок (early map, die frühe Karte); карты-инкунабулы, т. е. первые печатные карты, изданные в эпоху начала книгопечатания («Multilingual Dictionary of Technical Terms in Cartography». Wiesbaden, 1973, p. 265).

ский период; более 23 тыс. картографических произведений к 1973 г. учтено по Южному Уралу и Приуралью Р. М. Абзаловым. Профессор Утрехтского университета К. Куман выявил и детально описал 680 голландских атласов, увидевших свет в 1570—1880 гг. Центральный каталог картографических фондов Польши, составленный под руководством М. Лодыньского, содержит 2743 описательные статьи атласов и других картографических работ с 1482 по 1945 г.²

Эти примеры можно в значительной степени приумножить, и все они свидетельствуют о настоятельной необходимости проведения научно организованного выявления, а также систематизации, описания и каталогизации как основных этапов исследовательской архивно-картобиблиографической работы, предваряющей непосредственный анализ историками собственно картографических произведений³. Таким образом, еще до того, как попасть на стол ученого, старые карты становятся объектом обстоятельного изучения и источниковедческой критики.

Анализ советской и зарубежной историко-картографической литературы показал, что в этой области науки преобладающим типом исследований является подробное рассмотрение отдельных картографических произведений, создание исторических справок о жизни и деятельности составителей карт⁴. Среди множества этих публикаций по истории карты (а не по истории картографии, что не одно и то же) рассыпаны крупницы опыта источниковедческого анализа карт и планов, но специальные работы, посвященные методике изучения старых карт, чрезвычайно редки. Кардинальные проблемы картографического источниковедения разрабатываются очень медленно и совершенно недостаточно. Правда, за последнее десятилетие к ним пробудился известный интерес⁵. За рубежом он был связан главным образом с выяснением достоверности спекулятивных интерпретаций показателей карт Винланда и Пири Рейса⁶, что в конце концов затронуло и другие более общие стороны изучения старых карт. Так, в работе «Карта как исторический документ» выделены три стадии развития западноевропейских карт по их источниковедческой ценности; в основу деления положено назначение карт и методы съемок. По мне-

² Ю. А. Власов. Картография Среднего Урала в дореволюционный период. Автореферат канд. дисс. Пермь, 1967, стр. 14; Р. М. Абзалов. История географического познания и картографирования Южного Урала и Приуралья в связи с хозяйственным освоением территории с конца XVII в. Автореферат канд. дисс. М., 1973, стр. 3; С. Косталп. *Atlantes Neerlandici*, v. 1—5. Amsterdam, 1967—1971; М. Лодыньски. *Centralny katalog zbiorow kartograficznych w Polsce*, t. 1—4. Warszawa, 1961—1968.

³ Г. Н. Угил. Источники справочно-библиографической информации о картографических произведениях. — «Известия ВГО», т. 106, вып. 4. М., 1974, стр. 329—334; Е. Чапин. The value of cartobibliographies and the technique of their compilation. — «Surveying and Mapping», v. 20, N 1, 1960, p. 76—84; W. Bonacker. Über Vordrucke zur Erlangung grundlegender Angaben für die Inangriffnahme kartenhistorischer Arbeiten. — «Kartographische Nachrichten», Bd 13, N 2, 1963, S. 50—53.

⁴ С. А. Гаприлова. История картографии (библиографический обзор). — «Итоги науки. Картография», 1964, вып. 1, стр. 83—111; 1966, вып. 2, стр. 137—162; Ф. А. Шибанов. О сущности и содержании истории картографии и итоги работы советских ученых в этой области за 50 лет. — «Вестник ЛГУ», № 12, Геология, география, 1967, вып. 2, стр. 104—108; К. А. Салищев. История картографии. — «Итоги науки. Картография», 1974, вып. 6, стр. 218—238; W. Ristow. Guide to the History of Cartography. An Annotated List of References of the History of Maps and Mapmaking. Washington, 1973; Л. А. Гольденберг, Б. Г. Галкович. V Международная конференция по истории картографии. — «Известия АН СССР, серия географическая», 1974, № 4, стр. 163—166.

⁵ R. Skelton. Looking at an early map. Lawrence, 1965; R. Skelton. Maps. A historical Survey of Their Study and Collecting. Chicago, 1972; Б. Г. Галкович. К вопросу о применении картографического метода в исторических исследованиях. — «История СССР», 1974, № 3, стр. 132—141.

⁶ А. З. Алейнер, М. А. Коган. Истина и вымысел о некоторых картах эпохи великих географических открытий. — «Известия ВГО», т. 102, вып. 6, 1970, стр. 543—549; R. Skelton Th. Marston G. Painter. The Vinland map and the Tartar relation. New Haven, 1965; М. А. Коган. О так называемой первой карте Винланда. — «Известия ВГО», т. 98, вып. 6, 1966, стр. 469—476.

нию автора, все карты до XVI в. (Птолея, монастырские, портоланы и др.) имеют только общее культурно-историческое значение. Ограниченное значение для истории из-за неполноты содержания и неполного охвата территории имеют карты XVI—XVII вв., составленные методами упрощенной съемки для нужд военного ведомства и государства. Самые разнообразные исторические сведения для различных отраслей знаний дают военные и другие карты и планы XVIII в., созданные по точным съемкам⁷.

В статье голландского историка картографии К. Кумана «Уровни исторических свидетельств в ранних картах (с примерами)» осуществлена попытка разработать классификацию по признаку ценности исторических свидетельств, содержащихся в старых картах. Обращая внимание на узость традиционных исследований старых карт, ограниченных историей карты (автор, дата, назначение, точность и т. п.), автор подчеркивает обычное игнорирование исследователями наиболее сложных вопросов: «какова историческая ценность карты? Как она влияет на наши знания о прошлом? Что карта подтверждает или устанавливает, помимо того, что уже принято за историческую истину?» С этих позиций старые карты как исторические источники подразделены им на шесть категорий (уровней). К наивысшему уровню отнесены карты, которые являются одним и единственным способом выражения исторических явлений и фактов из-за природы самого явления, например, карты геологические или гидрографические. Топография дна океанов, морей, дна рек и эстуарий может предстать перед человеческим взглядом только благодаря изображению в графической форме. К самому низкому уровню автор относит очень широкий диапазон карт всех типов и всех периодов, которые подтверждают или дополняют письменную документацию. В заключение К. Куман подчеркивает, что историки (добавим: особенно те, у кого обращение к старинной карте носит случайный характер) редко могут понять внутреннюю ценность карт из-за недостатка опыта в практической картографии. С другой стороны, картографы, как правило, редко могут оценить историческое свидетельство⁸.

На основании опыта работы над картами британских картографов Д. Харли в статье «Оценка ранних карт. О методологии» рассматривает методику исследования старых карт. Автор выделяет три этапа: 1) изучение исторических данных на самих картах; 2) исследование исторических данных о картах; 3) применение общих методов исторических исследований и выявление принципов, которые отличают изучение карт от других документов. К данным на самих картах он относит: сведения, извлекаемые для датирования и идентификации, а именно — физические (материал — бумага, пергамент и т. п.; краски, чернила), водяные знаки, палеографию, картографический стиль изображения; проверку содержания карты (преимущественно математической основы, полноты и достоверности топографических элементов); сравнительную картографию (изучение контуров, площадей), топонимику, картобиблиографию. Среди внешних источников сведений, которые могли бы пролить свет на древние карты, Д. Харли называет самые разнообразные материалы — каталоги, проспекты изданий и другие документальные, графические и устные источники. Они привлекаются для своеобразной перекрестной проверки информации и выяснения намерений картографа-составителя, обстоятельств составления карты (съемка, вычерчивание, гравирование), а также оценки карт их современниками⁹.

⁷ R. Oehme. Die Karte als historisches Dokument. — «Kartographische Nachrichten», 1967, t. 17, N 6, S. 194—201.

⁸ C. Koeman. Levels of historical evidence in early maps (with examples). — «Imago Mundi», 1968, v. 22, p. 75—80; «Пути развития картографии». М., 1975, стр. 107.

⁹ J. Harley. The evaluation of early maps: towards a methodology. — «Imago Mundi», 1968, v. 22, p. 62—74.

Картографическое источниковедение СССР не принадлежит к числу хорошо разработанных областей исторической науки. Из 1020 работ по истории картографии, опубликованных в 1917—1975 гг., лишь немногие полностью посвящены источниковедческим или методическим вопросам, хотя в каждой из них можно найти, помимо сведений об истории отдельных картографических произведений и их создателях, ценные наблюдения над достоверностью и точностью тех или иных карт, результаты анализа их источников, датирования и т. д. Среди историков, картографов, географов, этнографов, изучавших старую карту как исторический источник, можно назвать таких ученых, как А. И. Андреев, М. И. Белов, Л. С. Берг, Л. Г. Бескровный, А. Б. Дитмар, А. В. Ефимов, Б. А. Рыбаков, К. А. Салищев, Ф. А. Шибанов, В. К. Яцунский и многих др. Преобладающее число исследований по истории картографии касается в основном материалов до XIX в. Отметим поэтому главные особенности картографии допетровского периода и XVIII в.

Прежде всего следует подчеркнуть, что русская самобытная картография XV—XVII вв. миновала этап гипотетически-фантастических карт, свойственный арабской и средневековой западноевропейской картографии¹⁰. Ее отличают исключительная достоверность сообщаемых сведений, богатое географическое содержание, несмотря на отсутствие должного математического обоснования «карт»-чертежей, неравномерность картографо-географической изученности отдельных частей территории страны.

Утрата большинства русских картографических произведений до XVIII в. поставила перед учеными нашей страны необычайно сложные задачи проведения историко-картографических реконструкций, воссоздания облика древнерусских карт, тщательного выявления всех источников их составления, детального изучения косвенных свидетельств широкого распространения и использования «карт»-чертежей. В связи с этим в первую очередь всесторонне были изучены карты и атласы XVI—XVII вв., составленные в Западной Европе по русским данным (Б. Аньезе — Д. Герасимов, 1525; С. Мюнстер, 1545; С. Герберштейн, 1546; А. Дженкинсон, 1562; Г. Герритс, 1613—1614; И. Масса, 1633; Н. Сансон, 1654; Г. Сансон, 1674; Н. Витсен, 1690 и др.); исходные материалы для картосоставления, в том числе русские писцовые книги, дорожники, межевые грамоты, чертежные росписи, географические описания и «ведомости»; описи «карт»-чертежей, хранившихся в приказных архивах; акты и другие материалы, содержащие подлинные известия о составлении чертежей отдельных местностей и всего государства, а также о хранении картографических фондов в Разрядном, Посольском, Поместном, Тайном и Сибирском приказах¹¹.

XVIII век в истории русской картографии явился началом установления и торжества математических методов картосоставления. В период преобразований петровского времени для выполнения новых хозяйственных, административных, культурных и военно-политических задач, связанных с развитием производительных сил, возникла необходимость в составлении новых карт, достаточно полных и точных. Расширение географической осведомленности русских людей XVIII в. о родной стране сопровождалось научно-организованным планомерным картографи-

¹⁰ L. Bagrow. History of Cartography. Revised and enlarged by R. A. Skelton. Cambridge, 1964.

¹¹ Б. А. Рыбаков. Древнейшая русская карта начала XVI в. и ее влияние на европейскую картографию XVI—XVIII вв. — «Труды Второго Всесоюзного географического съезда», т. III. М., 1949; Л. А. Гольденберг, В. Н. Федчина. Русская картография XVI—XVII вв. в исследованиях советских ученых. — «Труды XIII Международного конгресса по истории науки. Секция VIII. История наук о Земле». М., 1974; L. Bagrow. At the Sources of the cartography of Russia. — «Imago Mundi», 1962, v. 16, p. 33—48.

рованием ее огромной территории. Наряду с проведением первой государственной съемки многочисленные картографические произведения были созданы в результате таких правительственных мероприятий, как Камчатские, Оренбургская, Нерчинская комплексные академические и другие экспедиции XVIII в., а также петровское, елизаветинское, аннинское, генеральное и специальное межевания. Начавшаяся дифференциация отраслей знания вызвала бурное развитие тематической (специальной) картографии (военной, морской, лесной, горнозаводской и т. д.).

Последовательное расширение наших представлений о картографической оснащенности России в XV—XVIII вв. и особенностях развития картографии того времени позволяет отметить ряд основных направлений в исследованиях советских ученых:

1. Оценка значения русской картографии в общеисторических работах, в сводных трудах по истории географии (Д. М. Лебедев, В. И. Греков), картографии (К. А. Салищев, С. Е. Фель), исторической географии (В. К. Ялунский). Отражая достигнутый уровень научных знаний и культуры, древнерусские чертежи являются ценнейшими историческими свидетельствами.

2. Анализ источников, подтверждающих составление русских чертежей в XV—XVI вв. и историко-картографические реконструкции (Б. А. Рыбаков). Исследование влияния допетровской картографии на составление карт Руси, России (Московии) и Сибири западноевропейскими картографами. Изображение Евразии, Азии, северо-восточной Азии, севера Европейской России, полярных областей и пограничных с Россией территорий на картах Ортелия, Гондиуса, Меркатора, Сансона, Блау, Янсона, Баренца, Коронелли, Гастальди, Контелли, Д'Арвиля, д'Абланкура, иезуитов Маттео Риччи, Мартина Мартини, Антона Томаса, Фердинанда Вербе и др.

3. История создания и анализ особенностей русской генеральной карты России XVI в.—Большого Чертежа (К. Н. Сербина, Ф. А. Шибанов).

4. Исследование истории создания отдельных картографических произведений и их анализ, введение в научный оборот ранее неизвестных картографических работ (чертежи 1497 г. и 1523 г., карта-памфлет 1526 г., «Чертеж ветхой городам русским и шведским до Варяжского моря», «Чертеж украинским и черкасским городам», карты 1685 г., А. Виниуса, Н. Спафария, сибирские чертежи 1667, 1673, 1687 гг., «Хорографическая чертежная книга», «карта»-чертеж П. Миллера и многие др.).

5. Анализ русских географических и тематических атласов (1697—1711, 1699—1701, 1703, 1702—1730, 1731, 1734, 1737, 1738, 1745, 1751, 1773, 1776, 1789, 1792, 1794, 1795, 1796 гг.), региональных (Оренбургской губернии, 1755 г.) и межевых атласов.

6. Изучение картографирования отдельных регионов и акваторий страны: Европейская Россия (И. А. Голубцов), Сибирь (А. И. Андреев, М. И. Белов, Л. А. Гольденберг, А. В. Ефимов), Средняя Азия (В. Н. Федчина, Р. Л. Югай), Урал (Е. В. Ястребов, Ю. А. Власов), Прибалтика (Э. Ф. Вареп, И. И. Петрулис), Балтийское, Черное, Каспийское моря (К. А. Богданов) и др.

7. Характеристики картографического творчества литовского художника Антония Вида, сибирского «изографа» С. У. Ремезова, казака Курбата Иванова, посланника Н. Спафария, ученых, картографов, землемеров и других составителей карт (петровские геодезисты, А. Черкасский, С. Л. Вонявин, П. К. Креницын, М. Д. Левашов, А. Н. Нагаев, Ф. И. Соймонов, И. Чурнасов, А. И. Чириков, И. К. Кирилов, В. Н. Тагилцев, Г. А. Сарычев, Г. Ф. Миллер, А. М. Вильбрехт и др.); история учреждений, связанных с картосоставительскими работами (Тайный приказ, Географический департамент Академии наук, Берг-коллегия, Геогра-

фический департамент Кабинета, межевое ведомство, Морская академия и др.).

8. Разработка проблем картографического источниковедения и методических вопросов изучения картографических материалов, а также их классификации, картобиблиографии, описания и каталогизации.

Интерес к географическим картам как историческим источникам в СССР особенно возрос за последние 10—15 лет, главным образом, в связи с осуществлением проекта создания фундаментального академического исторического атласа, разрабатываемого сектором Института истории СССР под руководством Л. Г. Бескровного. При этом неизбежно возникла проблема расширения источниковедческой базы, и не в последнюю очередь, за счет введения в научный оборот и практического использования картографических материалов XVII—XVIII вв. и более позднего времени. Естественно также, что методы использования и разработка критериев оценки старых карт и их источниковедческого анализа заняли важное место в историко-картографических исследованиях.

Еще в 1957 г. были сделаны попытки конспективно и в общей форме сформулировать основные вопросы источниковедческого анализа старых карт¹², так что опубликованные 10 лет спустя работы западноевропейских историков картографии на эту же тему, рассмотренные выше, не являются принципиально новыми. В 1967 г. мною и позднее совместно с Л. Г. Бескровным эти вопросы были уточнены¹³. К ним относятся: выяснение обстоятельств возникновения, истории создания, классового характера и назначения источника, определение его автора, времени создания, исследование подлинности, достоверности, изучение круга источников, использованных для составления анализируемых карт, планов и чертежей, восстановление во многих случаях утраченных источниковедческих взаимосвязей карты, ее описания и сопутствующей делопроизводственной документации, выяснение источниковедческого значения картографических материалов.

Нетрудно заметить, что цели источниковедческого анализа картографических произведений ничем не отличаются от оценки содержания и критики других видов исторических источников. Однако способы и приемы решения этих задач определяются спецификой содержания и формы картографических материалов. Например, применяя привычные методы палеографии при определении авторской принадлежности, датировки, подлинности рукописных карт, удалось установить подлинность «Чертежной книги Сибири» 1699—1701 гг., вопреки устойчивым утверждениям о том, что сохранившийся единственный рукописный экземпляр этого атласа С. У. Ремезова не является оригиналом, а представляет собой копии чертежей¹⁴.

Специфичным при палеографическом анализе картографических материалов является то обстоятельство, что на картах и планах картографический (печатный) шрифт и каллиграфия, широко применяемые для заголовков, легенд, надписей¹⁵, очень трудны для идентификации, так как они лишены во многом общих и частных признаков письма. Использование криминалистической методики и графологической экспер-

¹² О. М. Медушевская. Картографические источники XVII—XVIII вв. М., 1957, стр. 13—15; Л. А. Гольденберг. Русские картографические материалы как исторический источник и их классификация (по фондам центральных государственных исторических архивов). Канд. дисс. М., 1957, стр. 297—298.

¹³ Л. Г. Бескровный, Л. А. Гольденберг. О предмете и методе исторической географии. — «История СССР», 1971, № 6, стр. 23—36; Л. А. Гольденберг. С. У. Ремезов и картографическое источниковедение Сибири второй половины XVII — начала XVIII в. Автореферат докт. дисс. Л., 1987, стр. 4—5.

¹⁴ Л. А. Гольденберг. Семен Ульянович Ремезов — сибирский картограф и географ. 1642 — после 1720 гг. М., 1965, стр. 94—98.

¹⁵ A. Osley. Calligraphy — an aid to cartography? — «Imago Mundi», 1970, v. 24, p. 63—74.

тизы, основанных на учении И. П. Павлова об условных рефlekсах и понятии о динамическом стереотипе, содействуют решению этих задач.

Рукописная «Хорографическая чертежная книга»¹⁶ позволила впервые установить основные разновидности ремезовского почерка, графика которого часто менялась в зависимости от назначения того или иного текста. Кроме скорописи, С. У. Ремезов писал и каллиграфическим (декоративным) почерком, имеющим два варианта. Первый каллиграфический почерк можно назвать «парадным», торжественным. Им написано посвящение Петру I, вирши о хорографии, предисловие атласа. Вторым упрощенным каллиграфическим написаны тексты к чертежам, часть текстов в «Служебной чертежной книге»¹⁷, вся основная часть Ремезовской летописи¹⁸. Характерно, что каллиграфический почерк и в том и в другом варианте сохранил главные черты частных признаков ремезовского письма. Несмотря на то, что буквы, как правило, не связаны друг с другом, а каждая буква выписана более тщательно, чем в скорописи, особенности выполнения письменных знаков в целом и их частей остались без изменений и прослеживаются устойчиво. И при отрывистом каллиграфическом почерке С. У. Ремезов сохранил отдельные привычные для себя буквенные сочетания: ЕЗ, ЕР, СУ, ОС, БЕ, ИЮ, МУ, БЕЗ, СТ (выносное).

Как «изограф» С. У. Ремезов применяет картографический (печатный) шрифт особенно охотно для заголовков чертежей и надписей. Географические наименования и пояснительные надписи многих чертежей, названия и разделы описательных статей, зарамочные заголовки выполнены печатными буквами, напоминающими полууставное письмо («Хорографическая книга», лл. 67, 79, 153, 156—160 и др.), либо каллиграфическим почерком (предисловие, посвящение, часть оглавления, лл. 8 об., 9, 101, 103, 108, 113, 114, 133, 142, 148, 149 и др.), либо в их сочетании (л. 47). Конечно, при письме печатными буквами в рукописи сохраняется меньшее число характерных особенностей, присущих скорописному почерку конкретного исполнителя. Это объясняется, во-первых, тем, что при «печатном почерке» темп письма серьезно снижается и пишущий имеет возможность обдумывать вносимые в почерк изменения; во-вторых, печатные буквы (шрифт) выполняются преимущественно изолированно, не связываются друг с другом, поэтому исчезают признаки, относящиеся к особенностям связывания письменных знаков и их элементов, характерных для скорописного почерка; в-третьих, при «печатном» почерке применяются упрощенные, как правило, прямолинейные движения, что также приводит к исчезновению целого ряда особенностей скорописи, связанных с автоматизмом письма и степенью выработанности почерка¹⁹. Несмотря на то, что картографические и чертежные надписи почерка (в строгом значении слова) не имеют, авторские индивидуальные особенности при тщательном анализе заметны и хорошо прослеживаются при сравнении надписей всех трех ремезовских атласов.

Успехи современной науки и техники позволяют использовать при изучении старых карт новейшие методы анализа. Лабораторией реставрации и консервации документов Академии наук СССР по нашей просьбе было осуществлено фотографирование стертой части текста одного из рукописных атласов XVIII в. в лучах его люминесценции. При исследовании карт первой русской антарктической экспедиции 1819—1821 гг., помимо палеографической атрибуции почерка Ф. Ф. Беллинсгаузена,

¹⁶ «The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov». — «Imago Mundi». Supplement I. 's-Gravenhage, 1958.

¹⁷ Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Рук. отд., Эрмитажное собрание, № 237.

¹⁸ Отдел рукописной и редкой книги БАН СССР (далее — ОР БАН), 16.16.5.

¹⁹ А. И. Манцегова. Особенности исследования рукописных текстов, выполненных с подражанием печатному шрифту. — «Тезисы докладов и сообщений научной конференции Центральной криминалистической лаборатории». М., 1957, стр. 17—19.

проводилась специальная экспертиза с оптико-фотографическим анализом его почерка и карты²⁰. Изотопным методом определяются даты нерасшифрованных водяных знаков²¹.

Палеографические признаки обычно являются надежным критерием установления дат недатированных карт и чертежей. Не менее перспективен в этом отношении, хотя почти и не разработан анализ картографических школ и стилей. На это обстоятельство давно обращал внимание основатель научного картоведения В. А. Каменецкий, но его призывы были забыты. Отмечая, что карта — прежде всего произведение графическое, а не словесное, что мы ее воспринимаем зрительно, как картину, он справедливо рассчитывал на значительный интерес к применению такой классификации карт, какая существует в отношении произведений графики и живописи по эпохам, школам, характеру сюжетов²². Исследователь русской картографии Л. С. Багров стремится выявить и отличает в XVII в. «московскую» и «ремезовскую» школы картографов²³. Исторические стили разных эпох оказывают существенное влияние на развитие художественного оформления старинных картографических произведений. Эту зависимость хорошо иллюстрируют западноевропейские карты, созданные в периоды феодализма и капитализма и несущие черты средневековой готики, Возрождения, абсолютизма (барокко и рококо), классицизма²⁴.

Важным средством для определения подлинности и уточнения даты картографических произведений является выяснение обстоятельств возникновения, нередко связанных с известными событиями, фактами, лицами. Например, «Карта российских владений в Северной Америке (Аляске)» в Военно-ученом архиве датирована концом XVIII в. Составителем этой карты был В. Н. Берх, который мичманом участвовал в экспедиции И. Ф. Крузенштерна на корабле Ю. Ф. Лисянского «Нева», а в 1805 г. зимовал на острове Кадьяк. Карта сразу же после составления была поднесена в 1808 г. царю, за что составитель получил бриллиантовый перстень²⁵. Следует полагать обязательным для исследователя детальное знание хронологической канвы жизни и деятельности составителей карты, должностных лиц, подписавших оригинал, либо удостоверивших подлинность копии²⁶.

Изучение физико-географических и историко-географических показателей, всей совокупности природных и антропогенных объектов является неперенным условием обоснования наиболее точного датирования. Изменение государственных границ, образование нового или упразднение старого административно-территориального деления (губернии, наместничества, уезды и т. п.), возникновение или ликвидация населенных пунктов, переименование административно-территориальных единиц, городов, сел и других обычно связаны с теми или иными известными датированными

²⁰ «Первая русская антарктическая экспедиция 1819—1821 гг. и ее отчетная навигационная карта». Под ред. М. И. Белова. Л., 1963, стр. 58—64.

²¹ J. Harley. Op. cit., p. 63.

²² Архив Центрального научно-исследовательского института геодезии, аэрофотосъемки и картографии (ЦНИИГАиК), д. № НА/342, л. 127.

²³ L. Bagrow. A Russian Communications Map ca. 1685.— «Imago Mundi», 1952, v. 9, p. 101. См. также М. И. Багров. Предварительное сообщение о рукописной карте Сибири начала XVIII века.— «Ежегодник исторического музея, 1958». М., 1960, стр. 135—146.

²⁴ Л. А. Гольденберг, В. Н. Федчина. Исследование старинных карт в ГДР.— «Вопросы естествознания и техники», вып. 1 (46). М., 1974, стр. 67—68.

²⁵ ЦГВИА, методический кабинет, № 468, л. 12.

²⁶ Многочисленные примеры установления дат на основе анализа изменений званий, чинов, должностей лиц, причастных к картосоставлению, см.: Л. А. Гольденберг, Р. В. Овчинников. Горнозаводские карты и планы 70-х годов XVIII в. как источник по истории Крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева.— «Проблемы историко-географии», т. VIII, 1959, стр. 239—266; они же. Картографические материалы как источник по истории Крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева.— «Вопросы военной истории России». М., 1969, стр. 404—421.

актами («Положение о губерниях» 1775 г., указы о переименовании в 1772 г. села Рогачи в город Богородск, в 1775 г. реки Яик в реку Урал и т. п.)²⁷. Время составления «Карты, взятой из вояжов для прииску порфиоров, яшм и прочих камней, тако же руд» (междуречье Иртыша и Чарыша) по ряду внешних признаков приблизительно определяется 90-ми годами XVIII в. Однако по отсутствию на карте Риддеровского селения, возникшего в этот период, можно сказать несколько определеннее, что она относится ко времени до 1794 г.²⁸ В историко-географической литературе до сих пор нет единого мнения по вопросу о датировке «ветхого» чертежа, явившегося оригиналом для Большого Чертежа 1627 г. Очень веские, на наш взгляд, соображения привел Е. В. Ястребов, внимательно рассмотревший показания «Книги Большому Чертежу» об уральских географических объектах. Он пришел, по-видимому, к правильному выводу об изготовлении «старого» чертежа не позднее 1598 г. Основанием для этой даты послужило, с одной стороны, упоминание в наиболее полном списке «Книги...» Лозьвинского городка, ликвидированного в 1598 г., а с другой — отсутствие Верхотурья, основанного в том же году²⁹.

Знание палеографии и археографические навыки исследователя имеют большое значение при использовании старых карт в качестве топонимических источников, особенно при установлении названий, анализе передачи на картах географических терминов и иноязычных названий, а также написания названий на картах. Дело в том, что знаковая система карты, ее графический язык носит интернациональный характер, а языку названий и терминов на картах присущи свои национальные особенности и черты³⁰. Сличение шведских копий (Ф. Кронемана и К. Прютца, 1669 г.) чертежа Сибири 1667 г. с русскими копиями выявило множество курьезных искажений в транскрипции сибирских географических названий, хотя в целом чертеж воспроизведен правильно. Не останавливаясь на этих неточностях, укажу на одну очень характерную ошибку. При описании неточностей карты Н. Витсена А. И. Андреев считал, что наименование «Skaya Powerko» появилось на месте земли Сургутской — взамен «Soorgootskaya» и «werkh»³¹. Но происхождение этой ошибки не столь очевидно, и прослеживается она только при сравнении ремезовской и шведских копий годуновского чертежа. Центральная единая надпись: «Земля Сибирская по Верхотурской камень» передана шведами тремя географическими понятиями: «Semla Sÿbÿt», «Skaya Powerko», «Turskoÿ Kamen».

Результаты топонимических исследований являются одним из «кирпичей» фундамента общей источниковедческой оценки карт³².

²⁷ В методическом отношении весьма интересным является сообщение о результатах исследования, обосновывающего дату составления «Карты для обозрения состояния лесов и лесной промышленности» (1840—1841 гг.) (М. А. Цветков. Первая карта лесов Европейской России. — «Вопросы географии», сб. 11. М., 1949, стр. 154—155).

²⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, № 2417.

²⁹ Е. В. Ястребов. О времени составления одного из ранних чертежей Русского государства. — «Известия АН СССР», серия географическая, 1969, № 3, стр. 169—172. Но когда автор приступает к изложению своего понимания древнерусской хронологии, то допускает неточность. Зная, что до XVIII в. началом нового года было не 1 января, а 1 сентября, он ошибочно полагает, что вслед за 31 августа 1598 г. наступило 1 сентября 1599 г. То же встречаем в диссертации и книге С. Е. Феля (Л. А. Гольденберг. Семен Ульянович Ремезов..., стр. 210).

³⁰ F. de Dainville. Le langage des geographes. Paris, 1964.

³¹ А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. I. XVII век. М. — Л., 1960, стр. 91.

³² А. В. Барандеев. «Книга Большому Чертежу» как источник топонимического исследования. — «Известия АН СССР», серия географическая, 1973, № 5, стр. 202—209; Е. М. Поспелов. Топономика и картография. М., 1971, стр. 93—116; Г. П. Смолицкая. Карты генерального межевания как источник топонимического исследования. — «Развитие методов топонимических исследований». Сб. М., 1970, стр. 99—105; М. И. Новорот. Топонимы северо-востока Сибири на карте Витсена 1687 г. как сви-

Довольно устойчивым признаком для проведения источниковедческого анализа, в том числе и датирования карт, является эволюция таких картографических особенностей, как способы изображения рельефа или применения изобразительных средств — надписей, цвета, условных знаков (линейных, геометрических, объемных, диаграммных, символических, масштабных и немасштабных). Богатство содержания той или иной карты зависит от количества условных графических обозначений, при помощи которых показываются местоположение, очертания, качественные и количественные характеристики объектов (дороги, границы, гидрографическая сеть, почвенно-растительный покров, населенные пункты, экономические объекты и т. д.). Чем больше условных знаков, тем больше явлений и объектов изображено на карте. Например, подсчитано количество условных знаков топографических карт дореволюционных и 40-х годов XX в. (примерно равных масштабов): 1 : 42 000 и 1 : 50 000 — соответственно 195 и 359; 1 : 84 000 и 1 : 100 000 — 140 и 357; 1 : 420 000 и 1 : 500 000 — 50 и 239³³. По элементам содержания число условных знаков на картах генерального межевания распределялось таким образом: гидрография — 11, рельеф — 10, почвенно-растительный покров — 12, породы леса — 7, населенные пункты — 13, объекты экономики — 7, дороги — 5, границы — 5³⁴.

История общегеографической и тематической картографии убедительно свидетельствует о двух главных направлениях в области совершенствования условных знаков: 1) изменение графики; 2) разработка новых знаков в связи с появлением новых явлений и объектов, а также более совершенных методов съемки. Условным знакам 1947 г., принятым в качестве обязательных для морских карт и планов, предшествуют более ранние — 1937, 1910, 1869 и 1833 гг. Известны унифицированные условные обозначения разных лет для лесных карт, для почвенных и многих др. Следовательно, изучая изменения в графике и наблюдая за появлением новых условных знаков, можно выявить отличительные признаки условных обозначений в разные исторические периоды. Для XIX и XX вв. это выявление не представляет особого труда благодаря наличию обязательных для многих ведомств утвержденных инструкций и стандартных условных знаков и сокращений.

В XVI—XVII вв. содержание и оформление карт определялось навыками составителя, а условные знаки каждого чертежа имели свои индивидуальные особенности, хотя установившиеся обычаем условные обозначения, например земельных чертежей, были достаточно определенными³⁵. Детальное исследование изменений условных знаков карт XVIII в. было проведено С. Е. Фелем³⁶. Поэтому отмечу лишь, например, господство перспективного рисунка гор, лесов и населенных пунктов на картах первой половины XVIII в., введение на общегеографических картах с 20-х годов того же столетия изображения государст-

.....
 детельство использования неизвестного русского чертежа Сибири 1673 г. — «История топонимики в СССР». Сб. М., 1967, стр. 39—41; И. А. Воробьева. Топонимия «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова (1701 г.). — «История топонимики в СССР», стр. 35—37; она же. Русские гидронимы Сибири в XVII в. Изучение географических названий. — «Вопросы географии», 1966, сб. 70.

³³ И. И. Марксон. Об условных знаках топографической карты масштаба: 1 : 200 000. — «Труды Новосибирского Института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии», т. III, вып. 3, 1951, стр. 49.

³⁴ М. М. Тихомирова. Новые данные о картах генерального межевания России. — «Сборник статей по картографии», вып. 3. М., 1961, стр. 101—111.

³⁵ Об условных знаках, применявшихся на земельных чертежах XVII в., см. «Труды Института истории естествознания и техники», 1955, вып. 3, стр. 163; L. Goldenberg. Russian Maps and Atlases as Historical Sources. — «Cartographica», monograph N 3. Toronto, 1971, p. 7—13.

³⁶ С. Е. Фель. Картография России XVIII в. М., 1960, Ср. F. de Dainville. L'évolution historique des signes conventionnels cartographiques. — «Bulletin français cartographique», 1967, N 31, p. 164—166.

венных границ, переход с 30-х годов к маленьким по величине рисункам городов и монастырей и к пунсонам для небольших населенных пунктов, появление новых обозначений, вызванных развитием экономики (рудники, заводы и др.). Для общегеографических карт второй половины XVIII в. характерно уменьшение размеров условных знаков, более детальное перспективное изображение лесов; передача рельефа холмиками постепенно заменяется изображением его в полуперспективе, а с 70—80-х годов — штрихами и отмывкой.

Рисунок Ноева ковчега на горе Арарат на карте Каспийского моря 1719 г.³⁷, естественно, лишен достоверности и не нуждается в какой-либо проверке его соответствия действительности. Но значительное искажение береговой линии Каспийского моря, показанное на этой карте, требует от исследователя прежде всего тщательного изучения как принципов составления карты, так и всех материалов, использованных для ее составления. Эта задача подчас облегчается тем, что в заголовках и легендах старых карт можно встретить краткие, порой подробные указания на источники картосоставления. Карта южной части Сибирской губернии 1759 г. была составлена на основе «разных при имеющихся при секретной экспедиции о тех землях путешествиив карт и с полученных от вышедших из той земли во всероссийское е. и. в. подданство зюнгорских калмык известиив»³⁸. На карте Крыма (после 1766 г.) указано: «На сей карте от Днепра до реки Буга граница положена с речками так: от Сечи Запорожской река Днепр до границы с бывшего мною описания в 1759 году. Река Буг до Очакова и берег Черного моря положены с моего маршрута, бывшего в 1764-м и 1766-м годах. Река Конские Воды от Днепра до вершины реки Берды положена с прочих карт. В степи реки, косы и заливы положены с известий одним абрисом, согласная, сколько возможно, с прежними картами, напечатанными в Атласе Российском. Расстояние от Днепра до Перекопа положено с достоверных известий, сколько возможно, близко подлинное»³⁹. В орнаментированном картуше приведено название карты реки Яик (после 1769 г.) и пояснение: «будучи в проезд от Орской крепости вниз по оной реке до Каспийского моря, описана обсерватором артиллерии бомбардирского полку поручиком Христофором Ейлером антретно, а некоторые места то есть Орская крепость, город Оренбург и Яицка Казачий городок и город Яицко-Гурьев утверждены обсервациями по прохождении Венеры сквозь Солнце в 1769 году. А прочие реки и места сняты с других карт»⁴⁰. Маршрутная карта посольства Н. В. Репнина в Турцию была «сочинена съемками и по расспросам 1776 года июля»⁴¹. На одной из карт 1775 г. берега рек и морей «сыманы по инструменту и... везде объездом и в свезании съемоков поверена»⁴². «Из журналу» и «по описи» составлены карты участников экспедиций Беринга — Чирикова⁴³. Пространны записи об источниках на одной из карт 1779 г.: «разные морские описания», «антретно», «достоверные бывания», «по объявлению через толмачей», описи, атлас и карта 1754 г. на немецком языке, генеральная карта 1776 г.⁴⁴ Основу карты Шелихова 1796 г., помимо его же собственных карт, составили карта Кука, а также «российская и новейшие французские карты»⁴⁵. Очень подробны экспликации с пере-

³⁷ ОР БАН, № 51.

³⁸ ЦГВИА, ф. 416, № 522.

³⁹ ОР БАН, № 397.

⁴⁰ Там же, № 231.

⁴¹ Там же, № 644.

⁴² Там же, №№ 655, 656.

⁴³ «Описание старинных атласов, карт и планов XVI, XVII, XVIII веков и половины XIX века, хранящихся в Архиве Центрального картографического производства ВМФ». Л., 1958, № 5, 9—13, 63, 67, 69—74, 79.

⁴⁴ ОР БАН, № 106.

⁴⁵ Там же, № 124.

числением источников картосоставления на итоговых картах 1741—1746 гг. русских открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах⁴⁶.

Но многие карты и чертежи не объясняют принципов отбора тех или иных показателей, не указывают на источники составления. Поэтому особенно сложным и трудоемким этапом источниковедческого анализа является выявление и изучение материалов, служащих источниками картосоставления. Здесь на первый план выступает историко-сравнительный метод — изучение содержания картографических и других материалов одного периода, либо одной тематики и их сопоставление, анализ динамики картографической изученности исследуемого региона или периода. На трудности получения цифровых критериев для анализа достоверности и точности карт при использовании дореволюционных картографических материалов указывает Л. А. Пономаренко. Автор рекомендует привлекать либо несколько карт различных авторов на данную территорию, либо другие источники, в первую очередь геодезические описания, журналы, каталоги, делопроизводственные материалы, а также сведения по истории развития геодезических измерений⁴⁷. Положительные результаты приносит обязательное сопоставление старых карт с современными географическими картами и планами, своеобразный «перевод» старинного картографического языка на современный⁴⁸.

Историко-сравнительный метод позволяет выявить основные (первичные) карты, полученные в результате съемки и служащие главным источником для составления карт в более мелких масштабах, и карты производные, созданные обычно в камеральных условиях. Теперь мы вплотную подошли к тем специфическим проблемам картографического источниковедения, которые возникли в силу природы самих картографических произведений и которые требуют специальных приемов анализа. Без учета этих особенностей немислнмы правильное восприятие содержания карты, определение ее точности, а также надежности показанных на карте данных, установление количественных и качественных отклонений (погрешностей), ошибок в плановом положении, проведение картометрических работ, ориентирование, определение координат любой точки на местности. Историки, изучающие карты и планы, нередко обходят своим вниманием эти стороны источниковедческой критики картографических материалов, считая, что их изучение является обязанностью специалистов, имеющих географо-картографическую подготовку.

К специфическим проблемам источниковедческого исследования старых карт относятся: выяснение принципов математического обоснования

⁴⁶ ОР БАН, № 14—17, 82; «Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв.» Под ред. А. В. Ефимова. М., 1964, № 90, 91, 93, 109, 110, 111.

⁴⁷ Л. А. Пономаренко. Использование дореволюционных картографических материалов в современных исследованиях. — «Пятая Всесоюзная конференция по тематической картографии». Тбилиси, 1973, стр. 115.

⁴⁸ Б. Г. Галкович. Указ. соч., стр. 132—141; В. П. Чижова. Изменение лесного покрова в некоторых природных территориальных комплексах Московской области за 200-летний период. — «Вестник МГУ», серия география, 1973, № 1, стр. 106—111; М. М. Тихомирова. Возможности использования карт генерального межевания для изучения динамики ландшафтов. — «Вестник МГУ», серия география, 1960, № 4, стр. 38—45; А. В. Гедымин, А. Т. Харитоньев. Использование старых картографических материалов при изучении ландшафтов. — «Современные проблемы географии». М., 1964, стр. 298—302; А. В. Гедымин. Значение картографических источников прошлого при изучении ландшафтов. — «Вестник МГУ», серия география, 1961, № 4, стр. 36—41; он же. Опыт использования материалов русского межевания в географических исследованиях для сельскохозяйственных целей. — «Вопросы географии», 1960, сб. 50, стр. 147—171; А. Н. Анненская. История угодий зоны Сапожковской МТС Рязанской области. — «Научные доклады высшей школы. Геолого-географические науки», 1958, № 4, стр. 59—67; А. М. Семенова-Тян-Шанская. Изменение растительного покрова лесостепи Русской равнины в XVI—XVIII вв. под влиянием деятельности человека. — «Ботанический журнал», 1957, № 9.

картографических материалов (проекция, географическая сетка, масштаб), анализ особенностей картосоставления изучаемого периода и способа генерализации (обобщения) содержания. Выбор тех или иных средств математической картографии, проведение определенного вида съемки (глазомерная, полуинструментальная, инструментальная, аэрофотосъемка и др.), избранный способ генерализации и масштаб находятся в прямой зависимости от назначения карты. Усматривается непосредственная и теснейшая взаимосвязь между решением вопроса о достоверности карт с уяснением степени генерализации, особенно на обзорных («генеральных») мелкомасштабных картах, и установлением выбранного составителями вида проекции⁴⁹.

Картографическая генерализация является процессом научного обобщения основных, наиболее существенных объектов и явлений соответственно назначению карты с учетом ее изобразительных возможностей⁵⁰. И чем мельче масштаб карты, тем более становится необходимым отбор наиболее важных объектов для нанесения их на карту. Влияние такого отбора на степень достоверности карты просто и убедительно выразил М. В. Ломоносов в своем «Кратком показании о происхождении академического Географического департамента» (февраль 1763 г.). Он считал необходимым при составлении карт атласа иметь реестры Камер-коллегии о том, «сколько в каком селе и деревни число душ», для того, «чтобы можно было различить по числу душ величину деревень и в атласе не поставить бы деревни, в коей, например, 10 душ, выкинув соседственную той же деревню, где несколько сот душ, что знающим тех мест обывателям по правде смешно показаться должно; а всех деревень больших и малых во многих местах на атласе для тесноты уместить невозможно»⁵¹. Наличие «врезок» на картах XVIII—XIX вв. весьма показательны для уяснения принципа генерализации того периода. «Врезки» — дополнительные карты, рисунки, иногда текстовые пояснения — были вызваны необходимостью изображения в более крупном масштабе, а также с большей детальностью важных, по мнению составителя, показателей, не указанных, благодаря сравнительно мелкому масштабу, на основной карте. Обычно дополнительные карты помещались на свободных от изображения местах основной карты и имели свои рамки. На одной карте, составленной в период академических экспедиций 1768 г., имеется врезка — план горячих ключей у реки Турка, впадающей в Байкал, — «Карта о ключах теплой воды». Текстовое пояснение к плану раскрывает причины его появления на основной карте: «Вышепомянутые ключи, хотя на генеральной карте положением места и значатся, только по уменьшенному масштапу принадлежащих знаков познать не можно; а для того лутчаго познания увеличен масштаб вдвое и положено на плане оба берега Байкала моря»⁵².

Геодезисты М. Сметьев и А. Жихманов при составлении в 1733 г. ландкарты трех уездов Угличской провинции (масштаб 9 верст в дюйме) руководствовались определенными способами генерализации. Они объясняли, что на карте «положены только признатные места тех уездов для лутчаго по каталогу рассмотрения; а больших дорог и при реках мельниц в сей ланткарте не назначено, понеже оные явствуют в уездных лант-

⁴⁹ О меркаторской и полярной проекциях генеральных карт см.: М. И. Белов. О составлении Генеральной карты Второй Камчатской экспедиции 1746 г. — «Географический сборник», т. III. М. — Л., 1954, стр. 130—135.

⁵⁰ Н. Н. Баранский. Генерализация в картографии и в географическом текстовом описании. — «Труды Второго Всесоюзного географического съезда», т. III. М., 1946; А. М. Комков. К вопросу о сущности и методах генерализации в картографии. — «Вопросы географии», 1951, сб. 27.

⁵¹ В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии наук XVIII в. М. — Л., 1946, стр. 186—187.

⁵² ЦГВИА, ф. ВУА, № 24 572.

картах при всех описных местах тех уездов, которых в сей ланткарте уместить было невозможно»⁵³. Обзорные («генеральные») карты Российской империи И. К. Кирилова (1734 г.), Атласа 1745 г., а также 1776, 1785, 1786, 1791, 1792 гг. создавались, главным образом, на базе обобщения основных элементов содержания «партикулярных» (частных) ландкарт. Степень их достоверности определяется во многом способом генерализации и избранными источниками картосоставления.

Источниковедческий анализ немалым без учета особенностей картосоставления той или иной эпохи⁵⁴, а также математического обоснования карт в различные периоды. Картографические работы самым тесным образом связаны с астрономическими и геодезическими работами, систематически проводившимися в России с XVIII в.⁵⁵ Вначале, например, плановой основой полевых съемок служили астрономические пункты, широты которых определялись из астрономических наблюдений, а долготы — вычислением (по известным широтам и расстояниям между пунктами). При картографировании территории в XVIII в. съемки рек велись в зависимости от условий и требуемой точности тремя способами: 1) описание рек на основе обследования и сбора опросных сведений; 2) инструментальная съемка территории со съемочными ходами по рекам; 3) фиксация речной сети при сплошной инструментальной съемке территории⁵⁶. Опорной сетью генерального межевания были границы дач. При этом основным методом съемки явилось измерение линий цепью и углов астролябией (по границам дач, без определения широт и долгот), что, несомненно, было известным шагом назад по сравнению с математическим обоснованием карт петровских геодезистов. Свои отличительные особенности имели не только межевая, но и морская и другие виды специальных съемок. Вместе с совершенствованием измерительной техники постоянно менялась методика создания планового и высотного обоснования для топографических съемок (развитие сетей астрономических пунктов, проведение триангуляционных работ и точных нивелировок)⁵⁷.

С тех пор как картографическая сетка и масштаб стали неотъемлемой принадлежностью карты, определение положения точек местности может быть проведено с точностью, соответствующей данному масштабу, который может меняться на ней в зависимости от проекции. По недавним представлениям зарубежных исследователей, очертания Гренландии и Антарктики на картах Винланда и Пири Рейса были переданы довольно точно, почти так же, как и на современных картах. Тщательная проверка сенсационного анализа карты 1528 г. Пири Рейса показала, что основу ее интерпретации составило одновременное применение при дешифровке различных проекций (полярной и неизвестной) и различных масштабов (от 1 : 1 800 000 до 1 : 60 000 000). Самое убедительное доказательство произвольной и алогичной реконструкции математической основы, развенчивающее «современное» содержание карты, заключается в том, что, применяя различные проекции и разные масштабы, можно очень легко «подогнать любую кривую под очертания же-

⁵³ ОР БАН, № 579.

⁵⁴ Б. Г. Галкович. Картографічні джерела та їх застосування для вивчення історії України XVIII ст. — «Український історичний журнал», 1971, № 9, стор. 138—145.

⁵⁵ Т. Н. Мельникова. О математической основе русских карт XVIII в. — «Географический сборник», т. III. М. — Л., 1954, стр. 115—130; О. А. Есеев. В. Н. Татищев и русские государственные съемки первой половины XVIII в. (По материалам фонда Сената ЦГАДА). — «Вопросы географии», 1958, сб. 42, стр. 189—195; С. Е. Фель. Указ. соч., стр. 22—112.

⁵⁶ Т. Н. Мельникова. О съемках рек на территории России в XVIII в. — «Труды Воронежского университета», 1954, т. 30, стр. 77—96.

⁵⁷ З. К. Новокшанова-Соколовская. Картографические и геодезические работы в России в XIX — начале XX в. М., 1967.

лаемого берега»⁵⁸. Обращая внимание на необходимость знания основ математической картографии, хотелось бы подчеркнуть, что отсутствие каких-либо указаний о математическом обосновании публикуемых или описываемых карт является одним из существенных недостатков археографической или архивной работы с картами. Не избежали подобной ошибки ни составители такого широко известного труда, как «Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв.» (1964 г.), ни автор ценной архивной «Описи графических материалов Сената XVIII — начала XIX в.» (М., 1966).

Архивные шифры, старые описи, каталоги, реестры, пометы на карте являются вспомогательным, но иногда действенным средством уточнения происхождения источника и его датировки. Так, для установления времени создания одной из карт⁵⁹, ошибочно датированной (1718 г.) в Военно-ученом архиве, С. Е. Фель предпринял довольно сложный и трудоемкий анализ, не зная, что еще в реестрах Географического департамента 1748 и 1773 гг. карта датирована правильно — 1731 г.⁶⁰ Недатированный «Чертеж Кубенского озера»⁶¹, имеющий на обороте старые архивные шифры, был занесен, как показало сличение шифров, в начале 40-х годов XVIII в. в «Каталоги карт, расположенных под шифрами, показывающими их происхождение...»⁶², что позволяет нам не только отнести его составление к этому времени, но и рекомендовать Архиву АН СССР присоединить чертеж к собранию карт Географического департамента. И. А. Голубцову удалось прочесть под наклейкой на обороте старинного чертежа важные сведения, позволившие ему определить дату и происхождение этого ценнейшего источника — древнейшего из дошедших до нашего времени древнерусских чертежей, пролежавшего в безызвестности около 300 лет⁶³. К сожалению, не всегда сохраняются связи между текстовыми и графическими материалами. Следует осудить практику создания в архивах таких коллекций, в которых карты, планы и чертежи, изъятые из конкретных дел, оторваны от ранее сопровождавшей их документации, а описи не фиксируют бывшие взаимосвязи⁶⁴. Нередко случается обнаружить картографические материалы в самых неожиданных местах. Одна из рукописных карт за подписью Ф. И. Соймонова оказалась среди подшивки «Санкт-Петербургских ведомостей»⁶⁵.

Естественно, что точность карт XVIII в., ограниченная достигнутым уровнем картографических знаний и техники того времени, относительна (с нашей, современной точки зрения), хотя составители карт всегда стремились к созданию совершенных произведений. «Ко исправлению ландкарт и сысканию правильной широты и долготы» в 1742 г. выехал в Казанский уезд географ М. Пестриков по заданию В. Н. Татищева⁶⁶. Последний, справедливо осуждавший достоверность всех иностранных карт России (кроме карты Страленберга)⁶⁷, энергично

⁵⁸ М. И. Белов. Ошибка или умысел? Карты Пири Рейса и их американские истолкователи. — «Природа», 1960, № 11, стр. 95; *он же*. Произвольная расшифровка — ошибочные выводы. Советские географы о картах Пири Рейса. — «Природа», 1961, № 3, стр. 38—41.

⁵⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, № 19 834.

⁶⁰ ААН, ф. 3, оп. 10, № 177, л. 28; № 184, л. 1.

⁶¹ Там же, разр. IX, оп. 1, № 79.

⁶² Там же, ф. 3, оп. 10, № 172.

⁶³ И. А. Голубцов. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI—XVII веках и отражение их на русской карте середины XVII в. — «Вопросы географии», 1950, сб. 20, стр. 287.

⁶⁴ ЦГАДА, ф. 383, оп. 1.

⁶⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, № 146. Сообщено Р. В. Овчинниковым.

⁶⁶ ЦГАДА, ф. 248, кн. 143, л. 962.

⁶⁷ В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М. — Л., 1962, стр. 346. («Все в Германии и Голландии печатные ландкарты русские неисправны и, сколько я оных имею, все негодны... Сие им в вину причесть невозможно, потому, что правильных известей получить не могут, да и мы сами доднесь никакого достаточного и правильного пределов описания не имеем»).

взялся за выявление и устранение типичных ошибок первых съемок и ландкарт петровских геодезистов и их учеников⁶⁸. Прежде всего он признал всю деятельность Оренбургской экспедиции под руководством И. К. Кирилова по картографированию бесполезной, найдя карты «большею частию от неискusstва и неприлежности» неисправными⁶⁹. Эта суровая оценка не должна быть воспринята нами буквально, поскольку мы знаем, во-первых, сложные взаимоотношения этих ученых, и, во-вторых, то, что в экспедиции работали наиболее подготовленные геодезисты того времени П. Чичагов, А. Клепшин, И. Шишков и др.

Принимая во внимание правильные рекомендации о целесообразности изучения оценки старых карт их современниками⁷⁰, вместе с тем следует сказать, что в основе таких оценок часто лежат столкновения не только (порою и не столько) картографических идей и географических представлений, но человеческих характеров. Эта область источниковедческого исследования должна затронуть, следовательно, не только историко-картографические сюжеты, но и сложные проблемы психологического плана. История картографии, например XVIII в., насыщена такими коллизиями. Но до сих пор затруднительно выработать однозначное заключение по поводу взаимных обвинений, исключающих друг друга оценок, противоречивых мнений, скажем, А. Кожина и А. Черкасского, В. Беринга и В. Казанцева, А. Чирикова и В. Беринга, М. Шпанберга и А. Чирикова, И. Кирилова и И. Делиля, Ф. И. Соимонова и М. Шпанберга, М. В. Ломоносова и Ф. И. Соимонова и т. д.

Если одним из неперемennых условий при создании исторических карт является стремление избежать модернизации в изображении географической обстановки, то нередко архаичность старых карт, их анахронизмы служат теми драгоценными путеводными нитями, которые позволяют уверенно устанавливать древнейшие первоисточники. Изучение архаизмов содержания «Чертежа всей Сибири до Китайского царства и до Никаского», составленного в начале 70-х годов XVII в., позволило определить, что западная часть этого документа воспроизводит не дошедший до наших дней чертеж Сибири начала XVII в.⁷¹ Географическую основу этнографического «Чертежа сходство и наличие земли всей Сибири...» 1700 г. составляет обзорный чертеж Сибири С. У. Ремезова 1698 г. Но часть этнографической номенклатуры и показанных на «Чертеже...» границ настолько архаичны, что их изображение в XVII в. можно объяснить лишь некритическим использованием космографий и древних карт не позднее XVI в.⁷² Выявленные в результате источниковедческого анализа анахронизмы элементов содержания иностранных карт России А. Дженкинсона 1562 г., Г. Герритса 1613 г., Г. Делиля 1706 г. привели к замечательному научному открытию — историко-картографической реконструкции содержания древнейших русских чертежей Московии 1497, 1523 и 1526 г.⁷³

⁶⁸ ЦГАДА, ф. 248, кн. 772, лл. 717—734 (донесения геодезистов, проводящих описание Казанской и Сибирской губерний по поручению В. Н. Татищева); О. Е. Евтеев. Указ. соч.; «Материалы для истории Академии наук», т. 3. СПб., 1886, стр. 499—500.

⁶⁹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 139, л. 184; М. Г. Новлянская. Иван Кирилович Кирилов — географ XVIII в. М.—Л., 1964, стр. 129—130.

⁷⁰ Интересный проект в истории картографии — создание антологии древнего картографического критицизма — предложил Д. Харли (J. Harley. Op. cit., p. 72).

⁷¹ В. И. Греков. О «Чертеже всей Сибири до Китайского царства и до Никаского». — «Известия АН СССР», серия географическая, 1959, № 2, стр. 80—88.

⁷² Удивительными анахронизмами являются показанные на чертеже земли Золотой Орды, «Копчашска», «Великая Скифия, словяне и порейцы». Под последними, по осторожному предположению П. А. Кропоткина, следует понимать ипоритов или гиперборейцев (J. Baddeley. Russia, Mongolia, China. London, 1919, v. 1, p. CXL).

⁷³ Б. А. Рыбаков. Древнейшие русские карты Московии. — «Наука и жизнь», 1974, № 4, стр. 33—38; он же. Русские карты Московии XV—начала XVI в. М., 1974; он же. Русские карты Московии XV—XVI вв. — «Наука и человечество. 1975». М., 1974, стр. 73—85.

Новейшие труды в области картографического источниковедения и, в первую очередь, последние работы Б. А. Рыбакова еще раз продемонстрировали теснейшую взаимосвязь, взаимообусловленность, взаимопроникновение источниковедческого и исторического исследований. Они подтверждают и то весьма важное обстоятельство, что общая источниковедческая оценка старых карт советскими учеными строится на фундаменте глубокого изучения социально-экономических и общественно-политических условий, без знания и учета которых невозможна квалифицированная интерпретация источников любых типов ⁷⁴.

Приводя различные примеры из практики картографического источниковедения, мы попытались раскрыть лишь некоторые способы, методы, которые применяются при изучении карт. При этом, вне сомнения, нельзя дать готовые рецепты «техники» историко-картографического анализа на все возможные случаи, так как при изучении отдельных элементов формуляра карты применяется широкий набор методов от эвристических до математико-статистических, учитываются индивидуальные особенности изучаемой карты. Рассматривая последнюю как совокупность элементов, находящихся во взаимодействии, т. е. как определенную систему, укажем, что источниковедческий синтез, всесторонняя источниковедческая оценка, выявление возможностей использования источника в научных целях могут быть осуществлены лишь при системном подходе к изучению старых карт. При локальном подходе изучаются особенности отдельных (автономных) элементов системы. В противоположность локальному системный подход предполагает комплексное рассмотрение всех элементов, закономерностей, отношений в их единстве и взаимообусловленности.

Вопросы картографического источниковедения остро нуждаются в дальнейшей разработке, в теоретическом осмысливании накопленного опыта исследований. И в первую очередь, на наш взгляд, необходимы разработки теоретических и методических проблем исследования старых карт с позиций системного анализа.

Не менее важное значение для решения многих задач картографического источниковедения приобретает и использование опыта Центрального научно-исследовательского института геодезии, аэрофотосъемки и картографии по обеспечению и разработке научно-методических основ централизованной автоматизированной картографической информационно-поисковой системы (ИПС), в том числе и по созданию отраслевого картографического тезауруса. Стандартные документальные бланки (СДБ), предназначенные для учета и описания разнообразных картографических источников, позволяют добиться единства в решении проблемы формализации информационных документов. Все эти разработки направлены на совершенствование ИПС, обеспечивающей потребителя полной и оперативной информацией о современных картографических источниках и об объектах картографирования. Представляется не менее заманчивой перспектива создания централизованной информационно-поисковой системы для обработки, хранения, поиска и выдачи информации о любых старых картах.

---

⁷⁴ В своеобразной типологической систематизации исторических источников С. О. Шмидт помещает среди комплексных типов и картографические материалы, которые, по его мнению, представляют собой одновременно письменные, конвенциональные и изобразительные источники (*С. О. Шмидт. Современные проблемы источниковедения. — «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы».* М., 1969, стр. 36).

ЗАПISKA СЕНАТОРА Н. Е. МУРАВЬЕВА О РАЗВИТИИ КОММЕРЦИИ И ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ В РОССИИ (60-е годы XVIII в.)

С. М. Троицкий

При изучении истории общественной и экономической мысли в России в середине XVIII в. дореволюционные и советские исследователи уделяли главное внимание выяснению воззрений таких крупных деятелей, как И. К. Кирилов, А. П. Вольтский, В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, П. И. Рычков, А. П. Сумароков, которые своими идеями оказали большое влияние не только на современников, но и на политику правительства. Однако этими именами далеко не исчерпывается круг лиц, выступавших в середине XVIII в. с интересными предложениями, затрагивавшими различные отрасли экономики России. Достаточно сказать, что по весьма неполным сведениям в 60-х годах XVIII в. правительству было подано свыше 100 записок по экономическим вопросам представителями различных категорий населения России¹. Часть их (проекты П. И. Шувалова, М. И. и Р. И. Воронцовых, И. И. Неплюева, Д. В. Волкова, Ф. И. Сукина, Г. Н. Теплова и др.) изучена², большинство других записок ждет своих исследователей.

В предлагаемой статье нами предпринята попытка изучить взгляды на развитие торговли России видного государственного деятеля сенатора Н. Е. Муравьева, которые он изложил в записке «Рассуждение о коммерции», написанной в октябре 1763 г. Прежде чем перейти к анализу этого интересного памятника экономической мысли, необходимо хотя бы кратко коснуться биографии Муравьева, ибо это поможет лучше понять содержание его проекта.

Николай Ерофеевич Муравьев (1724—1770) принадлежал к старинному дворянскому роду. Его отец Е. Ф. Муравьев дослужился до чина подполковника и был убит в 1739 г. во время русско-турецкой войны. В 1738 г., в возрасте 14 лет, Муравьева отдали в Сухопутный кадетский корпус, который он блестяще окончил в 1750 г., с довольно высоким для выпускника чином инженера-поручика. Молодой инженер получил прекрасное по тем временам образование и хорошо изучил не только математику, военное и инженерное дело, но и историю, географию, французский и немецкий языки, а также другие науки. Как лучшего ученика, его оставили в корпусе преподавать фортификацию и математику³. Спустя два года, он был произведен в инженер-капитаны.

¹ К. Лодыженский. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886, стр. 100.

² Н. Н. Фирсов. Правительство и общество в их отношении к внешней торговле в царствование Екатерины II. Казань, 1902; С. М. Троицкий. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966, стр. 61—102; он же. Новый источник по истории экономической мысли в России в середине XVIII в. («Рассуждение о российской коммерции» секретаря Сената Ф. И. Сукина). — «Археологический ежегодник за 1966 г.». М., 1968, стр. 425—436; он же. Записка Г. Н. Теплова «О торгующих крестьянах». — «Советские архивы», 1969, № 1, стр. 86—93.

³ ЦГАДА, ф. Герольдмейстерской конторы, кн. 209, л. 67 об.; Д. А. Кропотов. Жизнь графа М. Н. Муравьева в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно. СПб., 1874, стр. 4—5.

В том же году Муравьев опубликовал «Начальные основания математики» (ч. 1. СПб., 1752) — первый русский учебник алгебры под редакцией академика Н. И. Попова. Этот труд Муравьев посвятил всесильному временщику сенатору и генерал-фельдцейхмейстеру графу П. И. Шувалову, ведавшему всей артиллерией русской армии⁴. Вероятно, это обстоятельство, а также личные способности помогли быстро сделать карьеру молодому образованному инженеру. В 1757 г. Муравьев имел уже чин инженер-полковника.

Летом 1757 г., в связи с участием России в Семилетней войне, Муравьев получил ответственное задание — Конференция при высочайшем дворе назначила его представителем России при штабе французской армии. 17 июля 1757 г. он отправился морем из Петербурга в Любек, а оттуда сушей через Гамбург поехал во Францию. Через полгода Муравьева отзывали в Россию⁵.

Пребывание во Франции, как это явствует из «Рассуждения о коммерции», оказало большое влияние на Муравьева, который основательно ознакомился с ее хозяйством, природой, а также различными сооружениями, особенно дорогами, каналами, мостами, что его интересовало как инженера. Вернувшись в Россию, он поддерживал связи с крупным французским инженером генералом М.-Р. Монталамбером⁶.

В 1761 г. Муравьев имел чин инженер-генерал-майора, служил в канцелярии Главной артиллерии и фортификации⁷. 3 марта 1763 г. Екатерина II пожаловала его в генерал-поручики, а 23 января 1764 г. — в сенаторы⁸ и приказала присутствовать в 3-м департаменте Сената. 18 февраля 1764 г. Екатерина II назначила Муравьева также директором Канцелярии строения государственных дорог, а в августе еще и членом присутствия созданной в 1762 г. Комиссии о каменном строении Петербурга и Москвы. На это решение, видимо, повлияло то обстоятельство, что в конце 1763 г. Муравьев подал Екатерине II свой проект, в котором затронул широкий круг вопросов, связанных с развитием торговли, промышленности и путей сообщения России. В начале 1764 г. императрица ввела Муравьева в состав Комиссии о коммерции⁹. В результате в середине 60-х годов XVIII в. Муравьев оказался руководителем всех военных и гражданских учреждений, ведавших строительством крепостей, городов, дорог и каналов России. 23 июня 1765 г. его «за многопорученными ему делами» выключили «из армейского списка» и приказали платить жалованье из средств Штатс-конторы, как и другим сенаторам¹⁰. Одновременно Муравьев оставался членом присутствия канцелярии Главной артиллерии и фортификации. В июле 1766 г. его произвели в генерал-инженеры¹¹. Муравьев участвовал в составлении межевой инструкции 1766 г.

Занимая видное место среди высшей бюрократии, Муравьев пользовался большим доверием Екатерины II, которая ценила его «математический ум». В 1767 г. его избрали депутатом в Уложенную комиссию от дворян Водской пятины, где, видимо, у него было имение. Вместе с пятью претендентами Муравьев баллотировался на должность маршала

⁴ А. П. Юшкевич. История математики в России до 1917 г. М., 1968, стр. 81, примечание 1.

⁵ ЦГАДА, ф. Госархива, XVI разр., д. 122, лл. 1 и об., 18—19.

⁶ «Генерал-майор Н. Н. Муравьев». СПб., 1852, стр. 7.

⁷ Д. А. Кропотков. Указ. соч., стр. 5.

⁸ «Список находящихся в штате при войске, в полках гвардии и в артиллерии генералитету и штаб-офицерам на 1767 г.» СПб., 1767, стр. 7; Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, оп. 1, кн. 642, л. 326 об.

⁹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 5472, л. 2; кн. 5476, л. 1131; «Список находящимся у статских дел господам сенаторам, обер-прокурорам, и всем присутствующим в коллегиях, канцеляриях, конторах, губерниях, провинциях и городах... на 1768 г.» СПб., 1768, стр. 4, 30, 105.

¹⁰ ЦГАДА, ф. Герольдмейстерской конторы, кн. 533, л. 278.

¹¹ Там же, кн. 539, л. 278 об.

этой комиссии, но не был избран¹². Спустя год, 31 июля 1768 г., он получил у императрицы отпуск «в чужие края для поправления своего здоровья», уехал во Францию и в 1770 г. умер в г. Монпелье (похоронен в России)¹³.

«Рассуждение о коммерции» написано Муравьевым в Прибалтике, в г. Пернове (Пярну) в октябре 1763 г. В нем затронуты многие важные вопросы экономической политики России, а также намечены меры по улучшению ее сухопутных и водных путей сообщения, внутренней и внешней торговли, промышленности. Автор был хорошо знаком с отечественными и иностранными трудами по истории, географии и экономике не только России, но и многих стран Европы, Азии и Америки. Муравьев неоднократно ссылается на личные впечатления от пребывания во Франции, Польше, Германии и других европейских государствах, а также на беседы с русскими купцами. Все это придает особый интерес его трактату.

Возникает вполне резонный вопрос: что побудило военного инженера генерала Муравьева взяться за перо и предложить способы улучшения экономического положения России? Как нам представляется, ответ на него содержится в «Рассуждении о коммерции». Будучи не только образованным и наблюдательным человеком, много повидавшим в России и за границей, Муравьев имел широкий кругозор и не ограничивался узко профессиональными интересами. Его заботило укрепление экономического могущества России. При этом он повторял некоторые популярные в XVIII в. рассуждения дворянских публицистов, обосновывавших необходимость расширения и укрепления экономических и политических позиций «благородного» сословия ссылками на «общую пользу». «Много в свете бывало прожектеров и умножителей доходов, прибыли разным образом предлагаемы бывали,— с осуждением писал Муравьев,— но я не разбираю, какое основание имели такие предложения, только мне известно, что предлагатели по большей части следствиями своих предложений пользовались партикулярно, а общество мало имело помощи». Идеал бескорыстного служения государству и обществу автор трактата видел в «Кольбертовых предложениях», ибо министр Людовика XIV привел в цветущее состояние промышленность и торговлю Франции, соединил каналом Атлантический океан и Средиземное море, «расширил своим старанием художества и науки». Кольбер «в сем деле» заботился об общей пользе, «но нигде собственной его прибыли не видно», так как «его основания были непоколебимы, ибо основаны не на прибыточестве партикулярном, но на общей пользе»¹⁴.

И хотя Муравьев не называл имен русских «прожектеров», заботившихся о «партикулярной» прибыли, но вряд ли мы ошибемся, если скажем, что он имел в виду всецельного временщика в царствование Елизаветы Петровны графа П. И. Шувалова, прославившегося не только своими финансовыми проектами, но и многочисленными взятками и хищениями казны. В своей критике злоупотреблений временщиков Муравьев не был одинок. Произвол Шувалова и других фаворитов, за бесценок раздававших государственные заводы частным лицам, вызвал осуждение бывшего конференц-секретаря Д. В. Волкова, сенатора И. И. Неплюева и других современников, критиковавших вскоре после воцарения Екатерины II правительства Елизаветы Петровны и Петра III за некоторые отступления от политики Петра I, стремившегося создать более благоприятные условия для развития промышленности и торговли, а, следовательно, и для укрепления могущества дворянского государства (задача государственных заводов и средств временщикам и их приближен-

¹² Д. А. Кропотков. Указ. соч., стр. 6.

¹³ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 5536, л. 530; «Генерал-майор Н. Н. Муравьев», стр. 7.

¹⁴ ГПБ, ф. Эрмитажного собрания, д. 87, л. 27—27 об.

ным на невыгодных для казны условиях и т. п.)¹⁵. Известны также резкие отзывы вице-канцлера Н. И. Панина и его брата генерала П. И. Панина о «самовластье» «припадочных людей» в период дворцовых переворотов, последовавших после смерти Петра I¹⁶.

Трактат Муравьева распадается на две части: одна — посвящена обоснованию мысли о тесной связи коммерции с географическими условиями и состоянием путей сообщения России, другая содержит предложения по развитию ее промышленности и внешней торговли.

По мнению Муравьева, нет нужды пространно доказывать, «сколь... необходима коммерция для благополучия общества», ныне в этом «никто не сомневается»¹⁷. Мысль о том, что торговля является источником богатства общества, не была новой. В XVIII в. ее настойчиво развивали многие русские и иностранные государственные деятели и экономисты, ибо, как подчеркивал К. Маркс, «XVIII век был веком торговли»¹⁸. Новым в трактате Муравьева было то, что он выступал за создание благоприятных условий и для внутренней торговли, тогда как большинство других авторов, касавшихся этой темы, настаивали на развитии лишь внешней торговли России.

Муравьев указывал на тесную связь процветающей «внутренней коммерции» с размерами территории государства, его климатом и природными условиями (наличие или отсутствие полезных ископаемых, возможность разводить определенные виды скота, выращивать полезные растения и т. д.). «Сие-то,— подчеркивал он свою мысль,— и делает важность коммерции, ибо одинакие вещи одинакой цены коммерции произвести не могут». Поэтому «никто не поедет в другое место, чтоб променять пуд железа на пуд же железа равной доброты»¹⁹.

Однако, справедливо отмечая роль географического разделения труда в развитии торговли, Муравьев переоценивал воздействие этого фактора на ценообразование и не учитывал влияние других важных факторов (общественное разделение труда, стоимость производства продуктов и т. д.).

Муравьев уделил много внимания обоснованию мысли о зависимости коммерции от состояния путей сообщения. «Мне кажется весьма ясно,— писал он,— что без коммуникации никакой коммерции быть не может», ибо «чем коммуникация несовершеннее, тем и состояние коммерции хуже»²⁰. Автор подробно охарактеризовал виды коммуникаций и отдал предпочтение водным путям, ибо по воде было дешевле перевозить грузы, чем по сухопутным дорогам. «Что касается до коммуникации сухим путем,— полагал Муравьев,— то она в рассуждении многих затруднена для коммерции не весьма способна». Эти затруднения он видел в дороговизне и плохом качестве дорог России, которые нередко приходится прокладывать в ненаселенных местах и возводить каменные мосты, постоянные дворы, обеспечивать защиту купцам, ибо «шатающиеся по дорогам злодеи суть великие рушители коммерции». Наконец, перевозки по дорогам товаров удорожают их цену, в чем легко убедиться, «если взять в рассуждение все издвигение» (расходы на содержание лошадей, приказчиков и т. п.)²¹.

Однако эти замечания вовсе не означали, что Муравьев отрицал пользу сухопутных дорог. Напротив, его критика должна была убедить Екатерину II принять меры по улучшению строительства дорог. «Приведение дорог в возможную исправность не токмо необходимо для коммер-

¹⁵ С. М. Троицкий. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в., стр. 97—98.

¹⁶ В. А. Бильбасов. История Екатерины Второй, т. 2. СПб., 1891, стр. 124—125; Н. И. Чулин. Проект императорского совета в первый год царствования Екатерины II. СПб., 1894, стр. 4—8.

¹⁷ ГПБ, ф. Эрмитажного собрания, д. 87, л. 1.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 59.

¹⁹ ГПБ, ф. Эрмитажного собрания, д. 87, лл. 1 об.—2 об.

²⁰ Там же, л. 2 об.

²¹ Там же, лл. 3—3 об., 5, 8—8 об.

ции,— писал автор, употребляя типичную для эпохи «просвещенного» абсолютизма фразеологию, но и для благосостояния рода человеческого нужно». Именно так поступали все «древние и новые просвещенные народы». Древние римляне «употребляли почти несчетное издвигание для делания дорог в местах едва проходимых, зделали коммуникацию там, где казалось, что самая натура оной [местности], препятствовала». Обращаясь к средним векам и новому времени, Муравьев ссылаясь на опыт строительства важных дорог в Западной Европе: Лион — Турин, Венеция — Вена, Большая Астурийская дорога в Пиринеях и др. При этом русский инженер высказал восхищение этими замечательными для своей эпохи сооружениями: «Чрез великие реки зделанные каменные мосты, срытые горы, насыпанные долины суть знаки трудов неописанных и издвигания несчетного. Но сии манументы более превозносят своих создателей, нежели складенные ужасные грамады при берегах Нила, потому что первые приносят превеликую человеческому роду пользу, а последние основаны на одном только тщеславии. Порядочные дороги служат не только к спокойствию едущих по оным, но они к пропитанию человеческому много способствуют»²².

Призывая использовать опыт строительства дорог в европейских странах, Муравьев в то же время полемизировал по этому вопросу и с некоторыми отечественными оппонентами, хотя и не называл имен. «Порядочные дороги,— писал он,— делать не так легко, как многие думают; некоторые считают оное безделицею, а особливо при оном быть начальником». В действительности строительство дорог является «делом государственным», оно требует «искусства и знания»²³.

Приведенные нами выдержки свидетельствуют о широком государственном кругозоре Муравьева, который, наряду с В. Н. Татищевым и М. В. Ломоносовым, ставил вопрос об улучшении строительства дорог России, что было крайне необходимо для дальнейшего развития ее экономики. Такой же государственный подход он проявил и при рассмотрении вопроса о водных коммуникациях страны.

Границы России, писал Муравьев, со многих сторон омывают моря, но, так как они не охватывают всей территории государства, то необходимо в первую очередь улучшить судоходство по главным рекам. В проекте дана любопытная классификация речных путей. «Коммуникация реками,— писал он,— может быть совершенная, несовершенная и разорительная». В качестве примера «совершенной коммуникации» Муравьев называл Вислу и Волгу (от Ярославля до Астрахани), ибо по ним «всяким ластовым судам без всякого страха вниз и вверх ходить можно». Реки, по которым возможно плыть только вниз, да и то лишь «в большую воду» (например, Двина, Чусовая), имели «несовершенную коммуникацию». На большинстве рек России навигация была «разорительной», так как суда плавали из-за мелководья и камней «с превеликою опасностью»²⁴.

По существу, развивал свою мысль Муравьев, от хорошего состояния водного пути зависит «благосостояние» населения не только такого большого города России, как Петербург, но и «окрестных мест», которые не могут обеспечить столицу продовольствием и сами во многом зависят от подвоза продуктов из южных провинций страны. Однако доставка грузов в Петербург обходится дорого, суда идут очень медленно; тысячи барок, на строительство которых идет много ценного леса, после одной навигации за бесценок продаются на дрова. Если барки «делать другим образом», то они будут служить «порядочно», не менее 10 лет, «как... суда, ходящие по Висле, Одеру, Эльбе, Дунаю и другим рекам». От

²² ГПБ, ф. Эрмитажного собрания, д. 87, лл. 3 об.— 4 об.

²³ Там же, л. 5.

²⁴ Там же, л. 9—9 об.

улучшения судоходства лишь по Волге, восклицает Муравьев, «какое бы было приращение коммерции!»²⁵.

Муравьев выдвинул грандиозный план соединения важнейших рек России каналами, что должно было способствовать развитию торговли, хотя и не указал, где конкретно должны быть построены каналы. В первую очередь следовало создать более благоприятные условия для судоходства по главной торговой магистрали страны — Волге, построив более короткие и удобные каналы, соединяющие эту реку с Петербургом, «отчего все товары к портам на Балтийском море привозить способно будет». Этой же цели отвечало его предложение об улучшении водного пути от Пскова к Риге или Пернову²⁶. Одновременно, полагал Муравьев, нужно изыскать способы соединить Москву более удобным водным путем с Волгой и «низовыми провинциями, дабы избыток сих провинций и жители московские пользовались, и продукты плодоносных полей приносили бы больше прибыли делателям и [им] платили бы [больше] за их труды»²⁷. Муравьев предложил также связать Каспийское море, «от натуры коммуникации лишенное», с океаном за счет постройки канала между Волгой и Доном, а также «чрез соединение реки Гиона (Амударья.— С. Т.) с Индом». При этом любопытно отметить, что автор намечал историческую преемственность в политике Екатерины II: Волго-Донской канал собирался построить Петр I, «ево впуке» следовало соединить Каспий с Индийским океаном²⁸.

Выдвигая столь обширный план строительства каналов, Муравьев понимал, что его нельзя сразу осуществить, в частности, и из-за отсутствия географических описаний важнейших рек России, «ибо, не зная оно-го, о коммуникации каждой порознь рассуждать не можно». Даже Волга, «основание всей коммуникации Российской империи», «следственно, основание всей коммерции», не имела такого описания. Возможно, «оно и есть, только хранится в библиотеках или каких архивах», но «для спешествования распространению коммерции не служит»²⁹. Поэтому Муравьев делал вывод о необходимости скорее изучить важнейшие реки России и ссылался на Л. Ф. Марсильи, составившего подробное описание Дуная³⁰.

Предложения Муравьева об описании рек России шли в русле тех идей, которые выдвигали в первой половине XVIII в. такие крупные государственные деятели и ученые, как Петр I, И. К. Кирилов, Ф. И. Соимонов, В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, ставившие вопрос об организации научного изучения природы, населения и хозяйства Российской империи³¹.

Убеждая Екатерину II принять его план сооружения сети каналов, Муравьев снова обращался к опыту Франции, где при Людовике XIV, благодаря мудрости его министра Кольбера, «великого покровителя наук и художеств», и искусству инженера Рикета в 1666—1682 гг. был проложен Тулузский, или Лангедокский, канал, соединивший Атлантическое побережье Франции со Средиземным морем, отчего выиграло все насе-

²⁵ Там же, л. 10 об.

²⁶ Там же, лл. 13, 17 об.

²⁷ Там же, л. 18.

²⁸ Там же, л. 17 об.

²⁹ Там же, лл. 11—12. Из-за отсутствия описаний «восточных провинций» России Муравьев отказался рассматривать возможность соединения каналами сибирских рек, но он полагал, что можно построить канал между Днепром и Западной Двиной, хотя и не касался этого вопроса, ибо «сии великие реки не в одной России протекают» (там же, л. 18 об.).

³⁰ В России был издан труд Марсильи «Военное состояние Оттоманской империи» (не ранее 1739 г.).

³¹ См., например, М. Г. Новлянская. Иван Кириллович Кирилов. М.—Л., 1964; Л. А. Гольденберг. Федор Иванович Соимонов. М., 1966, стр. 20—79, 131—145, 186—209; В. П. Лысов. М. В. Ломоносов о социально-экономическом развитии России. Воронеж, 1969, стр. 138—154, 170—173 и др.

ление страны. «Сие великое здание,—восторгался автор «Рассуждения о коммерции»,— конечно, превозносит больше своего строителя, нежели Диянин храм, мавзолей, египетские пирамиды и Колосс Родисской своих: от первого весь род человеческой, особливо Франция, имеют неописанную пользу, а последние только для приведения в удивление, но не ради пользы построены»³².

Обращаясь к русской действительности, Муравьев с сожалением отмечал, что часто чрезвычайно дорогие и сложные работы по строительству каналов и дорог поручаются не знающим дело людям. Однако «зделать прожект канала требует великого прилежания, труда и искусства, ибо в таких случаях есть много тонких обстоятельств, которые от посредственного знания закрыты»³³.

Вполне вероятно, что, критикуя практику строительства каналов в России, Муравьев рассчитывал на то, что Екатерина II поручит ему самому руководить сооружением новых каналов.

От осуществления своего плана Муравьев ожидал разрешения многих экономических проблем, которые остро стояли перед государством в середине XVIII в. Если «в целом государстве между всеми провинциями возможные коммуникации устроены будут,— писал автор,— то уже внутреннего коммерция не иначе, как процветать долженствует». Улучшение судоходства по рекам и каналам обеспечит регулярный обмен товарами между разными районами России, приведет к установлению умеренных цен на продукты. В результате, рисовал Муравьев идиллическую картину, «все провинции одна другой будут подавать взаимную помощь», а население не будет страдать от разорительных неурожаев. «В плодородные земли,— полагал он,— потечет серебро и золото, и тем земледельца ободрит приложить свои труды, и плодоносие несравненно умножит»³⁴.

Оценивая план Муравьева, следует признать, что он верно указывал на одну из мер для оживления внутренней торговли, ибо отсутствие удобных и дешевых путей сообщения отрицательно сказывалось на развитии экономики страны. Его предложения об улучшении водного транспорта преследовали преодоление континентальной замкнутости России наиболее доступным для того времени способом. В этой связи будет уместно сказать, что современник Муравьева великий русский ученый М. В. Ломоносов в своей записке от 20 сентября 1763 г. «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию»³⁵ высказывал сходные мысли о значении водных коммуникаций для хозяйства России. Необходимо отметить дальновидность и проницательность Муравьева, талантливое инженерное, правильно намечавшего создание широкой сети каналов в государстве. Но его предложения в известной мере опережали время: из-за социально-экономической и технической отсталости Российской империи, а также косности правящих кругов большая часть названных им каналов была построена уже после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

В то же время в рассуждениях Муравьева явно чувствуется налет утопизма и классовой дворянской ограниченности воззрений автора, полностью игнорировавшего в своих расчетах социальные аспекты развития «коммерции». Признавая важность хороших путей сообщения для хозяйственного развития страны, Муравьев, как нам представляется, переоценил значение этого фактора и, по сути дела, превратил его в универсальное средство для решения многих экономических проблем. Однако слабое развитие торговли и резкие колебания цен на продукты в разных

³² ГПБ, ф. Эрмитажного собрания, д. 87, лл. 15 об.—16.

³³ Там же, л. 14.

³⁴ Там же, лл. 18 об.—19.

³⁵ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6. М.—Л., 1952, стр. 419—422.

районах России объяснялись, разумеется, не только неразвитостью путей сообщения, но прежде всего господством феодально-крепостнических отношений, уровнем развития общественного разделения труда в стране, экономической и фискальной политикой государства и другими причинами, о которых Муравьев даже и не упоминает в своем трактате.

* * *

Во второй части «Рассуждения» Муравьев подробно изложил свои взгляды на «чужестранную коммерцию» и подобно другим экономистам, считал ее более выгодной для государства, чем внутренняя торговля. Поскольку Россия в XVIII в. превратилась в крупную морскую державу, то ей надо развивать торговлю морем. «Что касается до сухопутной чужестранной коммерции,— считал автор,— то она есть весьма малой важности» и «не заслуживает примечания»³⁶.

Такое крайнее суждение Муравьева вряд ли можно признать правильным, ибо он явно недооценивал давние торговые связи России с ее соседями на западе, юге и востоке, которые сохраняли свое важное значение и после получения государством выхода к Балтийскому морю, хотя по своему объему и удельному весу они уступали морской торговле.

Чтобы использовать свое выгодное положение на морях, Россия, по мнению Муравьева, должна строить новые удобные порты и собственный торговый флот. Тогда она не будет зависеть от иностранных купцов, имеющих суда. Все «цветущие нации своею коммерциею следуют сему правилу»,— писал он. В России накоплен большой опыт строительства военных кораблей, поэтому «нет сомнения, чтоб мы купеческого судна построить не умели. А что касается до искусства в мореплавании, то оному надлежит учиться, ибо и англичаня, конечно, с наукою не рождаются»³⁷. На необходимость строительства собственного торгового флота России в середине XVIII в. обращали внимание правительства и некоторые другие экономисты и купцы³⁸.

Муравьев наметил систему мер, которые государство должно осуществить, чтобы привести коммерцию в «цветущее состояние». По его мнению, лишь тот представит «проект несравненной..., кто покажет лучший способ привести художества и мануфактуры в цветущее состояние, ибо без сих своих помощниц коммерция процветать не может»³⁹. Все его предложения касались, главным образом, тех отраслей промышленности и сельского хозяйства России, которые производили товары и сырье для экспорта. Как и большинство русских экономистов первой половины XVIII в., Муравьев разделял взгляды поздних меркантилистов об активном торговом балансе и считал, что «цветущее состояние нашей коммерции зависит от того, чтоб сколько возможно собственные наши товары умножить, а ввоз чужестранных уменьшить». Поэтому государство должно стремиться сокращать импорт промышленных товаров и увеличивать ввоз сырья (шелк и др.) и драгоценных металлов, а также увеличивать вывоз собственных продуктов «в деле», чтобы «получали бы прибыль наши сограждане»⁴⁰.

В соответствии с таким подходом, Муравьев рекомендовал правительству принять меры по улучшению овцеводства в России, особенно «в полдневных провинциях» (южнее Воронежа, на Дону и в Поволжье), а также изыскать способы разведения «шелкового дерева» на юге России или увеличения привоза шелка из Ирана и Китая, чтобы обеспечить сырьем

³⁶ ГПБ, ф. Эрмитажного собрания, д. 87, л. 19—19 об.

³⁷ Там же, л. 21.

³⁸ С. М. Троцкий. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в., стр. 104.

³⁹ ГПБ, ф. Эрмитажного собрания, д. 87, л. 27 об.

⁴⁰ Там же, лл. 21 об., 28 об.—29.

фабрики⁴¹. Одновременно следовало подумать о сокращении ввоза красок для текстильной промышленности и налаживании их производства в России. Муравьев ставил также вопрос об организации производства отечественных зеркал и фарфора⁴². В связи с необходимостью уменьшить зависимость русской экономики от ввоза дорогих иностранных товаров Муравьев призывал правительство обратить серьезное внимание на изучение природных богатств России, особенно Урала. «Кто исследовал верхи Великова Рифейского пояса? — спрашивал он. — И кто в недра его проникнул?» При этом автор не сомневался, «что трудолюбивые и усердные о благополучии своего отечества дети... все то найдут посреди российских полей, в недрах Российских земли, что нам отдаленные земли присылают»⁴³.

В отличие от большинства русских экономистов первой половины XVIII в. Муравьев, указывая на большое значение для государства промышленности и торговли, все же считал главным источником общественного богатства науки и просвещение, «без них при всех изобилиях, при всех богатствах общество будет бедно и, имея все, во всем будет иметь недостаток»⁴⁴.

Однако тезис о решающем значении наук и просвещения (характерный для сторонников «просвещенного абсолютизма») не получил дальнейшего развития и обоснования в его проекте.

Итак, Муравьев затрагивал некоторые важные для развития русской промышленности вопросы. Можно заметить значительную близость в некоторых предложениях Н. Е. Муравьева и М. В. Ломоносова, который неоднократно призывал правительство принять меры по широкому изучению природных богатств России и улучшению ее путей сообщения и сам затратил много сил на организацию производства фарфора и красок⁴⁵.

Не исключено, что некоторые предложения Муравьева (о производстве отечественных красок, зеркал, фарфора, изучении недр «Рифейского пояса» и др.) были навеяны знакомством с опубликованными в конце 40-х — начале 60-х годов XVIII в. научными трудами и одами М. В. Ломоносова, в которых он ставил перед правительством эти вопросы. Такое предположение вполне вероятно и потому, что, по свидетельству Н. И. Новикова, Муравьев очень интересовался литературой и поэзией, сам писал стихи и песни, которые «весьма» нравились современникам, однако при жизни их автора не были напечатаны⁴⁶.

Для уменьшения импорта иностранных товаров Муравьев предлагал также правительству сократить ввоз виноградных вин. По его мнению, Россия имела все возможности разводить виноград у себя на Дону и в «Новой Сербии», где его «уже родится не мало», и организовать производство вина. После сооружения канала между Доном и Волгой вино из южных провинций будет поступать в северные и восточные районы России, «а жители донские, будучи побужены прибылью, употребят больше труда к размножению оного». Предвидя возражения скептиков, автор снова сослался на опыт Франции, куда виноград был завезен с Востока во времена Юлия Цезаря, после чего виноделие этой страны достигло крупных успехов. И в России, пророчески писал Муравьев, вино «донское также хорошо будет» и со временем выйдет на мировой рынок⁴⁷.

Чтобы укрепить экономическое положение России и ослабить ее за-

⁴¹ ГИБ, ф. Эрмитажного собрания, д. 87, лл. 23—25.

⁴² Там же, лл. 25 об., 27, 28.

⁴³ Там же, лл. 25 об.—26.

⁴⁴ Там же, л. 36.

⁴⁵ В. П. Лысков. Указ. соч., стр. 86—105.

⁴⁶ Н. И. Новиков. Опыт словаря о российских писателях. — В кн. «Материалы для истории русской литературы». Изд. П. А. Ефремова. СПб., 1867, стр. 73.

⁴⁷ ГИБ, ф. Эрмитажного собрания, д. 87, лл. 21 об.—22.

зависимость от иностранных товаров, считал Муравьев, необходимо добиться повышения конкурентоспособности отечественных товаров и продуктов на мировом рынке. Обоснованию этой мысли он уделил гораздо больше внимания, чем большинство других русских экономистов, касавшихся данного вопроса. В этой связи не лишне будет заметить, что в ходе Семилетней войны резко увеличились финансовые трудности казны. Это обстоятельство, а также стремление больше учитывать потребности промышленности и торговли, в чем было заинтересовано дворянское государство, привели к отмене некоторых монополий. Изменение правительственного курса нашло выражение в решении конференции от 5 января 1761 г. и в указах Екатерины II, изданных в 1762—1763 г.⁴⁸

Муравьев был знаком с этими решениями. Он являлся сторонником отмены всяких ограничений и привилегий в торговле и промышленности, ибо они стесняли развитие экономики и вели к повышению цен на товары. «Коммерция никакого принуждения не требует, а требует прилежности и учреждения». Раскрывая этот тезис, автор писал: если русские фабрики «придут в такое состояние, что на них сделанные товары будут не хуже чужестранных, а продаваться дешевле, ибо ни пошлин, ни провозу на них считать не должно, то вывоз чужестранных товаров сам собою пресечется». В справедливости этого положения легко убедиться, обратившись к опыту Англии и Франции: обе эти страны славятся на весь мир производством дешевого и высококачественного сукна и шелка, поэтому никто не возит к ним таких тканей. Муравьев считал, что не следует в законодательном порядке запрещать ввоз более качественных иностранных товаров, ибо конкуренция с ними будет заставлять русских промышленников улучшать и удешевлять производство продукции⁴⁹. «Если же запретить привоз чужестранных товаров, то фабриканты будут делать, как захотят и продавать по своему произволению», а это невыгодно и государству и обществу.

Таким образом, отвергая монополии, регламентацию и защищая принцип свободной конкуренции в торговле и промышленности, Муравьев, по сути дела, выступал за внедрение в экономику России таких отношений, какие существовали в тех странах, где капиталистический способ производства уже победил (Англия) или достиг высокого уровня развития (Франция). В этой части своего трактата автор «Рассуждения о коммерции» до известной степени смыкался с некоторыми требованиями купцов и промышленников, выступавших за ликвидацию препятствий на пути свободного развития торговли и промышленности в стране, однако хотел этого достичь, не затрагивая существовавших крепостнических отношений в России. Призывая государство следовать в области экономики примеру наиболее развитых капиталистических государств Западной Европы, Муравьев не учитывал существенных различий в социально-экономическом строе этих стран и России, где господство феодально-крепостнических отношений было главным тормозом для развития экономики по буржуазному пути. К тому же русская буржуазия была еще слаба и нуждалась в поддержке со стороны абсолютизма, чтобы противостоять более сильной буржуазии Англии, Голландии, Франции.

В этой связи необходимо отметить довольно общий характер рассуждений Муравьева об отмене «принуждения» и улучшения состояния торговли и промышленности в России, ибо они не подкреплены какими-либо конкретными предложениями. Это особенно бросается в глаза, когда он советует Екатерине II найти способы лен и пеньку «в провинциях наших, как возможно, размножить», чтобы сделать их «лутче и дешевле», и тем самым оттеснить на мировом рынке конкурентов России⁵⁰. В то же

⁴⁸ С. М. Троицкий. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в., стр. 182—184.

⁴⁹ ГПБ, ф. Эрмитажного собрания, д. 87, лл. 26—27.

⁵⁰ Там же, л. 28 об.

время, когда год спустя в правительственных кругах рассматривался вопрос о целесообразности устранения разного рода ограничений в развитии крестьянской торговли, то Муравьев выступил одним из решительных противников предоставления крестьянам большей самостоятельности для занятий торговлей и промышленностью⁵¹.

В заключительной части своего трактата Муравьев подробно обосновал мысль о необходимости развивать внешнюю торговлю России. По его мнению, внешняя торговля выгоднее внутренней, причем для государства полезнее расширять не «ближнюю», а «отдаленную» коммерцию, ибо она больше приносит прибыли. Так, России не очень выгодно торговать с соседней Польшей, потому что они производят одни и те же продукты (хлеб, лен, пенька и др.), цены на которые примерно одинаковы. Чтобы иметь «изобилующую коммерцию» многие европейские государства, «которые коммерциею процветают, стараются о сыскании отдаленной коммерции». Не случайно англичане, французы, испанцы, португальцы и, особенно, голландцы—эти «новые фенекияне»—бороздят моря и океаны, рискуют жизнью, «чтоб завести коммерцию с народами, в неизведанных странах живущими». Главная цель таких опасных экспедиций — «получить от них то, что не родится в Европе»⁵².

Муравьев снова обращается к тезису о решающей роли географической среды в развитии торговли и не учитывает другие факторы.

В погоне за прибылью многие европейские государства создали по всему свету хорошо укрепленные колонии, чтобы держать в подчинении «варварские народы» и вести с ними торговлю. Автор трактата не только одобрительно относится к захвату колоний, но призывает Россию последовать примеру колониальных держав: «Но для чего то невозможно для россиян,—воскликает он,—что возможно для французов, голанцов и англичан!» Ведь они имеют такие же права на Индию, как и Россия. А «чтобы они были нас сильнее или бы больше трудились для благополучия своего отечества, то, конечно, неправда», как сомнительно и то, «чтоб были искуснее в мореплавании». Если Екатерина II согласится с его доводами, полагал автор «Рассуждения», то «пойдут российские Колумбы и Могеланы, найдут неизвестные моря и земли, которые, может быть, натура для них до сего времени скрывала, и российские флаги на Восточном океане завезут»⁵³.

Приведенные нами выдержки свидетельствуют о том, что Муравьев был горячим сторонником расширения внешней торговли России, особенно восточной. Государству следовало организовать экспедиции для отыскания новых земель, а также путей в далекую и богатую Индию. В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что в этих рассуждениях имеется иногда почти буквальное совпадение с некоторыми мыслями Петра I, И. К. Кирилова и других деятелей первой половины XVIII в. Это особенно касается экономических взглядов М. В. Ломоносова, призывавшего русское правительство посылать экспедиции для поисков удобных морских путей на восток и писавшего в поэме «Петр Великий» о том, что

«...Герои на морях Колумб и Магеллан,
Коль много обрели безвестных прежде стран...
Колумбы Российские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша достигнет в Америку держава...»⁵⁴.

⁵¹ С. М. Троцкий. Обсуждение вопроса о крестьянской торговле в Комиссии о коммерции в середине 80-х годов XVIII в.— «Дворянство и крепостной строй в России XVI—XVIII вв.» Сб. статей памяти А. А. Новосельского. М., 1975, стр. 231, 236—239.

⁵² ГПБ, ф. Эрмитажного собрания, лл. 29 об.— 30.

⁵³ Там же, л. 31.

⁵⁴ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 8. М., 1952, стр. 703.

Однако помимо сходства, в проектах Ломоносова и Муравьева имелись существенные различия, объяснявшиеся принципиально иным подходом каждого из этих авторов к решению вопроса об укреплении экономического могущества России. Если у Ломоносова на первом плане стояли задачи научного описания России, отыскания удобных путей через Северный Ледовитый океан на восток и в Индию для развития мирной торговли⁵⁵, то в трактате Муравьева, наряду с такими же предложениями, содержались призывы к правительству осуществлять колониальную экспансию.

Эти различия во взглядах двух авторов особенно заметны, когда Муравьев переходит к обоснованию тезиса о необходимости заведения для России колоний. Если Ломоносов в «Письме о пользе стекла» и других сочинениях гневно осудил преступления европейских колонизаторов в Америке и Азии⁵⁶, то автор изучаемого трактата держался иной точки зрения в этом вопросе. Он подробно описал столкновения колонизаторов в различных частях света с коренным населением и пришел к выводу, что «отдаленная коммерция» не может существовать без хорошо укрепленных колоний с сильными гарнизонами. При этом его не смущает, что захват колоний сопровождается разорительными и кровопролитными для местного населения войнами. Муравьев считает их неизбежными при столкновении «просвещенных» народов с «варварами»: «Таким же образом и нам заводить вышеупомянутую отдаленную коммерцию, хотя не столько, однако же немало труда может стоить», — замечает он⁵⁷. Эти высказывания Муравьева отчетливо характеризуют классовую природу воззрений дворянского публициста.

Определяя основное направление «отдаленной коммерции», Муравьев считал полезным для России торговлю с Индией, Китаем, Японией и другими восточными странами. В этом вопросе он продолжал следовать той линии, которая была намечена Петром I, а также некоторыми представителями младшего поколения «птенцов гнезда Петрова», М. В. Ломоносовым и др.⁵⁸ Однако в отличие от Кирилова, Ломоносова и других русских ученых и купцов, настойчиво ставивших перед правительством вопрос об отыскании морского пути на восток, в Америку и Индию, через Северный Ледовитый океан, Муравьев отдавал предпочтение, если так можно выразиться, «восточному» и «южному» направлениям.

Северный морской путь он считал неудобным и опасным для мореплавания, к тому же он приведет русских купцов в Северную Америку, а торговля с ней невыгодна, «ибо земли Северные Америки совершенно с нашими северными землями сходятся и имеют те же избытки, как наши северные земли»⁵⁹.

В этой связи следует заметить, что Муравьев явно недооценивал значение Северного морского пути для экономического развития России и важность установления торговых связей с Северной Америкой. В отличие от Ломоносова, Ф. И. Соймонова он, видимо, не был достаточно осведомлен о путешествиях русских купцов и промышленников по Северному Ледовитому океану.

Между тем именно в 40—70-х годах XVIII в. русские мореплаватели, купцы и промышленники настойчиво ищут морские пути в Северную

⁵⁵ См. подробнее В. П. Лыцков. Указ. соч., стр. 170—193.

⁵⁶ Там же, стр. 116—170.

⁵⁷ ГПБ, ф. Эрмитажного собрания, д. 87, лл. 31—32, 33 об.—34.

⁵⁸ С. М. Троицкий. «Система» Джона Ло и ее русские последователи. — «Франко-русские экономические связи». Сб. статей. М.—Париж, 1970, стр. 104—105, 118—120, 136—138; он же. Финансовая политика русского абсолютизма, стр. 82, 86—88, 95, 98; М. Г. Новлянская. Указ. соч., стр. 86—101; В. П. Лыцков. Указ. соч., стр. 160—164.

⁵⁹ ГПБ, ф. Эрмитажного собрания, д. 87, л. 32—32 об.

Америку, на Аляску, заводят там пушные промыслы, которые приносят большой доход как купцам, так и казне⁶⁰.

Муравьев полагал, что Россия должна использовать преимущества своего географического положения и осваивать для торговли «Восточный океан». К нему у нее есть выход через реки южной Сибири, которые ныне «с реками внутри нашего отечества протекающими соединены быть могут». Особенно важно, писал автор, использовать для торговли р. Амур и построить в его устье гавань, «ис которой во все Индийские острова в короткое время плавать можно будет»⁶¹.

Муравьев уделил большое внимание обоснованию прав России на использование Амура для судоходства и торговли. Видимо, он был осведомлен о том, что в 50-х—начале 60-х годов XVIII в. между Россией и Китаем остро встал вопрос об использовании этой реки для снабжения продовольствием Камчатки и русских владений в Северной Америке⁶².

Однако, учитывая территориальную близость Индии и России, Муравьев считал наиболее выгодным и удобным дорогу на восток от «полдневных» (южных) провинций через Каспийское море и Среднюю Азию. С Каспийским морем связана «несравненная Волга, большую часть России протекающая и со всеми провинциями коммуникацию иметь могущая». В Средней Азии протекает р. Амударья, которую тоже можно использовать для плавания судов. Призывая искать сухопутные дороги в Индию, Муравьев напоминал Екатерине II о том, что сравнительно недавно некоторые каспийские провинции были в составе России. Это говорит о том, что он знал о результатах «Персидского похода» Петра I. И теперь, писал автор проекта, России необходимо заводить колонии на восточном побережье Каспия⁶³.

В этой связи уместно заметить, что в конце 50-х—начале 60-х годов XVIII в. с предложениями о заведении колоний на восточном берегу Каспийского моря выступал другой «прожектор», видный идеолог дворянства сенатор граф Р. И. Воронцов. В проекте «Об улучшении торговли с Персией» (1762 г.) он писал в Сенат, что оттуда «со временем можно будет наиприбыточнейшую коммерцию завести с Индией и обратить оные сокровища в Россию, которыми теперь другие европейские державы обогащаются»⁶⁴. Сравнение записок Муравьева и Воронцова показывает, что, несмотря на некоторые несущественные различия, оба автора, по сути дела, призывали правительство активизировать внешнюю политику в Средней Азии.

* * *

Знакомство с содержанием «Рассуждения о коммерции» свидетельствует о том, что Муравьев затронул широкий круг вопросов экономической политики, интересовавших в XVIII в. как правительственные круги, так и общественную мысль России. Укрепление экономического могущества России отвечало прежде всего интересам абсолютистского государства и дворянского класса. Разделяя взгляды поздних меркантилистов, автор выдвинул ряд предложений, которые ставили своей целью создание более благоприятных условий для развития промышленности и торговли, в частности, за счет улучшения путей сообщения России. Осуществление некоторых из этих предложений отвечало потребностям хо-

⁶⁰ См. подробнее Л. А. Гольденберг. Указ. соч., стр. 163—168; 190—199; Р. В. Макарова. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968, 56—81, 106—114.

⁶¹ ГПБ, ф. Эрмитажного собрания, д. 87, лл. 33—33 об.

⁶² См. об этом А. Л. Нарочницкий. Западные державы и государства Восточной Азии в XVI—XVIII вв.— «Международные отношения на Дальнем Востоке». Кн. первая. С конца XVI в. до 1917. М., 1973. Отв. ред. Е. М. Жуков, стр. 39—40.

⁶³ ГПБ, ф. Эрмитажного собрания, д. 87, лл. 34—38 об.

⁶⁴ С. М. Троицкий. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в., стр. 85—87.

зяйственного развития страны. При этом Муравьев правильно обращал внимание на необходимость больше учитывать роль географической среды в экономической жизни страны, хотя и переоценивал значение этого фактора. В трактате Муравьева содержался откровенный призыв к проведению более активной политики, направленной на расширение внешней, особенно восточной торговли, которая должна сопровождаться созданием колоний.

Муравьев рекомендовал правительству больше учитывать в своей экономической политике опыт европейских государств (Англии, Голландии, Франции, Испании, Португалии и др.), что было связано с растущим втягиванием России в складывающийся мировой рынок, а также расширением ее политических и культурных связей с европейскими странами. К этому следует прибавить, что участие России в Семилетней войне и связанное с этим пребывание за границей части образованных людей, также оказывало определенное влияние на формирование взглядов русских экономистов и публицистов. Однако при этом он не всегда принимал во внимание существенные различия в социально-экономическом строе России и названных стран, в чем особенно заметно проявлялась классовая дворянская ограниченность воззрений автора, желавшего укреплять экономическое могущество государства, не изменяя и не улучшая положение основной массы населения — крестьян и посадских людей.

О РОССИЙСКИХ МАНУФАКТУРАХ

второй половины XVIII в.

Е. И. Индова

Изучение проблем, касающихся развития производительных сил России XVIII в., затрудняется в значительной мере из-за отсутствия систематических статистических данных, как по вопросам сельскохозяйственного, так и промышленного производства. В этой связи ведомости 1775 г. Мануфактур-коллегии и Санкт-Петербургской Мануфактур-конторы «О... всех российских фабриках, с которого году и кем оные заведены, в каком ныне состоят капитале и где производятся, сколько при них приписных и покупных людей...», будут полезны исследователям. Предоставится возможность сравнивать данные 1775 г. со списками мануфактур, возникшими в первой половине XVIII в., встречающимися в литературе в различных вариациях¹. Начиная с 20-х годов XVIII в. «о состоянии мануфактур и фабрик» составлялись сводные ведомости такими учреждениями, как Мануфактур-контора, Коммерц-коллегия, Комиссия о коммерции, а позднее — Мануфактур-коллегия и ее конторы. Владельцы промышленных заведений обязывались присылать ежегодно в Берг- и Мануфактур-коллегии сведения: кем, когда, где, на какие средства заведено предприятие, сколько людей его обслуживает и в каком количестве выпускается продукция. Судя по материалам Мануфактур-коллегии, такого рода ведомости относительно регулярно стали поступать только с конца XVIII в.² Однако исследователям известна сводная ведомость «О состоянии промышленных предприятий, находившихся в ведении Коммерц-коллегии и Мануфактур-конторы», составленная в 1727 г. Для первых трех десятилетий XVIII в. это единственный сводный документ, свидетельствующий о состоянии мануфактурного производства, хотя ведомость и не дает полного перечня предприятий³. В 40—60-х годах XVIII в. Мануфактур-коллегия совместно с Главным магистратом неоднократно рассматривала вопрос о всех мануфактурах и фабриках «как достойных, так и недостойных», в результате чего появились разрозненные ведомости по отдельным видам производства или ведомости с обзором производственных заведений на отдельных территориях⁴.

Составлялись ведомости предприятий, принадлежащих определенно-

---

¹ И. Кирилов. Цветущее состояние Всероссийского государства, т. I. М., 1831; М. И. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Изд. 3-е. М., 1901, стр. 12—13; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IV, стлб. 165—170, 784; П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности в XVIII и начале XIX в. Л., 1930; он же. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России. Л., 1937; он же. Роль казенного, дворянского и купеческого капитала в строительстве крупной промышленности России XVII—XVIII вв.— «Исторические записки», т. 17; Е. И. Заозерская. Список мануфактур, возникших при Петре I.— «Исторические записки», т. 19.

² ЦГАДА, ф. 277, Мануфактур-коллегия, оп. 2, д. 1793, 1794, 1882, 1884 и др.

³ Е. И. Заозерская. Ведомость 1727 г. «О состоянии промышленных предприятий». — «Материалы по истории СССР», вып. V. М., 1969; она же. Развитие мелкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953, стр. 19—22.

⁴ ЦГАДА, ф. 1261, оп. 1, д. 891; ф. 248, кн. 940, 941; ф. 277, оп. 2, д. 9, 11, 159—168, 221, 364, 373, 1625, 1866 и др.

му социальному кругу владельцев. Так, одна из подобных ведомостей зафиксировала на начало 50-х годов XVIII в. сведения о всех винокуренных заводах России. К настоящему времени с известной полнотой выявлено и число металлургических предприятий в России XVIII в.⁵

Сводные ведомости 1775 г. «О всех российских фабриках», по-видимому, являются одними из самых полных. Ими учтено более 500 предприятий без металлургических, которых в это время было 90 с лишним. Если учесть, что к началу второй четверти XVIII в. общий итог промышленных заведений в России по названным ведомостям не превышал 240 единиц⁶, увеличение за 50 лет на 350 единиц представляется весьма значительным.

Однако материалы вотчинных архивов, дворцового ведомства, соляных контор и других архивных фондов XVIII в. дают основание полагать, что предприятий мануфактурного типа было гораздо больше. Здесь нет солеваренного, винокуренного, поташного, кирпичного производства. Мало кожевенных и мыловаренных заведений. Это объясняется и спецификой учета, и отсутствием своевременной регистрации предприятий из сфер не крупного производства. Публикуемые ведомости извлечены из материалов фонда Воронцовых (1261), хранящегося в Москве в Центральном государственном архиве древних актов. Ведомости (оп. 1, д. 891) находились среди служебных бумаг канцлера графа Воронцова Александра Романовича (1741—1805), который 27 лет (с 1764 по 1791) был президентом Коммерц-коллегии.

Поступление ведомостей из Мануфактур-коллегии датируется специальной пометой, которая гласит: «Получено в Комиссии о коммерции от его превосходительства действительного тайного советника Мануфактур-коллегии вице-президента Демьяна Григорьевича Лыкошина октября 2 дня 1775 года». Ведомость из Санкт-Петербургской Мануфактур-конторы, помечена январем того же 1775 г. Две ведомости из Мануфактур-коллегии и Санкт-Петербургской Мануфактур-конторы составлены по единой схеме. Они содержат сведения о местонахождении предприятий, качестве построек, характере производства, о владельцах, времени основания, числе станков, о рабочей силе, ее социальной градации (вольные, крепостные, покупные, приписные) и т. п.

Особенно интересен третий документ. Это своего рода таблица, содержащая сводные данные из ведомости Мануфактур-коллегии, в известной мере уже статистически обработанные. Здесь наглядно представлены специализация производства по территории, общее количество предприятий, их оборудование, а также данные о рабочей силе. Этот раздел пополнен новыми весьма ценными сведениями, отсутствующими в предыдущих ведомостях. В нем приводятся цифры о количестве крестьян, регулярно работающих в деревнях на потребу определенных мануфактур. Число таких рабочих из рассеянных мануфактур, обслуживающих только предприятия Москвы, составляло более 5,5 тыс. человек, что вдвое превышало количество учтенных здесь рабочих. В целом по стране крестьяне, регулярно занятые в промышленности, удваивали число так называемых кадровых рабочих. Это существенно изменяет представление о степени развития мануфактурного производства в конце XVIII в. Определяются и районы мануфактур и виды производства.

В целом публикуемые документы смогут ответить на ряд важнейших вопросов, возникающих при изучении русского мануфактурного производства XVIII в. Они послужат ценным источником для изучения размещения мануфактурных предприятий в России.

Текст помещается без сокращений.

⁵ Н. И. Павленко. История металлургии в России XVIII в. М., 1962.

⁶ Е. И. Заозерская. Список мануфактур, возникших при Петре I.— «Исторические записки», т. 19, стр. 256.

Т а б л и ц а 1

Ведомость на 1775 год о состоянии Мануфактур-коллегии всех российских фабрик, с которого году и как оные заведены, в каком ныне состоят капитале и где производятся, сколько при них приписных и покупных людей, о том значит ниже *

1	2	3	4	5	6	7
	А именно	Количество число станок	Сколько каких людей	Мужеска	Женска	В каком ныне капитале
В Москве	Ильи Докучаева с товарищи Заведена казенным коштом, а с которого года в коллегии неизвестно. А в 720-м году февраля 17 дня по именному блаженныя и вечной славы достояния памяти государя императора Петра Великаго указу учинена ис купечества компания, в которой повелено быть Владимиру Щеголину, гостинной сотни москвитину Ивану Калтыгину, из Вязьмы Кириле Болотину, ис Казани Борису Пушникову, из Симбирска Осипу Твердышеву, из Серпухова Федору Серикову, // да Санкт-петербургским жителям Петру Соколовскому, Сергею Щеголину, Ивану Мушникову, изъ Ярослави Федору Волкову, кадашевцу Прохору Докучаеву, из Вязников Ивану Рукавишникову, ис Курска Андрею Скорнякову, из Болхова Ивану Макарову. И та фабрика с дворами, что подле Каменного мосту, и с мастерскими людьми отданы им для умножения и делания сукон и протчаго. И велено содержать им оной завод на собственных своих денгах, а делания на той фабрике сукна ставить в Мундирную канцелярию и продавать купечеству в ряды 5 лет беспопливно. И сверх того обнадежены, что оной завод не возмется у них, и у жон их, и у их	Суконных 22 Каразейной 1	Приписных и покупных	362	315	До 771 года показано было 71 924 руб., а ныне показыва- ют убытку до 80 000 ру.

* Над текстом помета: «Получена в Комиссии о коммерции от его превосходительства господина тайного советника и Мануфактур-коллегии вице-президента Демьяна Григорьевича Лыкошина октября 2-го дня 1775 года».

1	2	3	4	5	6	7
2	<p>За Калужскими воротами близ Донского монастыря, в каменных и деревянных покоех</p>	<p>детей поамест станут содержать его в добром состоянии. И в службы государевы кроме одного никуда их, камермейстеров, и детей и братьев, кои с ними в одних домах живут, не отдавать; и судом, и расправою ведать их в Берх-коллегии//</p> <p>И в домах их камермейстеровых, где они сами живут, постоя не ставить.</p> <p>А после того от иных по наследству, а от других по продажам доходило и ныне состоит за Михаилом Гусятниковым, Ильёю Докучаевым, Васильем Суровицким и Григорьем Лихониним</p>	Суконных 6, Каразейных 3	Приписных	87	20 000 ру
3	<p>Близ Андроньева монастыря</p>	<p>Григорья Серикова</p> <p>Заведена отцом его Федором Сериковым с 734 года по указу Правительствующаго Сената. А в 740 году по указу Правительствующаго Сената канторы выдано было на размножение той фабрики ис казны 5000 руб[6] на 5 лет, кои и возвращены//</p> <p>Ивана Третьякова</p> <p>Заведена с 735 года отцом его Алексеем Третьяковым по указу Камерц-канторы. И на размножение той фабрики выдано было ему, Третьякову, в 744 из Мануфактур-коллегии 15 000, в 745 из Главного камисариата 50 000, кои и возвращены; да в 760 по указу Правительствующаго Сената ис Коллегии 15 000 руб[6], за неплатеж которых та фабрика и дом описаны, а он умре. И люди розданы на другие фабрики впредь до указу.</p>	—	—	—	—
4	Близ Андроньева монастыря	Ивана Журавлева, Ефрема Еремеева з Григорьем Бакиным, директора Ивана Медовщикова наследниц с Алексеем Ивановым				

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
л. 37	В старом Денежном ка- дашевском дворе, в ка- менных покоех	Заведена с 736 году по данной привилегии за подписанием // блаженныя и вечно достойные памяти государыни императрицы Анны Иоан- новны собственныя руки московским купцам Андрею Еремееву, Ивану Василькову, Андрею Товарову, Андрею Носыреву, Григорью Коло- бову, Раману Журавлеву, Григорью Бабкину. А после того от иных по наследству, а от дру- гих по продажам доходило. И ныне состоит за выписанным за Иваном Журавлевым, Ефре- мом Еремеевым, с Григорьем Бабкиным директора Ивана Медовщикова наследниц с Алексеем Ива- новым. Да сверх того Медовщикова у наследниц по- купных к той фабрике в Переславском уезде мужеска полу 302 души	Суконных 43, каразейных 7	258	38	52 000 р.
д. 37об.	За Московю рекою в при- ходе животначальныя Троицы, что в Ножеви- ных покоех	Михаилы Перемышлева жены вдовы Ирины Перемышлевой в дети Заведена с 754 года по указу Манифактур- коллегии//	Суконных 25, каразейных 2	6 10	— —	18 000 р.
6	За Яузою рекою в при- ходе церкви Симона Стопника, в каменных и деревянных покоех	Алексея Иванова	Суконных 10, каразейных 5	14	—	26 000 р.
7	На Введенских горах	Степана Калинина Заведена с 769 году по указу Манифактур- коллегии им же самим	Суконных 12, каразейных 3	Работу исправляет волными		10 000 р.

1	2	3	4	5	6	7
8 В Коломенской Емской слободе да в Кожевинных покаях	Московского купца Федора Васильева Заведена с 759 году по указу Манифактур-коллегии	Суконных 15, каразейных 5	Покупных	9	—	20 000 ру.
9 За Яузою рекою в Алексеевской слободе да в Семеновской салдатской слободе, в деревенных покаях	Петра Гребенщикова Заведена с 760 года по указу Манифактур-коллегии. Сверх того покутных к той фабрике в Володимирском уезде мужеска пола 150 душ//	Суконных 15, каразейных 5	Покупных	124	—	20 000 ру.
10 В приходе церкви Никольской чудотворца, что в Берсеевке, в каменных и в селе Покровском близ Покровского дворца, в деревянных покаях	Егора Грунта Заведена с 754 года по указу Манифактур-коллегии	Суконных 5	Приписных	40	—	30 000 ру.
1 За Московю рекою близ Донского монастыря, в каменных и деревянных покаях	<i>Каразейная</i> Ивана Купашеникова Заведена с 752 года по указу Манифактур-коллегии	6	Покупных	2	—	3500 ру.
2 В приходе церкви Трех Светителей, что у Красных ворот, в деревянных покаях	Покойного действительного тайного советника сенатора и кавалера князь Бориса Григорьевича Юсупова вдовствующей супруги ево княгини Ирины Михайловны с детьми// Заведена с 760 года по указу Манифактур-коллегии//	16	Работают крепостными	—	—	1000 ру.

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

1	А именно	2	Количество станков	Сколько каких людей	Мужская	Женская	В каком числе капиталов
1			3	4	5	6	7
1	В Белом городе в приходе церкви Архидиакона Евилла, что на Месницкой, в каменных [покоях]	<p>Шелковая</p> <p>Михайлы Милюткина</p> <p>Заведена комматным истопником, который потом в 744 году генваря 17 дня пожалован дворянским достоинством, Алексеем Милюткиным, в 714 году. А в 720 году дана на оную фабрику за подписанием блаженныя и вечной славы достойныя памяти государя императора Петра Великаго собственныя руки привиллегия. А после того по завещательному писму и по наследству ныне состоит за Михайлою Милюткиным. Сверх того купных к той фабрике в Алексанском и Вологодском уездах мужеска пола 668 душ</p>	50	Приписных и покупных	90	—	20 000 ру.
2	На Посолском дворе да в своем доме на Стретенской улице, в каменных и деревянных по-коях	<p>Вдовы Марьи Докучаевой</p> <p>Заведена с 717 году по имениному блаженныя и вечной славы достойныя памяти государя императора Петра Великаго указу и по пожалованной грамоте за подписанием его величества собственныя руки государственному подканцлеру тайному советнику барону Шафирову да тайному советнику Петру Толстому.// В 721 году по имениному ж его императорскаго величества указу в те фабрики к показанным господам интересентам вступили в компанию купцы Матвей Ереминов с сыном Ильей, Федор Старцов, Афанасей Павлов, Игнатей Францов, Спиридон Аникиев, Федор Мыльников, Матвей Короткой. И под ту фабрику отдан вечно Посолской двор. А после того по разделу и по наследству состояла за ассесором Иваном Евреиновым, а по продаже</p>	14	Приписных	17	—	20 000 ру.

л. 38об.

л. 39

1	2	3	4	5	6	7
3	<p>На Посольском дворе да в своем доме за Сухаревую башню в приходе Андриана и Наталии, в каменных и деревянных покоех</p>	<p>от него записана за вдовою Марьею Докучаевою. Сверх того покупных к той фабрике в Дмитровском уезде 115 душ</p> <p>Матвей Евреинова з братьями</p> <p>Заведена с 717 году по выписанному ж имянному указу дедом их Матвеем Евреиновым. А потом ныне по наследству состоит за Матвеем Евреиновым з братьями//</p>	15	Приписных	48	23 000 ру.
4	<p>На Посольском дворе да в своих домах: в 1-м у Никиты Мученика в Старой Басманной; во 2-м у Петра и Павла в Новой Басманной; в 3-ем у Троицы в Сыромятниках, в каменных и деревянных покоех</p>	<p>Семена и Петра Бабушкиных</p> <p>Заведена с 717 года по тому ж имянному его императорского величества указу купцами Афонасьем Павловым и Спиридоном Аникиевым. А после того от иных по наследству, а от других по продаже доходила и состояла за Андреем Бабушкиным, а ныне состоит за детьми его Семеном и Петром Бабушкиными.</p> <p>Сверх того покупных к той фабрике в Михайловском уезде 83 души</p>	105	Приписных, а к тому ж волными работают	62	30 000 ру.
5	<p>На Посольском дворе у него ж в домах: В 1-м Панкратьевском каменном; во 2-м Панкратьевском деревянном; в 3-м Троицком и в 4-м Троицком же в приходе у Троицы в Сыромятниках, в каменных и деревянных покоех. Панкратьевский дворы состоят на Стретенке близ Сухаревой башни</p>	<p>Панкрата Колосова</p> <p>Заведена с 717 году по выписанному ж указу Федором Мыльниковым. А после того по наследству сыну его, а потом по притично долготу им производства той фабрики по определению Коллеги отдана и ныне состоит за Панкратом Колосовым.</p> <p>Сверх того покупных к той фабрике в Суздальском уезде 52 души//</p>	120	Приписных и покупных	189	40 000 ру.

л. 39об.

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
л. 40	<p>6</p> <p>На Чистом пруде в приходе церкви Николая Чудотворца, что в Столпах, в деревянных поках</p> <p>7</p> <p>За Москвою рекою в приходе у Воскресения в Кадашове в каменных воротах в приделах у Введения в Бапашах, в деревянных поках</p> <p>8</p> <p>В приходе церкви первоученика Архидиакона Стефана, что за Яуским мостом, в каменных и деревянных поках</p> <p>9</p> <p>В приходе церкви у Знамения Богородицы, что за Петровскими вороты, в каменных и деревянных поках</p>	<p>Российских дворян Лазаревых</p> <p>Заведена с 717 года по выписанному жимянному указу армянинном Игнатъем Францовым. А после того по розделу и по наследству, а потом по покупке состоит ныне за ними, Лазаревыми.</p> <p>Сверх того покупных в Московском уезде 65 душ</p> <p>Ивана Мачалова</p> <p>Заведена с 726 года по указу ис преждебывшей Манифактур-коллегии Малых Лужников тегелецом Иваном Садовниковым. А потом по продаже состоит ныне за ним, Мачаловым</p> <p>Егора Демидова</p> <p>Заведена с 737 году по указу Комерц-канторы лентовым и португейным мастером Григорьем Байбухтиным да купцом Федотом Жичиним.// а после того по заче ими, Байбухтиным и Жичиним, деду и отцу ево — Демидовым, а потом по наследству состоит за ним Егором Демидовым</p> <p>Сверх того покупных к той фабрике в Михайловском уезде 180 душ</p> <p>Ивана Татаринова</p> <p>Заведена с 738 году по указу Комерц-канторы московским первой гильдии купцом Ильею Красноселовым. А после того по наследству сыну ево, а потом по продаже от него состоит ныне за ним, Татариновым</p>	<p>Приписных</p> <p>Приписных</p> <p>Приписных и покупных</p> <p>Покупных и приписных</p>	<p>6</p> <p>4</p> <p>53</p> <p>8</p>	<p>—</p> <p>6</p> <p>50</p> <p>7</p>	<p>Вообще, что и в Московском уезде, 50 000 ру.</p> <p>6 500 ру.</p> <p>6 000 ру.</p> <p>16 000 ру.</p>

1	2	3	4	5	6	7
10 На Гороховом поле близ Немецкой слободы, в ка- менных и деревянных покоях	Петра Белагина Заведена с 743 года по указу Манифактур- коллегии московским купцом Михаилом Са- виным. А после того по наследству сыну его, а от него по перепродаже состоит ныне за ним, Белагиным. Сверх того купленных к той фабрике в Русском и Звенигородском уездах 47 душ//	22	Покупных	35	23	16 620 руб. 85 к.
11 В приходе церкви Ио- анна Воинственника, что за Москвою рекою, в де- ревянных покоех	Тихона Суслова наслобников Заведена с 752 году по указу Манифактур- коллегии означенным Сусловым	—	Покупных Ныне состоит без действия	1 1	1	—
12 За Сухаревою башнею в приходе церкви Андре- ана и Наталии и Фили- па митрополита, в ка- менных и деревянных покоех	Дмитрия Жукова и Илья Суроженникова Заведена с 746 году по указу Манифактур- коллегии им, Жуковым, а после того принят в товарищи и объявленной Суроженников	30	Приписных Покупных	8 4	— —	15 000 руб.
13 За Москвою рекою в приходе у Спаса в На- ливках, в деревянных покоех	Федора Шелковникова и Степана Фитонова Заведена с 755 году по указу Манифактур- коллегии, которая состоит за казенной долг в секвестре	4	Производятся волными			3500 руб.
14 На Охловце, в каменных и деревянных покоех	Семена Турченинова Заведена с 759 году по указу Манифактур- коллегии//	80	Приписных	7	—	35 074 руб.
15 В приходе церкви Вели- комученна Никиты за Яузою рекою, что на Впывой горке, в камен- ных и деревянных покоех	Якова Коломинтинова Заведена с 762 года по указу Манифактур- коллегии им, Коломинтиновым	18	Работу исправляет волными			4 000 руб.

л. 44об.

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
	А. ЕМЯ ИНО	КОЛЕСНОЕ ЧИСЛО СТАНОВ	СКОЛЬКО КАКИХ ЛЮДЕЙ	МУЖСКАЯ	ЖЕНСКАЯ	В НАКОМ НЫНЕ НАПЛАТЛЕ
16	В Семеновской салдатской слободе в приходе церкви Введения пресвятыя Богородицы да у Боговещения в Елоховных покаях	Ивана Перешивкина наследников Заведена с 762 года орловским купцом Максимом Алексеевым, а после того по перепродажам состоит ныне за ними, Перешивкина наследниками	15	Работу исправляют волными	4 500 ру.	
17	За Пресней в приходе церкви Георгия Чюдотворца, в деревянных покаях	Степана Фитонова Заведена с 760 года по указу Манифактур-коллегии грузинским жителям Авелем Багда-товым и арменином Сергеем Ивановым, а ныне за ним, Фитоновым, та фабрика состоит за казенной долг в севверсте //	17	Работу исправляет волными	5 400 ру.	
18	В селе Покровском, в приходе церкви Николая Чюдотворца, в деревянных покаях	Ерофея Дудышкина Заведена с 759 году по указу Манифактур-коллегии Ерофеем Дудышкиным и Андреем Пичугиным. А потом за продажею от Пичугина части Козме Дудышкину, а по продаже от оного Козмы записана за помянутым Дудышкиным Андреем Андреевича	40 А к тому и волными работают	Покупных 21 —	15 000 ру.	
19	В Семеновской салдатской слободе в деревянных покаях	Заведена с 759 году московским купцом Кириллою Щукиным по указу Манифактур-коллегии. А после того по продаже от Щукина состоит ныне за ним, Андреевым	70	Работу исправляет волными	20 000 ру.	
20	1. За Арбатскими вороты у Спаса на Песках и на	Якова Леонова наследников Заведена с 744 года по указу Манифактур-коллегии братом ево, московским купцом Алек-	За партикулярныя долги велено продать			

1	2	3	4	5	6	7
Черной грязи; 2. Близ Донского монастыря, в деревянных покоех	сеюм Леоновым. А потом по наследству состоит ныне за ним, Яковом Леоновым.//					
21 За Арбатскими вороты у Спаса на Песках и на Черной грязи, в деревянных покоех	Григорья Леонова] # Заведена с 762 года по указу Манифактур-коллегии иноземцом Крестьяном Шефлером. А потом по продаже состоит ныне за ним, Леоновым.	7	Работу исправляет волными			3 000 ру.
22 В Семеновской салдатской слободе, в деревянных покоех	Зиновья Иванова Заведена с 764 года по указу Манифактур-коллегии им же, Ивановым	30	Работу исправляет волными			44 200 ру.
23 1. В приходе у Троицы в Сыромятниках. 2. На Арбате у Николы Яленского, в деревянных покоех	Ивана Мыльниковы с товарищи # Заведена с 762 году по указу Манифактур-коллегии московским купцом Алексеем Дреневым. А потом по продаже состоит ныне за означенным Мыльниковым	22	Работу исправляют волными			11 000 ру.
24 В Преображенской салдатской слободе, в деревянных покоех	Господина обер-штальмейстера действительного камергера и ковалера князь Петра Ивановича Репнина Заведена с 762 года по указу Манифактур-коллегии московским купцом Яковом Петровым.// А после того по перепродажам состоит ныне за ним, князем Петром Ивановичем Репниным	42	Работу исправляет волными			5 500 ру.
25 В приходе у Покрова в Красном селе, в каменных покоех	Якова Тулинова Заведена с 730 года иноземцом Негоновым и от жены его с детьми продана купцу Млею Иконникову, а Тулинову дошла по продаже от Коллегии за долги на том Иконникове	46	Приписных и покупных	40	—	15 000 ру.
1 За Яузскими вороты	Положены Гаврилы Клепова наследников Заведена с 743 года по указу Манифактур-коллегии купцом Андреем Семеновым. А после					

За несостоянием иуды розданы на другие фабрики
вырежь по указу

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

1	А именно	Количество станков	Сколько на них людей	Му- жеска	Жен- ска	В каком ныне напешале
л. 43об.	2	3	4	5	6	7
В приходе церкви По- кровы пресвятыя Бо- городицы что на Ворон- цовском поле	того по продаже от Семенова Клеверу, а потом ныне по наследству состоит за ними, наследни- ками. А еще есть покупныя к той фабрике в Дмит- ровском уезде 65 душ//					
2	В ранге коллежского асессора директора Ивана Тамеса					
За земляным городом в Хомовниках	Заведена с 720 года по имянному блаженныя и вечной славы достойныя памяти государя им- ператора Петра Великаго указу отцом его Ивана Авошникова наследников	259	Приписных	146	137	50 000 ру.
3	Заведена с 720 году по выписанному имян- ному указу иновцом Иваном Тамесом. А после того от него, Тамеса, по разделу, а от других по наследству ныне состоит за ними, наслед- никами	—	Приписных	4	3	2 000 ру.
4	Ассесора Афонасья Ганчарова					
За Яузскими вороты в приходе у Троицы в Се- ребренниках, в каменных покоях	Заведена с 718 году по имянному блаженныя и вечной славы достойныя памяти государя импе- ратора Петра Великаго указу купчиною Тимо- феем Филатовым. А после смерти оного, Филатова, по разделу состоит ныне за ним, Гончаровым. Сверх того покупных к фабрике в разных уез- дах 3137 душ//	10	Приписных	6	3	Капитал показан с малюро с- лавецкою фабрикою
л. 44	1					
В приходе церкви Живо- начальной Троицы, что в Кожевниках, в ка- менных покоях	Шляпных Обер-директора Михаила Гусятникова	—	Приписных	5	—	5 500 ру.

1	2	3	4	5	6	7
2 За Москвою рекою в Ко- жевицкой слободе, в каменных и деревян- ных покоех	Данилы Сахарова Оная фабрика заведена с 745 году по силе Правительствующаго Сената и по данному из Мануфактур-коллегии указу им. Михалю Гусят- никовым, Аврамом да Иваном Черниковым, Тимо- феем Сафьянниковым, Андреем Ноженниковым, Иваном да Алексеем Абрисимовым, Дмитрием Евреиновым. А ныне по продажам состоят за ними, Гусятниковым и Сахаровым	—	Приписных	8	—	2 690 ру.
1 Близ Варварских ворот в приходе церкви л. 44об. Климента папы Римс- кого, в каменных покоех	<i>Волооченого и плащеного золота и серебра</i> Ильи Докучаева с товарищи Заведена с 735 года по данной за подписанием благженныя и вечно достойныя памяти государяни //императрицы Анны Иоанновны собственныя руки привилегии компанейщиками Сергеем Ива- новым, Иваном Выхляевым, Иваном Акишевым, Алексеем Милютиным, Осипом Пудкиным, Ильео Докучаевым, Логиним Гавриловым, Алексеем Логиновым, Никифором Рыбниковым, Иваном Тележниковым. А после того от иных по наслед- ству, а от других по продажам доходило, и ныне состоит за Ильео Докучаевым с товарищи	—	Приписных Покупных	8 12	— —	400 000 ру.
1 За Земляным городом в Кобыльском, в деревян- ных покоех	<i>Сусальная листового золота и серебра</i> Михаилы Шорина с товарищи Заведена с 753 году по данной ис Правител- ствующаго Сената привилегии оным Шорным с товарищи всего десятию человекам	—	Покупных	21	—	35 000 ру.
1 В приходе церкви Живо- начальна Троицы, что на Грубе, в деревянных покоех	<i>Мишурная</i> Егора Солодовникова наследников Ивана Петрова и Василия Мамонова // Заведена с 741 году по указу Комерц-коллегии Московского почтамта почт-директором Вольф-	—	Приписных	41	24	14 000 ру.

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

1	А ямяно	2	Количество число станок	Сколько каких людей	Му- жесна	Жен- ска	В каком ныне налитале
2	В приходе у Николы на Месницкой, в каменных покаях	Тита Зайцова	—	Купленых	3	—	2 000 ру.
3	В приходе у Троицы в Болших Лужниках, в деревянных покаях	Поликарипа Долгова	—	Покупных	3	—	5 000 ру.
4	В приходе церкви Козьмы и Дамияна, что за Язуою, в каменных и деревянных покаях	Луки Девятова, Алексея Девятова Оная фабрика заведена по указу Мануфактур-коллегии Михайлою Засекиным, Филиатом Шестаковым, Титом Зайцовым. А после того от Засекина по духовной, а от других по продаже состоят ныне за Зайцовым, Долговым и Девято- выми//	—	Приписных	4	—	40 000 ру.
1	В приходе у Троицы в Кожевниках, в камен- ных покаях	<i>Датунына</i> Александр Шмакова Заведена с 734 года купцом Иваном Бабае- вым по указу Комерц-коллегии. А по смерти та фабрика препоручена в смотрение и содержание зятю ево означенному Шмакову	—	Покупных	3	—	5 000 ру.
2	В приходе церкви Козь- мы и Дамияна, что в Старых Панех, в ка- менных покаях	Александр Карунина Заведена с 734 года отцом ево по указу Ко- мерц-коллегии	—	Покупной	1	—	8 000 ру.

л. 45об.

1	2	3	4	5	6	7
3 В приходе у Троицы в Кожениках, в каменных и деревянных покаях	Егора Емельянова Заведена с 755 года по указу Манифактур-колегии им же, Емельяновым	—	Работу исправляет волными			3 000 ру.
1 За Сузаровую башню у Спаса в Спасском, в деревянных покаях	<i>Сурикова и белкина</i> Михаила Шорина Заведена с 731 году по указу Правительствующаго Сената канторы манифактурных дел московским купцом Семеном Нестеровым. А после того по продаже состоит ныне за ним, Шориним//	—	Покупных 4 —			10 000 ру.
2 В приходе у Троицы в Кожениках, в деревянных покаях	Егора Емельянова Заведена в 767 году по указу Манифактур-колегии им же, Емельяновым	—	Работу исправляет волными			3 000 ру.
1 За Яузскими вороты в Алексеевской, в каменных и деревянных покаях	<i>Трубочная и ценинная</i> Колезжского ассесора Саввы Яковлева Заведена с 724 года по указу прежде бывшей Манифактур-коллегии и по данной в силу Правительствующаго Сената указу привилегии купчину Афанасьем Гребенщиковым. А после того по закладной, а потом по продаже состоит ныне за ним, Яковлевым. Сверх того купленных к той фабрике в Ярославском уезде 336 душ	—	Приписных 3 — Покупных 20 —			3 600 ру.
2 Близ Донского монастыря, в деревянных покаях	Ивана Сузарова Заведена с 755 году по указу Манифактур-колегии братом его, Петром Сузаревым//	—	Работу исправляет волными			2 000 ру.
1 В приходе у Троицы в Кожениках, в каменных покаях	<i>Проволочная и булавочная</i> Василия Кузнецова Заведена с 722 года по указу прежде бывшей Манифактур-коллегии отцом его, Иваном Кузнецовым	—				

л. 46

л. 46об.

Без действия и за долги состоят в описи

Без действия и за долги состоит в описи

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
1	Красочная Ивана Сухарева Заведена с 747 года по указу Манифактур-коллеги братом ево Петром Сухаревым. А после того по наследству состоит за ним, Иваном Сухаревым	—	Работу исправляет волными	—	—	—
2	Григорья Ямщикова Заведена с 759 году в силу Правительствующаго Сената указу по указу Манифактур-коллегии им же, Ямщиковым Делания шолку под золото и серебро	—	Работу исправляет волными	5 000 р.	—	—
1	Степана Халдарова Заведена с 764 года по дозволению Коллегии им же, Халдаровым//	—	Работу исправляет волными	6 000 р.	—	—
1	Галунная Алексей Плавилщикова Заведена с 757 года по указу Правительствующаго Сената и по данному ис коллеги с прочем указу ж им же, Плавилщиковым Проволочная и бледочная Вдовы Катерины Кружевниковой Заведена с 743 года по указу Манифактур-коллеги московским купцом Андреем Кружевниковым. А после того по наследству состоит ныне за нею, Кружевниковой	—	Работу исправляет волными	2 000 р.	—	—
1	За Покровскими вороты в Барапах, в деревенных покаях В приходе всемирности-ваго Спаса, что словет Смоленской, в Китае-го-роде, в каменных покаях	—	Приписных	3	4	500 р.

1	2	3	4	5	6	7
1	<i>Сипцевая и выбоицкая</i> Ивана Иконникова Заведена с 752 году по указу Манифактур-коллеги иноземцом Иваном Беркистом. А потом по продаже состоит ныне за ним, Иконниковым	—	Работу исправляет волными			1 300 ру.
1	<i>Вселенная воску</i> Дмитрия Андреева Заведена с 760 году по указу Манифактур-коллеги им же, Андреевым//	—	Покупных 4 2			5 000 ру.
1	<i>Замешенная</i> Михаила и Василия Стуловых Заведена с 757 году по указу Манифактур-коллеги ими же, Стуловыми	—	Работу исправляет волными			3 215 ру.
1	<i>Кулорская</i> Егора Емельянова Заведена с 753 году по указу Манифактур-коллеги купцом Антоном Шестаковым. А после того по вступлении им, Емельяновым, в товарищество состоит ныне за ним, Емельяновым	—	Работу исправляет волными			2 000 ру.
1	<i>Красильная</i> Ивана Кушаникова Заведена с 753 году по определению Коллеги им же, Кушаниковым	—	Работу исправляет волными			1 000 ру.
1	Семена Турченинова Заведена с 770 году по указу Манифактур-коллеги Сергеем Беляевым. А после того по продаже состоит ныне за ним, Турчениновым//	—	Работу исправляет волными			2 589 ру. 45 ко.

л. 476б.

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

	А. имянно	Количество число станков	Сколько каких людей	Му- жска	Жен- ска	В каком ныне наплатало
1	2	3	4	5	6	7
1	<p>Кожевенная Алексей Сабурова Комерц-кампсара Тимофея Шеколю- тина</p> <p>Заведена с 753 году по указу Манифактур-коллеги Кононом Сабелшиковым, Никоном Сабуровским, Васильем Яковлевым и Тимофеем Шеколютиным. А после того за исключением ис той фабрики Сабелшикова и Яковлева состоит ныне за Сабуровским и Шеколютиным</p>	— —	Покупных Покупной	4 1	— —	10 000 ру. 3 000 ру.
1	<p>Сафьянная Армянина Павла Аинса</p> <p>Заведена с 761 года по указу Манифактур-кол- легии им же, Аинсом</p> <p><i>Инструментальная мужичная вещей</i> Серванта Емельяна Меценнинова</p> <p>Заведена с 744 года по указу Манифактур-кол- легии им же, Меценниновым //</p>	—	Работу исправляет волными	—	—	200 ру.
1	<p>Шпалерная Мартына Ботлера</p> <p>Заведена с 751 года по указу Манифактур- коллегии им же, Ботлером</p> <p>Итого на фабриках станков При них приписных и покупных людей А волных числа показывать невозможно, потому что бывають временно //</p>	— 4280	Работу исправляет волными	—	—	72 000 ру.

л. 48

1	2	3	4	5	6	7
л. 49 В Московском уезде	<p><i>Суконная</i></p> <p>Господин генерал-поручика действительного камергера и ковалера графа Сергея Павловича Ягушинского</p> <p>Заведена с 761 года</p> <p>Полковника Алексея Плохова</p> <p>Заведена с 761 года</p> <p>Колесного ассесора Козмы Матвеева</p> <p>Заведена с 719 году Иваном Дубровским и взята была в казенное содержание, а потом отдана суконной фабрики содержателю Ивану Полуяровскому, а в 752 году по указу Правительствующаго Сената отдана означенному ассесору Козме Матвееву.</p> <p>Сверх того покупных ко оной фабрике в Московском уезде 83 души</p>	46	Крепостных	243	196	40 000 ру.
	<p>Вдовы Анны Носыревой</p> <p>Заведена с 736 году по данной привилегии свекру ее Андрею Носыреву//</p> <p><i>Шелковая</i></p> <p>Российских дворян Лазаревых</p> <p>Заведена с 717 году по именному блаженныи и вечной славы достойныя памяти государя императора Петра Великаго указу государственным подканцлером тайным советником бароном Шафровым да тайным советником Петром Толстым. А в 721 году вступили в компанію купца Матвей Евреинов с сыном Ильею, Федор Старцов, Афанасей Павлов, Игнатей Федоров, Спиридон Анисеев, Федор Мелников, Матвей Короткой. А потом они разделились. И после Игнатия Фронова содержал сын его Захар Шириман. А по смерти его та фабрика дошла к ним, Лазаревым, покупкою.</p> <p>Сверх того покупных ко оной фабрике в Московском уезде 65 душ.</p>	Суконных 4 Суконных 20, карзевых 5	Крепостных Покупных	59 182	— —	10 500 ру. 27 115 ру. 50 ко.
л. 49об.		Суконных 20, карзевых 1	Приписных	36	5	21 157 ру.
		96	Приписных и покупных	230	—	50 000 ру.

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

1	А именно	2					Жен- сна	В каком числе напитале
		Колонное число станов	Сколько наких людей	Му- жская	6	7		
л. 50	Данилы Земского Заведена по тому ж. имянному 747 года указу и в компании был Афанасей Павлов. // И оной Пав- лов уступил Санкт-петербургскому жителю Ва- силью Соленикову, а он, Солеников, уступил в 744 году вышеозначенного Данилы Земского отцу Даниле ж. Земскому. Сверх того покупных ко оной фабрике в Москов- ском, Костромском, Суздальском, Алексинском, Белевском и Шуйском уездех 752 души	93	Приписных и покупных	240	328	Вообще с другими 200 000 руб.		
	Ивана Колосова Заведена с 754 году по указу Манифактур-ко- легии иноземцом Павлом Рудолфом, а от него продана армянину Ивану Мирману, а он, Мирман продал иноземцу Андрею Наврозову, а от него уже продана означенному Колосову	38	Покупных	36	—	9 000 руб.		
	Полотняные Прокофья Пастухова Заведена с 721 году по данному из Берх- и Манифактур-коллеги указу компанейщикам Гла- зунову и Плавильникову, а от них по продаже дошла до показанного Пастухона. Покупных ко оной фабрике в Московском уезде 18 душ//	45	Работу проаводит военными			16 020 руб.		
	Данилы Земского Заведена с 747 года по указу Манифактур-кол- легии отцом его Даниилом Земским. При той же бумажная, которая заведена с 752 году отцом же его	62	Покупных	200	200	Капитал показан вообще при шелковой фабрике выше сего		

л. 50об.

1	2	3	4	5	6	7
	<p>Гаврилы Клезова наследников</p> <p>Заведена с 743 года по указу Манифактур-коллеги купцом Андреем Семеновым. А от него, Семенова, по продаже дошла показанному Клезову.</p> <p>Покупных ко оной фабрике в Московском и Дмитровском уездех 111 душ.</p> <p><i>Латуныня</i></p> <p>Петра Шорина</p> <p>Заведена с 764 года по указу Манифактур-коллеги им, Шориным, самим</p> <p>Петра Белаина и Василья Колокольников</p> <p>Заведена с 764 года по указу Манифактур-коллеги Михаилом Артемьевым. А ныне по покупке состоят за показанными Белаиным и Колокольниковым//</p> <p><i>Бумажина</i></p> <p>Коллежского ассесора Александр Угрюмова</p> <p>Заведена в 743 году по указу Манифактур-коллегии купцом Васильем Евреиновым, а от него, Евреинова, продана шелковой фабрики содержателю Андрею Евреинову, а по смерти его женою его, Евреинова, с детьми продана ж Комерц-коллегии президенту и ковалеру Евреинову; по смерти ж одного президента Евреинова по продаже та фабрика ныне состоит за объявленным ассесором Угрюмовым</p> <p>Статской советницы вдовы Марьи Андреевой дочери Рачертши</p> <p>Заведена с 769 году по указу Манифактур-коллеги Казимером Гаффридмеером, а ныне атошла в содержание объявленной Рачертше//</p>	35	—	—	—	12 000 ру.
		—	Работу исправляет волными			5000 ру.
За недавною покупкою ведомостей в подаче нет						
		Ролей 7	Ведомостей за недавною покупкою нет, а покупных к той фабрике в Московском уезде состоит 30 душ			
		Ролей 6	Ис приписных к пороховому заводу	50	—	10 000 ру.

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
л. 51об.	В Путивле	Купоросная Егора Котельникова Заведена в 743 году по указу Берх-коллегии им, Котельниковым	—	Работа производится волными	257 р.	
	В Путивльском уезде	Сукольная Колесского ассесора Козмы Матвеева Заведена с 749 году, о которой показано выше сего в Московском уезде при сукольной же ево фабрике	416	Великороссийс- ких Малороссийс- ских	—	36 000 р.
	В Руском уезде	Сукольная Надворного советника Алексея Грязнова жены вдовы Анны Гавриловой дочери Заведена с 762 года по указу Манифактур- коллегии означенным Грязновым самим	50	Работа производится крепостными	50 000 р.	
	В Дмитровском уезде	Сукольная Господина поручика князь Алексея Хаванского Заведена с 761 году по указу Манифактур- коллегии им, Хаванским, самим	50	Находится поперечно крепостным, при оной фабрике и при суздалской	Мужеска и женска до 1350 че- ловек	Вообще во обе фабрики до 105 000 р.
л. 52		Сукольная Господина полковника Ивана Самарина // Заведена с 755 года по указу Манифактур- коллегии купцами Яковом Дьяковым, Андреем Федоровым и Иваном Камаровым. А в 762 году та фабрика продана объявленному Самарину	34	Крепостных	150	40 000 р.

1	2	3	4	5	6	7
	Господина подпоручика Матвея Зиновьева Заведена с 761 году по указу Манифактур- коллегии им. Зиновьевым, самим	9	Крепостных	425	—	В производстве оной и прочих фабрик обрабатывается вообще напир- тада от 23 000 ру. до 34 000 ру.
	<i>Латунная</i> Василья Кузнецова Заведена с 764 году по указу Манифактур- коллегии	—	Покупных Отданных по указом	43 25	—	6 284 ру. Оная фабрика за казенныя и партикулярныя долга состоятъ в описи
	<i>Фарфоровая</i> Иноземца Франца Гардиера Заведена с 766 году по указу Манифактур- коллегии	—	Производит волными			До 30 000 ру.
	<i>Шелковая</i> Сергея Попова Заведена с 765 году по указу Манифактур- коллегии	46	Работу исправляет волными			5 000 ру.
	Петра Котельникова Заведена с 769 года по указу Манифактур- коллегии //	6	Работа производится волными			3 245 ру. 75 ко.
	<i>Полотняная</i> Елисея Котельникова и Егора Хлебникова Заведена с 760 году по указу Манифактур- коллегии	45	Работа производится волными			2 950 ру.

В Коломне

л. 52об.

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

1	2	3	4		5	6	7
			Сколько на- чало людей	Мужес- кая			
В Коломен- ском уезде	А именно <i>Китайчатая и ружанная</i> Маркела и Ивана Мещаниновых Заведена с 767 году по указу Манифактур- коллегии	30	Работу производят волными			22 964 р. 87 ко.	
	<i>Канатная</i> Ивана Хлебникова Заведена 760 году по указу Манифактур- коллегии	—	Работу производят волными			1 500 р.	
	<i>Суконная</i> Коломенского купца Ивана Мещанинова Заведены с 754 году по указу Манифактур- коллегии	Суконных 40, каразейных 6	Покупных	181	—	40 000 р.	
В Коломенском уезде	<i>Суконная</i> Господина действительного статского советника и ковалера князь Григорья Ивановича Шахов- ского Заведена с 753 году по указу Манифактур-коле- гии им, Шаховским, самим, которая в 771 году по записи от Крепостных дел отдана в содержа- ние на 5 лет Егору Грунту	Суконных 20	Крепостных	228	—	5 514 р. 90 ко.	
	<i>Суконная</i> Господина подпоручика Матвея Зиновьева Заведена с 761 году по указу Манифактур- коллегии им, Зиновьевым, самим	12	Крепостных	101	—	О капитале по- казано вообще при Дмитров- ской фабрике	
В Карачевском уезде							

1	2	3	4	5	6	7
В Брянском уезде	<p><i>Стеклянная</i></p> <p>[Вдовы Авдотьи Мальцовой</p> <p>Заведена в 723 году по указу Манифактур-коллегии и содержана была Еким Мальцова отцом Василием Мальцовым. А в 746 году по прошению оного Василия Мальцова отдана в содержание детям его Александру и Екиму Мальцовым. А в 773 году по прошению означенных вдов Авдотьи и Екима Мальцовых по определению Манифактур-коллегии записана за вдовой Авдотьею Мальцовой //</p> <p><i>Суконная</i></p> <p>Госпожина подпоручика Матвея Зиновьева</p> <p>Заведена с 761 года по указу Манифактур-коллегии им самим</p> <p><i>Полотняная</i></p> <p>Степана Макарова</p> <p>Прежде находилась в малороссийском городе Почепе казенная, а в 750 году по определению Правительствующаго Сената отдана в вечное и потомственное владение со всеми материалами, инструментами и мастеровыми российскаго народа людьми по оценке, за которую и деньги в Манифактур-канторе заплачены брянскому купцу и парусной фабрики содержателю Гихону Чамову, и велено ту фабрику вывезть ему в великороссийскаго города. В 754 году по указу Правительствующаго Сената на размножение той фабрики выдано ему Чамову, на 40 лет 15 000 руб. В том 754 году оной Чамов умер. В 755 году // ту фабрику содержать велено племяннику его означенному Степану Макарову и в платеже показанных денег он, Макаров, обязался</p>	—	Покупных	39	—	2 320 руб.
		40	Крепостных	86	—	О капитале показано вообще при Дмитровской фабрике
		30	Из отданных по указу Правительствующаго Сената	143	—	12 000 руб.

л. 53об.

л. 54

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
	А именно	Количество станков	Сколько на них людей	Мужская	Женская	В каком ныне издается
В Серпухове	<i>Бумажная</i> Ево ж, Макарова Заведена с 759 году по указу Мануфактур-коллегии означенным Макаровым	Роя 2	Из Отданных же по указу Провидящегося Сената	58	—	5 000 руб.
	<i>Канатная</i> Ивана Филатова, Михаила Григорьева и Михаила Кошкина Колпых Заведена с 760 году по указу Мануфактур-коллегии	—	Крепостных	30	—	874 руб. 40 ко.
	<i>Суконная</i> Серпуховского купца Василия Вавилова Заведена с 764 году по указу Мануфактур-коллегии им, Вавиловым, самим	4	Работу исправляет волынскими			3 000 руб.
	<i>Шелковая</i> Заведена с 763 году по указу Мануфактур-коллегии //	16	Работу исправляет волынскими			10 000 руб.
	<i>Полотняная</i> Василья Кишкина Заведена с 739 году по указу Комерц-кантор. Сверх того купленных ко оной фабрике в Алексинском уезде 44 души	107	Купленных Отданных по ревизии	79	—	22 000 руб.
	Заведена с 735 году по указу Комерц-кантор	30	Работу исправляет волынскими			5 000 руб.
	Заведена с 738 году по указу Мануфактур-канторы	70	Работу исправляет волынскими			7 000 руб.

1	2	3	4	5	6	7
л. 55	В Серпуховском уезде	Петра Зенина Заведена с 763 году по указу Манифактур-коллегии <i>Бумажная</i> Василья Кишкина Заведена с 752 году по указу Манифактур-коллегии обще с братом ево Николаем, которую они и содержали обще, а потом по умертвии ево, Николая, сын ево Иван продал объявленному Василью Кишкину// <i>Полотняная</i> Колесного ассесора Александра Угрюмова Заведена с 758 году отцом ево Филиппом Угрюмовым по указу Манифактур-коллегии. Сверх того покупных ко оной фабрике в Алексинском и Темниковском уездех 976 душ <i>Суконная</i> Князь Александр Хованского Заведена с 757 году по указу Манифактур-коллегии им, Хованским, самим <i>Полотняная</i> Вдовы Авдотьи Солениковой з детьми Заведена с 762 году мужем ее Васильем Солениковым по указу Манифактур-коллегии <i>Бумажная</i> Ее ж, Солениковой Заведена с 727 году. Сверх того покупных ко оной фабрике в Переславском уезде Залеского 52 души//	15 — 300 Суконных 20, каразейных 7 15 Роля 4	Работу исправляет волными Работу исправляет волными Ис покупных 800 Крепостных 229 Покупных при обоих фабриках 142 —	3 000 ру. 3 000 ру. 83 315 ру. 60 коп. До 20 000 ру. 1 500 ру. 2 500 ру.	

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
	А именно	Конное число станков	Сколько каких людей	Му- жска	Жен- ска	В каком лице капитале
л. 550б. В Володимирском уезде	<i>Суконная</i> Капитана Василия Выродова Заведена с 756 году по указу Манифактур-коллегии им, Выродовым, самим	50	Работа производится крепостными и волными людьми			Вообще с состоящими в Ус- тюжском, Пен- зенском, Лих- винском и Ма- лоярославском уездах 80 000 ру.
	<i>Стекланная</i> Акима Малцова Заведена с 723 году по указу бывшей Манифактур-коллегии. Да ему, Малцову, в 763 году по указу Манифактур-коллегии еще во оном же уезде позволено завести стеклянную ж фабрику	—	Приписных и по указу отданных	76	—	4 600 ру.
	Фомы Малцова Заведена с 760 году по указу Правительст-ва Сената Иноземцов курлянцев Ивана и Карла Ингли- ковых	—	Работа про- изводится оными ж людьми и волными	—	—	2 000 ру.
	Заведена в 751 году по указу Манифактур-коллегии иноземцом Францом Ингликовым с бра- тьями, а потом по прошению оного Франца и пле- мянников его Ивана и Карла записана за ними, Иваном и Карлом Ингликовыми //	—	Покупных и отданных по указом	12	—	5 600 ру.
		—	Работа производится волными			1 000 ру.

1	2	3	4	5	6	7
56 В Сапожке	<p><i>Суконная</i></p> <p>Купца Бориса Третьякова</p> <p>Оную фабрику показанной Борис Третьяков построил в 754 году на бывшем винокуренном заводе на речке Сапожке из старого оного завода строения, бес позволения Манифактур-коллеги собору, и называлась она по той речке Сапожковскою. А 770 году октября 19 дня по подопедшему о вновь приписных и написанных во вторую ревизию при выписанном винокуренном заводе за отцом его Алексеем Третьяковым людям определением оной Коллеги заключено оных людей и со вновь заведенною им, Борисом, показанною фабрикою предоставить во [в]ладение ему</p> <p>Купца Ивана Суроженинова</p> <p>Заведена с 754 году по указу Манифактур-коллегии им, Сурожениновым</p> <p><i>Степанная и грустальная</i></p> <p>Курлянца Франца Ингликова</p> <p>Позволено завести в 773 году по указу Манифактур-коллегии //</p> <p><i>Суконная</i></p> <p>Господиня секунд-майора Степана Ладженского</p> <p>Заведена с 767 году по указу Манифактур-коллегии им, Лодженским, самим</p> <p><i>Полотняная</i></p> <p>Ивана и Лариона Лугинных</p> <p>Заведена с 748 года по указу Манифактур-коллегии ими, Лугинными.</p> <p>Сверх того купленных ко оной фабрике в Алексинском, Белевском, Тульском и Керенском уездах 600 душ</p>	—	—	—	—	
		4	Работу исправляет волными			1 000 р.
В Муромском уезде		—	Работу исправляет волными			1 000 р.
56об. В Алексинском уезде		10	Крепостных	72	—	3 500 р.
		225	Купленных людей и крестьян	576	—	В строение фабрики употреблено кроме, что на покупку крестьян, 20 000 р.

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

	А званием	Количество стадов	Сколько налич людей	Му- жеска сна	Жен- сна	В каком ныне капитале
1	2	3	4	5	6	7
В Кашинском уезде	<i>Шелковая</i> Михайлы Милотина Заведена с 772 году по указу Мануфактур- коллегии им самим	46	Покупных Приписных Отданных по ревизии	142 6 6	— — —	10 000 руб.
	<i>Суконная</i> Господина лейб-гвардии капитана-поручика Иосифа Кожина Заведена с 757 году по указу Мануфактур- коллегии им, Кожиным, самим	Суконных 30	Крепостных	242	—	До 30 000 руб. Да на авчарном заводе галан- ских баранов и овец 500 //
л. 57 В Лебедянском уезде	<i>Суконная</i> Ево ж, господина Кожина Заведена с 757 года по указу Мануфактур- коллегии им, Кожиным, самим	Карзайных 30	Крепостных	403	—	До 20 000 руб. На два овчар- ных заводах галанских бара- нов и овец 2 500
	<i>Суконная</i> Ивана Горденина Заведена казенным коптом, а в 726 году по указу бывшей Мануфактур-коллегии отдана в со- держание ему, Горденину, обще с нижеписанным Васильем Тулиновым, которую они в 729 году разделили и содержат порознь. Сверх того покупных ко оной фабрике в Танбов- ском уезде 134 души	В Воронежской и Танбовской вообще Суконных 66 Карзайных 5	Покупных и отданных по указом	154	—	50 000 руб.
В Воронеже						

1	2	3	4	5	6	7
У него ж в Коротояцком уезде	Василья Тулинова Андрея Горденина Заведена казенным же коштом, а в 726 году по указу бывшей Манифактур-коллегии отдана в содержание предписанному Андрею Горденину обще с нижеписанным Яковом Гордениным. И они ту фабрику содержат каждой порознь. Сверх того покупили ко оной фабрике в Танбовском уезде 134 души. Якова Горденина Сверх того покупили ко оной фабрике в Танбовском уезде 134 души// Василья и Федора Постоваловых Заведена с 739 году по указу ис Комерц-коллегии отцом их Федосеем Постоваловым. И по смерти отца их оные Василий и Федор содержали оную фабрику обще. А в 762 году разделились и содержат порознь. Сверх того покупили ко оной фабрике в Воронежском уезде 20 душ Михаилы Сахарова Заведена с 758 года по указу Манифактур-коллегии отцом ево Петром Сахаровым Александр Грекова Заведена с 767 года по указу Манифактур-коллегии им, Грековым, самим Гаврилы Елисеена Заведена с 773 году по указу Манифактур-коллегии им, Елисеевым, самим// Кулосные Гаврилы Ключкова Заведена с 749 году по указу Манифактур-коллегии отцом ево Иваном Ключковым	Суконных 30 Вообще в Воронежском и Коротояцком уездах 60 Крепостных и 129 отданных по указом Вообще при Воронежской и при Танбовской 50 Ис крепостных и отданных по указом 89 Отданных по указом 106 у Василия 16, у Федора 20 30 20 20 —	Покупных 146 Покупных 34 Работа производится волными Работа производится волными Работа производится волными	— — —	— — —	15 000 р. 52 000 р. 14 500 р. 17 000 р. 21 979 р. 240 р.

л. 57об.

л. 58

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

	А именно	Коллекное число станков	Сколько каких людей	Мужеска	Женска	В каком виде капитале
В Воронежском уезде	<p>Михаилы Попова с братьями</p> <p>Заведена в 762-м году по указу Мануфактур-коллегии ими, Поповыми</p> <p><i>Шелководной завод</i></p> <p>Француза Антона Буссероля Гдвина</p> <p>Заведен с 766 года по именной ея императорскаго величества на поднесенном по общему Канцелярии опекунства иностранных с тайным советником сенатором кавалером и Мануфактур-коллегии президентом Дмитрием Васильевичем Полковым докладе конфирмации, и дано ему казенных денег на 15 лет бес процентов 20 000 ру.//</p> <p><i>Суконная</i></p> <p>Егора Грунта</p>	—	Работа производится волными	—	—	720 ру.
	Заведена с 754 году по указу Мануфактур-коллегии им, Грунтом, самим. И на размножение той по указу Правительствующаго Сената выдано ис казны денег на 10 лет 25 000 ру., кои и возвращены.	Суконных 40, каразейных 15	О людех и капитале показано во обще с Малоярославцекой и Коломенской			
	Ивана Горденина, Андрея Горденина, Якова Горденина	60	Показано во обще при Воронежской фабрике			
и. 586б. В Тамбовском уезде	Заведены в Воронеже, как выше значит, казенным коштом	41	Покупных 13	—	—	28 000 ру.
	<p>Михаилы Олесова</p> <p>Заведена с 754 года по указу Мануфактур-коллегии им, Олесовым, самим</p> <p><i>Полотняная</i></p> <p>Антоня Копейкина</p>	40	Работу производит волными			1 138 ру.
	<p>Заведена с 763 года по указу Мануфактур-коллегии им, Копейкиным</p> <p><i>Канатная</i></p> <p>Ево ж Копейкина</p> <p>Заведена с 760 года по указу Мануфактур-коллегии</p>	—	Отданной по указу	1	—	4 000 ру.
		А к тому работают и волны //				

1	2	3	4	5	6	7
л. 59 В Малоярославском уезде	<p><i>Суконный</i> Ево ж Грунта Заведена с 754 года, как выше показано, в Танбовском уезде</p> <p>Капитана Василия Выходова Заведена с 756 года по указу Мануфактур-коллегии им, Выходовым, самим</p> <p><i>Полотняная</i> Коллежского ассесора Афанасья Гончарова Заведена с 718 года по именному указу купчину Тимофеем Филатовым. А в 720 году приняты в кампанию объявленной Гончаров да племянник Григорей Иванов. В 735 году по смерти Филатова оные Гончаровы и Иванов между собою разделились</p>	<p>Суконных 25, триных 19</p> <p>30</p> <p>386</p>	<p>Вообще с Танбовской и Коломенской</p> <p>Купленных Приписных. А к тому ра- ботают волныя</p> <p>О людях и капитале показано при Володимирской фабрике</p> <p>Ис приписных по указу 736 году, ис пожа- лованного к ево- фабрикама села Товаркова крестьян Ис купленных по чину ево крестьян Ис крестьян же</p> <p>Да ко оной же полотняной фабрике в раз- ных купленных по чину ево вотчинах обу- чены и прядут на самопрядках основную и уточную пряжу</p>	<p>37</p> <p>70</p> <p>465</p> <p>169</p> <p>25</p>	<p>—</p> <p>—</p> <p>Из фаб- рич- ных 920</p>	<p>40 000 ру.</p> <p>В производстве полотняной и бумажной фаб- рики и на со- стоящую при московском доме парусную фабрику капи- талу употреб- лено 142 066 ру 73 ко.</p> <p>1900</p>

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

1	А именно	2	Количество станков	Сколько каких людей	Мужеска	Женска	В каком ныне капитале
			3	4	5	6	7
л. 59об. В Рязском уезде	Григорья Щепочкина Заведена с 735 года по указу Комерц-канторы		125	Отданных по указом	10	—	18 000 ⁷ ру.
	Бужажная Ассесора Афонасья Гончарова Заведена с 720 году по указу Манифактур-коллегии //		Ролей 18	Из приписных села Товаркова Из покупных по чину ево крестьян	236 53	—	Показано при полотняной фабрик
	Суконная Ивана Перемышлева и Александр Афонасьева Заведена с 762 году по указу Манифактур-коллегии им, Перемышлевым, самим. У них же в Козловском уезде		Суконных 5	Покупных мужеска и женска	50	—	21 080 ру.
В Орле	Суконная Николая Кузнецова Заведена с 761 году по указу Манифактур-коллегии оным, Кузнецовым, самим		Суконных 12, каразейных 3	Работа производится волными			7075 ру.
	Суконная Покойного действительного тайного советника сенатора и ковалера князь Бориса Григорьевича Юсупова наследников Заведена с 742 года господином генерал-фельдмаршалом и ковалером графом фон Минихом, и была на казенном содержании в ведомстве Манифактур-коллегии по 754 год, а в том году по указу Правительствующаго Сената отдана в вечное и потомственное владение означенному князю Юсупову //		Суконных 52	Крепостных: великороссийских малороссийских	276 458	—	65 000 ру. Да галанских, пленских и мешеных баранов и овец молодых и старых 1076
В Малороссии							

1	2	3	4	5	6	7
л. 60	В городе Нежине	<p><i>Шелковая да бумажная</i></p> <p>Московских первой гильдии купцов Максима и сына его Максима Олесовых</p> <p>Заведена с 769 года по указу Манифактур-коллегии</p>	20	Работа производится волными		8 000 ру.
	В Казане	<p><i>Суконная</i></p> <p>Голстинской коммерции советника Ивана Дряблова</p> <p>Заведена казенным коштом, а в 724 году по именному указу отдана в содержание казанцу Ивану Микляеву. В 733 году по данной за подписанием государыни императрицы Анны Иоанновны привилегии велено содержать означенного Ивана Дряблова деду Афанасью Дряблову</p> <p><i>Степановская</i></p> <p>Иновемца Михаила Граголовского</p> <p>Заведена с 756 году по указу Манифактур-коллегии казанскими купцами Никитой Поповым да Михаилом и Федором Буйниловыми, а с 765 году та фабрика по покупке состоит за ним, Граголовским//</p> <p><i>Китайчатая</i></p> <p>Служилого татарина Сагита Усманова</p> <p>Заведена с 767 году по указу Манифактур-коллегии</p>	416	Покупных и приписных 1735 —		50 000 ру.
	В Казанском уезде		—	Работу производят волными		1 000 ру.
л. 606б.	В Унженском уезде	<p><i>Суконная</i></p> <p>Капитана Василия Выходова</p> <p>Заведена с 756 года по указу Манифактур-коллегии им, Выходовым, самими</p>	42	Работа производится волными		1 782 ру.
			7	О людях и капитале показано при Володимирской фабрике		

л. 60об.

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

1		2		3		4		5		6		7	
А именно													

л. 61

л. 61об.

1	2	3	4	5	6	7
В Лихвинском уезде	<p>Во исполнение оного указа посланными в Пензенскую, Новоторжскую, Старицкую, Кромскую и Карачевскую воеводские канцелярии и тех городов в магистраты троєкратными указами велено оного Тавлеева движимое и недвижимое имение, яко то: дворы, всякие в них пожитки, фабрики, и что сверх того еще наитится может, с покупными к ним людьми, землями, инструментам, кроме приписных к фабрикам крестьян, желающим все обтом или порознь с публичного торгу продать, а приписных к фабрикам людей и крестьян возвратить в прежнее их ведомство</p> <p><i>Суконная</i></p> <p>Капитана Василия Выродова</p> <p>Заведена с 756 года по указу Манифактур-коллегии им, Выродовым, самим//</p> <p>Господина лейб-гвардии секунд-ротмистра Никиты Камынина</p> <p>Заведена с 772 года по указу Манифактур-коллегии</p>	4	О людях и капитале показано при Володимирской фабрике			
В Алатгорском уезде	<p><i>Суконная</i></p> <p>Господина генерал-поручика Левашова</p> <p>Заведена с 756 года по указу Манифактур-коллегии им же, Левашовым, самим. А по смерти ево содержала супруга ево Катерина Алексеевна</p> <p><i>Замшечная</i></p> <p>Леонтия Симонова</p> <p>Заведена с 724 года оным Симоновым.</p> <p>Сверх того покупных ко оной фабрике в Алатгорском уезде 232 души</p>	50	—	—	—	—
	<p>Прошлого 1774 года сентября 3 дня в присланном в Коллегию покрояного господина генерал-поручика Левашева от вдовствующей супруги Катерины Алексеевой дочери репортё показано: июля де 21 дня набезалою государственного злодея Пугачова тоною оная фабрика разорена и позжена</p>					
		—	Покупных	117	—	15 000 ру.

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

1	А. змнано	2	Колнкое число станов	Сколько канкх людей	Муже-сна	Жен-сна	В каком ннне напгале **
При Нижнем Новогорде		Канатная Василья Меншого Жукова Заведена с 765 года по указу Маннфактур-коллегии//	3	4	5	6	7
л. 62об. В Иркутске		Суконная Алексей и Михаилы Снбнряковых Заведена с 733 году купцами Петром Бобровскнм, Павлом Плетневым, Иваном Курочкиным и Иевом Бестужевым. Из оных Петр Боровской в 765 году умре, и та фабрика за имеющей на нем казенной долг за 4450 ру. 30 1/2 ко. была описана. И в 773 году та фабрика с людьми со аукциону продана объявленным Снбнряковым	—	Приписных	88	—	889 ру. 50 ко.
В Староскооском уезде		Стекланая Московского купца Ивана Савельева Заведена с 773 году по указу Маннфактур-коллегии	—	Работу прозаводит волными			1 720 ру.
В Салтовском уезде		Суконная Господина полковника князь Николай княж Иванов сына Трубецкого Заведена с 766 году по указу Маннфактур-коллегии	Суконных 3, каразейных 2	Крепосных	18	—	1 000 ру.
		Суконная Господина генерал-аншефа действнтельного камергера и ковалера графа Ивана Снмоновича Гендрнкова Заведена с 759 году по указу Маннфактур-коллегии	34	Крепосных	435	—	30 000 ру.

1	2	3	4	5	6	7
В Шатском уезде	<p><i>Суконная</i></p> <p>Господин лейб-гвардии отставного секунд-майора Александр Гурьева</p> <p>Заведена с 773 года по указу Манифактур-коллегии</p> <p>75</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>—</p>					
	<p><i>Стеклазная</i></p> <p>Алексея Гусева</p> <p>Заведена с 747 году по указу Манифактур-коллегии</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>—</p>		Покупных	65	—	4 500 руб.
	<p>При том же канатная</p> <p>Заведена в 767 году по указу Манифактур-коллегии</p> <p>Сверх того покупных к стеклянной фабрике 20 душ</p> <p>20</p> <p>—</p> <p>—</p>		Приписанных	43	—	2 500 руб.
В Боровском уезде	<p><i>Полотняная</i></p> <p>Василия Калашникова и Алексея Пашутина</p> <p>Заведена с 746 году по указу Манифактур-коллегии боровским купцом // Ильею Елизаровым, а в 767 году оного Елизарова сыном продана объявлением Калашникову и Пашутину</p> <p>25</p> <p>—</p> <p>—</p>		Работу производят волными			6 000 руб.
	<p>Василия Болшакова</p> <p>Заведена с 758 году по указу Манифактур-коллегии</p> <p>30</p> <p>—</p> <p>—</p>		—	—	—	—
	<p><i>Суконная</i></p> <p>Майора князь Григорья княж Алексева сына Щербатова</p> <p>Позволено завести в 744 году по указу Манифактур-коллегии</p> <p>22</p> <p>—</p> <p>—</p>		Крепостных	88	—	22 700 руб.
В Звенигородском уезде	<p><i>Шелковая</i></p> <p>Полскаго и кур-саксонского камер-советника Вилгели Николаса</p> <p>Заведена с 760 году по указу Манифактур-коллегии.</p>					

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

1	А имено 2	Количество число станок		Сколько наких людей		Муже- ска	Жен- ска	В каком ныне капитале **
		3	4	5	6			7
В Юрьеве Полском	Сверх того покуных ко оной фабрике в Зве- нигородском уезде 48 душ Петра Белавина							
	Заведена с 772 года по указу Манифактур- коллегии//	19	Из приписных	35	20			16 032 р. 88 ко.
	[Шелковая] Петра и Федора Палкиных	25	Работу исправляет волны- ми//					4 000 р.
	Заведена с 765 году по указу Манифактур- коллегии	—	Работу производит волными					1 000 р.
	Выбойчатая Луки Обросимова Алексея Горянинова	—	Работу производит волными					937 р.
В Ярославле	Заведены в 773 году по указу Манифактур- коллегии ими, Обросимовым и Гаряниновым Шелковая Московского купца Василья Колосова	71	Покупных	73	—			18 000 р.
	Заведена с 723 году компанейщиком Макси- мом Затрапезновым. В 734 году та фабрика записана за сыном его, Андреем Затрапезновым. В 741 году записана за дочерью его, Андреевою, Прасковьею, а от нее по продаже дошла до объявленного Колосова Григорья Гурьева	87	Приписных Отданных из Канцелярии	85 7	81			До 28 000 р.
	Заведена с 734 году по указу ис Комерц- канторы грузинцом Моисеем Сандуновым. А в 746 году оной, Сандунов, продал объявлен- ному Гурьеву//							

л. 64об.

л. 65

1	2	3	4	5	6	7
	<p>Ивана Затрапезного</p> <p>Заведена с 745 году по указу Манифактур-коллегии ярославским купцом Егором Холщевниковым, а от него, Холщевникова, по продаже досталась объявленному Затрапезнову</p> <p>Коллежского ассесора Саввы Яковлева</p> <p>Заведена с 755 году по указу Манифактур-коллегии статским советником Алексеем Затрапезновым, а в 764 году по продаже от него, Затрапезного, досталась объявленному Яковлеву</p> <p>Ивана Кочурова</p> <p>Заведена с 769 году по указу Манифактур-коллегии оным Кочуровым</p> <p><i>Полотняная</i></p> <p>Коллежского ассесора Саввы Яковлева</p> <p>Заведена в 724 году именным указом Иваном Тамесом и другими компанейщиками, в том числе ярославцем гостиной сотни Максимом Затрапезновым. И ту // фабрику он, Максим, а с ним и по смерти его дети, и советник Иван, да гостиной сотни Дмитрий Затрапезнов по 741 год обще, а с того году, по отделении Дмитрия Затрапезного, означенной советник один, а по смерти его содержал сын его, статской советник Алексей Затрапезнов. А в 764 году оной Алексей Затрапезнов продал объявленному ассесору Яковлеву.</p> <p><i>При оной же и алачного масла</i></p> <p>Ярославского купца Ивана Затрапезного</p> <p>По отделении от означенного Алексея Затрапезного содержал свою, оставшуюся по разделу, часть брат его Дмитрий Затрапезнов, а по смерти его ныне содержит сын его означенной Иван Затрапезнов</p>	<p>Поправляет перестройкою, и затем ткачества еще не происходит</p> <p>Об оной фабрике в ведомости, поданной о полотняной фабрике, [с] прочими показано</p>				
		38	Работу производит волными	10 000 ру.		
		726	<p>Вообще и в бумажною</p> <p>Покупных</p>	1556	1753	300 000 ру.
		250	Покупных	373	426	75 750 ру.

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

1	А именно	3	Сколько каких людей		Жен-сна	В каком ныне капитале
			4	5		
	2	3	4	5	6	7
	<i>Суриковья и беланья</i> Василья да Григорья Колчиных Заведена с 749 году ярославским купцом Козмою Мазиным, а от него по продаже досталась означенным Колчиним // Михаилу Лагунова жены вдовы Ульяны Гавриловой Заведена с 757 году по указу Манифактур-коллегии мужем ее Михаилом Лагуновым <i>Бумажная</i> Колесного ассесора Саввы Яковлева Заведена в 727 году по указу Манифактур-коллегии советником Иваном Затрапезновым. А после того пожалован статским советником и продан означенному ассесору Яковлеву <i>Купоросная</i> Василья и Григорья Колчиных Заведена с 767 году по указу Манифактур-коллегии ими, Колчиними Грека Николая Марини Заведена с 758 году в силу Правительствующаго Сената указу им, Марини <i>Можжегеловаго и плимного жаса</i> Ивана Свешникова Заведена с 766 году по указу Манифактур-коллегии //	— <				

л. 650б.

1	2	3	4	5	6	7
л. 86 В Ярославском уезде	<i>Полотняная</i> Ивана Нечаева Заведена с 749 году по указу Манифактур-коллегии им же, Нечаевым Господина лейб-гвардии капитана Михаила Щербатова	45	Покупных	17	—	16 180 ру.
	Заведена с 766 году по указу оной же Коллегии им, Щербатовым	12	Крепостных	19	—	2 500 ру.
	<i>Стеклянная</i> Кушца Андрея Соколова жены ево Веры Соколовой	—	Ис приписных и купленных	32	—	3 590 ру.
	Заведена с 740 году по указу Комерц-коллегии отцом ея Петром Нечаевым					
	<i>Шелковая</i> Степана Свешникова					
л. 86об. В Раманове	Заведена с 765 году по указу Манифактур-коллегии им, Свешниковым					
	<i>Полотняная</i> Дмитрия Пятюпина	47	Работа производится волными			10 550 ру.
	Заведена с 765 года по указу Манифактур-коллегии им, Пятюпиным //	—	Работа производится волными			1 180 ру.
	<i>Стеклянная</i> Якова и Харитона Молчановых					
В Любимском уезде	Заведена с 761 года по указу Манифактур-коллегии					
	<i>Полотняная, при той же и бумажная пестреди красной</i> Рамановского купца Андрея Дырышева	16	Работа производится волными			11 523 ру.
	Заведена с 772 года по указу Манифактур-коллегии им, Дырышевым					

Оная фабрика за неприяском мастеровых и рабочих людей состоит не в производстве

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

1	2 А именно	3 Колпное число станок	4 Сколько каких людей	5 Муж-ска	6 Жен-ска	7 В каком кинне капитал
В Володе	<i>Шелковая</i> Григорья Турунтаевского Заведена с 752 году по указу Манифактур-коллегии им, Турунтаевским Федора Желвунцова Заведена с 767 года по указу Манифактур-коллегии	13	Покупных	16	—	1 568 ру. 50 ко.
	<i>Мишурная</i> Ево ж, Желвунцова Заведена с 754 году по указу Манифактур-коллегии дедем ево Григорьем Желвунцовым // <i>Сурикова и белланая</i>	18	Ис покупных А при том работают и волныя	3	—	8 040 ру.
	Заведена с 749 году по указу Манифактур-коллегии дедем ево Григорьем Желвунцовым. <i>Красочная</i> Сверх того покупных ко оной фабрике в Вологодском уезде 24 души.	—	Ис купленных и от-данных по указом	11	—	Во обще в ево фабрики 14 093 ру.
	Заведена с 761 году по указу Правительств-ющаго Сената им, Желвунцовым	—	Ис купленных	19	—	Показано в мишурной
	Григорья Турунтаевского Заведена с 762 года по указу Манифактур-коллегии <i>Круп перловых</i> Ево ж [Турунтаевского]	Показано в мишурной ево фабрике				24 ру.
		Показано при бумажной				Круп в деле не имелось за неросходом и недородом ячменю

1	2	3	4	5	6	7
л. 67об. В Вологодском уезде	<i>Выбойчегая</i> Михаилы Исаева Заведена с 773 года по указу Манифактур-коллегии	—	} Работа производятся волными			1 479 ру.
	Якова Буренина Заведена с 772 году по указу Манифактур-коллегии //	—				20 505 ру.
	<i>Бумажная</i> Григорья Турунтаевского Заведена с 729 году по указу Высокого Сената ис Канторы мануфактурных дел им, Турунтаев-ским. Сверх того купленных ко оной фабрик в Во- логодском уезде 75 душ	Роль 9	Приписных Покупных	38 98	— —	2 337 ру.
	<i>Сургучная</i> Езо ж, Турунтаевского Заведена с 740 года по указу Комерц-коллегии	Показана под бумажною ево фабрикою				
	Федора Желвунцова Заведена с 749 году по указу Манифактур-коллегии	Показано под кипурною ево фабрикою				
	Федора Колесова Заведена с 767 года по указу Манифактур-коллегии		Крепостных (к Черемисскому железному заводу)	2	—	Сколько капи- талу поло- жено, в ведомо- сти не значит- ся. А сургуча в 1-й половине 774 году сдела- но на 276 ру.

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
	А. ИМЕННО	КОЛИЧЕСТВО СТАВОВ	СКОЛЬКО КАКИХ ЛЮДЕЙ	МУЖЕ-СНА	ЖЕН-СНА	В КАКОМ МЫСЛЕ НАПЕЧАТАНО
В Астрахане	<i>Шелковская</i> Лаврентья Иванова С 755	45	Работа производится водными			17 150 ру.
	Персиянина Садыка Казимова С 759 //	24				10 000 ру.
	Армянина Сергея Иванова С 760	33	Работа производится водными			456 ру.
	Армянина Петра Барганова С 760	14				4 660 ру.
	Ревааа Залиева С 760	20				8 000 ру.
	Аракеля Исаева С 762	9				5 000 ру.
	Игнатия Иванова С 762	13				5 000 ру.
	Те фабрики в вышеписанных годах заведены по указом Манифактур-коллегии самими		Крепостных	20	—	2 000 ру.
	<i>Шелковичная заводы</i> Никифора Бирюкова Заведен с 751 году по указу Манифактур-коллегии	—				
	Лаврентья Иванова Заведен с 755 году по указу Манифактур-коллегии	—	Крепостных	11	—	3 500 ру.

1	2	3	4	5	6	7
л. 63об.	<p><i>Сабьянная мешинная и яловичной юфти</i> Фулфинских армян Ивана и Давыда Томазовых в братьями //</p> <p>Заведена с 750 году по указу Манифактур-коллегии</p>	—	Работа производится волными			400 ру.
	<p><i>Полотняная</i> Колежского ассесора Афонася Гончарова</p> <p>Заведена с 747 году по указу Манифактур-коллегии им, Гончаровым</p>	Олажских 75, каламачных 140	Крепостных	350	—	8 000 ру.
	<p>Данилы Земского</p> <p>Заведена с 747 году по указу Манифактур-коллегии отцом ево Данилоу Земским</p>	62	Покупных в селе Крапивном Да во крест- янстве Да по шелковой мелнице в работе	183 40 15	31 — 92	О капитале вообще с дру- гими показано при шелковой фабрике в Мо- сковском уезде
	<p><i>Суконная</i> Господина поручика князь Алексея Хо- ванского</p> <p>Заведена с 764 года по указу Манифактур-коллегии им, Хованским, самим</p> <p>Отставного прапорщика Зубова</p> <p>Поволено завести в 774-м году по указу Манифактур-коллегии</p>	50	О людях и капитале показано при Руской ево фабрике во обще			
В Ростове	<p><i>Полотняная</i> Кушпа Михаила Серебренникова</p> <p>Заведена с 750 году по указу Манифактур-коллегии им, Серебренниковым //</p>	30	—	—	—	—
		10	Отданных по указом	2	—	2 500 ру.

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

1	А именно	Количество число станков	Сколько на них людей		Мужеска	Женска	В каком именно наплате
			4	5			
	2	3	4	5	6	7	
В Ростовском уезде	Сурикова и белая Василья Менкина Заведена с 757 году по указу Манифактур-коллегии им, Менкиным	—	Работа производится волными			3 000 ру.	
	Кулорская Семена Щеткина Заведена с 768 году по указу Манифактур-коллегии им, Щеткиным	—	Работа производится волными			1 200 ру.	
	Бумажная Господина генерал-поручика действительного камергера и ковалера князь Петра Ивановича Репнина Заведена с 759 году по указу Манифактур-коллегии им, князем Репниным При той же картная	Роля 3 2	Крепостных	178 2	— —	39 900 ру.	
	Полотная Вдовы Прасковьи Крапивниковой Заведена с 749 году по указу Манифактур-коллегии купцом // Степаном Кондаковым. А по смерти ево та фабрика по завещательному писму утверждена за нею, Крапивниковою	127	Ис купленных и отданных по указу	150	—		
В Вязниках	Полотная Обер-директора Михаила Гусятникова Заведена с 743 года по указу Манифактур-коллегии московским купцом Андреем Семеновым. А в 750 году та фабрика по смерти ево, Семенова, продана объявленному Гусятникову.	100	Купленных и отданных по указом	150	—	14 919 ру. 60 ко.	
В Зарайском уезде							

1	2	3	4	5	6	7
В Переславле-Рязанском	<p>Сверх того купленных ко оной фабрике Переславля Рязанского, в Коломенском и Серпейском уездах 302 души <i>Полотняная</i> Герасима Ипатьева</p> <p>Заведена с 762 году по указу Мануфактур-коллегии им, Ипатьевым</p> <p>Сверх того купленных ко оной фабрике в уезде Переславля-Рязанского 27 душ //</p> <p><i>Степанная</i> Иноземки Марьи Багдановой Белой</p> <p>Заведена с 750 году по указу Мануфактур-коллегии отцом ее иноземцом Богданом Беловым</p> <p><i>Суконная</i> Директора Ивана Медовщикова с Алексеем Ивановым</p> <p>Заведена с 756 года по указу Мануфактур-коллегии</p> <p><i>Купоросная</i> Ивана Самохвалова с Захаром Шубиным</p> <p>Заведена с 753 года по указу Мануфактур-коллегии.</p> <p>Да сверх того находится купленных крестьян в сельце Макшееве 16 душ</p> <p><i>Скипидарная, канфольная и гарпунная</i> Ивана Евреина с братьями //</p> <p>Заведена в 718 году по именному указу на-дворным судьею Афанасием Савеловым да купцами Дмитрием и Даниилом Томилиными. В 750 году по задче от Томилина записана за московским купцом Аврамом Евреиновым. По смерти оного Аврама Евреина те фабрики во владении состоят у детей его выписанных Ивана Евреина с братьями</p>	20	Пкупных	52	—	11 000 руб.
л. 70 В уезде Переславля-Рязанского		—	Купленных Приписных	9 28	—	До 4 000 руб.
В Клинском уезде		Суконных 25, каразейных 5	Пкупных	232	80	31 000 руб.
		—	Крепостных	4	—	До 1 000 руб.
В Твери и Вологодском уезде		—	Пкупных	5	—	8 000 руб.
л. 70 об.						

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

1	А влѣнно	2	Количество число станок	Сколько каких людей	Мужеска	Женска	В какомъ быне капиталѣ
В Пронскомъ уездѣ		Игольная Колежского ассесора Петра Хлебникова Заведена с 719 году компанейщиками Сидором Томилиным, Яковом, Панкратом и Ильёю Рюмиными. А по смерти оныхъ содержали наследники по Панкрате Рюмине дети его Иван и Николай Рюмины оную фабрику по доставшимся им частям порознь, ис коихъ Иван продал поманутому Хлебникову Николай Рюмина //	3	4	5	6	7
		Полотняная Ево ж, ассесора Хлебникова Заведена с 752 году по указу Правительствующаго Сената купцомъ Иваномъ Рюминым, которую означенной Хлебниковъ у него, Рюмина, купил. Покупныхъ к той фабрике в Переславскомъ уездѣ Рязанского 1704 души	—	Покупныхъ и приписныхъ	413	—	Прежде в ведомостяхъ было показано от Рюмина 40 000 ру.
		Полотняная Господина полковника Александръ Полянского Заведена с 766 года по указу Манифактурколегии им, Полянскимъ	—	Покупныхъ и приписныхъ	215	—	5 600 ру.
В Саранскомъ уездѣ		Полотняная Ивана Болшаго Торубаева Заведена с 740 году по указу Комерц-колегии калужскими купцами Михаиломъ да Иваномъ // Фалеевыми. А в 761 году они, Фалеевы, продали объявленному Торубаеву	Прежде в ведомостяхъ от Рюмина показано 148	—	—	—	40 000 ру.
		Полотняная Ивана Болшаго Торубаева	6	Крепостныхъ	12	—	6 000 ру.
В Калугѣ		Полотняная Ивана Болшаго Торубаева	60	Приписныхъ Крепостныхъ	5 8	—	9 000 ру.

1	2	3	4	5	6	7
	Петра Шершнева	63	}	Работу исправляют волными		6 650 ру.
	Заведена с 740 году по указу Комерц-коллегии калужским купцом Степаном Золотаревым, а после того по уступке состоит ныне за показанным Шершневым					
	Филиппа Григорова	24				1 000 ру.
	Заведена с 763 года по указу Манифактур-коллегии им, Григоровым					
	Вдовы Дарьи Ивановой	70		42		7 000 ру.
	Заведена с 762 году по указу Манифактур-коллегии					
	Купоросная					
	Алексея Карасева в братьями	—				3 000 ру.
	Заведена с 745 года по указу Манифактур-коллегии //					
	Галицкого мыла, называемого «веф»					
	Петра Коробова	—				4 300 ру.
	Заведена с 759 году по указу Манифактур-коллегии					
	Сазарная					
	Ево ж, Коробова	—				10 000 ру.
	Заведена с 772 году по указу Манифактур-коллегии					
	Бумажная					
	Ивана и Максима Золотаревых	Роля 2		18		2 080 ру.
	Заведена с 743 году по указу Манифактур-коллегии купцом Степаном Золотаревым. А потом та фабрика по уступке от него дошла к ним, Ивану и Максиму Золотаревым					

В Калужском уезде

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

		А. Имянно	Количество чешло станков	Сколько каких людей	Мужеска	Женска	В каком ныне наплате
1		2	3	4	5	6	7
В Серпейске							
л. 72об. В Серпейском уезде	<i>Полотняная</i> Гаврилы Глинкова Заведена с 762 году по указу Манифактур-коллегии им, Глинковым //		10	Покупных	43	—	1 000 р.
	<i>Полотняная</i> Семена Богданова Заведена с 764 году по указу Манифактур-коллегии им, Богдановым Сверх того покупных к той фабрике в Масальском, Звенигородском и Серпейском уездах 429 душ		33	Покупных	80	—	8 000 р.
В Пермском уезде							
	<i>Полотняная</i> Господина статского советника Давыдова Заведена с 751 году по указу Манифактур-коллегии им, Давыдовым Петра Баташева з братьями Заведена с 746 году по указу Манифактур-коллегии, ими Баташевыми		8	Крепостных	42	—	2 000 р.
	<i>Полотняная</i> Дмитрия Митрофанова Заведена с 752 году по указу Манифактур-коллегии им, Митрофановым //		128	Работа производится вольными			26 000 р.
л. 73 В Мещковском уезде	<i>Полотняная</i> Дворенина Алексея Демидова Заведена с 752 года по указу Манифактур-коллегии им, Демидовым		58	Покупных	32	—	3 000 р.
			58	Крепостных	420	—	42 000 р.

1	2	3	4	5	5	7
В Нижегородском уезде	<p><i>Кожевая, мыльная и слесарная</i></p> <p>Господина генерал-аншефа обер-камергера сенатора и ковалера графа Петра Борисовича Шереметева</p> <p>Заведена с 761 года по указу Манифактур-коллегии</p>	—	Работа производится волными		В кожевную 4 150 ру.; в мыльную 2 625 ру.; в слесарную 3 000 ру.	
В Кинешме	<p><i>Полотняная</i></p> <p>Ивана Таланова з братьями</p> <p>Заведена с 758 году по указу Манифактур-коллегии ими, Талановыми</p> <p>Сверх того покупателей ко оной фабрикe в Кинешемском уезде 14 душ//</p>	430	Покупных 49 Отданных по указом 3	—	12 000 ру.	
л. 73об. В Костроме	<p><i>Полотняная</i></p> <p>Козмы и Петра Угличаниновых</p> <p>Заведена с 751 году по указу Манифактур-коллегии ими, Угличаниновыми.</p> <p>Сверх того покупателей ко оной фабрикe в Костромском уезде 240 душ</p>	500	Покупных 162	—	72 000 ру.	
	<p>Алексея Апастина</p> <p>Заведена с 760 году по указу оной же Коллегии им, Апастиным. При той же полотняной и шелковой.</p> <p>Сверх того покупателей ко оной фабрикe в Костромском уезде 16 душ</p>	90	Приписных 10	—	50 000 ру.	
	<p>Ивана Стригалева з детьми</p> <p>Заведена с 761 году по указу оной же Коллегии ими, Стригальевыми</p>	50	} Работа производится волными		40 000 ру.	
	<p>Дмитрия Волкова з детьми</p> <p>Заведена с того ж 761 году по указу оной ж Коллегии ими, Волковыми//</p>	175			15 000 ру.	

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

1	А ИМЕННО	2	Количество станков	Сколько каких людей	Муж-ска	Жен-ска	В каком числе капитале
					4	5	6
			3				7
В Костромском уезде	Михайлы Угличанинова Заведена с 773 году по указу Манифактур-коллегии		15	Работа производится вольными			6 000 ру.
	Тимофея Пыпина Заведена с 768 года по указу Манифактур-коллегии им, Пыпиным		45				8 000 ру.
	Федора Калашникова Заведена с 772 года по указу оной же коллегии им, Калашниковым		65				9 000 ру.
	Красочная Алексея Коровкина Заведена с 768 года по указу Манифактур-коллегии им, Коровкиным.		—				2 000 ру.
	Полотняная Господина генерал-аншефа действительного камергера и ковалера графа Рамана Ларионова Заведена с 752 года по указу Манифактур-коллегии им, Воронцовым//		60				25 000 ру.
	Бумажная Даниила Земского Заведена с 752 году по указу Манифактур-коллегии отцом его Даниилом Земским Сверх того купленных в Костромском уезде 12 душ		Роль 8	Покупных	414	42	О капитале по-казано во обще з другими при шелковой фаб-рике в Москов-ском уезде

л. 74

л. 74об.

1	2	3	4	5	6	7
При городе Нерехте	<i>Полотняная</i> Директора Михаила Большого Пастухова Заведена с 761 году по указу Манифактур-коллегии им, Пастуховым	9	} Работа производится волными			52 816 ру.
У Гжатской пристани	<i>Полотняная</i> Семена и Григорья Сивохиных Заведена с 749 году по указу Манифактур-коллегии ими, Сивохиными	у Семена 41, у Григорья 34		Покупных 6 —		6 500 ру. 7 000 ру.
В Смоленске	<i>Полотняная</i> Ивана Пискарева Заведена с 761 году по указу Манифактур-коллегии им, Пискаревым// <i>Шляпная</i> Семена да Матвея Пискаревых Заведена с 750 году по указу Манифактур-коллегии ими, Пискаревыми	6	Работа производится волными			2 500 ру.
	<i>Чюлпшная</i> Мещанки вдовы Меланы Большой Родионовой и сына ее Якова Большого Родионова Оной чюлпшной завод ис Посолского приказа в Санкт-Петербургскую канцелярию прислан к сукольному делу в 706 году. И при том прислан чюлпшого дела правитель иноземец Яган Лямбрион, которой оной и содержал. А по смерти его в 722 году по его, императорского величества, указу и по согласному государственной Манифактур-коллегии приговору для возобновления и размножения оная манифактура отдана двора ея величества благоверных государыни императрицы Екатерины Алексеевны служителям Родиону да Стретенской сотни Ивану Ворониным и крестьянину Якову Лебедеву и за отказельством Воронина Колетнею отдана была// Федору Серикову. А в 757 году по продаже от него, Серикова, записано за смоленским мещанином Павлом Большим Родионовым, который и перевел оную в Смоленск	—	Крепостных 10	—		1 765
		8	Крепостных 37	—		8 000 ру.

л. 75

л. 75об.

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

	А. имянно	Количество число станков	Сколько напик людей	Муже-ска	Жен-ска	В каком пьине напиктале
1	2	3	4	5	6	7
В Вяземском уезде	<i>Полотняная</i> Директора Семена Нахимова Заведена действительным камергером и ковалером графом Александр Сергеевичем Строгоновым. А с 765 года по покупке содержит объявленную Нахимов. Сверх того покупателей ко оной фабрикe в Вяземском уезде 969 душ	85	Крепостных	416	—	6 550 ру.
	<i>Шалыная</i> Федора Карасева Заведена с 754 года по указу Мануфактур-коллегии им, Карасевым Сверх того покупателей ко оной фабрикe в Вяземском уезде 19 душ//	—	Крепостных	14	—	1 675 ру.
	<i>Полотняная</i> Марки Коржевина Заведена с 758 году по указу Мануфактур-коллегии им, Коржевным. Сверх того покупателей ко оной фабрикe в Елатомском уезде 7 душ	52	Покупных	9	—	5 580 ру.
	<i>Степальная</i> Ево ж Коржевина Заведена с того ж 758 году по указу Мануфактур-коллегии	—	Покупных	36	—	3 000 ру.
л. 76 В Елатме	<i>Канатная</i> Оного ж, Коржевина Заведена с 760 году по указу Мануфактур-коллегии	—	Работа производится волными			2 000 ру.

л. 76 В Елатме

1	2	3	4	5	6	7
В Керенском уезде	<p><i>Полтинная</i></p> <p>Купецкой жены Настасьи Серебренниковой Заведена с 747 году по указу Мануфактур-коллегии прежним мужем ее Алексеем Милковым. // А по смерти его по продаже от него наследников владеет она, Серебренникова. Сверх того купуных ко оной фабрике 13 душ</p> <p><i>Шелковая и кумачная</i></p> <p>Степана Перетрутова и Ивана Беляева Заведена с 769 году по указу Мануфактур-коллегии</p>	28	Покупных	44	—	6 000 руб.
В Арзамасе	<p><i>Полтинная</i></p> <p>Господина тайного действительного советника и двора его императорского величества действительного ж камергера и ковалера князь Сергея Васильевича Гагарина</p> <p>Заведена с 767 года по указу Мануфактур-коллегии им, князем Гагариным //</p> <p><i>Полотняная</i></p> <p>Акима Малцова</p> <p>Заведена с 752 году по указу Мануфактур-коллегии им, Малцовым.</p> <p>Сверх того купуных ко оной фабрике в Можайском уезде 65 душ.</p> <p>Заведена с 764 года по указу Мануфактур-коллегии им, Масаловым</p> <p>Ивана Меншаго Масалова</p> <p>Заведена с 749 году по указу Мануфактур-коллегии братом его, Максимом Масаловым. И по разделу та фабрика досталась оному Ивану Меншому Масалову.</p>	16	Работа производится волынскими			2 500 руб.
В Арзамаском уезде		А ныне поданным челобитным Иван Беляев просит, чтоб за изнеможением его оную фабрику благоволено было отменить				
д. 77 В Можайском уезде		30	Крепосных	50	—	2 000 руб.
		45	Покупных	99	40	3 000 руб.
		12	Приписных и покупных	83	4	2 768 руб.
		72	Покупных	98	—	2 780 руб.

л. 78об.

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

1	А именно	Количество число станев	Сколько наких людей	Мунеска	Жен-ска	В наком нме напталне
	2	3	4	5	6	7
а. 7706.	<i>Бумажная</i> Их же, Ивана Болшаго и Ивана Мешаго Масаловых// Заведена с 745 году по указу Манифактур-коллегии братом их Максимом Масаловым, и по розделу те фабрики достались им	Ролей 3	У Болшаго: Крестьян и приписных 74	—	—	2 770 ру.
	<i>Полотняная</i> Верхотурского купца Василья Походяшина Заведена с 760 году по указу Манифактур-коллегии Дмитрием Дубровиним. В 771 году та фабрика продана объявленному Походяшину	Ролей 5	У Мешаго. Покупных 57	—	—	4 855 ру.
	<i>Шальная</i> Афонася и Ивана Битюковых Заведена с 755 году по указу Манифактур-коллегии ими, Битюковыми	10	Работа производится волными	5	—	788 ру. 88 ко.
а. 78	<i>Шальная</i> Василья Медовщикова Заведена с 753 года по указу Манифактур-коллегии им, Медовщиковым//	—	Покупных 5 Отданных по указом 3	—	—	400 ру.
	<i>Бумажная</i> Максима и Александр Переславцовых Сверх того покупных ко оной фабрике в Углицком уезде 19 душ	—	Покупных 9	—	—	705 ру.
	За згорением в 769 году фабрика не в производстве А прежде при той фабрике находилось:	Ролей 12	Покупных	57	—	12 000 ру.

1	2	3	4	5	6	7
В Цыглиском уезде	<p>Ивана Переславцова Сверх того покупных ко оной фабрике в Углицком уезде 8 душ Оные заведены с 735 году ко указу Комерц-канторы Максимом Переславцовым, а им, Максиму, Александру и Ивану, достались по наследству</p> <p><i>Стеклянная</i> Госпожина генерал-поручика ея императорскаго величества орденов святого Александра Невского и святыя Анны ковалера графа Ивана Петровича Салтыкова Заведена с 749 году по указу Мануфактур-коллегии//</p> <p><i>Красочная</i> Андрея и Василия Глушковых Заведена с 768 году им, Глушковым</p> <p><i>Бумажная</i> Федора Колесова Заведена с 767 года по указу Мануфактур-коллегии им, Колесовым</p> <p><i>Бумажная</i> Ивана и Василия Медведевых Заведена с 744 года по указу Мануфактур-коллегии им, Медведевыми</p> <p><i>Стеклянная</i> Алексея Корнильева Заведена с 749 году по указу Мануфактур-коллегии. Сверх того покупных ко оной фабрике в Тобольском и Сибирском уездех 28 душ//</p>	Роя 3	Покупных и отданных по указом	28	—	5 500 ру.
В Вере		—	Крепостных	15	—	297 ру. 65 ко.
В Вакеском уезде		—	Работа производится волными			600 ру.
В Таболском уезде		Роя 2	Покупных и отданных по указом	4 8	— —	1 000 ру.
		—	Покупных и приписных отданных по указом	34 27	— —	1 996 ру.

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

	А имянно	Количество чело станое	Сколько чело станое	Муже сна	Жеп- сна	В каком ныне капитал
1	2	3	4	5	6	7
д. 79	В Туринском уезде	Осипа Коновалова жены вдовы Федосья Савиновой и сына ее Ильи Коновалова Заведена с 760 году по указу Манифактур-коллегии ее Савиной мужем, а Ильи отцом. И по наследству тою фабрикою владеют они Федосья и Илья	Роль 3	Покупных Отданных по указом	5 4	16 250 ру.
	В Хлыновском уезде	Секретаря Аверкия Перминова Заведена с 760 года по указу Манифактур-коллегии им, Перминовым	Роль 4	Крепосных	30	5 400 ру.
	В Сибирском уезде	Михаилы Воронцова Заведена с 728 году по указу Высокого Сената ис Канторы манифактурных дел нижегородским купцом Еремеем Маслениниковым с товарищи. А в 746 году та фабрика по продаже от наследников записана за ним, Воронцовым//	Роль 6	Покупных и отданных по указом	70	10 000 ру.
д. 796б.		Суконная Госпожи майорши Аграфены Дурасовой Заведена с 767 году по указу Манифактур-коллегии	5	Крепосных	57	1353 ру. 80 ко.
	В Туле	Красочная Алексея Копылова с сыном Яновом Заведена с 768 году по указу Манифактур-коллегии ими, Копыловыми	—	Работа производится водными		815 ру.

1	2	3	4	5	6	7
В Тульском уезде	<i>Суручная и ружьяная</i> Оружейного мастера Петра Леонтьева Заведены с 767 году по указу Манифактур-коллегии	—	Работа производится волными			В суручную 739 ру.. в ружьяную 150 ру.
	<i>Красочная</i> Надворного советника Ивана Маслова Заведена с 766 году по указу Манифактур-коллегии отцом его надворным советником Иваном Масловым	—				
	<i>Красочная</i> Петра Зайцова с детьми Матвея и Ульяна Зайцовых Михаила Волкова Фабрика заведена с 749 году по указу Манифактур-коллегии Ульяном Зайцовым, а в 751-м году по прошению одного Ульяна Зайцова приваты им в товарищи севския купцы Иван Зайцов и дети, Петр Зайцов и Михаила Волков. В 761 году та фабрика между ими разделена, и ныне содержат выписанные Петр, Матвей, Ульян Зайцовой и Михайла Волков каждой порознь	—				
л. 80 В Севске	<i>Фарфоровая</i> Михаила Волкова Заведена с 760 году по указу Манифактур-коллегии//	—	Работа производится волными	5	—	1 000 ру. 4 000 ру. 2 200 ру.
	<i>Беленая воску</i> Дмитрия Антонова Заведена с 755 году по указу Манифактур-коллегии им, Антоновым	—				
л. 806б. В Торопце		—				

За вяття им, Масловым, на поставку в Камисариат каразеи казенныя денги 11 191 ру. 18 ко. состоит в секвестре//

Оной Волков в приуготовлении матери и в деле кроме кра-сок искусство имеет, токмо за малым капиталом производ-ства нет

203 ру.

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

1	А имено 2	Количество станков 3	Сколько каких людей 4	Муже- ска 5	Жен- ска 6	В каком виде капитале 7
В Курске	<i>Веленя еску</i> Семена Хлопонина Заведена с 769 году по указу Манифактур- коллегии означенным Хлопонным	—	Работа производится волными	—	—	4 000 ру.
В Ысарском уезде	<i>Кожевная</i> , в 756, <i>Мылная</i> , в 771 Господин генерал-поручика действительного камергера графа Сергея Васильевича Салтыкова Заведены в вышеписанных годах по указом Манифактур-коллегии	—	Крепостных 300 Покупных 2	—	—	4769 ру.
В Твери	<i>Кожевая</i> <i>Канатная</i> Кандратя и Петра Светогорова Те фабрики заведены с 760 года по указу Мани- фактур-коллегии	—	Работа производится волными	—	—	2 000 ру.
В Дорогобужском уезде	<i>Стеклаемая</i> Якова Немчинова Заведена с 748-го года по указу Манифактур- коллегии Петром и Емельяном Немчиновыми. А после того по продажам дошла до означенного Якова Немчинова	—	Покупных 65 Отданных по указом 5	—	—	8 000 ру.
В Трубчевском уезде	<i>Красочная яри египетской и медянки</i> Брянского купца Козмы Никулина Заведена с 773 года по указу Манифактур- коллегии //	—	Работа производится волными	—	—	500 ру.

1	2	3	4	5	6	7
д. 81об. В Устюге Великом	Финифтяная на меди с наводкою золотом и се- ребром черневая обронная Афанасья и Степана Поповых Заведена с 760-го году по указу Манифактур- коллегии	—	Работа производится волными			4 028 ру.
В Медынском уезде	Стекланая Ивана Грехова Заведена с 747 года по указу Манифактур- коллегии	—	Работа производится волными			960 ру.
В Рословском уезде	Стекланая Покройного тайного советника Николая Петро- вича Салтыкова вдовствующей супруги Анны Яковлевны Заведена с 762 году по указу Манифактур-кол- легии	—	Крепостных 18 —			2 200 ру.
д. 82 В Усманском уезде	Стекланая Прапорщика Ивана Второго Заведена с 762 года по указу Манифактур- коллегии	—	Работа производится волными			420 ру.
В Саратове	Канатная Афанасья Мещанинова Дмитрия Сердечкина и Козмы Винокурова Те фабрики заведены с 772 году по указу Ма- нифактур-коллегии	— —	Работа производится волными			1 500 ру. 3 001 ру.
В городе Архангельском	Канатные Ивана Костогорова Андрея Стукачева Антоня Бармина Василья Пшеницына Заведены с 760 году по указу Манифактур- коллегии //	— — — —	Работа производится волными			6 400 ру. 2 820 ру. 14 123 ру. 461 ру. 80 ко.

1	2	3	4	5	6	7
	<p><i>В 748</i> <i>Кулоросной</i>, грек Юрья Левкур, в Бежецком уезде</p> <p><i>В 749</i> Генерал-фельдмаршала сенатора и ковалера графа Петра Семеновича Салтыкова супруга, статс-дама Прасковья Юрьевна, <i>бумажной</i>, в Цывилском уезде</p> <p><i>В 750</i> <i>Шелковой</i>, ищущая Иван и Калуст Бунятовы, в Астрахане</p> <p><i>В 751</i> <i>Полотняной</i>, господин полковник Маслов, в Мещовском уезде</p> <p><i>Шелковой</i>, Барак Иванович с товарищи, в Астрахане</p> <p><i>В 752</i> <i>Шелковичного завода</i>, армянин Осип Афанасьев, в Астрахане //</p> <p><i>В 754</i> <i>Стекляной</i>, Иван да Михаила Мурашкины, в Казанском уезде</p> <p><i>В 756</i> <i>Вододвигательной и самопрядочной</i>, Родик Глинков, в Серпейске</p> <p><i>В 757</i> <i>Стекляной</i>, смоленской шляхта Михаила Курбутовской, в Белском уезде</p> <p><i>В 759</i> <i>Шелковичного завода</i>, Садык Казимов, в Астрахане</p>					

Т а б л и ц а 1 (окончание)

1	А именно	3	4	5	6	7
	2	Колонное число отавов	Сколько князей людей	Муже- сна	Жен- сна	В каком ныне капитале
	<p><i>В 760</i> <i>Шелковичного заводу</i> Ревва Залнев, в Князаре</p> <p><i>В 762-м</i> <i>Сафьянкой</i>, Терского пехотного полку капитан Петр Дмитриев с братом армянским Григорьем Азатовым, в Астрахане</p> <p><i>В 765-м</i> <i>Стекланной</i>, извозец Иван Дер с капитаном Иваном Априяным, в Володимирском уезде</p> <p><i>В 766</i> <i>Шелковичного заводу</i>, от Канцелярии опекунства иностранных, армянин Моисей Сафаров, в Астрахане</p> <p><i>В 767</i> <i>Стекланной</i>, извозец Иван Дер с капитаном Иваном Априяным, в Суздальском уезде//</p> <p><i>В 768</i> <i>Полотняной</i>, Матвей Скорняшников, в Галиче <i>Шелковичного заводу</i>, мещанин персидской нации армянин Иурджан Серебреков, в Князаре <i>Канатной</i>, Василий Ключников, в городе Архангельском</p> <p><i>В 770-м</i> <i>Стекланной</i>, господин бригадир князь Меншой Черкасской, в Шатском уезде</p> <p><i>В 771-м</i> <i>Суриковой и беланой</i>, Петр Пятунин, в Ярославле</p>					

1	2	3	4	5	6	7
	<p><i>В 772-м</i></p> <p><i>Суконной</i>, господин генерал-криксамисар и ковалер Александр Иванович Глебов, в Лихвинском уезде</p> <p><i>Шелковой</i>, рамановской купец Андрей Дырышев, в Ярославле</p> <p><i>В 773-м</i></p> <p><i>Шелкового завода</i>, армянин Гургин Евстапов, в Кизляре</p> <p>Делания из хлопчатой бумаги и из шелку разных матерей астраханской мещанин армянин Степан Мартынов, в Оренбурге//</p> <p><i>Стеклянной и грустной</i>, надворной советник Николай Огарев, в Зарайском уезде</p> <p><i>Канатной</i>, Иван Карпов, в городе Аргангелском</p> <p><i>Стеклянной</i>, коллежской советник Петр Щербачев, в Володимирском уезде</p> <p><i>Фарфоровой и фаянсной посуды</i>, Главной соляной канторы прокурор Алексеи Бахметев, в Пензенском уезде</p> <p><i>Суконной</i>, господин отставной секунд-майор Петр Загряской, в Боровском уезде</p> <p><i>Полотняной</i>, купец Тимофеи Пулгин, в Коломне</p> <p><i>Плотняной</i>, орловской купец Тимофеи Андифаров, в Орле</p> <p><i>Канатной</i>, вологодской купец Василий Пятыхов, в Вологде</p> <p><i>В 774-м</i></p> <p><i>Сенокосных кос</i>, оружейник Василий Постухов, в Туле</p> <p><i>Бумажной и шелковой</i>, екатеринбургской купец Иван Хлепятин, в Екатеринбургском, в ведомстве на реке Неве.</p> <p><i>Купоросной</i>, Иван Кочуров, в Ярославле</p> <p><i>Волоочной и плащной из шерсти</i>, Федор Крепышев, в Ярославле</p> <p><i>Шелковой</i>, московской 2 гильдии купец Иван Андреевич, в Московском уезде//</p>					

Таблица 2

	Всего всех фабрик 344, в том числе	Станов	На оных в работе покупных, приписных и по указам отпанных людей		Сверх сего при фабричных работах в деревнях	
			мужеска	женска		
						1
л. 85	В Москве		3	4	5	6
	Суконных — 10	Суконных 153 Каразейных 34	910	353	452	
	Каразейных — 2	22	2	—	—	—
	Шелковых — 25	805	563	127	1579	
	Полотняных — 4	269	156	143	3202	
	Шляпных — 2	—	13	—	—	—
	Волоченного и плашеного золота и серебра — 1	—	20	—	—	—
	Сусального листового золота и серебра — 1	—	21	—	—	—
	Мишурных — 4	—	51	24	—	—
	Латунных — 3	—	4	—	—	—
	Суриковых и белильных — 2	—	4	—	—	—
	Трубочных и ценинных// — 2	—	23	—	336	—
	Проволоочная и булавоочная — 1	—	—	—	—	—
	Красочных — 2	—	—	—	—	—
	Делания шелку под золото и серебро — 1	—	—	—	—	—
	Галунная — 1	—	—	—	—	—
	Проволоочная и блездоочная — 1	—	—	3	4	—
	Ситцовая и выбойчатая — 1	—	—	—	—	—
	Беления воску — 1	—	4	2	—	—
	Зампенная — 1	—	—	—	—	—
	Купоросная — 1	—	—	—	—	—
	Красильных — 2	—	—	—	—	—
л. 85об.						

л. 85об.

Таблица 2 (продолжение)

1	Всего всех фабрик 344, в том числе	2	Станов	На оных в работе покупных, пряпических и по указам отпанных людей		Сверх сего при фабричных работах в деревнях
				мужеска	женска	
3	4	5	6			
В Серпухове и в уезде оного	<div> <div> Суконная — 1 Шелковая — 1 Полотняных — 4 Бумажная — 1 </div> <div>Итого 7</div> </div>		242	91	—	44
В Переяславле-Залесском и в уезде оного	<div> Суконная — 1 Полотняных — 2 Бумажная — 1 </div> <div>Итого 4</div>		342	942	—	1028
В Володимирском уезде	<div> Суконная — 1 Стекланых — 5 </div> <div>Итого 6</div>		50	88	—	—
В Сапожке	Суконных // — 2		4	—	—	—
В Муромском уезде	Стекланная и хрустальная — 1		—	—	—	—
В Алексинском уезде	<div> Суконная — 1 Шелковая — 1 Полотняная — 1 </div> <div>Итого 3</div>		281	730	—	600
В Кашинском уезде	Суконная — 1		30	—	—	—
В Лебедянском уезде	Суконная — 1		30	—	—	—
В Воронеже и в уезде оного	<div> Суконных — 9 Купоросных — 2 Шелковичных заводов — 1 </div> <div>Итого 12</div>		317	655	—	422
В Тамбовском уезде	<div> Суконных — 5 Полотняная — 1 Канатная — 1 </div> <div>Итого 7</div>		466	14	—	—

Таблица 2 (продолжение)

1	Всего всех фабрик 344, в том числе	2	Станов	На опытах в работе покупных, приписанных и по указам отдаленных людей		Сверх сего при фабричных работах в деревнях
				мужеска	женска	
			3	4	5	6
В Боровском уезде	Суконная — 1 Полотняных — 2	Итого 3	75	13	—	—
В Звенигородском уезде	Шелковых — 2		41	123	20	—
В Юрьеве-Польском	Шелковая — 1 Выбойчатых — 2	Итого 3	25	—	—	—
В Ярославле и в уезде оного:	Шелковых — 5 Полотняных — 4 Бумажная — 1 Стеклопечная — 1 Суриковых и белильных — 2 Купоросных — 2 Масленная // — 1	Итого 16	1229	2143	2260	—
л. 88 об. В Романове	Шелковая — 1 Полотняная — 1 Стеклопечная — 1	Итого 3	47	—	—	—
В Любимском уезде	Полотняная — 1 Бумажная пестряди красной — 1	Итого 2	16	—	—	—
В Вологде и в Вологодском уезде	Шелковых — 2 Мширная — 1 Суриковая и белильная — 1					

1	2	3	4	5	6
В Астрахане	Красочных — 2	Итого 13	185	—	99
	Выбойчатых — 2				
	Круп перловых — 1				
	Бумажная — 1				
В Суздальском уезде	Сургучных — 3	Итого 10	31	—	—
	Шелковых — 7				
	Шелковичных заводов — 2				
	Сафьянная, мешинная и яловичной кофты — 1				
В Ростове и в уезде оного	Суконовых — 2	Итого 4	198	123	40
	Полотняных — 2				
	Полотняная — 1				
	Бумажная — 1				
л. 89	Суриксовая и белильная — 1	Итого 5	10	—	—
	Купоросная — 1				
	Картная// — 1				
	Полотняная — 1				
В Вязниках	Полотняная — 1	Итого 3	321	80	27
	Суконовая — 1				
	Полотняная — 1				
	Стеклоянная — 1				
В Зарайском уезде	Купоросная 1	Итого 3	150	—	302
	Скипидарных, калифоновых и гарпиусных — 2				
	Полотняная — 1				
	Полотняная — 1				
В Переславле-Рязанском и в уезде оного	Полотняная — 1	Итого 3	150	—	16
	Стеклоянная — 1				
	Купоросная 1				
	Скипидарных, калифоновых и гарпиусных — 2				
В Клинском уезде	Полотняная — 1	Итого 3	628	—	2876
	Игольных — 2				
	Полотняная — 1				
	Игольных — 2				
В Твери и в Вологодском уезде	Полотняная — 1	Итого 3	628	—	2876
	Игольных — 2				
	Полотняная — 1				
	Игольных — 2				
В Прояском уезде	Полотняная — 1	Итого 3	628	—	2876
	Игольных — 2				
	Полотняная — 1				
	Игольных — 2				

Таблица 2 (продолжение)

1	Всего всех фабрик 344, в том числе	Станов	На оных в работе покупных, приписных и по указам отдаленных людей		Сверх сего при фабричных работах в деревнях
			мужеска	женска	
2	3	4	5	6	
В Саранском уезде	Полотняная — 1	6	—	—	—
В Калуге и в уезде оного	Полотняных — 4	Итого 8	73	—	—
	Купоросная — 1				
	Мыльная — 1				
	Сахарная — 1				
	Бумажная // — 1				
В Серпейске	Полотняная — 1	40	13	—	—
В Серпейском уезде	Полотняная — 1	33	80	—	129
В Перемышльском уезде	Полотняных — 3	194	32	—	—
В Мещовском уезде	Полотняная — 1	58	—	—	—
В Нижегородском уезде	Кожевная, мыльная и слесарная — 1	—	—	—	—
В Клешино	Полотняная — 1	430	52	—	14
В Костроме	Полотняных — 6	Итого 7	172	—	256
	Красочная — 1				
В Костромском уезде	Полотняная — 1	Итого 2	111	42	12
	Бумажная — 1				
В пригороде Нерехте	Полотняная — 1	9	—	—	—
У Гжатской пристани	Полотняная // — 1	75	6	—	—

1	2	3	4	5	6
л. 90 В Смоленске	Полотняная — 1 Шляпная — 1 Чулочная — 1 Итого 3	14	47	—	—
В Вяземском уезде	Полотняная — 1 Шляпная — 1 Итого 2	85	430	—	988
В Елаатьме	Полотняная — 1 Стекланная — 1 Канатная — 1 Итого 3	52	45	—	7
В Керенском уезде	Полотняная — 1	28	44	—	13
В Араамасе и в уезде оногo	Шелковая и кумач- ная — 1 Итого 2	46	—	—	—
В Можайском уезде	Полотняная — 1 Полотняных — 3 Бумажная — 1 Итого 4	129	411	44	65
В Краснослободском дист- рикте	Полотняная // — 1	10	—	—	—
л. 90 об. В Исетской провинции	Шляпная — 1	—	8	—	—
В городе Таре	Шляпная — 1	—	9	—	—
В Углицком уезде	Бумажных — 2	—	85	—	27
В Цивильском уезде	Стекланная — 1	—	—	—	—
В Верее	Красочная — 1	—	—	—	—
В Важеском уезде	Бумажная — 1	—	—	—	—
В Тобольском уезде	Бумажная — 1 Стекланная — 1 Итого 2	—	73	—	28
В Туринском уезде	Бумажная — 1	—	9	—	—
В Хлыновском уезде	Бумажная — 1	—	—	—	—

Таблица 2 (окончание)

	Всего всех фабрик 344, в том числе	Станов	На оных в работе покупных, приписных и по указам отданных людей		Сверх сего при фабричных работах в деревнях
			мужеска	женска	
1	2	3	4	5	6
В Сибирском уезде	Суконная — 1 Бумажная — 1 Итого 2	5	70	—	—
В Туле и в Тульском уезде	Каравейная — 1 Красочная — 1 Сургучная и румяная // — 1 Итого 3	—	—	—	—
В Севске	Красочных — 3 Фарфоровая — 1 Беления воску — 1 Беления воску — 1 Итого 4	—	7	—	—
В Торопце	Беления воску — 1	—	2	—	—
В Курске	Беления воску — 1	—	—	—	—
В Инсарском уезде	Кожевная — 1 Мыльная — 1 Итого 2	—	—	—	—
В Твери	Кожевная — 1 Канатная — 1 Итого 2	—	—	—	—
В Дорогобужском уезде	Стеклянная — 1	—	2	—	—
В Трубчевском уезде	Красочная — 1	—	70	—	—
В Устюге Великом	Финифтяная — 1	—	—	—	—
В Медынском уезде	Стеклянная // — 1	—	—	—	—
В Рославском уезде	Стеклянная — 1	—	—	—	—
В Усманском уезде	Стеклянная — 1	—	—	—	—

1	2	3	4	5	6
В Саратове	Канатных — 2	—	—	—	—
В городе Архангельском	Канатных — 2	—	—	—	—
В Кизляре	Шелковичных заводов — 1	—	472	56	—
В Кизере	То же — 2	—	5	—	—
<i>В с е г о:</i>		9 439	16 052 Да мужеска и женска 50	4 731	14 036

Да в нынешнем 1775-ом году позволено завести фабрики:
 Генваря 14-го — татарину Ибрагиму Исупову с братьями в Казанском уезде — шелковую
 Апреля 2-го — господину коллежскому ассесору Ефиму Разнаговскому в Мещовском уезде — полотняную
 Маия 8-го — Главной Соляной канторы господину прокурору Алексею Бахметьеву в Саранском уезде — полотняную
 Июля 7-го — вдове госпоже княгине Наталье Голицыной в Сибирском уезде — суконную
 Сентября 9-го — господину Премьер-Майору Окулову в Суздальском уезде — конную

Т а б л и ц а 3

Ведомость о состоянии Симлт-Петербургской Манифактур-канторе фабриках, с которого года и кем она заведена, с каким капиталом, и где производился, сколько при низ приписаны и куплены людей, о том значит ниже, Генеря дня 1775-го года

1	А имянно	2	Сколько канг- людей	Мужска	Женска	В каком наштале
			3	4	5	6
В Санкт-Петербурге на Васильевском острове в 23 линии		<i>Шековая чулочная</i> Гд-на генерал-поручика действительного камергера и кавалера графа Сергея Павловича Ягупинского Заведена в силу указа Правительствующаго Сената по данному из Манифактур-канторы 1758 года указа Санкт-петербургским купцом Вениамином Миллером, а в 760-м году велено по уступке от Миллера ту фабрику содержать оному господину Ягупинскому	Крепостных	108	—	10 325 ру.
		<i>Бумажная</i> Гд-на генерал-аншефа обер-гофмаршала действительного камергера и разных орденов кавалера графа Карла Ефимовича Сиверса Заведена с 1727-го года и была в казенном содержании по 753-й год, а того года отдана в силу указа Правительствующаго Сената по указу Манифактур-коллегии оному графу господину Сиверсу//				
В Колорском уезде близъ Красного села		<i>Бумажная и кружная</i> Санкт-петербургского купца Василия Ольхина Заведена по указу Манифактур-коллегии рацгером Баскаковым да купцом Полозовым в 749-м году, а в 753 году по указу оной же Коллегии велено по продаже от них содержать ему, Ольхину	Отданных с фабрикою казенных	115	—	195 375 ру. 51 к.
		<i>Полотняная и кожаная</i> Гд-на обер-штальмейстера действительного камергера и кавалера Петра Спиридоновича Суморокова Заведены по указу Манифактур-канторы 1759-го года 17-го августа				
л. 930б. На Выборгской стороне близ валии Сарской кяхи			Дворовых лю- дей и крестьян	9	—	
В Пусторжевском уезде Поляцкого стану в селе Цавле			Крепостных	28	—	В бумажную 20 000 ру. В кружную 1 000 ру.
			Крепостных при полот- няной при кожаной	6 7	— —	В полотня- ную 500 ру. В кожаную 500 ру.

1	2	3	4	5	6
В Олонецком уезде на Бятчинской пристани при реке Вытегре	<i>Полотняная</i> Олонецкого купца Анкиндина Мартыанова Заведена по указу Манифактур-канторы 1762 года 5 ноября братом ево, Иваном Мартыановым, а по смерти ево содержит он, Анкиндин Мартыанов	Производит волными			4500 ру.
В Новгородском уезде при реке Вишере	<i>Стальная</i> Гд-на действительного статского советника и лейб-медика Круза Заведена по указу Манифактур-канторы 1766-го года 22 марта//	Производит волными		—	33 259 ру. 67 ко.
Одна на Васильевском острову меж 10-й и 11-линейми, другая на Выборской части	<i>Сахарная</i> Аглинского купца Николая Каванаха Заведены: 1-я по указу Манифактур-коллегии 1752-го года от 7-го июня им, Каванахом; 2-я по силе именного 1718-го года указа купцом Вестовым, а потом содержали с 732-го года, в силу Правительствующего Сената указу советник Гювигт, с 747-го по указу Манифактур-коллегии аглинский купцы Иван Мей и Томас Штифенс. А после смерти Мей с 764-го года содержал Штифенс один, а 767 года февраля 14 дня та фабрика от него Штифенса продана Каванаху	Приписных А протчия волныя	3		В первую 45 000 ру., а о другой не показано
В Московской части в Корецкой кузечной слободе	Тульского купца санкт-петербургского жителя Ивана Володимирова Заведена по указу Манифактур-коллегии 1756-го года от 4-го ноября отцом ево Федором Володимировым, а по смерти ево по наследству содержит оной Иван Володимиров	Производит волными			70 000 ру.
В Лифляндском предме-сти и за Калининым мо-стом	Санкт-петербургского купца Кирилы Понова Заведена по указу Манифактур-канторы 1770-го года 28 сентября//	Производит волными			80 000 ру.

Т а б л и ц а 3 (продолжение)

	А. имянно:	Сколько каких людей	Мужска	Женска	В каком капитале
1	2	3	4	5	6
л. 94об.	В Санкт-Петербурге на Литейной части близ пустава рынку	Приписных Крепостных	6 20	4 —	63 000 ру.
	Умершаго надворного советника Семена Роговникова наследников <i>Поэуменчяныя</i> Заведена по имянному 1736-го года июня 28-го дня указу саксонцами: Миллером и Рыхтером, а с 745-го года по указу Манифактур-канторы по смерти их, Миллера и Рыхтера, ту фабрику содержали брат Миллеров Варнер Миллер с компанейщиком Александр Гоном. По смерти ж Варнера Миллера содержал один Ган, а в 1754 году по указу Манифактур-коллегии, а по уступке ево, Гана, фабрика записана за Семенов и братом ево Санкт-петербургским купцом Иваном Готовиковым, которой, не вступя в фабрику и не положа своего капитала, умре. А по смерти ево указом той же коллегии 1755 году от 11 декабря велено содержать фабрику Семену Роговникову з детьми Санкт-Петербургского купца Ивана Белого Миллютина	Отданных по ревизии Крепостных у них мало-летних	12 22 12	— —	30 200 ру.
	На Адмиралтейской части близ Гостиного двора				

л. 95	3	2	3	4	5	6
На Адмиралтейской части против Гостиного двора	Умерших содержателей Петра и Ивана Кокушкиных наследников Заведена по указу Правительствующаго Сената 1755-го года иномземцем Рейнгартом, а в 757-м году, за несостоянием его, по указу Манифактур-канторы записана за оными Кокушкиными. А по смерти их та фабрика числится за их сыновьями — Алексеем и Иваном Кокушкиными	Работы не производятся за малолетством их и потому о людях и капитале не показано				
На Литейной части	Санкт-петербургского купца Гаврилы Постухова		Присланных из Манифактур-канторы	2	—	1 300 ру.
В Московской части	Заведена по указу Манифактур-канторы 1767-го года сентября 17-го дня Устюжского железннопольского купца Осипа Медовникова Заведена по указу оной же Канторы 1767-го года 31-го июля	Работы не производятся с 768 года, за содержанием его за вексельными иски Главного магистрата в Канторе под караулом и за неполучение от разных полковых за поставленные во оныя с той фабрики разные товары денег 1 000 ру.				
В Московской части в Коретной кузнечной слободе	Бывшаго придворного позументного мастера Кондратя Журикова Заведена по указу оной же Канторы 1770 года июня 14-го дня //	Работу производит волными людьми				5 000 ру.
В Московской части близ церкви Владимирския богородицы	Бывшаго придворного Конюшенной канторы медного ученика Михайлы Андреевича Заведена по указу оной же Канторы 1770 года июля 16 дня	Производит волными				1 000 ру.
На Адмиралтейской части против Гостиного двора	<i>Плащильная и волоочная волота и серебра</i> Саксонской нации волоочного мастера Михайлы Геса Заведена по указу оной же Канторы 1759-го года апреля 2 дня	Производит волными				300 ру.

Т а б л и ц а 3 (продолжение)

1	А инициалы:	2	Сколько каких людей	Мужска	Женска	В каком капитале
На Литейной части близ церкви Симона Бого- примца		Саксонского уроженца Готлоб Андреас Куната Заведена по указу оной же Канторы 1763 года апреля 15 дня	3	4	5	6
На Литейной части про- тив Преображенского полку полковой канце- лярии		Позументного мастера Богдана Стива жены Марьи Яковле- вой Заведена в силу указу Правительствующаго Сената, по указу Манифактур-канторы 1756-го года генваря 4-го дня отцом ее иноземцом Христофором Бомгартом. А 1763 года июня 19 дня та фабрика по уступке его, Бомгарта, записана за показанною дочерью его Марьею Яковлевою	Производит волными	Производит волными	Производит волными	2 600 ру. 800 ру.
На Адмиралтейской ча- сти в Коломне в пятой Афицерской улице		Пуговичного мастера Екима Альбрехта Кабела// Заведена по данному ис Правительствующаго Сената в 1755-м году указу иноземцом Яганом Рейнгардом, а 766-го года майя 12 дня принял он, Рейнгард, в товарищество оного Кабела. А в 759-м году по определению Манифактур-канторы, а по прошению Рейнгарта ту фабрику велено числить за одним Кабелом.	Производит волными	Производит волными	Производит волными	1 000 ру.
На Литейной части		Бывшего плащильной и волочиной золота и серебра фабрики содержателя Христофора Бомгарта Заведена по указу Манифактур-канторы 1770-го года июня 16 дня	Производит волными	Производит волными	Производит волными	1 000 ру.
На Адмиралтейской части		Аухсбургского уроженца Франца Фердинанд Линка Заведена была по указу оной же Канторы 1763-го года ноября 6-го дня	Работы не производилось с 769 года, а в 767-м году оной Линк из Санкт-Петербурга самовольно уехал и где находится, неизвест- но, и о сыску его чрез надлежашья присут- ственные места опубликовано			

1	2	3	4	5	6
л. 96об.	<p>Близ Красного села</p> <p>в Шлишенбургском уезде</p>	<p><i>Ситцовы и выбойчаты</i></p> <p>Агличанна Рыгарт Ковенса</p> <p>Заведена по указу Манифактур-коллегии 1753 года декабря 22 дня им. Ковенсом, с принятыми им товарищами Васильем//Чамберлином и Джиме Снарском. И из оных Чамберлин за болезнью своею от содержания фабрики 1757-го года отказался, а Снарск в 1758-м году умре</p> <p>Бывшаго красносельской ситцовой фабрики датского ситцоваго и выбойчото мастера Крестьян Лемана</p> <p>По указу Манифактур-коллегии 1763-го года 3 апреля ту фабрику велено завести оному Леману обще с принятыми им к содержанию оной в товарищи двора ея императорского величества маклером Иоганом Сиринкусом. А 1767-го года генваря 25 дня по учиненному в Манифактур-канторе общению за отъездом вышереченного Сиринкуса от содержания той фабрики и во исполнение именного ея императорского величества того ж году 17-го сентября указа отдана оная фабрика в содержание помянутому Леману</p> <p>Уроженца города Алтона Иоган Иохима Шейдемана жены Маргареты Шейдемановой</p> <p>По указу Манифактур-канторы 1770 году 9-го июля оную фабрику позволено завести мужу ее, только была не заведена по 1772 год, а по оном году//по прошению ее, Шейдемановой, и за божественною пропаккою ее мужа ту фабрику по определению сей же Канторы дозволено производить ей, Шейдемановой, а детям. А в 1775 году она приняла к себе в товарищи по контракту Санкт-петербургского купца Николая Лябевагина и ситцового мастера Иогана Плумпа, и велено ту фабрику числить за всеми ими</p>	Крепостных 33	33	75 430 ру.
л. 97	<p>При роко Славянке, впадающей в Нову року ниже устья Кувыминки роки</p>	<p>Отданных в силу Правительствующаго Сената указу от Манифактур-канторы для обучения</p>	—	43	40 000 ру.
	<p>в Санкт-Петербурге на Литейной части близ Ново-Девичья монастыря</p>	<p>Коллежского ассесора Саввы Яковлева</p> <p>Заведена по указу Манифактур-коллегии 1744 года октября 15 дня</p>	Крепостных 8	—	50 000 ру.

Т а б л и ц а 3 (продолжение)

	А имянно:	Сколько канцл людей	Мужска	Женска	В каком наштале
1	2	3	4	5	6
На Выборской части	Иноземца Ягана Кеснера Заведена по указу Комерц-коллегии 1755 года 19 декабря отцом ево Яганом же Кеснером, а по смерти ево содержит оной сын ево	Производит волными			15 000 ру.
На Васильевском острову	Директора Ивана Чиркина Заведена по указу Комерц-коллегии 1737 года отцом ево Родионом Чиркиным//	Работы не производятся в 1767 году за при- ключившимися пожарами и прочими разо- рениям			
На Литейной части близ Ново-Девичья монасты- ри	Умершаго Санкт-петербургского купца Ивана Терентьева жены Целатей Анисимовой Заведена в 746 году по прежде данному из Манифактур- коллегии в 1744-м году обще с коллежским ассесором Саввою Яковлевым с прочетом указу, по смерти ж онаго Терентьева оная фабрика числится за женою ево помянутою Целатеею Анисимоной	Крепостных 5 —			2 000 ру.
В Московской Ямской слободе	Санкт-петербургского купца Семона Галанктионова Заведена в силу данного из Манифактур-канторы в 1746-м году отцу ево указу	Производит наемными			7 200 ру.
В Матисовой слободе	Иноземки Марьи Лапхарши Заведена в силу указа Манифактур-коллегии по указу Манифактур-канторы 1746-го года июля 11 дня мужем ево Яганом Лайхартом, а по смерти ево содержит она, Лапхарша	Производит волными наемными людми			100 ру.
На Выборгской части	Санкт-петербургского купца Ивана Лукьянова Заведена по указу Манифактур-коллегии 1750-го года 30-го генваря// <i>Коженыя и замшеныя</i> Умершаго Санкт-петербургского купца Дмитрея Афанасьева аследников	Производит волными			2 000 ру.

л. 97об.

1	2	3	4	5	6
В Московской части в Коретной кузнецкой слободе	Заведена по указу Мануфактур-коллегии 1750 года 7 мая	Работы не производится с 763 года за похищением бывшими при фабрике мастерами капитала и за недоведением от Главной полиции к постройке вместо ветхого вновь деревянного строения			
В Клепиковой мызе около деревни Горюк	Иноземки Магдалены Фростовой Заведена по указу Коммерц-коллегии в 737-м году бывшим мужем ее иноземцом Симоном Динкулем, а по смерти его с 756-го году велено содержать жене его с детьми	Производит волными			2 000 ру.
В Крапштаге	<i>Кожевенная</i> Санкт-петербургского купца Афонася Зайцова Заведена по указу Мануфактур-канторы 1751-го году 8 октября	Производит волными			1 000 ру.
В московской Ямской слободе	Иноземца Ивана Рыхтера Заведена по указу оной же Канторы 1751-го году Санкт-петербургским купцом Афонасьем Гурьевым и в 756-м году за несостоянием оного Гурьева за вексельной иск продана оному Рыхтеру// Санкт-петербургских купцов Ивана Фофанова и Василья Еремеева Заведена по указу Коммерц-коллегии с 739 года купцом Михайлом Аряпиным, а потом содержать велено в 1744 году по указу Мануфактур-канторы купцу Емельяну Бармину, в 747-м году купцу Соболеву, в 1757-м году по уступке его — Ивану Бармину, Петру Проскорякову и Ивану Фафанову, а в 1772 году Проскорякова и Бармина части купца объявленной Еремеев	Работы не производится с 768 году за содержанием его Рыхтера Главного магистрата в Канторе под караулом за вексельной иск			
На Литейной части близ Александровского монастыря	<i>Кожевенная и сыромятная</i> Санкт-петербургского купца Алексея Басалаева Заведена по указу Мануфактур-канторы 1758-го ноября 17-го	Производит работу волными наемными людьми			800 ру.
В Московской части		Производит работными волными			300 ру.

л. 98об.

Т а б л и ц а 3 (продолжение)

1		А именно:	2		Сколько каких людей	Мужская	Женская	В каком капитале
					3	4	5	6
В Ямской слободе	Ямщика Михаила Нуцкого Заведена по указу оной же Канторы 1759 году 7 сентября дедам ево Васильем Нуцким, по смерти ж ево содержал сын ево Иван, а по ево смерти содержит оного Ивана сын, поминутый Михаил Нуцкой	Производит волными	300 ру.					
На Васильевском остроу	Коженица Саксонского уроженца Георга Гесселера Заведена по указу оной же Канторы 760-го года сентября 25 дня//	Производит волными	6 000 ру.					
В Московской части	Умершаго Санкт-петербургского купца Михаила Холезова жены вдовы Акилины Холезовой Заведены по указу Манифактур-канторы 1762 года июня 18-го дня показанным Холезовым, а по смерти ево содержит поминутая жена ево	Производит работу волными	40 000 ру.					
На Выборгской части	Умершаго Санкт-петербургского купца Андрея Серикова жены вдовы Натальи Сериковой Заведена по указу оной же Канторы 1761-го года октября 19 объявленным мужем ео	Производит волными	3 000 ру.					
В Тихвине	Тихвинских купцов Ивана Калашникова и Василья Брюшкова Заведены по указу Манифактур-канторы 1764 года февраля 11-го и марта 30-го числа Санкт-петербургского купца Леонтия Чебенева	Работы не производится с 770 года за agreement фабрик						
На Петербургской части	Заведена по указу оной же Канторы в 1758-м году Санкт-петербургским купцом Григорьем Басалаевым, а 764 года марта 29 дня по уступке ево та фабрика записана за оным Чебеным	Работы не производится с 768 года за обещанным строением и за неутвордом от полиции другого места						
На Адмиралтейской части	Санкт-петербургского купца Кирилы Петрова Заведена по указу оной же Канторы 1767-го года июля 4 дня//	Работу производит волными	500 ру.					

1	2	3	4	5	6
л. 99об.	Санкт-петербургского купца Льва Мануилова Заведена по указу Манифактур-канторы 1767-го года 14-го августа им, Мануиловым, обще с Санкт-петербургским купцом Борисом Поповым, по смерти которого содержит он Мануилов Выехавшего из Саксенбурга кожевного мастера Иоган Вольфганг Фишера Заведена по указу оной же Канторы 1774-го года 11 марта Санкт-петербургского купца Антипа Перцова Заведена по указу оной же Канторы 1767-го года 23 генваря <i>Сыромятная и овчинная</i> Господинна генерал-майора Измайлова поверенного его Василья Огородникова Заведена в силу указа Манифактур-коллегии 1767 года 27 июля// <i>Кожевая, сыромятная и овчинная</i> Санкт-петербургского купца Никиты Артемьева Заведена по указу Манифактур-канторы 1770-го года 31 марта <i>Кожевая</i> Бывшаго Новгородскаго магистрата президента Семена Иванского Заведена по указу Манифактур-канторы 1767-го года 25 генваря им, Иванским, обще с новгородским купцом Филипом Власовым, по смерти которого содержит один Иванской <i>Канатная</i> Умершаго аглинского купца Роберта Крампа жены вдовы Корнели Крамповой Заведена по указу Манифактур-коллегии 1754 года 28 февраля оным ее мужем	Работу производит наемными Производит волными Производит волными Производит волными Производит волными Производит волными Производит волными			800 р. 1 000 р. 3 025 р. 500 р. 300 р. 5 650 р. 10 000 р.
На Гадае острове					
На Адмиралтейской части					
В Риском уезде в мызе Алашь					
В Киргоском киорипшиле в мызе Стубензи					
В той же мызе					
В Новгороде					
В Санкт-Петербурге на Васильевском острове					

Т а б л и ц а 3 (продолжение)

1		А именно:		2		3		4		5		6					
На оном же		Санкт-петербургского прядильного цеха мастера Степана Клишина		Заведена по указу Манифактур-канторы 1761 году//		Умершаго аглинского купца Эдвард Фоуля наследников		Заведена по указу Манифактур-коллегии 1754 года аглинским купцом Гаком, и по смерти его по утиненной духовной в 761-м году по указу Манифактур-канторы та фабрика записана за Фоудем, а репортот из Манифактур-канторы объявлено, что она фабрика по духовной Фоуля записана за аглинскими купцами Николаем Коновахом и Яковом Сафрий, и о содержании оной из той Канторы и указ с прочетом в 1774-м году дан. А по продаже от них записана за аглинскими купцами Келием и Меером		Производит волными		150 ру.					
На оном же Васильевском острове на острове Голодае		Калужского купца Андрея Губкина		Заведены 1-я по указу Манифактур-коллегии 1753 года Санкт-петербургским купцом Алексеем Дорофеевым, а в 1758-м году по указу Манифактур-канторы по продаже от него записана за Губкиным, а другую оным же указом позволено завести ему, Губкину//		Санкт-петербургского купца Василья Олхина		Заведена по указу Манифактур-канторы 1758 года умершим Санкт-петербургским купцом Михаилом Федоровым, а с 769-го года по покупке со укционнаго торгу за вексельной иск, поданой из сей Канторы, имеет владение реченой Ольхин		Иностранного купца Юрья Пфлюга		Заведена по силе определения Манифактур-коллегии в 723 году иноземцом Эвенсом. А в 733-м году по определению Комерц-коллегии велено ту фабрику содержать Франц		Производит волными		2 000 ру.	
Одна на Петербургской части, а другая в городе Калуге		На Васильевском острове		На Выборской части		На оных фабриках работы не производятся с 764 года по одиначеству его и по другим купецким делам		Работы не производилось с 765 году за не-расходом прежде наделанных канатов		Работу производит военными		14 474 ру. 40 ко.					

1	2	3	4	5	6
л. 101об.	На Выборской части Там же	Гарднеру, и в 743 году о содержании ему дан из Манифактур-канторы указ. А 761-го года 24 сентября по продаже жены оного Гарднера и детей по указу оной же Канторы велено содержать Пфлюгу Санкт-петербургского купца Ивана Набагова Заведена по указу Манифактур-канторы 1757 года 5 декабря// Санкт-петербургского купца Алексея Авчинникова Заведена отцом его Григорьем Авчинниковым с 733 года, и по указу Правительствующаго Сената он, Авчинников, за слабое той фабрики содержание ис фабриканов был отрешен. А после того, в силу кабинетской резолюции, содержал он по-прежнему, и в 747-м году из Манифактур-канторы указ с прочетом дан. По смерти ж его содержит сын его показанной Алексей Авчинников Умершаго Санкт-петербургского купца Василья Десятильникова жены вдовы Анны Десятильниковой с детьми Заведена по указу Манифактур-канторы 1751-го году 11-го декабря показанным мужем Умершаго Санкт-петербургского купца Ивана Терентьева жены вдовы Пелагеи Анисимовой Заведена Санкт-петербургским купцом Богданом Снетлером. А с 744-го года по покупке ис Канторы конфискации содержал объявленной Терентьев// Санкт-петербургского купца Емельяна Авчинникова Заведена по указу Манифактур-канторы 1758-го года 5-го октября Умершаго торгового иноземца Семена Брумберха наследников Заведена по указу Манифактур-коллегии 1753 года 30 января	Производит волными Производит волными Крепостной 1 — а прочие волными	200 ру. 500 ру. 6 000 ру.	Работы не производится с 764-го года за разорением той фабрики О состоянии той фабрики ведомостей с 763-го году нет, и Авчинников находится на фабрике Пфлюга, о чем чинится рассмотрение Ведомостей в подаче нет с 767 года
л. 102	На Васильевском остроу В Шлюсенбургском уезде				

Т а б л и ц а 3 (продолжение)

1	А именно:	2				В каком капитале
		3	4	5	6	
В Санкт-Петербурге на Адмиралтейской стороне	Шляпные Санкт-петербургского купца Филиппа Сокольниковца Заведена в силу указу Мануфактур-коллегии по указу Мануфактур-канторы 1761-го года 15 декабря	Взятых по ревизии	5	—	1 000 р.	
На Адмиралтейской части	Умершего шляпного мастера Жан Румье жены Марьи Петровой Заведена по указу Мануфактур-канторы 1758 году 28 ноября оным ее мужем	Производит волными	5	—	500 р.	
На оной же	Города Сарбакона шляпного подмастерья Иоганн Петер Буша Заведена по указу оной же Канторы 1767 года июля 6 дня//					
На оной же	Умершего шляпного подмастерья Эрих Ловена жены вдовы Эстер Ловенши Заведена по указу оной же Канторы 1762 года 29 октября	Производит волными			800 р.	
На Адмиралтейской части	Города Любека шляпного подмастерья Ионас Гилье Заведена по указу Мануфактур-канторы 1767-го года июля 6 дня	Работы не производится с 764 года за оставшими после мужа ее долгами				
В Московской части	Города Копенгагена шляпного подмастерья Пиер Гилье Завестъ позволено по указу оной же канторы 1767-го года июля 6-го	Работы не производится с 769 году за неполучением из Москвы потребных к деланию шляп материалов				
	Умершего выборского жителя Петра Клинта жены вдовы Марья Клинтовой	1769 году 29 мая репортом от него объявлено, что по покупке близ Александра Невского монастыря строения, делания шляп производить будет. Почтию поныне ведомостей нет				

л. 102об.

1	2	3	4	5	6
В Выборге	Заведена по указу оной же Канторы 1757 года 27-го февраля	За наименением с 763-го году ведомостей неизвестно			
В Санкт-Петербурге на Адмиралтейской части	<i>Сургуучная</i> Иноземца Якова Баргса Заведена по указу Комерц-коллегии 1735 года 24 декабря// Ведомства Канцелярии от строений государственных дорог Лекаря Петра Штрума Заведена по указу оной же Канторы 1769-го года 29-го мая	Работает сам			1 000 ру.
При Тоснинском Яму	<i>Стелаянная</i> Примьер-майор Франц Вернизобера Заведена по указу оной же Канторы 1769 года 26 мая	Крепостной	1	—	200 ру.
В Капорском уезде в мызе Коскулове	Санкт-петербургского кушца Тимофея Козлова Заведена по указу Манифактур-канторы 1759-го года июня 28 дня им, Козловым, обще с Санкт-петербургским кушцом Иваном Курабцовым. А в 770-м году по общему их прошению определением оной Канторы велено ту фабрику числить за одним Козловым	Производит волными			12 554 ру. 62 ко.
В Олонецком уезде в Шальском и Подожском погосте	Иноземцов Карл Стумфа, Соломона Шейффелера и Акоб Петер Ланга Заведена по указу оной же Канторы 1765-го года 26 августа одним Стумфом, который в 1767-м году принял к себе в компанию показанных Шейффелера и Ланга// Кушцов: новоладожского Ивана Долгова и олонецкого Анкидина Мартыанова Заведена по указу оной же Канторы 1771-го года 18 марта одним Долгим, а оной в 772-м году приняли в товарищи оного Мартыанова	Производит работу волными			10 000 ру.
В Выборской губернии в деревне Мецкугле		Производят волными			7 650 ру. 89 ко.
В Олонецком уезде в Шальском погосте		Производят волными			6 500 ру.

л. 103об.

Т а б л и ц а 3 (продолжение)

	А именно:	Сколько каких людей	Мужска	Женска	В каком капитале
1	2	3	4	5	6
На Выборской части	<i>Мыльные</i> Директора Ивана Пучина и купца Алексея Дестильникова Заведена по указу оной же Канторы 1766-го года	Работа не производится с 770-го года за неотысканием мастера			
На Петербургской части	Мыльного мастера Кашпар Мейера Заведена по указу оной же Канторы 1769 года 22 декабря	Производит волными			250 ру.
На Адмиралтейской части	<i>Картинныя</i> Картанного мастера Дидрих Бенедикт Шеера Заведена по указу Манифактур-канторы 1767-го года июля 4 дня //	Производит волными			2000 ру.
На оной же	Французского купца Бернард Рамбоа Заведена по указу оной же Канторы 1771-го года 31-го мая	Производит волными			3300 ру.
На оной же	Цесарской нации бумажного мастера Шарль Денанга Заведена по указу оной же Канторы 1771-го года 20-го июня	Производит волными			1500 ру.
В Московской части	<i>Шелковые</i> Санкт-петербургского купца Ивана Дьяконова Заведена по указу Манифактур-коллегии 1758-го году 23-го марта	Работы не производится с 764 года за запечатанием той фабрики Канцелярии конфискации от канторы			
На Васильевском остроу	Армянина Богдана Хачвердова Заведена по указу Манифактур-канторы 1771-го году 21 сентября <i>Делания флеров и багровы шелковыя и сырцовыя</i> Купцов: Санкт-петербургского Семена да белевского Петра Азаровых	Присланных из Манифактур-канторы 2 — Прочия волныя			2010 ру.

1	2	3	4	5	6
л. 104об.	Заведена по указу оной же Канторы 1772-го года февраля 1-го дня// <i>Делания и печатания разными красками на полотне и шелковых матерей</i> Саксонской нации барона Гендрих фон-Януса <i>Красочная, сурочная и белильная</i> Санкт-петербургских купцов Федора Емпишкова и Кирилы Попова Заведена в силу указа Правительствующаго Сената по указу Манифактур-канторы 1758-го года <i>Красочная и медных мастеров</i> Мастера Даниила Григорьева Заведена была по данному ис Правительствующаго Сената в 1761-м году указу <i>Провололочная</i> Примьер-майора Франц Вернизобера Заведена по указу Манифактур-коллегии 753 года по-рутиком Никитой Шестаковым. А 765-го году марта 18 дня по определению Манифактур-канторы, а по покупке от дочери оного Шестакова содержит вышеописанной Вернизобер// <i>Вощаночная</i> Директора Ивана Чиркина, купцов: Даниила Свицова и Григорья Николаева Заведена по указу Манифактур-коллегии 1754-го года <i>Бумажных шпалер</i> Ево ж Чиркина Заведена по указу Манифактур-канторы 764 года марта 31 дня Санкт-петербургского купца Василья Ольхина Заведена по указу оной же Канторы 1763 года декабря 5 дня	Производит волными Производит волными Крепостных 73 — Работы не производится с 763-го году за его несостоянием Работы не производится с 764 года за неотыс- канием мастера Крепостных 9 — — Производится теми ж людьми и капиталом Работы не производится с 765 году за нерос- ходом прежде сделанных шпалер	5000 ру. 2000 ру. 26 000 ру.		
л. 105	В Копорском уезде в Соснинском погосте В Санкт-Петербурге близ Охтенских слобод В том же месте На Выборской стороне				

Т а б л и ц а 3 (продолжение)

	А именно:	Сколько камен людей	Мужска	Женска	В каком капитале
		3	4	5	6
1	2				
На Литейной части	<p><i>Поплаченная и картина</i></p> <p>Умершего надворного советника Семёна Роговникова наследников</p> <p>Заведена по указу Мануфактур-коллегии 753 года 27 октября</p>				Ведомостей в подач, нет с 766-го году
В Московской части	<p><i>Ватная</i></p> <p>Швейцарца Иакор Фрейлера</p> <p>Заведена по указу Мануфактур-канторы 1763 года 28 февраля</p>				Работы не производится с 764-го году за не-расходом сделанных ват
На Выборгской части	<p><i>Беленная вощу</i></p> <p>Санкт-петербургского купца Леонтия Горбылева</p> <p>Заведена и содержится на казенном коште, и в 723 году по определению Мануфактур-коллегии отдана в вечное владение Ивану Полуярославцову. А в 764-м году по указу оной же Коллегии велено содержать показанному Горбылеву//</p>				Работы не производится с 764 году за разво-рением по табашному откупу
На Васильевском ост-рову	<p><i>Слесарная</i></p> <p>Саксонца Яган Христиан Гольде</p> <p>Заведена по указу Правительствующаго Сената 1761-го года 17 ноября</p>	Отданных из Мануфактур-канторы учени-ков	2	—	4000 ру.
На оном же	<p><i>Часовая</i></p> <p>Выехавших из-за моря фабрикантов Сандо и Баселье</p> <p>Заведена в силу именного ея императорского величества указу по указу Мануфактур-канторы 765 года им. Сандо и Басеем, обще с товарищем Журине, которой умре. На заведе-ние той фабрики того ж года 8 июня выдано бес порук и бес</p>	Наемных: иностранных российских	7 } 13 }	— —	Выдано ис казны 18 000 ру. Дом куплен 7 500 ру .

л. 105об.

1	2	3	4	5	6
На оном же	<p>процентов на 10 лет 18 000 ру. с платежом по пропущенн тех 10-ти лет в три года по равным частям. Да им же куплен ка- менной дом за 7500 ру.</p> <p><i>Красильная</i> Красильница Августа Христиан Крауза Заведена по указу Манифактур-канторы 1767-го года июля 4 числа</p> <p><i>Глантерейная</i> Выехавшаго из-за моря фабрикана Адора Заведена в силу именного ея императорскаго величества указу по указу Манифактур-канторы 765 году им, Адором, и на заведение оной того ж году 8 июня выдано бес порук и бес процентов на 8 лет 13800 рублей с платежом по пропущен- вию тех лет в три года, по равному числу. Да ему ж куплен каменной дом с платежом указанных пошлин за 12 668-м ру. 51 ко. //</p>	Работа не производится с 1770 года за згоре- нием той фабрики			
На Адмиралтейской части	Французского купца Лямбушета	Наемных: иностранных 8 } 41 российских 3 }	Выдано ис казны 13 800 ру. Дом куплен 12 668 ру. 51 ко.		
На оной же	<p><i>Бронсовая</i> Заведена по указу Манифактур-канторы 1772-го года 7 июня</p>	Работа началась 1772 году июля с 22 числа, а какой капитал, за ноподатчу в Кантору ве- домостей неизвестно			
На той же	<p><i>Делания полушелковых парчиц и швейцарских платков</i> Швейцарского уроженца Соломона Нейхума Заведена по указу оной же Канторы 1769 году 26 мая</p>	Работы не производится с 1771 года за не- привозом из Москвы потребных материалов			
В Копорском уезде в мызе Ропше	<p><i>Шелковые ленты</i> Майора Фонтомеля Заведена по указу оной же Канторы 1767 года мая 15 дня</p>	Ведомостей в подаче с 768 году нет. Да и он, Фонтомель, по многим послылкам не сыскан. О чем и опубликовано			

Т а б л и ц а 3 (продолжение)

1	А именно:	2	Сколько капи- людей	Мужска	Женска	В каком капитале
На Адмиралтейской части	<p>Красильная</p> <p>Купцов Соли Галицкой Илья Добрецова и любымского Алек- сея Китигина</p> <p>Заведена по указу оной же Канторы 1772 года</p>		3	4	5	6
	<p>Итого: в Санкт-Петербурге на Адмиралтейской, Литей- ной, Московской и Петербургской частях, на Васильевском острову и на Выборской стороне фабрик — 74. Около Санкт-Петербурга в разных городах и уездах — 30. Всего — 104. //</p>	<p>Крепостных</p> <p>Малолетних</p> <p>Да для обуче- ния отданных из Манифак- тур-канторы учеников</p> <p>Отданных по указом</p>	330	41		Всего капи- талу 923 645 ру. 10 ко; Выдано ис казны 31 800 ру., да на по- купку дворов 20 168 ру. 51 ко.
	<p>Да сверх того нижеписанным людям по указом Манифактур- канторы дозволено завести ниже означенныя фабрики, токмо оныя заведены ль и где, в подаче репортов нет. А именно: 1771-го году</p> <p>Выборскому мещанину Якову Лунду и городскому секретарю Петр Вильгельм Тестлеву — стеклянную</p> <p>Профессору и Дерптскому депутату Якову Иоган Урси- нусу — делания из хлопчатой бумаги разных товаров</p> <p>1772 года</p> <p>Санкт-петербургским купцам Филиппу Светинину и Петру Шебаршину — кожевную</p> <p>Бышему в голстинской службе обер-крикс камисару Иогану Фонцейсу да иностранному купцу Иохани Шпирингу — масленую и мыльную</p>					

л. 106об.

1	2	3	4	5	6
	<p><i>Шляхыныя</i></p> <p>Господину генерал-поручику Ивану Степановичу Рамбору, города Ростка уроженцу Иогану Цейхнеру, Санкт-петербургскому купцу Михаиле Швалеу, господину подковнику Бороздину — шелковую тавяную, господину генерал-поручику Фонбергу — коженую</p> <p>Да по присланым из Манифактур-канторы репортам значится вновь: позволения даны в заведении и в производстве фабрик по данным из оной Канторы с прочетом указом//</p> <p><i>в 1773 году</i></p> <p>Иностранному уроженцу города Гданска Христиану Гиндрих Бауеру — делания проволоки золотой и серебряной, бияи и блездок и прядения на шелку того золота и се-ребра</p> <p>Господину, генерал-аншефу обер-гоф-маршелу действительному камергеру и ковалеру граф Карлу Ефимовичу Сиверсу — бумажной</p> <p>Англичанину Иогану Далмону — ситцовой</p> <p>Швецкой нации уроженцу Карл Магнусу Боргу — шляпной</p> <p><i>в 1774-м году</i></p> <p>Иностранному купцу французской нации Францоу Клорд-Десентаону — картной</p> <p>Саксонскому уроженцу Иоган Георг Гану — коже-венной</p> <p><i>в 1775-м году</i></p> <p>От армии господину генерал-майору Бороздину — сте-кляной фабрики в Новгородском уезде</p> <p>Аглинскому купцу Александр Куку — канатной в Крон-штате за городом</p> <p>Архангелогородскому купцу Прокофью Пругафину — канатной в городе Архангельском//</p>				

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	1
<i>В. И. Буганов.</i> Любомир Григорьевич Бескровный. Творческий путь . .	3
Библиография трудов Л. Г. Бескровного	15

I. ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

<i>А. К. Зайцев.</i> Домагощ и границы «Вятчей» XII в.	21
<i>В. А. Кучкин.</i> О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских булгар в XII — первой трети XIII в.	31
<i>В. Д. Назаров.</i> Дмитровский удел в конце XIV — середине XV в. . . .	46
<i>Н. Б. Шеламанова.</i> К истории западной границы России в первой половине XVII в. (Серпейский участок по Поляновскому миру 1634 г.) . . .	63
<i>Я. Е. Водарский.</i> Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII — начале XVIII в.	70
<i>В. И. Буганов.</i> К вопросу о географии Второй Крестьянской войны в России	97
<i>Б. В. Тихонов.</i> Миграции фабрично-заводских рабочих в Шуйском уезде Владимирской губернии (по материалам земской подворной переписи 1899 г.).	104
<i>Н. А. Курашова.</i> География групповых рабочих сборов на газету «Правда» в 1912 г.	120

II. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

<i>А. А. Преображенский.</i> К проблеме общественного разделения труда в Русском государстве XVII в.	129
<i>М. Я. Волков.</i> Города Тверской провинции в первой четверти XVIII в. .	143
<i>И. А. Булыгин.</i> Монастырское хозяйство в России в первой четверти XVIII в.	164
<i>А. И. Юхт.</i> Торговые связи Астрахани в 20-х годах XVIII в.	177
<i>Э. Г. Истомина.</i> Вышневолоцкий водный путь во второй половине XVIII — начале XIX в.	193
<i>И. Т. Довженко.</i> Сельскохозяйственные общества дореволюционной России, их особенности и размещение	207

III. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

<i>Л. А. Гольденберг.</i> К вопросу о картографическом источниковедении . .	217
<i>С. М. Троицкий.</i> Записка сенатора Н. Е. Муравьева о развитии коммерции и путей сообщения в России (60-е годы XVIII в.)	234
<i>Е. И. Индова.</i> О российских мануфактурах второй половины XVIII в. .	248

**Историческая география России
XII — начала XX в.**

**Сборник статей
к 70 летию
Л. Г. Бескровного**

**Утверждено к печати
Институтом истории СССР АН СССР**

**Редактор А. И. Юхт
Редактор издательства Г. Д. Капустина
Художник В. К. Бисенгалиев
Художественный редактор В. А. Чернецов
Технические редакторы Э. Л. Кунина, А. М. Сатарова
Корректоры Г. И. Сурова, Л. И. Харитонova**

**Сдано в набор 6/VI 1975 г.
Подписано к печати 10/XII 1975 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 1.
Усл. печ. л. 31,85. Уч.-изд. л. 34,0.
Тираж 5550. Т-18377. Тип. зак. 2536.
Цена 2 р. 74 к.**

**Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10**